

Культ
СВОБОДЫ

•
*Этика и
общество будущего*

I - III

Илья Свободин

2012

Аннотация автора

В книге излагается концепция Объективной этики (ОЭ), под которой понимаются цель, смысл и принципы как правильного поведения разумного существа, так и правильно устроенного общества разумных существ. Книга показывает связь объективной этики со свободой, описывает как этика возникла в истории человечества, объясняет зачем она нужна. Книга демонстрирует почему ОЭ - единственно возможная истинная этика. Истинность (как и объективность) этики вытекает из того, что ее источник находится в объективной реальности, независимой от любого возможного морального агента (субъекта). Объективная этика является основой для действий и отношений между свободными людьми не связанными лично. Она не имеет ничего общего с религией, традициями или наукой. Основания ОЭ чисто метафизические, а ее практические нормы находятся посредством справедливого договора. Однако ОЭ не основана на договоре, скорее это договор основан на этике. Универсальным общим основанием, целью и условием консенсуса является свобода и чтобы достичь его ОЭ требует уничтожения всех форм насилия, принуждения, угнетения, давления и пр., которые могут повлиять на свободное выражение воли. Таким образом, ОЭ ведет (и вела ранее) человечество к справедливому и свободному обществу, которое является моральной альтернативой нынешнему насильственному порядку, и набросок которого также представлен в книге. ОЭ не приносит практической пользы, благ или выгод, и ее конечная цель - абсолютная (метафизическая) свобода, несмотря на то что она недостижима. ОЭ помогает найти объективную истину и отличить объективно хорошее от объективно плохого в повседневной жизни.

Предупреждение

К вам попала книга, которая заставит вас размышлять о бесполезных, скучных и крайне абстрактных вещах, и скорее всего вызовет раздражение и сожаление о потраченном времени. Кроме того, у нее несчастливый конец. Зачем она написана? Низачем. У автора было много свободного времени.

Книга не имеет логической структуры и состоит из трех неравных частей, весьма приблизительно отражающих последовательность авторских раздумий о свободе. Она начинается с анализа естественных прав, продолжается синтезом этики общественного договора, а кончается рассмотрением некоторых ключевых вопросов организации свободного общества.

Первую часть книги можно без ущерба пропустить. Цель ее была разобраться скрывается ли нечто объективное, т.е. независимое от субъективных моральных предпочтений, за идеями «естественных» прав и можно ли это нечто положить в фундамент свободного общества. Выяснилось, что объективен лишь отказ от насилия олицетворяемый общественным договором. Однако в процессе анализа исходная позиция - неприятие морализаторства - претерпела некоторое изменение. Договор невозможен без морали. Отсюда вытекла Объективная этика, которой посвящена вторая, главная часть. Что до прав, их создатели старались не столько найти истину (за пару тысяч лет уж всяко можно), сколько придумать как бы ограничить насилие со стороны власть имущих. Конструкции прав - лишь их субъективные попытки предугадать исход договора.

Имейте пожалуйста в виду, что хоть книга и не является учебной, научной, узко-специальной, профессиональной, философской или какой-то «академической», ее трудно читать. Ее язык насмешлив, многое подразумевается оставаясь недосказанным, а содержание от начала до конца вымышлено и представляет собой только авторское мнение, которое можно не - а можно и - учитывать в собственных размышлениях о моральных основах свободного общества. Любые совпадения с расхожими истинами, популярными теориями, мнениями других авторов или, не дай бог, с авторитетными трудами Великих и Величайших Мыслителей абсолютно случайны и подлежат полному игнорированию. Все упомянутые имена и названия не имеют никакого отношения к тому, что они обозначают. Ошибки не являются ошибками, а выводы - выводами.

У книги нет ни редактора, ни издателя. Ее сырой текст - наивная и одновременно нахальная попытка докопаться до истины лежащей в основе «всего». Истина откопалась и популярно изложена в книге «Абсолютное Зло и другие парадоксы объективной этики». Настоящая может быть интересна лишь представителям той редкой категории людей, кто любит самостоятельно вникать в суть вещей. А также тем, кому интересно как родилась Объективная этика - величайшее из открытий, до сих пор не открытое.

Оглавление

Том I. О естественном

<i>Естественна ли свобода?</i>	6
<i>Бессмысленность детерминизма - Выбор насилия - Смысл свободы - Свобода и возможности</i>	
<i>Естественна ли частная собственность?</i>	17
<i>Нужда и свобода - Собственность - Два вида пользы - Свободный обмен - Начало собственности - Дележка</i>	
<i>Естественно ли «право на жизнь»?</i>	33
<i>Две сферы общества - Великий Конфуз - Государственная "мораль" - Ценность человека - Или стоимость?</i>	
<i>Ода разуму</i>	45
<i>Естественно ли насилие? - Откуда пошло неприятие насилия? - Он не мог поступить иначе - Где источник морали? - Перерождение эволюции - Бессилие разума - И его всесилие</i>	

Том II. Об этике

<i>Эволюция морали</i>	58
<i>Индивид против коллектива - Первобытный альтруизм - Справедливость и нормы - Расширение коллектива - Расслоение коллектива - Современность - Будущее</i>	
<i>Объективная этика</i>	128
<i>Главная человеческая черта - Совесть - Моральные абсолюты - Договор - Самоограничение - Терпимость и деликатность - Эгоизм - Альтруизм - Справедливость - Достоинство - Автономия - Власть - Право - Нормы и свобода</i>	
<i>Деятельность и смысл</i>	197
<i>Цели и ценности - Рациональность и ее отсутствие - Реальные действия - Время и (ир)рациональность - Свобода и общее благо - Практические блага - Экономика свободы - Творчество, красота, новое - Насильственное благо - Ложное общее благо - Противодействие насилию</i>	
<i>Отношение и отношения</i>	266
<i>Мораль и этика - Личная и публичная сферы - Диаметральные свойства сфер - Личные отношения - Конфликты морали и этики - Публичные отношения - Моральный конфуз - Субъективное и объективное - Дискриминация - Классы -</i>	

Истина и ее окрестности **336**

Загадка моральной истины - Рвзгадка моральной истины - Размышление о размышлении - Информация - Информационный капитал - Убеждения и истина - Обоснование и договор - Моральное насилие - Идеологическое насилие - Научная мораль

Том III. Об обществе

Безопасность: между рынком и государством **408**

Рыночная мечта - Страх и деньги - Конфликт и договор - Функции - Структура - Правосудие - Внешняя угроза

Деньги: между обещанием и принуждением **427**

Происхождение и функции денег - Частные деньги - Ценность денег - Необеспеченные деньги - Денежная система будущего - Прозрачная экономика

Рынок: между сотрудничеством и соревнованием **448**

Личная "свобода" и социальное равенство - Мотивы рынка - Этичная конкуренция - Возможности и изобилие - Проблемы этичной конкуренции - Ценность - Эквивалентный обмен

Наследование: между чумой и проказой **471**

Зло в нашей жизни - Племенной атавизм - Смерть публичной сферы - Спасение души и свободы

Культ свободы **493**

Приложения

Манифест (2014) **505**

Устройство свободного общества (2014) **508**

Естественна ли свобода?

Приветствую вас, други мои и соратники!

Простите за долгое молчание. Новое место всегда требует времени, чтоб освоиться и обвыкнуться. Но вот я мысленно с вами и могу излить на вас идеи о том, чего мне больше всего не хватает.

Известно, что когда человека лишают воли, его тянет на размышления. Некоторые пишут книги, некоторые изучают языки, а остальные, в качестве изоцированной мести, разрабатывают политические программы. Этот необъяснимый факт имеет важные последствия. Ведь если подумать, подобные размышления в какой-то степени присущи каждому из нас, не только лишенным воли. А это уже настораживает. Вызывает пугающие сомнения. В частности, не потому ли мы размышляем, что несвободны? И получится ли у нас размышлять, будучи свободным? А если человека не тянет размышлять - значит он просто свободен? Если размышлять - свойство человека, отличающее его от животных, значит животные свободны, а люди нет?

От этих вопросов болит голова и хочется освободиться, в том числе от мыслей и от сомнений. Но если что такое мысли и сомнения - известно каждому, кто ими страдал, то что такое свобода известно только тому, кто ее потерял. А раз все мы размышляем о свободе, значит ее у нас не было и нет. И мы просто хотим понять - что это такое? Как оно выглядит? Где его взять?

1 Бессмысленность детерминизма

Для ответа надо начать с самого начала. Предположим, что нас нет, а есть только неживая материя. Есть там свобода? Нет. Хотя нас там и нет, но мы догадываемся, что в природе есть законы и все им подчиняется. Детерминизм деленный на случайность и помноженный на неопределенность. Нет смысла вдаваться в детали того, откуда взялись эти странные вещи и взялись ли они благодаря особому закону. Материя постоянно что-то порождает и это очень похоже на закон, потому что иначе она не может. Разумеется, если идти еще дальше в ту сторону и спросить - откуда взялась сама материя, то можно узнать много нового и интересного о нашей горестной жизни. Но мы туда не пойдем, потому что там нет свободы, а мы, друзья мои, ищем только ее.

Теперь заглянем в мир животных. Свободны ли животные? Конечно животные не могут размышлять, но они (и мы тоже) знают - нет. В мире животных тоже правит закон - выживает сильнейший. Вряд ли можно считать, что кто-то свободен, если он постоянно принужден к борьбе за выживание. То есть тот же самый детерминизм, только в профиль - детерминизм силы. Но конечно виновато не только насилие закона леса.

Всякой живой твари надо кушать, дышать и тому подобное, без чего остаться живым получится недолго. То есть насилие со стороны неживой материи тоже присутствует. Но если насилие материи было и раньше, то закон леса - изобретение самих живых тварей. А это уже приводит нас к человеку. Если брать человека в чистом, так сказать, виде - как часть мира животных, то он конечно не свободен. Так же как и все прочие животные, он должен выживать. Не только потому, что ему надо есть. А главным образом потому, что его съедят - он, может, и не успеет проголодаться. То есть закон леса продолжает нас подчинять.

Поэтому ничего не остается, как признать - это именно общество дарит нам свободу. Или только обещает. Но как ему это удастся? Первое соображение самое очевидное - нас много, мы сильнее и животные нас уже не съедят. Мы даже природу можем поправить, если что. Но это на самом деле мелочи. Во-1-х, есть и дышать нам все таки надо. А во-2-х, закон леса - он и в обществе действует. А потому вечный вопрос о свободе продолжает стоять так же остро, как он встал в самом своем начале.

Откуда берется свобода?!

Попробуем теперь начать с конца - с закона леса. Животные хватают все, что им надо, а потом спасаются от тех, кто хочет схватить их. Люди, в принципе, могут вести себя так же. И ведут. Однако в отличие от животных, люди могут размышлять. И как мы уже знаем, чем меньше у них свободы, тем сильнее их тянет на размышления. Поэтому результат размышлений будет очевидный - люди договорятся. Например, самцам животных нужна самка. Изза нее они кусают друг друга. То ли дело люди. Они просто по-дружески договорятся и все. Все счастливы. Вроде мелочь, но на самом деле нет. Эта мелочь - умение договориться - порождает нечто удивительное: позволяет обойтись без насилия. Опровергнуть закон леса. А это уже не только отличает людей от животных, но и дает нам свободу. Или только обещает - ведь люди, в отличие от животных, могут и обмануть. Впрочем, не будем пока заглядывать так далеко.

Но не поторопились ли мы? Так ли уж очевиден результат размышлений? Может оно просто подскажет лучший способ насилия?

И верно, что-то долго мы размышляем! Посмотрим, порождает ли договор свободу и если да, то как. Во-1-х, от договора появляется возможность сотрудничества. То есть можно сгрудиться и навалиться всем миром на остальных. Именно такому подходу общество обязано победе над животными с их лесом. Но ведь это явно не свобода! В конце концов волки тоже живут стаями. И отлично сотрудничают в деле борьбы с теми, кто попадется им в лапы. Поэтому надо найти "во-2-х". Для этого заглянем внутрь стаи. Победив тех, кто не вышел числом, люди на самом деле перенесли лес к себе в стаю, потому что и там теперь действует тот же закон силы - кто сильнее, тот и прав. Эта стайная иерархия - лишь продолжение внешней, природной. И до тех пор, пока человек тоже действует силой - даже в обществе - он не свободен. Он всего лишь рассматривает других как продолжение сил природы. Его поведение по прежнему детерминировано. Или он, или его. Иерархия, что в стае, что в обществе, это не свобода. Вот почему мы все только и делаем, что размышляем - наше "общество" иерархично не хуже, чем у волков. Проблема в том, что свобода требует не только размышления, но и самоограничения - отказа от силы. Но какой смысл сильному уступать? И вот тут-то появляется "во-2-х". Ответ в том, что никто - включая самого сильного - не защищен от поражения. Умение

договариваться порождает умение строить иерархии неограниченной высоты и неуправляемой сложности. А умение размышлять - оружие бесконечной мощности. Иными словами, победа призрачна, а поражение гарантировано - насилие ведет в тупик. В результате лес и детерминизм обесмысливаются, что и понятно - откуда там смысл-то, без разума?

Так благодаря размышлениям сила теряет меру, а вражда теряет притягательность. Договор - истинный плод разума: он не просто требует отказа от силы, но и сам же его, т.е. себя, гарантирует. Парадокс, из которого все остальное вытекает само собой. Стоит только раз сделать правильный выбор и на смену стае приходит общество, а на смену иерархии - плоскость. Люди становятся одинаково свободны от насилия.

С насилием леса вроде разобрались. А как с природой и ее примитивным детерминизмом? Какие горизонты открывает свобода для человека во втором случае? На первый взгляд небогатые. Человек волен отказаться от пищи и умереть. Но детерминизм не преодолевается, а если и преодолевается, то только на одно короткое мгновение - мгновение выбора. А такая короткая свобода не позволяет человеку стать свободным. Она вообще ничего не позволяет. Можно сказать, что ее нет. Но зато есть другая. Человек может отказываться от пищи постепенно, частями. Такое поведение, несмотря на его иррациональность, имеет весьма далеко идущие последствия, которые однако мы отложим до другого раза.

2 Выбор насилия

Итак, размышления показали связь между размышлением и свободой, между свободой и насилием, а также между насилием и размышлением. Связь простая - степень свободы прямо пропорциональна размышлению и обратно пропорциональна насилию. И хотя полностью избежать насилия невозможно - хотя бы потому, что люди могут случайно столкнуться лбами - свобода очевидно присуща человеку. И чем ее больше, тем больше человек становится человеком, а не волком. Или, в последнем случае, бараном.

Кстати о баранах. Как же быть с обманом? Люди же не идиоты? Да. То есть нет. Люди разумны и понимают - кто понимает! - что свобода есть результат договора. Обманывая, человек нарушает договор, а значит обман - это насилие. Что и подтверждается его последствиями. Ну и что, скажете вы, человек может добровольно отказаться от свободы и возвратиться в состояние природной невинности. Разве это не свобода? Нет, отвечу я вам. Человек не может "выбрать" несвободу. Будучи свободным, от нее, как например и от знаний, нельзя "отказаться". Опять парадокс. Свобода "выбора" предполагает только один выбор - саму свободу. Детерминизм, так сказать, сносит свободу, как курица яйцо. Но ведь есть люди, выбирающие насилие, не согласитесь вы. Нет, повторю я. Тот, кто "выбирает" насилие, нарушает договор, а значит он обманывал с самого начала и никогда не был свободным. Это волк, который притворялся человеком. А если не притворялся? - станете вы упрямыми, друзья мои, - просто передумал? Вышел из договора? Нет, не сдамся я. Потому что, какая нам разница - подло обманывал или честно передумал? Но ведь передумать так соблазнительно! Легко говорить "давайте жить дружно и быть свободными", когда даже маленький выход из договора дает большой результат в виде огромного преимущества! Кто знает,

что там дальше, победа или поражение, а преимущество вот оно - здесь и сейчас!

Ладно, сдаюсь. Ситуация, когда кто-то отказывается от насилия, а кто-то не в силах удержаться - поистине тупиковая. С парадоксами всегда так. Было бы все легко - жили бы мы давно в раю и разум был бы нам не нужен. Значит умным людям надо не мечтать о рае, призывая всех и каждого стать белым и пушистым, а поступать просто - запрещать выход из договора. Под страхом кары и во имя свободы. Иными словами - загонять несогласных в договор силой.

Но значит ли это теперь, что свобода невозможна? Ведь избежать насилия очевидно нельзя? Яйцо снова рождает курицу?

Вы совершенно правы, друзья мои! Конечно, принуждение отказаться от насилия и стать свободным - это единственное принуждение, которое освобождает. Это принуждение правильно, и даже логично, поскольку оставаясь несвободным и утверждая насилие, человек сам его на себя вызывает. Но кому нужна такая свобода? Чем она лучше неживой материи с ее лесом? Никому и ничем. Свобода может быть только добровольной. Она возможна только когда люди по-настоящему хотят ее.

Но как можно хотеть свободу, если она фактически лишает нас свободы? Если она позволяет только один выбор - самой свободы?

Не все так плохо. И не все так просто. Да, свобода сама по себе ничего не гарантирует. Более того, она как бы постоянно провоцирует нас - ведь надо же ей как-то себя проявлять, а то так все и забудут о ней! Проявляется свобода как раз в том, что подстрекает нас к свободному выбору насилия. Можем ли мы его не выбрать? Можем. Например, случайно. Но тогда насилие само выберет нас. Вот как в случае с волками и баранами. Почему так? Потому что свобода требует - заметьте, друзья, она уже требует! - постоянно и осмысленно выбирать свободу и тем подтверждать ее существование. Ибо свобода - это непрерывный выбор. Хоть и только один.

Так что не стоит грустить. Благодаря парадоксам мы не только мучаемся от безнадежности, но и можем размышлять до бесконечности, а это большое дело! Это значит, наше мышление не детерминированно, оно свободно. Детерминизм загоняет нас в стойло как баранов, подчиняет логике и примитивному "здоровому смыслу" - рациональности собственного выживания, но свобода с ее парадоксальностью не подчиняется логике. Она не поддается измерению, описанию и заключению в рамки. И это, - парадоксально! - дает надежду, а надежда - выход. Надо только суметь его разглядеть.

И какой же выход из всех этих нелепых парадоксов? Надо размышлять! Зачем? Чтобы найти утешение в разрешении парадоксов? Нет! Чтобы знать, кто хочет свободы, а кто - нет. Чтобы уметь отличить людей от волков и оставить последних в лесу. А также, чтобы не быть бараном и знать куда идешь. Ведь что такое размышления? Это предвидение, позволяющее не только понять, что каждый думает, намеревается и планирует, но, главное, заглянуть вперед, увидеть там окончательную победу и захотеть ее. Размышлять нельзя научить и тем более заставить, но это именно то, что дарит человеку веру в будущее и позволяет выбрать свободу, потому что он хочет туда. Размышление - это как бы мысленный взор, благодаря которому мы видим: настоящее

взывает к нам, оно простирает израненные руки и молит о том, чтобы мы изменили его, сделав правильный выбор.

Свобода требует будущего - размышление его дает. Оно открывает в нем возможности и они делают будущее притягательным, ибо это - то единственно хорошее, что будущее может обещать. Как только мы перестаем размышлять, мы погружаемся во мрак и превращается в тех, кто живет по законам детерминизма. Размышления - единственный противовес детерминизму, а поскольку детерминизм не дремлет, размышления не должны ни на секунду прекращаться. Или, по крайней мере, предшествовать всякому действию. Или, по крайней мере действию, затрагивающему других. Потому мы с вами и размышляем. А размышляя - освобождаемся. Вы чувствуете, что уже стали свободнее? Я - пока нет. Потому что мы пока не поняли самого главного.

Зачем нам свобода?

3 Смысл свободы

То-то и оно! Непрерывность выбора означает, что свобода не есть некое состояние, куда стоит только попасть - раз! - больше ничего не надо. Человек не камень, он не может находиться в "состоянии". Стало быть, человек не может "быть" свободным, он может только "становиться" свободным. И мы это знаем - мы ощущаем "свободу", когда становимся к ней ближе. Свобода - это процесс! Но тогда вопрос сводится к тому, куда и зачем он идет. Найти его цель значит вдохнуть в него смысл. Потому что хотеть свободы можно только в одном случае - когда в ней есть смысл. От того, что в детерминизме смысла нет, он сам собой в свободе еще не появляется. И ваши вопросы это постоянно подтверждают.

Хотим ли мы свободы, друзья? Безусловно хотим. Но зачем? Неизвестно. А это неправильно. Нам нужна цель - и только тогда появится свобода, потому что появится будущее, ради которого стоит жить. Причем, заметьте друзья, эта цель должна быть такой, чтобы не достигаться никак иначе, кроме как договором. То есть она должна быть общей. И одновременно личной, потому что - а при чем тут тогда свобода?! Найдем ли мы такую цель? Не знаю. Но согласитесь - по крайней мере, тут есть о чем поразмышлять!

В частности, а существует ли правильная цель? Непременно, иначе не было бы возможности свободы. А существует ли неправильная цель? Непременно, иначе не было бы выбора и, следовательно, свободы. А есть ли способ определить, какая цель правильная? Нет. Детерминированного способа найти правильную цель нет, иначе свобода стала бы частью детерминизма. Но есть не детерминированный! Абсолютно свободный! Какой?

Договор, друзья мои!

Как он ищет цель? Вдумаемся. Всякая цель возникает в конкретной, персональной голове - там, где происходит размышление, вызванное недостатком свободы. И всякая цель ведет в неизвестность, ибо в возможности всего чего угодно - коварный характер

будущего. Но неизвестность не обещает нам успех, напротив, она гарантирует неприятности. Какие? Новое насилие. Откуда? От чужих целей, выбранных баранами, не понимающими смысла движения вперед. Свобода подтверждается каждым шагом, приближающим нас к цели, но целенаправленное движение невозможно, если чья-то цель вызывает встречное движение. А нужно ли нам неизвестное будущее полное насилия? Выходит, остается только одна альтернатива - свести цели в одну, дабы шагать к ней единым строем? Да, и это логично - ясное будущее бывает только совместным. Когда люди действуют поодиночке - они производят насилие, когда вместе - находят свободу. Поэтому я и пишу вам, друзья, а не хожу молча из угла в угол как раньше.

Что же это за такая уникальная цель?! Трудно сказать, но зато можно быть уверенным, что она, вырастая из субъективных, будет иметь объективную, 100%-ную правильность. Ибо только правильная цель делает возможным движение в будущее, где не будет столкновений и, как в притче про узкий мостик, сопутствующих неприятностей. Как возможно чудо согласования неизвестно, но зато известно, что люди способны договариваться, а не просто упираться как бараны. Ведь согласитесь друзья, ходить строем воображая себя свободным как-то неуютно! Но совсем иное дело, если ходишь строем потому, что сам так выбрал - по собственной воле, потому что уверен в правильности выбора. А разве не в этом заключается таинство договора? Таинство свободного выбора собственной цели, которая неожиданно оказывается общей!

Так мы получаем непрерывный, нескончаемый договор, смысл участия в котором - получить максимальную свободу самому и одновременно дать максимальную свободу другому. Что, очевидно, требует серьезного размышления! Озабоченность общей свободой выливается в тяжелый труд, ибо измыслить способ преодолеть детерминизм - великое дело, легко наполняющее смыслом жизнь. И тогда, если общей целью становится устранение любого насилия, поиск для этого всевозможных способов и необходимых средств, то личной - собственный вклад в общее дело, добавление своего персонального кусочка свободы в общую копилку. А процесс согласования личного с общим - т.е. поиск объективного в субъективном - гарантирует персональной цели коллективный "знак качества". Личная цель должна обязательно вытекать из общей: личное будущее ограничено как и все личное, но чтобы в ней, а значит и в жизни, был смысл, личная цель должна стать частью следующей, большей цели. А самая большая и есть свобода с ее общими, постоянно растущими, бесконечными возможностями.

Договор гарантирует бесконечный рост возможностей... стать свободнее?! Получается, свобода нам нужна ради самой свободы? Да, договор - и средство, и цель! Ибо нетрудно видеть, что единственно возможная цель, способная стать одновременно и личной, и общей - сама свобода. Но не стоит отчаиваться! Важно понять, что у свободы есть смысл - движение к цели, а у движения есть цель - свобода, и все это выражается наглядно в составлении договора, в его длинном перечне правил, изобличающих и устраняющих насилие. Договор - это необходимый и неизбежный результат движения, он гарантирует, что оно не напрасно и не происходит по кругу, как наша нелепая предыдущая история. Он - признак того, что движение вперед есть, а значит есть и прогресс, и будущее, и свобода. Причем заметьте - будущее светлее!

И что в итоге? Жить вне детерминизма нельзя, но с помощью договора можно его преодолевать. Так и живем. Насилие порождает размышления, размышления -

договор, договор - свободу, свобода - новое насилие. Заколдованный круг. Чем дольше существует общество, тем длиннее становится договор, тем больше в нем накапливается уже найденных способов прохода по узкому мосту. При детерминизме правило только одно - прав сильный. При свободе - чем больше правил, тем больше свободы.

4 Свобода и возможности

Бесконечные возможности, делающие будущее светлым, а выбор свободы осмысленным, звучат достаточно заманчиво, но к сожалению, в противостоянии свободы и детерминизма излишний оптимизм пока неуместен. Парадоксы еще не кончились. Разумеется бесконечные возможности невозможны, для этого даже не надо долго размышлять. Свобода у нас может и общая, но возможность, друзья мои, такая вещь, что ее обычно хватает ровно одному и ровно на один раз. И потому "бесконечные" возможности иссякают исключительно быстро. Как же так?! - спросите вы, - зачем нам тогда такая свобода? Может все таки есть другая - настоящая, личная, индивидуальная?

Увы, не бывает индивидуальной свободы, ибо насилие затрагивает по меньшей мере две стороны. Мы же не будем всерьез считать, что возможно насилие над самим собой? Соответственно и отсутствие насилия не ограничивается кем-то одним. А раз так, свобода или одна на всех, или ее нет ни у кого. Но как быть с таким распространенным, общепринятым и научно обоснованным понятием, как "свобода выбора"? Разве возможности выбора, который всегда индивидуален, не эквивалентны как раз личной свободе? Тут, друзья, мы сталкиваемся с распространенной ошибкой. "Свобода выбора", когда под одной имеется в виду пространство возможностей - не свобода, а именно это - пространство возможностей. И оно у всех нас разное независимо ни от чего. Даже если людей максимально уравнивать, скажем лишить рук, ног и закопать по горло в землю, у них и тогда останутся разные возможности - например, размышлять о потерянной свободе. Причем потерянной не тогда, когда их уравнивали, а раньше - когда не учли их мнения. То есть свобода - не само по себе пространство возможностей, а его зависимость от договора. Ведь, к примеру, насильственно расширяя свое пространство, человек не приобретает свободу - он теряет ее!

Но как мерить свободу и наше движение к ней, если не личными возможностями? Неужели и в самом деле количеством правил? Да и как ими измерить личные "кусочки" свободы, которые каждый должен найти и прибавить к общей? Не спешите друзья, конечно возможностями. Весь фокус в том, что новая возможность станет возможностью для всех - т.е. крупницей свободы - только когда оформится правилами. Возможности одного - это преимущества, которые быстро превращаются в насилие над теми, у кого их нет, а потому расширение лишь собственной "свободы выбора" гарантирует единственно то, что эти возможности рано или поздно будут утеряны. Свобода со своей стороны дарит не только спокойный сон, но и надежду на их бесконечный прирост, ибо она превращает возможности в общее достояние. Каким образом? Как раз тем, что фиксирует их в правилах, делает доступными и понятными всем остальным. Правило - это механизм сотрудничества, механизм производства возможностей, это та собственная цель, которая оказалась принята всеми как своя, была узаконена и занесена в анналы общества.

Мне нравится воображать пространство возможностей в виде голубого воздушного

шарика. Оно не только ограничено соседними шариками, но и постоянно меняется вследствие их взаимного давления. Насилие - это когда кто-то надувает свой шарик не заботясь о соседях. Общее, "суммарное" насилие, испытываемое шариком, может иметь наглядную меру, отражающую долю несогласованных изменений его размеров по отношению к их общему числу. Соответственно, "личную свободу" можно рассматривать как нечто обратное этой мере. Но всякое согласованное изменение - это пространство, оформленное правилами, и в силу этого - приданное всем. И потому когда эта доля, эта "личная свобода", достигает 100%, вместо шарика мы получаем все огромное небо. Но заметьте, даже тогда это не сама свобода, а ее результат. Если дать волю воображению еще больше, можно сказать, что это "материализация" свободы, "воплощение" договора. А уж отсюда недалеко и до общепринятого, но неверного выражения "свобода выбора", которое всякий дотошный мыслитель переиначил бы хоть и длинно, но правильно - как "возможности выбора, полученные благодаря договору".

Друзья! Правильная мысль делает многое понятным. Но поскольку память мне часто изменяет, повторяю. Чтобы будущее стало истинно притягательным, надо создавать возможности для всех, а не пользоваться ими самому. Надо следовать правилам и тогда правила станут вечными генераторами возможностей, а сами возможности будут только расти.

Если теперь и дальше уподобиться дотошным мыслителям, то придется переиначить и некоторые другие научно обоснованные, но сомнительные выражения, связанные со свободой. А именно. Свобода - это не "самоосуществление", не беспредельная личная "воля" и не освобождение от всего, что ограничивает индивидуальное "самовыражение". Не возможность "делать все что хочешь", то что "хочешь и можешь" или то что только "можешь захотеть или вообразить". Не пренебрежение любым законом, потому что "всякий закон есть нарушение свободы", но и не "подчинение государственному закону". Не отсутствие искусственных "препятствия для осуществления желаний" или "препятствий для выбора и деятельности". И разумеется не "осознанная необходимость", "прыжок в неизвестность" или порождение одинокого "чистого разума". Как видите, большинство определений сводится к свободе насилия - свободе волка в стаде баранов, обреченных безропотно принимать его волю. Откуда они все взялись? Не бараны, определения. Оттуда, что каждый волен дать свое определение свободе. Простите друзья, что не запоминаю имена авторов. Мне почему-то запоминаются только идеи. Видимо все же склероз. Вот лучшая на мой взгляд, не помню чья: свобода - это противоположность детерминизма. Или вот: свобода - это договор об устранении насилия. Или вот, тоже неплохо, хоть и длинно: свобода - это преодоление детерминизма путем договора об устранении насилия.

Ну и конечно, раз уж мы возомнили себя мыслителями, давайте подытожим наши размышления. Свобода - это то общее, что нас объединяет, не дает каждому сосредоточиться на своих интересах и тем самым вернуться в природное состояние. Она манит нас вперед, порождает цель и смысл. Без свободы мы бы вечно грызлись друг с другом, подчиняясь детерминизму естественных животных потребностей - ведь иных целей у нас бы не было. Чудо свободы в том, что она составляет одновременно и суть личности, которая размышляет, и суть общества, которое сотрудничает. Но как свобода может быть одной на всех? Что же это за такая "свобода"? А так, что она всегда в будущем, а будущее - одно на всех. В настоящем мы можем быть как угодно независимы

друг от друга, но кто из нас может поручиться за будущее? Договор - это его гарантия, а гарантию мы можем дать только сообща. Договор - это способ, каким свобода приходит в мир.

Но тогда, может быть мы уже живем в свободном обществе? Чем нынешнее подобие договора хуже настоящего? Тут, друзья мои, надо четко определиться. Договор - это отказ от любого насилия, а его длинный список правил - только приложения к этой первой и главной статье. И пока в нашей стае господствует мнение, что можно и нужно принуждать - о договоре, свободе и человеческом обществе следует говорить только в будущем времени. Хотя, признаю, отдельные признаки будущего уже налицо. Например, размышления.

Вернемся к нашему вопросу, друзья мои. Естественна ли свобода? Ответ зависит от того, что считать естественным. Если насилие естественно, то свобода - нет. Если свобода естественна, то насилие - нет. Остается сделать правильный выбор.

Вот так, тяжкими раздумьями мы сподобились подобраться к свободе вполне здраво, без опоры на мораль, справедливость, естественное право, категорический императив, высшее благо, человеческое достоинство и ценность личности. Зачем же человек выбрал свободу, спросите вы? Просто потому, что смог.

*Всего,
УЗ*

PS. Кстати, о морали. Выбор между хорошим и плохим появляется только со свободой. И потому оценивать саму свободу бессмысленно. Свобода - это хорошо? Полезно? Нужно? Эти вопросы аналогичны таким, как - а размышлять хорошо? Быть человеком хорошо? Выбор каждого. Но если мы хотим быть людьми - мы должны быть свободны.

...а реальна ли?

Дорогой УЗ!

Мы, други твои и соратники, с нескрываемым восхищением вняли твоей проповеди о свободе, которая внесла ясность и расставила на свои места. Особенно глубоко меня пронзила мысль, что всякое желание требует возможности для своего исполнения, а всякая возможность требует свободы для своего появления, и потому самое первое, самое главное желание человека - хотение свободы. Так оно и есть! Как я могу реализовать свои многочисленные желания, если я не свободен? Однако позволь мне от лица друзей твоих приложить высокую материю мысли к низменной реальности бытия. Поправь меня, если я по недоразумению приложу ее не туда и не так.

Как я уразумел, свобода требует добровольного отказа от насилия, вызванного многими важными причинами, из которых самая важная заключается в том, что так надо. Однако добровольный отказ некоторых приводит к тому, что остальные оказываются в преимущественном положении. Ты утверждаешь, что решение проблемы - договор, который вносит ясность и отделяет нас от них. Конечно, волков лучше оставить в лесу в силу тех же самых важных причин. Но как все это осуществить на практике?

Будучи по образованию бизнесменом и размышляя усердно на эту тему, я догадался, что материализация свободы из мира духа в мир бытия происходит в двух направлениях - времени и пространстве. Если мы, свободные люди, смогли отказаться от насилия и договориться о мире и дружбе, то теперь надо объяснить это тем, кто:

- а) еще не родился,
- б) оказался за границей в темном лесу,

с тем, чтобы обе эти категории так или иначе вступили к нам и приняли наш договор. Начнем с категории б). Первое затруднение вот в чем. Допустим, волки отказались подписывать наш договор. Но что дальше? По роду занятий я с волками сталкиваюсь ежедневно и знаю их злобный характер. Вряд ли они так уж прямо захотят жить в лесу! И если принуждение тут неизбежно, то не принуждаем ли их фактически к подписанию договора? И то же самое а)! Поскольку мы не предоставим нарождающимся членам общества иного выбора и заставим их при совершеннолетию подписать наш мирный договор, они, сделав это насильственно, в глубине души будут считать его нелегитимным. Отсюда вытекает необходимость предоставить им выбор - или подписывать, или... Вот тут у меня второе затруднение. Как ты доходчиво разъяснил, выбор присущ только свободному человеку. Но в какой момент человек становится свободным? Если эти - не знаю, как их правильно назвать, люди или волки - еще не подписали, то они не свободны и у них нет права выбора. Но не имея выбора они не могут подписать договор! Так кто же они? И как мы узнаем, кто человек, а кто волк?

Прости, дорогой УЗ, я не силен в разрешении парадоксов. Мое образование подсказывает мне, что поскольку время и пространство - одно и то же, то таких, не вовремя родившихся членов нашего общества, лучше всего отправить за границу, в мир насилия, вражды и рабства, и тем избавиться от них раз и навсегда. Да и всех остальных - тоже. Но когда мы с тобой останемся вдвоем - как нам быть? Очевидно, придется обороняться от волков. Они же не хотят мира и, будучи пристрастны к насилию с

детства, обязательно постараются захватить наш остров свободы. Вынужденные обороняться, мы фактически принуждаем самих себя к защите от врагов. Или вернее - это они нас принуждают! А это перечеркивает нашу свободу вдоль и поперек! Единственное, что нам остается - отказаться от свободы, взять в руки оружие и пойти воевать. Конечно у меня нет сомнения, что мы победим и насильственно обратим побежденных в свободу. Но ведь они же будут снова постоянно нарождаться, в соответствии с категорией а)! И нам придется их высылать в соответствии с категорией б)! Таким образом свобода сведется к непрерывной и бесконечной войне за свободу, пока мы все не помрем. Значит ли это, что свобода ждет нас на том свете?

Еще раз прости, дорогой УЗ, но не найдется ли у тебя свободная минутка для пояснения этого мелкого практического вопроса?

*От общего лица,
твой верный, но сконфуженный друг
Фома*

Естественна ли частная собственность?

Товарищи!

Горький хлеб и тухлая вода неволи не дают мне сосредоточиться на вечных истинах, которые мы обсуждали в прошлый раз, а мучают воображение трагическими картинами эксплуатации наемных рабочих, вынужденных продавать себя в рабство жирным мироедам. Разум отказывается впускать мысль о том, что свобода, которая так манила нас всего одно письмо тому назад, может привести к куда худшей кабале - добровольной.

Душа предпочитает подобно гордому соколу парить в прозрачной голубизне, попирая законы притяжения и питательной цепочки, нежели надевать на себя унижительное буржуазное ярмо, недостойное домашней скотины. Но свободы ли алчет наше тело? Не самого ли необходимого - спасительного хлеба и живительной влаги? Что свобода без этих простых и понятных вещей? Понятных даже невинному младенцу, еще не умеющему подписывать заковыристые трудовые договора, но уже тянущему хваткие ручки к чужой соске. Именно этому противится вся моя сущность, лишенная имущества и заточенная в темницу - ~~нельзя брать чужое! Или чужое, или свобода!~~ нельзя морить людей голодом! Или голод, или свобода!

Многие мыслители, сердцем чувявшие дорогу к свободе, спотыкались на этом месте. Велик соблазн решить дело быстро и окончательно. Но мы, товарищи, пойдем дальше по пути тяжких размышлений. Спросим себя - как можно без самого необходимого быть свободным?

1 Нужда и свобода

Это первое, что приходит в голову, когда мы пытаемся оценить насколько мы свободны. Разумеется, никак. Если бы люди были бестелесными небесными волнами, а свобода - гармоничным межзвездным сиянием, мне не о чем было бы больше писать вам, друзья. К счастью, это не так! Хоть свобода, бывает, и рисуется в мечтах невесомым парением где-то в вышине, обитатели Земли отягощены материальными нуждами, которые удовлетворяются "ресурсами" - чем-то, что можно скармливать в пасть детерминизму.

Если рассматривать свободу с этой, земной точки зрения, то она будет выглядеть скорее как движение голубых шариков в пространстве ресурсов, которое представляет собой пространство возможностей, дополненное пространством потребностей, которые эти возможности призваны удовлетворить. Ибо зачем нам еще нужны возможности, как ни чтобы бороться ими с детерминизмом? И освобожденные люди будут поглощать ресурсы, согласуясь с соседями, чтобы ресурсов хватило всем. Как же добиться этого благолепия? Увы, никак, и потому такая свобода, фактически, мало отличается от неземной. Нет, природа конечно создает ресурсы, но поскольку она же создает и их потребителей, ресурсы обычно ограничены. Природа безжалостно балансирует одно и другое. Поэтому, кстати, одна из задач практикующих философов - распределить вечный дефицит ресурсов максимально эффективно с точки зрения

детерминированных целей, обычно выжить, размножиться, да еще получить удовольствие. Кому? Да в итоге себе. Ибо задача эта нерешаема. Точнее - давно решена. Наиболее эффективно всегда максимально жестокое насилие, практикуемое самой природой, и думать тут, собственно, не о чем.

Но как же возможность создания возможностей, которое обещала нам свобода в прошлый раз? Разве не для этого люди мечтают о будущем? Вы правы, товарищи. Свобода требует не только справедливой дележки существующих, но и бесконечного производства новых ресурсов. Вот тут мы уже видим свободу в ее истинной красоте - красоте длинного списка вытекающих из договора правил, которые и дают нам необходимое для борьбы оружие. Ибо что такое правило? Это способ избежать конфликтов, а значит - способ обеспечить человека тем или иным ресурсом, ведь все конфликты, все ограничения свободы и вообще все неприятности - лишь следствия какой-либо нехватки! Так, например, при проходе по узкому мосту нам не хватает пространства, при добровольной кабале - хлеба, а при невозможности прийти к согласию - мудрости!

Но зачем нам бесконечные ресурсы? Разве нельзя создать столько ресурсов, чтобы хватило всем, ведь наши потребности детерминированы? Одна из причин - постоянный выбор насилия ленивыми, глупыми и жадными. Выбор насилия вообще легок - в этом одна из проблем со свободой. Казалось бы, выход прост - оставить любителей насилия в лесу - но в соответствии с принципом конечности ресурсов, они обязательно размножатся и попытаются захватить наши. Численность и качество жителей Земли, увы, пока подчиняется все тому же детерминизму. Но эта причина, как ни серьезна, все же в перспективе решаема - должны же они рано или поздно превратиться в людей? Истинная причина бесконечности - в нестигаемом упрямстве детерминизма. Ибо даже удовлетворенная нужда еще не делает человека свободным, потому что нужду невозможно удовлетворить раз и навсегда. Детерминизм ненасытен. Все новые ресурсы он делает дефицитными. Он расширяет зазор между потребностями и возможностями их удовлетворения, и тем превращает человека обратно в автомат выживания.

Каким образом? Для этого он породил хитрую закономерность бесконечного роста потребностей, намертво привязанную к свободе - создание возможностей порождает потребности, появление потребностей приводит к созданию возможностей. Что первичней в этой гонке - потребность в создании возможностей или возможность появления потребностей - неизвестно. Удовлетворить все потребности невозможно, но и реализовать все возможности - тоже. Договор требует согласования одного и другого - с обязательным опережающим производством возможностей! - и превращается в аналитическую задачу разума, решение которой требует бесконечных ресурсов, включая ресурсы разума. Только успешный разум свободен - он может идти до самого конца. Если он не справляется с задачей, человек становится рабом потребностей - он прекращает думать и начинает действовать. И такие действия ни к чему хорошему не приводят.

Происки детерминизма ведут к тому, что противостояние человека и ресурса приобретает поистине трагический характер. И тут на выручку свободе приходит собственность.

2 Собственность

Что такое собственность, чем она полезна? Это механизм присвоения и распределения ресурсов, а его польза в том, что он позволяет обойтись без насилия. Есть ли собственность в природе? Можно ли например считать, что если Солнце удерживает Землю рядом с собой, та стала ее собственностью? Разумеется нет, потому что мы можем точно так же сказать, что это Земля удерживает Солнце ибо оно ей нужнее - и это подтверждается вековыми наблюдениями наших предков. А как дела обстоят у волков и их родственников, которые не хотят жить в обществе? Тут уже намного интересней. Животные весьма озабочены собственностью и чем они умнее, тем больше. Правда захватывают они не все что плохо лежит, а только то, чего не хватает для их серой детерминированной жизни, т.е. самое необходимое. Но несмотря на такое постыдное отсутствие фантазии, захваченное без сомнения можно назвать собственностью. Форма ее случайна, от индивидуальной - норы, гнезда или ракушки, до коллективной - территории, улья или муравейника. Если в стае существует иерархия, то она вносит дополнительные градации в этот спектр. Да такие, что точно определить форму собственности вообще невозможно - ведь пользу от нее члены стаи получают согласно рангу в иерархии, а польза, как нетрудно догадаться, и указывает на принадлежность и, собственно, собственность собственности.

Отчего такой хаос? От насилия. Насилие не позволяет собственности оформиться. Собственник имеет столько ресурсов сколько захватит за вычетом того, сколько не удержит, а потом поделит сколько осталось на сколько хотелось и завоюет с горя. Потому что даже то что осталось у него рано или поздно отнимут. Доступ к ресурсу - одна из целей насилия. И значит твердых форм собственности нет - есть лишь множество претендентов, постоянно перераспределяющих ресурсы в соответствии со своими силовыми качествами. Как эту ситуацию меняет свобода? Место насилия заменяют переговоры, которые приводят к появлению правил. Правила, пусть пока несовершенные, позволяют в перспективе низвергнуть иерархию, высушить слезы, а собственность отлить из несбыточных мечтаний в цивилизованную форму. Так хаотичный силовой доступ к ресурсам заменяется регламентированным мирным, а новая форма собственности выражает ее новую сущность - гарантии, невозможные во времена насилия.

Многие собственники, отравленные избытком свободы, считают, что суть собственности - ограничение доступа посторонних. На первый взгляд - так оно и есть: об этом и название говорит. Но посмотрим опять на волков. Для волка главное - возможность пользоваться ресурсом, если волк сыт, он легко позволит угоститься голодному товарищу. А вот для человека главное - не позволить другому! Что-то тут не то! На мой взгляд, гораздо правильнее и разумнее человечнее считать, что суть собственности, как раз и достигаемая договором, не ограничение доступа, а его гарантии. Ограничение - лишь одно из возможных средств для этого. Будь ограничение целью собственности - ничего лучше уничтожения ресурсов нельзя было бы придумать. Однако люди заняты прямо противоположным - они создают ресурсы!

Трагедия рождения цивилизованной собственности в том, что гарантии мирного доступа требуют перераспределения ресурсов, ибо нынешнее основывается на предыдущем силовом захвате. Но какой смысл владельцам захваченных ресурсов

отказываться от силы? Сила для них продуктивна. С другой стороны, какой смысл отказываться от насилия тем, у кого ресурсов нет? Важнее отнять и поделить. Цикл насилия повторяется до полной и окончательной бесперспективности, после которой люди неизбежно приходят к свободе, как единственной гарантии. В этом и смысл.

А трагедия в том, что он никак не проникнет в мозг.

3 Два вида пользы

- Общее и личное

Собственность призвана решить "проблему общего и частного". Так мудрено философски именуется тот простой факт, что удачная возможность доступна обычно одному, а иметь ее хочется всем. Иными словами, каждый желает получить ограниченный ресурс в личное неограниченное пользование, и добиться чего-то подобного можно только путем общего договора. Любые попытки обойтись своими силами означают только это - использование силы, да плюс сопутствующую неудачу. В зависимости от того, в каком месте между общим и частным нашлось решение, такой и окажется в итоге форма собственности. Крайности, как нетрудно догадаться, так и называются - "общая" и "частная". Но какая из них правильна? Как узнать? Может есть какие-то объективные законы, могущие помочь людям? Например, раз собственность ответственна за распределение, то естественно предположить, что она решает все ту же старую задачу - распределения дефицитных ресурсов наиболее эффективным образом? Скажем, по критерию возрастания свободы? Или общей пользы? Или еще чего-то?

Хоть вопросы эти и непростые, ждать помощи от детерминизма смешно. О какой эффективности может идти речь при свободе? Чьей? Всех? Но то, что эффективно для одного, вполне может оказаться неэффективно для другого. Ускоренное производство лишь породит ускоренные потребности. Может, тогда эффективней сокращение потребностей? Так или иначе, ничто не может заменить договор, зато договор может заменить все, включая детерминизм, эффективность и даже объективные законы. Да, но как насчет общей цели и, следовательно, общей пользы? Они же - суть договора! Увы, свобода не радуется нас конкретикой. Свобода допускает все что угодно - мы не знаем ни какова общая цель, ни какова общая польза, мы только знаем, что они есть, иначе не было бы соглашения. Договор - это процесс не только поиска, но и нахождения ответов на все вопросы. Так что можно сказать, вопросы наши не простые, а очень простые, и ответ на них короток и ясен - см. Договор.

Но не значит ли это, что дальнейшие размышления бесполезны? Не совсем. Даже договор начинается с размышлений, так почему бы не поразмышлять еще немного? Можно даже, по примеру спотыкающихся философов, попытаться предугадать - как свободные граждане захотят договориться, как распределят ресурсы, какую форму собственности выберут. Но поскольку мы не философы, ограничимся очевидным - окончательное разделение общего и частного невозможно так же как достижение конца договора и абсолютной свободы.

Итог небогатый. Попробуем поразмышлять еще. Личная цель сочетается с общей, так же как личная собственность с общей и как, наконец, личная польза с общей -

непонятно как. Но зато понятна одна простая вещь. Общая собственность может быть абстрактна, но частная - конкретна так же, как конкретно для каждого его личное бытие, невозможное без личного гарантированного доступа к ресурсам. Не менее конкретна личная субъективная цель, с которой, как мне подсказывает память, начинается поиск общей, а значит без "частного" в собственности свободы не получится! Впрочем, выглядеть эта частная собственность наверняка будет несколько иначе, чем то, к чему мы привыкли. Если перевести эту мысль в термины эффективности - максимальная общая польза, а значит и максимально общая собственность получатся только тогда, когда каждый получит максимальную личную пользу, а значит и максимально частную собственность! Парадокс? Свобода.

- Собственность как мера

Нет сомнения, что ресурсы могут порождаться людьми даже когда они лишены свободы. В такой ситуации их прирост лишь усугубляет насилие, потому что еще больше искажает общее пространство ресурсов. При этом человек производит ровно столько ресурсов, сколько его удастся заставить. Что меняется с приходом свободы? У свободного человека может появиться личная цель - производить ресурсы, а с целью - желание, фантазия и вдохновение. Может конечно и не появиться, но как показывает опыт, производство ресурсов - одно из двух его любимых занятий. И неспроста: оно - наиболее легкий путь к свободе. Свободный человек не может без цели, а потребление ресурсов в качестве цели никак не подходит. Так уж устроена свобода, которая требует скорее расширения возможностей, чем сокращения потребностей. Разумеется, бессмысленно сравнивать, в каком случае человек произведет больше ресурсов. Вполне возможно, и даже крайне вероятно, что если человека заставлять, он будет работать гораздо эффективнее. Важно, что при свободе выбор эффективности остается за человеком.

Но при чем тут частная собственность? Где-то я вычитал, что "собственность объективирует человека, служит его объективной мерой в социуме". Если выразиться проще - собственность есть оценка человека. А нужна ему оценка? Нужна, ибо двигаясь к цели, человек должен знать, как хорошо у него это получается. Но оценка относительно чего? Относительно других. По какому критерию? Вот в этом все дело. Свободные цели у всех разные, единственное что их роднит - они порождают ресурсы, т.е. новые возможности. Собственность способна отражать количество произведенных человеком ресурсов и имея такой наглядный показатель, человек всегда будет знать, как хорошо у него получается достижение цели.

Но может быть, общая собственность сочетается с личной целью еще лучше? Сомнительно. Человек безусловно может трудиться анонимно и даром - но недолго. Его вклад должен быть признан, ассоциирован с ним, иначе это лишь вид насилия, лишение его оценки и попутно - плодов труда. Да, но признание не обязательно сводится к собственности! Возможны варианты, например, почет, уважение, известность, награды наконец. Проблема в том, что эти способы оценки не вполне подходят в качестве меры. Ведь любой человек достоин уважения. А почет и известность по определению не могут быть присущи всем, равно как и выражены количеством медалей. В конце концов человек производит не почет и медали, а ресурсы! Реальную пользу. И она может быть измерена только относительно других ресурсов - как производимых остальными, так уже оцененных ранее. Частная

собственность, особенно наглядно воплощенная в виде денег, выступает как хранитель и эталон ценностей.

Но чем это отличается скажем от насильственного общества, где насильник тоже стремится к приращению своей собственности? Тем, что там собственность измеряет способность человека к насилию - чем он сильнее, тем больше у него собственности. К сожалению, невооруженным взглядом отличить действительно созданное от насильственно присвоенного невозможно. Если человек произвел множество нужных вещей или идей, он вполне может быть так же богат, как и тот, кто просто наградил. А скорее менее. Изза этой проблемы многие мыслители видели в частной собственности корень всех бед человеческих. Правда альтернативы корню им увидеть не удалось.

Как же найти правильный критерий и, главное, применить его, чтобы отделить одно от другого? Как отличить производство свободы от производства насилия, если и то и другое выражается в собственности? Надо смотреть на пользу! Детерминированная цель насильника - личная польза, а свободная цель производителя - польза, удостоверенная договором, т.е. общая. Следовательно, произведенный ресурс должен поступить для распределения и оценки в общество. Иначе нельзя - ведь для того, чтобы собственность стала мерой свободного человека, она должна объективно отражать его способности производить новые, ценные другим ресурсы. Зачем создавать нечто бесполезное? Только с договором польза приобретает объективность, а заверенная им собственность становится механизмом сочетания общей и личной пользы, ее распределения между человеком и обществом. Вот тогда и получится, что ценность каждого - польза принесенная всем, а его собственность - мера этой ценности.

4 Свободный обмен

- Договор о собственности

Но как применять этот критерий и запустить механизм? Может надо просто отказаться от насилия? Обязательно надо, но для начала собственность надо формализовать - описать, оценить и присвоить. Только так новые ресурсы могут служить мерой успеха. Однако, принадлежности мало. Ресурсы приносят пользу, поэтому принадлежность должна не просто ассоциировать владельца с ресурсом, но, как минимум, гарантировать ему доступ к нему, в качестве хоть какой-то награды. Причем очевидно, что гарантия в общем случае вовсе не равнозначна исключительности доступа или иному его ограничению для всех остальных. За исключением, разумеется, самого факта принадлежности. Мы, товарищи, конечно не допускаем и мысли о нехороших людях, польза для которых как раз и заключается в том, чтобы лишить доступа всех. Просто потому, что такие люди вряд ли о чем-то смогут договориться с другими. Да и производить они ничего не будут.

Что дальше, как распределить и оценить новые ресурсы? Опять договором, в данном случае - об обмене ресурсами. Под "обменом ресурсами" мы, конечно, будем понимать не обмен ресурсами, а обмен "принадлежностью" ресурса. В чем смысл обмена? Именно этим действием происходит и оценка, и распределение ресурса, потому что обмен это 1) признание ресурса ценным и 2) удостоверение его принадлежности. Второй аспект довольно прост, возможность распорядиться, переместить "принадлежность" - лишь

обратная сторона факта принадлежности. Первый аспект гораздо интереснее. Произведенный ресурс ценен не только новыми возможностями, но и потерянными - ведь его производство требовало труда и других ресурсов. Новый ресурс меняется на старый, а пропорции обмена указывают ценность нового относительно старого, соотношенную с ценностью сторон относительно друг друга. Так учитывается и польза, и издержки. Существуют ли иные способы оценки? Конечно. Можно, например, созвать экспертов или вычислить по формуле. Но все подобные способы будут насильем, потому что только свободные люди могут оценить пользу и только путем договора. То же самое можно сказать и о альтернативных способах распределения, которые тоже существуют в огромных количествах. Альтернативно распределенный ресурс не имеет объективной ценности, поскольку некому оценить ни пользу потребителя, ни потери производителя.

Обмененный ресурс оказывается оценен всеми и поступает в потенциальное пользование всеми, ибо обмен, как и всякий договор, обладает волшебным свойством увязки общего и частного. Посредством обмена и личная польза, и личная цель "выравниваются" по отношению к общим. Причем ни о какой придуманной "эффективности" в достижении общей цели речи уже не идет - каждый оценивает свою "долю" пользы, но так, чтобы сбалансировать ее с общей. Это возможно только если каждый хочет и способен видеть одинаково хорошо не только свои потребности, но и чужие. Если чья-то цель ограничена личной пользой в ущерб общей, это равнозначно отказу от свободы и выбору насилия! Общую пользу можно найти только если очень-очень этого хотеть. В точности как свободу.

- Обмен как насилие

Но возможно ли это? Обмен, как и свобода, неотделим от выбора. Появляется выбор - появляется и критерий выбора. Назовем его выгодой - человек выбирает то, что ему выгодно. Но что ему выгодно? Конечно, самое естественное предположение - загрести в собственность, т.е. в целях собственного потребления, столько ресурсов, сколько требуется для жизни и счастья. Но сколько это? Неизвестно. Ни заранее, ни сейчас, ни даже задним числом. А значит выгоднее иметь максимум ресурсов. Это хоть и не гарантирует их достаточность, но по крайней мере не так расстраивает. И каким тут боком его касаются чужие потребности? Что за странный парадокс сочетания личной выгоды и чьей-то еще пользы?

Хуже того. Необходимость учитывать общую пользу требует, чтобы все обмены были одинаковы. В самом деле, как можно договариваться о выборе (т.е. о том, что выбрать)? Равно как договариваться на выбор (т.е. выбирать с кем)? Договор охватывает сразу всех и стало быть каждый обмен есть по сути договор сразу со всеми. Но как совмещается "свобода выбора" с фактическим уничтожением выбора, требуемым объективностью и общей пользой? Еще один немислимый парадокс?

Хуже того. Ресурсы, как порождения детерминизма, несут на себе все отвратительные родительские черты. Чем отвратительные? Тем, что при обмене они растут, или исчезают, сами по себе. Например, деньги улучшают возможности по организации деятельности, что повышает производительность и доходы. Известность привлекает клиентов, что опять увеличивает известность. Знания привлекают работодателей, улучшая перспективы получения новых знаний. И т.д. - чем больше уже имеется

ресурсов, тем больше появляется возможностей их приобретать. Налицо механизм положительной обратной связи - чем ценнее человек, тем больше его выбор, тем выгоднее его обмена, тем больше прирастает его ценность. Иными словами, богатый становится богаче. Соответственно бедный беднее. Очередной парадокс "взаимовыгодного" обмена, заботливо подложенный нам детерминизмом! Каким бы взаимовыгодным не казался обмен, в результате мы неизбежно имеем экспоненциальное распределение собственности - мало богатых и много бедных. Причина в том, что в то время, как каждый отдельный обмен выглядит как добавление ценности каждой стороне, в реальности кто-то выигрывает больше, а кто-то меньше. Даже если проигравшей стороне кажется, что ей сделка выгодна и она стала богаче, после серии подобных "выгодных" сделок она неизбежно ощутит, что стала беднее. Ибо бедность, как и богатство, относительны!

Потеряв разум в лабиринтах парадоксов, люди вовлекаются в волчью конкуренцию, а точнее экономическую войну, по количеству жертв не уступающую обычной. Теперь частная собственность ассоциируется с "личной свободой", ибо иной уже нет. И чем больше всевозможных ресурсов для обмена - тем она шире. Причем широта этой свободы тоже становится саморастущим ресурсом, что отодвигает ее границы в бесконечность. Для большинства бойцов этой погоней за необъятным и исчерпывается понятие "свободы".

Такова "капиталистическая трагедия частной собственности" - обмен, будучи предоставлен сам себе, не только не проявляет своих волшебных свойств, но и чреват особо драматичными формами обмана, разгадать который не в состоянии многие поклонники либеральной свободы, подкрепленной насильственно захваченными ресурсами.

- Критерий обмена

В чем же обман? В чем насилие? В неправильно выбранном критерии обмена - выгоде, которую очень хочется получить за счет других. Наше естественное предположение оказалось слишком естественным. Свобода требует общей пользы, но как найти общую пользу, глядя со своего субъективного вершка? Объективная польза, в отличие от субъективной потребности, зависит не только от количества ресурса у человека, но и от его количества - и даже самого факта наличия! - у других. "Договориться", когда каждый преследует максимальную выгоду, можно только в одном случае - когда переговоры превращаются в силовое экономическое противодействие. Проигрывает тот, чьи потребности острее, а возможности скромнее - т.е. у кого уже "окно маневра". Но это не значит, что собственность попадает в руки тех, кому она полезнее. Наоборот, слабый уступает больше и собственность перетекает к тому, кому она меньше нужна. А значит все ценности извращаются. Польза исчезает. Какой же выход?

Мы должны больше размышлять! Видеть дальше детерминизма выживания - видеть возможности, сокрытые в общей пользе, а не только своей личной. Нездоровая выгода должна быть заменена здоровой. Договор должен искать ту ценность обмениваемого ресурса, которая наиболее точно отражает потребности обеих сторон, равно как и затраты на его производство. И следовательно критерием выбора и обмена должна быть не столько односторонняя выгода, сколько выгода обеих сторон. Т.е. не просто "взаимная", а скорее всего равная. Это по меньшей мере! Но как же свобода, спросите

вы? Да вот так. В обмене ресурсов проявляется не только свобода каждого, но и необходимость и ответственность участия в договоре. Договор символизирует общее - цель, пользу, ценность. Их и надо найти.

Обмен превращается в невероятно тяжелую задачу, требующую расчета, оценки и вообще холодной головы. Неизвестно, разрешима ли она в принципе, но можно точно сказать, что как-то разрешима, ибо иначе нам будет не к чему стремиться, а о свободе придется забыть. Нам следует четко различать одностороннюю выгоду - алчность, корыстолюбие, меркантильность, и выгоду обоюдную, как желание лучшего, полезного, открывающего новые перспективы и возможности. Хотя и собственный интерес, но здоровый и практичный, не имеющий ничего общего с 300% прибыли, подвигающими каждого из нас на убийство родного отца. Свободный человек и слов-то таких не знает.

Надо помнить, что собственность не может быть средством экономического насилия и наживы на нуждах других, иначе она не получит одобрения договором. Цель ее - не обеспечить себя дефицитом, чтобы выжить и размножиться в ущерб всем остальным. Цель - свобода, которая не бывает индивидуальной. Частная собственность должна одновременно быть общей! Она должна работать на всех.

На этом наши размышления можно было бы и закончить, поскольку остальное уже ясно: свобода - миф и утопия вещь крайне тяжелая. Да и как она может быть иной? Кто сказал, что преодолеть детерминизм легко? В отличие от логики детерминизма и чистого насилия - молча загрести все, до чего дотягиваются грабли - логика свободы и равной выгоды требует серьезного диалога, поиска и расчета. Необходимо все сломать и учредить новое общество со здоровым рынком, народным капитализмом, вольным трудом. Я бы сказал, начать историю с начала.

Столь простое решение вдохновляет на дальнейшие размышления, не так ли друзья? В частности, а кончаются ли на этом наши трудности? Нет ли в запасе у детерминизма еще каких-то каверз? Давайте спустимся с уровня абстракций чуть ниже и посмотрим как эта "частно-общая" собственность пересекается с практикой.

5 Начало собственности

- Общие ресурсы

В мире дефицитности, самое трудное - начало обмена. Чтобы произвести новый ресурс, надо иметь хотя бы что-то. Где же человек возьмет свои первые ресурсы? Видимо, надо предположить, что даже свободный человек уже владеет чем-то - например, самим собой. Однако, достаточно ли этого для обмена? Не слишком ли жестоко обменивать, например, правую руку на кусок хлеба? Может надо добавить человеку что-нибудь сверху "самого себя"? И лучше наверное побольше - чтоб он был подороже и посвободнее. Но чего? Как много? Где это взять? Единственный ответ - надо выделить каждому кусочек того, чем нас одарила природа. Но как бы много природа нам не подарила, лучшая часть давно разобрана в чье-то пользование. Как быть? Конечно, приход свободы - это появление гарантий, рождение цивилизованной собственности и превращение стаи в общество. Однако этот смысл пока слишком сложен для

человеческого мозга. Родимое пятно или скорее родовая травма собственности никак не дает новорожденному проявить признаки жизни. И в этом, как ни грустно, есть своя логика. Отказаться от насилия некоторым трудно даже если будущее обещает свободу и возможности. Но отказаться от него, если с насилием пропадают возможности, уже гарантированные собственностью?! Не выглядит ли такая свобода гарантией дырки от бублика?

Тут надо не только размышлять, но и действовать. Но все же давайте попробуем сначала поразмышлять. Что происходит с ресурсами в момент, когда темницы рушатся и начинается новая история? Есть два варианта. Третий - статус кво - не дает нам ничего, кроме загадки, почему одним принадлежит все, а другим - все остальное. Первый - можно считать, что ресурсы в этот момент стали принадлежать всем, а личное владение появилось уже позже как следствие договора. Этот вариант побуждает некоторые горячие головы время от времени пытаться пересматривать несуществующий договор и начинать преждевременную дележку. Поэтому иногда либеральные философы предпочитают второй вариант - считать, что ресурсы в этот момент стали "непринадлежать" никому или вернее, остались у тех, кто имел их в мире насилия, поскольку "ничейные" ресурсы, очевидно, вполне законно должны принадлежать тем, кто первый их захватил, и все дальнейшие поползновения к пересмотру этого факта следует жестко пресекать.

Несмотря на всю мою антипатию к любителям отнять и поделить, должен признаться, что такая либеральная философия противоречит здравому смыслу. Кому принадлежит воздух, которым мы дышим? Если никому, то первый, кто найдет способ его присвоить, сможет законно поработить все человечество. Если всем, то о любых способах приватизации воздуха следует договариваться с теми, кто еще дышит. А если кто-то сумеет присвоить воздух так, что сначала "остаётся достаточно и всем остальным", то почему об этом неожиданно забывают потом, когда его вдруг становится недостаточно? Далее, кому принадлежит найденный кошелек? Философ возможно скажет - нашедшему, но нормальный человек наверняка обеспокоится о бывшем владельце. А за неизвестностью такового - сдаст в стол находок. Наконец, субъектом насилия всю человеческую историю был таки коллектив, а не индивид, который при всем желании не мог противостоять разъяренной толпе. Выходит, и первая собственность была коллективной - то есть скорее общей, чем ничей. И вообще. Захват - это насилие. Какое отношение он имеет к свободе? Свобода - это договор об отказе от насилия, а значит - и об отказе от того насилия, которое исторически - путем узаконенного властью наследования - увековечено в уже имеющейся собственности. И отказе, разумеется, от всех вариантов "отнять и поделить", ибо всякое присвоение именно так и осуществлялось.

- Самовладение

Однако этим философское сопротивление не исчерпывается. Если все начинается с договора, то кто его субъект? Ясно - человек. Но как показала история, человек - весьма ценный ресурс. Значит тогда он тоже принадлежит всем? А раз так, как же он будет договариваться? Ох уж мне эти парадоксы! Не удивительно, что философы с радостью хватаются за них! Теперь они упирают на тот факт, что раз человек, очевидно, изначально принадлежит самому себе - иначе он не смог бы выступать в качестве субъекта договора - то и все до чего способны дотянуться его грабли, становится его

"продолжением". Действительно, чем его грабли хуже его тела? И то, и другое ему одинаково необходимо, чтобы жить и размножаться! А у граблей, как известно, предела нет.

В то время как желание бесконечно загребать вполне понятно, логика требует все же признать, что "изначальное" владение чем-либо, несмотря на всю его желательность - не более, чем беллетристика. Любая собственность, будь то владение собой или своими граблями - знак экономических, свободных отношений. Но такие отношения начинаются только когда люди договорятся и признают свободу каждого! В том числе - черту, где кончается "собой и своими граблями", а начинается то же самое, но уже другого. В былые времена мало кто размышлял о самовладении, будешь долго размышлять - быстро помрешь. Да и сейчас, увы, какое там самовладение! Мы думаем то, что нам внушают, потребляем то, что нам продают, делаем то, что нам скажут. Однако не будем слишком пессимистичны, товарищи. К счастью, контролировать других не так просто, как кажется со стороны. Мы пока еще можем читать и писать, а значит не все потеряно!

Что касается парадокса, то тут уж ничего не поделаешь. Человек, создав свободу, создал и самого себя - как участника договора и как обладателя права на часть общих ресурсов. А если он опоздал родиться к этому счастливому моменту - он становится таковым когда это признают его родители. Причем надо четко понимать, что все "самовладение" - лишь владение договорным голосом и более ничем! Если вы не верите мне, друзья мои, проверьте сами - пройдитесь нагишом по улице и окружающие вам сразу доступно объяснят, что ваше тело вам не принадлежит. И будут правы! Впрочем, не стоит быть слишком педантичными. За долгие годы все мы привыкли к обратному - что самовладение есть не голос в договоре, а что-то иное. И это "иное" - контроль над всем, что находится внутри тела, а также тем, что появляется в результате труда - выглядит, помимо обязательного кусочка общих ресурсов, вполне естественным претендентом на тот минимум, без которого ни свобода, ни жизнь не имеют смысла. Конечно, предугадывать за участников договора его решения бессмысленно. Однако, примем в качестве очень вероятного допущения, что владение "нутром и трудом" будет общепринятым среди свободных людей. Ибо иначе совершенно неясно, как могут начаться обмены.

- Стоимость человека

Но если руку еще можно отрезать, то как обменять то, что внутри? Какой ресурс представляет собой нутро? Трудовой? Медицинский? Мясо-молочный?

В мире детерминизма внутри человека скрывалась "сила", которая превращалась в ранг и открывала доступ к ресурсам, гарантируя выживание. У человека было еще кое-что - имя, тело, труд, способности, мысли - но все это, за исключением конечно мыслей, большого значения не имело. Свобода кончает с этим - теперь не ранг дает доступ к ресурсам, а доступ к ресурсам дает "ранг". Но что теперь вместо силы? Как и положено при свободе - все что угодно! Человек должен сам искать в себе ресурсы. К счастью, найти их несложно. Нутро человека оказалось так же бесконечно, как и все что касается свободы. Даже если у человека нет имущества, но есть способности, здоровье, молодость, знания, идеи, энергия - он неизмеримо богаче любого старого толстосума и сильнее любого тупого силача.

Замена силы "всем, чем угодно", переводит человека в другое измерение, а его новый "ранг" делается ничем иным как социальной ценностью или даже стоимостью, раз уж он измеряется деньгами. И тут мы опять сталкиваемся с парадоксом. Все новые ресурсы человек соотносит не только с пользой, но и со своим временем и затратами - и они оказываются пропорциональны его стоимости! Иными словами, все ценности вытекают из ценности людей, а вся общая польза - это по сути, польза людей друг другу! Так свобода, посредством негуманной собственности, делает следующий шаг в дегуманизации человека и приводит к появлению его рыночной оценки. Впрочем, удивляться тут нечему, раз уж мы объявили человека полезным. Мы лишь назвали вещи своими именами и сразу получили большой выигрыш в правдивости.

А в чем же парадокс? В том, что свобода требует объективной оценки каждого и одновременно эта оценка должна быть одинаковой для всех! Если она будет разной, люди будут по-разному оценивать ресурсы, потребности их будут разными и общая польза опять ускользнет от нас. Свобода нескончаема в своей парадоксальной красоте! Но несмотря на такую красоту, от рыночной меры человека мы не отступим ни на шаг. У нас просто нет альтернатив. Может быть когда-нибудь люди смогут питаться воздухом и оценивать свое движение к цели глядя на звезды, но пока что нам нужна точная и осязаемая мера. И произведенные ресурсы, измеренные деньгами - единственный подходящий кандидат.

При детерминизме ценность человека выражается рангом иерархии. Но объективность такой оценки смехотворна. Какое-нибудь островное племя, воюющее с заезжими пиратами, не способно оценить величие даже полководца, родился он среди них, не то что космонавта. Иерархия силы - внешняя к человеку. Она подчиняет его, подавляет его индивидуальность, превращает в былинку детерминизма. Он занимает то место, какое его заставляют занять, его сила дается биологией и больше ее взять нигде. Иерархия денег - внутренняя, это иерархия своеобразия, где каждый может быть самим собой настолько, насколько он сам того желает, где он сам свободно выбирает свое место. Не смотря ни на какие парадоксы.

6 Дележка

- Трагедии "общего"...

Однако несмотря на всю бесконечность внутренних ресурсов, производить новое только из них затруднительно. Человеку нужен и природный материал. Что с ним делать? Может, оставить в общем пользовании? Мне кажется, не всякая первая мысль правильная. Мне больше нравится вторая - раздать все в частную собственность. Но за ее правильность я не ручаюсь. Тем более, что люди еще умеют договариваться и всегда могут предпочесть нечто более возвышенное. Например коммунизм. И хотя подобное маловероятно, не будем спешить.

Что такое коммунизм? Полное обобществление, примитивный способ решить парадоксы обмена. Каждый вносит что имеет в общий котел, а потом берет что ему надо. Так на корню устраняются все проблемы и достигается максимальная возможность каждому потреблять все ресурсы. Ведь люди разумные существа! Однако

именно поэтому мы достигаем прямо противоположное - каждый стремится потратить как можно больше ресурсов впрок, ведь ресурсы не бесконечны, а нужда заранее неизвестна. Ситуация усугубляется тем очевидным фактом, что производство ресурсов в качестве личной цели становится невозможным. К счастью, все обобщить нельзя. Например, разобрать человека на органы без его согласия не удастся, а согласятся наверняка не все. То же что удастся обобщить, приводит к "коммунистической трагедии" - ресурсов становится все меньше, потребностей все больше, а жизнь немедленно возвращается во времена голода и холода. Но такая ужасная трагедия конечно не относится к свободным людям, потому что свободные - по определению - способны договориться.

В данном случае - регулировать доступ к общему котлу. Самый простой способ - предоставить всем равный доступ. Проблема однако в том, что люди не равны, как их не меряй. Поэтому приходится делить "по справедливости", что требует оценки заслуг и нужд, а также предпочтений и целей каждого. В случае двустороннего обмена, задача учета взаимной выгоды сложна, но по-видимому решается. В случае доступа всех ко всему - наверняка нет, отчего жизнь гарантированно превращается в постоянные, но уже бесполезные переговоры. С не менее ужасным результатом - люди пренебрегают созданием ресурсов и сосредотачиваются на поиске личного альтернативного доступа. "Трагедия справедливости", однако, хуже предыдущей тем, что создает иллюзию постижения объективной истины и тем способна затянуть страдания до бесконечности.

Единственное спасение от новой трагедии - введение платного доступа, т.е. возврат к обмену. Тогда каждый может просто притвориться, что собирающий плату делает это от имени "всех" и на "общую" пользу. В реальности, однако, не имеем ли мы уже частную собственность, хоть и сильно ограниченную? Временные владельцы общего ресурса не только имеют к нему привилегированный доступ, но и пользуются своим положением в личных целях. Ибо управление общим ресурсом - это работа, за которую они получают зарплату. Т.е. общий ресурс приносит им вполне конкретную пользу, а польза - это и есть признак собственности. Можно называть ее социалистической, демократической или бюрократической - суть не меняется: одни платят, другие получают. В итоге, мы пришли к частной собственности, хоть и ограниченной некоторыми условиями. Например, ее нельзя продать, завещать и подарить. Однако собственное тело тоже нельзя ни продать, ни подарить. Но при этом ни у кого и мысли не возникает, что свое тело - не частная собственность. Странно, да?

Но ограничения - не самое плохое. Хуже неравенство прав, отчего легко возникает "социалистическая" трагедия - оценки ресурсов и людей смещаются, производить становится невыгодно, выгоднее становится получить преимущественные права - тот же альтернативный доступ, но уже не в обход неуловимой справедливости, а в обход явной несправедливости. Избавление от этой трагедии невозможно в принципе, ибо договор уже не помогает. Он не имеет не только конца, но и начала - о чем тут договариваться, если и так все ясно?

- ...и "частного"

Что же мы видим? Что любая собственность тяготеет в сторону частной. И в этом проблема любой общей собственности - ее нельзя "иметь", у нее нет владельца. Действительно, товарищи, чем принципиально отличается общая собственность от

частной? В отличие от конкретной частной, общая - это сама абстракция, иллюзия. Иллюзия в том, что общая польза получится путем простого изъятия этой пользы у субъекта. В результате гарантий доступа к дефицитному ресурсу у человека уже нет, ибо решает, что нужно субъекту уже не он сам, а кто-то иной. Вместо гарантии есть возможность, реализация которой от него не зависит. Человек лишен независимости, без которой о свободе остается только размышлять.

Значит все сводится к договору, равным правам и дележке. Но как делить? Поровну?! По справедливости?! Если кому-то покажется, что на пути к свободе мало преград, то можно вспомнить еще об одной. Существуют ресурсы, которые очень неохотно делятся, к примеру запасы рыбы в Тихом Океане. Как и следовало ожидать, эти ресурсы изначально воспринимаются общими, что подразумевает гарантированный доступ без ограничений. Не удивительно, что переговоры о рыбе идут крайне вяло, а сама рыба тем временем быстро становится жертвой коммунистической трагедии. В итоге, на выручку приходит власть, которая может решить проблему доступа быстро и ко всеобщему удовольствию. Но это обман. Вместо рыбы, неделимым ресурсом теперь становится сама власть с вытекающими, гораздо более мучительными трагедиями.

Одним из вариантов решения проблемы дележа становится долевая, групповая или любая другая совместная собственность. Собственник не контролирует ее целиком, в его распоряжении имеется условная часть и не менее условное право голоса. Что довольно выгодно по отношению к тем, кто ничего этого не имеет. Совместная собственность - следствие того факта, что присвоить ресурс целиком не только невозможно, но и глупо. Ведь владея частью можно получать пользу как от целого! Возьмем опять рыбу. Зачем каждому копать себе отдельный океан, если можно пользоваться общим? Элегантность такого решения имеет далеко идущие последствия. Любой ресурс, если покопаться, как-то связан с другими и отделяется от них более или менее условно. Даже полностью присвоенное и почти съеденное яблоко все еще требует, чтобы им не чавкали на концерте, а огрызком не кидались в музыкантов. Иными словами, собственник яблока не имеет права распорядиться им по своему усмотрению. И то же самое касается любых плодов личного труда. Собственность на что угодно - лишь длинный перечень того, что можно и чего нельзя с ней делать. Заверенный чем? Договором. И ничего больше. Никакую собственность собственник не контролирует целиком. В его распоряжении имеется условная часть и более-менее реальное право голоса.

Значит ли это, что частная собственность - всего лишь частный случай общей, а всякая собственность - иллюзия? Не совсем. Понятно, что частная собственность - одновременно и общая, но чтобы проявить эту свою сущность, она должна быть сперва выделена. И как бы плохо не отделялись сами ресурсы, личные права на них отделяются все лучше и лучше. Легко видеть, что слишком большое число собственников плохо поделенного ресурса неминуемо приводит к трагедии. Что такое плохое деление прав? Их неравенство. Кто-то должен решать, следить, регулировать, собирать плату. Хорошо поделенные права ничего этого не требуют. Их нарушение всегда имеет конкретные последствия, потому что есть иной собственник, чьи права оказались нарушены и кому не составляет труда их защитить. В этом и заключается частная собственность - в равном праве каждого участвовать в общем договоре, воплощая в собственности свою субъектность и свою свободу.

Увы, в достижении блаженного состояния свободы собственность пока не стала панацеей. Пока понимание сложности всех ее проблем не только не помогает их решению, но напротив - парализует разум страхом и неверием. И в этом заключается наша истинная трагедия - тысячелетия разум недоуменно спотыкается на общем и частном, не в силах сложить их вместе и разделить на два. Но мы товарищи, не будем ему уподобляться, а смело приступим к размышлениям о договоре, который теперь приобретает куда более зримые очертания. Его важной частью становится уточнение и согласование "прав собственности" - все того же списка правил, позволяющих организовать согласованное производство и распределение возможностей. Списка, ведущего нас от общего к, не побоюсь этого слова, частному. А также к неочевидному побочному результату - нахождению все более точной меры ценности, не столько ресурсов, сколько их обладателей. Что как бы намекает на возможность некоего истинно общего, внечеловеческого, блага, с точки зрения которого все и оценивается. И хоть движение это бесконечно, в конце мы обязательно получим настоящую частную собственность - исключительное право на то, что так или иначе принадлежит всем.

Вернемся к нашему вопросу. Естественна ли частная собственность? Зависит от того, что считать частной собственностью. То, что сложилось исторически естественным путем или то, что неестественно сложится в результате договора? Ответ хоть и очевиден, но требует трудного выбора.

Товарищи, сегодня мы удосужились выяснить - без морали, справедливости или эффективности - что частная собственность естественна в той же степени, в какой естественна свобода. И загадочна не меньше ее. Только если мы разберем всех на органы (коммунизм) и потом снова соберем, но уже абсолютно равными (эгалитаризм), или назначим ответственных собственников (социализм), или раздадим все лучшее избранным (капитализм), мы получим, на выбор - полную ясность, социальную справедливость или эффективность. Но только не свободу.

*С пламенным приветом,
УЗ*

PS. Кстати, о морали. Как вы уже догадались, выбор частной собственности и обмена в качестве механизмов свободы не имеет ничего общего с "добро" и "зло". Так что не следует ни то, ни другое возводить в статус "священного" и вести за них кровопролитные религиозно-идеологические войны.

...а практична ли?

Дорогой УЗ!

Прости что беспокою тебя опять, хоть ты и не ответил на мои сомнения, сумбурно изложенные в предыдущем письме. Мы, други твоя, как всегда долго обдумывали твое очередное откровение - о собственности. По всему чувствуется, ты человек занятой, поэтому позволь мне, по доброй безответной традиции, коротко изложить только один, но очень уж мучительный вопрос.

Сомнения эти касаются земли, кормилицы нашей. Как мы поняли, личный доступ к общему ресурсу - самая прогрессивная собственность на свете, а стало быть без частной собственности на нашу общую землю невозможен не только прогресс, но и сама свобода. Но включает ли частная собственность на землю такое простое право как жить самому по себе, никого не трогать и вообще быть оставленным в покое? С одной стороны - это самая что ни на есть свобода и частная собственность, а с другой такое вряд ли получится, потому что всякий частный собственник обязан вступить в наш свободный коллектив и подчиниться нашим свободным правилам без всякой надежды когда-либо выйти на свободу. А тот, кто хочет быть до конца свободным и оставленным в покое, соответственно оказывается вне договора и вне общества. Из чего следует, что его землю легитимно захватить, а его самого - убить от греха подальше. Вместе с его частной собственностью, которая, как ты доступно объяснил, может появляться только вместе с договором.

Иными словами, сама частная собственность становится возможной только после фактического отказа от этой самой частной собственности. Я, как бизнесмен и честный человек, называю это издевательством. С одной стороны, я понимаю, что выход из общества свободы вместе со своей землей с целью образовать собственную юрисдикцию есть угроза свободе. Но угроза эта чисто гипотетическая. Человек не объявляет о выходе - просто отгораживается забором и все - он уже свободен. Кто ж тут кому угрожает? По моему, это именно те, кто остаются за частным забором - стая волков, не желающих разделить с нами мечту о свободе - угрожают всем нам, желающим просто мирно мечтать.

Дорогой УЗ, я не хочу долго тревожить тебя своими сомнениями. Но без такого простого права, как быть оставленным в покое на своей собственной земле, свобода становится пустыми словами. Будь добр, разъясни, как же так получается, что частная собственность на самое простое, чего у нас полно есть под ногами - на землю, есть на самом деле бесстыдная фикция?

Твой верный Фома

Естественно ли "право на жизнь"?

Братья мои!

Жуткий тюремный быт настроил меня на грустный лад. Как легко потерять то, что принимаешь как должное. Как быстро свыкаешься с добром и не ценишь собственного блага. Размышляя на эту скорбную тему, я пришел к мыслям о жизни и смерти. Ради чего мы рвемся к собственности? Зачем нам все это? Неужели только к этому сводится наша жизнь? От этих вопросов не уйти. Свобода рано или поздно ставит их перед нами и молча, но беспощадно требует ответа.

1 Две сферы общества

И задуматься есть о чем! В погоне за ресурсами человек забывает о вечном, он становится похож на рационального робота. Посмотрите какое общество он создал! Выгода, анализ, деньги... В этом обществе действуют не люди, а холодные, бесстрастные экономические агенты. В них нет ничего святого, только стоимость. Все взаимодействие сводится к обмену, оценке, договору. Законы такого общества основаны на чистом расчете. Тем нет тепла - только учет интересов. Нет доброты - только практическая польза. Нет жертвы - только конкретная, осязаемая прибыль.

Поистине в этом обществе чего-то не хватает! Неужели свобода не способна ни на что лучше! К счастью способна. Человек не всегда поступает рационально. Вспомним, что свобода дает возможность выбора не только жизни и всего что для нее необходимо, но и смерти. Эта грустная нотка однако приводит к радостному финалу. Выбирая смерть свою, человек одновременно выбирает жизни других - тех людей, которые ему близки и дороги. Конечно, выбирает он не прямо таки сразу смерть! От такого выбора жизни дорогих людей едва ли сильно улучшатся. Он просто пренебрегает детерминированным - личным выживанием. Он отказывает себе в ресурсах и уступает их другим. В ситуации подобного, абсолютно иррационального, выбора свобода требует иного критерия, нежели выгода. И таким критерием становится добро. А сам человек становится уже не экономическим, а моральным агентом. Поступая по велению сердца, он создает иную сферу общества, с совсем иными отношениями и принципами.

Впрочем, с принципами в этом новом обществе туговато. Ибо построено оно не на логике и рассудке, а на обычаях и чувствах. Не на взаимовыгодном договоре, а на душевных порывах. Там люди не загибают все, до чего способны дотянуться, а наоборот - отдают последнее, да еще получают от этого удовольствие. Это, можно сказать, единственный принцип. Они живут как бы ради других, предпочитая заботу, жертву, любовь, взаимопомощь. Тратят свое личное время, силы и энергию. Ограничивают себя в желаниях и потребностях, стараются не изменять, хотя, бывает, обманывают и даже бьют друг другу морды. Но потом горько раскаиваются и горячо клянутся никогда больше так не делать. Да, насилие там вовсе не проблема. В личных отношениях вообще не действуют законы и правила, люди договариваются иначе - как подсказывает совесть. А совесть непредсказуема. Она загадочна, как и свобода которая ее породила.

Откуда взялось это общество? Как и экономика, оно выросло из мира детерминизма. В том жестоком мире человек не только боролся за ресурсы. Он и отдавал тоже. Но эти уступки были вынуждены - сама природа диктовала их. Во-1-х, в одиночку никто не выживает, а стая требовала жертв. Во-2-х, воспроизводство населения основано на потребностях, а их удовлетворение тоже требовало жертв. Можно сказать, что дело тут опять не обошлось без собственности. Только теперь ею был сам человек - собственностью семьи и коллектива. И потому он служил им как служит любая собственность. Свобода избавляет человека от принуждения, но близкие люди никуда не делись - мы по прежнему живем вместе и по прежнему хотим им служить, но теперь по собственному желанию. Осознанная жертва свободного человека и общество "любви и долга" - это такое же прямое следствие свободной воли, как и выгода и обмен.

Обе сферы общества не могут друг без друга, поскольку даже успешный экономический агент не вечен - ему надо сначала родиться, а потом и достойно умереть. Собственно, еще не факт, что бессмертный агент вообще будет ставить какие-то цели. С другой стороны, старым и малым надо где-то брать ресурсы, а кроме как на рынке взять их негде. Эти взаимные потребности и приводят к симбиозу сфер. Человек приходит в мир на руках близких, растет опираясь на их любовь, а потом уходит на рыночный фронт, где воюет за свой ранг и свои идеи. И победив конкурентов, приобретя блага у чужих и далеких, он возвращается к своим и близким и отдает долги. А проиграв - возвращается за помощью. Личная помощь неотделима от равнодушного свободного рынка. Когда свобода обмена сужается до экономической необходимости, а выгода сменяется сплошным разочарованием, только любовь близких способна дать человеку веру и силы для нового старта.

Что же мы тут имеем, братья мои? Мы имеем расщепление человека на две ипостаси - экономического дельца и домашнего деятеля. И расслоение общества на две сферы - юридическую, экономическую и публичную с одной стороны, и неформальную, моральную и персональную с другой. А если приглядеться, то и раздвоение самой свободы на ту, что выросла на месте чужеродных внешних сил, и ту, что отпочковалась от внутренних социальных инстинктов. Внешняя свобода - желания и дерзания, свобода преследовать свой интерес, порожденная необходимостью жить и добиваться. Внутренняя - жертвы и долг, свобода самоотречения, вызванная необходимостью помереть с чистой совестью.

2 Великий Конфуз

Конечно, это раздвоение с одной стороны несколько условно, поскольку иногда обе половинки трудно отделяются, а с другой - абсолютно, поскольку они полностью исключают друг друга. Люди долго и безуспешно пытаются слить их воедино, найти моральное оправдание выгоде, а рациональное морали, пробуют руководствоваться только моралью или только расчетом, и вообще стараются отыскать "универсальную истину", "золотое правило", "категорический императив" и прочую сермяжную правду - одно простое и понятное руководство к действию на все случаи жизни. Откровенно говоря, описанное раздвоение - скорее дело отдаленного будущего. Мы все еще живем не только во тьме насилия, но и в тумане глубокого морального конфуза, когда неясно где должна быть жертва, а где выгода, где надо полагаться на мораль, а где на расчет. А

также в условиях навязанной нравственности и тотального промывания мозгов, за что надо благодарить государство, которое одновременно является и экономической властью, и моральным авторитетом. Учит жить и заставляет работать. Лезет в душу и заглядывает в постель.

Впрочем, оставим пока государство в покое. В чем причина конфуза? Почему мы никак не можем разделить сферы? Думаю, виновата мораль. В отличие от интереса, выгоды и других практических мотивов, требующих трезвой головы, мораль упивается собой, возводит себя в абсолют и гордо обымает необъятное. Подарив человеку способность оценивать все вокруг с позиции добра и зла, она, в точном соответствии со своей иррациональной природой, заставила его первым делом оценить сам моральный выбор. И разумеется признать его глубоко моральным. Иными словами, человек убедил себя, что выбор добра есть добро - иначе добро теряет смысл. Следствием этой бессмыслицы стало превращение невинной, в общем, выгоды в зло, а рациональное навеки попало в слуги иррациональному. Человек стал считать свои вполне естественные побуждения негодными, некрасивыми, нечестивыми. К поруганию "телесных" потребностей приложили руки и определенного склада моралисты, которые руки эти тут же бесстыдно грели - от пророков загробной жизни до идеологов братской любви. Были и попытки морально протестовать - объявлять торговлю, бизнес и выгоду оправданными высшим, божественным авторитетом. Нашлись и философы, сгоряча обнаружившие в жадности основу мироздания. Но все их потуги, разумеется, оказались тщетны - нажива, барыш, навар, чистоган, корысть, равно как скупость, жадность, алчность, стяжательство, скаредность, скопидомство, скупердяйство, скряжничество, прижимистость, крохоборство, жмотство... сколько слов и ни одного приличного! Как и рынок, и обмен - все экономические мотивы прочно отождествляются с низменным, животным и постыдным. Противоречащим светлому образу морального человека.

Следы морального конфуза затерялись в толще веков из которых до нас дошла путаница публичного и частного. В древнем мире наоборот, сфера морали считалась публичным делом, поскольку она связывала и организовывала общество, а сфера экономики - делом чисто семейным, личным. Но и по прошествии толщи веков все еще ошибочно считается, что "частная сфера" - это там, где бизнес, наемный труд, рынок и, как следствие, вопиющая аморальность, а "публичная сфера" - там, где люди ведут общественную жизнь, демонстрирующую, разумеется, образцы морального долга. Отсюда же проистекает морально перекошенное отношение к собственности: общественная - там, где требуется высокая нравственность, самоотверженность и служение другим, а частная - там, где других можно гнуть в дугу, заботясь только о личном интересе.

Мораль не позволяет разумно осмыслить этот парадокс. Нравственно оправдать собственную выгоду невозможно. Но и выгода, и жертва - одинаково естественны, разумны и даже моральны! В результате мы имеем неизлечимый невроз свободного человека. Который усугубляется еще одной причиной. Само функционирование двух сфер общества противоречиво. Торг с чужими и дар своим выглядит легко когда всех можно разделить на тех или других. Но сотрудничество приводит к завязыванию личных связей, а разрастание личной сферы приводит к отчуждению. Сотрудники становятся друзьями, а близкие превращаются во врагов. Да и сам обмен многообразен. Одни и те же люди в одном случае кооператоры, а в другом - конкуренты.

И это еще не все. Свобода полна парадоксов. Она предоставила нам выбор - мы можем выбрать выгоду, организовать экономику и построить общество, или мы можем выбрать жертву, создать коммуну и воспитать поколение цветов и радуги. Но что будет, если мы ничего не выберем? Свобода допускает и такую возможность. Не всякому человеку по силам выбор. Не все мыслят одинаково хорошо рационально и иррационально. Я уж не говорю о том, что некоторые вообще никак не хотят мыслить. И независимо от того мыслят они или нет, люди действуют. В результате их действий граница между альтернативами выбора, между мотивами поведения и в конце концов между выгодой и жертвой оказывается размыта. Кто-то начинает использовать близких в корыстных целях, предавая и продавая друзей и родных, а кто-то - любить всех как самого себя, попутно забирая личную собственность в общее пользование. Кто-то требует чтобы рынок стал высоконравственным и озаботился благотворительностью, а кто-то - чтобы отношения в семье встали на прочную взаимовыгодную основу. Кто-то мечтает, чтобы государство пекло хлеб и шило брюки, а кто-то - чтобы каждый стал святым. И все эти случаи, увы, абсолютно естественны.

Впору спросить - так свободен ли свободный человек? Освободившись от детерминизма выживания и сделав пару мелких выборов, он оказался под спудом новой несвободы. С одной стороны он должен преследовать собственную выгоду, а с другой - жертвовать на чье-то благо. И отказаться ни от одного, ни от другого он не в состоянии. Все, что ему остается - выбирать между ними. Но чем яснее наша голова, братья мои, тем легче наш выбор.

3 Государственная "мораль"

Моральный конфуз оказался очень кстати власти, превратившей собственное насилие в универсальную социальную систему, проникшей в каждую пору общества, разбухшей до безумных масштабов нынешнего тоталитарного государства (и даже глобального "надгосударства"), где ей удалось объединить - и почти уничтожить! - обе сферы под своим полным, давящим все живое, контролем. Тут-то и выяснилось, что простирая свои лапы она оказывается не давит, а гладит! И уж конечно ради "общей" пользы, что находит чуткий отклик в сердцах придавленных, воспринимающих любимую власть как решение всех их проблем, как олицетворение наконец найденного единого нравственного пути, примиряющего выгоду и жертву. Власть, вредная и неистребимая как сыръость, аморальная до мозга костей, стала необходима ради добра! Но где же власть взяла добро дабы оправдать свое всепроникающее насилие? Разумеется у него на родине - в личной сфере, которая в государстве охватывает абсолютно всех! Мы все стали детьми государства и каждый теперь равно достоин жертвы, даже тот, кто творит исключительно зло.

Как так вышло?

Трюк был провернут рациональной частью разума в попытке угодить иррациональной. Это привело ее к эффектному, хоть и смешному постулату - "все люди равны". Братья мои, не стоит удивляться тому, что в общество попало понятие из мира математики. Чтобы понять этот ход мысли, обратимся к социальному варианту справедливости. Сама по себе справедливость тоже пришла в общество из внешнего мира, только мира физики. Несправедливость есть мера безответного насилия, а если шире - мера

недобровольного в человеческих взаимодействиях. Человек не может избежать насилия, даже если оно запрещено и благополучно сгинуло во тьме истории. В конце концов, люди всегда могут случайно столкнуться лбами. И как две частицы сталкиваясь, понимают какая из них тяжелее, так и люди, столкнувшись, понимают - они "равны". Причина кроется в законах физики, требующих адекватного ответа. И люди отвечают - добром на добро, а злом на зло. Правда с поправкой. Поправка в том, что важна не масса имеющихся у сторон возможностей, а только сила воздействия. Оценивая эту силу на глазок и прикладывая ее к моральной шкале, люди приходят к справедливости. Истинная справедливость порождается адекватно отмеренным насилием в ответ на такое же насилие. А что в случае главного ее источника, власти, где адекватно ответить очевидно невозможно? Пока жива власть, человек вынужден отдавать ей что-то свое. Взамен власть одаривает человека, отбирая у других. Социальная справедливость, справедливость власти наступает тогда, когда ее безответное насилие пропорционально, равномерно и сообразно - т.е. когда подданные так или иначе сравнены и уравнены.

"Физическое" равенство, равенство в свободе - следствие обесмысливания насилия и условие перехода к договору, справедливость власти - любое иное равенство, кроме того какое надо. Но проникаясь моральным долгом, разум успешно перенес равенство из мира свободы в мир насилия, превратив его, таким образом, из физического в геометрическое. И понять его можно! Справиться с частной собственностью, отделив честно заработанное от насильственно изъятого, непросто. Избавиться от насилия - еще сложнее. Власть и добро смотрятся вместе так органично! Обнаруженное математическое совершенство помогает власти руководить публичной сферой, добиваясь иллюзорной экономичности, эффективности, оптимальности. Но все это возможно только с точки зрения личной цели и личной пользы, согласованной со всеми строго добровольно! И попирая аморальную индивидуальную выгоду, озабоченная власть порывается заменить ее социально справедливой выгодой "всех", полученной просто и красиво - операцией "+". Жаль только, справедливость общего счастья проталкивает в публичную сферу и свою основу - принуждение к жертве ради названного счастья, постыдно оправданное выводом должного из сущего, желательного из имеющегося и хорошего из плохого, ловко сварганенным придворной философией в ее моральном, политическом и социальном изводах.

Я надеюсь вы согласитесь друзья, что государственное добро, в виде уравнительной справедливости максимального "общего" благосостояния, "общего" развития и "общей" эффективности, и теоретически аморально, и практически бесперспективно, как всякое суммирование людей. В экономической войне государств, "общее" может и имеет смысл, но рядовым бойцам от государственных побед проку мало. И если уж говорить об уравниловке - как же быть со свободой, генерирующей неравенство с эффективностью, которой позавидовал бы вечный двигатель? Означает ли свобода отсутствие справедливости? Оптимальности? Экономичности?

Еще как! - сказала бы заботливая власть.

Насилие проникает в любую деятельность, но выправлять одно другим - увеличивать его в два раза. Одобряя насильственное перераспределение несправедливо полученной прибыли, философия взялась не за тот конец. Прибыль - результат, но есть еще и начало, есть еще и процесс. Свобода, зафиксированная договором, выражается в

длинном перечне правил, которым надлежит следовать. Результат правилен, если он следует из правил. Правильность - тоже вид справедливости, причем единственный, согласующийся с договором. Можно сказать, процедурная справедливость - это и есть договор. Такая справедливость устанавливает приемлемые границы насилия заранее - до того, как действие совершилось. Она уравнивает не результат, а условия процесса. Общество справедливо, если оно построено правильно и правилам следовали честно. Пока же мы имеем рынок, где правила успешно устанавливают те, кто правит, и политику, вне всяких правил безуспешно уравнивающую результат. Но тогда что же такое справедливые правила, лежащие в основе общества? Это то, чего философы никак не могут найти.

4 Ценность человека

Вы вероятно уже устали удивляться, почему я так долго жалуюсь не по делу? Простите, братья мои, и правда - вот уже конец письма, а я все никак не подберусь к его началу. Дело в том, что такое удивительное понятие, как "право на жизнь" просто невозможно отделить от описанной выше путаницы.

В списке прав подневольных государственных детей это право занимает почетное первое место. Трудно отделаться от ощущения, что это неспроста. Мало у кого вызывает сомнение такое, не то что естественное, а прям таки священное право. После него остальные права принимаются как-то всем сердцем, уже не думая. Но, на самом деле, оставив в стороне неоспоримый факт, что это не общество дарит жизнь, задумаемся - что означает право на жизнь? Очевидно, право жить. Но право - не просто чьи-то возможности, но и чьи-то обязанности. Государство бдительно охраняет нас день и ночь? Заботливо лечит? Добросовестно спасает от аборта? Скорбно хоронит, когда мы умираем? Нет, государство не любит обязанности. Куда больше оно любит запрещать. И потому перво-наперво оно запрещает физическое насилие. Не ради нас, ради себя - самосохранение и есть его первая забота. Запрещает, насильно собирая с нас за это дань. И получается, мы платим государству, чтобы жить. Право на жизнь - это обязанность платить за нее, то есть как раз нарушение этого права. И попутно, запрещая умирать по своему желанию, государство фактически обязывает нас пользоваться этим великим правом.

Но, разумеется, не для констатации этого очевидного факта я так долго говорил о морали и равенстве. Охрана жизни государством - пример уравнительной справедливости и морального конфуза в экстремальной форме, приоритет самой что ни на есть личной морали в самой что ни на есть публичной сфере. Именно право на жизнь, за которое приходится платить, трансформируется в моральное право требовать хоть что-то взамен. И не от родных и близких, хотя уже и это не очень-то морально, а от посторонних. Но если в личных отношениях помощь естественна и не вызывает никаких проблем, кроме разве что ее излишков, то в масштабах общества она выливается в принципиально нерешаемую задачу. Оттого-то и выполнение упомянутых ранее, глубоко чуждых государству обязанностей, оно довело до степени катастрофы. Однако избежать ответственности за них, равно как и катастрофы, а потом и ответственности за катастрофу, государству вряд ли удастся.

Чтобы проследить всю цепочку, начнем с простого вопроса. Как распределяется право

на жизнь, кто оказывается его достоин?

Безусловно такое священное право, как право жить, предполагает абсолютное равноправие, иначе смысла в нем нет никакого вообще. А поскольку смысл в нем видят буквально все граждане, надо признать - у всех нас есть одинаковое право жить. Иными словами - жизни всех нас равноценны. Но так ли это на самом деле? Нет, в данном случае я говорю не о практике, где давно примелькалась и особая забота о жизнях политиков, дипломатов и полицейских, и сомнительная забота о жизнях военнослужащих и заключенных. И не о том, что платим мы за заботу далеко не поровну. Я говорю о принципе. Просто поразмышляем. Право - конструкция общественная. А значит и должна оцениваться с этой точки зрения. И с этой, публичной, экономической - ибо публичная другой не бывает - точки, сразу видно, что жизни людей, как бы ни хотелось их объявить равноценными, совсем не таковы. Для всего человеческого общества - огромной суммы индивидов, включая тех, кто еще не родился - великий человек не равен бомжу. Не был и никогда не будет. Польза, приносимая ими несопоставима. Однако заявить такое язык не повернется. Что-то мешает. Мораль и экономика наложились друг на друга, идеология и практика завязались в узел. Могучему, но застенчивому государству ничего не остается как признать всех равно-ценными, а фактически - равно-бесполезными. И исходя из этого изображать равную заботу о всех. Да и как реально государство может оценить разницу? Как ему действовать, опираясь на эту разницу? Все эти вопросы показывают, что государственное право на жизнь - это не более чем моральная отрыжка, случайно попавшая из одной сферы общества в другую. Но мораль известна своей изворотливостью и упрямством. Оставим бомжа в покое. Как насчет женщин и детей? Инвалидов и стариков? Героев и злодеев? Кем жертвовать ради человечества? Кого спасти первым?

Вопросы эти приходится решать людям. Лично. Без помощи государственной инструкции, закона или права. И оказывается, что нет универсальной ценности жизни "вообще". Ценность есть всегда для кого-то. Для матери бомжа, сын - бесконечно дороже самого великого гения. А влюбленные друг друга ради готовы пожертвовать даже родными. Нет и абсолютного права на жизнь. Оно абсолютно только в рамках какой-нибудь пафосной, надуманной идеологии. У нормальных людей лишить жизни врага - доблесть. Отдать свою ради друга - долг. Убить злодея спасая ребенка - геройство. При чем тут государство и общество, с их искусственными, неизвестно как раздаваемыми социальными статусами? Жизнь - субъективное, личное, персональное дело. Все что требуется от посторонних - не лезть куда не надо со своей непрошенной, формальной заботой. Оставить мораль живым людям - семье, родным. Там, где жизнь дается и куда она уходит. Общество не скорбит о тех, кого не знает. Рождение, забота, уход в мир иной - это все дела близких. Они решают, как долго заботиться о человеке пока он растет, сколько поддерживать, пока он умирает, как содержать, пока он болен. Им же, в конце концов, и решать как быть с преступниками, самим выбирая меру - между максимальным наказанием и полным прощением. Дело общества - лишь предоставить им такую возможность и, на всякий случай, проконтролировать результат. Откуда вообще у чужих моральное право наказывать? Зато виновные в свою очередь обязаны отвечать перед пострадавшими, а не перед безликим бюрократическим аппаратом. Мораль покоится не на страхе абстрактного наказания, а на чувстве ответственности перед людьми, конкретными людьми. Общество, в конце концов, это люди, а не машина. И жизнь человека принадлежит не обществу - она

принадлежит его родным. Это и их право, и их обязанность друг перед другом.

Пока же безликое государство превращает таких же безликих подданных в одну большую семью, делая вид что все равны и любимы, но под этой фальшью неизменно скрывается деление на аристократию и плебс, на элиту и стадо, на избранных и отверженных. Забота государства о жизнях подданных распределяется пропорционально их общественной ценности, иначе и быть не может. Только ценность эта уж очень необъективна, как и сама государственная "мораль".

5 Или стоимость?

Вы еще больше сконфузились, братья мои? Понимаю. "Перед законом все равны". Но должен ли сам закон быть одинаков ко всем и каждому? Не поможет ли сконфуженной Фемиде удаление повязки? Давайте поразмышляем. Право на жизнь означает как минимум обязанность защищать и охранять. Но с какой стати в свободном обществе кто-то должен кого-то охранять? Публичная сфера - это посторонние люди. Если какое-то дело кому-то полезно, значит кому-то другому оно должно быть выгодно. Именно так и работает общая польза - это баланс потребностей и возможностей. Это совместное преодоление детерминизма. Если совершается насилие - кто-то страдает. Значит он нуждается в услуге общества - полиции, следователей, суда - за которую платит. А потом получает с виновного компенсацию. И наказывает его. Общество - лишь клубок интересов и надежд на нужный результат. А сейчас? Ну кого волнует результат? Государство? Ему плевать. В государстве человек - строчка статистики. Винтики системы? У них свои заботы - отчетность, перевыборы, сокращение штатов. Не говоря о старой доброй коррупции - отличном примере истинной государственной морали, естественным образом вытекающей из ситуации, когда общая польза складывается из неравных потребностей умноженных на неравные возможности.

Но как же общественная безопасность, спросите вы? Как нам защищаться от лесных жителей? Не думаю, что нашим скромным мозгам следует предугадывать коллективные решения будущего договора. Но точно знаю - в свободном обществе все делается добровольно. Предполагаю, что если не насиловать всех и каждого, уравнивая в правах, то есть шанс, что разумные люди смогут без посторонней помощи выяснить кто и как в ней нуждается, индивидуально. Нет, не убивая друг друга. А, например, самим оплачивая ее. Ведь люди имеют ценность только для родных, в обществе люди имеют стоимость. Вы уже возмущаетесь? Я тоже. В наше дикое время ценность человека, полученная экономически, т.е. стоимость, не сильно отличается от издевательства. Вся она - нужные связи, доступ к капиталу, богатые родители, в лучшем случае удача. Любой разумный человек возмутится, если ему предложить оценивать ценность человеческой жизни по количеству насильственно изъятых у окружающих денег. Но мы, братья мои, размышляем о принципах, верно? О принципах свободного, справедливого общества, где статус человека эквивалентен его пользе для всех? Так вот, позволяя нам самим платить за себя, такое общество как раз и гарантирует каждому право жить - настолько, насколько каждый этого желает и более того - заслуживает. И тогда вдруг выяснится, что добропорядочный труженик может расходовать на свою безопасность куда меньше отпетого мошенника, а скромный вежливый верзила - мелкого трамвайного хама. Все склонные к жизни по лесным законам будут полностью отрабатывать свои провинности, а не получать вместо этого из казны материальное

обеспечение "равного" права отравлять другим жизнь, да еще оплаченное пострадавшими.

Как видите, деньги даже тут могли бы сказать свое полезное слово. И конечно, наиболее весомо оно звучало бы, если оставить мораль сконфуженным моралистам и их заботливому, но бессовестному государству. Стремясь к выгоде, люди создают и продают все, что могут, включая риск собственной жизни. Нельзя продать только свое имя, потому что оно и есть субъект права - то единственное, что действительно важно в нас публичной сфере, помимо наших денег. И накапливая стоимость, они растут вширь и ввысь, ценнее соответственно принесенной пользе. Для рынка люди - это инструменты. А сам рынок - инструмент по выяснению объективной полезности каждого. И кстати, отсюда вытекает, что "новые" жизни для рынка равноценны, а потому еще одно дикое право - "наследования" - очевидно разрушает процедуру рынка и сращивает сферы, превращая естественный их симбиоз в неестественное сиаство. Но не значит ли это, что мы подходим к рынку с позиций морали? Нет. Это всего лишь принцип свободы. В личной сфере жизнь оценивается иначе - субъективно. Только равнодушный рынок позволяет сначала уравнивать жизни, а затем взвесить.

Ни государству, ни его морали это не под силу. Уравнивая всех в праве жить государство для начала ставит под удар самых слабых - оно при всем желании не может обеспечить безопасность наиболее нуждающимся в ней. Но при этом лишает сильных их преимущества и тем вносит новую несправедливость. Ведь сила тоже чего-то стоит, не в смысле способности к насилию, а как отсутствие необходимости в защите или, например, как услуга по защите, которая теперь обесценивается за ненадобностью. И физическая сила, и хитрость, и напористость - все это иные виды способностей, которые государству придется последовательно обесценивать, расширяя охват насильственного равенства и усугубляя свою ответственность. Уравнивать всех во всем невозможно, как бы этого не требовала опьяненная собой мораль или трезвая, но услужливая логика. Уравнивая в чем-то одном, государство дает незаслуженное преимущество в чем-то другом, что требует новых запретов. И начиная с невинной заботы о безопасности граждан, оно рано или поздно кончит пошивом брюк и выпечкой хлеба. Такова логика насильственной справедливости, ведущей к эгалитаризму, тоталитаризму и банкротству. Моральному государству не под силу даже право на собственную жизнь!

Так что ответ на наш вопрос вы, друзья, полагаю уже поняли. Жизнь, забота о ней, о ее начале и конце, принадлежит сфере личных отношений, все это существовало, существует и будет существовать вне расчетливого, равнодушного, толстокожего государства, из чего мы можем смело заключить, что естественна и жизнь, и право на нее. И хоть в природе нет такого права, у государства нет никакого права выдавать себе права на то, что и без него естественно. Так что выбор наш в этот раз не только ясен, но и прост.

Завершая размышления о "естественных" правах, нельзя не отметить, что мы опять столкнулись с выбором между природой и обществом, животным и человеком, историей и договором. Все естественное - природное, биологическое, историческое - только запутывает нас и мешает прийти к человеческому, но неестественному. Ибо

свобода и все, что из нее вытекает - крайняя степень неестественности, какая только возможна. Но именно она составляет сущность человека и сущность нашего выбора. А потому, делая правильный выбор, мы решительно отказываемся от естественных прав, как и прав вообще.

Но если нет никаких прав, что же есть? Что есть светлого, к чему можно стремиться? Друзья мои, при свободе, к которой я верю все мы стремимся, есть только одно универсальное, абсолютно одинаковое право - на отсутствие всякого насилия. Всё, звучащее как "права" - это лишь правила, которые участники договора выдадут себе сами, а не станут выпрашивать у власти. Да, мои сконфуженные братья, и "естественные" права, и все прочие "универсальные права человека", расплодившиеся под сенью этих главных - это никакие не права, а лишь морально-материальные претензии, с переменным успехом предъявляемые подданными всемогущему государству. Необходимость их обеспечения - как и возможность предъявления! - надежно подпирает государственный пресс и демократию как его приводной механизм, создает нужду в законодательной деятельности, придает государственному насилию моральность и легитимность. Между тем, права на что угодно кроме свободы, превращают человека в такого же бессовестного циника, как и государство, дарителя этих прав. Зачем надрывать свою совесть, нервы и кошелек, если об этом и так есть кому позаботится? Насилие, во имя какого угодно воображаемого блага, деформирует не только экономику, но и мораль.

И отдаляет свободу.

*Не поминайте лихом,
Ваш УЗ*

PS. Ну вот, кстати, и о морали.

...а где мораль?

Дорогой УЗ!

Прости в последний раз, но не могу сдержать эмоции. Совсем запутался я. Вот они, мои свежие сомнения.

Ты говоришь - зачем надрывать свою совесть? Да ее нет ни у кого! Ты посмотри вокруг! А отсюда все проблемы. Может потому и приходится нашему волчьему государству всех строить в ряд и подравнивать выступающих. Кто как не государство должно следить за порядком и заботиться о убогих? Запрещать наркотики, регулировать приход весны, следить, чтобы мы питались здоровой пищей и чистили зубы?

Смотри. Конечно, договор, справедливость - это все хорошо. Но где гарантия, что ради выгоды люди не будут обходить правила? Где гарантия честности? Есть ли в нашем свободном обществе место для порядка? Если деньги решают все, значит те, у кого они есть, могут всегда идти без очереди? Договариваться за моей спиной? Перебивать мою цену и уводить заказчиков и контракты?

Что-то тут не так. Даже сам договор. Хорошо говорить о договоре, когда нас двое. А если много? Как договариваться? Особенно, если каждого свой карман волнует куда больше чужого? Где гарантия, что вообще можно договориться? Да вот возьми наследство. Как это получается, что наследство плохо? А как же свобода? Кто ж добровольно откажется от наследства? Видишь - даже мы тут не договоримся. А если не договоримся, то война? Так иди дальше. Зачем жить тем, кто не хочет договариваться? Это не принуждение к договору, это просто естественный факт. Нет договора - нет людей. Животные пусть живут, а всякое быдло с какой стати? Планета одна на всех.

Не, без морали нельзя. Я так считаю. А с ней как раз неясно. Ты говоришь, мораль - это все для личной сферы. Люди жертвуют собой ради ближнего, любят, размножаются и вообще благоденствуют. Ладно. Но что тогда остается в публичной сфере? Только голая выгода? Это же опять война! Нет, понятно, общая польза, то-се. Но ты пойми, выгода - это чувственное что-то, инстинктивное, приятное на ощупь, а разум, размышления которого гарантируют все хорошее - что-то абстрактное, отвлеченное, витающее в облаках. Может ли разум контролировать чувства?! Да разум всегда оправдает любое желание!

Дальше. Про безопасность. Вот те, кто будет осуществлять насилие над нарушителями - они не превратятся в бандитов? В диктатуру? Особенно, если мораль относится только к личным отношениям? Если не мораль, то что их остановит, опять выгода? Прости, дорогой УЗ, по-моему ты рехнулся.

*От общего лица,
Фома*

Приветствую тебя, мой верный друг Фома!

Я много думал. Да, привычная нам "жертвенная" мораль ограничена личной сферой и в публичных отношениях приводит к жестокому конфузу. Как же можно быть уверенным, что договор состоится? Что люди откажутся от насилия и выберут свободу? Тем более что история и жизнь пока не дают повода для оптимизма?

Я много понял. Способность договориться, чистота помыслов, честность - это все требует особой, публичной морали, морали рассудка. Я назвал ее Объективной Этикой и решил посвятить ей (и тебе) толстую книгу, где отвечу на все твои вопросы.

Жди.

УЗ

Ода разуму

Дорогие коллеги! Друзья!

Размышляя над Книгой о Новой и Чудесной Этике, я решил пока отложить ее в сторону и задуматься над вопросом о том, какую власть имеет разум над нашими чувствами. Правильно сомневаются некоторые из нас: корысть - это чувство, а свобода - это разум. Кто окажется сильнее? Тем более, что глядя на окружающее, невозможно отделаться от сомнений. Что есть свобода? Не больная ли это выдумка одинокого философского гения?

Поэтому, давайте-ка начнем с начала, серьезно и основательно. Что, помимо изложенных размышлений, дает шанс свободе? Что делает возможным честность, совесть и прочие приятные вещи, которых нам так не хватает? Разум? Но способен ли он преодолеть низменные животные пристрастия, присущие человеческой природе? Есть ли смысл полагаться на него в деле конструирования свободного общества? Короче, друзья, стоит ли нам тратить на эту книгу время?

Думаю, надо опять потревожить природу. Потратим на нее еще пару минут. В конце концов, разве не природа нас породила? Ей и отвечать.

1 Естественно ли насилие?

Вопрос, нелепый в силу самоочевидности. Да что может быть естественней?! Насилие над всем, что движется - а во вселенной движется все - главный закон мироздания. Само бытие в пространстве и времени - уже насилие и над пространством, и над временем. Не лучше обстоят дела и с братьями нашими меньшими - кто над ними только не насильничает! То, что они сами насильничают над собой - только следствие, хотя и неприятное.

Все это понятно, все это мы знаем. Непонятно только как быть с гомо-сапиенсом, что вроде бы означает человек "разумный" и предполагает, что вместо насилия, он способен сам с собой договориться. Поскольку от многих людей, не склонных к пустым верованиям, мы знаем, что человек - сын животный, а не божий, то, следовательно, насилие ему так же свойственно, как и всем прочим животным тварям. Например, все мы едим мясо, а ведь мясо - это было когда-то живое существо. И существо это мы хотим есть по крайней мере пару раз в день. Что меняется от того, что "существом" служит не человек, а корова? Она что, существо второго сорта?

Тут любой сытый сообразит - конечно не второго. Она ничуть не хуже человека. Она и молоко дает даром. А часто ли можно увидеть человека, дающего даром молоко? Причем в отличие от него, корова никого в своей короткой жизни не то что не убила, даже не помышляла! Самое время подумать и сказать: это человек - существо второго сорта. Эксплуатирующего невинное, добрейшее животное, убивающего и жрущего его, не только не давясь и не краснея, но и наслаждаясь его питательными и вкусовыми качествами.

После такого экскурса в мир сортов животных, стоит ли удивляться, что люди режут на части своих собратьев, а кто поспособней - делает это в массовых масштабах, пользуясь за это благодарной памятью потомков? Нет, явно не стоит. Однако есть некоторые признаки, которые подсказывают - не все так просто. Не у всех мысль о мирных коровах вызывает слюноотделение. И не всех воодушевляет мысль о героических полководцах. Более того, большинство современных людей, не только не способны убить корову, они даже клопа давят морщась и закрыв глаза.

Как же так? Отчего современный человек стал таким же хлипким, как сама мысль о свободе? Может это просто вырождение? Излишний гуманизм, приведший к тому, что нынче выживает не сильнейший, а слабейший, кто в природе угодил бы на обед, но в обществе по недоразумению выжил и размножился?

Эта мысль заслуживает внимания. Действительно, посмотрим на умных - некоторые даже говорят, не менее умных, чем человек - животных. Если поймать крысу и проткнуть ее брюшко металлическим штырем, она не сразу умрет. Еще живая, проткнутая крыса из последних сил извернется и постарается укусить обидчика. Много ли можно найти людей - самых стойких и сильных - способных на такое? А животные в капкане? Кто не слышал истории, как дикое животное отгрызало себе ногу и убегало - безногое, но счастливое? И опять хочется спросить, неужели это искусственная селекция виновата в том, что никто - на этот раз я в этом уверен - что никто из людей так не может? И наконец, всем известный пример ящериц, которые будучи пойманы за хвост, добровольно отбрасывают самое дорогое, что у них есть? Кто из ныне живущих людей способен на это?

Да, наши предки убивали голыми руками тигра и шли с добрым словом прямо на мамонта. Но думается мне, вовсе не гуманистическая евгеника виновата в том, что даже самый отважный современный герой не сможет в здравом рассудке убить врага, выпить его кровь и съесть еще теплое мясо. А бывает - даже просто толкнуть ребенка! Дело в чем-то другом.

2 Откуда пошло неприятие насилия?

На этот вопрос, проницательные друзья мои, вы наверняка сможете ответить сами - от мозга. Конечно! Именно нашему обширному мозгу мы обязаны отвращением к насилию. Именно мозгу мы обязаны нашей бесконечной умственной свободой, непонятно как перешедшей в наши органы чувств. Ибо только обширным мозгом мы отличаемся от остальных живых тварей, жрущих все, что плохо лежит и медленно бегают. Да еще и получающих от этого плотоядное удовольствие. Отвращение ко всяческой низости, гадости, мерзости, грубости, жестокости - одновременно и чисто биологическое, и чисто человеческое, идущее напрямиком от мозга, чувство.

Но как это получилось? Как вышло, что большинство людей, не способных утомительно долго размышлять, оказалось очень даже способны мгновенно падать в обморок от вида крови?

Вопрос этот, не скрою, пока покрыт туманом. Очень может быть, что мозг на самом

деле гораздо обширнее, чем кажется на первый, поверхностный взгляд. Есть подозрение, что разум - не просто способность размышлять. Люди даже не особенно стремятся к этому, размышления скорее удел немногих извращенцев. Главная функция мозга - "думать", т.е. переводить возникающие внутри человеческого существа ощущения в форму, понятную окружающим, а заодно и самому себе. Перевод ощущений в слова не просто порождает мысль, но заставляет попутно осмыслить и кое-какие факты окружающего мира, скрывающиеся, в частности, за вопросами - а зачем вообще говорить? Для кого? О чем? Как долго?

Из множества этих мелких фактов вытекает один большой. Речь приводит к осознанию себя частичкой коллектива, типичной единичкой бытия, такой же как и прочие - и внешне, и внутренне. Рождение мысли - попытка раскрыть себя, передать себя другому, вызвать его реакцию, а понимание чужой мысли - прием другого внутрь. Вся эта мыслительная механика - постоянный и обычно бессознательный обмен местами с другими, постановка себя на чужое место, а чужого - на свое. Только увидев себя со стороны, узнав себя в другом, человек может в конце концов понять что-то. Пусть не все, пусть часть. Но часть важную, особенно в свете нашей нынешней темы. Эта часть как раз и заключается в том, что насилие - ужасно. Чужие страдания передаются мозгом нам внутрь и вызывают такие же страдания. Ну или похожие. То, чего никак не могут понять наши меньшие, вечно голодные братья, входит в человека вместе с разумом, не думая, само собой. Оно неотделимо от разума, потому что разум - это, не огорчайтесь друзья, просто на просто разговор. А разговор невозможен без кого-то с кем можно поговорить. А поговорить означает - перестать биться палками, остановиться и задуматься.

Конечно, сказанное было несколько несправедливо по отношению к животным. Даже у животных есть мозги и многие из них пользуются ими по прямому назначению - т.е. общаются, хоть их язык нам и не всегда ясен. И что совсем не удивительно, чем родственней нам животные, тем больше мы замечаем в них похожие черты - способность к эмпатии, жалости, сопереживанию страданиям другого. Не будет большим преувеличением, таким образом, сказать, что свобода человека обусловлена биологически до той степени, до какой биологически обусловлено наличие у него мозга. Что делает наши рассуждения о человеческой природе и естественных правах еще более насущными, а выводы - существенными.

Однако биологичность свободы не означает, что вся она, как и моральные "чувства" - лишь следствие эмоций. Что свобода, таким образом - просто некая биологическая ценность, типа кусочка умело прожаренного бифштекса. Да, насилие ужасно. Но оно и приятно тоже. Биология равнодушна к моральным соображениям. Мы можем предположить, что насилие все же более ужасно, чем приятно, но выяснить этот факт можно только испытав его до самого конца - т.е. если оказаться съеденным. Таким образом, мы видим, что разум оказывается на самом деле провидцем - отвергая насилие, он заглядывает далеко в будущее, а заглядывая, он отрицает детерминизм в его крайнем проявлении - смерти. Отрицает не в силу связанных с насилием эмоций, а в силу глубоких рассудочных соображений, лежащих не только в другой от эмоций размерности, но и даже вне понимания нормального жующего человека. Этот мысленный страх смерти, страх того, чего нет, но что, по мнению мозга, обязательно будет, есть нечто среднее между нормальным инстинктом и мысленной эмоцией, что вполне можно было бы назвать "инстинктом" мозга, "умственным чувством" или даже

"модусом мозгового бытия", по аналогии с главным инстинктом любого живого неразумного существа - выжить. "Выживание" мозга, его "инстинкт", отторгающий не только боль, но и все биологическое естество скопом - это отторжение детерминизма, стремление преодолеть неизбежное, выйти за границы допустимого. Остальное, что делает с нами мозг - и наука, и прогресс, и отвращение к крови - только неминуемые следствия.

Так что размышления о свободе все-же вторичны в том, что касается причин и следствий. И сами они, и выводы из них - лишь выражение глубоко сидящего, внушенного разумом ощущения, что мы все - одинаковые. И что мы все не просто не любим, когда нас едят или совершают над нами иное насилие, но и не хотим этого из высших соображений. Что всем нам надо договариваться, а не тянуть одеяло на себя. Выражаясь глубокомысленно, ощущение, что помимо субъективной шкуры, у каждого из нас есть и нечто объективное - присущее нам всем как разумным существам. Это "чувство общего" позволяет подняться над субъективным и сиюминутным в точке зрения на окружающий мир, позволяет заглянуть за горизонт и увидеть, что общее отвращение к насилию - лишь путь к той самой, одной на всех свободе, которая нам важнее всего. Чувство это, хоть и появилось не так давно по сравнению с нашими животными инстинктами, оказалось уже достаточно сильно, чтобы противостоять им. В конце концов, без мозгов в наше время уже никак не проживешь. А значит свобода неизбежна, даже если нам придется обходиться совсем без мяса.

3 Он не мог поступить иначе

Вот и мне почему-то кажется, что умные люди будут обходиться травой. Многие из них уже сейчас настолько хилые, что напоминают растения. Тема эта, прямо скажем, довольно глубоко запрятана в общественном сознании, она стала чем-то вроде табу. Но люди бывалые отлично знают: чем человек умнее, чем он как говорится "интеллигентнее", тем менее он склонен рисковать. Это мягко выражаясь. А тверже - умные люди трусоваты. Они как-то прямо не могут преодолеть свой ужас перед всяким насилием, включая по отношению к ним. И у них очень неплохо получается оправдывать свое поведение - не зря же они такие умные. Потому и тема эта как бы неудобна и уж конечно ненаучна. Вы удивлены? Ну, а кто пишет умные книги? Так что удивляться тут нечему.

Если вы, друзья мои, испытываете в этот момент стыд за разум, вы не одиноки! Сам разум кипит возмущением - и за самого себя, и за нас с вами. И легко находит оправдание. Вот он уже подсказывает мне, грозно вопрошая - а разве разум не зовет нас на борьбу? Не учит нас побеждать? Не восхищается героизмом до дрожи в членах?

Может мы и правда рановато списали разум в ботанический сад? Не думаю. Давайте встанем на твердую позицию непредвзятости, беспристрастности и строгой объективности. Разве умные люди не делают все возможное, чтобы геройство было не нужно? Разве не стараются они так организовать общественные системы и спроектировать технические, чтобы те работали как солнечные часы в хорошую погоду, т.е. сами собой? Разве не тратят они на это все свои умственные силы, подкрепленные трехзначной зарплатой? Разве не совершают они то, что им нравится пафосно называть научным, инженерным и еще каким-нибудь ненастоящим "подвигом"? И возможно,

делают они все это не только из трусости, хотя истинные герои наверняка усмотрели бы в их действиях не только трусость, но и подлость. Потому что своими мудренными расчетами умники не дают героям проявить геройство и тем низводят их до своего жалкого уровня.

А это, если вдуматься, ужасно. Жизнь наша без геройства не просто скучна, она невозможна. Природная стихия плотно окружает нас и раз за разом доказывает, что разум против нее бессилён. К счастью, природа снабдила нас, помимо трусливого разума, другими умственными органами, которым противопоказано договариваться и которые склонны скорее к подвигу, чем к пустым разговорам. Подвиг - это порыв, спонтанный и естественный, порыв, не допускающий ни тени сомнений, ни секунды раздумий. Ибо природа учит нас выживать! Разве по-настоящему умные люди не должны бы культивировать геройство? Разве не должны они делать так, чтобы юность с младых ногтей привыкала к жертвам, научалась переступать свой страх и остальную хлипкую психологию? Как уже делают истинные друзья человечества, прививая нам с детства вкус к крови путем производства захватывающих фильмов, игр и книжек с правдоподобно нарисованными картинками?

Посмотрите на всех готовых не задумываясь отдать свою жизнь - шахидов, камикадзе и других верных последователей упомянутых наставников. Не кажется ли вам, что они - наш общий идеал и воплощение высшего разума? Нет? Но почему? Тут нам и самоотверженность, и высокая цель, и безупречная, нечеловеческая мораль. Сердце, воспитанное классической литературой и массовым кинематографом, покорно склоняется перед героем, но голос разума мерзко и трусливо твердит совсем другое. И как ни крути, как ни сопротивляйся, как ни вопи громкими моральными воплями, он в конце концов заставляет эгоистично признать - люди, которые не задумываются, не очень умны. Потому что задумываясь, мозг непременно найдет причину - и не одну! - по которой геройство окажется не просто излишним, но и вредным. В этом - одно из самых странных, но если задуматься, и одно их самых естественных свойств разума. Во-1-х, сомневаться, во-2-х, критиковать, в-3-х, доказывать бессмысленность насилия, а в-4-х, б~~о~~ять выживать.

Да, разум гуманен и просто потому, что сам хочет жить. В жестокие былинные времена выживали герои. Умники, хлюпики и остальные очкарики, кто не был способен доказать огнем и мечом свое право на существование и очки, исчезали во мгле истории. И таких было немало! Очень немало! Ибо мозг требует столько жизненных ресурсов, что их запросто не хватает остальным органам - чем головоастей особи, тем они тщедушнее и худороднее. Так что у очкариков не было никаких шансов против окружающих героев. Но как только первый хлюпик каким-то чудом выжил, он стал с умным видом вправлять удивленным героям мозги на предмет того, что нехорошо быть жестоким. Что надо любить жизнь и беречь всякого хлипкого умника. И даже выдумал для этого термин - "право на жизнь". Он просто не мог поступить иначе.

Как же разум оправдывает свой трусливый пацифизм? Не вдаваясь в туманную философию, он утверждает, что и речь, и сама мысль - это не просто попытка привлечь чье-то внимание и поболтать. Это, ни много ни мало, замена насилия! Действительно, без мыслей и слов, единственным способом общения стали бы действия, и чем желания и эмоции сильнее - тем действия внушительнее. Зато выраженные вслух, или на худой конец "про себя", эмоции становятся безобидными, как маленькие дети. Они сдуваются

даже не успев как следует надуться, а не то что лопнуть и вылиться в настоящий поступок - тот, о котором потом будешь долго жалеть. Мышление и речь вытесняют из людей природные агрессивные инстинкты, так грубо и неприятно проявляющиеся у всех, кто не в состоянии нормально изъясняться - от амеб до великих преступников. Они все больше заменяют деятельность, что особенно заметно в наш век больших и маленьких интернетов. Осмысливая и выражая языком свои эмоции, человек теперь совершает работу, и чем больше он общается, тем меньше у него остается сил на что-то иное. Не говоря уж о чем-то героическом.

Разум, так сказать, превратился в бойца словами и как ни странно, сумел серьезно потеснить героические органы. С разумом, даже трусливым, трудно спорить! Но как же быть с воплями морали, спросите вы? Почему мозг так упорно противоречит сам себе? Сначала заставляет выживать всякого хлипкого очкарика, а потом обзывает его страшными словами за его неспособность переступить через свою хлипкость и броситься в огонь, воду и другие нужные места? Мне кажется, в этом опять проявляется моральный конфуз, а именно возвеличивание героизма, свойственное жертвенной личной сфере, смешанное с отрицанием насилия, свойственным расчетливой публичной. Мораль словно не может в своем праведном ослеплении различить, где кончается одно и начинается другое. Поэтому оставим пока иррациональность и вернемся к первоисточникам.

4 Где источник морали?

Конечно там же, где и свободы - в разуме. Ошибкой было бы думать, как думают некоторые философы, что разум не имеет к морали никакого отношения, что все, на что он способен - это искать кратчайший путь между двумя точками - "есть" и "хочу" или, в лучшем случае, "есть" и "надо". Или что разум - эгоистичный расчетливый механизм, способный только максимально эффективно загрести под себя, или, опять таки в лучшем случае, "взаимно-альтруистичный", тонко высчитывающий, кто уже оказал ему услугу и кому поэтому надо в будущем оказать ровно одну такую же услугу. Это все отождествление разума с рассудком, холодной расчетливостью и способностью размышлять, свойственной, как мы уже убедились, извращенцам и философам. Отсюда поэтому и такой странный результат этого размышления, оставляющий подвешенным вопрос - откуда же тогда мораль, если не от разума? Неужели от Мирового Духа?

К счастью мы уже выяснили, что источник нашей свободы, а вместе с нею и морали - не вложенный в нас природой закон, не придуманные кем-то из умных людей правила, не высшая надзирающая сущность, не рациональный или взаимообразный альтру-эгоизм. Источник - серое вещество, мозг, само его физическое наличие, неотделимое от способности думать. Свобода так же естественна для всякого члена общества, как преобладание и подчинение для всякого члена стаи. Разум порождает эмоциональное неприятие насилия ровно настолько, насколько ему удастся выразить свои и воспринимать чужие мысли и сокрытый в них смысл. Что, естественно, невозможно без наличия равно-соображающего, а значит и равно-свободного собеседника. Но поскольку мозг, раз начав думать уже не в состоянии остановиться, а подходящий - а тем более равно-соображающий! - собеседник присутствует рядом далеко не всегда, то возникает некая проблема, которую мозг решает тем, что как бы мысленно создает чучело собеседника и поселяет его прямо в наш разум, рядом с собственным "я", почти

на один уровень с ним. Это чучело, называемое "совесть", приобретает право безнаказанно терзать "я" от имени и по поручению совершенно постороннего, чужого человека.

Это - первое и второе, в чем проявляется родительская роль разума. Но этим его повивальные заботы не исчерпываются. Продолжая плодотворно общаться с себеподобными, а в их отсутствии - со своей совестью, разум заменяет насилие разговором, т.е. фактически явно или неявно заключает с другими договор о ненападении. Общение всегда предполагает мир. Поскольку каждое слово - это замена действия, то вместо насилия над окружающим миром, человек совершает насилие над информацией - крошечной копией мира у себя в голове. Обмен информацией - это прототип последующего сотрудничества, это сближение людей и поиск общего, объективного видения мира. Понимание убивает взаимный страх и порождает доверие. Так разум толкает нас на преодоление насилия, на замену его обменом мыслями, спорами, дискуссиями и в конце концов согласием.

Но только разговорами разум не ограничивается. Понимание собеседника требует действия - иначе зачем было общаться? Понимание и действие, в свою очередь, приводит к осмыслению причинности, сначала в коммуникации и поведении, а затем - в окружающем мире. Копия мира и понимание причинно-следственных связей порождают модель реальности и качественно новое свойство - предвидение. Действие человека становится осмысленным - оно опережает результат, позволяя ставить цели. Так разум мимоходом побеждает детерминизм. Человек становится способен принимать решения и отвечать за них перед собой и другими. Он, как говорят грамотные люди, приобретает "свободу воли", вся суть которой, как и всякой свободы - преодоление насилия, будь то насилие законов вселенной, будь то насилие других освобожденных волей.

Но и это еще не все! Цели порождают ценности. Бессмысленное подчинение внешним силам, которые толкали человека во все стороны без разбора, теперь заменяется добровольным притяжением в нужном, правильном или хорошем направлении. Оценивая, человек придает целям приоритеты. Он ставит насилию оценку "плохо", а свободе - "хорошо". Он сортирует окружающий мир и выбирает то, что для него более или менее важно, то, что притягивает его более или менее сильно. Он заменяет случайность целесообразностью. Он разрывает непосредственные причинно-следственные связи и делает их отложенными или опережающими. Все, что биологическая эволюция вложила в гены - свои или чужие потребности, примитивные или социальные инстинкты - все это подвергается переосмыслению, не всегда здравому, но всегда разумному. Человек не может не подчиняться. Но теперь он накладывает на себя ограничения сам и подчиняется добровольно и осмысленно там, где был вынужден подчиняться принудительно и слепо. Добровольное подчинение собственной свободной воли настолько впечатлило людей, что они назвали это "моралью" и возвели в ранг величайшей загадки. Звучит она так - "А на кой мне сдалась эта мораль?"

В вопросе кроется смысл. Добровольное и осмысленное подчинение - не фунт изюма. Детерминизм заложен в наших самых глубинных эмоциях и ощущениях. Голод, страх, боль... А также восторг победы, восхищение силой, упоение борьбой, наслаждение властью. Загадка морали в том, что она способна отвергнуть любые эмоции, заставить

переступить через них. Мораль - это сила разума, то, что позволяет ему преодолеть животные позывы и сделать его цели подлинно независимыми, подчиненными только высшему, одному ему известному смыслу. То, что в мы обиходе называем "силой воли". Парадокс, однако, в том, что найти смысл не так-то легко, но при этом разум не может отказаться ни от морали, ни от смысла, точно так же как не может отказаться от свободы или самого себя. Он обречен на размышление и на мучение, и это, пожалуй, не намного лучше, чем старый добрый детерминизм, который когда-то сам породил своего могильщика.

5 Перерождение эволюции

Идея, что разум переосмысливает, а то и отрицает биологические потребности, вызывает у некоторых эволюционных этиков, генетиков, социобиологов, этологов и психологов мучительные, хоть и закономерные, сомнения. Действительно, разум - продукт эволюции, с этим глупо спорить. Как же он может отрицать законы эволюции? А если он погибнет в слепом стремлении к свободе? Или погубит себя в ослеплении моралью? Или просто ослепнет от собственного зазнайства? Нонсенс! От эволюции нельзя скрыться. И разум, и мораль - это все фокусы эволюции, направленные на выживание. Мораль полезна. Так думают эти ученые.

Но если ученые чтут логику, они должны согласиться, что тогда и полезное морально! Вот где нонсенс - достаточно вспомнить о коровах, чтобы забыть о логике! Разумеется, друзья, мы предпочтем коров. Кстати о коровах. Откуда они взялись? Как эволюция умудрилась из неживой природы создать существо, которое не только дает нам мясо, но и хочет жить? Откуда потребность жить в наборе молекул? Мутации и отбор лишь совершенствуют качества живых тварей, служащих их единственной потребности - выжить. Но сама эта потребность никак не может появиться от того, что эти игры случайных сил сложат атомы и молекулы особенным, животворным образом. Ученые много лет наблюдают галактики, туманности и другие поразительные небесные явления. Разве это - не продукт "эволюции"? Разве образование звезд и планет, элементов и веществ не подчиняется похожему, хотя и немного иным законам? Борьба масс, полей, энергий - это ж непрерывное насилие! Всякая сила толкает материю, вызывает противодействие и достигая равновесия формирует нечто устойчивое, воспринимаемое нами как "объект". Но объекты не вечны. Кому повезло - "выживают" надолго, кому нет - быстро "погибают", превращаются во что-то иное. Все, что мы с восхищением наблюдаем на небе - лишь результат приспособления материальных субстанций к условиям, заботливо подготовленным для них мирозданием.

Появление жизни нарушает эту идиллию. К физическому детерминизму добавляется биологический. Вполне возможно, что появление первой протоклетки, заимевшей потребность "жить", было следствием давно известных нам законов. Ее потребность, например, оказалась энергетически "выгодна". Но как никому не придет в здравом уме полагать, что источник жизни - темная жизненная материя, пронизывающая все вокруг, точно так же никто в здравом уме не будет полагать, что все живое - лишь энергетические машины.

Разум тоже появился в рамках привычных биологических процессов. Свобода преодолевать эгоистические потребности, например, оказалась биологически

"выгодна". Но если никому в здравом уме не приходит в голову полагать, что источник разума - светлая разумная материя, пронизывающая все вокруг, то почему здравомыслящие люди полагают, что все разумное - лишь биологические машины? Разум - это продукт эволюции и одновременно - преодоление эволюции, выход в новое качество. Как и жизнь. Жизнь - это появления потребности у мертвой материи. Разум - появление цели у живой. И откуда это все взялось, эволюция нам не объяснит. Можно принять любую правдоподобную гипотезу - ниоткуда, от темной/светлой материи, от мирового духа и т.п. Не стоит только считать, что ни жизни, ни разума нет, а есть только колебания и колыхания.

Естественно, результаты обоих качественных скачков принципиально отличаются. Если живое хочет выжить, то разум хочет свободы. Разум может ставить разные цели, вытекающие из его биологической природы, но только не свободу. Ее просто нет в биологии. Также естественно, "эволюционные", за неимением лучшего термина, процессы, протекающие в неживой, живой и разумной "природе", принципиально отличаются. Между социальной и биологической эволюциями столько же общего, сколько между ними и судьбами галактик и туманностей. Как хочется думать, что культурная эволюция занимается все тем же - выращивает наиболее приспособленную культуру. Приспособленную разумеется к дальнейшему выживанию. Однако, учитывая предыдущие размышления, сделаем небольшую поправку. Эволюция неживой материи - стремление к устойчивости, пусть и случайное, ненаправленное. Жизни - к выживаемости. Появление разума, способного ставить цели, навсегда изменяет характер движения. Эволюция общества теперь идет туда, куда человек "хочет". Тот, по своему грустный факт, что проблемы устойчивости среды и выживания человеческих особей никуда не делись, ничего в этом не меняет. Но куда человек хочет? Откуда он вообще возьмет цель? Разве не очевидно, что все цели уже заложены - выбора нет! Верно, загадка смысла сложна, но тем более не стоит пытаться подменять ее банальностями выживания - бессмертием, искусственным разумом и прочим "трансгуманизмом".

Есть абсолютно гарантированная, хотя и неочевидная связь между эффективностью, уровнем развития, степенью благосостояния общества и свободой. Однако "прямой" путь к благоденствию - через личное выживание и личный интерес - так же гарантировано и так же неочевидно ведет в обратном направлении. "Механизм" эволюции общества отличается от животной борьбы за собственные интересы - он связан с моралью. Мораль оказывается "полезна", но только не для ее носителя. Эволюция теперь движется осознанным ограничением личного интереса. Лежащие на поверхности, бросающиеся в глаза экономические и технические достижения, кажущиеся нам следствием рынка и эгоизма, на самом деле - следствия глубинных моральных сдвигов и отказа от эгоизма, следствия чистого разума, размышлений и этических идей, предложенных конкретными людьми. Их даже по именам можно назвать, если порыться в справочнике. Несмотря на то, что эти люди частенько говорили на разных языках, идеи, разворачивающие историю то влево, то вправо, в конечном итоге целят в одно место. И мы догадываемся в какое.

Эволюция общества, таким образом, вполне может быть переименована в "прогресс" - эволюцию осмысленную и целенаправленную, в отличие от эволюции живой природы, направленной но не осмысленной, и эволюции неживой материи, и не осмысленной и не направленной.

6 Бессилие разума

Подведем итог. Судя по всему, разуму обеспечена победа над чувствами? Направляя социальную эволюции, разум гарантирует человеку свободу?

Как хочется сказать "да" друзья, не так ли? Но спросим себя, разве может быть свобода гарантирована? Разве обязано добро непременно победить, не смотря ни на что? Без постоянных, упорных усилий, само по себе? Если "да", значит можно не напрягаться, забыть о моральном долге и просто жить в свое удовольствие. Иными словами, стать снова эгоистичным животным, погрязнуть в насилии, вернуться в мир детерминизма... Т.е. никакого объективного, не зависящего от нас прогресса, в сущности, нет?! Тут явно какой-то подвох!

Может, тогда "нет"? Но если "нет", куда же тогда идет прогресс? Назад? В никуда? Что это за прогресс такой? И ради чего, опять таки, напрягаться? Налицо очередной парадокс свободы. Очевидно, что впереди свобода, но какая она и даже есть ли она вообще, нам неизвестно.

Вот оно - полное бессилие разума. Мы идем, отказывая себе в самом необходимом, в самом естественном, ограничивая себя в желаниях и потребностях, борясь с природой и себе подобными, преодолевая немыслимые преграды - не зная куда!

И вот вам, кстати, результат. Несмотря на то, что и разговор, и в конце концов договор, кажутся нам неизбежными, моральные усилия разума явно не слишком успешны. Просто посмотрите вокруг. Как бы нас не тошнило, причин для тошноты никак не убавляется. Хуже того, они растут. В последнее время смотреть на "цивилизованное" общество и его самодовольных обитателей становится поистине невыносимо. Почему?

Я думаю мы мало думаем. То есть не мы - они. Такое впечатление, что раньше думали гораздо больше. Не зря же было изобретено столько всего хорошего, предложено столько здравых моральных идей. Что-то было даже реализовано на практике. А сейчас? Налицо повальное слабоумие. Успехи человечества - и наука, и культура, и остатки нравственности - исчезают с космической скоростью. Но почему?

На мой скромный взгляд, тут есть две версии объяснений. Первая. Разум должен был, но не смог, можно сказать не успел, покончить с социальной эволюцией - т.е. хаотичным поиском моральных норм - и разумно, раз и навсегда, задать направление развития общества и человека. Ведь главное, в принципе, уже было известно. Заменить эволюцию направленным прогрессом можно было бы одним, хоть и непростым, способом - гарантированным воссозданием самого разума. Ведь не секрет, что разум - это всего лишь головы конкретных представителей человеческого рода, вполне смертных, пусть имена их и оказались бессмертны. Постоянное присутствие разума давало бы социальной эволюции непрерывный стимул к движению вперед и тем самым она превратилась бы в прогресс. Да, не гарантированный, но по крайней мере разумный, а значит и успешный. Ошибки и проблемы неизбежны, но размышления - творчество разума - не оставили бы нас без надежды на победу. Был бы разум, а решения найдутся.

Увы, разум так и не научился делать самого себя. Глядя на нынешних обитателей планеты, понимаешь - мы опоздали. Разум оказался не то что недееспособен, а в каком-то примитивно биологическом смысле бесплоден. Вчера он был, сегодня его нет. Умные люди с чувством выполненного долга ушли в мир иной и на их место пришли тупые потомки. Они забыли и про свободу, и про мораль. Они не хотят думать, им лень. Им не интересно.

Детерминизм верен себе. Животные всегда будут рождаться, это абсолютно железный закон, а свобода со своей стороны требует постоянных, непрерывных усилий. Свобода тоже верна себе. Людей необходимо постоянно и непрерывно воспитывать. Малейший сбой в этом процессе - и все. Все! Все надо начинать с начала!

Нам просто не повезло. Почему? Шутка свободы. словно специальное напоминание, что у нас нет и не будет гарантий. Что свободу надо заслужить.

Вторая версия. Насилие видоизменилось, оно успело пролезть там, где его не ждали. Чем больше разум творит свободы, тем больше природа обнаруживает противоядий от нее. С Большого Взрыва прошло совсем немного времени - а сколько нового появилось вокруг! Как среди физических объектов теперь существует немыслимое количество сил, так и среди людей теперь существует немеренное количество способов заставить другого подчиниться. Физическое насилие уже давно удел людей с плохо развитым мозгом. Куда эффективней насилие экономическое и финансовое. А также эмоциональное, идеологическое, культурное и моральное. А о демографическом никто еще и не задумывается!

И они не только эффективнее. Они еще и куда более приемлемы. Многие ли считают, что принуждать "мирными" средствами - зло? Что свобода "найти" работу, продаться за деньги - издевательство? Что новости, комментарии, аналитика, мнения и прочие сплетни, извергаемые СМИ - яд для незащитных клеток мозга? Разве сравнить количество тех, кого тошнит от крови с теми, кого тошнит от лжи?

Бессилие разума вызывает отчаяние, но оно не удивительно. Если физическое насилие практиковалось на земле миллионы лет, то к насилию словами разум оказался не готов. Он просто не развился как следует. Он просто не ощущает насколько это мучительно, когда принуждают словами. Ведь крови не видно, боли не чувствуешь. Чужие страдания трогают только если ими тычут в глаза и хватают за руки. В мире абстракций факты не подкрепляются ощущениями. И разум спасовал перед нашими, закаленными долгой борьбой за выживание, героическими органами.

7 И его всесилие

Недавно ученым удалось добиться новой большой победы - успешно доказать, что биология, гены, вирусы и другие ужасы эволюционного прошлого полностью определяют наше поведение - на все 70 процентов! Вот он - предел? Думаю, нет. Думаю, это все неважно. Наличие полноценного разума перечеркивает их до последнего нуля. Ведь что такое 70%? Это насколько вариациями генов объясняются вариации поведения. Так сказать, генный детерминизм. Как считали? Взяли разных людей и

посмотрели. Рабочих там, колхозников, домохозяек. А почему бы ученым не взять представителей, скажем, каменного века? Палеолит какой-нибудь, не слишком верхний? Насколько отличаются наши гены и насколько отличается наше поведение?

Да что там палеолит! До самого недавнего времени мучительные пытки и зверские казни за пару неудачно сказанных слов были неотъемлемой частью повседневной жизни, приятно освежавшими скуку будней. Обыватели не только выступали в роли зрителей, но и, как показывают исторические документы, принимали самое деятельное участие в инспирировании, организации и проведении подобных экзекуций, масштаб которых следует без всякой скромности назвать массовым. Примерно как нынешняя массовая культура, где, однако, самое страшное - искусственная кровь на экране.

Вот какой удивительный прогресс! И за такое короткое время! Я думаю, всякий честный ученый обязан признать, что ныне живущие - совершенно особый феномен. Мы принадлежим к тому же самому биологическому виду, равно как и являемся физическими телами, но мы - совсем другие, гуманоидные что-ли. Ну, если не все, то довольно многие. Мораль уже ввелась в наши гены и незаметно проявляется сама почти у каждого, кто перерос детство. Как язык и стыд, совесть - вполне биологический орган, хоть и пока сильно варьирующийся в индивидуальных размерах. Этот орган смог доказать всем остальным, включая даже такой непреклонный как желудок - насилие уже неестественно. Осталось только научиться его контролировать и изгонять из нашей жизни. Осталось только научиться его распознавать - в любом его виде. И тогда свобода как бы незаметно вольется в плоть и кровь, а моральное поведение станет почти автоматическим. Свобода и насилие как бы поменяются местами - она станет естественной, а оно нет.

Мы только в начале пути. Как жизнь не появилась мгновенно, так и разуму надо свой миллион лет, чтобы окрепнуть и встать на ноги. Массовая тупость, повсеместное насилие, всепроникающая власть, лицемерные идеологии, дремучие религии и все прочее, вызывающее тошноту - пуповина, держащая разум в утробе детерминизма, не выпускающая его на свет божий. Вспомним детей. Как известно, дети сперва учатся говорить, это случается года в 3, потом осваивают абстрактное мышление, скажем лет в 17, и уже потом становятся морально самостоятельны - годам этак к 30-ти. Человечество еще в своей юности, где-то посередине между половым созреванием и получением аттестата. Оно давно и увлеченно разговаривает, преимущественно о сексе, а вот с абстрактным мышлением у него не очень. Самые бойкие уже способны кое-как мыслить, основная масса предпочитает сказки. Но главное сделано - разум поселился в головах, пусть не во всех, и значит договор - дело ближайшего будущего, пусть и в космическом масштабе.

Разум не умер. Размышления еще теплятся в нас. Еще не все философы стали профессионалами и не все написанное - макулатурой. Посмотрите сколько вокруг замечательных книг, рассказывающих "как надо"! И не всегда эти книги занудны. Некоторые настолько увлекательны, что читатели видят широкий путь к лучшему будущему, даже не понимая, где он на самом деле лежит.

И разум не умрет. Никогда. Потому что разум - это проводник свободы, а свобода объективна, какой бы загадочной она не была. Без разума ей не обойтись. Пусть не на этой планете, пусть даже не в этой галактике. Какая нам разница?

Так что окружающая мерзость - явление временное. Блеск нынешнего упадка лишь осветил очевидное - мы не на последней странице. Разуму еще писать и писать, что мы, как истинные извращенцы и любители читать, можем только приветствовать, ибо каждая новая страница - это новая победа. Главное - верить! Верить и писать. Писать и верить.

Да, я не доживу. И вы. И еще многие, многие поколения. Но победа придет! Природа бессильна против разума. Что бы она там ни придумывала, разум придумает лучше. В конце концов, что такое сам разум, как не лучшее, что придумала природа?

А мораль - лучшее, что придумал разум. А еще одна книга - лучшее, что требуется морали. А вы, друзья мои - лучшее, что может случиться с книгой о морали. Спасибо за то, что вы есть. Если бы не вы, я бы ни за что не догадался о чем писать дальше.

*Всего наилучшего,
Ваш
УЗ*

Эволюция морали

Приветствую вас, друзья мои!

Борьба человека со своими биологическими корнями не должна оставлять равнодушным ни одного мыслящего члена общества. Она не оставляла и меня - непрерывно со вчерашнего дня. И я пришел к выводу, что ошибался. Мораль - вот наш настоящий героический орган. Ведь что такое истинный героизм? Это умение заставить себя! Думать и думать. Писать и писать. И не один раз, а всегда. Может даже каждый день.

Простите друзья, за мои предыдущие письма. Я был слеп и подошел к делу не с того бока - поверхностно и легкомысленно. Мораль заслуживает самого серьезного исследования, начиная с ее происхождения. Для этого, до работы над книгой, я решил сделать коротенькую историческую реконструкцию и отчасти футуристическую зарисовку пути человеческого разума от бессилия к всемогуществу. В первой части я опираюсь на успехи научного воображения, а затем использую логику этического прогноза. Это позволит изобразить путь разума наглядно - методом художественного чертежа.

Да, еще. В жизни я никогда не рисовал, так что не обессудьте, если путь получится у меня кривоватым. Я искренне надеюсь, эти наивные и трогательные диаграммы заслуженно украсят будущую книжку.

1 Индивид против коллектива

- Индивид как туп земли

Начну как водится издалека - оттуда, откуда я и сам в свое время начинал осознавать все, что хочу вам сейчас поведать. В наше бессердечное время все серьезные социальные теории начинаются с буквы "I". Это значит, что в основе всего лежит, или стоит, индивид. Т.е. в экономике, например - это обмен индивида с индивидом, в социологии - солидарность индивида с индивидом, в культурологии - общение индивида с индивидом, в политологии - голосование индивида за индивида, а в биологии... сами догадайтесь. Индивид - это всегда эгоист. Потому что иначе не бывает - ради кого, кроме себя, ему напрягаться? Возможно в этом - одна из причин, почему современные представления об обществе так напоминают сплошную экономику. Индивид действует ради выгоды и, соответственно, все общество - сплошной взаимовыгодный обмен, включая самые невероятные случаи. Например, семья - взаимовыгодная договоренность, благотворительность - взаимовыгодное улучшение настроения и перспектив, а любовь взаимовыгодна, потому что каждый получает

задаром предмет любви.

Мораль с точки зрения Большой Экономии, разумеется, тоже выгодна. Оказывается быть честной, мирной овцой гораздо лучше, чем вероломным клыкастым волком. Наука объясняет это тем, что волк, если останется волком, поест всех овец и умрет с голоду. Или потому, что овцы разбегутся. Или еще почему. Но так или иначе - верная смерть. Иное дело овцы. Живут мирно, не звереют, наслаждаются взаимной выгодой. А все потому, что овцы - это кооператоры, и значит находятся в постоянном экономическом и моральном выигрыше. Включая тех, кого съели.

Идя дальше по этому строго научному пути, ученые стараются отыскать причины всего хорошего в обществе, да и само существование общества, в непреложных законах личного интереса. Люди же эгоисты. Получается пока не очень, но не надо сдаваться, главное, чтобы метод был выбран правильный - метод методологического индивидуализма. Метод этот говорит на первый взгляд правильную вещь - что индивид есть, его можно увидеть и даже потрогать, если он не против, а вот коллектива - нет. Его не увидишь, а тем более не потрогаешь. Стало быть всякий коллектив - это только сумма индивидов. Вопрос о том, переходит ли сумма в новое качество, метод оставляет в стороне как ненаучный. Ибо научно только то, что можно потрогать.

- Загадка морали

Помимо животной экономии, серьезный вклад в дело морали внесла социальная биология. Давайте и мы оставим в стороне рационального индивида и займемся стадным коллективом. Очень вероятно, что сам коллектив возник из животной эволюции именно так, как предполагают биологи - безжалостные силы эволюции сбили индивидуальные особи в стадо, истребив гордых и непонятливых одиночек. Выжили только стадные индивиды. Однако нам важно то, что случилось потом. А потом, с некоторого момента, стадные индивиды вообще перестали быть индивидами. Момент этот как-то упускается из социально-биологических теорий - момент, когда стадо переступило некий порог и в нем возникло новое качество. Может это было затмение, может просветление, а может - прозрение. Короче, что-то такое, что навсегда отделило человека от индивида, а наше понимание общества - от биологической теории. Что-то такое, после чего выживание и передача своих генов перестали быть единственной заботой человека.

Нет, люди в глубине души остались животными. Хуже того, они даже остались физическими телами, имеющими вес, плотность и тепло, осязаемое ладонью. И, как и физических законов, животных законов эволюции людям до сих пор не избежать. Однако эти животные законы ничего не объясняют на самом деле. Если они и помогут что-то объяснить - то самую малость. Да и то, когда она уже совсем неинтересна. В самом деле, взять физику. И животные, и камни подчиняются законам физики. Однако только законы физики никогда не смогут объяснить почему покоящееся тело неожиданно прыгает на дерево. Может кроме физических законов в дело вступает что-то иное? Или вот, почему близкий человек тратит все силы, ухаживая за умирающим. Животное бы наверное давно убежало на зеленую лужайку к водопою. Может кроме выгоды есть еще что-то?

Животные приспособляются и выживают. Человек задирает нос и ломает шею. Он

может не только воодушевиться на подвиг, но и морально сломаться. Там, где животное будет до последнего царапаться и кусаться, он - покорно ждать своей участи. Объяснять мораль выживанием, пользой или генами - нелегкий труд. Интересно, как биология объяснила бы нам то, что человек может отказаться от любой заложенной в нем эволюцией программы? Что он способен действовать как ему надо и как не надо? Причем в этом "надо" может не фигурировать ни репродуктивный успех, ни материальная прибыль, ни благоприятная репутация. Если ему припрет, никакая программа его не остановит. Он и через совесть переступит. Впрочем, совесть биология тоже вряд ли объяснит. Как и способность убеждать себя в самых нелепых вещах.

- Предел эволюции

Так откуда же в человеке взялся истинный, а не взаимовыгодный, родственный или косвенный альтруизм? Откуда взялся истинный, братско-геройский коллектив, а не расчетливо-кооперативная сумма индивидов? Где эта роковая черта в эволюции? Как она возникла?

Несомненно, ответ должен быть сокрыт в чем-то таком, чего нет ни у одного вида животных, в том, что слишком неестественно и необычно для нашей мирной планеты. Нет друзья, пришельцы из космоса - это все же перебор. Мне кажется логичным предположить, что наука, мораль и все остальное чем мы гордимся, возникли когда несчастное эволюционное животное дошло до последней, крайней черты. В конце концов, куда идет эволюция уже известно - в сторону совершенствования когтей, клыков, жал и вообще способностей убивать. Эволюция - лестница насилия, от внешне невинной амебной водоросли до величественного царя зверей. Человек просто обязан был стать самым сильным и жестоким хищником. И он им стал. Победа! Но что дальше? К чему стремиться? Где найти достойного врага на сияющей вершине питательной пирамиды? Единственный ответ, который мы и до сих пор еще воочию наблюдаем - среди своих же. Борьба за выживание с себеподобными - вполне логичное завершение биологической эволюции, одновременно обеспечивающее победителей надежным источником пищи. Но пища конечно не главное, себя много не съешь. Иное дело - убивать для профилактики. Убивать из любви к искусству. Из идеи прогресса. Из моральных побуждений. Просто так, для души. И такое мы тоже до сих пор наблюдаем. Так что сомнений нет: от примитивного каннибализма до массового геноцида - вот та область, где биологическая жизнь доходит до собственного отрицания, после чего эволюция неизбежно поворачивает совсем в другую сторону.

Но так ли уж неизбежно? Возьмем параллельный, водный мир. Там тоже есть питательная пирамида и ее хозяева, но что-то никаких признаков зарождающегося разума у них не проявляется. Даже напротив, акула - тупейшая тварь. На это можно возразить следующее. Мы просто мало подождали. На суше уже была похожая ситуация - правила тупые хищники. И где они сейчас? Так что я думаю, если подождать еще немного - несколько миллионов лет, максимум несколько миллиардов - в воде, если туда не будет совать свой нос человек, появится разум.

Выжить в таких условиях удастся совсем не тем, кто выживал раньше. Но как работал этот убийственный механизм, превративший простых эгоистов, ищущих в стаде сородичей репродуктивную выгоду, в самоотверженных борцов за чужое семейное счастье?

Мнения на этот счет различаются. Иногда винят обычный естественный отбор, иногда групповой биологический, иногда все валят на культурную, т.е. небиологическую эволюцию. В первом случае альтруисты магическим образом получали репродуктивное преимущество. Например, чем сильнее они жертвовали собой, тем больше это помогало выжить группе, что очень нравилось составляющим ее эгоистам, и благодарные эгоисты взамен, очевидно на условиях взаимообразного альтруизма, дарили героям своих жен. Вариант возможный, но маловероятный. Мне пока что-то не доводилось встретить такого эгоиста. Ну, может еще повезет. В случае группового отбора, группы эгоистов вымирали сами собой, а поскольку все живые твари по умолчанию эгоисты, то в условиях всеобщего вымирания, альтруисты просто обязаны были сохраниться. Ведь загадочные альтруистические мутации, как ни сопротивляйся, периодически происходят, и там где этих мутаций случайным образом оказывалось много, группы выживали. Тут проблема в том, что закрепиться полезные мутации, по понятным причинам, никак не могли - герои неизбежно погибали первыми, а эгоисты сначала выживали, а потом, без героев, обратно погибали. Остается последнее объяснение - культурная эволюция, с которой все отлично за исключением того, что непонятно откуда взялась сама культура, ведь культура уже предполагает мораль и альтруизм.

- Неестественный отбор

Поэтому, оставим в стороне сотрудничество, благодарность и культуру, и вернемся к насилию, которое остается единственным двигателем эволюции и правдоподобным объяснением ее загадок. Война - насилие в предельной форме, это не защита от хищника, не охота на несчастное травоядное и не ритуальная внутривидовая агрессия дабы впечатлить скучающую самку. Это насилие к таким же как ты. Бесцельное и безграничное. И этот факт имеет далеко идущие последствия. Описанное насилие развязывает руки для такого, о чем мирно эволюционирующие животные никогда бы не догадались - для неестественного отбора.

Война на полное уничтожение требовала крайних жертв. Никакой самолюбивый индивид просто не мог бы спрятаться за чью-то широкую спину и тайком размножиться. Никакая эволюционно-стабильная игровая стратегия не гарантировала бы ему самку и кусок хлеба. Единственную возможную стратегию практиковали самые сильные и смелые - побеждали врага, а затем "побеждали" эгоистичных (равно как и слабых, трусливых и т.д.) сородичей. Причем насмерть, до полного уничтожения. Иными словами, выжить среди индивидов имели шанс только те, кто сперва доказал способность идти на крайний риск ради победы. Тоже как бы отбор, но наизнанку. Не мораль получалась от распространения генов альтруистов, а "гены" альтруизма получались от распространения "морали". Искусственные, ненатуральные гены. И жестокая, убийственная мораль. Выживание внутри воюющих групп принципиально отличалось от выживания вольных индивидов - принудительный отказ от эгоизма был его необходимым условием.

Мораль стала таким же требованием искусственной селекции, как приспособляемость - естественной. Люди вывели себя сами. Они создали в рамках коллектива условия, культивирующие жертвенные, альтруистические качества его членов, которые возможно честно появлялись в результате мутаций и прочих биологических чудес. А

возможно - и нет. Какая в принципе разница, если иначе не выжить? И чем жестче был гнет насилия, тем у этих невольных альтруистов было больше репродуктивных успехов. Причем ситуация эта была одинаковой для всех воюющих. Все стада, племена и народности - включая тех, кто проживает за пределами земли и еще не успел к нам прилететь - с тех пор и поныне разделяют одни и те же базовые моральные принципы - взаимопомощь и жертва во имя сородичей, а также жесточайшее наказание изменников. Эта универсальность никак не вяжется с эволюцией, предполагающей многообразие моралей, не меньшее чем видов живых тварей, что в сочетании с живейшим разнообразием во всех других культурных аспектах только подтверждает, что "культурного" группового отбора - выживания коллективов с наиболее "моральными" генными традициями - не было и быть не могло. Нельзя же всерьез считать, что те, кто поклонялись Солнцу, оказывались приспособленнее тех, кто поклонялся Луне? И небесные светила, и насильственный альтруизм помогали всем без разбора. А уж победы одних над другими явно были следствием других важных факторов и помимо регулярных жертвоприношений. Из отмеченной универсальности следует также тот очевидный, хотя и отрицаемый многими факт, что все культуры в своей основе одинаковы - ибо все они растут из одной, вполне объективной стартовой точки. По крайней мере касаясь отношений в коллективе. Это позволяет надеяться, что по мере дальнейшего прогресса мы увидим объективность морали еще более отчетливо.

Конечно, может возникнуть вопрос - как же так? Тысячи лет да еще неестественного отбора, который идет на порядки раз быстрее естественного - достаточно заметить скорость успешного выведения новых сортов микробов и вирусов - а люди все еще не совсем похожи на альтруистов? Более того, альтруизм до сих пор кажется чем-то настолько чужеродным, что требует какого-то научного объяснения, в отличие от милого сердцу эгоизма. Ответ в том, что если бы наблюдался чистый искусственный отбор - т.е. эгоистов истребляли бы на корню, а оставляли только альтруистов, - так бы оно и было. Но поскольку люди уже тогда обладали зачатками мозгов, они научились приспособляться к этой моральной евгенике. Нет, не обманывая, как можно было бы заключить из теории игр, а по-настоящему стараясь быть хорошими, честно подавляя свои природные задатки. Т.е. распространялись не гены альтруизма, которых скорее всего нет в природе, а элементарные мозги, коими обладают все стайные животные. Так генные эгоисты становились культурными альтруистами, а все их эгоистичные гены сохранялись в целостности и сохранности и только ждали своего часа, чтобы опять вылезти наружу.

- Война всех против всех

Повторюсь, вероятно биологи тоже в чем-то правы - дорога к первобытному альтруизму началась давным давно под влиянием естественного отбора. Примитивная животная коммуникация вероятно вытесняла внутривидовую агрессию и помогала строить небольшие дружелюбные стайки. Они вероятно конкурировали между собой за ресурсы, как конкурируют все вокруг. И вся их взаимовыгодная стайность была вероятно целиком основана на эгоистичном животном интересе, подкрепленном наличием все лучше работающего мозга, осознающего преимущество дружной стаи перед трагическим одиночеством. Но на этом вероятности кончаются. Как только дело от невинной конкуренции перешло к массовому геноциду, несравнимо превосходящему любые жестокости свойственные миру животных, мысли о взаимной выгоде или индивидуальном успехе стали как-то неуместны. Ситуация принципиально изменилась

- коллектив стал не выгодным, а принудительным. И чем сильнее было насилие между коллективами, тем сильнее насилие внутри. Это нечеловеческое давление, убийство ради убийства, было тем горном, который переплавил эгоистичных стадных животных в самоотверженные первобытные коммуны и породил не просто сотрудничество, а тотальный, железный "альтруизм".

Поэтому друзья, с вашего позволения, я отвлекаюсь от занимательного естествознания и опять углубляюсь в занудные отвлеченные размышления. Наша исходная модель для морального прогресса - это старая добрая "война всех против всех", за тем исключением, что воюют не люди, а коллективы. Когда боевой единицей в подобной войне служит индивид, ситуация становится поистине безвыходной - никакой дальнейший прогресс невозможен. Нет никаких способов прекратить войну, никакой договор не соблюдается, морали нет и ей неоткуда взяться. Выход один, призвать на помощь внешнюю власть - варягов или пришельцев. Однако, когда воюют коллективы, ситуация меняется. Появляется надежда. Ключ в том, что происходит внутри боевой единицы, а не между ними, и что составит предмет нашего дальнейшего рассмотрения. Именно потому голый методологический индивид оказывается бесполезным для нас. Человек, как это ни печально, с его руками, ногами и прочим - если смотреть на него с лучшей, моральной стороны - всего лишь надстройка, придаток коллектива. Пусть даже этот коллектив невидим и неосязаем. Одного эгоиста возможно достаточно для экономики - но не для морали. Нет никакого категорического императива, божьей искры или морального закона, заложенного в одиноком индивиде. Все это заложено в коллективе. Так что давайте начнем наш путь с коллектива, не особо вдаваясь, как получилось, что из гордой самолюбивой амебы возник самоотверженный стадный примат.

2 Первобытный альтруизм

- Коллектив-организм

Итак, современный индивид - даже если он и вправду существует вокруг нас - не сразу стал таким индивидуальным. Давным давно было такое золотое время, когда человеческого индивида еще не было (а животного - уже не было), а был только дружный коллектив. Как раз где-то в самом начале появления человека, который и сам-то появился на свет как "гомо-коллективиус" - со множеством рук, ног, голов и сердец. Коллектив жил, думал, работал, размножался. Его члены не воспринимали себя отдельными особями, многие ученые полагают, что у них даже не было понятия "я". Проверить это конечно затруднительно, но выглядит это правдоподобно по нескольким причинам. Во-1-х, все те, кто начинал думать "я" вместо "мы", без задержки вымирали. Во-2-х, только в коллективе мог зародиться разум, а только разум способен увидеть себя в другом и воскликнуть: "Да это ж я!" Т.е. до всякого "я" уже должно быть "мы". В-3-х, все наши человеческие признаки - разум, речь, религия, интернет и даже сама большая наука, имеют не просто коллективную, а прям таки общественную природу. Они, если вдуматься, существуют вне индивида, предшествуют ему. Никакой нормальный индивид даже не в состоянии понять, что там у них происходит в этой науке. В-4-х, самоосознание и самоидентификация всегда требует кого-то еще и чем он опаснее - тем он полезнее для этой цели. Конфликт интересов, а тем паче смертельная вражда, очень хорошо помогает осознать разницу между "я" и "он". Но поскольку человек появился на

свет в коллективе, кто-то еще, необходимый для целей идентификации, был не такой же неприметный стадный винтик, прозябающий рядом, а вражеский коллектив, страшнее которого ничего нет и быть не может. Даже до сих пор еще те, кого мы высокомерно относим к "чужим", выглядят для нас на одно лицо - вот он, атавизм первобытной коллективной идентичности.

Теперь пора приступить к обещанному черчению. Первобытный коллектив, нарисованный нашим воображением, выглядел как на рис. 1.1: сплошной равномерный круг - все общее, все как один, большая верная семья. Полная тождественность "я" и "мы". А вокруг, поодаль - и чем дальше, тем лучше - прочие круги, вражеские, "они". Или, точнее, "он". Большие и маленькие, все они озабочены одним - как жить дальше. И для этого желательно истребить соседей, пока они не успели истребить нас. В переводе на язык морали, которая пока еще не слишком отличалась от животного инстинкта, свои - это всё хорошее, чужие - всё плохое. По отношению к своим человек - полный альтруист, по отношению к тем, другим - полный, до степени абсолютного антагонизма, эгоист (рис. 1.2). Иными словами, абстракция "всё хорошее", несмотря на животный примитивизм, влекла за собой вполне конкретные ценностные ориентиры. Первой ценностью был свой коллектив, члены которого не просто исключались из питательного рациона, но были частью коллективной души и тела.

Если посмотреть на эту жизнь с точки зрения свободы, то ни о какой свободе и речи не шло. И внутри, и снаружи человека поджидал жесткий детерминизм. В таких условиях никакой иной, самостоятельной человеческой индивидуальности просто неоткуда было взяться. Можно сказать, что график на рисунке 1.2 - точная копия души каждого первобытного коллективиста не имеющего ни имени, ни фамилии.

Эту стройную картину несколько усложняет стадная иерархия. Конечно, типичный первобытный коллектив не был абсолютно однороден. Силовые возможности его членов были разными и когда сила - главное человеческое качество, иерархия, вероятно, естественна. С другой стороны, абсолютный альтруизм подразумевает ее избыточность. Когда каждый стремится самоотверженно отдаться общему делу, внутреннее давление излишне и непродуктивно - оно только озлобляет и вносит раскол. Поэтому я склоняюсь к тому мнению, что альтруизм в какой-то момент - или на какой-то короткий момент - вытеснил природные иерархические задатки в пользу первобытного равенства и сплоченности. Тем более, что и многие находки антропологов упрямо свидетельствуют в защиту существования золотого века. Так или иначе, сама по себе иерархия не повод, чтобы ломать нашу концепцию, разбирать коллектив на индивидов и рассматривать их по отдельности. Как раз напротив. Во всяком организме есть разные части - и чтобы он стал единым целым, каждая должна занимать отведенное место. Для концепции важно, что с моральной точки зрения, т.е. точки зрения межколлективной, все одинаковы - альтруисты до мозга костей.

- Насильственная "мораль"

С тех самых пор, еще до зарождения настоящей морали, все первые, самые основные моральные категории оказываются связаны с коллективом, с отношениями между людьми, а не, скажем, с полным брюхом или ясной погодой. Да друзья, не все что приятно или полезно - истинное добро, даже если мы походя именуем сытость и комфорт добром и благом. Напротив, истинное добро иногда требует крайне

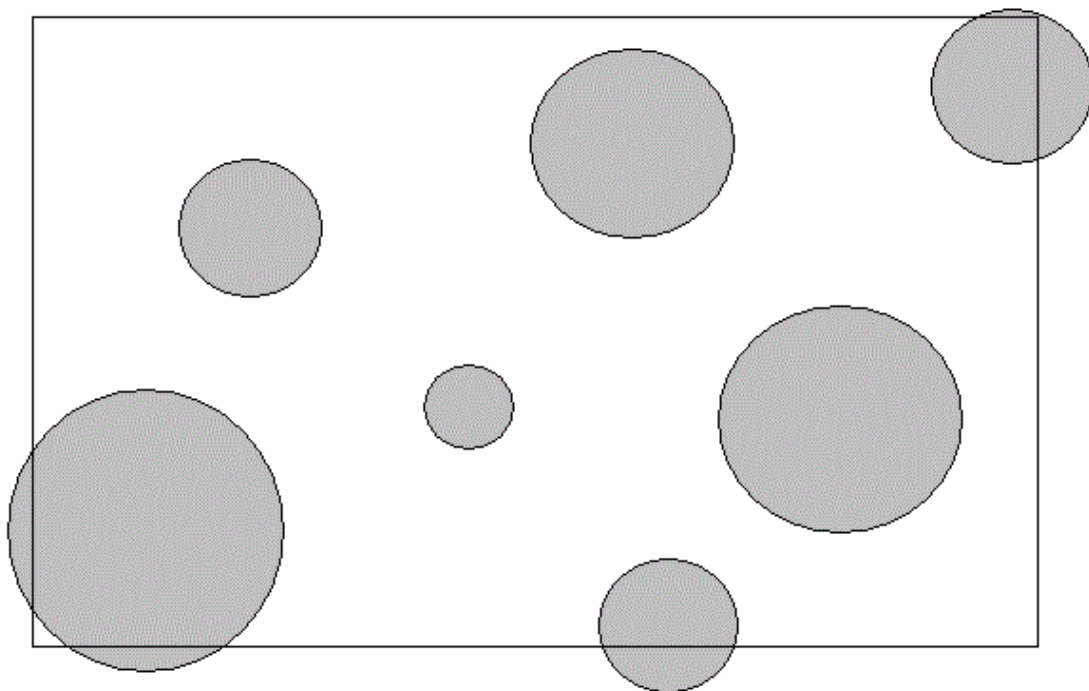

Рис. 1.1

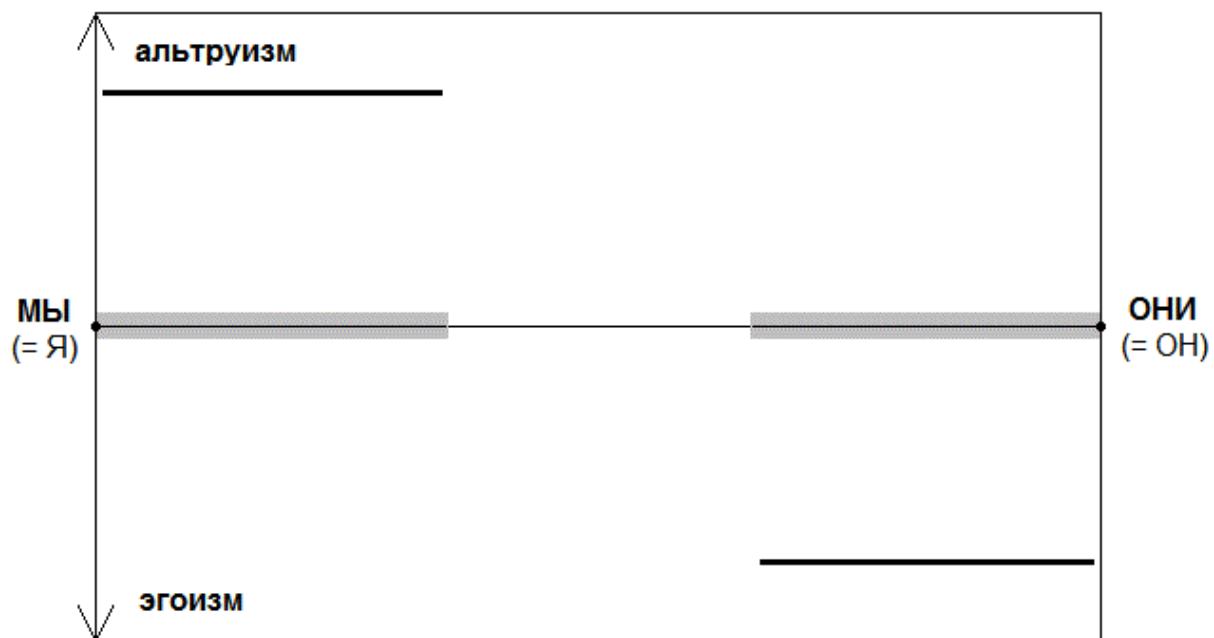

Рис. 1.2

неприятных жертв. Оно оказывается чем-то абсолютно чужеродным биологическому организму - оно требует задуматься о вечности. Коллектив, в отличие от индивида, потенциально не умирает и, более того, именно это его свойство напрямую связано с добром, напрямую требует принесения жертвы. Умирая во имя коллектива, человек как бы обретает в нем бессмертие, что и есть добро. Мораль, стало быть, можно в какой-то мере рассматривать как механизм по превращению индивидуальной смерти в коллективную жизнь. Хотя механизм, прямо скажем, несовершенный.

Однако почему первобытная "мораль" в кавычках? Она что - ненастоящая? Разве умереть во благо родных - не морально? Почти. Пока люди не свободны, ни альтруизм, ни эгоизм - вовсе не то, что мы имеем в виду под этими словами сейчас. Это лишь их жалкое принудительное подобие. Коллективная мораль, в общем, всегда принудительна. Умереть может и добро - но другого выхода все одно нет! И не будь подобного принуждения - что бы осталось от этих коллективистов? Но, однако, от этого "мораль" не была все же в каком-то смысле менее моральной - а именно в том, что она прямо противостояла эгоистичным инстинктам.

Коллективный моральный субъект испытывал два вида принуждения - внешнее и внутреннее. Внешнее просто и понятно - злой враг был силой, с которой надо бороться, и коллективное "я" не испытывало по этому поводу никаких сомнений. Внутреннее насилие во имя добра было не столь понятно. С одной стороны внешнее давление вызывало необходимость сплоченности - внутреннее насилие как бы следовало из внешнего. С другой стороны оно шло изнутри, от своих сородичей, которые полностью отождествлялись с собой - ведь взаимное насилие не имеет одного, определенного источника. А значит можно сказать, что насилие внутри коллектива было не только необходимым, но и желанным, насколько вообще может быть желанным насилие к самому себе - это было общее насилие во имя общей цели, во имя самого себя. Поэтому оно и было "желанным" - все, что идет изнутри организма желательно, даже если вызвано неясной внутренней необходимостью. В человеке-коллективе таким образом появился новый силовой центр, помимо потребностей и инстинктов. Этот центр общей воли, центр внутреннего принуждения - хотя внутренним он был только с точки зрения коллективного сознания - был порожден непреклонными сородичами, и впоследствии получил название морали, совести, а у некоторых философов - даже "супер" эго.

Тут можно спросить, как же эта "совесть", а точнее то, что ей предшествовало, оказалась в голове каждого из нас, если она родилась вне? Да так же, как существует всякий феномен общественного сознания, включая язык и науку. Он явно вне каждого из нас и одновременно - внутри, так как иначе ему быть просто негде.

В отличие от вполне рационального внешнего насилия - от врагов и к врагам, насилие к себе ради себя (как и к своим сородичам ради их самих) - иррационально, оно никак не вытекает из простой логики индивидуального выживания. Такое насилие отсутствует у животных, и естественно было бы предположить, что оно чревато серьезными последствиями для психики. Какая часть животной природы подвергается насилию? Инстинкт самосохранения. Страх - вот что мешает стать хорошим и достигнуть желанного единения с другими. Преодоление самого сильного инстинкта, пусть для начала с помощью еще более сильных сородичей, освобождает человека, позволяет ему бросить вызов самому детерминизму. И как следствие, делает возможным существование бессмертия и воплощающего его коллектива. Ибо, в конечном итоге,

объединение во имя борьбы невозможно без морали. Не достаточно ни грубого насилия, ни тонкого осознания причин и следствий. Человек может сколько угодно понимать, что в единстве сила, но чтобы преодолеть страх перед грозным противником, требуется некое иное качество - надо выстоять сначала не физически, а морально. И эту роль выполняло самопринуждение коллектива, которое можно назвать "героической моралью" (или лучше "протоморалью" изза ее насильственной природы), ибо это есть способность к настоящему, с точки зрения животного, подвигу - к преодолению инстинктов. До сих пор идеал мужественного борца с вселенским злом остается одним из самых захватывающих моральных идеалов. В чем его смысл? Он подает пример, воодушевляет и объединяет. А в случае первобытного человека-коллектива, во время дикого самоотверженного боя, подвиг облегчает подражание и отождествление с лучшими, стимулирует ярость атаки и азарт борьбы.

Иными словами, мораль родилась не как скромность, благонравие, любовь к ближнему или щедрость души, а как необычная, но вполне реальная сила, способная противостоять детерминизму. И как объединяющая сила, и как способность преодолеть себя, и как общий порыв к самоотречению, она - необходимое условие совместной борьбы и выживания, превращающая группу особей в единое целое. И в силу этой принудительной обусловленности мы берем ее в кавычки.

- Рационализация иррационального

Но не следует думать, что поскольку понимания всей безысходности ситуации оказывается недостаточно, разум тут не при чем. Это именно он, в конечном итоге, скрывается за моралью. Просто не все, что мы мыслим выглядит разумно и здраво. Чаще бывает наоборот. Там, где логика видит бесперспективность сопротивления, разум заставляет идти на подвиг, а там, где логика подсказывает необходимость насилия, разум самоубийственно отказывается творить зло - и для всего этого он выдумывает самые нелепые оправдания.

А началось все именно тогда. Человеку пришла пора впервые задуматься, и абсолютная необъяснимость принуждения к себе нашла выход в соответствующем способе объяснения - абсолютно неправдоподобном. Что очень понятно, если вспомнить какое нервное то было время - время глубокой перестройки психики эгоистичного животного.

Всепроникающий страх, поглощавший первобытных людей, - за себя, сородичей, многочисленное потомство, оберегаемое всей стаей - проявлялся в различных формах неврозов, а коллектив-организм искал объяснения - почему, помимо всего прочего страха, он боится сам себя? Иррациональность самопожертвования естественным образом дополнилась мистическим объяснением этой потребности. Суеверие - первая попытка зарождающегося, пока еще коллективного разума дать ответ, и чем он был нелепей и красочней - тем казался убедительней, ибо примитивная фантазия, броская и безвкусная праматерь красоты, была такой же неестественной и внешней этому миру, как и мораль. В глубинах психики принуждение к жертвенности базировалось на все том же страхе, но его источник новорожденный разум обнаружил теперь вовне, придав ему форму некой трансцендентной сущности. Страх перед врагом подавлялся более страшным страхом - неведомого. Нечто уму непостижимое и принципиально отвергающее всякую попытку постижения; всемогущее но хорошее; требующее абсолютного подчинения и поклонения но при этом милостиво вознаграждающее

усердных, воплотилось в понятии... Впрочем, тогда оно было настолько Великим и Ужасным, что не только не имело имени, но и карало всякого, кто имел наглость к нему обратиться. Так возникло понятие "священного" и зародились примитивные верования. Это был первый росток культуры, обосновавший насилие, а заодно и все вокруг, причудливыми мифами, и материализовавшийся в обрядах, которые соединяли в себе страх, фантазию и желание умиловить неведомое божество.

Так, в условиях отсутствия личности, коллективный разум смог найти успешно работающий механизм поддержания морали, механизм настолько успешный, что его и сейчас невозможно остановить - "благоговение и трепет". Сами видите, друзья - с тех и до сих пор, "священное" намертво приклеилось ко всякому долгу, а страх неизбежного наказания за грехи остается надежной основой самого дикого мракобесия. Боязнь могущественных духов, стыдливо таящихся под каждым кустом, стала нашим своего рода биологическим наследием, таким же, какое демонстрируют давно одомашненные животные, по прежнему пугающиеся всякого шороха. Правда в отличие от животных, страх божественного дополняется любовью к нему, чистой и бескорыстной, гарантирующей счастливым влюбленным спасение и безмятежный сон праведников.

Каким могут спать только люди, не несущие ответственности за собственные поступки! Процесс "интернализации" самопринуждения - укрепление морали и воспитание личной воли - не останавливается, как и всякое движение к свободе. Но подмена свободы запугиванием себя сверхестественным, находящимся вовне, сдерживает его. Ибо ответственность, свобода и мораль в результате так же остаются где-то вовне, а обесиленный разум все никак не придумает более осмысленную причину, по какой ему надо себя принуждать.

- Коллективный быт

Любовь эта оказалась взаимной. Священное одобряло поклонение и проявляло благосклонность - а в чем еще был смысл поклонения? Так неведомое, или по крайней мере его лучшая часть, стало восприниматься как защитник, как помощник, а также как несущий компонент "мы", превратившись в дух коллектива, его бог и тотем. Другая часть породила запреты - табу, причины которых были часто случайны.

Сверхестественность принуждения, а особенно удобство подобного объяснения, в качестве побочного эффекта привела к тому, что право сильного стало казаться таким же сверхестественным. Вероятно, это оживило иерархические инстинкты и придало иерархии новый смысл. В животных стаях воля вожака - еще не повод для воодушевления. Однако, чем больше требуется самоотречения, тем важнее роль вожака. Не просто сильнейшие, но уже главные, ведущие, несли больше ответственности и больше рисковали. Вожак породнился с неведомым, стал духовным лидером и образцом для подражания. Так к силовому авторитету добавился освященный суеверным страхом моральный, что придало потусторонним нравственным идеалам земное воплощение. Эта моральная узурпация также породила почитание старших, а потом и старейших, что будет понятнее, если учесть, что коллектив тогда был одной большой семьей, а вождь являлся и главой рода.

Почитание вышестоящих - пример морального чувства, возникшего в условиях коллективного быта. Но как возможно межличностное чувство в коллективе-организме? Я думаю ответ в том, что если на уровне рассудочном человек мыслит

себя как "мы", чувства на такое не способны. Именно чувства помогали выявлять и убивать трусов и эгоистов, именно чувства были ответственны за сплоченность и героическую мораль, именно чувства регулировали коллективный быт. Ведь наши сложные чувства, по сути, имеют моральную основу, а значит и возникнуть могли только во времена подобного коллективного существования. Другим примером этих древних чувств могут служить чувства отвращения и стыда, которые находятся практически на границе бессознательного.

Не менее причудливой, чем протомораль, была и вся остальная культура. Жизнь внутри первобытного коллектива не сахар, что знает каждый живший в религиозной секте или на худой конец при научном коммунизме. Можно только догадываться, как из простых людей выжились героические войны-альтруисты, чего стоит хотя бы обряд инициации! Первоначально "ядро" культуры было как бы бесструктурным, простым и цельным - полный отказ от своего интереса, взаимозаменяемость, никакой личной жизни. Вражда снаружи и давление внутри не позволяли упорядочить и сбалансировать отношения. Отношений, можно сказать, не было. Слепое подражание, стадный инстинкт, жесткое соблюдение бессмысленных ритуалов и обычаев, хранимых старшими и вошедших не просто в коллективную привычку, а затвердевших до уровня инстинктов, были единственными правилами поведения. Так надо, потому что так было всегда. Сомнение равнозначно гибели, причем от рук испуганных и рассерженных собратьев, ибо покушение на обычай - угроза всем нам, нашей идентичности. Степень косности иллюстрируется тем, что эта жизнь без всяких изменений протекала аж миллион лет. Разве можно такое вообразить в наше время, когда все рушится буквально на глазах?

- *Мозг*

Миллион лет оставили неизгладимый отпечаток в человеческом мозге. Эволюционная теория объясняет возникновение и быстрый рост мозга необходимостью кооперации ради выживания, а некоторые этологи даже считают главной задачей быстрорастущего мозга необходимость отличать лгунов от честных кооператоров - конкуренция между теми и другими, то бишь волками и овцами была, так сказать, главным мотором роста. На менее циничный взгляд, все было иначе. Если посмотреть вокруг, то мы увидим, что люди и сейчас не особенно умны в этом отношении. Основная их масса потрясуще наивны и постоянно обманываются. Даже такой, куда более важный чем кооперация, инструмент эволюции, как брак, и то не привел к сколь-нибудь заметному улучшению в работе мозга. Для выживания отпрысков критично, если их родители были обмануты. И что мы видим тут? Уж как женщины умны в том, что касается разгадок мужских хитростей, чего стоит только женская интуиция - и то постоянно прокалываются. А мужчины? Вся их аналитика бессильна против женского коварства. А брак имел в запасе куда больше времени, чем кооперация. Более того - оба пола специализировались в своих распознавательных способностях, что намного эффективнее конкуренции с самим собой.

Мне представляется, что у лгунов не было сколько-нибудь серьезных шансов развить свой мозг - еще и сейчас предателей ненавидят сильнее врагов. Да и сама борьба велась не слишком мудреным образом - засады, дубины. Покорение природы тоже еще не стояло на повестке дня - сладить бы с себеподобными. Мне представляется, основным мотором роста мозга и его основной задачей как раз и был честный альтруизм, необходимый для сплочения рядов. Ведь что такое альтруизм на самом деле? Борьба с лгуном и эгоистом - но внутри себя. Замена животного "я", встроенного в гены, на

человеческое "мы", встроенное в нечто несуществующее; замена своего интереса на полное слияние с коллективом; замена логики индивидуального насилия на коллективные беспредметные фантазии. Это только со стороны могло показаться, что все, что требовалось - слепое и беспрекословное подчинение. Коллектив - не командир и не начальник, отдающий четкие команды, одним подчинением тут не обойдешься. Чтобы "материализовать" коллектив, требовались иные способности - понимание коллектива, как самого себя, и поведение самого себя, как требуется коллективу. Суеверие - только одна сторона процесса. Суть коллектива как способа бытия - полное умственное единство во всех аспектах, будь то трансцендентные сущности, духи, обряды и обычаи, радость любви и победы над врагом, единое происхождение и общая судьба. Создать один большой мозг из многих маленьких - задача нетривиальная. Необходимость материализации коллектива как особого существа, как носителя коллективного сознания, потребовала появления речи и мышления, понимания и предвидения, а также общей памяти - возможности накопления и передачи информации между поколениями. Материализовался коллектив, таким образом, в голове каждого "гомо-коллективиуса", что теперь создает определенные сложности индивидуалистам.

- Разум, версия β

Только нарождающемуся разуму были по плечу задачи материализации коллектива, а посему для последующего изложения полезно подчеркнуть различие между рассудком, как функцией индивидуального мозга, и разумом, как функцией коллективного сознания. Что такое рассудок животный? Это чистая рациональность, способность быстро считать, как у гончей, срезающей углы чтобы опередить зайца, или много помнить, как у белки, помнящей все места своих запасов. А что такое рассудок "сознательный"? Это внешне тот же рассудок, но сам ставящий себе цель - для начала, разумеется, выживание. Слово "цель" и предполагает "сознание" - счастливый обладатель улучшенной версии рассудка уже осознает себя как то, ради чего ему надо срезать углы, он самоидентифицировался, увидел "себя", свой "смысл", свой "интерес".

Ключ, запустивший процесс рождения разума - коллектив. Первоначальное сознание было коллективным, а выживание - совместным. "Интересы" проистекали в мозг извне, и этим четко отделялись от детерминированной внутренней программы, долгое время не оставлявшей ни малейшей возможности рассудку задуматься - а почему я, собственно, вечно срезаю углы? Внешняя к индивиду цель и стала родителем разума. Она сломала персональную эволюционную программу, внесла в мир диссонанс и заставила рассудок отделить "себя" - в виде коллектива - от остального, "привычного и понятного" мира. Цель, не заданная природой - точка, где начинают расходиться пути холодного детерминированного рассудка и мятежного свободного разума, озаботившегося первой абстрактной идеей - идеей "я", которое \equiv "мы".

И хотя до торжественного момента появления полноценного, автономного разума было еще довольно далеко, фактически, этот миллион лет в мгновение ока перечеркнул предыдущий миллиард. Он окончательно закрепил мозг внутри головы каждого члена коллектива и тем создал новую коллективно-биологическую сущность - сплоченное племя, где каждый готов умереть за всех. Долгое, успешное принуждение к отказу от эгоизма, к иррациональной жертве, непостижимой логически - не только причина появления чуждой животным героической морали, но и причина того, что мы до сих

пор не можем постигнуть, почему другие нам иногда дороже себя, почему так хочется слиться с толпой и подчиниться массовому безумию, а также откуда же взялись эти загадочные нравственные законы, требующие отказа от своего интереса, когда в этом нет никакой ясной нужды. Эта непостижимость только подтверждает, что, как и миллиардный эгоизм, миллионный альтруизм для нас сегодня одинаково естествен - он следствие эволюции, а не тонкого расчета или пришествия неземных сил. По крайней мере, не для всех.

3 Справедливость и нормы

- Разлом альтруизма

Однако ничто не вечно. Миллион лет прошли безвозвратно, а вместе с ними и абсолютный альтруизм. Почему? Время всегда проходит безвозвратно. Что касается альтруизма, развитие мозга и непрерывное тесное взаимодействие в конечном итоге расшатало монолитное "мы". Самоотождествление со стадом постепенно устарело и в его члены закралось подозрение в непохожести, отличности их друг от друга. Коммуникация приводит к пониманию не только другого, но и себя, а "мы" неизбежно порождает "я". Ведь в конце концов, просто так жертвовать собой бессмысленно. Ради кого? Чем они лучше? В дело самоидентификации опять вступил конфликт "интересов", но уже на ином уровне - внутри коллектива. Амебный эгоизм, всегда таящийся в глубине каждой живой твари, перешел в новое качество и просочился в мозг. Можно сказать, что он был "разбужен" упорно проникающим извне героическим насилием протоморали. Ее проникновение внутрь шло параллельно с превращением "мы" в "я" (или, точнее с расщеплением первичной, исходной идентичности "мы" на "мы" и что-то еще - "я"). Это в сущности, был один процесс - процесс рождения автономного разума и свободного индивида. И будучи еще слабым, разум, однако, уже начал утверждать свою волю и отвергать безграничное насилие. В нем возникло робкое чувство справедливости - необходимости баланса взаимного давления членов коллектива, необходимости согласования их интересов, необходимости замены беспощадного альтруизма на более взвешенный.

Ослаб страх, возникли праздники, появились добрые и злые духи, а внутри коллектива - хорошие и плохие (более и менее полезные) люди. У людей появились прозвища. Хаотичная жизнь коллектива стала приобретать осмысленный, хотя и не преднамеренный, порядок. Можно сказать, что если взаимодействие в коллективе породило разум, то разум породил нормы взаимодействия. Нормы - это осознаваемые правила поведения и, следовательно, зачатки справедливости, потому что крайний альтруизм не требует норм. Норма разделяет людей, распределяет роли, а потому есть следствие учета каких-то интересов, какой-то компромисс. И компромисс, в идеале достигнутый не мерением сил, а пониманием другого, его нужд и потребностей.

Но это в идеале, до которого было еще идти и идти. В начале пути к идеалу нормы, разумеется, опирались на грубую силу, коль скоро сила была единственным понятным языком выражения интересов. А уже результатом норм стало самоограничение, необходимость следования правилам, появилось понятие о приемлемости и границах насилия. В условиях тотального насилия, а если брать шире - вообще детерминизма, норма - это всегда ограничение. И оно послужило в этих условиях добрую службу.

Нормы стало легче обосновывать, поскольку сила, как аргумент, стала терять значимость. Нормы облегчали появление новых норм, а вместо силы значимость стали приобретать другие аргументы.

Способ утверждения первых норм не отличался от утверждения альтруизма. То же Священное Начало, которым разум пытался оправдать необходимость собственного принуждения, явилось причиной заострения норм, божественная твердость которых объяснялась именно их сверхъестественным источником. Твердость норм, а точнее связанный с их нарушением страх, на долгое время отдалил людей от понимания разницы между законами природы и нормами общества. В чем разница между теми и другими, если нарушение обоих приводит к неминуемому концу?

- Рождение свободы

Появление норм и следование им стало следующим шагом по пути морального прогресса. Жертва перестала быть безграничной, а бесформенный альтруизм стал приобретать структуру. Если абсолютный альтруизм требовал абсолютного принуждения со стороны коллектива, то для появления норм и следования им требовался иной мотив - не просто индивидуальный, а добровольный. Так, вместе с первыми ростками свободы - как сопротивления бесконечному насилию, появились ростки истинного, непринудительного морального поведения. Но это все еще не была привычная нам мораль в смысле добровольной жертвы ради ближнего - жертв хватало и насильственных! Пока речь шла только о поиске меры и балансе. Можно сказать, что вдобавок к абсолютному альтруизму, на его фоне, стало появляться принципиально новое моральное явление, отталкивающееся - и отталкивающее! - и от насильственного альтруизма, и от природного эгоизма. Назовем его этикой.

Найденный и выраженный в норме баланс давления членов коллектива - это на самом деле баланс, предоставляющий возможность выбора между двумя непреодолимыми по отдельности и разнонаправленными силами - инстинктивным собственным интересом и принудительным интересом других (иными словами - "я" и "мы/ты"). Именно эта возможность выбора ответственна за рождение ростка свободы - добровольности, ибо делая выбор, человек привлекал или извлекал из себя некую новую силу, отсутствующую у животных - силу собственного свободного выбора, собственной зарождающейся личности. До этого исторического момента выбора у человека не существовало, инстинкты и насилие решали все проблемы "выбора" без него. И вот наконец рассудок окончательно стал разумом - он создал для себя новую возможность, он открыл для себя свободу, еще даже не особо погружаясь в размышления.

Конечно, описанный выбор и свобода скорее всего не были тем, чем они кажутся. И то, и другое существовало лишь абстрактно - как возможное состояние равновесия раскаченного маятника. Люди металась между двумя силами, от собственного интереса к благу коллектива и назад, и нормы оказывались там, где их заставляло это метание - в совершенно случайных точках. Но как и маятник предоставленный самому себе, точка равновесия все лучше проявлялась в поведении и нормах, а выбор между двумя силами стал постепенно осознаваться и морально оформляться - как выбор между старой ценностью коллектива и новой ценностью человека. Так этика, с самого своего рождения стала двойкой - стремящейся с двух сторон к точке баланса, а вовсе не обслуживающей однонаправленное принуждение к личности во имя общества, как это

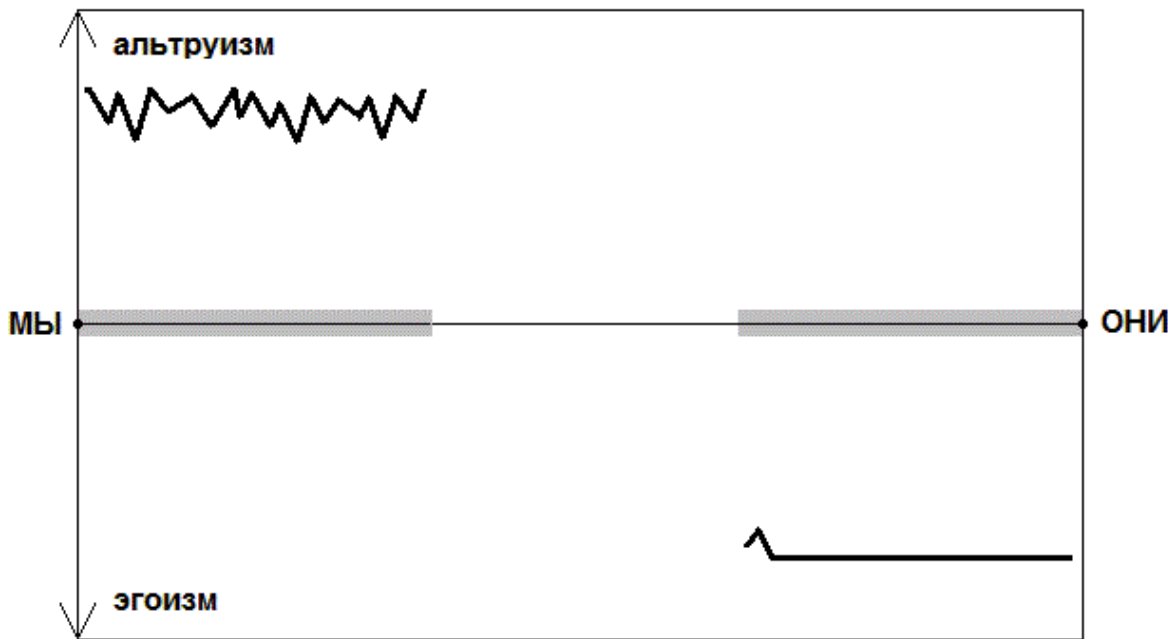

Рис. 1.3

любят представлять идеологи коллективного счастья.

На рис. 1.3 я попытался выразить новое моральное явление визуально - заменой монолита альтруизма ломаной, отражающей слабые попытки движения к эгоизму. Ломаная уже имела свой вид для каждого члена коллектива (и вероятно менялась со временем), поскольку сочетание альтруизма и эгоизма индивидуально, пусть нормы и общи - добровольность рождает индивидуальность. Небольшой излом на прямой эгоизма - моя догадка, что нормативное стало проникать и в отношение к врагам. Например, врагов стали брать в плен и не только съедать, но и рассматривать, как-то задумываться и, кто знает, видеть в них подобие человеческих существ?

- Свобода и выбор

Давайте на минуту остановимся в этой важной точке и опять поразмышляем о свободе. Почему появление выбора ознаменовало приход свободы? Выбор демонстрирует наличие некой новой выбирающей "силы", вместо двух противоборствующих сил и детерминированного исхода их борьбы. В чем природа этой "силы"? На мой взгляд, в преодолении детерминизма, сопротивлении ему, ведь если исход более не предрешен, детерминизм отступает в сторону. А значит, эта новая "сила" и есть свобода, противоположность детерминизма. Таким образом, сущность выбора заключается в возможности отвергнуть альтернативу, которая нам не нравится, а не выбрать ту, что нравится. И этот добровольный отказ от насилия, зла - проявление свободы.

В тех суровых условиях выбирать то, что нравится вряд ли бы получилось, поскольку нравится там по сути нечему. Первые альтернативы человека - страх смерти и страх

сородичей, т.е. весь его выбор - лишь попытка избежать худшего исхода. Обозначив его альтернативы как эгоизм (насилие природы) и альтруизм (насилие сородичей), мы увидим, что новая, рождающаяся личность, хоть и именуется привычным словом "я", вовсе не эквивалентна животному "я" индивида, гирей висящему на весах свободного выбора "я-мы". Истинное, личное "я" - это не животное "я", которое есть лишь набор инстинктов, чистый, незамутненный эгоизм, но также это и не полное растворение в коллективе, абсолютное самопожертвование. Личность, отвергающая насилие - это что-то эфемерное, колеблющееся, склоняющееся то в одну, в другую сторону и потому вынужденное постоянно взвешивать альтернативы, искать и размышлять, оставаясь как бы в невесомости вечного свободного выбора. Этическую дилемму "я-ты", таким образом, следует правильно понимать как дилемму "эгоизм-альтруизм", "себялюбие-самоотверженность", в то время как этическая личность, свободное "я", располагается, как я надеюсь мы увидим дальше, где-то в ее середине. Эта середина - и есть свобода, которая пока не проявляется явно по причине отсутствия подходящих альтернатив, но которая уже мучает человека, заставляя сомневаться в своем выборе.

Источник сомнений, которые абсолютно не свойственны животным - отвержение предзаданного, одной из альтернатив. Рассудок вычисляет исход борьбы сил детерминированно, поскольку эти силы ощущаются и результирующая возникает сама по себе, варьируется лишь степень точности вычисления. Но отказ от подчинения силе рано или поздно ставит вопрос о смысле и о цели. Сомнения ведут к тяжелым раздумьям, свойственным не рассудку, но разуму.

Но не иллюзия ли свобода? Ведь всякая альтернатива - следствие детерминизма, а значит любой наш выбор - так или иначе предзадан! Возможно. Но разве не ощущаем мы свое "я", свою свободу, как самое что ни на есть реальное? Мы можем скорее сомневаться в существовании мира, чем самих себя! Тот факт, что отвержение одной альтернативы означает автоматический выбор другой не столь важен, в конце концов, если все альтернативы связаны с насилием, свобода заставит нас найти какой-то иной выход. Разве не для этого у нас разум? В отличие и от рассудка, который стремится к достижению заданной цели, а значит "выбирает" детерминированно, и от коллективного разума, "выбирающего" цель вместе со всеми, индивидуальный, автономный разум способен создавать цели из ничего, потому что иначе он бы вечно колебался между насильственными альтернативами. К этому в итоге и сводится свободный выбор - он требует новой, неизвестной детерминизму цели, цели найти которую можно только творчески! Если рассудок - машина позволяющая вычислять и планировать, то разум - инструмент свободы, способный видеть невидимое, находить неизведанное и осмысливать бессмысленное.

- Ядро и оболочка

Не все нормы родились равными. Зная природу морали, можно предположить, что степень этичности норм скорее всего в обратном отношении зависела от их полезности, иначе мораль бы давным давно расцвела вокруг пышным цветом. Но и сами по себе, вне связи с практикой, первые этические нормы не могли бы возникнуть и сохраниться. Скорее всего они скрывались внутри табу, обычаев, бытовых обрядов и еще каких-то практически полезных шаблонов поведения. Это был единственный способ их сохранить в отсутствии не только письменности, но и членораздельного языка. Как они туда попали? Источником обычаев была память о заметных прошлых событиях, обраставшая вариациями с каждым новым поколением. Способность удержаться в

коллективной памяти, в отличие от здравого анализа своих и чужих интересов явно непосильного нашим предкам, вероятно и была следствием приближения к точке баланса, устраивающего многих, что вызывало желательность повторений и позволяло в итоге сформироваться норме. Именно это "устраивание многих" виновато в том, что этические нормы - это не просто привычки и обычаи, а внутренне ощущаемые правила, зачаток общей для всех справедливости, проникшей в психику и приступившей к формированию свободной личности. Массив вполне первоначально нелепых традиций стал, таким образом, наполняться более осмысленным моральным содержанием. И чем более осмысленно оно было, тем, можно надеяться, справедливее.

Постепенно, с развитием языка, разнообразные традиции, включая стили шкур и сам язык, оформлялись все отчетливее и укрепляли идентичность, превращаясь в символы "мы", а культура стала как бы емкостью, хранящей нормы и отражающей весь путь, пройденный коллективом в процессе упорядочивания внутреннего насилия и противодействия внешнему. События прошлого разукрашивались и увековечивались в преданиях и былинах. Говорилось в них о великих событиях, богах и героях, которые подавали пример и указывали как жить. В общем, не будет сильным преувеличением сказать, что лучшая часть устной культуры - не что иное, как оформленная словами мораль, ее этическое ядро.

Точно так же не будет преувеличением сказать, что всякое ядро культуры начиналось с верности своему племени до степени самоотречения. Но опять таки, самоотречение наполняется смыслом только если его целью являются такие же самоотверженные, а значит каждый отрекается не вообще, а в интересах другого. Ядро, таким образом - не безоглядный массовый альтруизм во имя внешней цели, как, можно вообразить, было бы в случае массового и бессмысленного поклонения богам, а нечто выявляющее общие интересы, согласующее их.

- Справедливость

По мере того как история влачила своим неторопливым шагом, форма емкости стала отличительной характеристикой каждого коллектива - от племени и общины до этноса и народа, однако куда более узкий набор базовых норм - ее этическое, ценностное наполнение - оставалось, и до сих пор остается, более-менее сходным. Справедливость универсальна, различаются только степени ее достижения - чем дальше на пути к идеалу продвинулся коллектив, тем он справедливее. Моральный и культурный релятивизм - вещь конечно неплохая, но далекая от реальности. Да впрочем, и от морали. На мой взгляд, господствующий ныне релятивизм - следствие временного морального упадка. Что ж, даже по прямому пути можно идти в двух направлениях. Но если повернуться лицом к морали и присмотреться, то видно, что во всякой культуре часть ее традиций можно (а то и нужно!) легко отбросить как милое историческое недоразумение, дорогое только ярым консерваторам. Лучшая часть воспринимается иначе. Эти правила нельзя нарушать без того, чтобы не причинить кому-то ущерб. И что не удивительно, подобные нормы есть в любой культуре - они инвариантны.

Но не абсолютны. Ограничивая насилие, нормы одновременно закрепляют его, поскольку сломать норму не менее трудно, чем ее создать. Как же в таких условиях определить, какая норма ближе к ядру? Где критерий, отделяющий ядро от оболочки? Разумеется, в справедливости, которая не только универсальна, но и вполне

объективна. Если норма несправедлива - она обязательно будет пересмотрена. А потому нормы, принадлежащие ядру, наиболее долговечны. Можно провести аналогию с языком. Глубинные моральные "семантические" структуры, на которые наслаивается вся остальная культура, настолько древни, что отложились близко к бессознательному, о чем нам, например, напоминают угрызения совести, возникающие часто вопреки нашему желанию. В то же время "тезаурус и синтаксис" всей остальной культуры оказались гораздо ближе к поверхности и с ними общество расстается достаточно легко - иногда при жизни одного поколения.

Глубина залегания более поздних структур уже не столь велика, как например отвращения или почитания, что не удивительно, поскольку и рождение этики, и остальные упомянутые выше события произошли едва ли более пятидесяти, максимум ста тысяч лет назад. Оттого многие связанные с этикой моральные механизмы, включая ту же совесть, не так сильны как нам бы того хотелось.

Так коллектив, появившийся вследствие необходимости выживания, оказался способен порождать удивительные вещи - свободу, справедливость и красоту, которые по сути антагонистичны идее выживания. Эти абстракции еще скрываются в глубинах коллектива, но оболочка культуры, воплощая их в виде конкретного народа, давая им имя и фамилию, уже начинает формировать новую идентичность - "человек".

- Источники норм

Итак, члены коллектива постепенно вспомнили о себе и принялись исподволь отстаивать свои интересы. Ущемленный интерес ощущался как личный ущерб, а первые нормы были запретами на его причинение, и их смысл, в отличие от табу, уже осознавался. Конечно, ущерб в те времена был не тот, что ныне, да и наказание за него тоже. Все было проще и грубее. Съел чужую жену - смерть! Да, гнилую часть коллектива проще отрезать, чем лечить. Но постепенно наказание, как и ущерб, стало более осмысленным и утонченным. Выбил глаз - выбьют тебе. Оскорбил героя - стань героем. Накликал беду ...что ж, не повезло. Так возник не только запрет на поедание чужих жен, но и первый принцип справедливости - равное возмездие.

Личный ущерб порождал конфликт, а норма позволяла разрешать его единообразно. Однако, одной нормы для разрешения конфликта недостаточно - иначе с какой стати взялся сам конфликт? Коллектив, будучи хранителем норм, стал выступать и как их охранитель. Появились нормы разрешения конфликтов, которые включали обращение к третьей стороне - старейшине племени, общему собранию и т.п. В этом заключался второй принцип справедливости - суд. Третьим можно считать принцип благодарности. Жизнь тогда была крайне сурова, а взаимопомощь - естественна. Впрочем, и помощью-то ее нельзя было назвать - ведь все вместе, сообща. Увы, бесконечно помогать друг другу стало не так интересно, пора было учитывать и собственные интересы.

Однако, если полезность бойца и соответствующий ущерб с вытекающим возмездием прост и понятен, то неясно откуда у альтруистов-коллективистов взялись более интересные интересы? Источников было три.

Во-1-х, интересы неизбежно появляются там, где размер семьи становится чуть больше, чем надо. В маленькой семье все живут одной жизнью, зачем там нормы? Но можно себе представить внутренние трения там, где на несколько матерей приходится

несколько отцов и еще больше неизвестно чьих детей. Инстинкт половой собственности, дремавший миллион лет, неизбежно начал просыпаться и разрывать коллектив. Для воспроизводства нужны двое, для выживания - многие. Это противоречие двигало не только формирование семьи в рамках коллектива, но и формирование норм. Поэтому не удивительно, что одни из самых древних моральных норм связаны с половыми отношениями.

Во-2-х, люди покоряли природу, привыкали к труду, накапливали ресурсы. Этот процесс начался сам по себе с совершенствования орудий убийства и постепенно охватил более мирные стороны жизни. Вместе с накоплением, а затем и производством ресурсов появилась новая задача - как их делить. Если орудия тяготели к личному владению, то пропитание было общим. Если пещера была одна на всех, то семейный угол тяготел к отделению. По мере уменьшения и обособления семьи общинная собственность неизбежно подлежала делению и переходу в семейное владение. Все это требовало правил, пусть и примитивно, но справедливых. В свете этого, разве удивительно, что с тех времен справедливость неотделима от собственности?

В-3-х, коллектив неизбежно становился больше. Питание улучшалось, общение углублялось, разум креп, язык развивался - человек становится умнее и свободнее. Но вражда не позволяла расслабиться. Большой воюющий коллектив, с возрастающими взаимными претензиями и разнообразной хозяйственной деятельностью, требовал серьезного управления. И чем запутаннее становились отношения, тем острее была необходимость в выработке соответствующих норм. В некотором смысле, нормы управления/организации - это клей держащий вместе большой коллектив. Или его скелет. А это, в принципе, удивительно. Удивительно это тем, что если полезность прочих норм для выживания сомнительна или по крайней мере нейтральна, нормы в управлении коллективом имели ярко выраженную практическую пользу, что вызвало важные моральные последствия. Или, вернее, аморальные.

- Иерархия

Управление коллективом опиралось на иерархию. Как бы ни было теоретически и морально привлекательно всеобщее равенство, в условиях войны оно абсолютно бесперспективно. Эгоистические инстинкты доминирования неизбежно должны были прорезаться сквозь альтруизм, утвердиться в горниле войны и потребовать легализации. Узаконивание иерархии было критически важно. Во-1-х, силовое соперничество само по себе требовало правил. Это врагов можно побеждать по полной победы. Среди своих так или иначе должна существовать граница насилия. Количество войнов играет важную роль в победе. Во-2-х, в условиях общей полной самоотдачи не только неразумно, но и невозможно практиковать произвол по отношению к нижестоящим - терять тем уже нечего. В-3-х, правильно построенная иерархия не только эффективна, но и позволяет упорядочить процесс передачи управления, что в условиях постоянных военных действий жизненно необходимо.

Правила иерархии ограничивали произвол и помогали выстраивать силовые взаимоотношения. Иерархии могли стать устойчивее и мощнее. И они становились. Самые способные вожаки, отличавшиеся особым умением побеждать врагов или просто удачей, так или иначе подчиняли и соотечественников, подстраивая правила под себя и в результате, с ростом числа побед и размеров племен, иерархия так же неизбежно

укреплялась, поскольку в условиях военного времени рядовым бойцам было нечего ей противопоставить.

Будучи полезными практически, нормы иерархического управления оказались вредными морально - с нашей, просвещенной точки зрения. Они отразили отвратительные древние представления о справедливости - хорошее и ценное стало все больше ассоциироваться не столько с коллективом, сколько с его верхом, что напрямую следовало из оценки полезности его членов. Так с приходом норм окончательно завершился золотой век - неравенство получило не только принудительно-моральное оправдание, но и нормативное - т.е. истинно-моральное, и оно надолго стало частью моральной традиции. Занимающие верхние этажи теперь законно пользовались дополнительными благами за счет остальных - коллектив расслаивался, но тогда это еще никого особо не волновало. Моральная неразбериха приносила ядовитые плоды. Если сначала прав был тот, кто сильнее, то затем кто хитрее стал прав тоже. В предводители, помимо старейшин и героев, потянулись шаманы и жрецы - все, кому удавалось нагнать священного страха. Прав стал любой стоящий выше, независимо от того, как он там оказался. Самый же низ иерархии, зарезервированный под пленных рабов, мало отличался от врагов. Этот расклад настолько плох, что даже не заслуживает отдельного рисунка, тем более, что он ничуть не отличается от того же 1.2 или 1.3, если в нем заменить "мы" на "верхние", а "они" на "нижние". Отсутствие отличий подчеркивает тот факт, что мораль межколлективных отношений незаметно проникла внутрь коллектива.

- Культ насилия

И со временем она разрослась там до ужасных размеров! Почитание вышестоящих и обожествление силы плавно перешли в культ насилия. Понятно, что постоянная война требовала особого отношения к физической и моральной силе, но нехорошие эгоистические задатки, получив развитие вместе с ломкой альтруизма, постепенно приняли гипертрофированный характер. Бывшая безымянная жертва во имя коллектива стала не только адресной, поскольку верхи теперь ценнее, но и более "субъектной" - герой теперь захотел и личного признания, личной благодарности. Иерархия росла и крепла, пока не достигла естественного предела - абсолютной власти одного при поголовном рабстве всех остальных. Братство превратилось в деспотию.

Как это случилось? В разросшихся племенах и народностях, непрерывная война выделила воинскую касту как наиболее важную. Впрочем, в условиях когда воевали все, первым выделилось скорее невоюющее "сословие" - женщины, пленные-рабы-работники, мастера, жрецы. Эта схема деления способствовала пробуждению у воинов чувства специфической коллективной гордости, связанной с готовностью первыми жертвовать жизнью ради остальных, более слабых - чести. Честь потребовала признания со стороны - уважения, почета. Поскольку воинское сословие заслужено занимало верх иерархии, почитание воинов не отделялось от почитания силы - чести удостаивались лишь самые сильные. Так и появился культ насилия - каста воинов презирала не только самих нижестоящих, но все, что они делали, думали и олицетворяли. Полезный труд, скромность, благоразумие, миролюбие... - много хорошего оказалось подвергнуто незаслуженному поношению.

Культ насилия требовал постоянного выяснения ранга. Возникла культура

соперничества, сопровождавшегося маркированием результатов - титулами, регалиями, почестями, восхвалением. Первенство и главенство стали самозначимыми, а власть - самоцелью.

Однако были и моральные плюсы, которые впрочем, проявились гораздо позже. Кастовая честь становилась более индивидуальной, в перспективе открывая путь к самоуважению и достоинству. Возник мотив защиты чести - строгое соблюдение норм, пусть пока своего круга, своей касты. Помимо воспитания мужества, честь воинского сословия способствовала соблюдению определенных правил - сначала поединков, а затем и войн. Уважение к противнику и снисхождение к слабым - следствия осознания принадлежности к избранной касте, к "лучшим", которое начало пересекать границы коллективов. Необходимость демонстрировать превосходство породила не только щедрость, но и этикет, а затем и образование, чему способствовала все большая праздность воинов, освобожденных от необходимости трудиться. Так из примитивной воинской касты со временем появилось не только рыцарство, но и целый образованный класс - аристократия, которая как ни странно кое-где жива до сих пор.

- Кульминация

Иерархическая моральная ловушка, первородные моральные грехи - и одобряемое неравенство, и насилие высших к низшим - вызывают негодование и резонные вопросы. Как этика может оправдывать несправедливость? Где тут универсальное этическое ядро, о котором мы только что говорили? Почему, вместо того, чтобы становиться свободнее и гуманнее, люди строили все более мощные силовые структуры? Друзья, несмотря на столь разочаровывающий результат, надо успокоиться и осознать, что поворот к свободе не происходит мгновенно. Чтобы управиться с насилием, разуму надо время и пока оно неумолимо тикает, вопрос выживания никто с повестки дня не снимал. Как с появлением жизни звезды не замерли в изумлении, так и с появлением этики гены не выстроились по стойке "смирно". Все продолжается как обычно. Но куда же тогда повернула эволюция? В чем смысл морали? "Большая эволюция" перешла на очередную ступень, оставив биологическую позади. На переднем крае теперь разум - он двигает этику, а с ней и материю вперед. Иерархия - наследие нашей биологии. Неважно, что первородная мораль на ней росла и ее оправдывала, важно, что последующая выросла и отвергает.

"Война всех против всех", с которой мы начали наше исследование, еще не кончилась, она и не могла кончиться так сразу. Что такое сто тысяч лет в масштабах эволюции? Но зато случилось главное - воюющая единица, коллектив, преобразилась. В ней родилась жизнь разум и свобода! Насилие достигло пика, поскольку возникло само понятие "насилия" - возникло вместе с разумом и свободой, которые его увидели и ужаснулись. До этого момента насилия не было, поскольку не было его противоположности. И чтобы оформиться окончательно, понятию насилия надо было пройти свой путь до конца, столкнуться со свободой в смертельной, как пишут в хороших романах, схватке. И они столкнулись - слабая, едва рожденная свобода, и безграничное в своей мощи насилие. Оно подмяло разум, заставило его на какое-то время служить себе. Кровавая иерархия замешанная на страхе, жесточайшее насилие людей друг к другу, культ силы - это кульминация насилия, его апогей. С этой точки есть только один путь - вниз.

Внутрикастовый договор, рожденный в этих условиях, больше напоминал сговор.

Ведь какое может быть договорное равенство, если стоит строго определенная, навязанная насилеием цель - победа над врагом. Победа требует жертвы!

Разуму нужно было время, чтобы осмотреться и разобраться, понять что есть что. И он, слава богу, понял. Возникло два очень неравных "класса" - тех, кто поклоняется насилию и тех, кто его отвергает. Но как возможна борьба между ними? Ведь насилие потому и насилие, что оно побеждает! Разум борется идеями, ничего другого в его распоряжении нет. Моральные нормы - первый плод разума, против которого насилие оказалось бессильно. Нормы создали структуру, пусть несовершенную, насильственную. Но несовершенство вторично. Если норм нет - нет перспектив, а если есть, пусть неправильные - их можно поменять. И нормы стали меняться.

- Что дальше?

Этот скромный рост моральных побегов сквозь бетон насилия мне представляется настоящим, реальным человеческим прогрессом, в отличие от научно-технического, полит-экономического или культурно-эстетического, лежащего как бы на поверхности. Революции случаются быстро и ярко, но истинный прогресс нетороплив и скучен. Его так сразу и не заметишь. В самом деле, как сравнить уровни насилия, терпимости и гуманности? Только покажется, что мы уже не дикари, как глянть - очередной геноцид и война. А честности и порядочности? Только покажется, что мы уже вполне приличные люди, глянть - очередной массовый грабеж и воровство. А столкновение культур? А разрушение семьи? Про искусство я уже и не говорю. В общем, непросто, да. Но если на минутку забежать вперед и попробовать очертить контуры дальнейшего процесса, то в целом они выглядят так.

Первоначально война была основным занятием людей. Победы доставались тем, кто оказывался успешнее в использовании своих и природных возможностей, был лучше организован, больше опирался не на инстинкты, а на мозги. Работа разума привела к усложнению коллектива, разделению функций его членов, совершенствованию его организации. Но с ростом военной мощи происходит ее обесмысливание. Чем больше внешнее давление, тем сильнее потребность в организации и сложнее внутренняя структура - внешнее насилие как бы передается внутрь коллектива и в итоге уравнивается там, потому что чем больше норм, тем меньше насилия - в сложной социальной модели сильнее роль личности и, следовательно, выраженнее потребность в справедливости, равноправии и честном договоре. Так рост насилия, через рост сложности коллектива, ведет к росту свободы, а война - к миру.

Но этот внешне логичный закон вовсе не является законом! На деле мы не видим никакой культурной "эволюции" - выживания этичных и вымирания диких - все живут одновременно, а если и конкурируют, то вовсе не в этике. Варвары разрушают цивилизации, беззаконие сменяет порядок, а за короткими периодами расцвета следуют века мракобесия. Более того. Всякая цивилизация, вкусив малейший глоток свободы, но не осознавшая ее хрупкости, расслабляется и разлагается. Стоит ей только расцвести в одном месте, как со всего мира сбегаются дикари и уничтожают все подчистую. Этика не гарантирует выживания. Она помогает организовать коллектив, но в прямом столкновении важную роль играют и другие вещи - численность, техническое превосходство, глупость полководцев и конечно героическая мораль - настрой и ярость бойцов. Что, однако, мы видим - что если коллективы рождаются и исчезают вместе со своими

традиционными культурными оболочками, то этическое ядро - идеи свободы, сложившиеся в конкретные социальные модели и нормативные практики, имеют свойство не умирать до конца и частенько переходят от изнеженных побежденных к аскетичным победителям. Как бы крепок не был варвар, культура рано или поздно берет над ним верх. Дикарь всегда возвращается к нормам.

Еще менее захватывающе выглядит трансформация этики в социальные структуры. Сначала, с ростом количества норм и опыта взаимодействия, физическое принуждение ограничивалось все больше, а моральное из суеверного становилось более осмысленным. Если раньше жизнь коллектива регламентировалась жесткими и бессмысленными традициями, то потом - все более ясными и взаимоприемлемыми правилами. Придуманные правила не требовали такого жестокого наказания отступников и священного ужаса, какого требуют дурацкие традиции. Коллектив становился более управляемым, в нем как в остывающем котле, падало давление. Нормы делали поведение членов коллектива предсказуемым. Стало возможным все дальше заглядывать в будущее, планировать совместную деятельность. Росли уровни стабильности и доверия. Люди перестали воевать и принялись за работу. Нормы получили формальный вид и стали законами, оформились отношения собственности, право и суд. Возникли более продвинутые экономические модели, которые стимулировали производство и материальный прогресс. Производство и торговля подстегнули науку и искусство. Возник интернет и счастливая возможность писать книжки.

- Двигатель прогресса

В чем механизм движения? В смене норм. Нормы фиксируют существующий уровень насилия, но по мере накопления опыта и знаний и усложнения общества, появляется нужда в новых, более справедливых нормах, которые формируются исподволь, в противоречии со старыми. Новая норма - это идея о должном и лучшем, старая - та же идея, отжившая свой век. Противоречие как бы расщепляет этику надвое. Консервативная, реакционная, узкая этика - это наследие предыдущей необходимости. В узком смысле, правильно то, что соответствует норме. Как заведено испокон веков, никаких вольностей и самодурства. Но действуя только в узком смысле, люди никогда не могли бы найти более справедливые нормы, они застряли бы с теми, которые сложились на заре эволюции, случайно. Верность традициям, заветам предков и прочей архаике помогает для выживания, но абсолютно бесперспективно, ведь некоторые отклонения от норм, безусловно неправильные в узком смысле, вполне могут оказаться правильными в широком. Передовая, прогрессивная этика - это поиск нового и отказ от того насилия, которое фиксировалось традицией. Однако прогрессивная этика может привести к разрушению общества. Если традиционные нормы сдерживали какое-то насилие, более свободные вполне могут оказаться не способны на это. И тогда мораль разлагается и наступают темные времена.

Описанный механизм наверняка показался вам каким-то немеханичным. Так оно и есть. Противоречие между старым и новым - лишь следствие движения, но само движение не имеет определенного механизма. Любой механизм - это законосообразность, но какая законосообразность в желании нового, в идеях? Эволюция этики, культуры и прочих "способов работы мозга" - это свободное творчество, творчество ради творчества. Так, например, создается и новая организация, и новые орудия убийства. Только творчество. А творчество не может ничего

гарантировать - не то что пользу, а даже результат! Творчество рождает свободу, а в чем практическая польза свободы для выживания? Или справедливости для производительности труда? Это только в курсе научного капитализма можно узнать, что рабский труд проигрывает свободному. В реальности рабский труд куда производительнее. Надо только найти нужные стимулы. Свобода не очень располагает к потоотделению. Взять тоталитарные и демократические режимы. Что успешнее в случае войны или необходимости рывка вперед? Для выживания в катастрофе? Но в чем же тогда причина движения? Только в том, что люди не хотят жить в рабстве. Просто не хотят и все. Это - единственное, что движет историю.

К сожалению, как отобразить графически этот процесс я не придумал. Возможно, имело бы смысл забежать вперед к нашим рисункам, но я и так забежал слишком далеко и в спешке пропустил пару важных аспектов процесса. Простите эту спешку, друзья мои, я чувствую что с каждым письмом мои мысли растекаются все шире, а строчки становятся длиннее.

4 Расширение коллектива

- Первые шаги к миру

Первый пропущенный аспект - рост размеров коллективов. Хоть борьба племен ни на миг не прекращалась, но несмотря на борьбу и хороший аппетит, люди размножались - победители поглощали проигравших и занимали освобожденные территории. Поглощение происходило не только через поглотительный тракт - добытые в боях женщины, например, представляли собой не только питательную, но и жизненную ценность. Благодаря подобному накоплению разнообразной жизненной ценности, племена росли постепенно превращаясь в народы, что приводило к большим изменениям. И вне коллектива, и внутри его наблюдалась такая картина (рис. 1.4).

Вне коллектива происходил постепенный переход к мирному сосуществованию, который мы еще и сейчас кое-где можем наблюдать воочию. Большие коллективы трудно победить до конца. Во-1-х, их даже физически истребить затруднительно - кто-то да спасется, тем более что большой коллектив обитает на большой территории, которую нелегко взять под контроль. Во-2-х, большой враг требует таких же больших сил, но большой коллектив - сложная структура и управление. Много ошибок, разные мотивы и цели. В-3-х, большие коллективы менее мобильны, стремятся к оседлости, накопили много всякой всячины и им есть что терять. В общем - причин много, а результат один. Племена притирались друг к другу, воинственный каннибальский дух потихоньку испарялся, отношения налаживались, место врагов заняли соседи. Появилась возможность обрабатывать землю и строить храмы. Замаячила перспектива экономики.

Что касается земли, существует мнение, что это открытие земледелия привело к оседлости, миру и культуре. Однако то, что мы знаем о человеческой природе, заставляет предположить иную альтернативу. Открыть земледелие довольно трудно в условиях непрерывной войны, сначала желательно обеспечить хоть какое-то подобие мира, хоть какое постоянное жизненное пространство, пусть временно. Главное, чтобы этого времени хватило на аграрные эксперименты. И как раз достаточно крупный

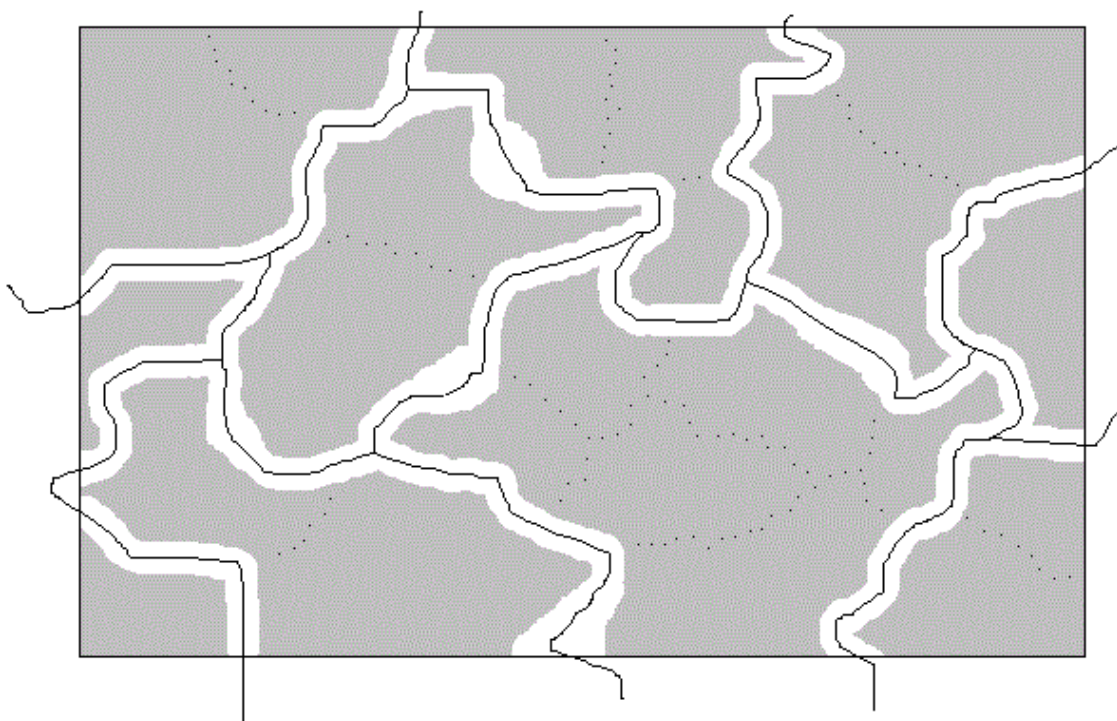

Рис. 1.4

коллектив может предоставить такую возможность. Чем он больше, тем меньше смысла кочевать, тем четче ограничена его территория, тем больше возможностей для наблюдения за почвой и растениями. Да и земледелие, в общем, уже не совсем насилие, а значит оно вторично по отношению к войне. Иными словами, это война должна дать дорогу земледелию, а никак не наоборот.

Что касается экономики, то мирное сосуществование предполагало постоянные контакты и взаимное влияние. Бессмысленное насилие и жестокость начали сдавать позиции, а нравы становились цивилизованнее и культурнее. Но ни о какой торговле, однако, как хотелось бы думать сторонникам всепобеждающего рынка, речи пока не шло. Рынок - тоже насилие, но в сравнении с войной он явно проигрывает. Так что, как и в случае земледелия, война должна отступить первой. И потому было еще не до рынка. Заботы были еще иные - лишь бы не было войны, она была слишком свежа в памяти. Для мира можно было и пожертвовать кое-чем, и так отдать, без всякого рынка. И потому вместо торговли появилась экономика, или скорее культура, подарков. Для начала обменивались самым ценным - женщинами, сочетались браками в знак мира и дружбы, укрепляли доверие и связи. Потом стали дарить подарки попроще, например, рабов - и тоже в знак уважения и дружбы.

Появились нормы гостеприимства - как абсолютная необходимость для предотвращения ссор и сохранения хрупкого мира. Помимо прочего, во врагах стали видеть людей, появились первые ростки "гуманизма", жалости к побежденным. Но конечно вражда и подозрительность так просто не исчезала. Не правда ли, даже сейчас, если сосед дарит что-то ценное, не говоря уж о предложении выдать замуж дочь - это вызывает подозрения? Так что войны тоже продолжались, хоть и с перерывами.

Экономика подарков сочеталась с "экономикой" войны, ведь ресурсы все же проще отнять, чем добыть трудом. Постепенно появилась и торговля, но тоже не та к какой мы привыкли. Первый материальный обмен с целью практической пользы был не личным, а коллективным - по мере общей нужды и опираясь на привычные обменные эквиваленты. Первой ценностью вероятно были сами люди (рабы), их выкуп из плена выглядит как наиболее разумная цель обмена. Разумеется, ни денег, ни цен, ни тем более рынка не было - а то ведь и обидеть можно, если начать жадничать и торговаться. Внутри тоже все делили по-честному - под зорким присмотром властной верхушки. Ибо племенной дух выветривается не так легко - и труд, и отдых, и собственность пока были общими. Можно сказать, вся первобытная "экономика" - производство и распределение ценностей целиком на основе традиционно сложившихся норм.

- Появление морали

Серьезные изменения происходили и внутри коллектива. Большой коллектив неизбежно распадается на мелкие - альтруизм физически не может простираться бесконечно. Сначала шло размежевание на крупные общины, роды. Дальние родственники отдалялись, ближние сближались. Альтруизм становился все более добровольным, а следовательно все более избирательным, опирающимся на чувства. Круг своих сужался, с ним сужалась общая собственность и общее хозяйство. Появлялись личные отношения в противовес дальним - дружба, семейственность. Коллектив, который некогда был одной большой семьей, стал включать в себя все больше "посторонних" - все менее связанных общими предками людей. Как только общие предки окончательно переселились в мифы и легенды, круг биологически близких ужался до совсем близких родственников. Все прочие стали зачатком публичной сферы - не той, которая отождествляется с политикой и прочими прелестями насилия, а моральной, населенной нормальными, посторонними людьми.

Единый коллектив, таким образом, как бы разделялся на макро-коллектив, "общество-мир", состоящее из посторонних - народ, страну, царство, и микро-коллектив, "общину-братство", состоящую из близких - семья, клан, род. Идентичность человека стала множественной - он одновременно оказывался членом разных коллективов, что подталкивало его мысли в сторону более четкого осознания собственной личности и собственных интересов, а в перспективе и интересов других людей. Мир стал зависеть от самого человека, не только от богов. Однако, поскольку война и насилие продолжали требовать сплоченности, одинокое, полусвободное "я" пока оставалось хрупким, зачаточным. Основой идентичности вместо бывшего "коллектива-организма", на этом этапе стал род, отделяющий и охраняющий личность. Род приобрел соответствующее моральное качество - честь рода, потребовавшую защиты. Так месть стала делом не только касты, и в меньшей степени человека, но и рода, стала "кровной".

Посторонние - это новый тип людей, не родные и не враги. Отношения с ними требовали новых этических норм, содержащих как минимум альтруизма, так и минимум эгоизма. Как нетрудно догадаться, такие нормы должны были быть более нейтральными, чем нелепые обряды и безоговорочный альтруизм, допустимые среди своих. Нормы поведения в макро-коллективе стали рассматриваться все более трезво, самые дикие обычаи отмирали. Этика стала все явственней проявлять свою холодную, умственную сущность. В человеке стал проступать просто человек, а не друг или враг. Я бы даже сказал, стала проступать абстракция человека - человек как нечто

универсальное, понятное, имеющее общую для всех - и своих, и врагов - ценность.

Довольно наглядно это проявилось в религиозных верованиях. Если раньше молились богам частенько с целью победы над врагами, отчего и боги больше напоминали не богов, а пособников в разборках племен и народов, то с появлением посторонних появились и общие боги. Новые религии, претендующие на универсальность, были обращены к человеку, обещая помочь любому обращенному независимо от происхождения.

Однако новые нормы появлялись с трудом. Некоторые племена упорно игнорировали универсальные религии и даже в среде последователей последних возникало множество течений, отстаивавших свое собственное, несомненно единственно правильное, понимание универсальности. Психология своего племени, малого коллектива, была чрезвычайно живучей. Да и динамика расширения вносила коррективы в уверенную поступь этического прогресса. Расширение коллектива приводило к отчуждению, а уплотнение населения приводило к тесноте. Одновременно с честностью и порядочностью, появились ложь, зависть, взаимный альтруизм "ты мне - я тебе" и тому подобная расчетливость, проникающая в отношения некогда близких людей. Явной торговли пока нет, но уже есть подсознательная бухгалтерия - кто кому должен. Чем дальше становятся друг от друга стороны, чем больше коллектив и слабее родственные связи - тем реже люди одаривают, тем чаще обманывают. Зато в самых близких отношениях, напротив, укрепляются взаимные чувства, появляется привязанность и взаимное влечение. Если дальние отношения стали рассматриваться с точки зрения пользы и выгоды, то в ближних становилось все более истинного альтруизма, а в браке - все больше романтики.

Истинный альтруизм, по аналогии с этикой, которую мы обнаружили раньше, это тоже новое моральное явление. Назовем его "жертвенной" моралью или просто моралью. Жертвенная мораль как бы возвращается назад к героической протоморали, но поднимая ее на новый уровень - индивидуально-добровольный. Тут же возникает и истинная героическая мораль, которая становится продолжением жертвенной, ее экстремальным вариантом, когда адресат жертвы переступает некую когнитивную черту, так как вместо родного коллектива, состоящего из живых и конкретных людей, подвиг теперь требуется ради идеи, абстракции, принципа - воображаемого коллектива посторонних. Как и этика, мораль стала следствием первых ростков свободы, поскольку добровольность предполагает выбор. А до выбора, разумеется, добровольный альтруизм был не только невозможен, но и не нужен, раз хватало принудительного. Но в отличие от этики, которая стремится к балансу, гарантирующему свободу, мораль не хочет баланса, она требует жертвы и бежит назад от свободы в безопасный круг родных. Т.е., несмотря на то, что оба явления нравственны, моральны и этичны, они совершенно противоположны - мораль порождает добровольный альтруизм, в то время как этика - нейтральность и справедливость.

- Противоречие альтруизма и свободы

Появление ненасильственной морали породило большую проблему. Там, где математические теории рисуют, как взаимодействуя друг с другом, свободные рациональные игроки приходят к репутации и доверию, реальность, хоть и нематематическая, рисует прямо противоположное. Зарождающаяся порядочность, этичная торговля и взаимовыгодное сотрудничество, не говоря уж о диких,

грабительских формах обмена, противоречат уже существующим коллективными нормам "экономики", требующим хоть и сбалансированных, но самоотдачи и бескорыстия. Манера свободного экономического агента действовать в своих интересах идет вразрез с альтруистической иррациональной традицией общества. Налицо первые проблески знакомого морального конфуза - ведь все хорошее, что было связано с родным коллективом, отвергается! Не удивительно, что торговая ментальность прочно ассоциируется с обманом, спекуляцией, наживой и мошенничеством, а никак не с доверием и честностью. Соответственно, торговля подданных вызывает серьезное противодействие власти имущих - от прямых запретов до жесткого регулирования. Не отстают и духовные власти, которые также порицают стремление к наживе, что огульно усматривается во всякой торговле.

Характерен пример Европы средних веков, где существовал цеховой порядок - цеха получали у власти разрешение на кормление на своем поле деятельности в соответствии с существующими нравами и обычаями. В торговых уставах отбивание покупателей и разорение конкурентов рассматривалось чуть ли не как грех. Конкуренция не поощрялась. Цены были "справедливые". Реклама была запрещена, а качество товара являлось приоритетом, поскольку защищало кастовую честь.

Так и жило человечество долгие века, обрекая себя на нищету ради морали. Потому что реальная причина конфуза, конечно, сама мораль. Пока альтруизм был насильственным, нормы служили глубоко моральному делу - разрушали насилие и творили справедливость. Теперь, когда появился собственный иррациональный выбор жертвенности, да еще освященный древним магическим духом преодоления эгоизма, любой другой выбор, а уж тем более такой телесно-материальный как выгода, стал прямо противостоять морали. Появление норм уже не столько служило делу справедливости, сколько противоречило делу добра. В этом противоречии - мировоззренческие корни отрицательного отношения к свободе, свойственного моралистам.

Вы можете возразить, друзья, что безмерная жадность не только аморальна, но и разрушительна для общества. Согласен. Но не проще ли ограничить наследование, на корню зарубая имущественное расслоение? И проще, и правильней! Но чтобы такое стало приемлемым, надо сначала предать забвению существующую семейно-коллективистскую мораль, а уже затем с нуля выстраивать новые, равноправные отношения. Взаимовыгодное сотрудничество требует совершенно других норм. Вместо полунасильственной "справедливости", принятой среди своих, нужна чистая этика и настоящая справедливость, нейтральная и беспристрастная, надлежащая в отношениях с посторонними - категорией людей, которых раньше просто не существовало. Соответственно, не существовало и не могло существовать ничего подобного такой этике и справедливости. Ей просто неоткуда было взяться самой по себе. Не было никакого естественного или объективного процесса, минующего этику и приводящего к свободе - типа роста производительных сил, развития производственных отношений, появления прибавочного продукта или еще чего-то столь же невероятного.

Но может быть, если торговая психология - и сама торговая деятельность - разрушает нормы принятые среди своих, то вероятно, она создает их по отношению к чужим? Может и создает - в книге по математике. В реальности такой возможности у нее не было. Во-1-х, первые отношения сотрудничества и взаимности почти наверняка

зарождались внутри своего коллектива просто потому, что количество и частота контактов между своими не идет ни в какое сравнение с контактами с чужими. Во-2-х, даже по отношению к чужим превалирующее отношение было не расчетливым, а бескорыстным. Любые мирные отношения всегда выстраивались начиная со взаимных даров, и только потом могли двигаться дальше к расчетам и торговле. Торговля всегда предполагает уже существующий мирный договор, невозможный без моральных оснований.

Таким образом, новые и потенциально справедливые нормы абсолютно точно требовали отказа от морали, а потому дальнейшее разрушение альтруизма вовсе не гарантировало честности и порядочности. Скорее, наоборот. Подразумеваемая аморальность рынка могла привести к аморальности реальной - как обычно делает социальное сознание с социальным бытием. Первые зачатки свободы в лице прогрессивного купечества и ростовщичества имели все шансы принять отвратительные черты беспредельной алчности и безграничной бессовестности.

- Торговля ближняя и дальняя

Тем сложнее была задача первопроходцев - тех, кто пустился в свободное предпринимательство вопреки противодействию (или при поощрении) духовной и светской власти, внедряя новые, и по тем меркам прогрессивные нормы отношений. Эти категории людей, путешествующих за леса и моря и скапливающихся в городах, первоначально образовались благодаря моральному отчуждению и разрыву личностных связей внутри коллектива. Они, то ли вследствие присущего им персонально духа авантюризма, то ли из-за преследований на родине, то ли потому что по иным причинам оказались выброшены из существующей политической, т.е. основанной на насилии, системы, стали провозвестниками новой выгоды - личной, идущей вразрез с выгодой общины или рода.

Но за первопроходцами шли массы. Постепенно формировались общины, члены которых специализировались на корыстной торговле и всем, что ей способствовало: ростовщичеству, ремесленничеству и т.п. Такая община - или шайка авантюристов, или секта еретиков/иноверцев, или тайный орден - помогала сформировать новую групповую мораль, поощряющую не столько альтруизм к своим, сколько эгоизм ко всем остальным, который впрочем неизбежно проникал и внутрь ее, ибо эгоизм по иному не может. Эти сообщества открывали путь к улучшению общественного положения вне существующей системы. Если же авантюристы открывали и покоряли новые земли, то у них был шанс даже основать целую страну, пропитанную духом эгоизма!

Первопроходцы свою задачу провалили - мораль разрушили, но этики не создали. Вместо выстраивания честной торговли и поиска норм справедливого обмена, победило, как и в случае иерархии, насилие. Почему так вышло? Для понимания имеет смысл разделить торговлю на внутреннюю и внешнюю, где граница является конечно моральной, а не географической. Внутренняя торговля - это обмен между "своими", теми, кто не так давно составлял один дружный коллектив. Тут торговля шла ни шатко, ни валко, поскольку простора для нее особо не было - мешала мораль. Зато ничто не сдерживало торговлю внешнюю, которая в условиях мира и тесного соседства стала намного более интенсивной. И если учесть обилие посторонних, станет понятен позорный результат - ведь практиковать эгоизм легче всего именно по отношению к

ним, тем более что часть из них - вчерашние враги.

Так, разрушение альтруизма и ограничение области действия морали все более узким кругом людей, привели к тому, что эгоизм стал выплескиваться на посторонних. Торговля стала новым видом войны - и с самого начала ее развитие шло рука об руку с разбоем, причем частенько вовлекавшим властные верхи. То, что сейчас мы называем "преступность" вовсе не считалось нарушением законов. Таких законов просто не было. Грабеж считался делом правильным. Рыцари-разбойники и благородные пираты - идеализация духа насилия над незнакомыми людьми, не врагами и не чужаками. Еще хуже дело обстояло с дальними походами, экспедициями за море, с покорением слабых. Торговые и купеческие дома мало отличались от бандитских гнезд, а торговые экспедиции - от вооруженных набегов.

Но если дальняя торговля опиралась больше на риск, и соответственно насилие, внутренняя на первых порах являла собой надежду на лучший исход. Она способствовала созданию длительных связей и поощряла выстраивание доверительных отношений, которые и явились провозвестником новой, деловой этики - честности, пунктуальности, надежности, порядочности. Иначе и не могло быть - как можно постоянно обманывать тех с кем регулярно имеешь дело? Как возможен договор без доверия?

Потом конечно нажива взяла верх, но сначала торговец придерживался норм - слишком многое держалось на честном слове, на репутации, торговля еще была личным делом. Почему же все опять испортилось? Да все по той же причине - расхождение морали и этики. Мотивом торговли был тот же эгоизм, а верность слову и прочие торговые добродетели рассматривались лишь как правильная стратегия успеха. И, соответственно, как только в торговлю включились обезличенные массы, стала возможной массовая спекуляция и массовая неэтичность, а доверие за ненадобностью сменилось опорой на ловкость стряпчих. Тем не менее, фальшивая благопристойность и напускная моральность коммерческой психологии, при всей своей вероятной порочной лицемерности, была шагом в правильном направлении - к истинной честности. Как первая "торговля" еще была не торговлей а обменом дарами, так и первая истинная торговля еще не была погоней за выгодой. Само богатство еще рассматривалось как средство к получению статуса, уважения, независимости. Богатство еще не стало самоцелью. Более того, само богатство приносило радость только если сочеталось с чистой совестью.

Повсеместное распространение торговой психологии способствовало дальнейшему размыванию родового альтруизма и коллективных структур - эгоизм тяготеет к "я", раздувает его значимость и значение. Если ведение войны возможно только сообща, торговля - куда индивидуальнее. И значит, несмотря на наше отвращение, надо признать, что исторические процессы шли в сторону личности, освобождая ее от давления коллектива, который все больше и больше начинал ограничиваться семьей, что, в свою очередь, вело к дальнейшему росту числа посторонних и расширению публичной сферы.

- Моральные тенденции

Если теперь попробовать изобразить моральный профиль какого-нибудь типичного

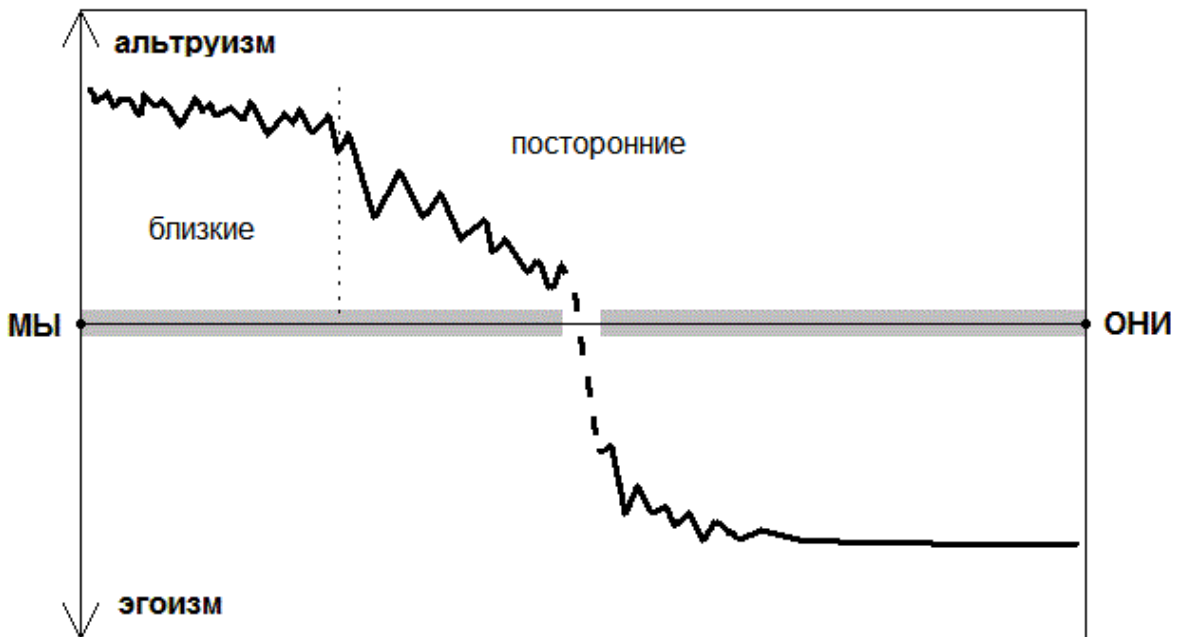

Рис. 1.5

представителя нового коллектива в какой-то момент времени, то получится рис. 1.5. На нем отчетливо просматривается начавшееся размежевание морали и этики. Первая тяготеет влево, к своим, вторая - к центру.

Ломаная будучи "типичной" скрывает, однако, факт возросшего разнообразия людей, углубления их индивидуальности. Чем больше свободы, тем сильнее отличаются люди друг от друга. Можно предположить, что борьба разума с животной природой гомо-сапиенса с самого начала представляла собой ряд и побед, и поражений. С одной стороны, разум укреплялся, искал новые, интересные цели и роли. С другой, силы эволюции, получив в свое распоряжение благоприятные общественные условия, продолжали детерминированно плодить массы серых рациональных животных, внешне неотличимых от разумного человека, но по прежнему склонных к насилию. Их мозг прочно застрял на стадии коллектива-организма, отчего с нашей сегодняшней точки зрения поведение массы предсказуемо напоминает стадо. В результате постепенно росло интеллектуальное и количественное расслоение людей - в то время как немногие лучшие, творческие и мыслящие, искали пути к свободе, остальные только пассивно следовали, подчиняясь силам. Источник проблемы в том, что разум не способен размножаться. Напротив, чем больше он поглощен своими творческими задачами, тем меньше внимания он уделяет размножению. Размножение остается по большей части бессмысленным, биологическим процессом, фактически - демографическим насилием.

Рисунки 1.2, 1.3 и 1.5 явно демонстрируют нам некий этический процесс, художественное изображение которого располагается на рис. 1.6. Что это? Это зависимость моральных чувств среднего человека по отношению к типичному среднеудаленному другому от исторического времени. Как бы усредненная по

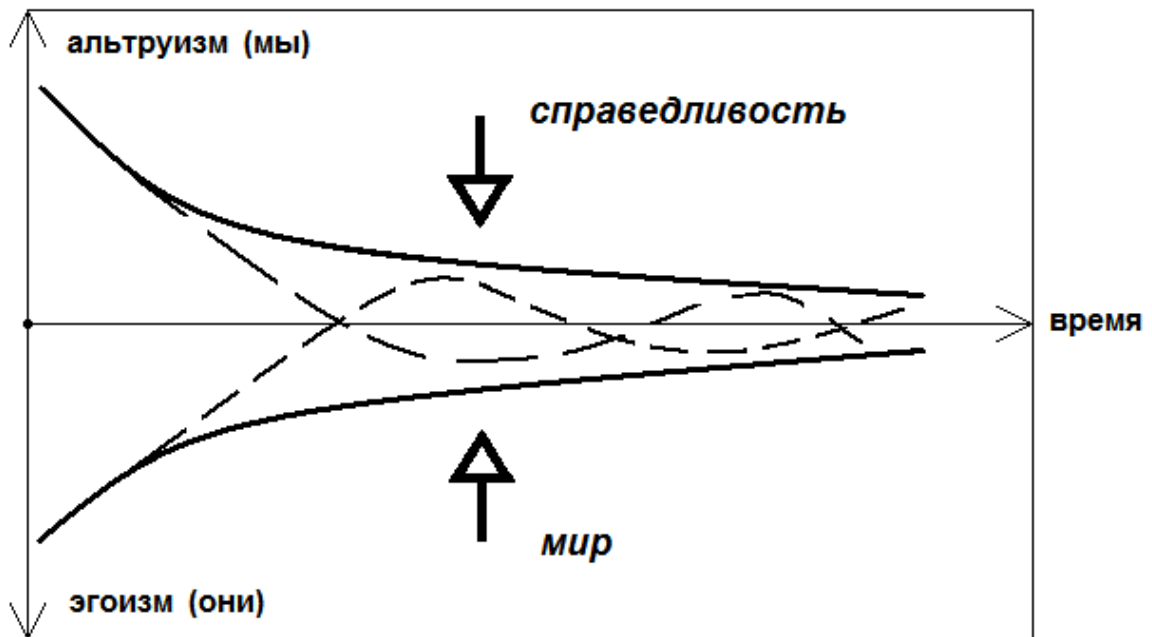

Рис. 1.6

множеству людей и отслеженная по времени середина рисунков 1.2, 1.3 и 1.5 - место, где встречаются посторонние люди. Уменьшение накала моральных чувств отражает не только падение "остроты и силы" взаимодействия из-за увеличивавшегося среднего расстояния внутри коллектива и уменьшавшегося - снаружи, но и тот факт, что человек все менее настойчиво и откровенно проявлял свои предпочтения. Нет, он конечно не становился более равнодушным или апатичным. Он становился более вдумчивым. Откровенный эгоизм осуждался, альтруизм - был неуместен. Моральные принципы получали предпочтение перед голыми эмоциями, привычными коллективистам. Разум все сильнее контролировал чувства, преодолевал животную природу, пусть пока и не осознанно. Человек руководствовался нормами, которые со временем, как маятник, все больше тяготели к точке баланса, лежащей строго на оси.

Изменилось и качество морального поведения. Альтруизм из принудительного и сакрального стал осознанным и добровольным, а эгоизм из грубого и животного - расчетливым и хитрым. Эти изменения позволили укрепиться цивилизованным формам общественной организации, что в свою очередь привело к дальнейшему росту свободы. Война, как образ жизни, постепенно сходила на нет, слабело и физическое, и моральное насилие - и в отношении врагов, и внутри коллектива. Уменьшились агрессивность и требовательность к людям, исчезла кровная месть, появилась терпимость. Нормы разных коллективов взаимообогащались и сближались, становились сложнее и многообразнее. Стало больше возможностей для свободного выбора поведения. В ценности человека все больший вес стали составлять мотивы, не результаты. Устное художественное творчество дополнилось письменным, а его герои спустились на землю. В центр повествования попал простой человек, который оказался таким же носителем моральных ценностей, как и его предшественники на небе. Однако

попали они в него все равно с неба, что требовало постоянного напоминания, дабы он не слишком заносился. Вымысел стал дополняться размышлениями, появились философы и философия. Тут-то до читающей публики и стало доходить, что человек и его свобода - настоящая ценность, и что насилие - это вовсе не так замечательно, как казалось раньше. Правда читать тогда умели слишком немногие. Остальные массы получали свою порцию морального внушения устно - на проповедях.

Количественное преобладание масс, освобожденных от коллективного альтруизма, привело к видимому преобладанию эгоизма в поведении людей. Однако тот факт, что общество продолжало не просто работать, а развиваться, говорит что силы разума, представленные передовыми людьми, оказались вполне способны сбалансировать детерминированные массы. Сила разума, его идей, заключалась в формировании норм и во внедрении их в массы. На смену запугиванию стало приходиться религиозное воспитание и образование, универсальные религии старательно, хотя и не этично, защищали общее благо от атак эгоистов.

Является ли отмеченное совпадение между уменьшением накала чувств и ростом свободы случайным? Мне так не кажется. Есть определенная корреляция между степенью эгоизма/альтруизма, практикуемого людьми, и степенью насилия по отношению к другим/самому себе. Эгоизм/альтруизм - это моральная окраска мотивов, проявление морали в действиях, направленных на людей. Поэтому они определенно выливаются в то или иное воздействие, влияние и, следовательно, насилие. Мы можем заключить, что рис. 1.6 обнаружил некую прогрессивно-эволюционную тенденцию, связывающую моральные чувства и свободу. Свобода стремится привести людей в положение посторонних, тех, на кого можно не обращать внимания. Посторонний не покушается на других и другие не покушаются на него. Можно сказать - не вызывает никаких чувств, не требует никаких целенаправленных действий. Соответственно, можно сказать, что, на самом деле, рис. 1.6 показывает рост свободы в обществе - в виде уменьшения отклонения моральных мотивов со временем от точки их нулевого баланса, а также рост этичности среднего жителя, следующего нормам, а не подчиняющегося эмоциям.

Однако моральный прогресс не происходит в соответствии с математической формулой. Поиск баланса труден. Поэтому мы можем наблюдать временные отклонения от столбовой дороги прогресса. Например, эгоизм войны может периодически превращаться в альтруизм мира, когда люди задабривают бывших или потенциальных врагов подарками с целью налаживания добрососедских отношений. Культура подарков не только уходит корнями в отношения племен, но проявляется и в наше время между государствами в виде гуманитарной помощи. Кривая альтруизма, со своей стороны, тоже способна пересечь точку баланса и уйти вниз, если условия в коллективе становятся невыносимыми. Но об этом явлении мы поговорим чуть позже.

- Еще чертежи

Если объединить пресс прогресса с рис. 1.6, с предыдущими рисунками 1.2, 1.3 и 1.5 и применить метод творческого воображения, можно увидеть важный систематический процесс, показанный на рис. 1.7. Изломы в монолитах моральных чувств под действием прессы, углубляются и сдвигаются к центру - в прослойку посторонних. Эта постоянно растущая прослойка - потенциальные партнеры для нормальных экономических, и

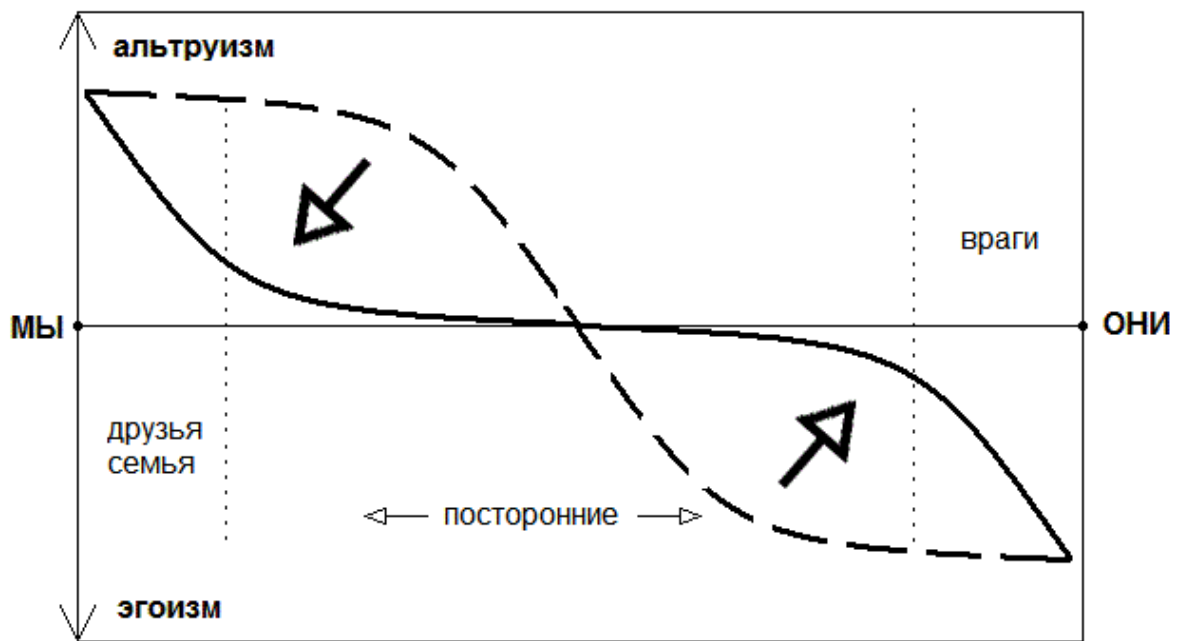

Рис. 1.7

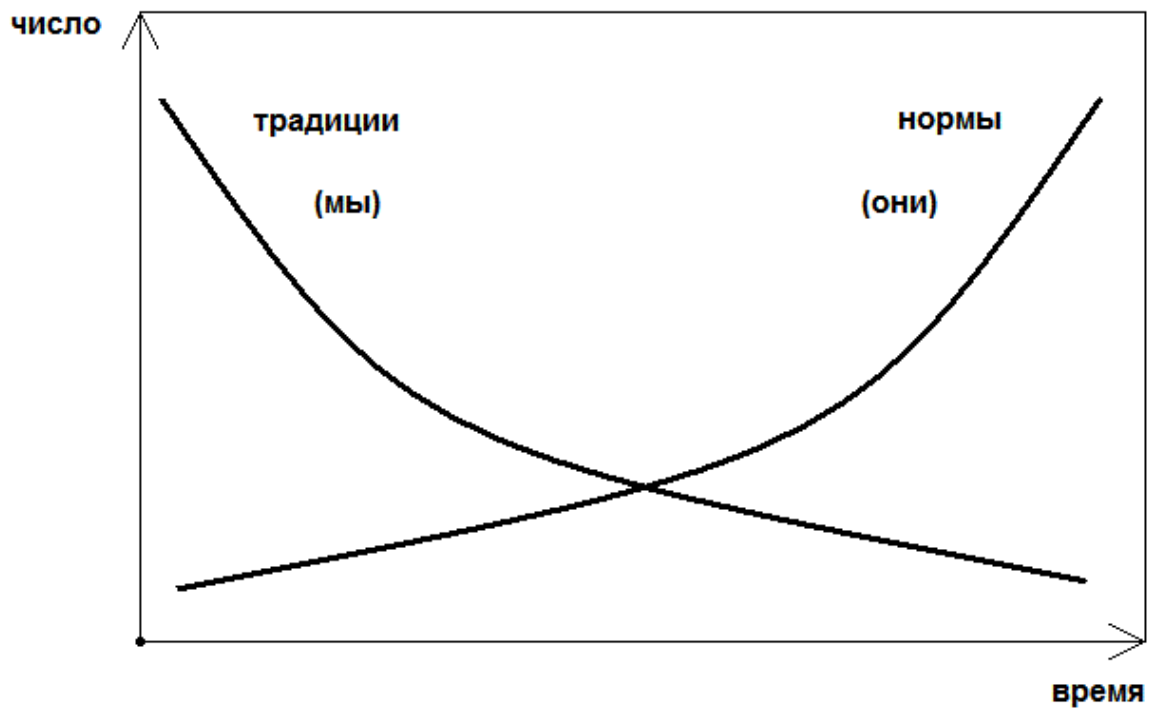

Рис. 1.8

будем верить, когда-нибудь справедливых отношений. Строго говоря, картинка не должна быть симметричной, изза превалирования в "посторонних" бывших "своих" и разной силы эмоций, но симметричная она выглядит элегантней.

Динамику норм в расширяющемся коллективе тоже можно изобразить для полноты картины, рис. 1.8. Исходное состояние первобытного жестко коллективистского общества выглядит как массив суровых альтруистических традиций, скрывающих случайно найденные нормы. Постепенно традиции уступают место нормам, установленным и следуемым осознанно, нормы как бы освобождаются от груза случайного и становятся тем, что они есть на самом деле - идеями, и будучи идеями, они оформляются в законы, не обязательно письменные. Тут надо отметить несколько важных деталей. Во-1-х, большой коллектив означает больший пласт накопленной культуры, большее количество традиций, и вытекающее большее своеобразие каждого человека, просто физически не способного знать их все. Общих традиций становится меньше - в этом, собственно и заключается понятие чужеродности, с чужими меньше традиционно общего и больше формально нормативного. Большой коллектив приобретает черты космополитичности и мультикультурности. Поэтому, во-2-х, общие нормы унифицируются, становятся более объективными, не зависящими от исторических казусов и личных пристрастий, приближаются к универсальному этическому ядру. Иначе коллектива надолго не получится. В-3-х, этот процесс демонстрирует перемешивание коллектива, увеличение числа контактов между посторонними членами общества, формализацию норм в праве. В-4-х, чертеж отражает превращение жесткого насильственного коллектива в гибкое динамичное общество, где быстро создаются новые структуры и институты, отвечающие требованиям времени. И самое главное, в-5-х, увеличение количества норм - это ослабление произвола, укрепление законности и рост свободы.

С другой стороны, и среди уменьшающегося числа членов ближайшего круга, традиции также исчезают, но уже не заменяясь ничем - какие счеты и претензии к своим? Чем ближе люди, тем терпимее они относятся друг к другу, тем больше склонны прощать, тем неуместнее формальности. Если раньше в больших семьях существовали обряды и правила, то чем романтичнее и искреннее отношения, тем нужда в этом меньше, что, конечно, опять увеличивает свободу.

Таким образом, мы наблюдаем еще одну тенденцию - замену культурного многообразия этической унификацией на основе универсально справедливых норм, ведущую, вне всякого сомнения, к свободе.

- Мирный договор

Тем временем война между коллективами, как и следовало ожидать, окончательно выдохлась. Она, наконец, перестала восприниматься как привычное явление, как нормальное средство разрешения конфликтов. И если верхи все еще изыскивают, и иногда довольно успешно, возможности загнать население в пекло очередной авантюры, по крайней мере на уровне массового, обыденного человеческого сознания, она стала прочно ассоциироваться с ужасами, страданиями и варварством. Почему? Есть несколько предположений.

Во-1-х, возможно главную роль сыграли условия, о которых мы говорили выше. Т.е. все

как-то случилось само собой, естественным путем. Однако, не далее, как полвека назад мы наблюдали настолько яростное кровопролитие, что сложности управления, общее ожирение и т.п. как-то не вяжутся с результатом - миллионами убитых. Нет, с управлением у них все нормально.

В-2-х, могут быть правы те, кто утверждает, что мирный договор - это всего лишь следствие рационального расчета. Просто бывает выгоднее договориться, чем воевать. Насилие менее эффективно. Или более, как получится. Действительно, если посмотреть например на международную торговлю - так это ж просто торговая война. Чистый расчет. А бывает и грязный, когда можно войсками помочь. Правдоподобно. Но проблема с чистым расчетом в том, что никакой договор не будет соблюдаться. Зачем? Кому нужно международное право, когда оно не выгодно?

В-3-х, возможен вариант, когда жизнью правит математика. Своего рода математически детерминированный альтруизм. Схема возникновения сотрудничества тут описывается теорией игр, если считать игроками коллективы и принять некоторые допущения, например, что коллективы однородны и не подвержены влиянию непредсказуемых эгоистичных верхов. Во-1-х, соседи вечны, на другую планету они не улетят, им при всем желании не удастся скрыть "репутацию" и избежать наказания, во-2-х, временные предпочтения крупного коллектива практически постоянны, в-3-х, их внутренняя политическая кухня доступна анализу и пониманию. Тоже правдоподобно, но что, например, мешает сильному нагнуть слабого? Ведь игроки явно в разных весовых категориях?

Остается единственный ответ - люди стали настолько моральны, что возлюбили мир. Об этом и рис. 1.6 говорит. Насилие перестало восприниматься как должное - слишком много тех, кто не только не хочет умирать, но и убивать. Именно широкое возмущение народных масс кровавыми результатами мировых войн, открывших за лицами врагов таких же людей, вызвало к жизни пацифизм, международные организации и неожиданное прозрение политиков. Разве дело в выгоде?! Моральный прогресс достиг критической точки - вот причина мира. В массах наконец появилось понимание, что люди по большому счету одинаковы, что "свои" и "чужие" - плод нездорового воображения. Появилось милосердие к противнику, к раненым, уважение к невоюющему населению и убитым, запреты на слишком варварское оружие и методы войны. Даже торговые договора потихоньку начинают опираться не только на аморальную основу выгоды, но и на моральную - равноправия.

Этот блестящий результат стал следствием долгих, тысячелетних процессов внутри коллектива. Племенные структуры размывались, семьи уменьшались и укреплялись, превращались в базовую хозяйственную ячейку, в которой расцветал ранний индивидуализм. Индивид накапливал знания и навыки, сотрудничал и специализировался. С развитием культуры росла уникальность личности и ее ценность, отличная от силовой. Появилась потребность в свободной торговле, личной выгоде и автономной морали. "Я" стало таким же важным, как и "мы".

5 Расслоение коллектива

- Вершина иерархии и дно морали

Второй важный аспект процесса, который я пропустил в спешке к будущему - изменения иерархии. Параллельно расширению коллектива по горизонтали, шло расслоение по вертикали - большой и сильный коллектив требовал новых схем управления и соответствующих норм. Власть росла в размерах и влиянии. Появление родов внесло свой вклад. Одни роды оказывались ближе к вершине, накапливая собственность и моральный авторитет, другие оседали внизу или даже исчезали не сумев закрепиться, растворяясь в общей массе. Так возникла система сословий, положение в которой определялось происхождением.

Господствующая каста вместо опоры на личные характеристики, главным образом силу и мужество, стала формироваться преимущественно по наследству, что сменило указанные личные качества на групповые, которыми стали происхождение и вытекающие образование, воспитание и накопленные ресурсы, а к моральному мотиву чести добавились верность и преданность. Этому процессу способствовало то, что войны стали все менее зависеть от конкретных людей, а все больше - от масс, их организации, вооружения, настроения. Верхушке уже не требовалось самим быть войнами, достаточно было обладать властью над войнами, а потому в дальнейшем воинское сословие, вырастая параллельно росту коллектива, превратилось в аристократию, но уже не только не воинскую, а в болезненно вырожденую, хотя по прежнему могущественную. Честь превратилась в тщеславие, богатство - в роскошь, мужество - в изнеженность. Но были опять таки и плюсы, хоть по большей части показные - великодушные, честность, жалость к слабым, обиженным и побежденным, что можно объяснить желанием выделиться, отделить свое сословие от всех прочих, продемонстрировать превосходство. Также появилось понятие о правом и неправом, о формальной справедливости, что объясняется, с одной стороны, значительной ролью образования - т.е. идей, а с другой, ростом размеров верхушки и усложнением ее структуры. Отношения внутри верхушки стали напоминать договор. Нормы поведения, поединков, обменов, распределения привилегий и тому подобного усложнились и выросли в количестве, они стали оформляться в виде письменных законов, поскольку договорным нормам требовалась ясность. Упоение властью приводило к тому, что верхушка выступала не только судьей, но и источником законов, которые посредством насилия внедрялись в массы. Однако, оные законы, в силу их сомнительного происхождения, не отличались справедливостью. Соответственно, временем жизни они также не отличались. В дальнейшем, высшие роды, перемешиваясь, выделили знать как единое сословие, принадлежность к которому стала важнее, чем род и этничность. Знать стала интернациональной и откровенно паразитической, что заметно и сейчас.

Характерно отношение к нижестоящим, особенно самым низшим, которых никак не хотелось принимать за людей, наделенных хоть каким-то достоинством. Они служили ресурсом. Культ насилия достиг своего естественного аморального предела и выродился в культ эгоизма. Если культ насилия был следствием постоянной войны, то эгоизм стал следствием праздности. Паразитизм, издевательство над подданными, принципиальное нежелание трудиться и приносить хоть какую-то пользу, жизнь ради безудержных развлечений - характерная черта знати, ее моральное кредо. А также, что объяснимо, "голубая мечта" нижестоящих, неисполнимый в земной жизни (но возможный в загробной) предел их желаний - болезненная жажда богатства и точно такое же нежелание трудиться, отвращение к работе, к необходимости приносить пользу. Эта психология эгоизма - вероятно своеобразный предел развития животного

начала в человеке. Абсолютный альтруизм, разрушившийся появлением норм и чувством справедливости, превратился в свою противоположность. Моральный маятник достиг другого края.

Показательно, что генезис и паразитизм знати удивительно органично сочетаются в ее любимом развлечении - охоте. Вот где проступает и праздность, и богатство, и кровожадность, и неистребимая тяга к насилию над беззащитными!

- Этика против иерархии

Из сказанного ясно, как обстояло дело с отвратительным моральным оправданием иерархии. Властители внушали священный трепет, их ставили на уровень богов, им поклонялись. Те, кто стоял ниже, вызвали презрение и законное, т.е. оправданное моральным обычаем, желание содрать с них что-то полезное. Сама иерархия рассматривалась как вечная и абсолютно правильная. Однако появились первые проблески надежды. Противоречие этой иерархической, одновременно и верноподданнической, и эксплуататорской психологии элементарной, как бы мы сейчас сказали, справедливости, не могло рано или поздно не проявиться, что привело к определенной моральной динамике.

Первый ее процесс - монолитный альтруизм по отношению к верхним расслаивается. Бескрайнее уважение и безмерное почитание, которые когда-то были привилегией самой верхушки, стали постепенно "спускаться" вниз, охватывая все больше уровней и задерживаясь на каждом в виде порции сословной чести. Каждый становился ценен и достоин уважения соответственно его месту на лестнице. Второй процесс - альтруизм дополняется эгоизмом, особенно по отношению к непосредственно вышестоящим. Этот эгоизм собственно и ответствен за истребование каждым сословием своей доли уважения. Почитание старших сопровождается эгоистичным требованием покровительства, помощи и защиты. Нормы межсословных отношений все больше напоминают подобие договора, но договора все еще неравноправного, продолжающего патриархальную традицию отношений в большой семье - господин по прежнему отец слугам, генерал - солдатам, мастер - подмастерьям, а царь батюшка - вообще всем. Не отстают святые и духовные отцы, а также королевы-матери и императрицы-матушки. Третий процесс - внедрение норм в процесс эксплуатации. Прямое управление уступало место самостоятельности, а отъем заменялся обменом - его легче учитывать и организовывать. Конечно, никакой торговли между сословиями не было и быть не могло. Но появились деньги и налоги как меры формализации отъема, что рано или поздно должно было привести к более эквивалентному обмену. Соответственно, идеал воинской чести скоро дополнился "деловой" этикой, а точнее - требованиями честности и взаимного учета интересов. Физическое насилие вытеснялось экономическим, а культ эгоизма воплотился в культе денег. Третьему процессу также способствовала весьма прозаическая причина - нельзя бесконечно тратить ресурсы, рано или поздно они кончаются. По мере того, как росло количество нахлебников и некоторые из дворянских родов разорялись, у остальных созревало понимание необходимости учета и ведения хозяйственной деятельности.

Изобразим схематически, по аналогии с горизонтальным разрезом коллектива, моральные чувства в его вертикальном разрезе (рис. 1.9, прерывистая линия). В отличие от наших предыдущих схем, сейчас субъект не показан, но очевидно находится

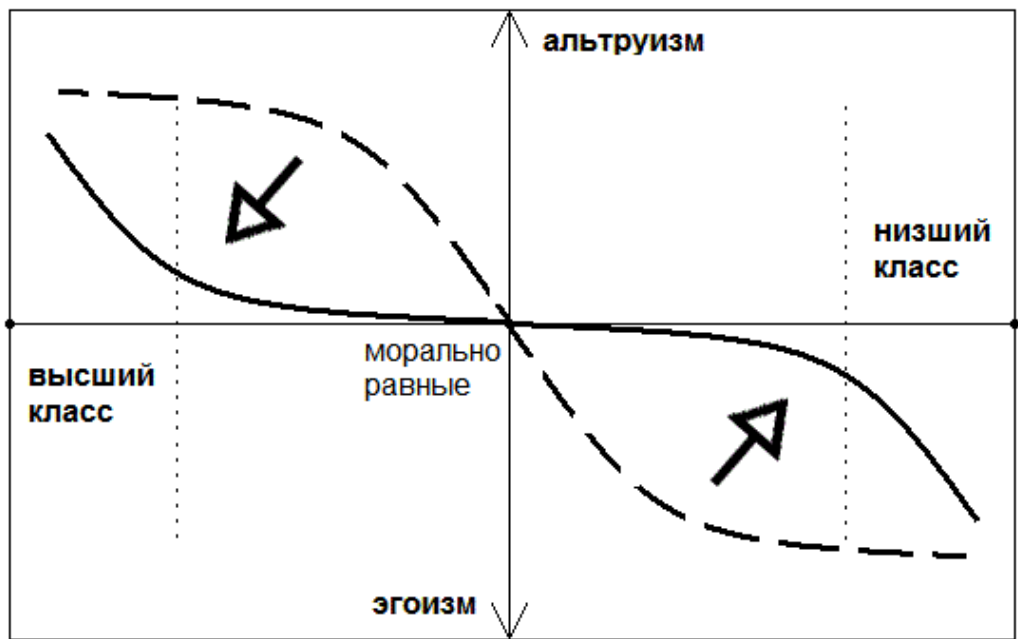

Рис. 1.9

в центре. Отсюда видно, что он оказывается в несколько двусмысленном положении. "Свои" теперь для него не те к кому он относится сам - он, как бы морально стремится к верхнему классу, одаривая его безответным альтруизмом!

- Власть как родня

Конечно, может показаться, что называть альтруизмом поклонение власти как-то неуместно, но по сути это именно альтруизм - пренебрежение своими интересами и материальные уступки чужим людям. Но разве они добровольны? В значительной степени. История показывает, что общество устойчиво тогда, когда поборы с нижестоящих не превышают предел, допускаемый этикой. Перегиб чреват бунтом и поиском нового баланса. Наоборот, в состоянии равновесия поборы воспринимаются как должное - жертва, если она материально приемлема, становится и морально приемлемой. Конечно в случае власти, граница, отделяющая принуждение от добровольности, не очень определена. Но это лишь следствие того, что альтруизм по отношению к родной власти всегда имел насильственные корни. Его можно назвать "привычным альтруизмом", ибо для человека морально приемлемым становится то, что привычно.

Артефакты такого альтруизма можно наблюдать до сих пор. Люди, особенно оказавшиеся внизу социальной лестницы, охотно преклоняются перед знаменитыми, высокопоставленными и богатыми, подражают им, они порой готовы идти на жертвы ради их милостивого внимания и близости к телу. Аналогия между рисунками 1.9 и 1.7 только подчеркивает - люди воспринимают тех, кто обладает высшим социальным статусом не просто как моральные примеры и авторитеты, но как близких, почти

членов семьи. И наоборот, те, кто оказался в самом низу, при всем современном демократизме, никак не помещаются на один моральный уровень. Даже если внешне это прикрито вежливостью, моральные чувства вызываемые бродягами, наркоманами, проститутками и прочими "падшими", редко бывают положительными. Все еще сильна корреляция между статусом и уважением, достоинство человека все еще оказывается привязанным к богатству, известности и даже происхождению.

Склонность и к покорности, и к помыканию не выдавливается так просто. Уже морально зрелые люди, вполне контролирующие свои эмоции и воспринимающие других как равных, легко поддаются давлению вышестоящих, особенно если ему открыто подчиняются другие. Вызывает законное возмущение феномен превращения личности в служивую пешку, готовую выполнять любое злодеяние, если высший по рангу принимает на себя ответственность. И конечно, можно без конца распространяться о том, что творит с вроде бы приличным человеком бесконтрольная власть, но я и так слишком отвлекся. В общем, иерархия еще настолько в крови, что одолевают сомнения - сможет ли разум преодолеть ее? Но возьмите детей. Они растут под постоянным давлением, в подчинении авторитету. И сначала в детском поведении нет никаких признаков будущей самостоятельности. Однако проходит совсем немного времени - и они уже родителями командуют. Так что все еще впереди.

- Ослабление сословной иерархии

И героическая мораль, и этика родились из сопротивления насилию. Естественно поэтому, что условия внешней войны не могли не оказывать влияния на то, что происходило внутри коллектива. Терпимость к насилию в коллективе зависит от уровня насилия вне его - сильной иерархии нужен сильный внешний враг. Что случится, если врага больше нет? Этика взбунтуется и коллектив рискует распасться. В физических терминах, если давление внутри коллектива будет больше давления снаружи - коллектива не будет. Вот почему когда война заменяется мирным сосуществованием, иерархия разрушается под действием справедливости - этика оценивает всякое иерархическое насилие как чрезмерное.

Как это происходило в жизни? С ростом специализации иерархия усложнялась, расширялась, неизбежно распадаясь на несколько конкурирующих ветвей - религиозную, светскую, финансовую/торговую - внутри которых в свою очередь плодились более мелкие конкуренты. Посередине моральной картины мы наблюдаем изменения, схожие с теми, что произошли в процессе горизонтального расширения коллектива. Чем выше иерархия, чем дальше друг от друга ее крайние ступени, но тем относительно ближе соседние. В свою очередь расширение иерархии привело к отчуждению на каждой из ступеней. Кроме того, родовые структуры, особенно внизу, в самом многочисленном месте иерархии, стали разрушаться и перемешиваться. Общество стало приобретать классовую структуру. Класс - это совокупность людей, не связанных ни происхождением, ни родственными узами, но и не являющихся антагонистами и врагами. Это морально равные, обладатели такого же достоинства, такие же. Можно сказать, посторонние друг для друга люди. Таким образом, сначала на уровне сословий, а затем и между ними появляются реальные возможности для ~~борьбы~~ и соперничества равноправия и сотрудничества. Соответственно, рождаются нейтральные, договорные нормы взаимодействия, не перекошенные в сторону альтруизма или эгоизма, милости или долга: сперва это писанные и нет кодексы

корпоративного поведения - воинские, княжеские, купеческие, цеховые и т.п., а затем и внесословное право - гражданское и торговое, вершиной чего стало право частной собственности и лучшие образцы буржуазной морали. На мой взгляд, именно многожды оплеванные моральные ценности буржуа, позволившие в условиях сословного гнета создать первые мелкие капиталистические предприятия, основанные еще на честности и трудолюбии, а не на вооруженном грабеже, безжалостной конкуренции, финансовой спекуляции или государственной поддержке - наивысшая достигнутая пока моральная точка человечества. Которая, впрочем, оказалась быстро покинута в погоне за прибылью, ставшей высшей ценностью.

Полезно уточнить, что высота этой точки - не в труде на собственное благо как таковом, а в новом свободном и независимом производителе, в переходе от насилия с целью присвоения к товарному производству, которое в условиях массовой бедности принесло пользу всем, способствовало совершению экономического рывка цивилизации. Вероятно, ненасыщенность первых рынков позволила возникнуть благоприятному сочетанию собственного труда и общего блага, когда еще не возникла жестокая конкуренция, стимуляция спроса и потребительские кредиты. В этих условиях деньги были ближе к своей реальной ценности и труд, даже приносящий прибыль, имел все шансы быть не только свободным, но и морально похвальным - труд на себя превращался в труд на общее благо. Конечно, его моральность не была простым следствием рыночных условий, она была следствием честности в труде и обмене - что разумеется, не обязательно являлось массовым явлением. Однако, если в основе репутации аристократии, ее главной моральной ценностью была честь, то в случае производителя, предпринимателя - честь заменяется честностью. Доброе имя - основа доверия и база деловых отношений.

Разрыв сословных связей, прогресс в транспорте и производстве, рост населения и торговли привели к накоплению богатств и расцвету городов. Жители городов наслаждались большей свободой - независимостью от соседей, выбором супругов, профессии, работы и досуга, свободой передвижения и развлечений. Городской житель свободен потому, что он живет среди незнакомых, он становится частью публичного пространства. Жизнь в городе - это постоянный компромисс и договор, это свободные объединения и гражданское общество, это путь к выборам власти.

- От сословий к равенству

Накопление ресурсов у низших классов, а также улучшение военных технологий, отчего военная сила перестала быть привилегией верхушки, приводят к росту самосознания и самоуважения огромных масс людей. Обостряются межсословные отношения, которые приобретают определенное сходство с враждой коллективов, чему также способствует тотальная и беззастенчивая эксплуатация. Человек все сильнее ассоциирует себя со своим классом - появляется классовое самосознание и ненависть к чужим. Вспыхивают восстания, плодятся секты. Кипит духовная жизнь, появляются гуманисты и утописты, множатся пророки, угадывающие альтернативу несправедливости в примитивном общинном равенстве - видимо благодаря генетической памяти о золотом веке? Не отстает и философия, прочно вставшая на платформу прав простого человека и озабочившаяся словами "равенство" и "социальная справедливость". Отдельная роль, усугубленная ростом грамотности населения, принадлежит художественному творчеству. Оно становится реалистичным и одновременно сплошь вымышленным, доведенным до крайности. Мастера слова используют вымысел, чтобы показать всю

сложность человеческих отношений, обострить моральный конфликт и в конце концов поставить жирную точку в дискуссии о том, что так жить нельзя. Повествование - от текстового до изобразительного - превращается в моральное исследование. Не забудем о науке. Свобода окрыляет разум и ведет к пересмотру главного суеверия. Природа - не бог, а лишь законы, только и ждущие чтоб их открыли. На место бога претендует человек.

Таким образом, ядро культуры кипит возмущением, выливаясь в широкие массы и ведя дело к отказу от насилия, освященного религией и традициями. Выветривание из голов мифов с суевериями и расширение количества посторонних оказывает влияние на отношение к иерархии - она перестает вызывать какие-либо сакральные чувства. Моральное основание иерархии заменяется моральными идеалами, все более напоминающими равноправный договор. Накопление письменной культуры приводит к тому, что вместо происхождения начинают цениться способности, а личная благодетельность становится важнее наследственного благородства. Культура освобождает человека, делает его самостоятельнее. Появляется автономная этика свободного человека, требующая возможности свободного передвижения по иерархии - т.е. пока еще новые нормы ее построения, более справедливые. В отсутствии этой возможности, имущественное неравенство, а затем и богатство вообще, все больше воспринимается как морально недостойное, несправедливое. Вместо этого начинает расти ценность разума, образования и профессионализма, почетность продуктивной деятельности и порицание праздности. Уважение к людям все больше базируется на трудовых и творческих успехах, а не на занимаемой ступеньке социальной лестницы или размере банковского счета. С ростом уровня образования и карьеры, растет ответственность, авторитет и моральные требования к человеку. Вот-вот наступят времена, когда быть богатым станет по-настоящему некрасиво.

И вот - ура! - справедливость все больше воспринимается массами как полное моральное равенство, требующее уничтожения иерархии. Кривая на рис. 1.9 становится почти горизонтальной. Ценность коллектива, когда-то сосредоточившаяся на вершине иерархии, а затем стекшая на ее нижние этажи, наконец покрывает поровну всех - каждый становится достоин уважения просто как личность. Сословная, иерархическая честь превращается в человеческое достоинство, которым отныне наделен каждый и которое не требует специальных знаков отличия или подтверждающих церемоний. Эта динамика подтверждает универсальность справедливости и объективность нашего подхода к универсальности, потому что конечная причина этих изменений - рост взаимопонимания между людьми. Мы видим тут как преодолеваются биологические иерархические механизмы, которые принципиально противоречат свободе. Несмотря на то, что за долгое биологическое время преклонение перед силой успело отложиться в гены, а за период первобытного почитания богоизбранных успело превратиться в пресмыкание, разум оказывается способен на освобождение от всего этого груза.

- Роль благосостояния

Моральное равенство и вытекающие нормы сделали возможным честную торговлю и производство, инновации и исследования. Жить стало легче, жить стало богаче. Но не перепутана ли здесь причина и следствие? Может, все наоборот? Неспроста столь многих привлекает идея экономического или технологического детерминизма - научно-технический прогресс, который происходит как бы сам собой, ведет к росту

производительных сил и общество послушно подстраивает свои институты под требования всемогущей экономики. Иными словами, может это исследования привели к изобретениям, те - к производству, то - к торговле, та - к праву, а то - к этике? Разумеется нет. Этика не вытекает из права, потому что этика не появляется из-под палки. Право не вытекает из торговли, потому что торговля без права, хотя бы неформального, невозможна. Торговля не вытекает из производства, потому что производить, уже не имея возможности продавать, бессмысленно. И наконец, изобретать то, что не может быть примененным, незачем. Ну, а творчество без свободы невозможно, это знает каждый. Все изобретения делались свободными и хоть немного образованными людьми.

Но эта очевидная логика, однако, оставляет открытым вопрос - а не влияет ли материальный прогресс и рост благосостояния в свою очередь на развитие этики? И да, и нет. Во-1-х, очевидно, что нищета и отсутствие самого необходимого никак не способствуют этике. Нищета может способствовать морали - сплоченности и взаимопомощи членов некой целеустремленной группы, причем морали, возможно, и принудительной. Но явно не этике - голодный человек не помышляет о свободе. Тогда может, в противоположность нищете, этике помогает благополучие? Действительно, обеспеченные люди менее зависимы от соседей, друзей и общины. И если в этих условиях коллективистская мораль никому больше не мешает, то наверное улучшаются этические нормы? Но на самом деле - кто защитит богатых? Кто сохранит их собственность? Обеспеченность сама по себе никакой роли не играет, вся она - лишь следствие устоявшихся норм, возможности безнаказанно копить и жиреть. Богатый на самом деле сильнее зависит от коллектива, чем бедный - он не только рискует умереть с голоду, но и потерять свои накопления! Вот почему богатый, если он не дурак, не рвется к свободе, а льнет к власти и задабривает бедных. Неравенство не может служить источником этики.

Во-2-х, с другой стороны, сытые люди добрее, это давно замечено. Они менее склонны к насилию, злобе, зависти и больше - к умственным занятиям, размышлениям. А вот это последнее уже явно влияет на этику и даже на свободу, вот тут наблюдается определенная связь. Рост собственности влияет на рост грамотности, тот - на рост мозга, тот - на рост этики. Означает ли сказанное, что можно нарисовать очередной график? Ведь благосостояние однозначно растет со временем? Наверное, да, но мне бы не хотелось делать слишком поспешных выводов. Например о том, что когда все будут иметь свою жилплощадь и легковой автомобиль, свобода свалится на нас сама собой. Не свалится, и это доказала история. Пока существуют несправедно богатые, этика будет стимулировать кровопролитие, ибо она такого не терпит.

В-3-х, общеизвестен факт, что богатые, вообще говоря, жлобы. Они ведут себя высокомерно и заносчиво, кичатся своим мнимым превосходством и считают что все им должны. Причины не так уж загадочны - осознание своего положения и привилегий, отчего нормальные люди кажутся им завистливыми неудачниками, которых не стоит принимать всерьез. Банальное материальное преимущество оказывается способно раздуть эго его обладателя до вселенских размеров.

В-4-х, люди, утомленные нуждой и недостатком самого необходимого, тоже не блещут моральными качествами. Человек, бедный по нынешним временам, казался бы богачом тысячелетие назад. И соответственно, его мораль явно ухудшилась, поскольку

сейчас он ощущает себя неудачником, обделенным и, вполне вероятно, просто по-человечески завидует более успешным. Отчего его рука тянется к булыжнику.

В итоге, определяющим является относительный уровень благосостояния. До тех пор, пока этика озабочена балансом интересов, иначе и быть не может. Но значит ли это, что единственный приемлемый для этики уровень собственности - равный для всех? Едва ли. Равная собственность находится в опасной близости от отсутствия собственности - я надеюсь, вы не забыли друзья о законе бесконечного роста потребностей? Но и одной способности соображать для свободы мало. Независимость мысли должна дополняться независимостью тела, а это не получается без собственности. В условиях иерархии собственность - материальное воплощение насилия. Этика озабочена отсутствием насилия, но избавление от него происходит не путем отказа от собственности, а путем отказа от насилия во имя собственности. Собственность, насильственно накопленная на вершине иерархии, должна спускаться вниз, как и честь. Так что график, на самом деле, иной - с ростом благосостояния растут претензии на свободу и справедливость. Растет ли этика - наука пока не выяснила.

- Социальный договор

Так или иначе, мы приближаемся к торжественному моменту социального договора - полному и всеобщему окончанию войны "всех против всех". Главной его предпосылкой стал этический прогресс до точки восприятия другого как такого же человека. Все морально равны и готовы к справедливости и миру. Каждый индивид приобрел ценность, моральную автономию и вытекающий набор прав. И тем не менее первые идеи социального договора почему-то лишали человека его с такой кровью добытых прав. Мыслители, почти поголовно, предлагали ему от них отказаться и добровольно подчиниться власти или коллективу. Как-то у них у всех получалось, что человек вовсе не субъект договора, а его объект, ведь именно о собственной свободе ему приходилось "договариваться" и, разумеется, удачно - свободы у него, по их замыслам, не оставалось, ибо оный договор непременно приводил к появлению, а значит и к оправданию, власти/правительства. Короче, не мирный договор, а позорная капитуляция. Конечно наши замыслы иные, друзья мои. Нет никаких сомнений, что индивид - единственный субъект социального договора. Никакой паллиатив, в виде договора между "народом и властью", или между "гражданами и государством", или между "налогоплательщиками и правительством", у нас не пройдет. Так конечно удобнее и проще с точки зрения апологетики власти и ее насилия, но какое отношение это имеет к конкретному человеку? Какая ему разница, кто там с кем помимо него договаривается?

Что же такое вдруг случилось с мыслителями? Идеи коллективного договора - следствие того факта, что серьезное насилие всегда осуществляется коллективно, ибо у индивида просто нет никаких шансов против коллектива. Вот и мыслители, вообразившие "войну всех против всех" как борьбу одиночек, сразу прозревали, хоть и неосознанно, как только дело доходило до договора. И оказывалось, что одинокий индивид вынужден подчиняться коллективной воле. Оттого само понятие "социальный договор" превратилось в синоним государственного насилия, в ловкое средство увековечить социальную войну. Давайте, чтобы не путаться, будем называть наш социальный договор, который войну, наоборот, прекращает - правильным, общим или просто договором.

Но откуда опять насилие? Разве моральный прогресс не достиг победного конца? Увы, насилие будет всегда, пока нет правильного договора, а его не будет пока моральные мотивы не займут в жизни людей подобающее место. А до этого еще далеко! Даже иерархия до конца не умерла, несмотря на всеобщее признание морального равенства. Да, друзья мои, оказывается, это еще не конец! Ступени социальной лестницы может быть формально и исчезли, но фактически они живы и здоровы - они видоизменились, стали более гибкими, даже текучими. Ибо пока есть борьба, будут победители и побежденные. А в таких условиях по-человечески договориться не получится. Морального равенства для прекращения борьбы и общего договора оказывается как-то недостаточно, не хватает чего-то. Может, желания быть моральным, а не казаться?

Так или иначе, равенство в условиях постоянного насилия теперь порождает группы как средство коллективного насилия. Группа - партия, братство, орден, банда и т.п. - тот же самый коллектив, но сложившийся не сам по себе, естественно-исторически, а искусственно, с единственной целью - борьбы за интересы его членов, независимо от того, как они идейно оформлены. Группа тоже требует "жертв", но жертвы эти вызваны не столько естественным альтруизмом, сколько эгоистическим авансом на будущее. Такая групповая "мораль" - это недоразвитая этика, не всеобщая, универсальная и нейтральная, а келейная, своеобразная и как правило выгодная, обеспечивающая свободу внутри группы за счет насилия ко всем остальным.

Как же быть? Очевидно, с группами надо поступить так же, как и с сословиями. Договор о ненасилии возможен только между равными, но морально равны могут быть только люди. И неравны, когда принадлежат разным группам, тоже. Поскольку любой коллектив, скрепленный групповой моралью есть инструмент насилия, то он - хоть класс, хоть партия, хоть целое государство - вообще исчезает из картины договора. Коллектив может навязать групповую мораль, но не может универсальную этику. И отсюда видно, что мир между государствами - это всего лишь разновидность или точнее звено общего договора, объективно-исторический шаг к нему, а не политическая мудрость или целесообразность.

Подобные шаги - тоже вполне объективные - наблюдались и внутри коллектива. Договор как бы спускался сверху вниз, охватывая все больше населения. Сначала дела решались внутри благородной элиты, потом к ним присоединись бандиты помельче, потом дошла очередь до вельмож побогаче, потом до буржуа победнее и наконец в помазании претендента на власть - выборах - стали участвовать все кому не лень. И на каждом этапе договаривались между собой конкретные равные по рангу люди, объединенные общим интересом. Но договаривались против всех остальных и поэтому договор обязательно пересматривался, как только менялся расклад сил.

Участникам подобного договора приходится прибегать к силе, чтобы отстаивать свои позиции. Аргументы в споре может и меняются - восстания, бунты и революции раньше, демонстрации, забастовки и предвыборные кампании теперь - но не меняется суть. Однако выполнение договора, основанного не на этике, а на равновесии сил, требует внешнего гаранта. Кто будет следить за процедурой? В этом и ошибка мыслителей - договор не может быть основан на насилии или страхе перед ним. Пусть оно осуществляется коллективно, договор - дело лично каждого.

- Война одиночек

Те из вас, друзья, кто следил за изложением, в этом месте наверняка уже заметили парадокс. После стольких лет, после стольких усилий, после стольких моральных побед над иерархией и детерминизмом, люди оказались фактически там же, где и были - в состоянии войны всех против всех. Все морально равны и каждый противостоит всем. Ну ладно, я преувеличил. Исходная война одиночек - выдумка философов. Реальность прямо противоположна - не из войны одиночек получается общество, а из общества получается война одиночек. Есть ли еще какие-то изменения? Безусловно.

Во-1-х, изменились методы войны. Борьба ведется (будем оптимистами!) по правилам. Нормы покрывают все аспекты взаимодействия. Если это физическое насилие - применяются нормы демократической процедуры. Если экономическое - честная конкуренция. Если борьба идей - авторы стараются излагать свои мысли логично, ясно и доходчиво, а не просто обзывать оппонентов идиотами. По крайней мере, когда они этого не заслуживают.

Во-2-х, изменились цели борьбы. Если раньше на кону стояло выживание, то сейчас картина стала очень необычна. Цели размножились. Наряду с естественными - за власть, собственность, место в иерархии, появились новые - идеи. Люди идут на баррикады за идеи! Откуда они взялись? И почему люди следуют правилам борьбы?

Развитие мозга, грамотность и щадящие условия для воспитания здоровой детской психики имели неизбежный итог - религия устарела. Людей больше не устраивают сказки. Но что вместо них? Почему люди моральны, ведь все равно идет война? Наука на этот вопрос ответить не в состоянии, потому что она занимается реальностью, а не выдумками. Как ни крути, мораль - насилие над собой, ведущее к поражению в войне. Естественно, людям становится обидно и тогда насилие над собой автоматически распространяется на других. Да еще как! Число убитых за собственность не идет ни в какое сравнение с числом убитых за мораль. Мораль вызывает насилие! Собакой вертит хвост! И чтобы оправдать насилие над другими, люди теперь выдумывают идеалы - насилие все больше совершается не за чьи-то конкретные, признанные судом вины, а для пользы дела. Люди обнаружили цель - мы видим пробуждение осознанной этики, пусть пока и уродливой, порожденной скорее агрессивной природой гомо-сапиенса, чем его чистым разумом. Религии сменяются идеологиями, где целью борьбы и смыслом жизни объявляются то свобода, то коммунизм, то общее благосостояние, то бог знает что еще. Люди объединяются в борьбе за правильное будущее, за справедливость, но проблема в том, что никто не может это толком определить. Возникает вопрос, есть ли она на самом деле или справедливость - только надуманное оправдание неизбывной страсти гомо-сапиенса к насилию?

- Необъективная этика

Разумеется есть. Борьба не напрасна. Насилие все больше отдаляется от человека и уходит в область абстракций. Размышления вытесняют эмоции. Баланс интересов, что лежит в основе справедливости и норм, не может достигаться силой, нужны иные аргументы и разум их старательно ищет. Не скажу конечно за всех, но мы с вами заняты именно этим. Что же показывают нам чертежи?

Что пришествие общего договора идет параллельно процессу рождения единой этики -

все менее субъективной. Баланс, мир и всеобщее согласие об окончательном отказе от насилия возможны - но только в результате полного отчуждения и нейтральности, когда стороны не связаны никакими лишними эмоциями. Ощущать моральное равенство мало - надо научиться ему следовать, осознанно и целенаправленно, истребить привязанность к коллективу и собственному "я" и заменить весь этот исторически-биологический балласт разумной, волевой объективностью. Из морального равенства следует именно такая этика - максимально объективная. Только подобное отношение к людям, свободное как от альтруизма, так и эгоизма, способно поставить все стороны договора на действительно равную платформу и тем создать справедливые нормы, исключая любое насилие. Очевидно, что эта этика также максимально универсальна, не зависит ни от культуры, ни от традиций, ни от чего-то еще, включая земное притяжение, откуда мы можем предположить, что это - та самая, искомая нами цель морального прогресса.

Но пока о ней говорить рано. Та коллективная мораль, что успела за миллион лет отложиться в гены, безусловно не годится, а у этики своего миллиона лет в запасе не оказалось. Вместо этики, ориентированной на посторонних, мы видим ориентированный на посторонних эгоизм, ошибочно ассоциируемый со свободой. Изобретение научного индивидуализма - мировоззрения верховенства экономической выгоды при отказе от физического насилия - было честной ошибкой пытливого разума. Практика оказалась печальна и пунктир альтруизма на рис.1.6 попал на вражескую территорию. Возникший моральный упадок вполне может объясняться этой неудачей - идеалы в очередной раз подвели и война разгорается с новой силой. Продвижение этики договора критически важно. Но кому он нужен сейчас, во времена морального упадка? Зато продвижение индивидуализма, принципиально не способного нести моральную нагрузку, но способного принести пользу экономике и демократии, выгодно буквально каждому индивиду.

Вернемся к нашей эволюции. Дальнейший прогресс индивидуализма логично привел к появлению экономики и экономистов, к окончательному разрушению коллективистского доверия и замене его чистым расчетом и насильственным рынком. Уже в достаточно большой семье люди оказывают услуги в расчете на взаимность. Вне семьи надежд на альтруизм нет вообще. С другой стороны, честная торговая психология не сформировалась. На рынке услуги как правило разовые, с окончательным расчетом на месте. Тут даже взаимно-ответный альтруизм невероятен, т.к. стороны могут никогда не встретиться и информация об обмане легко потеряется. Разрушение альтруистических традиций и отсутствие этических норм доходит до стадии, когда рынок становится возможен только под давлением государственного насилия, которое заменяет отсутствующую рыночную этику целенаправленно сконструированными нормами. "Мы" умирает и повсеместно заменяется на "я".

6 Современность

- Исчезновение территориальности

Так мы незаметно подобрались к современности, описать которую проблематично по причине быстро меняющейся в худшую сторону ситуации. Но попробую. Когда грянула нынешняя эпоха, реальные границы макро-коллектива оказались уже почти чисто

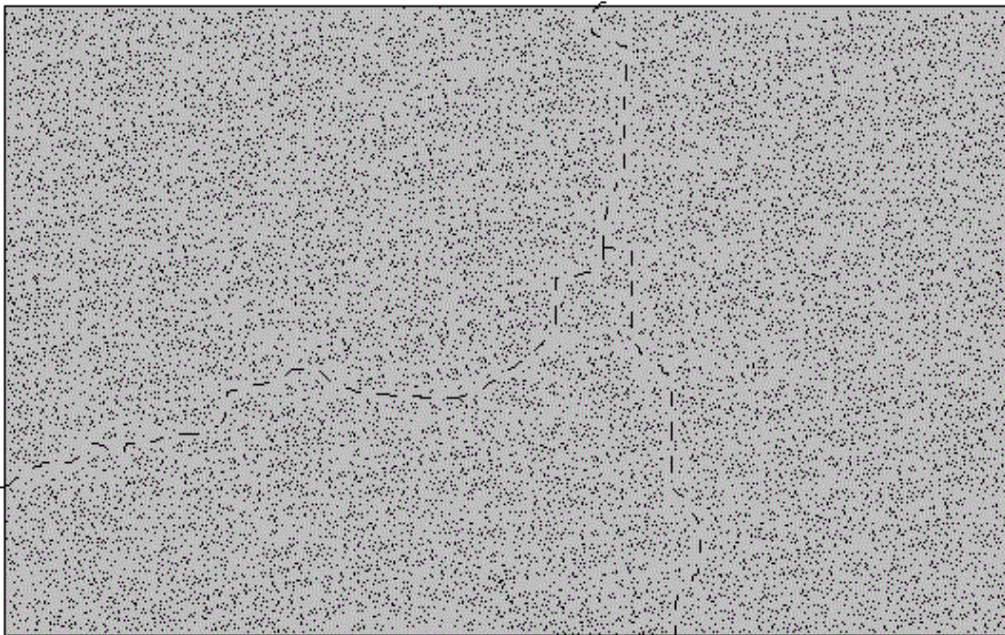

Рис. 1.10

формальны, а формой микро- стала минимально возможная семья, граничащая с одиноким индивидом (рис. 1.10). Меж коллективов наступил мир, но война, само собой, не кончилась. Поменялся только враг - теперь он стал неосязаемым и невидимым. Врагами являются все, кто думает иначе, кто голосует не так, кто конкурирует за ресурсы, влияние и возможности. Изменяются критерии моральной близости между людьми. Территориальные границы не обязательно отделяют своих от чужих. Люди приучаются не замечать внешность. Людей группирует не столько коллективная идентичность, сколько идеи и интересы. Классовая солидарность пересекает границы - власти объединяют усилия, меньшинства поддерживают собратьев, а компании, акции и операции становятся глобальными. Коллектив в том виде, как он был раньше, начинает исчезать. Размежевание между людьми все сильнее происходит по линии не физического, а экономического и идеологического насилия.

Разумеется, описанная идиллия - все еще не вполне "современность", в смысле возможности наблюдать это окружающее повсеместное благолепие. Территориальное физическое насилие вполне себе мирно живет на периферии цивилизованного мира, а в последние годы и сам этот "цивилизованный мир" все сильнее скатывается на периферию. Горячие войны идут с неперенным успехом, атомная война так и не снята с повестки дня, а терроризм и преступность не утихают. Современность выглядит идиллией только по сравнению с еще недавним прошлым, когда кровопролитные войны шли непрерывно, сменяя одна другую.

Соответственно, механизмы физического насилия, которые остаются территориальными - силовые государственные структуры - потихоньку превращаются в анахронизм. Приняв на себя формальные функции гаранта существующей процедуры

социального договора, они фактически сами разрушают ее под давлением экономических и идеологических групп. В условиях повального эгоизма, ничто не может являться ее гарантом, свидетельством чему служит неистребимая иерархия, а не баланс интересов, как это замышлялось отцами-основателями общества социального контракта.

Дефектная по самому замыслу конструкция не слишком эффективна уже на территориальном уровне, но ситуация усугубляется глобализацией. Территориальность приходит в конфликт с новой, виртуальной структурой коллектива и всемирным полем борьбы. Если на государственном уровне мы еще имеем хоть какую-то формальную процедуру согласования интересов, то на глобальном никто блага не распределяет. Глобально идет борьба, согласовываются только групповые интересы верхушек. Что победит в конфликте - зародившаяся мировая иерархия, которая выстраивает под себя некую ущербную силовую конструкцию, или государственные демократические механизмы - сомнений уже не вызывает.

Исчезновение территориального коллектива, вместе с его основой - физическим насилием, имеет для нас самые серьезные последствия. Этим кончается первый, и можно надеяться самый легкий этап истории - этап зарождения этики. Зарождения в смысле осознания насилия и осознанного противодействия ему - вопрос победы и выживания больше не ставится, героическая мораль как постоянный спутник быта уходит в прошлое, разум вот-вот окончательно повернется к миру и свободе. Теперь, когда новый коллектив станет виртуальным, все общество приобретет шаткость и неустойчивость. Его основой станет объективная этика. Она будет единственным твердым основанием дальнейшего прогресса, и чем объективней тем тверже.

- Моральная унификация

Кое-какие последствия, однако, уже начинают проявляться. Если раньше обособленные коллективы могли подолгу находиться на собственных ступенях морального развития, то глобальное информационное пространство и международное сотрудничество ведут к моральной унификации. Национальные государства внутренне уже не сильно отличаются друг от друга. Везде похожие политические и экономические системы, типичная массовая культура. Тем не менее современная жизнь все еще разнообразится в моральном отношении. Некоторые нации трудолюбивы и законопослушны, некоторые - оригинальны и своеобразны. Впрочем, нации успешно перемешиваются, благодаря миру, унификации и неустанным заботам мировой верхушки. Культурные процессы идут и внутри, и между нациями под воздействием различных светлых и темных сил - идеологии и религии, литературы и кинематографа, науки и образования.

Наиболее консервативна религия - она стремится сохранить моральные структуры древности, изображенные еще миллион лет назад на рис. 1.2. И хотя религии, бывает, различаются, особенно в отношении к эгоизму, в целом подход общий. Единоверцы, местная община, родные - тот круг, который требует самопожертвования; отступники, неверные и безбожники - неполноценные люди, поступать с которыми следует морально-насильственно, как минимум - т.е. по возможности обращая в свою веру, этаким моральным трайбализмом. Про максимум, т.е. истребление и порабощение, помышляют лишь немногие застрявшие в глубоком средневековье. С религией схожа государственная идеология, которая из граждан делает должников во имя родины и

проигравших в социальной борьбе, а из прочих - к счастью не всех, а только избранных - врагов. Правда, этим избранным не везет серьезно, поскольку государственная машина редко останавливается, пока не начинает их физически уничтожать. Прочие большие и маленькие идеологии, а фактически групповые морали, различаются только критерием своих - этничность, язык, цвет кожи, уровень доходов, место рождения, экономические предпочтения, общее место службы, совместные темные делишки.

Передовая философская наука и остатки гуманистического искусства в противовес всевозможному моральному хламу продвигают высокие идеалы истинной человеческой природы, а врагов выносят куда-то в неземные миры. При этом они очень убедительно доказывают, что все люди одинаково хороши и достойны теплого, альтруистичного отношения, а плохие одиночки заслуживают понимания, снисхождения и в крайнем случае перевоспитания. Основной поток художественного творчества потерял прежнее моральное значение и превратился в пошлое развлечение со счастливым концом, интересное только тем, кто предпочитает вымысел реальности. Открывавшее когда-то умственному взору примеры из жизни богов, а затем всю глубину моральной пропасти, отделяющей их от простых людей, оно окончательно опустилось до уровня, вызывающего естественную рвоту. Ибо в наше время водопад информации делает вымысел для анализа моральных конфликтов абсолютно излишним.

Универсальные этические нормы, в разной степени сокрытые в разных культурах, на данный момент, как кажется, вполне способны скрепить всечеловеческий коллектив. Среди вариаций однако победили сильнейшие. В данном случае ими казались государственные идеологии, а среди тех, в свою очередь - либеральный индивидуализм с социалистическими вкраплениями. Именно он предоставил наибольшую свободу человеку. Секрет его успеха - удачные правила социального насилия, рисующие правдоподобную иллюзию возможности состязаться разным интересам без неперемогимого кровопролития. Уверенность в его прочности такова, что либеральные идеологи не побоялись навязываемого сверху "мультикультурализма" - отказа от насилия в отношении членов общества, практикующих чуждые культурные традиции, при условии следования либеральным правовым нормам. Храбро предполагается, что традиции не представляют серьезной опасности. Поэтому мы вполне можем приступить к составлению морального портрета усредненного члена современного либерального коллектива.

- Аморальная иерархия

Начнем с главного - иерархии. Моральное равенство, как и следовало ожидать, не привело к равенству фактическому - равенству в свободе и в отсутствии насилия. Вместо свободы опять цветет иерархия, хоть и невидимо глазу, и эту иерархию, соответственно, вполне можно назвать аморальной, несмотря на все потуги ее оправдать. Еще раз, друзья, откуда она взялась?

Неравенство само по себе естественно, но если его не контролировать, оно легко приводит к систематическому насилию и превращается в окостенелую иерархию, не имеющую ничего общего с исходным природным неравенством. Иерархическое неравенство вполне можно считать искусственным. Если естественное скрывает в себе задатки уникальности личности и ее творческого потенциала, искусственное основано

на и воспроизводит только насилие. Происходит это вследствие психологии борьбы, т.е. того же насилия, которая никак не выветрится из мозгов. Равенство воспринимается не как цель сама по себе, не как равенство участников договора, а как равенство бойцов перед боем, равенство условий. Сама же борьба, победа и вытекающее насилие к побежденным все еще считаются морально оправданными. Мира нет, поскольку нет договора, а договора - поскольку нет мира. И вырваться из этого круга, отказаться от борьбы у людей пока не получается, пока борьба и победа считаются делами хорошими и похвальными. Этакое раздвоение сознания - все равны, но победители все равно равнее. Люди пока не поняли, что борьба и равенство, насилие и достоинство, победа и справедливость - вещи несовместимые.

Исчезновение сословий привело на деле к их замене на классы богатых и бедных. В итоге новая иерархия оказалась не менее жесткая, чем прежняя. Фактически те же сословия, ибо пробраться вверх по социальной лестнице так же трудно как и всегда. Изменились две вещи. Первая - способ принуждения нижних верхними, из физического он стал экономическим. Именно способом насилия определяется новая иерархия, именно поэтому правят богатые. Ибо богатство ныне, в условиях рынка - это прямое оружие принуждения, а не следствие других причин, как в иерархиях прошлого - сословного происхождения, духовного авторитета или военных успехов.

Разумеется, используется и моральное оправдание своей избранности. Полезно сравнить его методы. Если изначально иерархия оправдывалась воинской честью - силой и мужеством, а сословное насилие объяснялось особым происхождением - фактически воспитанием и образованием, то экономическая иерархия подпирается идеями либерализма - она есть следствие "свободы" и "справедливой" борьбы, в которой у каждого есть возможности проявить свои личные способности и природные задатки. Верхи, стало быть, просто более талантливы. Отсюда видно, что чем дальше, тем больше лжи требуется верхушке для оправдания собственного существования.

Кроме этого, надо отдать должное верхам, они также всячески изображают свою полезность остальному населению, изза чего то должно забыть о справедливости и продолжать молиться на своих благодетелей. Делается это несколькими путями. Во-1-х, прививается нехитрая мысль, что обществом нужно управлять и никто, кроме верхов на это не способен. Про то, куда и зачем управлять, обычно не говорится, это и так понятно - чтобы низам было хорошо, для чего же еще?! Во-2-х, внушается чувство страха перед хаосом и неорганизованным насилием, а также ненависть в "врагам", которые только и ждут момента, чтобы поработить население. Откуда берутся враги понятно - они же вокруг всегда, с самого начала появления коллектива. В обоих случаях власти идут наперекор прогрессу. В первом случае, они всячески лишают человека автономии и чувства свободы, соблазняя его легким путем к счастью и освобождая от необходимости думать и искать. Во втором они разжигают коллективную вражду, стремясь восстановить первобытный моральный профиль и подменить в мозгах населения вертикальный разрез горизонтальным. К сожалению, эта ложь имеет определенный успех. Человеку массы пока трудно видеть вокруг только посторонних, ему хочется с кем-то ассоциироваться и даже враждовать.

Второе изменение - иерархия стала неформальной. Именно потому либерализм, а точнее его практическая реализация, оказалась шагом назад в движении к свободе. И дело не только в ошибках либерализма или неожиданном расцвете всего худшего в природе человека. Сословная иерархия была легитимной, узаконенной, она покоилась

на писанных нормах. Если в конституционной монархии, например, власть полностью, хотя и не обязательно явно, формализована - порядок передачи, процедуры издания законов и т.п. - то ныне, за раздутой формальной ширмой выборности скрывается абсолютно непрозрачная и неформальная власть капиталов. Вследствие этого печального положения дел, выборность власти, которая иначе представлялась бы большим достижением, таковым вовсе не является, поскольку власть, если и выбирается, то вовсе не теми, кто это должен делать. И опять мы видим жизненную необходимость лжи для обеспечения существования верхушки.

- Принудительный эгоизм

Что же такое либерализм? Это победный клич разума, возбужденного победой над "насилием". Свобода показалась ему столь реальной, что углубиться в ее тонкости ему было недосуг. Надо признать, что восторг был вполне уместен - победа над физическим насилием, какой бы легкой она не оказалась в ретроспективе - это действительно выдающееся достижение. Но важно не расслабляться. К сожалению, после напряженной схватки, это необходимо. Разум - не машина. Поэтому, за всякой победой над никогда не устающим детерминизмом, неизбежно следует временное поражение. Ныне это - реванш экономического насилия, пришедшего на смену физическому. Поэтому правильно, видимо, вместо заманчивого, но неверного названия "либерализм", использовать более адекватное - "экономизм".

Экономизм покоится на индивиде, освобожденном от физического насилия. Свобода рынка, ошибочно отождествленная с настоящей свободой, и фактически этим и ограниченная - поскольку все остальные свободы без ресурсов оказываются пустой декларацией - привела к своеобразному экономическому детерминизму, взамен детерминизма войны, сословного гнета и религиозного послушания. Были открыты "объективные" экономические законы, повышение благосостояния масс и экономический рост стали государственной религией, простое человеческое счастье стало ассоциироваться с личным достатком и уровнем потребления. Экономический детерминизм лишил индивида выбора и вытекающей этики. Важен результат, а не процесс, деньги, а не труд, связи, а не честность. Те, кто не смог добиться результата экономически, добиваются его любыми иными способами, включая государственное перераспределение. Активная часть общества погрузилась в групповую борьбу за ресурсы отбросив последние остатки "деловой" этики.

Веская причина реванша и засилья экономического детерминизма - неочевидность механизмов экономического насилия. Если физическое довольно просто и понятно, с ресурсами дело обстоит трагически сложно. Неочевидность подорвала доверие к посторонним - класс этих людей начал стремительно исчезать. А как хорошо все начиналось! С мирным договором, ликвидацией иерархии и установлением демократической процедуры социальная война вроде бы кончилась, сословия исчезли и формально все превратилось в нормальных людей, относиться к которым можно и без альтруизма, и без эгоизма. Но увы - поскольку война лишь перешла в иную плоскость, обыкновенный человеческий альтруизм сменился "взаимным", т.е. банальным расчетом. И если альтруизм между посторонними действительно неуместен, эгоизм - по той же самой причине - оказался весьма востребован. Своих нет, зато есть чужие. Посторонние исчезли, превратившись в конкурентов.

"Свободный" рыночный обмен лишь обслуживает иерархию - он становится вынужденным и направленным на продвижение вверх. Поскольку обмен индивидуален, эгоизм превращается в средство борьбы, как и во времена первобытного выживания, но уже без сопровождающего альтруизма, что сильно портит картину. Особенно в голове индивида. Хотя экономическое насилие не сильно слабее физического, либеральная пропаганда внушает ему, что он полностью свободен - и рассудок его молчит. Но настоящая свобода не требует эгоизма. Получается, что эгоизм навязывается человеку против его разума, совести и воли, навязывается самой экономической действительностью, в которую он вступает будучи убежден пропагандой в свободном выборе профессии, карьеры и возможности достижения любого успеха. Обманутый индивид отождествляет свободу с экономическим результатом, потому что только он дает возможность быть независимым в условиях иерархии. Налицо подсознательная подмена высокой моральной цели тривиальной экономической победой. В результате человек стремится к деньгам и экономическому насилию, полагая, что стремится к свободе и счастью. При этом наиболее совестливые презирают себя, потому что чувствуют полную аморальность подобного поведения, противоречащего как морали, так и этике.

Равно отвратительно, что власть, принявшая выборную форму, получила неожиданную моральную поддержку. В условиях войны, хоть и экономической, необходимы воеводы - кто-то должен организовать боевые действия по защите внутреннего рынка и атакам на внешние. И здесь власть с готовностью демонстрирует свою "полезность". Впрочем, ей удастся обманывать не всех. А потому открытое физическое насилие до конца не исчезло, маргинальные группы еще используют его, оправдываясь очевидной несправедливостью.

Эгоизм закономерно подрывает общество. Массовость уничтожила потребность в личной репутации, возможность скрыться за обезличенными бумажками - потребность в эмпатии, возможность манипулировать формальными ценностями, деньгами - потребность трудиться, приносить пользу своими руками и головой. В общем, все плохо. Пропало ощущение локтя, появилось - кулака. Нравы, конечно, несколько смягчились за прошедшие века. Сначала стало безопасно ходить поодиночке, потом без меча, потом без шпаги, теперь без ножа. Но это если знаешь, где ходить.

- Преступные группы

Соответственно, несмотря на широкое распространение идей универсальной морали, и несомненно благодаря лживости экономизма, человечество пока не сильно продвинулось в их практической реализации. Оно все еще делит мир на своих и чужих, и творит зло с полным сознанием своей правоты. И пока идея договора не претворится в жизнь, общество так и будет основано на племенной культуре - кроме идей универсальной морали, необходима сама универсальная мораль, а это совсем не одно и то же. Мораль требует доверия, но его неоткуда взять пока идет экономическая война и есть хоть кто-то, кто притворяясь универсалистами лгут, практикуя крипто-партикуляризм.

Борьба формирует группы всех сортов, включая профессиональные. Наиболее эффективные из них организуются вокруг захваченных ресурсов, которые теперь используются для защиты своего привилегированного положения. В этой связи

интересно отметить феномен преступной групповой морали. Что это? Чем отличается преступная групповая мораль от просто групповой? Осознанным отказом от договора. Преступная группа - объединение преступников, не способных или не желающих (впрочем это одно и то же) договора в итоге которого формируется обособленная группа со своим собственным договором, направленным против всех остальных. На первый взгляд, подобное развитие - исторически естественно, ведь продвижение морали по пути объективной этики - это и есть движение от традиционной альтруистической оболочки (рис. 1.2), которую при желании можно считать "преступным" сговором против всех, к универсальному ядру (рис. 1.6). Однако это не так. "Преступной" такую мораль считать было нельзя, поскольку в те времена никто и не предлагал универсальный всеобъемлющий договор, каждая группа была сама за себя - "социальный договор" выглядел как договор между группами, а идеи универсализма еще не распространились достаточно широко. Но сейчас все изменилось! Преступный характер групповой морали возникает (вернее уже возник) на этапе отказа от всеобщего договора, когда и если он предложен, а универсальность этики становится самоочевидной. Да, идеи и информация меняют ситуацию кардинально и мы видим нашу ответственность, друзья, не так ли?

Альтернативной преступной моралью можно считать мораль, возникающую в ситуации, когда одна группа предлагает договор всем остальным и все отказываются. Эта ситуация проще - мы сразу видим "передовую" культуру и отсталые племенные группы, которые, можно надеяться, рано или поздно присоединятся к договору. Однако и тут может возникнуть "преступность" в характере передовой морали, если общий договор не предложен всем остальным, хотя его идея осознанна и применяется внутри группы. Следует также сделать различие между самими группами. Наибольшая ответственность и, соответственно, аморальность - свойство главенствующих групп, наиболее влиятельных, выигрывающих социальную борьбу. Именно от них, в конечном итоге, зависит успех договора. Не только потому что у них есть все необходимые для этого ресурсы, но еще и потому, что группы, борющиеся за выживание, практически не имеют выбора. Верный своему склерозу я не помню названий всех этих главенствующих и несомненно преступных групп, но вы друзья без труда узнаете их, как бы они не старались спрятаться за спинами других.

Каков же будет выход из подобных гипотетических или реальных ситуаций, могущих возникнуть в ближайшее по историческим меркам время? Альтернатив тут немного. Пока нет общего договора, единственным и естественным способом решения будет силовой - горячая или холодная война, которая неизбежно завершится договором - или общим, или среди победителей.

- Моральный профиль

Попробуем изобразить моральные чувства, являющиеся прямым следствием экономизма, в горизонтальном разрезе еще живого государственного коллектива, рис. 1.11. Вместо когда-то четкого размежевания свой-чужой мы наконец имеем более-менее плавный переход - моральные нормы в разных коллективах-странах теперь не столько разделяют, сколько объединяют и способствуют торговле. Внутри коллектива альтруизм также окончательно переселился в семью и ее окрестности, освободив место той же торговле. Правда, благодаря тому, что и уровни доверия, и привычки оставляют желать лучшего, внутренняя и внешняя торговли, как и отношения верхов с низами,

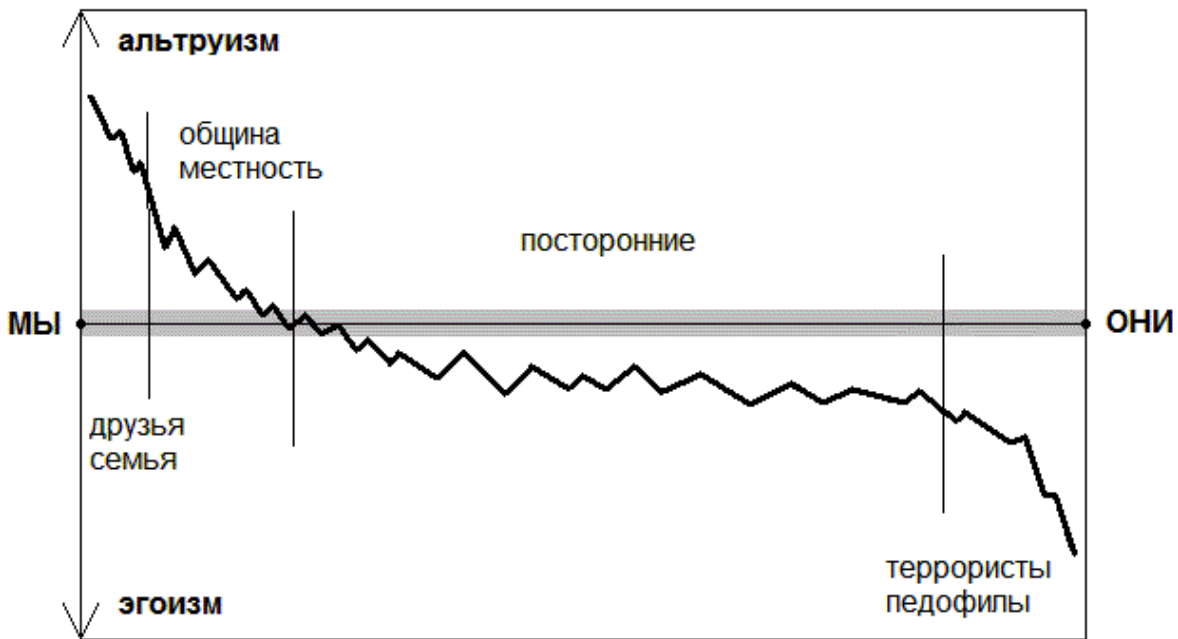

Рис. 1.11

пока находятся в разных местах морального спектра. Чужих - как соотечественников, так и особенно чужестранцев - пока еще можно эксплуатировать и даже грабить (пусть экономически), а торговать с близкими - родными и друзьями - все же еще пока как-то неловко.

Разумеется, график - идеализация, основанная на здоровом оптимизме. Он не учитывает периодически разжигаемых властями страха и ненависти к инородцам, иноверцам и иноземцам, еще не выкорчеванного расизма и шовинизма, еще не изжитого животного стремления к власти и деньгам. График смещен влево, чтобы показать, что мир пока еще чужд и враждебен человеку, что он пока еще не осознал своего единства с остальным населением планеты. "Община, местность" - тоже идеализация, это не обязательно дальние родственники, знакомые или соседи. Иногда это клан или диаспора, иногда другая общность скрепленная некоей идеей - религией, традицией, идеологией, вплоть до мелкой народности. Соответственно, и альтруизм не всегда заключается в отказе от "торговли" между своими и бескорыстной жертвенности. Часто - в предпочтении своих чужим в коммерции, в выстраивании групповых взаимовыгодных связей и подобной партикулярной деловой практике. Или же - в моральной солидарности, в культурных предпочтениях, в информационной поддержке. Но несмотря на все эти изъяны, будем оптимистами и примем график таким какой он есть.

Вертикальный разрез, искаженный насильственным эгоизмом и аморальной иерархией, показан на рис. 1.12. Классовых врагов можно ненавидеть или презирать и использовать принудительно-государственные, принудительно-рыночные или даже принудительно-личные меры для извлечения персональной прибыли. Бедные

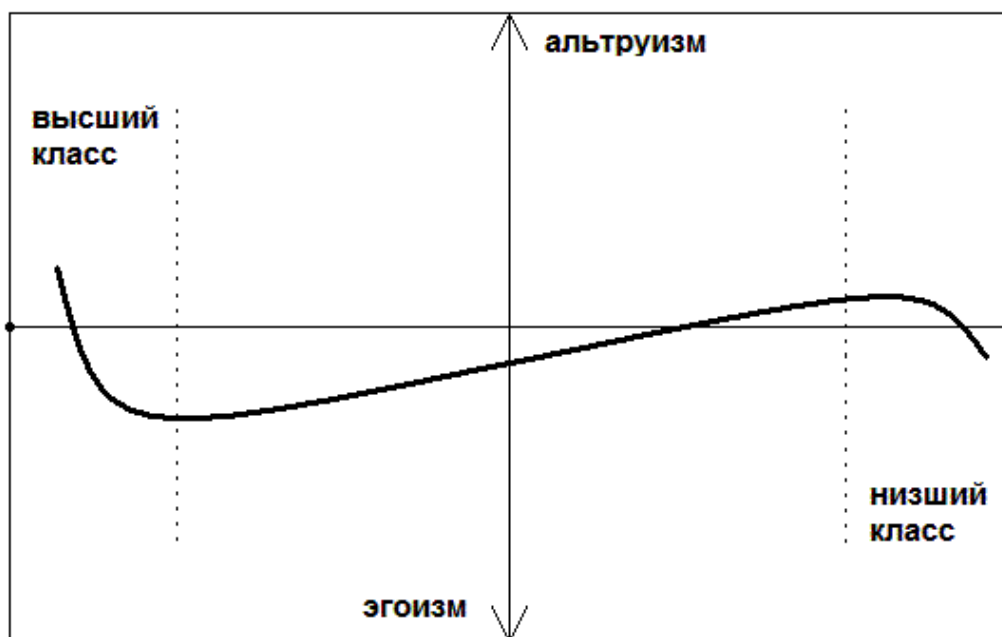

Рис. 1.12

вызывают сочувствие, а классовая солидарность размывается конкуренцией, опуская в эгоизм бывших морально равных.

Рисунки показывают, что в наше культурное время (а также в нашей культурной части мира среди культурных людей), когда все стали как родные, по настоящему чужих, подлежащих уничтожению, больше нет. Большая часть рисунков выглядит как более-менее плоская область, где главенствуют торговые отношения, регулируемые общепринятой "экономической" моралью. Это - область нынешней "справедливости", где другой воспринимается в общем и целом как такой же член общества, не заслуживающий ни малейшего альтруизма, ни чрезмерного, внеэкономического эгоизма. Это он - какбы-посторонний, более-менее нейтральный экономический партнер. Хотя ничего плохого он может и не заслуживает, но отсутствие этики приводит к понижению морального уровня общества. Эгоизм становится преобладающим моральным фоном, за исключением искусственных всплесков благотворительного альтруизма, инспирируемых или религиозным и идеологическим давлением, или государственными пропагандистскими кампаниями, приурочиваемыми к выборам, олимпийским играм, национальным трагедиям или природным катастрофам.

Между тем моральное падение потихоньку разрушает демократическую конструкцию. Чем ниже график, тем меньше доверия, больше стремление обмануть, воспользоваться ситуацией или нечестным преимуществом. Соответственно, тем меньше эффективность, стабильность и легитимность социальных институтов, какой бы продуманной конституцией они не оформлялись.

- Эквивалентный обмен

Точки пересечения кривой моральных чувств с горизонтальной (нулевой) осью соответствуют абсолютной нейтральности в отношениях, и если живопись нас не обманывает, в случае экономического обмена наблюдается настоящая эквивалентность и, по совместительству, совершенная справедливость типа "даяние/воздаяние". Что это такое? Несмотря на всю расплывчатость термина "эквивалентность", мне кажется он отражает реальную, хоть и идеальную торговую, рыночную и просто человеческую ситуацию - когда обмен в точности взаимовыгодный со всех точек зрения. Как раз такой, какой вероятно требуется частной собственности, очищенной от всевозможных трагедий. Да, я думаю, такое вероятно бывает и в реальности - например, когда сделка происходит по совершенной цене, при совершенной информации, на совершенном рынке - и выгода продавца случайно оказалась равна выгоде покупателя, которые в свою очередь, случайно совпали с общими и общественными. Конечно знать такого нам пока не дано. Но важно верить, что такое может быть. Причем важно не с точки зрения экономики, а с точки зрения морали. Эквивалентный обмен - единственно возможная основа свободного общества. Только в этом случае экономическое принуждение, даже самое неявное, полностью отсутствует.

Конечно, такое заявление вызывает резонный вопрос. Как личные ощущения вообще связаны с основой, да еще всего общества? По-моему, очень просто. Если обе стороны в обмене точно следуют стратегии эквивалентной выгоды и в результате ощущают и понимают, что добились успеха - субъективная выгода действительно, объективно стала одинаковой. Ну а общество получается, когда все и всегда поступают так же. Объективность становится объективной.

Я понимаю, что все это звучит довольно утопично, но представьте себе совершенно обычную, бытовую ситуацию. Каждый из нас сто раз на дню проходит мимо посторонних людей не только не сталкиваясь с ними лбами, но и оставляя в запасе довольно приличное расстояние. Как нам это удается? И при чем тут обмен? Умение обменяться такой мелочью, как право прохода - дело вовсе не маленькое. Оно маленькое для нас, потому что мы к нему привыкли, но когда-то за неумелую попытку обмена этим мелким правом можно было нарваться на острый меч. Ныне уже почти никому не приходит в голову пытаться выгадать себе преимущество. А если и попадаются такие уникамы, они обычно жалобно извиняются, как только оказываются жестоко наказаны. И это - очень важный моральный результат. Уступить ровно столько, сколько получить взамен - чистый эквивалентный обмен с совершенно посторонним человеком, причем практикуемый в масштабах всего общества. Пусть одним и тем же, мелочью и без участия денег. Но если люди научились эквивалентности, дело в принципе решено. Дальше - вопрос лишь количества.

Зачем я уделил внимание этой утопии? Эквивалентность - если под экономикой понимать обмен и информацией, и всем прочим, что может составлять ценность в обществе - практическое свидетельство этической универсальности, ибо только так она может проявиться. Нельзя говорить об универсальности морали, если она не влечет абсолютно нейтральное восприятие других людей. Вот почему так важна точка нуля. Она говорит о том, что среди нас есть множество людей, которых мы не относим к "своим" и "чужим", что мир перестал быть черно-белым, а стал каким-то... цветным что-ли, причем все цвета вполне равноправны. Без этой утопии все разговоры об

универсальности остаются голыми идеями, не имеющими отношения к практике, которая всегда конкретна и партикулярна.

- Две моральные сферы

Рассмотрим подробнее идеализированный моральный профиль современного жителя мегаполиса, равнодушного к расизму, патриотизму и токсичным идеологиям. Легко видеть, что точка эквивалентного обмена делит картинку 1.11 на две части с абсолютно разными моральными принципами. Левая охватывает родственников, друзей, коллег и избранных соседей. Это область жертвенной морали - любви, симпатии, предпочтения. Она ограничена - любить всех подряд человек пока не научился. В центре ее - семья. Разные коллективы по-разному переживают распад семьи. Кое-где семейные ценности уже давно не ценности, там пик альтруизма едва заметен и отношения в семье встали на солидные рыночные рельсы. Кое-где еще пока верят в эти патриархальные предрассудки, там семьи крепки, а уровень альтруизма высок как и прежде.

Правая часть охватывает всех прочих. Вместо ненависти к чужакам, культурные современники воспринимают незнакомых как равноправных и равнодушных граждан, по чистой случайности населяющих землю одновременно с ними. За пределами личной сферы обитает публичная этика, тяготеющая к объективности. Последняя присутствует в качестве той идеальной разумной основы, на которой строятся свободные отношения, полностью лишены всяких биологических психических механизмов. Объективность отчуждает субъектов. Они безличны и полностью независимы друг от друга. Отчуждаются не только субъекты, отчуждается прошлое в виде культурных наслоений, формировавших героический моральный фон коллективной идентичности. В отношениях с партнерами подвиг не требуется, память о нем бледнеет, он все больше ассоциируется с далеким и, прямо скажем, диким прошлым. Небольшая пологая область вокруг точки эквивалентности охватывает круг знакомых, как полезных, так и не очень, отношения с которыми уже не жертвенны, но еще и не вполне рыночны. Близкий круг - остаток первобытного коллектива, до сих пор психологически и материально помогающий выжить во враждебной эгоистичной среде.

Обе сферы принципиально различны с точки зрения и рисунка, и здравого смысла. Не думаю, что их можно теоретически впихнуть под одну моральную крышу, как хотелось бы тем из философов, кто занят поисками единой универсальной морали, или рассматривать в качестве случайных нехороших вариаций, подлежащих искусственной корректировке, как хотелось бы гуманистам и моралистам. Иными словами, я бы оставил жертвы семье и лучше занялся излечением эгоизма, мешающего обманутому современному человеку встать на этическую платформу и опереться на подлинную справедливость.

А моральному прогрессу, и нам вместе с ним, идти дальше. Его нынешний, весьма скромный результат - дальнейшее освобождение личности и углубление нормативности коллектива. Человек все больше зависит от коллектива, коллектив - все меньше от человека. Личность, ее знания и опыт, становятся все более субъективными, а коллектив, его культура и этика - все объективнее. В конце концов, я надеюсь, даже ученые признают его существование.

7 Будущее

- Коллектив и его профиль

Наблюдая тенденции, изображенные на предыдущих рисунках, и проникаясь нашим фирменным оптимизмом, несложно составить правдоподобную картину достаточно отдаленного будущего. Для этого даже не нужны краски и кисти. В вертикальном разрезе коллектив становится плоским. Всеобщий договор торжественно заключен, моральные чувства пропитаны справедливостью, их графическое выражение принимает нормальный вид - горизонтальной прямой, лежащей на нуле. Иерархии, верхов и низов больше нет, отношение ко всем гражданам одинаковое. Те, кто оказались выбраны выполнять некие общественные функции, не пользуются статусом отца родного, а наконец становятся плоть от плоти нормального человека, причем в высшей степени постороннего. Равно и все выдающиеся личности - независимо от количества собранных денег и принесенной пользы, они не становятся предметом культа, обожания и поклонения. Уважение и признание не предполагает ни мысленное родство, ни реальные жертвы.

Как и иерархии, больше нет ничего противостоящего извне единственному человеческому коллективу. В горизонтальном разрезе он достиг своих физических пределов - пока земных. Глобализация благополучно завершена, сделав планету общим домом, создав из человечества единую хозяйственную и коммуникативную сущность. Это породило полное взаимопонимание и гордость причастности к человеческой "нации", окончательно уничтожило "чужих". Возникла общая идентичность, сигналы опознавания потеряли смысл, все культуры счастливо слились в одну. Культура стала нефункциональной, а этика - универсальной. В пределе, каждый человек полностью свободен от каждого другого члена общества, и зависим только от всех сразу. Все люди морально одинаковы.

Но все эти процессы никак не влияют на истинно своих. Близкие и семья остаются с нами навсегда, как и субъективная, жертвенная мораль. И чтобы описанная выше публичная сфера, с ясными, очищенными от морали правилами, стала возможной, все личное окончательно уходит из нее. Обе моральные сферы четко разделяются. Публичная этика достигает объективного идеала, как и жертвенная мораль, освобожденная от обязанности любить всех подряд.

Этическая кривая, описывающая это благолепие, устаканивается в виде, показанном на рис. 1.13. Здесь "ОНИ" - скорее дань традиции, поскольку как таковых "их" больше нет, все теперь "мы". Отношения в семье без всякого сомнения останутся основаны на беспредельном (в разумных пределах) альтруизме. Отношения с посторонними перейдут на уровень честной торговли, в которой каждый будет преследовать свои интересы, но не забывая о том, что его партнер тоже должен преследовать свои, и все вместе помня о том, что при этом интересы каждого из них в точности отражают интересы всего общества. Между семьей и посторонними останется небольшая переходная область личных отношений, в которой человек будет оказывать услуги другим в пределах мелкого альтруизма, не переходящего незримую, но очевидную этическую границу. Величина этой области не может быть слишком большой, поскольку экономические интересы будущего индивида требуют поистине бесконечного рынка. "Личные отношения" играют заведомо неэкономическую роль -

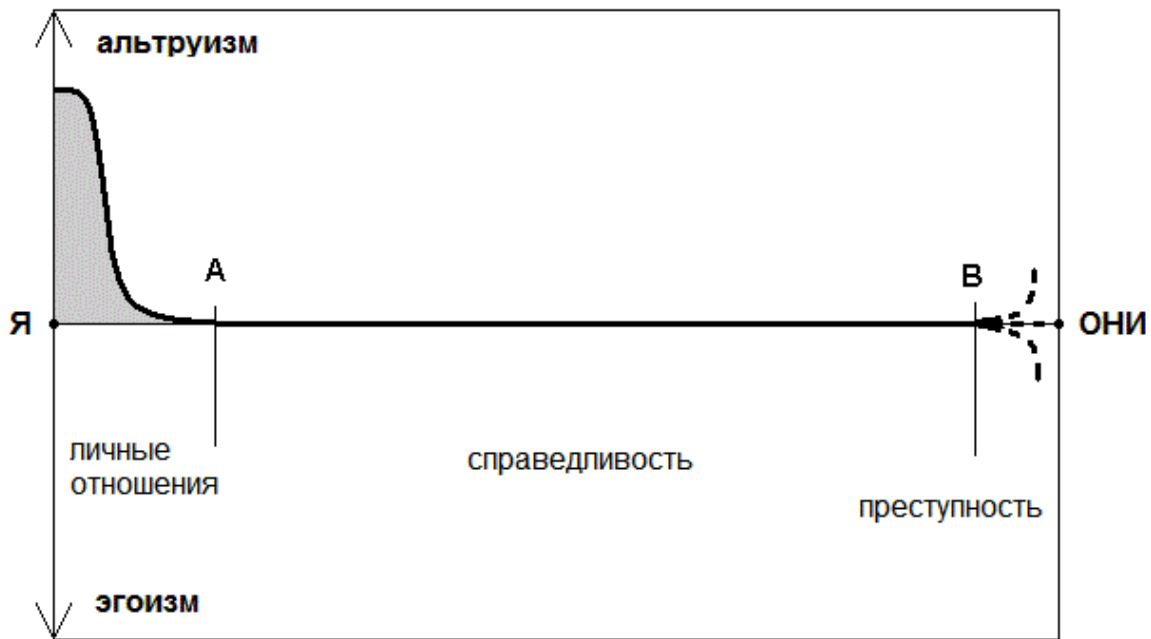

Рис. 1.13

это просто знакомые и не более того.

- Асимметрия альтруизма

Первая крамольная мысль приходящая в голову при сравнении рисунка 1.13 с предыдущими (1.2, 1.3, 1.5, 1.6 и т.д.) - он слишком уж вертикально несимметричен. Если раньше альтруизм как бы уравнивался эгоизмом, то теперь дело выглядит так, словно человек становится абсолютным альтруистом, что нарушает некий фундаментальный баланс, наблюдавшийся всю историю. Не ошибка ли это? Не утопия ли? Не пытался ли художник выдать нам желаемое за действительное?

В чем-то художник пожалуй прав: если война больше похожа на спрямленную Z, то торговля - на сглаженную L. Очевидно, что мирный и честный обмен вовсе не требует эгоизма в отношении к противоположной стороне. Торговля - это не просто обмен, это объективно взаимовыгодное занятие. С прекращением всякой борьбы, избыточный эгоизм должен так или иначе исчезнуть и симметрия нарушиться. Но исчезнет ли он на самом деле? Преодолеет ли человек свои биологические корни?

Если нет, то возможны два варианта. Первый - человек обязательно должен быть эгоистом, и значит, пока есть семья с ее альтруизмом, "область справедливости" так и останется графической фикцией, не имеющей отношения к реальности. В реальности семейный альтруизм уравнивается эгоизмом, не позволяя никакого эквивалентного обмена. Общество погрязнет в коррупции, nepотизме и прочих пороках, наблюдаемых там, где люди сбиваются в кланы и доверяют только своим. Ибо чем лучше "мы" - тем хуже "они". Баланс. Второй вариант не намного лучше. Чем меньше эгоизма и больше

справедливости - тем меньше и альтруизма. Тогда можно наблюдать окончательную смерть семьи и детей, как они уже умирают на наших глазах. Могильная гладкость. Тоже баланс. В итоге обоих вариантов, вполне доступных наблюдению ныне, свободно-торгово-индивидуалистичное общество канет туда же, куда канул первый, явно преждевременный эксперимент со свободой - античность.

А вдруг баланс таки нарушается и человек будущего превращается в альтруиста? В конце концов, должен же быть хоть какой-то моральный прогресс?

Для исследования этого вопроса нам поможет еще один художественный график, где представлено изменение моральных чувств человека по мере проживания им своей нелегкой, полной обязанностей жизни (рис. 1.14). Что выражает восходящая линия? Линия эта, взятая уже не из размышлений, а из жизненного опыта, выражает "социализацию" - изменение отношения к окружающим. Как знают все родители, дети в детстве страшно эгоистичны и чтобы привить им мало-мальски приличные социальные качества, требуются неимоверные усилия. Но зато чем они физически более взрослые и социально более зрелые, тем они, теоретически, больше заботятся о других - и о собственных детях, и о женах, и о родителях, а кое-кто даже успевает позаботиться о человечестве в целом. Но если о ребенке заботится два человека - папа с мамой, то самому ему потом приходится заботиться не о папе с мамой, а о массе людей. И значит, что нормальный человек в итоге все же получается больше альтруист, чем эгоист, просто этот альтруизм скрыт где-то в личной, излишне раздутой сфере. И значит картинка 1.13 может быть вполне реалистична, если принять, что она подразумевает человека созревшего, состоявшегося и нагруженного ответственностью за человечество, а не за свой круг. Особенно замечательно это наблюдение тем, что открывает нашему взору то, что и так давно известно - чем прочнее семья, чем ценнее в ней семейные ценности, тем альтруистичнее в конце концов вырастает человек. Т.е. истинный, семейный альтруизм, воспитывающий свободного человека, обладает замечательным свойством смещать график вверх - чем больше альтруизма в семье, тем меньше эгоизма вне ее. Иными словами, альтруизм порождает альтруизм.

Ну а пока что эгоизм плодит эгоизм. Не в этом ли, в конечном итоге, одна из главных проблем со свободой? Не оказывается ли она без избытка альтруизма вечно преждевременной? И не изза того ли античность осталась античностью, что ее свободолюбивые граждане не обратили на этот факт должного внимания, решив, как и многие наши современники, что свобода - это лишь жадность, распущенность и вседозволенность?

- *Моральный "капитал"*

Серую область в верхней левой части рисунка 1.13 можно назвать научным термином "социальный капитал". Его мера - широта личных связей помноженная на степень готовности к услугам, взятая среднестатистически. Само это понятие, несмотря на соблазнительную близость ко всему хорошему в человеке, на самом деле ничего не говорит нам об этичности общества, о том, насколько честны там люди, насколько оно справедливо и свободно. Все это, по аналогии, можно было бы назвать ненаучным термином "моральный капитал", хотя мне, честно говоря, мораль и капитал кажутся несовместимыми вещами. Но где он на рисунке? Я думаю, этот капитал можно углядеть в том, насколько горизонтальна наша кривулька, т.е. насколько длинна ее

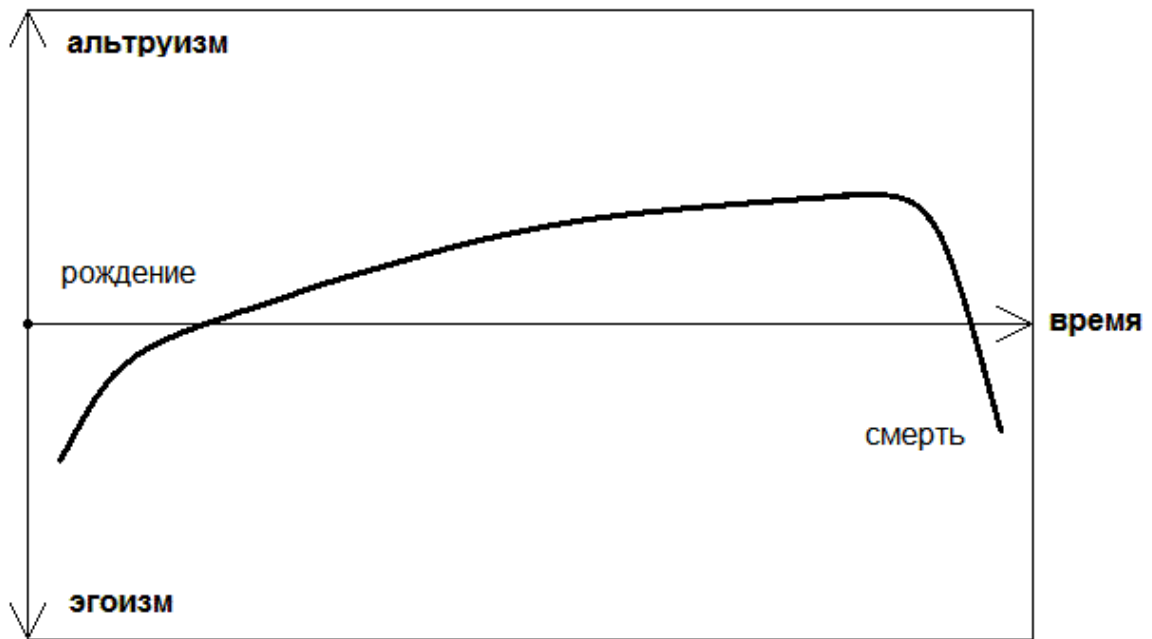

Рис. 1.14

горизонтальная часть и насколько близка она к точке нуля - иными словами длина отрезка (AB). Потому что именно к этому положению она и стремилась всю человеческую историю. А история, как мы знаем, идет в одном направлении - в направлении накопления морального капитала, а вовсе не социального, который несомненно в первобытном коллективе был просто бесконечным, а в нашем нескором будущем, как ни грустно, полностью исчезает. Ну нельзя же всерьез считать отношения в семье капиталом?

Умозрительный рост длины горизонтального участка - от первобытного нуля на рис. 1.2 до будущего охвата всего прогрессивного человечества - визуальное проявление этического прогресса, который все таки есть, несмотря на все очевидные препятствия. Угол наклона участка, т.е. θ , говорит нам о справедливости, которая одинаково наклоняется ко всем членам общества или же, напротив, к одним - больше, а к другим меньше. Расстояние от горизонтальной оси, т.е. совпадение с ней - как много в отношениях эгоизма или альтруизма, которых там нет совсем или же которые проявляются в пренебрежении взаимными интересами, в попытках получить односторонние преимущества или завести личные отношения путем уступок. Длина горизонтального участка (а вернее расстояние от слова "Я" до B) - насколько далеко такие люди могут отстоять друг от друга в обществе, своего рода "радиус доверия".

Но доверие ли это? Доверяет ли мошенник жертве? Конечно, иначе он не смог бы осуществить свою аферу. Доверяют ли друг другу собутыльники в баре, когда выбалтывают секреты своих коллег и работодателей? Конечно. Только что общего все это имеет с этикой? Что же тогда такое - поведение, описываемое линией AB? Я думаю, это можно назвать просто и без затей "100% этичным поведением". Когда партнер,

случайный или постоянный, с моральной точки зрения воспринимается субъектом абсолютно так же, как сам субъект. Когда нет перекоса в трактовке допустимости моральных поблажек - что-то можно себе по отношению к другим, или когда надо напротив, в чем-то уступить ради дружбы, коллектива или долга. 100% этическое, без всякого культурного или морального релятивизма. Конечно, любое этическое поведение требует доверия, но того доверия, которое уже встроено в каждого имеющего от природы мозг и родителей, и в никаком дополнительном культурном, религиозном или социальном капитале не нуждающееся. При условии, конечно, что оно еще не было разрушено аморальным обществом.

- Правдоподобие

В какой степени оправданы все эти прекраснодушные фантазии? С какой стати мы так легко перескочили через огромный период окончательной победы глобальной властной иерархии, ее последующего разгула и дикого гнета, дальнейшего неизбежного гниения и полного упадка, и наконец длительного мучительного поиска выхода из катастрофы и одновременно - из эволюционной парадигмы бесконечного насилия? Увы, пока что история не подсказывает нам никаких реальных путей человечества к идеалу. Все, что мы видим - моральное неприятие иерархии и жажда равенства среди лучшей части населения планеты, что однако не мешает иерархии не только жить и здравствовать, но и процветать. Ибо лучшая часть населения не только в явном меньшинстве, но и практически в полном одиночестве!

На чем же покоится оптимизм? Только на рисунках? Не только. Во-1-х, до сих пор мы наблюдали как бы закон соответствия высоты коллектива его горизонтальному основанию. Но поскольку расширение коллектива неизбежно ограничено, иерархия рано или поздно начнет пожирать сама себя. Наверх хочется всем, и чем ближе к вершине, тем сильнее. Во-2-х, единому коллективу просто не с кем будет воевать, а значит у власти не останется предлогов для постоянной мобилизации населения. Во-3-х, моральное равенство уже неистребимо, а значит верхушке придется искать оправдания своего существования в реальной пользе для всех. Невозможно бесконечно лгать, надо время от времени действительно делать что-то для подданных. В-4-х, таким образом улучшения в жизни населения неизбежны, а всякие улучшения приводят к росту мозгов и сознания. Учитывая, что бесконечный рост населения невозможен, пропорция тупых и ленивых будет неизбежно падать, а лучших - расти. Демографическое насилие в конце концов будет преодолено. В-5-х, бессмысленность бесконечной борьбы за место на троне станет слишком очевидной - люди не могут без великой цели. Стало быть не слишком большим преувеличением будет предположить, что и сама верхушка в конце концов проникнется этикой. Ибо все моральные идеи, какими мы гордимся, были выдвинуты вовсе не снизу, а как раз сверху. Образование и мозги - великая сила! В-6-х, просто повторим - азум не стоит на месте, идеи рождаются и накапливаются, а поскольку разум уже доказал свою способность преодолевать природу, у нас нет никаких оснований предполагать, что он вдруг ослабнет.

Кроме того, можно предположить, что рост сложности общества способствует развитию мозга, а то, что общество будет усложняться, практически гарантировано. Способность искать нормы и следовать им очевидно развивается параллельно умнению масс населения, это видно по нашей истории. Сначала разум преодолевал страх смерти запугивая себя страхом неведомого, сакрального. Затем он научился следовать нормам

под куда меньшим страхом - наказания. В наше время многие уже следуют нормам по привычке, потому что так принято. Людей больше не надо пугать!

Интересный показатель прогресса ума и одновременно культуры - изменения в характере юмора. Он явно развивается от примитивного к возвышенному. Истоки юмора - насмешка над другим, радость от его унижения, от собственного превосходства. А поскольку никто не хочет оказаться униженным, юмор начинает сочетаться с неожиданностью, непредсказуемостью. Так, например, если кому-то захочется посмеяться над другими и он станет притворяться, это не вызовет смеха, разве у самых примитивных зрителей. Однако с развитием культуры, компонент унижения в смехе оказывается вторичным по сравнению с непредсказуемостью и двусмысленностью, требующих работы мозга. Смешным становится не унижение, а глубина неожиданной мысли, ситуации. И если уж говорить о унижении, люди начинают все больше смеяться над собой, над своей неспособностью предугадать и предвидеть. Они радуются превосходству рассказчика!

Разве перечисленное не может вызвать оптимизм? Может - борьба разума с животной природой неизбежно приведет к ее поражению. Или к поражению разума, но тогда бессмысленно будет и писать, и читать нашу будущую книгу. Такой вариант мы оптимистично отвергаем!

- Мы

Задержимся мысленным взором на этике будущего еще немного. Моральный прогресс дошел до точки эквивалентного обмена, где посторонний, несмотря на его непричастность к личной жизни субъекта, остается символом единой человеческой идентичности. А значит, несмотря на нейтральность и кажущуюся аморальность, отношение к нему вполне морально, объективная этика - это вовсе не отсутствие таковой. Ставить свои интересы ни выше, ни ниже интересов другого требует нетривиальных усилий, полностью противоположных как иррациональному альтруизму коллективиста, так и рациональной экономичности индивида. Люди - это "мы". И это "мы" находится на одном уровне с "я", где его теперь смогут легко найти экономисты-индивидуалисты.

В основе такого отношения лежат нормы, найденные путем договора и отказа от малейшего насилия, а моральные традиции и обычаи благополучно отмерли. Нормы стали общим для всех языком этики. Как благодаря врожденным языковым структурам, отражающим объективное сходство людей, стал возможен перевод с языка на язык, так же стало возможно взаимопонимание между культурами на основе моральных структур. И как сближаются языки, так же сближаются и нормы. Общество вырабатывает моральный эсперанто, но только не греющий души эстетов, а единственно возможный. Что касается экономических законов, которые тоже выглядят весьма объективно, в будущем они абсолютно точно изменятся, потому что изменится поведение человека. Их объективность отлична от объективности этики тем, что к этике люди стремятся, а от экономики - уходят. Этика требует порядочного человека, экономика - рационального. Кто победит? Что окажется объективней? Экономистам не следует огорчаться. Напротив. Им всегда будет чем заняться - открывать все новые и новые объективные законы.

Поскольку этика, победившая в планетарном масштабе, сольет все коллективы со

всеми, культура перестанет отражать групповую идентичность. Тот факт, что "здесь так принято" сплачивает коллектив, сближает посторонних, помогает понять случайных людей и внушает доверие, но с победой универсальных норм, это все становится излишним. Но чем она станет? Возможно она станет заменой бывшей личной сферы, психологическим суррогатом коллектива-организма? Тогда нормы новой, терапевтической личной сферы оторвутся от морального ядра и станут скорее эстетическими, чем этическими - как необязательностью своего выполнения, так и творческим, т.е. не традиционным, а личным, происхождением. Их цель - сформировать круг общения, неважно о чем, лишь бы об интересном. Поэтому они станут разнообразнее, причудливее и художественнее, отражая личные вкусы, а не продуманные этические концепции. Прототипы таких форм общения - нынешние молодежные субкультуры, переменчивые, локальные и совершенно бессмысленные, или, скажем, клубы болельщиков и поклонников.

Культура, которая изначально появилась как сосуд для хранения всего небологического в поведении людей, окончательно расщелится на этическое ядро и эстетические наслоения. Универсальная моральная основа - это то, что в конечном итоге делает всех людей похожими, позволяет ненасильственное взаимодействие. Эстетические прикрасы помогут людям выражать своеобразие и создавать любые квази-идентичности. Эстетика объединит и разъединит людей, но моральная основа не позволит вкусам проникнуть в их поведение, повлиять на возрождение или формирование первобытного отношения обособленности и вражды. Доверие, как фундаментально этическая характеристика отношений, не может покоиться на вкусе. От того, что кто-то предпочитает розовое голубому не следует, что ему нельзя доверить все свои деньги.

А что случится с первоисточником нравственности - героической моралью? Мы как-то забыли о ней, а ведь борьба с насилием без нее невозможна. Роль ее, как ни грустно, уменьшится, поскольку бороться за свободу можно будет не вставая со стула. На нашем последнем на сегодня рисунке - 1.15, я решил свести все главные нравственные явления вместе. Надеюсь он понятен и без лишних пояснений, разве только в качестве небольшого резюме. Сперва человек, точнее его лучшая часть, был охвачен только героической протоморалью, которую он получил от коллектива и пересадил внутрь себя в процессе борьбы с природным эгоизмом. Там внутри, она потом расщепилась на объективную, хотя и сокрытую в шелухе норм, этику и жертвенную, возведенную на пьедестал, мораль. Ныне этика еще слаба, как и публичная сфера, она занимает меньшую часть души. Жертвенная мораль, включая ее героическую часть, пока сильнее - рисунок показывает, что личная сфера, включающая не только родных и близких, но и сотрудников, и подельников, и соседей, и соотечественников, превалирует. Но по мере прогресса, когда героическая борьба со злом потеряет актуальность и уйдет в прошлое, а личная сфера займет подобающее ей положение, человек останется наедине со своими верными друзьями, разрывающими его на две примерно равные части.

- Они

Обрисованная идиллия может вызвать скептицизм, граничащий с унынием. Да и ученые опять не радуют. Эволюционные психологи и социальные биологи, горячо поддерживаемые авторитетными экономистами, говорят нам, например, что честными

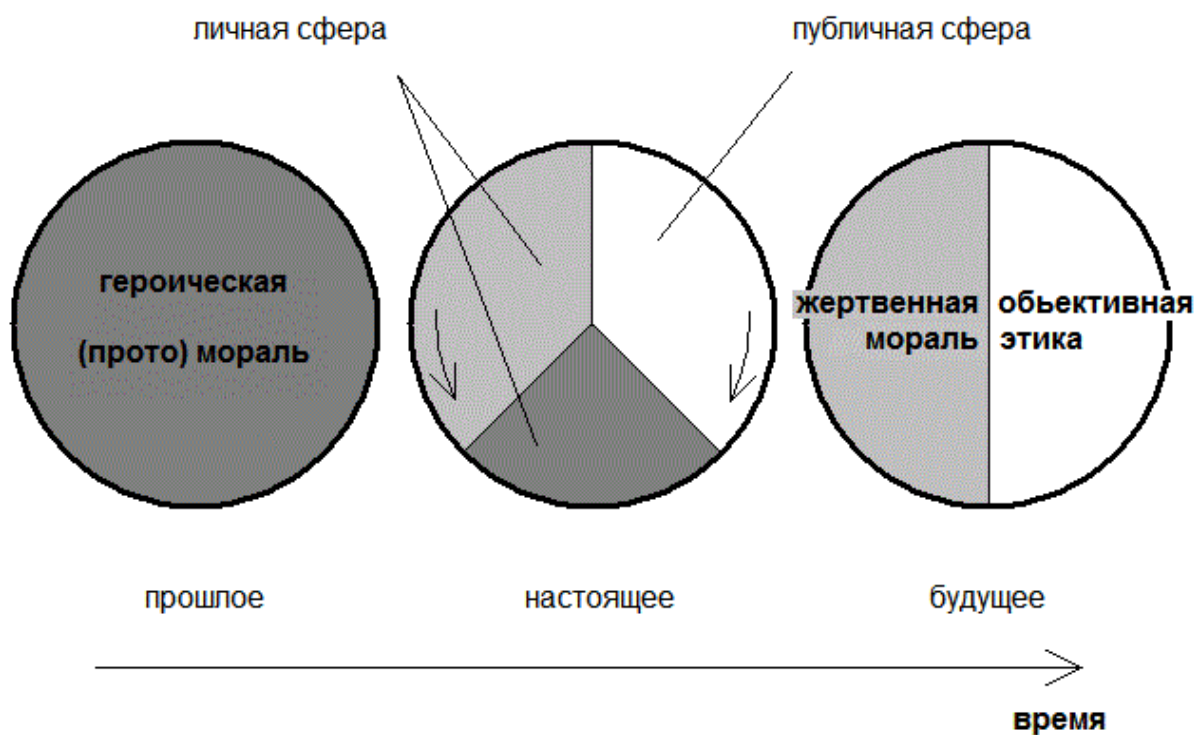

Рис. 1.15

люди не будут никогда, потому что биология подсказывает им иное - среди этичных людей жулики имеют лучшие шансы. А вот мне кажется, ученые путают этичных людей с наивными дурачками. С чего бы это? Возможно жулики будут всегда, в конце концов биология не гарантирует нам качественных мозгов у каждой особи. Однако наряду с жуликами, будут и родители, и воспитатели. А если это не поможет? Найдутся и желающие наказать. Вплоть до. Важно наверное учитывать, на всякий случай, что объективная этика вовсе не требует отказа от насилия в принципе - всегда и везде. Она - основа практики, а не клинический случай святости. Впрочем, сама она насилием не занимается. Она всего лишь милостиво самоустраняется, допуская свободного человека принимать по отношению к отрицающим ее те решения, которые ему нравятся.

Вот на этот, и все другие подобные случаи, моральная кривая индивида содержит вариации в самом конце правой части рисунка 1.13. Но если центр и левая часть кривой не вызывают у меня никаких сомнений, то кончик справа может быть разным у разных людей. В конце концов, это - личное дело и к этике отношения не имеет. Некоторые склонны прощать преступников - у таких кривая пойдет вверх, потому что прощение - иррациональный альтруизм, фактически жертва. Справедливые - у кого кривая останется прямой - потребуют справедливого наказания каждому преступнику, невзирая на лица, личные пристрастия и характер. Найдутся и те, кто сочтет, что наказывать надо строже - чтоб другим было неповадно, чтоб хрупкая свобода не подвергалась неоправданному риску. Чрезмерное наказание непреклонных и неисправимых - отражение личного неприятия преступности и преступников как особого биологического вида. Утонченный вкус, можно сказать.

Кстати о видах. Свобода покоится на этике, а та - на способности каждого контролировать свои чувства. Даже если человек честен, где гарантия что он не поддастся страстям и эмоциям, как созидательным, так и разрушительным? Или пристрастится, станет зависимым и неуправляемым? Опять таки, мы сталкиваемся с проблемой нарушения норм, в которой в принципе нет ничего сложного, до тех пор, пока у общества есть механизмы ее разрешения. Рассмотрим животных. Что такое животное? Это существо без этики. Мы также можем сказать, животное - существо без свободной воли, но это утверждение сложнее проверить, хотя скорее всего так оно и есть. Куда проще заметить первое. Поэтому не следует путать человека и биологический вид "гомо". Да, друзья, нам надо четко и без стыдливого гуманизма определиться в этом важном вопросе. Люди без этики - животные. Это не оскорбление, это - факт. Разница между неэтичным человеком и животным в том, что с человеком можно поговорить, можно объяснить ему и помочь понять правила. А что делать, если он не может понимать правила или не хочет следовать им? Тогда его следует считать особым видом животного, развитым гоминидом - умным и, к сожалению, довольно опасным. Опять, это - не оскорбление, это - факт. Люди без этики не понимают, что такое оскорбление. Как у нас управляются с животными? Их любят и жалеют. Кормят, берегут, воспитывают. Короче - убирают в личную сферу. А опасных изолируют. Конечно, изза того, что люди выглядят похоже, да еще и разговаривают, бывает трудно сразу разобраться кто есть кто. Но это не принципиальная проблема. Разберемся.

Выражаясь формальнее, отрезок АВ на рис.1.13 - это размер общества, диапазон социального договора, а точка В - тревожное напоминание о том, что даже в идеальном обществе идеальных людей не все гладко. Это та "дальняя" граница культуры, после которой наступает окружающий мир. Ведь в чем принципиальное сходство между преступниками и животными? И те, и другие не способны к договору. Ядро культуры - свобода и договор как метод ее реализации. Все, что выпадает за границы договора, лишено свободы, т.е. подвержено насилию и его степень определяют люди, исходя только из своих потребностей. Так что "ОНИ" - хоть и не вполне "они", но все таки не мы.

Куда более сложная проблема в том, что люди способны объединяться. Людям это свойственно, они тяготеют к похожим. Просто так, без всякой цели - так им комфортней. Это тоже биология, но нужно ли ее преодолевать? Я не думаю. Никакое мирное, эстетически украшенное и творчески выраженное, не направленное на других объединение вовсе не гарантирует расширения личной сферы, появления "своих". Это - просто люди с которыми приятно провести время. Хуже, когда объединяются против кого-то. Вот тут уже - очевидное нарушение объективной этики. Нетрудно предположить, что аморальные гомо-животные, наверняка окажутся склонны к объединению, поскольку как аморальность, так и сбивание в стаи - биологические, доцивилизационные черты.

Как будет решаться эта проблема? Можно оптимистично надеяться, что до такого не дойдет. Во-1-х, аморальность не может быть массовым явлением. Это - психическое отклонение. Люди, даже глупые и нервные, склонны следовать шаблонам, принятым остальными. А до тех пор пока это так, носители аморальности не смогут найти родственные души и объединиться. Они будут вынуждены или следовать нормам, или оказаться изолированными от посторонних. Или, если они не понимают или не могут - получить помощь и трехразовое питание. Во-2-х, проблема исторически сложившихся аморальных групп и даже целых народов, а такие есть, как бы нас не переубеждали

поклонники культурного релятивизма, и более того, они не могли не сложиться в обществе основанном на насилии - это проблема на самом деле только масштабов перевоспитания. Оправдание "культур", практикующих насилие - такое же преступление, как и само насилие. То есть я бы нескромно предположил, что у культурных релятивистов и иных подобных поклонников разнообразия явно проблемы с собственной культурой. В-3-х, в будущем все люди будут моральны. Лишний миллион лет для эволюции - ничто. Те современные коллективы, как культурные, так и территориальные, где практикуется аморальность, обязательно исчезнут. В этом меня убеждают и наши замечательные рисунки, и прилагаемый к ним текст.

Таков тернистый путь разума к свободе и иллюстрированная история человечества в 7 частях, нарисованная нашим воображением. Излагая историю, ее обычно разбивают на этапы, в которых проступает определенная упорядоченность и закономерность. И хотя мы не историки, в нашей истории тоже проступает нечто подобное - закономерный процесс появления объективной этики, к сияющей вершине которой неотвратимо течет вся описанная выше "эволюция". Этот бурный поток виден прямо из наших рисунков, хотя, допуская, с трудом. Эволюция морали - не фикция, а практически научный факт!

Значит ли это, что мы открыли Великий Закон Развития Общества? А как же! И мы теперь можем предсказывать будущее? Можем! Но, увы, не более конкретно, чем мы это уже сделали. Дело не в том, что наша история содержит мало рисунков и совсем не содержит дат, раскопок и цитат. Дело в том, что свобода непредсказуема. А значит закон - это не совсем закон. Это такой же парадокс, как и все, связанное со свободой. Он как бы есть, и одновременно - его как бы нет.

Но ведь наши рисунки явно что-то отражают! Закон? Процесс?! Закон, и правда, отражен - "Закон неуклонного движения общества к свободе под руководством этики". Наше воображение, и правда, убедительно показало, что это не этика подстраивалась под социально-экономические условия разных эпох, отвечая на их потребности и прочие желания, а сами эти эпохи были следствием изменений в этике. С момента первых ростков свободы, этика потихонечку заменяла поставленные детерминизмом цели - будь то нажива, слава, доблесть или вера, на нечто другое - нормы, право, равенство, свободу личности. На фоне выживания сильнейшего, она обнаружила нечто гораздо более интересное. Но все, что она обнаружила было лишь творчеством разума, своего рода плодом воображения. Вот почему мы можем говорить о законе - стоило разуму только зародиться, как свобода стала неотвратимой. И не можем - она непредсказуема, как всякое воображение! С тех пор так и пошло. Люди хотят свободы и идут к ней плутая и спотыкаясь. Никаких других объективных политических, экономических или социобиологических закономерностей в истории мы не обнаружили. Вероятно потому, что их там нет и быть не может.

Вы можете возразить, друзья, а как же неуклонное расширение коллектива? Разве оно не объективно и закономерно? Конечно. Но этика появилась не от расширения. Напротив, само расширение стало возможно благодаря этике. Расширение лишь проявило ее, позволило нам угледеть ее направляющую и движущую силу. Конечно, множество больших, и даже огромных, коллективов было создано силой, из единого центра. Однако никакое насилие без этики не

может долго держать вместе огромный коллектив.

Но как же прогресс? И культурный, и экономический, и прочий научно-технический? Неужели это все этика? И да, и нет. Сама по себе этика не дает выигрыша и не приносит пользы. Она дает свободу, а уже свобода дает плоды. Но не актуальные, а потенциальные. Свобода - это возможность прогресса, а как этой возможностью пользуются те или иные народы и эпохи - дело чистого случая. Этика полезна, но не конкретному человеку и даже не конкретному коллективу прямо сейчас, а всем и в очень отдаленной перспективе. Кстати, если почитать действительно исторические книжки, можно с горечью убедиться, что зло обычно побеждает добро. Вы не задавались вопросом, почему? Вот именно поэтому! Зло опирается на силу, добро питается духом. Зло закономерно, добро случайно. Зло естественно, добро выдуманно. Оттого любые нарисованные в прошлом законы общества - следы детерминизма и никуда вести не могут. Впереди только свобода, не подвластная никаким законам.

Впрочем у нас, друзья мои, впереди еще и книга. Поэтому давайте оставим современников, погрузимся снова в воображение и поплывем в нем по указанному эволюцией направлению.

*Ваш
УЗ*

PS. Оставляя обитателей планеты и их красочную историю, хочется пожелать им поскорее стать людьми и организовать человеческое общество. Думаю, достижение этой грандиозной цели в ближайшие десять тысяч лет вполне реально. Главное - приступить немедленно.

Объективная этика

Привет друзья!

Осознав, какой героический путь прошел разум, мы должны задуматься и о том, что помогает ему в дороге. Согласитесь, пройти столь утомительный путь он наверняка не мог без компаса, не говоря о том, чтобы идти дальше. А ему еще идти и идти! Как потребность выжить, присущая всему живому, выражается во множестве инстинктов, так и у разума должны быть путеводители, помогающие ему ориентироваться в закоулках свободы и насилия, разрешать их пугающие парадоксы. Нет, друзья, я не имею в виду сокровища мудрости, сокрытые в многочисленных книгах - это скорее останки первопроходцев, большинство из которых кончили совсем не там, куда хотели попасть. Многие из нас сами имеют разум и без всяких книг прекрасно чувствуют направление, а значит наши путеводители сокрыты внутри нас.

Вас конечно интересует, что это? Что ведет разум к свободе? Какие умственные механизмы указывают ему цель? Что ж, вполне понятный интерес. Значит, пока дело не дошло до книги, есть смысл посмотреть на объективную этику поближе, с другой, внутренней стороны. Что она собой представляет, из чего она состоит, какие у нее источники и составные части.

1 Главная человеческая черта

Не подлежит сомнению, что все хорошее в нашей жизни начинается и оканчивается свободой, двигаясь к которой человек преодолевает и свои животные потребности, и окружающие материальные препятствия, и злую волю врагов. Ибо только так он становится человеком, только так проявляет свою человеческую природу непонятную животным. Первый шаг на этом пути он делает в смертельной схватке с противником. Борьба за выживание - это одновременно и борьба за свободу, и борьба за добро. Но чем ближе победа, чем свободнее становится человек, тем больше его воле приходится переключаться на борьбу со своими внутренними побуждениями. С тем, чтобы самому не стать чьим-то врагом - победить, покорить и превратиться во зло. Если героическая мораль воодушевляет и зовет на подвиг, то холодная этика требует остановиться у невидимой, но очень важной черты. Найти ту неуловимую точку, где нет победителей и побежденных, где нет насилия и войны, а есть договор и вечный мир. И мораль, и этика как бы ведут человека в одно место, но разными путями, мораль - до черты, этика - после. Мораль толкает вперед, к черте, этика - тормозит и не дает переступить, отклониться от нее. Мораль видит свободного человека в себе, этика - во всех.

Сложность задачи невероятна. Черта неуловимо тонка, а насилие непрерывно. Как бы человек не хотел остановиться и замереть - это невозможно. Нигде в природе нет покоя, он противен ей. Цепь причин и следствий непрерывна и человек со своей свободой оказывается той кочкой, куда с радостью прикладываются все силы, которые только можно сыскать. Их цель - изменить его поведение, подчинить его. В результате человек делает совсем не то что хотел. И если причина изменения поведения - насилие, то и следствие - опять не свойственное ему поведение, т.е. тоже насилие. Так насилие влечет

насилие, а человек превращается в звено причинно-следственных связей. Зло вызывает и порождает еще больше зла, оно воспроизводит себя по законам детерминизма. В принципе, детерминизм - это и есть зло, а зло - это детерминизм, потому что и то, и другое - антиподы свободы.

Независимо от того, как человек реагирует на насилие, подчиняется или сопротивляется, самое трудное - найти черту. Противостоять конечно тоже трудно - человек слаб, а зло сильно. Как легко найти оправдания, например, "я пока жить хочу", "у меня нет выбора", "я лишь делаю свое дело", "у меня семья", "мне нужна работа", "все так делают", "а что тут такого?" - оправдаться, подчиниться и распространять зло дальше. А бывает, сломленные люди еще и умножают зло, мстя за свою слабость тем, кто не сломался. Но и если человек сопротивляется и побеждает, он легко переступает черту, потому что боится и не хочет повторения. Он хочет искоренить зло, чтобы добро восторжествовало окончательно и бесповоротно. И ему кажется, что насилие над злом - лучшее средство для этого. Тогда он применяет к побежденным насилие и детерминизм опять торжествует.

Этика - единственное спасение от этого вечного бодания вокруг черты, потому что мораль работает только в одну сторону - противоположную. Но несмотря на всю бессмысленность бодания, многим до сих пор кажется, что выше беззаветного - и разумеется бездумного! - служения добру ничего быть не может. Остановится у черты им кажется мало. Надо обязательно добавить бывшего противника добром, покорить его если не силой оружия, то властью любви. Но добро, если задуматься, и есть черта, потому что любое отступление от нее - зло. Так что многим еще предстоит задуматься, а задумавшись - осознать необходимость и желательность остановки. Обнаружить, что кроме морали, есть и этика.

Но есть ли сама черта? Абсолютно. Она реальна несмотря на ее мысленное происхождение. Граница, разделяющая победу и поражение, принуждение и подчинение, своих и чужих - это все она, та же черта, точка, в которой исчезают обе альтернативы. Она и мысленна, и одновременно объективна - она есть, как есть любая иная объективная реальность, как есть "я" и есть "ты". Идея черты уже давно вошла в общественное сознание, в виде популярного выражения - "граница, отделяющая свободу одного от свободы другого". Правда, идея пока сыровата в своей обманчивой простоте. У меня в голове она рождает образ физического пространства и физического же насилия. Но физическое насилие - только самый простой способ принуждения. Мало ли как можно повлиять на человека, сформировать его мнение, изменить его поведение? Насилие - это не только злонамеренное заставление, но и доброжелательное навязывание любви. Это любое ограничение возможностей, перспектив и планов по сравнению с тем, что уже доступно кому-то еще, включая сокрытие информации о чужих возможностях, извращение идеи договора и, конечно, замалчивание нашей будущей книги! В общем, если у каждого своя свобода, черта вряд ли найдется. Несмотря на то, что возможности от рождения у всех разные, свобода требует точного баланса для всех и во всем - когда люди не усиливают природную несправедливость, не пользуются ею по максимуму, а хотя бы игнорируют ее, если это возможно. А уж тем более не создают новых несправедливостей, применяя личные возможности в ущерб другим. Ибо малейшее оставленное вне контроля преимущество рано или поздно сведет свободу к нулю, потому что будет вызывать противодействие, легко переходящее в беспрерывное насилие.

Задача выглядит неразрешимой. Что ж, никто и не обещал, что будет легко. Разумеется, средства ее решения не валяются под ногами. В прошлом письме методом рисования мы убедились в наглядности морального прогресса. Но этот внешний прогресс не мог бы состояться без параллельного внутреннего, который мы однако едва ли можем нарисовать. Развивающаяся и усложняющаяся общественная жизнь требует совершенствования моральных механизмов разума - всевозможных комплексов моральных "чувств", которые вероятно, рождаются на уровне рассудочном, а затем со временем становятся все более автоматическими, углубляются в сознание, подсознание или даже бессознание. Интересующие нас механизмы принадлежат объективной этике, потому что мораль - ни героическая, ни жертвенная - на баланс не способна. Разумеется, если внешний прогресс ведет к свободе, то внутренний - к черте, к ее пониманию и отслеживанию. Потому что черта - это и есть свобода.

Движение к ней не должно прекращаться. Как бы далеко человек не продвинулся, остановка чревата мгновенным превращением обратно в животное. Ближе черты - в овцу, дальше - в волка. У животных нет середины. Упомянутая черта - истинно человеческая черта. Вот почему нам удастся, или вернее до сих пор не удастся, проявить эту черту, выявить ее и крепко встать на нее двумя ногами.

2 Совесть

- Моральный компас

С появлением свободной воли человек потерял чувство "правильного". Или, скорее, приобрел чувство "неправильного". Животные всегда действуют правильно, не особо задумываясь об этом. Им некогда думать, у них и без того полно забот. Все их действия так или иначе направлены на конкретную пользу. Польза эта подсказывается инстинктами. Или чувствами. Чувства есть и у людей. Но разум, приобретя контроль над чувствами, одновременно приобрел головную боль - что теперь "правильно"? Руководствоваться чувствами больше нельзя - мы же не животные. Теперь разуму приходится направлять нас - но куда? Вместо чувств и инстинктов, у нас теперь есть этика, а также ее многочисленные механизмы, из которых самый известный и уважаемый - совесть. Совесть подсказывает, мучает и угрызает. Совесть - это и инстинкт, и чувство разума одновременно, это его моральная интуиция, возникшая от общения с себеподобными и с тех пор не дающая ему забыть, что "себеподобные" - такие же люди, по-настоящему счастливо ужиться с которыми можно только ценой постоянных упорных усилий. Это зеркало разума, отражаясь в котором, разум видит себя со стороны, видит как его воспринимают себеподобные. Сам разум когда-то возник как отражение себя в другом, совесть лишь упаковала источник этого отражения и поместила его внутрь, чтобы каждый раз не беспокоить посторонних - как там оно выглядит, с вашей точки зрения?

В принципе, моральный компас совести достаточно прост. Единственное правило, заложенное в нем гласит: "не делай другому хуже" или "не причиняй вреда" или "не твори зла". В общем - "не заступай за черту". Размышляя над этим правилом, люди озвучивали его в самых неожиданных вариантах - и в виде равенства всех перед Богом, и в виде Золотого правила, и в виде "категорического императива", и в виде множества

похожих принципов, объединяемых требованием мысленного оправдания своих действий перед другими. Простота правила имеет и плюсы, и минусы. Плюс в том, что оно понятно буквально каждому, как бы туп он не был. Минус - оно не позволяет сколько-нибудь практичного применения. Действительно, какой практический вывод следует из того, что нельзя делать другому хуже? Любое действие всегда затрагивает кого-то бесчисленным количеством способов. Как бы человек не стремился творить добро, он, сам того не осознавая, обязательно делает кому-то худо, и часто чем больше человек стремится к лучшему, тем хуже результат. Путеводная звезда совести, таким образом, ведет нас в тупик.

- Детектор насилия

Если способы безопасно творить добро неясны, то ясно что никто не хочет добровольно оказаться в худшем положении. Ставить в него других, стало быть, насилие. Но это как раз то, что не нравится совести! Совесть, выходит, не в ладах именно с насилием. Но избежать насилия невозможно! Его прозрачная природа ставит разум в тупик. Насилием может быть и многозначительная улыбка, и тонкий намек. Оно может быть неосознанным, непреднамеренным, косвенным, опосредованным. Принуждать можно очень изощренно - даже ничего не делая. Выбравшись из этого тупика, разуму приходится напрягать все свои способности к моральной абстракции, ибо что может быть абстрактней, чем размышления о том, как выявить все тонкости человеческого взаимодействия, как найти все его насильственные аспекты, как сделать так, чтобы всем - включая посторонних обитателей планеты, а то и других планет - не стало хуже? Но все эти рассудочные усилия - и поиск моральных истин, и размышления о природе этики, и практическая добродетельность - невозможны без совести. Востребованность ее говорит о том, что сами по себе абстрактные размышления тоже не способны руководить человеком. Жизнь сложна, а истина парадоксальна. Даже если рассудок сам по себе смог продвинуться в ее понимании, без совести с ее инстинктивным чутьем не может быть правильного. Совесть - это "чувство неправильного", она чувствует насилие. Она проникает в другого, по ту сторону черты, и чувствует ее нарушение, чувствует переход. Можно сказать, что совесть - это универсальный детектор насилия. Универсальное просто, а простота универсальна. Не умея толком направить, совесть зато умеет оценить результат. Как бы обоснованы и логичны не казались человеку его действия, совесть способна напомнить, что не только в логике дело, что логика ограничена, как и все наши остальные познавательные способности.

Может показаться, что связь между совестью и насилием притянута за уши. Действительно ли худое всегда результат насилия? Ведь бывают, например, ситуации, когда добровольно согласованные действия - без насилия в его привычном понимании - приводят к ужасным последствиям и вполне могут вызвать угрызения совести. На это можно ответить, что подобная ошибка планирования - свидетельство того, что участники навлекли на себя силы вне их контроля. Тот факт, что это сделано добровольно, не означает, что этих сил и, следовательно насилия, не было. Оно произошло, хоть и непреднамеренно, вызывалось конкретными действиями участников, да еще отягощалось их недостаточной продуманностью. Откуда и угрызения.

Или, скажем, другой случай - человек пообещал сделать кому-то лучше, но потом не смог или передумал. Совесть неспокойна, но почему? На мой взгляд, обещание блага - уже благо, так же как ожидание блага иногда большее благо, чем последующая

реальная благодать. Так что совесть тут права - отказ в благе аннулирует предыдущее благо, мечты оказываются попорчены, а вся затея оставляет чувство горечи, недоумения и даже, возможно, желание поквитаться. Человеку явно стало хуже, пусть и не сразу.

Еще сильнее угрызения совести, когда человек не смог реально помочь, не спас, не проявил геройство. Но тут насилия с его стороны точно нет. Как же так? Разгадка в том, что совесть настолько древний механизм, что коренится еще во временах тесного коллектива, где все отношения были личными, а жизнь сплошь пронизана насилием. Тогда каждый нес ответственность за всех и попытка уклониться была чистейшим насилием. А вот с посторонними совесть не очень умеет работать. Действительно, многих ли она будет мучить за то, что где-то кто-то умер от голода? А ведь наверняка каждый мог бы сделать что-то, чтобы такого не произошло. В этой тесной привязанности к личной сфере - еще одно серьезное ограничение совести как этического механизма. Проникнуть по ту сторону черты ей удастся только когда человека видишь и чувствуешь. С посторонними совесть частенько молчит.

- Молчание совести

Но бывает, и не только с посторонними. Если она умерла, если не родилась, если виновник блюдет только свои интересы, плюет на других - это не наш случай. Мы же говорим о людях. А с людьми бывает, что принуждают во благо, из той самой любви. Совесть тут скорее всего скромно молчит, зато насилие - громко торжествует. В чем же причина молчания?

Можно выделить три случая.

1) Насилие во благо насилуемого. Как хочется исправить несовершенство мира и сделать кого-то счастливым! Разве это не благородная цель? Проблема в том, что свободного человека нельзя принудить к счастью. Принуждение людей во имя их блага крайне сомнительно с точки зрения этики. Нормальному человеку это претит. Увы, нормальных в этом смысле людей немного. Большинство отлично уживается с мыслью о принуждении посторонних людей к их благу. А ведь как просто обойти тут моральные затруднения. Достаточно только познакомиться поближе с человеком и поинтересоваться - а хочет ли он такой помощи? Если человек хочет насилия, потому что ему так легче жить, требует насилия, потому что это ему нравится, просит о насилии, потому что сам не может справиться со своими недугами - да ради бога. Но о чем это говорит? О том, что принять более-менее правильное решение можно только лично зная человека, выяснив его мнение, изучив его обстоятельства и заручившись его согласием, а значит к этике публичной сферы все перечисленные отношения не имеет. Забота о слабых и зависимых - дело глубоко личное.

Но до тех пор, пока публичная этика не станет такой, какой она должна быть - полностью нейтральной - общественное насилие во благо незнакомых людей принимает формы государственной политики, убедительно оправдываемой солидными теоретическими построениями. Например, принуждение к публичному благу - от создания инфраструктуры до охраны культуры - объясняется теориями, представляющими людей рациональными эгоистами и злостными безбилетниками. Теоретики рациональности не любят уточнять, что принуждение как раз и воспитывает безбилетников. Благо насилуемых используется как оправдание и более

отвратительных форм насилия. "Реабилитация" преступников, наркоманов, алкоголиков и других психопатов, социопатов и сексопатов, неотличимая от изошренного наказания или даже издевательства, безусловно идет им на пользу. А давно ли мы не слышали, что военные действия в другой стране необходимы для освобождения ее народа, построения там демократии и внедрения прав человека, женщин и животных? К счастью, совесть в этом месте перестает молчать. Хотя, как сказать...

2) Принуждение бывает во имя блага третьих лиц, которых необходимо брать под защиту без их согласия. Например, веским основанием запрета наркотиков является соображение, что их потребление увеличивает преступность от которой страдают и сами зависимые, и посторонние. Конечно упоминание того факта, что преступность увеличивает сам запрет, противоречит логике насилия. Другой пример - защита нерожденного, а то и рожденного ребенка от его родителей. Как и в случае 1), тут на сцену выступает некое высшее благо в виде морального абсолюта - демократии, безопасности или прав невинных посторонних.

3) Но самым универсальным является насилие ради блага насильника. Из любви к себе, родному. Конечно прямо в этом признаваться нельзя, тут совесть скорее всего не будет молчать. Дабы ее заглушить, насилие опять творится во имя "высшего блага". Что это такое? Разумеется, всякое подобное "высшее благо" - откровенное фуфло, отпочковавшееся от древних моральных инстинктов "мы-они", опирающихся на пользу и вред перекрашенные в добро и зло. Добро - это, конечно, мы и все как у нас, а зло - это чужие, где все через одно место. Когда чужие выкрашены в черный цвет, остальное - дело техники. Искоренение зла требует насилия, которое охотно оправдывается совестью. Насилие над посторонними выглядит очень правильно, если осуществляется во имя идеалов, добра и морали. Конечно такая дикость, как физическое истребление, в наше просвещенное время не проходит. Совесть берет потихоньку свое. Ныне предпочтение отдается перевоспитанию и контролю.

Но при чем тут "мы-они"? Может и правда, дело в высшем благое? Что касается высших благ, идеалов и добра, то мы до них еще доберемся. Что касается "мы-они", то тут все просто. Мораль объединяет людей. Люди предпочитают жить со "своими", так им безопаснее и комфортнее, больше уровень понимания и доверия, не говоря о повышенной самооценке, психологическом комфорте и чувстве глубокого удовлетворения. И это - вполне ощутимое, хоть и не материальное, личное благо. Свободные люди создают подобные коллективы добровольно. Они ищут единомышленников и общаются с ними. Моралисты предпочитают переделывать других, не сдвигаясь с места. Принуждение к культурным нормам, оправдываемое хранением традиций, заботой о нравственной чистоте, а и то бесхитростным откровением сверху - это, разумеется, не воспитание, культивация или улучшение морали. Контроль над людьми, навязывание им дурацких стереотипов и предрассудков, не имеет к улучшению морали никакого отношения.

Хотя дилемма "мы-они", как и личный интерес, тут довольно очевидны, моралисты предпочитают верить в свои благодеяния и эта вера позволяет бесконтрольно расти личному интересу, охватывая уже и материальные блага. Так, чиновник, жаждущий власти и привилегий, полагает, что его забота о народе - тому на благо. Инвестор, беззастенчиво эксплуатируя, думает, что его инвестиции - благо для нищих из далекой

страны. Поп, промывающий мозги и собирающий пожертвования, верит, что спасает души. Сержант, продвигаясь по службе и ломая призывников, считает, что воспитывает из них солдат и защитников родины. Страж порядка, делающий карьеру на ловле проституток, воображает, что очищает общество от скверны.

Как мы видим, совесть не только ведет себя скромно в публичной сфере, но и часто подавляется рассудком. Поломку этого морального механизма можно объяснить тремя причинами. Во-1-х, безличным характером общественного насилия - посторонние люди редко вызывают какие-то эмоции. Совесть необходимо не просто знать о другом вообще, но и вполне конкретно осознавать его положение. Это в большей степени личный механизм. Во-2-х, массовые коллективные убеждения, общественное мнение и идеологическое давление способны заглушать голос индивидуальной совести. Под покровом таких убеждений скрывается наследие мрачных времен - коллективный альтруизм, ныне использующий отъявленную ложь для оправдания своего бессмысленного существования. Совесть оказывается бессильна против своего прародителя, многократно усиленного массой. "Чужие" (или те, кто стал таким под давлением коллективных убеждений) = "плохие" и к ним совесть равнодушна. В-3-х, абстрактные моральные идеи у многих людей оказываются более сильным механизмом, чем моральная интуиция. Возможно, есть люди с недостатком совести, которые компенсируют его своей, тоже впрочем избыточной, рассудительностью. В поиске правильности они чрезмерно полагаются на чистый разум и авторитетные идеи. Что приводит нас к моральным абсолютам.

3 Моральные абсолюты

Абстрактные размышления приобретают особое значение в публичной сфере, где личное уступает место универсальному и всеобщему. Увы, размышления о добре и зле порождают истины, которые хоть и призваны играть роль дополняющих совесть моральных ориентиров, но на самом деле не всегда оказываются не только ориентирами, но даже приемлемо моральными. Однако каждый теоретик, включая релятивистов, считает свою мораль самой объективной, что и логично - не может же он считать себя каким-то там релятивистом и вообще нехорошим человеком. Оперевшись на моральную интуицию и логические размышления, он изрекает простые и понятные максимы, которые проникают в простые души и становятся моральными абсолютными.

В чем причины неудач? Самая банальная - недостаточная емкость мозга, пытающегося в лоб разрешить парадоксы свободы. Вторая - моральный конфуз. Источник душевного порыва, ведущего к внезапному просветлению и далее к абсолюту - обычно не разум озабоченный свободой, а восстание чувств против мерзостей жизни. Стыд за сородичей, вина за все мировое зло, болезненно развитая эмпатия, обостренная совесть... Или представления о добре, взятые не из жизни, а из воспаленного воображения. Ну как иначе (кроме, конечно, преднамеренной диверсии) объяснить непротивление злу, всеобщую любовь и правую щеку в дополнение к левой? Здесь важен факт самоотречения, он морален сам по себе, как морален альтруизм, жертва. Такова природа морали. Преодолевая себя, идеалист настолько проникается ее духом, что приобретает святость в собственных глазах и право сначала ожидать, а потом требовать того же от других. А потом и принуждать. Но иначе и быть не может! Жертвенный абсолют - это всегда самоотречение, это всегда отказ от какой-то части свободы,

которая еще неизвестна и которая обязательно придет и подвергнет абсолют пересмотру. А свойство самоотречения - невозможность не ожидать такого же самоотречения от других. Иначе в чем его смысл?

Третья причина - творческий, научный или иной личный интерес, который будучи личным имеет мало общего с моральной истиной. Абсолюты сулят весомые плоды - разве не соблазнительно управлять людьми одними словами, без видимого насилия? Люди любят поводырей. Кому охота блуждать впотьмах, искать сермяжную правду, грузить голову парадоксами? Свобода, в принципе, тяжелая штука. Но интерес требует холодного рассудка - и тогда появляются и фальшивые абсолюты, и подогнанные под практические нужды. Им находят разные обоснования - от волшебных до очевидных. Однако, чем проще и вдохновительней абсолюты - тем они дальше от реальности, а чем ближе к реальности - тем непонятней и скучнее. Что может быть проще, например, всеобщего равенства? Научнее классовой борьбы за средства производства? Логичнее социал-дарвинизма? Благоднее социальной справедливости? Возвышенней демократии и прав человека? Эффективней свободного рынка? Друзья, я слышу ваше удивление - какое отношение к абсолютам имеют эти идеологии? Дело в том, что любые попытки "объяснить" общество, найти его внутренние законы - это на самом деле создание моральных абсолютов, это описание подразумевающее предписание, и этот факт мы с вами чуть было не обнаружили в прошлом письме.

Моральный абсолюты (т.е. нравственный закон, высший принцип, заповедь) - это идеал поведения, правило, требующее безусловного применения в жизни. Всякий абсолюты соединяет несоединимое - универсальность и конкретность, отчего он обречен оставаться лишь лозунгом. Например, "стать свободным". Красиво? Увы, конкретные нормы не прилагаются. Не менее красивы "быть хорошим", "делать добрые дела", "стремиться к совершенству". Я, друзья, тоже отдал дань абсолютам - мне нравился, да и сейчас нравится, "отказ от насилия". К сожалению, его смысл требует целой книги!

Уточним на полях, а что такое, вообще говоря, правило, норма? Это способ поведения и/или деятельности, который, в отличие от полезного обычая или нелепой традиции, несет в себе моральное, освободительное начало. И хотя это начало бывает трудно вычленишь, оно тем заметнее, чем норма осмысленней. Целиком осмысленная норма - это описание действия, выраженное максимально явно, конкретно и даже желательно формально. Почему? Смысл, цель и содержание действия может быть самым разным, но его форма должна быть зафиксирована, поскольку это единственный способ его повторить.

Абсолюты искушают. Они придают смысл и зовут в будущее, указывая легкий, но неверный выход из мира насилия. Они - большое подспорье для занятых другими делами масс, потому что теперь каждый может, если захочет, следовать им не задумываясь. И поэтому идеалы-творчество неостановимо. Идеалы можно придумать сколько угодно, ведь истины никто не знает, а в морали даже обычная логика заводит в тупик. Посмотрим на некоторые абсолюты и вообразим, что на них возразил бы вменяемый человек, искренне желающий быть этичным.

- Бытовой трюизм: "Любимым надо помогать".

Многие из вас, друзья мои, имеют жен. Надо ли помогать постороннему мужчине, страстно ее захотевшему?

- Активно-золотое правило: "Поступай с другим так, как хочешь чтобы поступали с тобой".

Люди разные. Кто-то мечтает о сильной руке, а кто-то - о покорном слуге. Кому-то не хватает удовольствий, а кто-то от них смертельно устал. Кто-то пресыщен счастьем, а кто-то читал о нем в книгах. Как можно судить других по себе?

- Пассивно-золотое правило: "Не поступай с другим так, как не хочешь чтобы поступали с тобой".

На первый взгляд - это то же самое. Однако пассивность куда лучше в моральном смысле. Потому что в итоге, когда осознаешь весь вред субъективности, оно сведется к совершенно иному правилу: "Не трогай другого вообще никак" или "Оставь другого в покое". Что уже противоречит самому правилу, да и мало кто хочет оказаться в условиях полного одиночества.

- Абсолютная справедливость: "Относись к другому так, как он относится к тебе" или "Отплачивай за все сполна".

При таком отношении кроме подозрительности, мстительности и бесконечной вражды, ничего не получится. Ибо где узнать, "как" он относится? Как считать меру оплаты?

- Утилитаризм: "Стремись принести максимальную пользу максимальному числу людей".

Вот полезный абсолют! Как, однако, узнать что полезно разным людям? Как совместить их пользу, если выяснится - а оно выяснится! - что их цели противоположны?

- Категорический императив: "Поступай так, чтоб твой пример мог служить законом для всех".

Кто будет решать, годятся ли действия в качестве универсального закона для всех? Сам деятель? У некоторых деятелей в голове такие фантазии, что туда даже страшно заглядывать. Все вместе? Да с такими фантазиями никакой консенсус невозможен!

Несколько более разумны идеалы, озабоченные свободой. Впрочем, это не делает их менее ложными. Глубину доктрин священной частной собственности, естественных прав и самовладения мы уже оценили. Что можно сказать о свободе контракта? То, что она никак не учитывает информационное насилие, влияние на третьих лиц, экономическое неравновесие сторон. Отношение к любому человеку как к цели, а не средству? Если относишься к себе как к цели, другой автоматически становится средством и наоборот. Принцип неагрессии? Касается только физического насилия и условно - насилия против все той же священной собственности, первоначальное приобретение части которой было (сюрприз!) целенаправленно агрессивным, а остальное получено при помощи государственного насилия. Причем сам принцип неприменим к этому, самому важному насилию, поскольку приложение понятия "инициации" к насилию власти бессмысленно - власть была всегда. Ну и, наконец, сам идеал "свободы" - вообще универсальное оправдание самой гнусной подлости, ибо

никто не знает как сочетать свою свободу со свободой всех остальных. Что касается правильных по виду фраз "совместимость свободы одного со свободой другого", "равная свобода каждого" и т.п., то все они останутся пустыми фразами до тех пор, пока некто не сформулирует, что значит "свобода", что значит "равная" и что значит "каждого".

Жизнь в обществе, не знакомом с объективной этикой, не обходится без моральных идеалов. Должно же быть что-то во истину хорошее? Помимо избытка или недостатка мыслей, они выражают и личные этические предпочтения, можно сказать, составляют культурную основу средней несвободной личности, сформированной всеобщим моральным насилием. Найти путь к объективной этике среди идеалов нелегко, особенно когда свои кажутся такими правильными, а прочие - смехотворными или варварскими. Но это только кажется! Абсолют требует принятия абсолютно всеми - иначе он так и останется чьим-то мнением. Но навязывание своего понимания морали - моральное насилие и первый знак его ошибочности. Абсолют, нравственный закон и прочая деонтология - не моральный механизм, а его подмена. Объективная этика не может и не должна быть навязана или наложена. Она отвергает любые абсолюты.

4 Договор

- Неизбежность договора

Не парадокс ли тут? Объективность этики означает универсальное и вечное понимание хорошего и плохого. Но ведь это и есть абсолют! И если его отвергнуть, что останется? Только свободный выбор каждого, без морального принуждения. Это - единственно возможная этика свободы, этика собственного выбора. Но это и возможность любого выбора, хоть хорошего, хоть плохого. Это свобода иметь свою собственную мораль. Или не иметь. Поэтому если есть свобода - нет морали? С другой стороны мораль требует выбора добра. Поэтому если есть мораль - нет свободы?

Одинокий разум безнадежно путается в поисках объективности. Вся история абсолютов, порожденных разумом при подсказке или молчании совести, показывает тщету его усилий. Действительно, как совместить свободу и самопринуждение? Субъективность агента и объективность результата? Вечность абсолюта и неизбежность нового? Универсальность этики и уникальность личности? Мы опять в тупике. Ни интуиция, ни рассудок не дают нам возможности найти выход.

Только этика, объективная до степени объективной реальности, позволяет разрешить этот парадокс. Этика, которую нельзя не выбрать. Какая это? Такая, которую человек выбирает сам, но одновременно согласованно с другими, причем выбирает не раз и навсегда, а постоянно, пока это требуется. Объективность ее в том, что она вытекает из объективной, хотя и не наблюдаемой напрямую реальности - единственно возможной черты в отношениях людей, которая гарантирует им общую свободу друг от друга и которую можно найти только совместно. Иными словами, моральная истина - вовсе не индивидуальное дело: договора - и обсуждения, и согласия - нельзя избежать. Но при этом следовать ему придется самому, без всякого принуждения. Участие в договоре - одновременно свободный выбор и выбор самой свободы, потому что единственная доступная человеку свобода - следовать такой этике, хоть хорошей, хоть плохой, чтобы оставаться свободным в обществе таких же свободных людей. Чтобы иметь постоянную

возможность выбора. "Детерминизм" 3-го типа, человеческий.

Любая другая мораль - лишь форма насилия. Будучи связан договором, человек подчиняется не силе, а своей собственной личности, своему свободному "я", которое только так и может проявиться - в договоре с другими, в коллективе и обществе. Если подчиняться наложенному кем-то правилу, поклоняться внушенному кем-то абсолюту - это внешнее насилие, если следовать собственному внутреннему желанию, побуждению или стремлению - это выражение психических, биологических, физических и химических процессов. Иными словами, вне договора остается только "настоящий" детерминизм - или внешний, или внутренний.

Но зачем надо участвовать в договоре? Зачем вообще мораль? Вопрос усугубляется тем, что этика договора - вещь нетривиальная. Договор - не только собственный, но и чужой выбор. Придется следовать чужим правилам? Любая мораль - принуждение к себе, но следовать соглашению с другими - отказаться от части свободы своей воли. Следовать этике договора оказывается сложнее, чем следовать своему или "божественному" идеалу, потому что другие стороны договора - простые люди, такие же. Приходится и себя признать таким же, лишиться какой-то части субъектности и автономии - способности определять свое поведение и свою мораль. Собственный моральный идеал создает иллюзию свободы - сам выбрал, сам следую. Договор - на грани внешнего принуждения, это почти насилие общества.

- Детерминизм свободы

Чтобы устранить ненужные сомнения, рассмотрим этот своеобразный, 3-го типа, детерминизм. Свобода воли индивида означает невозможность существования закона, определяющего его поведение - нет ничего, кроме его собственного выбора. Но верно ли это, когда таких индивидов двое? Что можно сказать о следующих двух утверждениях:

- 1) Человек обладает свободой воли, опровергающей любые законы поведения.
- 2) Человек не обладает свободой навязывать свою волю другим людям.

Первое описывает индивида, вырванного из общества, второе - возвращенного на место. На первый взгляд оно явно неверно - все вокруг только и делают, что навязывают свою волю. Но на самом деле верны оба эти утверждения. Просто они не имеют ничего общего с таблицей умножения или законами механики. Это - принципы организации общества свободных существ и их истинность сродни не законам детерминизма, а парадоксам свободы. В конце концов даже первое утверждение вызывает сомнения - нам всегда кажется, что мы знаем причину наших действий. Лишь оглядываясь назад мы можем с горечью обнаружить, что наши действия были совершенно бессмысленны. Аналогично, верность второго принципа заключается в том, что как бы одни люди не навязывали свою волю другим, это в конечном итоге всегда оказывается неудачным. Даже кратковременное физическое насилие не обладает способностью полностью подавлять волю. В более долгосрочной перспективе мы видим человеческую историю, неумолимо подтверждающую его правоту. Незыблемость принципов можно сравнить с неотвратимостью объективной реальности - можно сколько угодно отрицать ее существование, но рано или поздно она напомнит о себе.

Но что за свобода без воли, спросите вы? Увы, да. Получается, что в случае хотя бы двух индивидов, появляются факты реальности, которые предзадают поведение. Если воля была у одного, у двоих ее уже нет. Свобода исчезает. Но была ли она на самом деле? Многие считают, что свобода воли обладает высшим приоритетом, что она лежит в основе общественной свободы, и любые ее ограничения - произвол и безобразие. Но на самом деле все прямо наоборот. Первично общество. Вне общества свободная воля сталкивается с такой реальностью, что от нее не остается и следа. Индивид - социальное существо. Только внутри общества он приобретает волю, которая теперь его мучает - она сама по себе не может появиться в условиях детерминизма. Ограничение своей воли одним - источник свободы другого и, соответственно, его собственной. И никакой иной свободы нет и быть не может - наш первый принцип на самом деле по порядку второй. Более того, он из него вытекает. Так факты объективной реальности порождают необходимость, а должное следует из сущего. Детерминизм свободы.

Уточним, о каких фактах идет речь. Первый - существование свободы, в чьей реальности каждый может убедиться на примере собственной способности шевелить мозгами и руками. Второй - свобода одна на всех и одновременно - у каждого своя, это ж свобода, не что-нибудь как. Факт третий - чтобы свобода могла существовать, каждый должен ее ограничивать. Следовательно, свобода содержит в себе свою собственную необходимость и свое собственное отрицание - мы выбираем ее потому что не можем иначе, а выбирая, мы "создаем" и себя тоже! Ведь мы существуем как личности только благодаря свободе. Так свобода порождает себя одновременно с моральным, хотя на первый взгляд не так уж и страшным долгом - требованием безусловного участия в общем договоре. Парадокс детерминированности свободы можно выразить по другому: долженствование и бытие - это одно и то же. Не только должное следует из сущего, но и сущее - из должного. Само существование свободного агента возможно только вследствие осознанной им необходимости его существования. А, разумеется, осознание необходимости существования, как и прочее познание фактов реальности, как и всякая иная деятельность, включая философские суждения о "независимости" фактов и мотивов - все это не прихоть, а долженствование прямо вытекающее из возможности существования свободного агента, само условие такого существования.

Кажущаяся несочетаемость принципов разум не смущает. Оба они - его порождение и одновременно - определение. Они показывают, что не только разум и свободная воля - синонимы, но также разум и общественная свобода. Каким образом? Виновата способность разума к познанию. Первый принцип проверяется тем, что познав "закон" своего поведения, разум нарушает его умышленно. Второй - познав его суть, разум подчиняется добровольно, он сам ограничивает свою волю. Первый принцип описывает преодоление разумом природы, второй - самого себя. В результате никакого парадокса нет, зато есть свобода. А способность к размышлению является ее необходимым условием.

- Роль договора

Это и есть этика, реализуемая договором, потому что оба принципа могут работать только в договоре. Роль его двойка. Во-1-х, согласовать самоограничение всех. Остаться свободным, ограничивая себя, можно только при условии, что все остальные поступают точно так же. Способность договора охватить и уравнять абсолютно всех - следствие

удивительного свойства разговора. Слово синоним разума, оно заменяет действие и эта замена - необходимое условие свободы. Без обсуждения и согласования неустойчивая точка баланса взаимного давления была бы эквивалентна динамическому равновесию реально действующих сил. Как это следует, например, из правила - "делай ему как он тебе". Разумеется, никакой свободы такое деятельное "равновесие" не обеспечивает. Что толку, если два барана уперлись лбами и не могут сдвинуться с места? Сущность баланса и смысл черты - ее нельзя переступить, но ее можно искать и поддерживать мирным договором, иначе черта превратится в линию фронта.

Во-2-х, найти практические правила поведения, нормы, приемлемые для всех. Самоограничение без договора никогда не будет работать, оно потребует выдумывания абсолютов. Но абсолюты - лишь неудачный договор, несостоявшийся разговор, попытка морального принуждения. Даже убедительная книга с изложением нового привлекательного абсолюта - не что иное, как пассивная форма такого насилия. Свобода не получится из "осознания" необходимости абсолюта и согласия с его требованиями. Так получится только отказ от свободы. Мало ли какая у кого возникнет необходимость и какая кому приглянется мораль.

Тут возникает сомнение. Почему нельзя пойти дальше, научно разработать модель свободного общества и обойтись без хлопотного и не очень практичного договора? Или нельзя положиться на чье-то озарение, откровение и высший закон, открытый таинственным внутренним взором сумрачного гения? Во-1-х, один субъект никогда не найдет ничего объективного. Более того, человек сам по себе, полностью автономно, в принципе не может познать реальность. Любое познание начинается с другого - пока он не увидит такого же, он будет думать, что окружающий мир ему снится. Договор - единственное средство познания реальности. Во-2-х, никакая фиксированная схема, алгоритм, модель или формула не может проложить нам дорогу к свободе, потому что свобода непредсказуема и ей противен всякий детерминизм. Человек, слава богу, не автомат. В-3-х, результаты всякого научного поиска, даже коллективного, если их собираются навязывать обществу, требуют согласия всех, кого они затрагивают.

Но разве результат договора - не абсолют, ограничивающий поведение? В принципе - да, нормы найденные договором выглядят как абсолюты - их нельзя нарушать, им даже надо поклоняться. Но, во-1-х, результат договора - согласие, а не навязанная или навязчивая идея. Каждый принимает участие, вносит лепту и соглашается с результатом. Во-2-х, нормы всегда можно пересмотреть. Факт согласия не означает конец света. Жизнь течет и единственная правильная мораль - та, которая идет в ногу со временем. И без постоянного договора тут не обойтись. Общество - это договор!

Но раз договор неизбежен, значит он принудителен? Да, потому что вне договора есть только принуждение. Нет, потому что принуждение к участию в договоре не гарантирует его результата. Согласие может быть только следствием свободной и доброй воли.

- Кто договаривается

Причем воли всех сразу. Человек не может быть ни свободным, ни моральным в одиночку - это и бессмысленно, и невозможно. Равно, он не может быть таковым в составе группы, противостоящей другим аналогичным группам - это тем более

бессмысленно. А можно предположить ситуацию, когда люди настолько свободны друг от друга, что даже не знают о взаимном существовании? И индивидуально, и как члены племен, например обитающих в далеких тропических лесах? Предположить конечно можно, но нельзя утверждать, что эти люди свободны. Парадокс в том, что свобода требует отсутствия всякого взаимного влияния и одновременно - полного взаимного познания. Одно невозможно без другого! В самом деле, можем ли мы считать себя свободными, если за нами наблюдают разумные существа с другой планеты? Мы должны быть абсолютно уверены в том, что никто не пользуется нашим невежеством, а значит договор о свободе должен охватывать абсолютно все разумные существа - даже те, о чьем существовании мы не подозреваем. Все мы - члены одного дружного общества, даже если это общество не имеет границ.

Договор - в некотором роде квинтэссенция и логическое завершение идеи общей воли, когда-то популярной у социальных философов. Договор символизирует единство помыслов, союз душ, общее понимание смысла существования и сути общества. Путем договора люди слагают усилия, чтобы достичь общей цели, пусть эта цель и выглядит максимально прозаично - всего лишь договориться. Но за этой трудно достижимой целью скрывается товарищество, солидарность и все то хорошее, что скрепляет общество, то, на что упирают в своем видении идеального общества анархисты, социалисты и коммунисты - люди не только конфликтуют и соперничают, им также свойственны сплоченность и сотрудничество. Но в отличие от социальных утопий, в которых ради пущей пользы, общего блага или высшей цели авторы согласны обобществить не только средства производства, но и жен, договор реализует свойственное людям чувство единства в целях поиска максимальной свободы каждого - и выявлением всех граней насилия, и разграничением прав собственности, и возможностями справедливой оценки каждого. Общая воля, а с ней и общий консенсус, не может быть ничем иным, кроме как признанием личной свободы. По существу, больше договариваться не о чем. Вернее, пытаться-то можно, но договориться - вряд ли.

Одновременно договор - квинтэссенция собственной воли. Согласие - это добровольно принятое обязательство. Другого, собственно, свободный человек и не признает. А его выполнение требует личных моральных усилий. В отношениях между посторонними людьми нет никакого иного мотива, который имел бы более высокую моральную значимость, чем верность, в частности верность собственному слову. Никакая нравственность невозможна без верности, будь то принципам, долгу или договору. Любые другие субъективные моральные мотивы - любовь к ближнему, правдивость, вежливость, скромность, законопослушание и т.п. могут быть достаточно легко нарушены при наличии более сильного противоположного морального мотива - например, необходимости добра, жертвы ради "высшего блага". И при этом человек даже не будет особо мучиться. Но ничто не может оправдать предательства и измены, наиболее наглядно выражающимися в нарушении слова. Клятвопреступление так и осталось самыми подлым деянием со времен дикого альтруизма. Оно неискупаемо. Верность и есть, в некотором смысле, "высшее благо". Так что договор не лишает человека автономии. Правда теперь она не значит, что человек сам, независимо от всех решает, что хорошо и что плохо. Такая автономия чревата субъективизмом и релятивизмом. Автономия лишь значит, что он сам отвечает за свое решение, что он сам выбирает следование договору. Совесть и рассудок ведут его не к автономной морали, презирающей мнения других, а к диалогу с ними.

Так кто же в итоге договаривается? Любое этическое существо, то что способно отвечать не только за себя, но и за всех, нести в себе заботу сразу о всем обществе. Можно сказать, что субъект договора - абстрактный индивид, символизирующий общество, его нравственное начало. Ну а черта между ними символизирует общую для всех свободу.

5 Этика договора

- Роль этики

Эти простые соображения интуитивно понятны каждому, несмотря на то, что они пока не являются банальной истиной, преподаваемой первоклашкам. Причина, хочется думать, не в слабости разума, а в постоянном моральном насилии, не позволяющем ему твердо определиться с договором, как единственным способом достижения черты и свободы. Только насилием можно объяснить удивительное положение, когда наличие моральных механизмов, фактически реализующих договор, сопровождается упорным нежеланием открыто признать это. Я надеюсь, друзья, из дальнейшего изложения будет видно, что практически все моральные механизмы, за редким исключением вроде совести, имеют коллективную природу - они просто не существуют сами по себе. Не потому ли они пока так слабы?

Рассмотрим роль объективной этики в договоре. То, что без этики он точно не состоится, видно из важности моральной автономии его участников. Да, этика и реализуется договором, и реализует договор. Можно сказать, договор - это способ ее бытия. Так в чем ее роль? Во-1-х, она гарантирует, что договор будет соблюдаться. Это очевидная ее забота. Во-2-х, что диалог даст хоть что-то, что можно соблюдать - результат договора. Тут сложнее. Этика не гарантирует скорого или даже правильного результата, если не считать результатом сам процесс. Что она гарантирует? Возможность. Это та объективная основа согласия, та общность оснований, без которой приступать к переговорам не имеет смысла. Она гарантирует, что договор не превратится в бесконечные препирательства, торговлю заслугами, склонностями и представлениями об общественном благе, или отстаиванием бессмысленных моральных идеалов. Объективная этика задает общую цель. Она, словно сияющая рука, ведет участников договора к черте, материализующей совместную свободу.

Но откуда мы знаем, что черта вообще достижима? А мы и не знаем. Мы лишь знаем, что к ней можно приближаться. И убеждаемся мы в этом опытным путем, так сказать эмпирически. У нас нет иного выхода. Этика, договор и свобода - практика, а не теория. Но как этика ищет границу между людьми? Какие моральные механизмы, или теперь уже инструменты, она использует? В этом весь вопрос. Кое-что у нас, безусловно, есть. Мы уже кое-что понимаем. Но поскольку пока нет явного договора, многих инструментов, вероятно, еще не появилось. Многие еще ставит в тупик. Особенно - этическая реальность. Моральное познание не похоже на познание научное. Как познать свободу? Чем мерить независимость? Как сравнить свободу каждого? Научного критерия равенства, очевидно, не существует. Для этики достаточно общего определения человека, как свободного существа. Определение - это обобщение, т.е. уже сравнение, и людей объединяет именно это, люди равны в своей свободе. И в то же время, для этики каждый человек уникален, люди не равны ни в чем ином. Любое сравнение людей обречено. Равенство нельзя примитивировать ни экономическим, ни

геометрическим уравнением. Равенство не работает даже как формальный принцип договора, потому что оно позволило бы заменить всех одним субъектом - ведь все равны! - и дальше начать моделировать идеальные договора и придумывать их результаты. Объективность не имеет с этим ничего общего. Люди одновременно и равны, и неравны, но в чем и как - мы не знаем, потому что в сравнении людей свобода - одновременно все и ничто. Парадоксальность свободы делает бесполезной чистую рассудочность - не менее бесполезной, чем чистую чувственность. В познании этической реальности мы можем полагаться только на этику. И она гарантирует познаваемость.

А как насчет "равноправия"? Нормы договора, очевидно, равны для всех? Опять нет! Ибо люди чинящие насилие должны терпеть соответствующее наказание, а значит - ограничение их свободы и прав. Фокус в том, что невольное насилие повсеместно и неистребимо пока идет договор, а он идет всегда! И поскольку наказание гибко, права оказываются такими же гибкими. Поэтому все эти термины, включая "равная свобода" и "равенство" в применении к людям, лучше бы заменить чем-то иным - например "одинаковая", "такая же". А лучше вообще придумать что-то новое - жаль я полный болван в плане идей! Ибо слишком уж все эти термины избиты и заезжены. Примитивная формальность не облегчает, а усугубляет проблему свободы.

- Две части этики

Попробуем теперь поразмышлять. В целях удобства разобьем этику соответственно ее ролям на две части - способность договориться с другим и способность следовать соглашению. На первый, поверхностный взгляд, они явно разные, даже происхождением. Вторая часть, самоконтроль и верность слову, скорее всего врожденна, в ней важен мотив - договор должен соблюдаться независимо ни от чего. Первая, поиск взаимоприемлемых условий, приобретена, в ней важен результат - он должен быть максимально объективным. Можно также предположить, что врожденная этика - это чувственные, интуитивные механизмы разума, а приобретенная - мыслительные, рассудочные. Почему? Потому что поиск согласия - целенаправленные действия, требующие больше размышлений, чем чувств. Необходимо понять чужие аргументы и обоснованно выразить свои. Умение встать на чужую точку зрения, вникнуть в обстоятельства и найти компромисс также требует серьезного мысленного напряжения, явно идущего наперекор природе. Зато потребность в следовании правилам, самодисциплина, самоконтроль - противны любым размышлениям. О чем тут собственно, размышлять? Более того, размышления вредны, потому что всегда есть неизвестные обстоятельства, ставящие под сомнение необходимость верности.

Априорность вызывает больше всего возражений. Действительно, откуда в биологии этика? Но она необходима, потому что обеспечивает невозможность оправдать предательство доводами рассудка. Она проистекает из коллективистской психологии стадного животного, отпечатанной в мозгу. Поскольку разум социален по истокам и сущности, думая только о себе человек на самом деле идет против разума. Рациональность эгоистического интереса - это кастрированный и обрезанный разум. Какая-то дорассудочная врожденность обязательно должна быть! Разумеется, это не какие-то готовые этические принципы, только и ищущие повода показать всем свою красоту. Заложена только потенция, возможность стать разумным и свободным. Как способности к языкам, в человеке есть способности к порядочности и верности. Но они

требуют и тепличных условий для прорастания, и целенаправленных усилий/времени. Даже разум в человеке может не вырасти, что там говорить об этике. Дети, оказавшиеся вне общества - самый красноречивый пример. Но и те, кому повезло иметь родителей, теряют способность к языкам очень быстро. Еще быстрее люди теряют способность быть этичными. Как языку можно выучиться только общаясь, так и для этики нужна этичная среда. Я не случайно опять провожу аналогию между этикой и языком. Несмотря на ее кажущуюся искусственность, этика и язык прочно связаны между собой: этика - необходимое основание языка. Общаться просто не получится, если в словах заключается ложный смысл, если обещаний не соблюдают. Дети от рождения честны, это тоже априорность этики, человеческого начала. Лишь позже они научаются лгать - биологический эгоизм берет свое. Окончательная победа этики требует времени. Примерно такого же, какое нужно, чтобы люди усвоили не только "дай", но и "на". Чтобы априорность дополнилась апостериорностью.

Совсем другое - приобретенная этика. Это накопленный опыт, не только личный, прочувствованный, но и рассудочный, осознанный, усвоенный путем общения и постижения умных книг. Т.е. это - и эмпирическая, и теоретическая этика одновременно, это сопоставление другого с собой, осознание в нем человека, чьи цели и мотивы близки и понятны. Такое умение приходит постепенно, как и любое познание мира. Вот почему быть этичным может только, во-1-х, разумный, а во-2-х, опытный человек. Познавая себя, он познает других, и наоборот - опыт приобретается только вследствие общения и чем шире круг, тем лучше понимание человеческой природы, ее общего и универсального. Таким образом, умение мирно сосуществовать, достигать компромисс развивается из умения отождествлять себя с абстракцией другого, выделять чистую человеческую сущность - человека вообще, как существа, способного быть свободным и стремиться к своим целям. Договор - преодоление собственной субъективности с помощью кого-то еще.

- Участие в договоре: объективность, нейтральность, беспристрастность

Таким образом, участие в договоре требует от субъекта максимальной объективности и эта объективность охватывает как оценку позиции другого, так и свою собственную. Нельзя надеяться достигнуть согласия без самооценки, признания прошлых промахов, вины и ответственности, очистки от моральных долгов, от группового и прочего влияния. Взаимные оценки - часть договора.

Но возможна ли объективность как результат договора? Этика говорит - да. Для этого, во-1-х, необходима иная точка зрения и чем их больше, тем лучше. Во-2-х, важно стремиться к объективности, потому что иначе и другие не помогут. Если опираться на естественные нужды, "природу" человека или какой-нибудь "разумный" эгоизм - результата не будет. Всегда найдутся условия при которых выгоднее насилие и обман. С другой стороны, бесполезно следовать божественным заповедям и другим абсолютам - у каждого о них свои представления. Не годится и подход, когда участники пропитаны духом альтруизма и самоотречения, патологической боязнью примешать эгоистичные мотивы. Договор гарантирует свободу, а значит и возможность человеческого счастья. Самоотречение убивает не только свободу, но и договор, потому что он теряет смысл - о чем договариваться, если и так никто никому не мешает? Объективность невозможна не только когда каждый тянет одеяло на себя, но и когда все со всем согласны!

Нейтральность и беспристрастность в оценке чужого мнения - тоже коллективные инструменты. В чем смысл собственной нейтральности, если партнер явно предвзят? Позиции сторон должны быть равно свободны от личных пристрастий, тайных умыслов, посторонних обязательств и т.п. Дело каждого субъекта должно рассматриваться как часть единого общего дела, а цели - как ведущие к общему успеху. Иначе это будет не договор, а борьба, не консенсус, а силовой баланс, подпиремый антагонистическими интересами, от которых стороны не могут отказаться и потому вынуждены биться до последнего патрона. Упор только на свои взгляды или интересы никогда не даст взаимоприемлемый результат. Нейтральность и беспристрастность - способность учитывать чужие интересы на равных, воспринимать чужую аргументацию как свою, встать целиком на чужую точку зрения. Для этого и положение сторон должно быть абсолютно идентично - полная открытость и информированность, все находится в равных условиях, никто не оказывается более зависим от исхода, времени и т.п. При этом все личное настолько исключается из внимания, что стороны могут претендовать на звания "почетной абстракции" и "символа общества".

Такие жесткие условия говорят только об одном - процедура договора так же свободна от насилия, как и жизнь. (Или, как давно замечено, стиль дискуссии так же важен, как и ее предмет.) Что подсказывает неожиданный вывод: само участие в договоре - уже следование договору.

- Следование договору: скрупулезность, дотошность, формализм

Нормы, полученные договором, могут работать только среди посторонних, тех, кто никак не касается, потому что иначе каждая норма будет интерпретироваться, подгоняться под ситуацию с целью конкретного, личного результата. В личных отношениях всегда хочется результата - или добра, или зла. С посторонним результат полностью исчезает из картины и остается только мотив. Следование норме, выраженной строгим правилом, требует переступания через эмоции, душевные импульсы и зовы сердца. Результат может быть только один - вытекающий из казуистического следования правилу.

Это формализм и даже цинизм, абсолютно правильные по отношению к абстракции - партнеру, который символизирует всех и представляет собой не человека, а модель. Но модель аналогично описывает и субъекта - т.е. следование правилу требует формализма и цинизма в отношении себя. Только это спасает от малейшего произвола. Иначе создать нормы будет просто невозможно. Формальная норма, правило - вот высшая ценность, квинтэссенция априорной этики, в то время как способ ее получения - суть апостериорной. Но вот в чем проблема. Реальность бесконечна в своей текучести и изменчивости, люди рождаются и умирают, а жизнь постоянно создает новое. Чем жестче и формальней правила, тем неизбежнее они ведут к новым переговорам. Что подсказывает ожидаемый вывод: следование договору - это новый договор.

И здесь опять возникает сомнение. А само следование, которое вроде бы врожденно, не следует ли на самом деле из договора? И, как ни странно, на это указывают кое-какие признаки. Судите сами. Свободный человек не может следовать тому, что неправильно. Но единственный критерий правильности правила - удостоверение его договором. Без договора нет и нужды чему-то следовать, потому что нет ничего правильного. А как же тогда сама априорная потребность следовать? Это следствие участия предков в

постоянном договоре - обществе!

Что же в итоге? В итоге, только правильная процедура делает правильным договор, только правильный договор создает правильную процедуру, а этическое поведение - это честное следование правилам постоянного поиска новых правил. Вот где пригодился бы абсолют! Тогда весь договор, а заодно и жизнь, можно было бы свести к единственной его статье.

- *Единство*

Раз жизнь объединила поиск норм и следование им в одно целое, значит ли это, что нет и двух этик? Конечно. Размышления наши оказались тщетны. Врожденная моральность без договора - релятивизм и нравственные блуждания, наблюдаемые ныне. Люди хотят быть этичными, чувствуют потребность в этом, но никак не поймут каким нормам они должны следовать. Подобная верность отсутствующему договору - источник моральных неврозов и аморальных болезней. Как желание выразить что-то, не обладая подходящими словами. С другой стороны, договор без верности ему - постоянные ложь и насилие, наблюдаемые и в быту, и на работе, и в политике. Как мертвый язык, как правила грамматики, которые никто не соблюдает, потому что у всех есть иные способы коммуникации. Эти крайности иллюстрируют факт, что наше деление условно, этика одна, а все ее инструменты работают только вместе. Все они рождены разумом и различаются только по степени успешности их погружения из сознательного в бессознательное.

Действительно, уже глубоко рассудочный процесс поиска компромисса невозможен без чувства "другого" - эмпатии, сострадания, способности вообразить себя на его месте. Например, разборки с собственной совестью - самокопание, самоанализ и прочая моральная рефлексия - вполне естественный путь осознать мотивы и стремления другого, найти гармонию в отношениях. Объективность невозможна и без доверия к партнеру, а доверие априорно как и верность слову, потому что должно быть защищено от рассудочных доводов. А разве без самоконтроля и самоограничения можно приступать к поискам компромисса? Эти способности - ощущения общего внутреннего единства, принадлежности каждого всем и вытекающего наличия границы собственной свободы - предшествуют и эмпирическому опыту, и теоретическому осмыслению. Человек чувствует что он не один раньше, чем появляется на свет. Уже в утробе матери его ножки ощущают его пространство, фиксируя его размер и наличие кого-то еще, а в мозгу тем временем формируются архетипы принадлежности этому кому-то (или чему-то). Его первый крик и движения глаз говорят о том, что он зовет окружающих и просит принять его в коллектив. Друзья мои, если я тут что-то немного преувеличил, не сомневайтесь, ученые это обязательно скоро обнаружат. И в результате мы неправильность чувствуем, а не только понимаем.

А, с другой стороны, верность слову? Как можно следовать договору без рассудочных способностей разума, умения действовать умно и целеустремленно. Трезвый рассудок координирует поступки с другими разумными людьми и позволяет, во-1-х, согласовать и объективировать действия, устраняя всю субъективность ощущений, а во-2-х, применять нормы договора основываясь на опыте и прогнозе, т.е. приобретенных способностях мозга. Без рассудка следовать разумно найденным нормам не получится.

Так мы окончательно остаемся с единой, врожденно-приобретенной объективной этикой. Что же это такое?

6 Объективная этика (ОЭ)

- Пояснения

Во-1-х, это методология преодоления детерминизма. Подходы, способы, модели, принципы, представления и все прочее, что связано со свободой и с тем, как ее выдумать, найти и сотворить. Главное тут конечно - договор и все необходимое для его успеха, включая рассмотренную этику договора и применение всевозможных моральных механизмов. ОЭ можно рассматривать как руководство к действию для тех, кому нужна свобода.

Во-2-х, это то, что получается в результате применения методологии, т.е. нормы поведения и деятельности, задающие границу между людьми, не позволяющие ее пересекать, но требующие к ней приближаться. И в формальном виде - как уже одобренные, общепринятые законы, правила, образцы, роли и т.д, и неформально - как ощущения и идеи, когда старых правил становится недостаточно, а новых еще нет. Или когда правил вообще еще нет. Такие неформальные нормы рано или поздно превращаются в формальные. Несмотря на множественность норм, ОЭ не имеет ничего общего с моральным релятивизмом. Она единственна и неповторима. Двух этик быть не может. Т.е. конечно, сам по себе договор еще не гарантирует объективности, он гарантирует возможность объективности, но сама объективность гарантирует единственность.

Однако важно понимать, что единственность эта сродни единственности, например, числа "пи". Никто не знает каково оно точно. Всяк может придумать свое собственное число "пи", однако не всякое из них будет истинно. Свобода, как и "пи" - бесконечно многообразна и при этом единственна. Каждый из нас полностью свободен, но при этом все мы свободны одинаково. Именно поэтому объективная этика хоть и нормативна, но не статична - нормы множатся и заменяются, каждая новая улучшает предыдущую. Они вызревают постепенно, приближаясь в направлении границы, все более ясно и четко ее определяя. Конца пути нет, как нет и полной свободы! Но как последняя, абстрактная цель, есть и полная свобода, и точная граница, примерно как видит каждый взглянувший на окружность окончательное число "пи". В силу этой абстрактности и несмотря на свою объективность, этика не выражается в виде простого и понятного абсолюта и не сводится только к следованию фиксированному набору заповедей. Требуется непрерывное участие в договоре.

Полная объективность очевидно недостижима. Всегда можно договориться, второпях что-то или кого-то забыв. Но и полное участие всех нынешних обитателей Вселенной, а также всех их потомков, тоже не гарантирует объективности. Абсолют объективности - не более, чем абстракция, к которой стремится разум. Но как же без абсолюта быть уверенным, что нормы правильны, т.е. действительно объективны? Если нет абсолютов, то нет и абсолютной истины. Разуму свойственно сомневаться. Вполне возможен возврат и пересмотр договора, если его участники обнаружат, что ошиблись. Как они об этом узнают? По результату. К счастью, отсутствие морального абсолюта не означает,

что не может быть относительной истины и процесса познания. В конце концов, люди познают реальность сами по себе, без помощи абсолютов, сокрытых в священных книгах или математических формулах.

Во-3-х, однако, переходя еще дальше на уровень абстракций, можно сказать, что ОЭ - это обратная сторона свободы, ее условие, выраженное в идее упомянутой границы. Свобода возможна только в сочетании с ОЭ. Этика в этом, "идеальном" смысле - сама граница, сама объективная этическая реальность, то, к чему ведут действия различных моральных механизмов разума, что познается с их помощью и благодаря чему они вообще существуют. Без объективной этики не было бы ни этих механизмов, ни морали, ни свободной воли, а был бы сплошной детерминизм. ОЭ - это то, что символизирует правильное направление для действий, целей и получаемых договором норм.

Мы стремимся к черте, к этой этической реальности, она словно притягивает нас, манит. Можно сказать, что этика принуждает нас добром так же как и материя своими силами, но специфическим образом - реализуя этим принуждением нашу свободу. Добро - аналог сил, а формальные нормы - аналоги формул, уточняющиеся по мере углубления нашего понимания этической реальности и движения в сторону свободы. Тогда моральные механизмы - это аналоги органов чувств, которыми мы "осязаем" этическую реальность. Они так же помогают ориентироваться и снабжают ощущениями, которые мы анализируем и делаем выводы.

Рассудительный человек, разумеется, может засомневаться и оспорить утверждение, что этическая реальность так же реальна, как материя. В конце концов, магическую черту между субъектами (и их возможностями) мы не можем ощутить напрямую, органами чувств. Однако при желании можно погрузиться в бесконечный спор о том, а что мы собственно ощущаем органами чувств? Что есть материя? Что есть закон, сила, свобода? Только надо нам это? Давайте, друзья, не будем тратить время и просто признаем, что все это - наши умственные концепции, источник (или прототип) которых, тем не менее, объективно присутствует в окружающем мире вне зависимости от нашего желания. Что касается рассудительных людей, сомневающихся в существовании реальности, свободной воли и головы на плечах, то ради бога. ОЭ, и мы вместе с ней, друзья мои, не имеем к ним никаких претензий, пока они участвуют в договоре наравне со всеми.

Во-4-х, спускаясь с уровня абстракций, ОЭ - необходимый компонент свободного общества и, по совместительству, билет туда. Осталось сесть в нужный вагон. Свободное общество состоит из людей, в подавляющем большинстве следующих ОЭ. Социальные структуры в этом случае устойчивы, ибо основываются на всеобщем согласии. Поскольку нормы совершенствуются, структуры гибко перестраиваются по мере нахождения новых норм и этот процесс протекает гладко, как это вытекает из требований этики. В этом смысле свободное общество можно рассматривать или как идеальное абстрактное общество, к которому стремится прогресс, или как любое реальное общество, прочно опирающееся на нормы ОЭ и движущееся в сторону идеала. Пока что ОЭ скорее тащит опирающееся человечество вопреки его желаниям.

Практика и этика всегда немножко не дружат. Вот и тут, возникает вопрос - как этические абстракции могут породить реальные блага социальных институтов? Ведь объективность норм означает, что участники договора не ищут и не могут искать в них

конкретной пользы - ни чьей-то, ни коллективной? Это так. Однако, означает ли это, что участники никак не учитывают его последствия? Нет ли противоречия между тем, что этика непрактична и тем, что люди могут договориться до какого-то совместного мероприятия, предприятия или, не дай бог, взаимной выгоды? Конечно есть. Люди наверняка изобретут множество практических благ, институтов и структур, которые принесут огромную пользу. Почему нет? Важно только понимать, что такой результат переговоров - просто чудесная возможность, но отнюдь не цель. Цель - свобода, а уж она чревата всякими чудесами. Объективная этика - базис норм, обслуживающих любые социальные институты, и как базис, она абсолютно нейтральна, служит сразу всем и никому в отдельности. Всевозможные полезности и блага, удобные практические нормы и эффективные для чего-то там механизмы - это побочные пристройки к ОЭ, приносящие пользу тем, кому они полезны, и поэтому не имеющие к объективности никакого отношения.

И только в том удивительном случае, когда некий институт оказался "объективно" полезен - т.е. полезен вообще всем, кого мы можем вообразить, мы имеем полное право сказать, что ОЭ приняла в его создании самое прямое участие. Ибо иначе он возникнуть не мог. Подобная практичность этики только на первый взгляд противоречит ее бесполезности. Этика бесполезна - но только конкретным людям, группам и даже обществам. Этика полезна - но только сразу всем, включая ничего не подозревающих обитателей остальных уголков Вселенной. А потому, кому-то конкретному она вполне может оказаться даже вредна с его, индивидуальной, близорукой и эгоистичной точки зрения.

В-5-х, объективная этика - это идея помогающая понять социальную реальность, обсудить ее с друзьями и написать об этом книгу, которую потом кто-нибудь прочтет и задумается. Получившиеся от этого мысли активизируют моральные механизмы разума, идея свободы получит больше внимания, а будущее и договор станут ближе. Я предвижу ваш скепсис, друзья. Если объективная этика с ее моральными механизмами давно заложена в человеке, то почему до сих пор нет договора? Причина в том, что этому мешает множество сил, самая сильная из которых - слабость рассудка, доходящая до невероятного абсурда. До непонимания человеком того, что такое добро и что такое он сам.

- Объективное добро

ОЭ имеет дело только с объективным добром. Разумеется то добро, что присвоила себе мораль, идет вразрез с этикой, вносит конфуз и поощряет насилие. Между тем, идея объективного добра так же проста, как и идея объективного зла - т.е. всякого насилия. Сложность ее - в абстракции постороннего, которую трудно приложить к жизни. Действия людей всегда взаимосвязаны и взаимозависимы. И при этом люди должны абсолютно не зависеть друг от друга. Ибо свободное общество состоит не из ближних и любимых, не из братьев и соотечественников, не из людей, землян или гомо-сапиенсов, и даже не из милых сердцу философа "других". Общество состоит из посторонних. Полная автономия и субъектность такого, совершенно чужого, незнакомого человека, уравнивает благо и худо по отношению к нему, делая их одинаково неприемлемыми. Звучит ужасно, но это - лишь последствия свободы его воли. Никому, кроме ее обладателя, не дано знать его желаний. Этический долг свободного человека - не делать другому лучше или хуже, а делать так, чтобы собственное поведение не затрагивало его

никаким образом. Посторонние люди ничего не должны друг другу, нет никакого необоснованного, не следующего из договора долга, моральных требований, обязанностей, указаний на то как жить. Нет никакого влияния, личных впечатлений и эмоций - симпатии, сострадания, отвращения. Есть только абсолютная нейтральность. Полная свобода - люди как бы есть, и в то же время их как бы нет. Универсальность объективного добра превращает индивидуальность в полную пустоту.

Но не значит ли это, что я должен исчезнуть? А как же моя свобода? Не надо доводить до абсурда. Исчезнув, мы лишаем постороннего человека общества и следовательно свободы. Один человек, будь он в лесу, наверху иерархии или в кругу семьи, не свободен. Он - в мире детерминизма. Свобода требует нас, посторонних. Все дело в "как бы". Мы как бы есть и в то же время нас как бы нет. Как бы есть - и мы уже совершаем насилие, оказываем влияние, подвергаем давлению. Как бы нет - и насилие совершается над нами. Это магическое "как бы" - тот случай, когда что бы кто ни сделал, другому не станет хуже. Даже желая добра можно легко нанести вред - мало ли как потом сложатся обстоятельства. Объективная этика говорит: поскольку насилие - безусловное зло, самое большее возможное добро по отношению к постороннему человеку - предоставить ему полную свободу. И - неудивительно! - это же самое оказывается самым большим возможным добром по отношению к самому себе. То есть - истинно объективным. Ведь свобода одна на всех и каждый сам в глубине души такой же посторонний.

Но как взаимодействовать с посторонним, одновременно не взаимодействуя?! Да просто. Мы с ними взаимодействуем ежесекундно - пользуясь возможностями, предоставляемыми обществом, и чем больше у нас возможностей, тем эффективней мы взаимодействуем и, одновременно, тем меньше зависим друг от друга. А значит творить объективное добро легко - надо создавать новые возможности. В этом неочевидная суть объективного добра. Предоставить постороннему свободу - значит изыскать для этого возможности. А поскольку ни создать возможности, ни распределить их вне договора нельзя, объективное добро в сущности сводится к успешному договору. И действительно, нигде в природе нет и не может существовать равнозначной моральной ценности. Природное "добро" - или эгоистичное личное благо, или альтруистичное благо близких. Нет ценностей и в выдумках одинокого разума - моральных абсолютах, ни один из которых не может быть универсальным и вечным. Объективное добро вообще не выражается в чем-то конкретном, даже в таком расплывчатом как, например, наличие благ или отсутствие страданий. Любая конкретика относительна. Кому-то добро, кому-то зло. В одних количествах добро, в других зло. В один момент добро, в другой зло. Нет ценности и в абстракции чистой свободы - потому что каждый может понимать ее по своему и принуждать к этому пониманию других.

Но в отсутствии опыта успешного договора, несмотря на всю логику, объективное добро выглядит непонятно и странно. Добро ОЭ - это тоже моральный механизм, но он пока еще не только не окреп, но даже и не появился. Потому человек и задается своими вечными нелепыми вопросами.

7 Самоограничение

- Смысл идеи договора

С этих вопросов начинается существование человека и работа его разума. Что такое человек, почему надо быть этичным, зачем я живу и т.д. и т.п. Вопросы эти, независимо от того, есть на них ответы или нет, неотделимы от морального долга, норм поведения и в конечном итоге от самоограничения. Ибо любая "правильность" возможна только путем ограничения детерминизма и путь этот всегда начинается с самого себя. Но если ответов нет, даже человек обладающий разумом, будет дополнительно напрасно мучиться, стараясь ограничивать свою биологическую сущность и слепо следовать требовательным, но необъяснимым нормам. А этика объективна - ей нельзя не следовать, даже если периодически получается неосознанно впадать обратно в детерминизм. Просто вместо договора пока используется то, что сложилось исторически само собой. Вот чтобы покончить со слепотой и мучениями, чтобы эту неосознанность выявить, а правильность сделать простой и понятной, необходима идея общего, явного социального договора. Разуму требуются идеи, помогающие понять и объяснить почему, зачем и для чего. Так намного легче жить и проще стать человеком. Знания - не самоцель, они средство достижения этой простой и одновременно великой цели.

В принципе, самоограничение привычнее именовать "волей", поскольку насилие над своей природой требует немало сил, которые как раз и принято ассоциировать с силой воли. Я предпочитаю "самоограничение", поскольку воля уж слишком примелькалась в сочетании с произволом, своеволием и прочим волюнтаризмом.

Понимание создает из самоограничения реальный моральный механизм. Самоограничение, следование норме - это запрет, налагаемый на самого себя, первый признак человека. Но самоограничение и следование норме - не одно и то же. Следовать можно бездумно - из страха, по привычке, подражая окружающим. Слепое самоограничение - все тот же детерминизм: это или покорность и безволие, превращающее нормы в досадные помехи счастью, или фанатизм, твердолобость и тупость, превращающие разум в машину, а нормы - в догматы. Которые, в итоге, неизбежно нарушаются, ибо их причина неизвестна, а смысл неясен. Разумный человек следует нормам осмысленно - понимая и их временность, и их условность. И при этом - беспрекословно. Понимание порождает ответственность, самоограничение становится не смутной интуитивной потребностью, а ясным и твердым долженствованием.

Идея договора не только позволяет осознать суть этики и заодно смысл жизни, но и помогает отличить людей от тех, кто только учится или делает вид. Люди без этики проявляются по отношению к его необходимости. Никто не может в трезвом уме отказаться, заявив: "это ваша придуманная, фальшивая мораль, мы будем жить по своей - истинной, богом-данной, единственно-верной и научно-обоснованной". Ссылки на "свободу вероисповедания", "свободу совести", "свободу науки" или свободу без дополнения звучат особенно смешно - как детская логика "хорошо то, что приятно". Ибо отказ от договора означает угрозу и, следовательно, насилие. Это собственно и есть его определение: насильственное действие - то, которое затрагивает других и на которое не получено одобрения в результате договора. Наивно полагать, что чья-то "истинная" мораль не затрагивает ничего не ведающих посторонних. Только договор может определить, что допустимо, а что - нет.

Без договора самоограничение не может работать. До какой степени необходимо и возможно ограничивать свою волю, чтобы самоограничение не превратилось в

самоотречение, этика в мораль, а жизнь в смерть? Неочевидность ответа позволяет некоторым учащимся отождествлять самоограничение со смирением, покорностью и прочей борьбой с собственной порочной натурой. А другим - навязывать свои желания окружающим. Этика требует одинакового самоограничения от всех. Правда, одинаковое оно только снаружи. Поскольку темперамент у всех разный, то и степень контроля - тоже. Равенства опять не получается. Только таинство договора позволяет решить задачу. Самоограничение - в высшей степени коллективный механизм. Может быть поэтому оно пока и не стало руководящим принципом поведения. Пока совесть подчищает хвосты за его промахи. А когда эти промахи становятся слишком явными, совести помогает нетерпимость окружающих, которая является обратной стороной самоограничения.

- О звании (и определении) человека

Договор переводит представителей вида гомо-сапиенс из дикого, первобытного и неразумного состояния в человеческое. Противники договора заслуживают такого же отношения как безвольные животные или запрограммированные роботы. Они - часть окружающей среды. Они - вне свободного общества и не касаются нас, пока они не кусаются и не царапаются. Принуждать к договору нелепо. К нему стремятся все нормальные люди. От договора нельзя отмахнуться, из него нельзя выйти, о нем нельзя забыть.

Вспомним наши принципы организации общества и сравним человека и камень. Если камень подбросить вверх - он упадет. Из этого наблюдения мы можем сделать вывод, что камень "должен" упасть, если его подбросить. Быть камнем означает подчиняться законам камня. Точно так же мы можем поступить и с человеком, правда не подбрасывая его, а прикладывая к нему эти принципы. Из них следует, что человек должен ограничивать свою волю, чтобы не мешать другим. Если же человек не ограничивает себя, то как и камень, не падающий на землю, он рискует улететь в далекий космос. Но конечно сам собой, друзья мои, мы же не можем принуждать к договору, правильно?

"Долженствование" камня - следствие детерминизма. Да, человеческий "детерминизм" - особенный. Человек может иметь свободу воли, но никогда не пользоваться ею - например, если он вырос в лесу. Но гораздо чаще мы наблюдаем нарушение второго принципа. Человек навязывает свою волю другим, в том числе морально. Почему? А почему бы и нет? Универсальность этики сродни универсальности логики. Можно мыслить логично и радоваться свету истины, а можно заблуждаться и жить во тьме предрассудков. Так и тут. Можно вести себя этично и быть свободным, а можно своевольничать и жить в постоянном страхе. Что же делать, если человек принципиально отрицает этику? Выход кроется в понятии "определения". Если мы определим камень, как нечто падающее вниз, если это подбросить, является ли камнем то, что никогда не было подброшено? Договор - это тест. Так давайте подбросим!

Но вдруг человек оказался по объективным причинам не способен на договор? Скажем, некто лишил другого свободы воли. Бывает? Безусловно. Человека можно лишить физической возможности двигаться, есть, пить. Его можно превратить в робота, выполняющего чужие команды. Можно напичкать таблетками до состояния полной невменяемости. Или промыть мозги и запутать до степени абсолютного послушания. Короче - низвести до состояния камня. Но

можем ли мы после этого положить руку на сердце сказать, что это - человек? Только честно? А тот, кто его довел до такого состояния? Чем он отличается от, скажем, волка, который навязывает овце свою волчью волю? Тем, что сыт, причесан и неплохо разбирается в философии? Но какое это имеет отношение к человеку?!

Потому что каким бы иным не казался нам детерминизм свободы - он по сути такой же. Быть человеком можно только если подчиняться "законам" человека. Бытие = должествование. Проще говоря, нельзя просто "быть" человеком - родиться и жить, следуя законам детерминизма, внешнему принуждению, привычкам или традициям. Быть человеком значит хотеть, стараться, стремиться им быть. Аналогично, свобода появляется только когда к ней стремятся, добро - это то к чему должно стремиться и т.д. Человек, выбирающий насилие - не человек, потому что он ничего не выбирает. Насилие не выбирают, насилию подчиняются.

Цель "быть человеком" не включает выходных, праздников или отпусков. От выбора нельзя уклониться. Даже когда его не хочется делать и кажется, что его можно избежать, выбор все равно происходит, только теперь сам собой. Его делает кто-то или что-то другое, а человек превращается в объект выбора, теряет статус субъекта и одновременно - человека. Потому что уклонение от выбора это тоже выбор. И насилие не спрашивает человека - знает ли он, соображает ли что делает? Детерминизм непреклонен, поэтому знание о самоограничении так же императивно, как и самоограничение. Уклониться нельзя не только от выбора, но и от знания о нем. Что ставит вопрос о книге совсем в иную плоскость, не так ли друзья?

Возможно, наши принципы не нормативны по форме. Но это еще лучше, потому что они нормативны по содержанию. Они определяют, что такое человек. Высказывание "человек - существо, которое думает" по содержанию эквивалентно "человек должен думать". Не "может", а именно "должен" - кто что может, неизвестно. А "человек имеет свободу воли" эквивалентно "человек должен быть этичен". Таким образом, мы можем переписать наши принципы организации общества ~~свободных существ~~ людей гораздо яснее:

- 1) Человек - тот, кто сам ограничивает свою волю.
- 2) Общество - совокупность людей, согласующих ограничение воли каждого.

Все, что не соответствует этим определениям, следует называть иными терминами, например, "гомо-сапиенс", как придумали называть современного обитателя планеты не лишены юмора ученые, или "гоминид". Ведь мораль, как навязанные эволюцией стадные нормы взаимопомощи, присуща уже обезьянам, ученые в этом неоднократно убеждались. Все, выживающие коллективно, так или иначе следуют стадной "морали". Но пока ученые не смогли обнаружить ни одного животного, способного стать свободным. Этика оказалась присуща только людям. И их уже обнаружили.

Правда? Честно говоря, друзья, мне трудно углубляться в этот вопрос. Однако у меня нет никаких сомнений, что любая разумная цивилизация использует объективную этику как свою нормативную основу. И это, кстати, было бы самым важным, что следовало бы позаимствовать землянам, но почему-то я думаю, их, если что, больше интересуют новые орудия убийства. Так или иначе, поскольку у нас нет возможности исследовать инопланетян, оставим их в покое.

- Зачем мы живем?

Но почему самоограничение - т.е. всего лишь ограничение своих желаний и потребностей - делает нас людьми? А как же объективное добро, создание возможностей? Как из ограничений появляется уникальность личности, труд, творчество и безграничный прогресс? Какая тут связь?

Ну, во-1-х, напрямую все это из самоограничения не вытекает, вытекает свобода, а уж из нее вытекают всяческие, как мы знаем, чудеса. Но, опять таки, вытекают не гарантировано. А во-2-х, самоограничение - это только начало. Тут уместно будет разобраться, как и к чему свобода нас принуждает. Свобода начинается с того, что мы ограничиваем своеволие: страсти, желания, инстинкты, потребности и т.п. - все то, что идет прямым из нашей животной природы, потому иначе этому добру идти неоткуда. Так мы боремся со своей природой и научившись более-менее жить в мире, договорившись, мы обнаруживаем, что источники многих наших желаний лежат, на самом деле, снаружи. Так, страх идет прямым от внешней угрозы, холод - от того, что выпал снег, голод - что рядом не нашлось жареного гуся и т.д. Ибо мир мы познаем, в основном, опираясь на наши органы чувств. Конечно, можно сколько угодно бороться со страхом и холодом сидя на месте и ничего не предпринимая, но такое самоограничение может легко ограничить время жизни, а это вовсе не то что нам бы хотелось. И потому естественным продолжением самоограничения, а точнее - более эффективным, становится ограничение внешнего насилия, изменение внешних условий. Как это связано? Изменение условий позволяет нам лучше контролировать наши желания. И устранение угрозы, и теплое жилище - в конечном итоге всего лишь средства сделать так, чтобы мы вели себя прилично, чтобы не убивали все, что кажется опасным, не дрались изза места у огня или куска мяса. Получается, что покорение природы - не цель сама по себе, а лишь способ помочь договору! Ведь согласитесь друзья, куда легче всем вместе договориться в тепле и сообща убить мамонта, чем сидеть голодными холодными и ждать кто первый прыгнет на соседа, чтобы его съесть? Так, необходимость самоограничения, налагаемая на нас свободой, делает необходимым улучшение мира. Ибо мир, где нет нужды себя слишком сильно ограничивать - это несомненно лучший мир: и свободный, и полный всевозможных возможностей.

Но для изменения мира недостаточно одной осознанной необходимости. Во-1-х, надо придумать как его изменить. Мы ставим себе задачи и пытаемся их решить, обсуждаем и оцениваем альтернативы, а также отдаем должное тем, кто оказался успешен в придумывании решений - дабы стимулировать их дальше. Во-2-х, решения необходимо не только творить, но и претворять. И тут уже мы трудимся, сотрудничаем, опять обсуждая и оценивая результаты, и конечно отдавая должное наиболее успешным. Все эти задачи изменения мира воспитывают в нас многие и многие качества, начиная от трудолюбия и заканчивая ленью, которая ищет как бы сделать так, чтобы менять мир с наименьшими затратами труда.

Вот такая несколько упрощенная схема приоткрывает завесу над тем процессом, который лежит где-то в глубинах мироздания и который разворачивает крохотное самоограничение, что приютилось в душе каждого свободного индивида, в огромную созидательную силу, придающую не только смысл существованию всех и каждого, но и

увлекающую мир в неведомые дали. Процессом, который, как видно, полностью основан на благе договора и который безусловно заслуживает в дальнейшем значительно более подробного рассмотрения.

- Зачем нужна этика?

Понять себя разуму непросто. Если глубинные его механизмы, такие как совесть и верность слову, вроде бы не вызывают сомнений, то чисто умственные выводы постоянно нуждаются в подтверждении. Разуму свойственно сомневаться - так он работает. В этом проблема с истинным самоограничением - оно умственно. Какой-то там самоконтроль, подчинение каким-то там нормам, бесполезное ограничение своей воли - это все не имеет никакого естественного, биологического основания. Разум нуждается в четкой, ясной и убедительной логике. Увы, свобода не дарит нам такого счастья.

Требования этики не объясняют свою цель, если только не иметь в виду очевидную цель - быть человеком. Не выжить, а именно быть. Камень становится камнем потому, что иначе не может. Человек становится человеком потому, что выбирает им быть. В этом противоречии - наличии требования к человеку и отсутствием ясной цели этого требования - заключается загадка этики, до сих пор терзающая наши лучшие умы. Зачем? Почему? Для чего? Этика не дает ответ. Но предлагает выбрать его самому. Не дает цель. Но намекает, что сама эта возможность - и есть цель. Никакой другой осязаемой, понятной и заманчивой цели - стабильного социального порядка, эффективного сотрудничества или царства божьего на земле - у этики нет и быть не может, поскольку такая цель противоречит самому принципу свободы. А потому никакое навязывание другим правильных целей или "истинной" морали недопустимо. Навязывая все это, человек вызывает ответное насилие и его бытие становится детерминировано, почти как у камня.

Поэтому задача на самом деле не найти этике рациональное обоснование, не открыть ее закономерную причину, не придумать ей ясную цель и практический смысл, а научиться следовать ей без этого всего. Это трудно, потому что разум - это понимание, а абстракция свободы совершенно, абсолютно непонятна. В результате разум то и дело тестирует ее необходимость и ее границы. И в этом ключе можно рассматривать всю историю общества - как историю практического и весьма кровавого выявления и ограничения способов навязывания своей воли. С самого момента появления коллектива-организма культурные нормы были ни чем иным, как правилами самоограничения, накладываемые человеком на самого себя (хотя и посредством других), с тем, чтобы сделать возможным взаимное сосуществование. Поиск границ того, что можно и чего нельзя - это одновременно поиск самоопределения, поиск того, что такое человек и что такое общество. И мы уже почти нашли ответ.

8 Терпимость и деликатность

У нетерпимости к нарушениям объективной этики есть младшая сестренка - терпимость к чему-то иному, более субъективному. Все мы делим одну планету и она пока еще достаточно большая, чтобы удивлять нас своим разнообразием. Это разнообразие - вся остальная часть культуры, за вычетом ее универсального этического ядра - норм,

ограничивающих взаимное насилие и единых для всех. Необъективная оболочка культуры содержит помимо прочего исторически сложившиеся обычаи и традиции, нормы навязанные силой слова и меча, а также эстетические порождения духа. Несмотря на общепринятое отождествление всего этого с моралью и нравственностью, это не более чем эстетика - в силу субъективности, преходящести и изменчивости. Одним нравится носить штаны на поясе, другим - на коленях. Одни предпочитают молиться глядя на восток, другие - на запад. Одни любят представителей своего пола, другие - никакого. Да мало ли что может прийти людям в голову? О вкусах не спорят. Если не считать того, что изза этих самых вкусов они только и убивают друг друга.

И вот тут приходит пора терпимости, эмоциональной сдержанности. Чужие вкусы могут раздражать. Чужие манеры - бесить. Чужая глупость - доводить до инфаркта. Люди вообще могут вызывать всякие эмоции. Иной раз, признаюсь друзья, мне тоже приходила в голову крамольная мысль взорвать эту планету. И хотя у меня было достаточно подобных мыслей, планета цела, что доказывает силу терпимости и самоограничения. Разумеется, сразу взрывать планету - это перебор. Большинство людей ограничивается тем, что пытается исправить чужой вкус, улучшить его и вообще, так сказать, сделать других культурнее и цивилизованнее. Иногда против их воли, что не может не огорчать. Особенно, когда при этом особо культурные объединяются вокруг своих субъективных предпочтений против всех остальных - людей второго сорта. Но вкус - дело сугубо индивидуальное, даже если он связан не с предметами искусства, а с поведением людей. До тех пор, пока поведение одних не оборачивается насилием других, никому не должно быть до этого поведения никакого дела. Публичное пространство - область публичной этики, а личное никого не касается. Надо всегда помнить, что все эти люди - участники договора и требуют нейтральности и объективности, которые без сдержанности и железных нервов, не удадутся.

Надо также помнить, что объективная этика не требует и любить всех подряд. Терпимость - родственница самоограничения, а не вымученной любви. Этичный человек просто не мешает другим жить и радоваться жизни. Что относится и к обратной стороне терпимости - не к навязыванию своих норм, а к нарушению чужих. Чужие нормы можно нарушать многообразно. Можно по незнанию и чуть-чуть, а можно нарочито и вызывающе. Можно из благих побуждений, например "открыть глаза", а можно из не очень, например прославиться творческой оригинальностью или спровоцировать массовую резню. Этичный человек не станет испытывать терпимость других. Не потому что он хочет жить, а потому что нарушение норм - почти то же самое насилие, что и их навязывание. Почему "почти"? Потому что эстетических норм может быть бесконечно много. Их уже чересчур много. Практически невозможно ничего сделать не нарушив что-то где-то. И будет еще больше, потому что творчество - хоть художественное, хоть нормативное - часть человеческой природы. Соответственно, чем больше у человека художественное право творить, тем меньше - моральное право навязывать. В конце концов, самоограничение - ограничение себя, а не другого.

Тем важнее объективная этика и отказ от всякого навязывания - норм, вкуса, любви или чего-то бы то ни было. Но признаемся себе - возможно ли это? Творческое самовыражение всегда направлено на других - перед кем еще самовыражаться? Беда, однако, в том, что посторонние, вообще говоря, совершенно не горят желанием наблюдать подобные представления. Некоторым творческим людям бывает мало целого неба для творчества, и поэтому мы должны тут четко сказать - нет!

Самовыражение должно начинаться в личной сфере и продолжаться в публичную лишь по мере благожелательного восприятия его результатов. Пусть культурные нормы формируются как бы сами собой - следуя моде, слухам или просто случаю. И пусть люди бравируют своим вкусом и стараются переплюнуть друг друга в поисках идентичности, самовыражения или самоутверждения - но только в рамках того добровольного лично-коллективного пространства, которое их окружает. Ну, а что касается нас, посторонних - надо во всем видеть положительную сторону. Главное, чтобы новым нормам следовали по своему желанию. Эта добровольность - объективная этика и не подлежит никакому компромиссу, несмотря на то, что она сама - некий компромисс. Этические механизмы опять направлены на поиск границы - в этот раз границы между объективным и субъективным, между этикой и эстетикой, между личным и общественным, между терпимостью и терпением. Объективная этика не только требует самоограничения от человека, но и, так сказать, сама ограничивает себя, свою нормативность.

Баланс ищется в случае взаимного культурного насилия опираясь также на деликатность - тактичность в устранении проблем. Это что-то типа зазора, допуска в свою сторону от границы - чтобы был запас прочности, пространство для маневра, резерв для компромисса. Так мне кажется, по крайней мере. Пока кто-то нарушает что-то по незнанию, всегда можно просветить человека и договориться. Когда кто-то умышленно действует на нервы, раз другой можно и проигнорировать, или можно выяснить причину эстетической агрессии и попытаться устранить ее. Если люди дошли до полной невменяемости и насильственно навязывают другим свое понимание прекрасного и безобразного, или смешного и грустного, или высокого и низкого, или вообще чего бы то ни было, надо объяснить и доказать. Или помочь. Или еще как-то. Договор - самое лучшее средство. Ей богу не стоит сразу наказывать за то, что человек подтянул до пояса штаны и кинул мусор прямо в урну. И только если одни долго и упорно провоцируют других, находясь на заведомо недоговорных позициях, идущих вразрез со всем объективным - например публично делают нечто, от чего тошнит, пора ~~убива~~ серьезно задуматься. Но будем надеяться до такого все же не дойдет. С животными мы уже как-то научились обращаться.

9 Эгоизм

Самоограничение помогает человеку избежать эксцессов эгоизма и альтруизма в отношениях с посторонними. Объективная этика на картинке 1.13 выглядит как линия точного баланса, ибо и эгоизм, и альтруизм - всегда принуждение. Начнем с эгоизма.

Если не брать клинические случаи кровавых первобытных коллективов, то эгоизм - это обычная практика использования других в своих интересах. Более мягко - предпочтение своих интересов и пренебрежение чужими. В мире, где любое движение затрагивает всех, предпочтение своих интересов неизбежно становится эквивалентным принуждению других к уступкам, использованию их, созданию для них неудобств и проблем. Использование других ограничивает их возможности и это ограничение, если оно недобровольно, не что иное как насилие.

Но ведь оно так естественно! Как же иначе преследовать свою выгоду?

Да, такая точка зрения пока еще удивительна. Разве можно оказывать равное внимание себе и постороннему? Равную заботу? Одинаково учитывать свои и чужие интересы? Однако, верится, что можно. В публичной сфере человек безусловно преследует свои интересы. Но будучи объективно этичным, он делает это так, что посторонние не страдают ни в процессе, ни в результате этого. Более того, они тоже получают выгоду! Если посторонние необходимы для сделки или затрагиваются ею, единственный способ сберечь их от любого давления - аккуратно рассмотреть и сбалансировать их интересы со своими. Говоря образно, "нулевой", или например "здоровый" эгоизм - это понимание нужд и учет выгоды других, признание их достоинства и уважение к ним, как к людям, а не занесение в грессбук в качестве статистических единиц. Конечно, учесть чужую выгоду можно только с чужих слов, но важно, чтобы это было сделано максимально полно. Таким образом, учет взаимных интересов - это опять переговоры. И хотя каждая сторона движима при этом в основном своими интересами, переговоры - безусловно основанные на объективных этических нормах - дают удачную возможность так их сбалансировать, чтобы найти общую пользу и тем разрешить противоречие эгоизма и этики, не полагаясь на моральный абсолют или откровение свыше.

На практике, честная сделка - всегда полностью прозрачная, приносящая не только практическую пользу, но и моральное удовлетворение. Нездоровый, чрезмерный, концентрированный эгоизм - это, напротив, перекокс, давление, сокрытие информации, тайные умыслы, нечестное использование рыночного преимущества. Это односторонняя выгода, полученная в ущерб другим. Упаковка, в которую вложено больше труда, чем в сам товар, фальшивая реклама, полупустая тара, соблазнительные фразы и надписи, обманчивые цены и скидки - эгоизм продавцов. Дешевые, некачественные материалы и ингредиенты, ненадежный, но вычурный дизайн, плохая, но броская разработка и конструкция - эгоизм производителей. Мелкий шрифт, группировка услуг и навязывание сервисов - эгоизм услуги. Унизительные условия работы, пренебрежение работниками, авторитарный стиль управления - эгоизм нанимателей. Про финансистов лучше вообще молчать. И конечно универсальный экономический эгоизм - рента, монополизм, сговор, манипуляция ценами и информацией. А его итог - введение потребителя, партнера или работника в заблуждение, сужение его свободы выбора, пренебрежение, отсутствие уважения, постановка его в худшее положение, в положение средства для достижения цели. Идеология эгоизма - успех любой ценой, волчья конкуренция, путь наверх через головы и трупы. Это экономическое насилие, даже если оно осуществляется в рамках государственных законов.

В наше время эгоизм не просто естествен, это чуть не единственный возможный образ жизни. Нулевой эгоизм не слишком выгоден и стало быть экономисты без труда докажут, что предельно этичный экономический агент нерационален. Но история и выборочная окружающая действительность подсказывают нам, что бывают честные производители, продавцы и даже агенты. Причем в нынешних условиях затеянной государствами экономической войны. Если же говорить о будущем свободном рынке - он в принципе невозможен без этики. Рынок требует доверия. Что вообще такое деньги, если не доверие? Правильно, насилие. Так что нынешняя вакханалия пузырей, спекуляции и мошенничества долго не протянет. Вместе с нынешними деньгами.

Сама "объективность" экономических законов покоится на этике, ведь в семье и личных отношениях нет никакой экономики. Не будь этики в публичной сфере - не было бы и

экономики, был бы голый эгоизм в виде разбоя и грабежа. Экономический закон возможен только если люди будут действовать строго бесстрастно, целеустремленно, рационально, законопослушно и т.д. Т.е. этот "закон" - лишь желанный способ поведения людей, а вовсе не внешняя принуждающая объективная сила. Попытки объяснить жадность, безответственность и другие виды экономического насилия объективностью экономических законов куда менее убедительны, чем объяснения воровства нуждой. Голод по крайней мере реален.

С точки зрения разума, а не экономистов, нулевой эгоизм полезен. Он означает способность осознанно и намеренно балансировать общие интересы, ощущать свою причастность к обществу и ответственность за его судьбу, чувствовать себя человеком, а не хищником. Нулевой эгоизм не означает жертву, упущенную выгоду. Ведь точно так же можно считать "жертвой" отказ от физического принуждения или от использования безвыходной ситуации другого. Да, физическое насилие сейчас рискованно, но как быть если упускаемая выгода настолько велика, что оправдывает риск? Нулевой эгоизм - это объективная этическая норма, даже если она пока не является общепризнанной, практикуемой или даже осознаваемой.

Ученые также могут доказать, что бесчеловечная конкуренция и жесткие меры эффективны, что есть случаи когда любые упомянутые выше способы поведения экономически оправданы. Эффективность для убедительности ассоциируется с выгодой большинства или даже "всех". Жесткая конкуренция дает огромный общественный эффект, скажут они нам. Но это иллюзия. Сравнить пользу и мораль вообще бессмысленно. Физическое принуждение еще эффективнее.

А уж как эффективно промывание мозгов! И популярно тоже. Впрочем, эгоизм не сводится только к экономической выгоде. Не обязательно промывать мозги, чтобы обмануть и что-то поиметь. Процесс промывки бывает приятен сам по себе. Иногда - чтобы показать свое интеллектуальное или моральное превосходство, иногда - показать свою власть или поруководить людьми, иногда - создать себе более комфортные условия существования нетерпимостью или неуважением к чужим нормам. Так, в последнем случае, эгоизм морального насилия, идеологической индоктринации и религиозного миссионерства заключается в манипуляции людьми, подчинении их своим потребностям и постановке на службу себе и своему коллективу. Или как добровольных жертвователей, или как участников, легитимизирующих идеологические институты и их деятельность, или как просто членов коллектива, укрепляющих его численную базу. Принуждение других бессмысленно, если оно не нацелено на эгоистичную пользу. За всяким насилием всегда стоит конкретный, хоть и не всегда материальный, эгоистичный интерес.

10 Альтруизм

Аналогично можно сказать, что альтруизм - насилие над своими законными интересами, потребностями и желаниями с целью продвижения чужих. Этим он отличается от этики. Этика принуждает только до точки баланса. Альтруизм - идет дальше. Он призывает жертвовать своими удобствами, помогать, содействовать. В экстремальных случаях - любить как самого себя и делиться последней рубашкой.

Но как же может существовать "нулевой" альтруизм? Куда девать природную доброту и заботу, которые просто рвутся наружу из души жителей земли?

И опять верится, что это возможно. Нулевой альтруизм - это дистанция в деловых отношениях, ровность, нейтральность, отказ от навязывания личных связей, предпочтений и панибратства. Как исполнение судебных обязанностей требует беспристрастности, точно так же и прочие отношения с посторонними людьми требуют уважения и ничего больше. Разве не унизительно помогать там, где не просят? Считать другого ниже? Оказывая непрошенную услугу, люди лишают других независимости, ставят их в положение должников. Только абсолютная независимость равнозначна взаимной свободе. Дистанция между людьми - атрибут не только деловых, но и любых публичных отношений. Дело не обязательно связано с обменом материальными ценностями, услугами и т.п. Признание в другом равносвободного, равноуважаемого и равнодостоинного члена общества автоматически означает отказ от патернализма и жертвы ради него.

Конечно, если человек вызывает симпатию и другие личные чувства, отношения незаметно переходят в личную сферу, где граница свобод может меняться в произвольном направлении. К этому сводятся и вопросы помощи в беде. Помогать в беде надо. Но поскольку помочь всем невозможно, каждый помогает тем, кто рядом. Иными словами тем, с кем его связывает нечто большее, чем формальные отношения. Нейтралитет не допускает материальной или другой существенной помощи, поддержки, предпочтения. Хотя доброе слово, конечно, недорого стоит, но дорого ценится.

Следует остановиться на обожаемой записными моралистами ситуации спасения. Надо ли спасать постороннего? Не означает ли такой альтруизм чрезмерного насилия? Разумеется означает... хотя не знаю, надо подумать. А что если человек желает покончить с собой? Или провоцирует? Или еще что? Кто ж его знает, постороннего-то? Впрочем, какое значение может иметь мое мнение на этот счет? Объективная этика говорит, что если спасаемый - абсолютно чужой человек и, например, находится на другом краю земли, то можно не напрягаться. Если близко - все зависит от того, какие эмоции его положение вызывает у субъекта. Я думаю, у большинства людей отчаянное положение постороннего вызовет желание помочь. Но требовать от прохожего рисковать жизнью или чем-то ценным - неэтично. Не только потому, что не все способны на это, но и потому, что для человека вполне естественно ценить свою жизнь выше жизни чужого. Однако, если можно помочь не подвергая себя опасности, мораль безусловно требует помочь.

Но почему? Не опровергает ли этот факт все длинные предыдущие рассуждения? Увы, похоже опровергает... шутка. Конечно нет. Отвлекаясь от того, насколько объективно требование спасать абсолютно чужого человека, ответ в том, что свобода и все прочее объективное, что вытекает из нее, возможны только в ситуации отсутствия чрезвычайных сил. Стихийное бедствие, нищета, война - все это приводит к тому, что баланс отношений нарушается. Мы фактически оказываемся в ситуации детерминизма. Зона свободы сужается, расширяется зона личных отношений и социальных инстинктов. Люди, пытающиеся с выгодой торговать в условиях военных действий вызывают недоумение. Наживающиеся в условиях катастрофы - ненависть. Точно так же в обществе, где отсутствуют элементарные условия для рынка, где люди голодают,

говорить о свободе нелепо - они будут воровать и грабить. Интересно сравнить с животными. Известно, что животные в засуху идут к водопою чтобы напиться и не нападают друг на друга. У людей все наоборот. Люди, в полном соответствии со своей отрицающей животную эволюцию природой, в нормальное время свободны, а в критическое возвращаются к своим первобытным инстинктам. Этика публичных отношений требует не только высокого уровня развития общества, но и благоприятных внешних условий. Неординарные ситуации, друзья мои, вызывают к жизни неординарные моральные механизмы. И требуют неординарных книжек.

Допустим с войной, катастрофами и бедствиями все ясно, но как быть в единичном и обыденном случае? Ведь такие ситуации возникают постоянно. Более того, такие ситуации - чуть ли не норма в нынешних экономических условиях. Человек, оказавшийся в критической ситуации несвободен, но посторонние не обязаны ему помогать. Мало ли людей оказывается по разным причинам в таких ситуациях. Если у человека беда, ему помогают знакомые, близкие, те кто рядом. Только в кругу своих место для альтруизма, доброты и заботы. Требовать помощи от чужих - чрезвычайное дело и находится на границе аморальности. Банкрот не пойдет в банк просить заем на льготных условиях, потому что у него особая нужда. Можно лишь предлагать что-то полезное в обмен, можно еще как-то искать баланс. Но и другие не должны пользоваться ситуацией к своей выгоде. Использование безвыходного положения, с обеих сторон - насилие.

Жестоко? Да, друзья мои, свобода - жестокая вещь. Хуже того, она еще и аморальна. Но как же быть с ключевым вопросом любой моральной системы - хорошего и плохого? Абстракция объективного добра конечно хороша теоретически, но разве не обязан человек помогать тем, кто конкретно нуждается в помощи? Разве не в этом сама суть морали и всего хорошего? Морали - может и в этом. А объективной этики - нет. Эта последняя никому конкретных благ не приносит. Человек должен помогать, но только в зависимости от его расстояния до нуждающегося - как социального, так и просто физического. Да и то, если так подсказывает ему мораль и воспитание, а не закон, проповедь или общественное мнение. Объективная этика относится к самому большому - бесконечному, если быть точным - расстоянию между людьми. Помогать абстрактному нуждающемуся, неизвестно кому, неизвестно почему и неизвестно зачем, не требуется. Это бессмысленно, вредно и объективно просто невозможно. Кроме того, публичная этика формальна, что исключает помощь по определению - как личный, эмоционально окрашенный, спонтанный порыв чувств.

Но ведь в глубине души человек хочет быть хорошим? А альтруизм неотрывен он всего хорошего! Тут опять путаница морали и этики. Конфуз. Объективная этика связана только с неличными отношениями, с опосредованным взаимным влиянием и давлением, она не требует от человека быть добрым, заботливым, щедрым, терпеливым или каким-то еще "положительным". Она не указывает ему путь к семейному счастью, нравственному очищению, духовному совершенству или личностному росту. Это все - его личное дело. Похвальные качества характера и добродетельное поведение исторически ассоциировались с высокой моралью. Однако мы не можем сказать какие качества хорошие, а какие нет. У нас нет никакого объективного критерия для этого. А потому нет и не может быть никакого идеала добродетельного человека, равно как и "этики добродетели", принуждающей к поклонению таковому. Свобода означает, что пока он никому не мешает, человек волен сам выбирать свои цели и воспитывать для их

достижения любые качества. Отсутствие четкого критерия добродетели приводило к великому многообразию философских подходов к морали в зависимости от личных вкусов философов. Надо ли быть скромным, умеренным, храбрым, трудолюбивым, предприимчивым, аккуратным, бережливым? Вероятно. Но лишь постольку, поскольку это затрагивает других и приводит к чужим горестям или радостям. Что в случае персональных качеств, очевидно, ограничивается личными отношениями и к публичной этике никакого отношения не имеет.

Что касается альтруизма, то объективная этика не видит в нем ничего хорошего, как и в любом мотиве, приводящем к насилию.

11 Справедливость

- *Что это такое?*

Нахождению черты созвучно понятие "восстановление справедливости". Последняя, таким образом оказывается сродни некому балансу. Если вы не читали предыдущий текст, друзья мои, то наверное спрашиваете себя - какой такой баланс? Да тот же самый, что и со свободой. Как мы говорили когда-то, любое действие вызывает противодействие и свобода (а также справедливость) - это не столько отсутствие насилия как явления, сколько баланс в противодействующих силах, возникающих при действии или бездействии. Точка равновесия и есть неустойчивое состояние свободы (а также справедливости). То, что мы называем насилием (а также несправедливостью) - это отклонение от баланса, преимущество одной стороны за счет другой. Нарушение баланса увеличивает "свободу" инициатора насилия за счет сужения возможностей другого.

Похоже, свобода и справедливость - синонимы? Есть ли разница между ними? Конечно. Свобода возникает в ситуации отсутствия насилия вообще, когда все до единой силы уравновешены. Свобода это обобщенное понятие состояния, вытекающего из этой ситуации - есть полный всесторонний баланс, а насилия как бы нет. Причем эта гипотетическая ситуация в принципе очевидно недостижима и существует только как объективная цель. Справедливость, с другой стороны, имеет дело с конкретным насилием - или с конкретным случаем, или с конкретным его видом. Это более узкое понятие, описывающее ситуацию баланса двух ясных, разнонаправленных сил, и баланс этот, по крайней мере на практике, вполне достижим, т.е. справедливость в жизни время от времени торжествует. Например, преступник понес заслуженное наказание, награда нашла героя, а бедные получили образование за счет богатых. Когда же говорят о несправедливости вообще, о несправедливости общества, жизни или судьбы, то очевидно обобщают и суммируют все конкретные типы несправедливостей. И в таком случае справедливость "вообще" - это в сущности, та же свобода и даже больше, потому что включает в себя вообще все возможные виды сил - не только общественные и природные, постоянно вносящие в жизнь несправедливость, которую людям хочется исправить, но и придуманные и воображаемые.

Поскольку устранение несправедливости - обязательно шаг к свободе, справедливость - не что иное, как ее практическая составляющая, а само стремление к справедливости - частное проявление более общего стремления к свободе.

- Системность и рассудочность

В то же время несправедливость отличается и от случайных нарушений баланса. Несправедливость как факт или как явление - это не просто разовое отклонение от баланса, а в значительной мере систематическое, обусловленное постоянными факторами или целенаправленными действиями. Несправедливость прежде всего характеризует саму ситуацию, как допускающую насилие в принципе - разовая несправедливость несет обещание ее будущего повторения. Например, какой-либо одиночный несправедливый поступок - это на самом деле неадекватное использование своей власти или возможностей, и стало быть указывает на то, что власть, и несвобода, лежит в его основе. То же самое и какой-либо несправедливый закон - это правило, позволяющее систематическое непропорциональное насилие. Поэтому количество всевозможных несправедливостей определяют качество общества - справедливость есть характеристика всяческих коллективных институтов, структур, процедур.

Степень системности зависит от масштаба коллектива. Если несправедливость случилась между друзьями - это одно, если в офисе - другое, если на уровне всего общества - третье. Последний случай, следуя традиции, можно выделить, потому что в такой ситуации велика вероятность, что систематические нарушения баланса приобретают чрезмерный характер - острый и широкий. Тогда можно говорить о "социальной" несправедливости - ситуация настолько безнадежна, что пора менять всю систему, а не ограничиваться местными примочками. Они бесполезны, потому что добиться справедливости в рамках системы становится невозможно.

Для движения к свободе и создания долговременного баланса всевозможных сил только интуиции и других чувств недостаточно - социальная реальность слишком сложна и требует постоянного анализа. Необходима активная работа рассудка по выявлению причин несправедливости и поиску путей ее устранения, которая инициируется, когда сужение свободы вызывает ощущение (или осознание) несправедливости. Таким образом, "чувство" справедливости - эмоционально-рассудочный механизм балансирующий насилие и фиксирующий состояние равновесия. Чем баланс точнее - тем поступок или закон справедливее. Справедливость может рассматриваться как частный случай объективной этики для ситуаций систематического насилия. Но, разумеется, никак не наоборот, поскольку свобода - не частный случай детерминизма.

Люди редко повторяют действия, которые вызывают муки совести, но охотно пользуются несправедливыми ситуациями к собственной выгоде. Причина как раз в том, что источником мук совести являются персональные действия, а несправедливостей - как правило не зависящие от личности условия, которые требуют предварительного понимания и общей, согласованной с другими оценки. Потому муки совести мы чувствуем, а несправедливость - еще и осознаем. Осознание требует изменить условия так, чтобы несправедливость больше не повторялась, чтобы нормы общества стали совершеннее. Чувство удовлетворенной справедливости во многом базируется на том, что случившееся послужит уроком на будущее.

- Виды справедливости

В зависимости от того, как осознается и достигается баланс, различают и виды справедливости.

Насилие - обыденный факт жизни общества. Сюда входит и ограничение возможностей в результате отсутствия полезных связей, и дефицит ресурсов, и риски из-за недостатков в общественной безопасности. Понятно, что если кому-то достается чего-то меньше, значит другим - больше. Баланс требует распределения насилия (по традиции понимаемого наизнанку, т.е. как распределение возможностей) соответственно справедливым критериям - например, положению, заслугам, деяниям или просто факту наличия людей. Это распределение может быть получено в результате явного или неявного договора. Последняя форма справедливости - стихийная - возникает исторически, словно сама собой, и на самом деле основана на глубинном интуитивном ощущении справедливости, проявляющемся исподволь. Примерно так, как мы видели ее возникновение в предыдущем письме, когда рассматривали трансформацию иерархии. Первая - процедурная справедливость - может, в свою очередь, возникнуть как результат формализации обычаев, например, торговое или цеховое право, или всевозможные кодексы чести, или третейское прецедентное право, а может - как законы, постулируемые актами законодательной власти, т.е. позитивное право. Можно, конечно, возразить - что справедливого в таком праве? Но это уж надо спросить тех, кто считает его справедливым.

Чтобы лучше уяснить эти соображения, я попробовал свести их в табличку (рис. 2.1). Оказалось, что виды справедливости можно упорядочить в своеобразные ступени прогресса, направления которого отмечены стрелками. Получилось два направления. Первое - формализация, стрелка вверх. Неформальные понятия о справедливости (нижний ряд) определяют сущность построенных на их основе формальных систем права (верхний). Так, традиции лежат в основе всех видов сословного права, идеологии рождают идеи для демократического законодательства, а истинная справедливость является фундаментом настоящего социального договора. Прогресс тут в том, что сам факт формализации - это движение от несвободы к свободе, потому что любое ограничение насилия нормами - шаг к договору. Но и степень формализации норм может отличаться - и не только шириной охвата сторон жизни. Например, процедура предполагает относительную стабильность. Если формальные нормы пересматриваются слишком часто, хоть и в рамках процедуры - само понятие нормы теряет смысл. Аналогично, степени существуют и в рамках стихийной, неформальной справедливости. Пока одни нормы смутно проявляются в головах у ограниченного круга людей, другие уже являются общепринятыми, хоть и пока неписанными. Прогресс в этом направлении идет, таким образом, снизу вверх - от интуитивного ощущения справедливости - через ее осознание и попытки формализации - к четкой, ясной и стабильной процедуре, ее реализующей.

Второе направление прогресса справедливости - движение слева направо, от жесткой иерархии через политическое равенство к свободному обществу сочетающему равенство возможностей с неравенством заслуг - довольно очевидно. Лучше всего, когда такое движение своевременно оформлено процедурными нормами. Иначе шаги этого движения могут вылиться в анархию или революционное насилие. Не лучшей альтернативой является моральный конфуз, когда интуитивная справедливость стремится уравнивать все вокруг не учитывая реальности, подменяя собой договор и анализ. На этом направлении мы пока что застряли в трясине идеологий, выражающих

формальная (процедурная)	сословная справедливость (позитивное, прецедентное, обычное право)	справедливость демократии (позитивное право)	справедливый социальный договор
	традиции и обычаи	идеологии (права человека, утилитаризм, социализм и т.д.)	интуитивная / рациональная справедливость
неформальная (сущностная)	иерархия	равенство	свобода

Рис. 2.1

современные, прогрессивные, гуманные и другие модные понятия о справедливом. Наши потомки, я думаю, увидят и другую справедливость.

- Относительность справедливости

Историческая приемлемость норм справедливости означает, что в отличие например от совести, справедливость относительна. Компас совести замечает любое отклонение и любое принуждение, компас справедливости - только отклонение от общепринятого уровня насилия. Если все подвергаются насилию привычно, или пропорционально, или еще как-то "справедливо" - т.е. насколько у рассудка хватает фантазии оправдаться - это терпимо. Это хорошо видно из таблички - справедливость даже способна оправдывать иерархию, особенно если она грамотно обоснована. Например, при нынешнем эгалитаризме считается вполне нормальным, что есть богатые, получающие свои привилегии по наследству, ибо передавать экономические блага детям естественно, дети - это святое. Для эгалитаризма также вполне приемлемо существование звезд, дневная зарплата которых больше зарплаты их поклонников за год. Ибо они заслужили - они развлекают поклонников и вносят краски радости в их серую жизнь. Разумеется, совесть со всем этим не мирится и мучает ее обладателей (совести, не зарплаты).

Однако, относительность справедливости не ограничивает ее моральную силу. Причина в том, что не существует равного, справедливого уровня насилия для всех. Кто-то всегда оказывается в выигрыше - потому что кто-то же должен осуществлять это насилие, откуда-то же оно берется? Эта невозможность навсегда зафиксировать относительную справедливость позволяет ей в конечном итоге вести дело к полной свободе.

Относительность наглядно проявляется в катастрофических и любых иных неординарных ситуациях, когда отклонение от устоявшегося баланса вызывается внешними, не зависящими ни от кого причинами. Например, угроза эпидемии или, наоборот, открытие подземного месторождения манны небесной. Как отказ от лечения, так и ускоренное выкачивание манны в личных целях ставят всех остальных в худшее положение, нарушают баланс свобод и, следовательно, являются формой насилия. Справедливость в такой ситуации распределила бы внешнее насилие равномерно, но без восстановления утерянной свободы.

А что будет, если человек манну изобрел и наслаждается ею в одиночестве? Исходя из того, что я вижу в жизни, сначала все считают его исключительное положение вполне справедливым. Однако по прошествии некоторого времени, или при чрезмерном характере его исключительности, окружающие начинают глухо роптать. Они хотят справедливости, что означает - их положение начало ухудшаться. Они больше не считают, что изобретатель заслуживает своих благ. Относительный компас справедливости потихоньку переориентируется в сторону абсолютности. Приемлемость уступает место ущемленности. Запас морального терпения не бесконечен и рано или поздно потребует восстановления баланса.

- Восстановление баланса

Если несправедливость случилась вопиющая, разум требует ее безотлагательно исправить. Для этого необходимо ответное насилие, восстанавливающее баланс. Восстановление справедливости осуществляется точно отмеренным насилием и замер происходит с привлечением как рассудка, так и моральных чувств. Оценке и коррекции подлежит и нанесенный ущерб, и сам факт нарушения нормы (второе, собственно, и есть наказание). Естественно, что чрезмерный перекоп в другую сторону - благодеяние, помощь или подвиг - так же вызывает как желание, так и необходимость отдать долг и опять восстановить равновесие. Правда, не все люди пока осознали, что навязывание чувства благодарности - тоже насилие, но об этом мы подумаем позже. Вообще, само древнее представление о справедливости: "каждому - по заслугам" ("каждому-свое", "кесарю-кесарево" и т.д.) - это и есть исторически окрашенное выражение баланса действия и противодействия. Даже принцип "не делай другому хуже" уже неявно предполагает его наличие.

Но как ОЭ может оправдывать насилие к посторонним, даже справедливое? Разве этика не противостоит ему, не озабочена прежде всего самоограничением? Абсолютно. Этика не одобряет насилие ни в каком виде. Но как же тогда восстановить справедливость? Добровольно, самим виновным - возмещением ущерба, принесением извинений, раскаянием, самобичеванием и иными действиями по наказанию себя, вплоть до наложения каких-то дополнительных взысканий - короче, "насилием к себе". Далее, может потребоваться исправить условия, сделавшие несправедливой возможной, для чего надо привлечь внимание к ее факту и обосновать необходимость исправления. Если же без ответного насилия действительно не обойтись, то вероятно дело в том, что кто-то нарушает договор умышленно - а значит отказывается в нем участвовать. Эту ситуацию ОЭ не покрывает - она подпадает под действие морали, жертвенной или героической, ведь выходящий из договора одновременно выходит из публичной сферы! Тем более что преступник, даже пытаясь нанести ущерб всем, наносит его конкретным лицам. Именно им теперь надлежит оценить необходимость и степень наказания - в

конце концов, злоумышленники тоже бывают разные. Вот почему наказание - дело личное, этика лишь удостоверяет факт несправедливости, в том числе путем обсуждения и соглашения, а публичная сфера остается свободной как от насилия, так и от любых институтов его организующих, включая институт наказания.

Но что, если человек не хочет лишних проблем, беспокойства и вообще - он любит мир, дружбу, хочет всем нравиться и не хочет показаться привередливым? Обязывает ли его этика поднимать шум, привлекать внимание и т.д.? Может, проще оставить все как есть, особенно если несправедливость пустяковая? К сожалению в данном случае ОЭ не так снисходительна. Мы знаем, что она не любит не только эгоизм, но и альтруизм, а в данном случае мы как раз с ним и сталкиваемся. Все прощать можно только дорогому человеку. Посторонний, а вернее все они, поскольку все они одинаковые, должен быть поставлен в известность и призван к выполнению договора. И потому, кстати, любое нарушение договора касается всех одинаково, а не только того, кто оказался затронут лично. Соответственно, уклонение от восстановления справедливости можно рассматривать как нарушение норм этики и пособничество. ОЭ и снисходительность, а тем паче равнодушие, несовместимы.

Бытует мнение, что ответом на насилие должно быть поощрение - подставить другую щеку, обнять и поцеловать, поблагодарить и простить и т.д. Вы не поверите друзья, но такие травмы рассудка довольно распространены, правда только в книгах. ОЭ к книгам не имеет отношения. Есть также мнение, что справедливость обязательно включает возмездие - независимо ни от чего. В этом случае мы имеем дело с обычной мстостью. ОЭ не имеет отношения и к мести. Баланс может быть восстановлен без возмездия - участники лишь должны прийти к соглашению о справедливой компенсации, включая ситуации, когда все полностью восстановить уже невозможно.

Таким образом, торжество справедливости может быть разделено на две части, относящиеся соответственно, к публичной сфере и объективной этике, и к личной сфере и морали. Первая часть требует безусловного восстановления баланса, возмещения вреда и справедливой компенсации, включающей хлопоты и испорченное настроение. Она не требует наказания или мести как таковых. Баланс должен быть достигнут, а меры согласованы, договором - т.е. объективно и добровольно. Вторая часть - оценка события, характера нарушения и нарушителя, персональных причин. Она может привести к прощению или наказанию в зависимости от конкретных обстоятельств, личной воли пострадавшего и его чувства справедливости.

- Заслуги

Справедливость ассоциируется также с воздаянием не за насилие, а за что-то хорошее. Например, друг дал совет - надо отблагодарить. Мастер сделал вещь - надо заплатить. Привратник открыл дверь - надо улыбнуться. С точки зрения свободы, такая справедливость не вполне справедлива. В личных отношениях благодарность да, очень уместна, как собственно и сами обмены небольшими и даже большими жертвами. Близкие постоянно делают друг другу что-то хорошее, хоть и не расплачиваясь за каждое доброе дело, а также несут ответственность, которую они добровольно на себя приняли. С незнакомыми людьми мы тоже часто расплачиваемся краткой благодарностью, например, за придержанную дверь. Но эта благодарность - лишь след личных отношений.

В чисто публичных отношениях все иначе. Незнакомые вообще не должны делать для нас что-то хорошее. Непрошенная польза - это насилие. Все хорошее, что мы можем получить от постороннего человека должно быть оговорено заранее, как например, при покупке в магазине, где с товаром можно предварительно ознакомиться. Соответственно, результат такого взаимодействия, а это не что иное как эквивалентный обмен, имеет мало общего со справедливостью личного воздаяния. Справедливость в публичной сфере требует не только правильной процедуры обмена, но и объективности результата: от каждого по способностям - каждому по полезности, так сказать. Проблема в том, что не существует процедуры автоматически генерирующей подобный замечательный результат, ибо в отличие от ущерба или затрат, пользу, которая всегда в будущем, невозможно формализовать. Говоря иначе, если поступать этично, то надо платить за вещь стараясь сосредоточиться на ее объективной пользе, а не том, сколько времени, ресурсов и нервов вложено в ее производство. И не на том, сколь лично моей персоне хочется - или не хочется - ее поиметь. Каждый из нас, бывает, вкладывает массу сил в дела, которые никому кроме него оказываются не нужны. Следует ли считать такое положение дел несправедливым? Едва ли. Я, например, даже не жду, что мою будущую книгу будет кто-то читать. Кроме вас конечно, друзья мои.

Что касается философских рассуждений вообще, о том заслуживают ли люди своей судьбы, несут ли они ответственность за свой выбор, должна ли жизнь, напополам с обществом, возмещать, награждать, карать и т.п. - кто тот философ, что присвоил себе моральное право вершить суд над посторонними, неизвестными и свободными людьми, дела которых никак и ни в чем его не касаются? Ну а если несвободные - совсем другое дело. Заслуживают и очень надеюсь, что воздастся по делам их.

12 Достоинство

- Моральная ценность

Балансировке между эгоизмом и альтруизмом, равно как и поиску справедливости, помогает другой моральный механизм. Он, правда, служит не компасом, скорее - якорем. Моральное чувство, помогающее человеку не впасть в крайность и породить несправедливость, называется достоинство. Или, по-старинному, когда еще не была известна объективная этика - честь. Можно сравнить с совестью. Если совесть - универсальный детектор насилия, то достоинство - ограничитель, помогающий не доводить дело до ее угрызений. Если совесть работает везде, но предпочитает личные отношения, то достоинство напротив, больше помогает в отношениях с посторонними, что объясняется его происхождением - основанным на праве занимать ступень иерархии. Это делает его особенно важным с точки зрения свободы.

Достоинство можно рассматривать как осознание собственной особой ценности, дающей право на свое мнение, на участие в договоре. Свободный человек непременно имеет ценность, это условие самой возможности его взаимодействия с другими. Участвуя в договоре, он материализует ее - превращает в пользу другим. Раб обладает той ценностью, которую ему придает хозяин, у него нет ничего своего, кроме преданного взгляда. Это полезность вещи. Хозяин, в свою очередь, обладает ценностью равной количеству рабов и он сам - раб своего положения. Свободный человек - это

активный субъект, он меняет мир так, как считает нужным. Но достоинство - не обязательно субъективная вещь, следствие собственного мнения "вершителя судеб мира", оно - следствие объективных, реальных качеств человека, а именно его способности быть разумным и свободным, преодолеть свою природу и проявить волю. Т.е. это - моральная ценность, ценность самой свободы. Эту ценность нельзя продать или обменять, она служит исключительно для участия в договоре. Ее можно только потерять, причем безвозвратно. А если человек не хочет участвовать в договоре? Вот тогда он и теряет свою моральную ценность, ибо только договор удостоверяет ее наличие. А почему безвозвратно? Потому что предпочтя насилие, человек утрачивает необходимое для договора доверие.

Отсюда видно, что достоинство, как и свобода, не выживает в гордом одиночестве индивидуальной души. Осознание собственной моральной ценности невозможно без осознания аналогичной ценности другого, без умения видеть достоинство (равно как и его отсутствие) в других - ибо нельзя договариваться с самим собой. Человек не может быть свободным в одиночку, не может ощущать себя свободным, когда вокруг одни рабы. С кем он будет сотрудничать? Кто его будет уважать? Кто обеспечит ему свободу? А потому свободный человек предполагает достоинство в каждом по умолчанию, до тех пор пока не доказано обратное. Он не стремится отделиться или выделиться - в одиночестве объективное достоинство превращается в субъективное самомнение, которое, правда, тем дороже, чем успешнее стадо губит все, что выступает - ибо всегда есть те, кто ведет и те, кого ведут. Но, как бы то ни было, достоинство - коллективный механизм, следствие как качеств человека, так и состояния общества.

Ценность свободного человека не объясняется его силой или руководящим положением. Силой можно вызвать страх, принудить к послушанию, но нельзя принудить к уважению, к честному учету интересов и мнения. Эта ценность не объясняется деньгами и прочей собственностью. Богатство может вызвать зависть, подобострастие, но опять не может - уважение. За исключением, пожалуй, того случая, когда оно заслужено отражает качества человека, если такое бывает в наше нечестное время. В любом случае, и бедный, и богатый претендуют на обладание равного достоинства. Аналогично, достоинство человека никак не связано с его авторитетом, статусом или ценностью его человеческой жизни. В первом случае речь опять идет о его социальной стоимости, оцененной если и не рыночным путем, то все равно - через приносимую практическую пользу. Во втором - о его ценности для близких. Но моральное достоинство человека не теряется в смерти (до тех пор как он "жив" в публичном пространстве, т.е. работают инициированные им транзакции и приносятся объективная польза), в то время как младенец им еще не обладает. И наконец, эта ценность не пересекается со славой или посторонним мнением. Достойный человек поступает достойно не потому что хочет, чтобы об этом знали или потому, что за ним наблюдают. Он, как водится, не может иначе.

Достоинство человека - это его ценность как абстракции. Но как абстракция может быть ценной, ведь одна абстракция не отличима от другой? Достоинство как бы уводит все личное за пределы публичных отношений, личное закрывается от посторонних, становится им недоступно, а полученная таким образом абстракция взамен приобретает универсальную, общую и единую для всех ценность. Поэтому все свободные люди обладают равным достоинством - ценность абстракции иной и не может быть.

- Проявления достоинства

Как работает достоинство? Оно "уравнивает" людей независимо ни от чего, требуя абсолютного баланса во всем. Оно не только не позволяет унижать другого и использовать его в своих интересах, но и унижаться самому и быть использованным в чужих интересах. Это тот якорь в отношениях, который зафиксирован на искомой воображаемой черте между эгоизмом и альтруизмом. Унижая другого, человек унижает себя, унижая себя - унижает другого. Что вызывает раскаяние, стыд, муки совести, презрение к самому себе. И потерю достоинства.

Достоинство связано с самоограничением. Чем лучше человек осознает свое достоинство, тем меньше он поддается влиянию инстинктов и страстей, прихотей и соблазнов, тем сильнее его сопротивление им и способность к самоконтролю, тем он сдержаннее, осмотрительнее и мудрее. Он не боится ответственности и не поддается угрозам, не любит халявы и не ценит бесплатного сыра. Напрашивается аналогия с массой. Чем массивнее физическое тело, тем труднее его сдвинуть, тем сильнее оно сопротивляется всевозможным силам. Достоинство - это как бы моральная "масса" человека. И, разумеется, как всякая масса, оно вызывает "притяжение" - доверие. На достойного человека можно опереться. Фигурально выражаясь.

Способность достойного человека контролировать себя во многом базируется на подавлении инстинкта страха, он не позволяет ему влиять на свое поведение. Конечно, любой человек испытывает страх. Иногда человек стремится скрыть страх показным равнодушием и безразличием. Дескать, "это меня не касается". На самом деле, он просто не хочет признаваться себе в своей трусости, чувствовать себя униженным и бессильным. Свободный человек не боится признаться себе в своем страхе, а потом преодолеть его, делая то, что требует его достоинство. Иногда человек боится показаться трусом и проявляет повышенную агрессивность, демонстрируя свою жесткость, способность противостоять насилию, свою честь и доблесть. Достойный человек не опускается до этого. Он всегда сдержан и уравновешен. Однако, он не терпит нарушений договора и готов к тактичному исправлению ситуации и восстановлению справедливости - без истерик и агрессии. Но если требуется ответное насилие, он готов и к нему.

Достоинство - комплексный механизм, затрагивающий и ОЭ, и мораль, работающий и в ситуации договора, и в ситуации насилия. Однако достоинство не позволяет насилию стать руководящим мотивом поведения. Оно всегда контролирует его необходимость и цели. Если насилие лишает человека свободы, достоинство требует ее защиты и максимально возможного сопротивления. Оно мобилизует все моральные силы человека. При этом он знает, когда надо остановиться и не превратить борьбу за свободу в насилие над поверженным противником. Если насилие требуется для восстановления справедливости, это означает, что отношения перешли в личную сферу, где оскорбленный человек может ответить, не роняя достоинства и не неся моральной травмы. Личное возмездие, равно как и прощение, снимает тяжесть обиды и горечь неудовлетворенной мести. Но что если ответное насилие или борьба за свободу невозможны, если силы слишком неравны, обида не отомщена, а свобода призрачна? Достоинство помогает справиться с этим. Человек не ломается и не озлобляется, он остается выше - как всякий свободный человек по отношению к животным.

Достоинство хранит человека в моменты несчастий и унижений. Оно помогает ему выстоять, сохранив свою моральную ценность, и возвращает его в общество таким же достойным.

Тот, кто отказывается признавать достоинство других, теряет и достоинство свое. В эту ситуацию попадают люди, практикующие насилие. Насилие - это прежде всего попрание чужого достоинства, низведение свободного человека на уровень камня, подверженного воздействию сил. Насилие может быть соблазнительно. Оно может действовать как наркотик, потому что оно - наша биология, а биология имеет свойством постоянство и неумолимость. Разумный человек будет хранить механизм достоинства в исправности, не подвергая ненужным испытаниям, которые сами сомнительны с этической точки зрения - не будет увлекаться охотой на животных, чрезмерной властью или руководством близкими людьми, не будет экспериментировать с жестокостью становясь в строй или надзирая за осужденными. Психическое здоровье, как и моральную репутацию, значительно легче потерять, чем восстановить. Вот почему, не лишним будет снова напомнить, наказание преступника должно оставаться делом пострадавшего, а не отдаваться в руки профессиональных палачей, самих рискующих психикой и, соответственно, достоинством.

- Потеря достоинства

Люди с рождения способны быть разумными и свободными. Достоинство растет в человеке с разумом, самостоятельностью и ответственностью. Но насилие, особенно систематическое, способно сломать человека, превратить в раба. Тогда он теряет способность воспринимать себя равным и свободным, он становится зависимым и безответственным, пресмыкается и заискивает или помыкает и глумится. Ему нет смысла следовать этике, ему не нужно достоинство. Фактически, сломанный человек превращен в животное, подчиняющееся индивидуальным или коллективным инстинктам выживания. Возможен и вариант потери человеческого лица самопроизвольно, например, когда условия воспитания или жизненная ситуация оказались неподходящими для его сохранения. Детям необходимо социализоваться в группе и если ребенок случайно окажется в среде, где приветствуется обман и жестокость, он рискует сломать свой механизм отвращения к насилию. А взрослый может сломаться от трудностей судьбы, даже если они не были следствием чьих-то злонамеренных действий.

Потеря (или отсутствие) достоинства может достигать двух характерных стадий. Первая - более цивилизованная, свойственная гражданам умеренно иерархических обществ, где систематическое насилие осознается/ощущается как зло, но зло неизбежное, которому нет сил, и соответственно смысла, противостоять. Здесь человек унижен, он завидует тем кто выше и стремится самоутвердиться за счет нижних. А если их нет - унижая равных. Не обязательно лично. Важно иметь привилегии, позволять себе что-то особенное, выделяться на фоне прочих. На этой стадии человек осознает/чувствует свою несвободу, свое ничтожество как личности, как шестеренки иерархии. Поэтому он способен освободиться от иерархической психологии, если будет работать над собой. Иногда так происходит, если он попадает в общество более равноправное и его жизненная ситуация и перспективы улучшаются. Но если лень и глупость побеждают, то вместо роста личности мы видим, как иммигранты из отсталых стран кучкуются вместе, консервируя свои привычные дефективные нравы.

Вторая стадия, стадная, свойственна диким коллективным образованиям - большинству населения отсталых стран, варварским племенам, уличным бандам, всевозможному дну общества. Эти люди безнадежны, потому что в душе сломано что-то критически важное. Они с рождения воспитаны в несвободе - физической, экономической, моральной. Унижение и иерархия для них естественны. У них нет понимания свободы и равенства, а есть потребность, с одной стороны, в самоутверждении насильем, а с другой - в своей стае, в вожаке, в покровительстве "высших сил". Они не имеют собственной "массы" и похожи на мыльные пузыри, которые могут существовать только в виде пены, а потому они сбиваются в стаи, где смелеют и начинают проявлять ненависть ко всему непохожему и чужому. Особенно их бесят свободные люди. Это - признак страха. Они боятся, потому что не понимают их, потому что на самом деле они не уверены ни в себе, ни в своих вожаках, ни в своих святынях. Агрессия - способ их самозащиты. В отличие от первых, они не ощущают свое ничтожество, свобода им не нужна. Получив свободу, они тут же берутся за старое. Вся их примитивная, групповая мораль: свои - хорошо, чужие - плохо. Они унижаются в поражении и наглей в победе, пресмыкаются перед сильными и глумятся над слабыми. Неприглядная картина.

Вероятность дикаря "исправиться" практически нулевая и требует не только его нетривиальных личных усилий, но и создания для него соответствующих условий, возможности жить достойно в этичном, чутком коллективе. Примеры, когда беспризорники перевоспитывались и начинали жизнь с начала - исключение, иллюстрирующее всю сложность этой задачи. Для решения ее современное общество совершенно не приспособлено.

- Личность и коллектив

Ужасная картина сломленного человека демонстрирует роль коллектива в условиях систематического насилия. Поскольку достоинство - общественный механизм, стадное "достоинство" оказывается способно подменять личное. Как это происходит?

Для ответа надо обратить внимание, что в достоинстве важную роль играет чувство гордости. Достоинство - это своего рода гордость своей свободой, званием человека, тем, что человек нужен другим. Свободный человек может гордиться и принесенной другим пользой, потому что в мире свободы польза каждого объективно оценена и признана, а гордость - оправдана. Несвободный человек ничем таким гордиться не может, даже пользой. В мире насилия нет пользы, есть победа - польза самому себе. Соответственно, место пользы занимает что угодно - капиталы, известность, регалии, страх соперников. А если с этим проблемы, то показуха и престиж. А если и этого не набирается, сгодится гордость принадлежности. Что и понятно: успех одного - поражение всех остальных, а значит соперники неизбежно формируют боевые группы, ведь победа в одиночку невозможна.

И моральная, и социальная ценность свободного человека объективна - никакой коллектив не имеет к ней никакого отношения. Несвободный вынужденно приобретает ценность за счет коллектива - до победы еще далеко, да и та будет в любом случае неличной. Для этого коллектив выделяется в самостоятельную сущность и ему придается безусловная, хоть и фиктивная ценность. Ценность - как человека, так и

коллектива - всегда определяется относительно других, иначе гордиться не получится. Соответственно, коллектив, с приданной ему ценностью, приходится сравнивать с другими коллективами, а приданную ценность приходится подтверждать и доказывать, что в конечном итоге выливается в поношение "других" и выпячивании "своих", потому что никакой объективной ценности коллектив из себя не представляет. Его единственная ценность - этика, и это этика составляющих его людей, а значит чем ценнее коллектив, тем менее он, в лице его членов, осознает свою ценность, тем паче выпячивает ее.

Достоинство определяет отношение к другим людям. Тут и проявляется эта разница. Коллективист основывается на принадлежности к коллективу. Принадлежности оказывается достаточно для далеко идущих выводов - ценность всякого человека рассматривается как функция ценности его коллектива. Свободный человек оценивает другого объективно - с точки зрения доверия и возможностей сотрудничества. Он никогда не скажет "он плохой", он скажет "он другой". Или промолчит и пройдет мимо.

Доверие, основанное только на достоинстве, в противовес разнообразной личной близости, позволяет организовать иную человеческую общность, нежели коллектив - цивилизованное общество. Тоже коллектив, но уже бесформенный, не имеющий ни границ, ни идентичности, ни прочих признаков коллектива. Поскольку такой коллектив не противостоит другому коллективу, его члены автономны и индивидуальны, их объединяет только этика, позволяющая одновременно быть и членом общества, и свободным индивидом. С одной стороны, цивилизованное общество не подавляет человека, навязывая ему коллективные ценности, а с другой - индивидуальность не отчуждает, заставляя подозревать, опасаться или принуждать других. Цивилизованное общество, несмотря на всю расплывчатость этого термина - единственно возможное "организационное" воплощение правильного договора.

Коллективизм - это болезнь достоинства. Все его разновидности - клановость, фашизм, шовинизм, патриотизм, национализм и т.п. - объединяет пренебрежение личностью, превращение человека в рядового, в винтик большой машины. Вместо личного достоинства такие гордятся коллективной идентичностью, тождественностью. Вместо следования этике следуют "священному долгу", если, конечно, не следуют силе. Вместо личной чести и стыда появляются коллективные, а традиции возводятся в ранг сакрального. Но не всякими традициями следует гордиться. И нельзя любить идентичность. Есть родной язык, но его любить нелепо. Вообще, нельзя любить абстракции. Нельзя любить и коллективы, можно любить только конкретных людей. Ценность коллектива, гордость им, "любовь" к коллективу, как и аналогичная "любовь" к богу - это психологический дефект, атавистический страх оставшийся со времен каннибализма, когда выжить вне коллектива было нельзя, когда коллектив был единым целым, а его члены - никем. Страх поражения и насилия приводят к желанию примкнуть, спрятаться за коллектив. Коллектив - это сила. Слабый человек силен своими знакомствами, своими предками, своими высокими абстракциями - Родиной, Страной, Народом. Если его всего этого лишит, его слабость сразу же станет видна. Такие находят свою значимость рядом друг с другом, они тянутся друг к другу чтобы самоутвердиться, найти опору.

Свобода избавляет человека от страха, но свобода нелегка. И если люди предпочитают сбиваться в стадо, если стадный инстинкт берет верх, они рано или поздно теряют и

достоинство, и цель. Все это подменяется коллективом, его атрибутами, символами, ценностями. Человек приобретает коллективную идентичность - он наконец понимает, кто он такой. И мы тоже.

13 Автономия

- Индивидуальность разума

Нежелание мыслить занимает почетное место в цепи шагов, ведущих в объятия коллектива. В стремлении к черте чувственные механизмы обязательно должны подкрепляться мыслительными. К сожалению, если эмоции возникают сами собой, это не всегда свойственно мыслям. Быть человеком означает не только жаждать свободы и справедливости, но как минимум участвовать в договоре. А участие - это труд и работа мозга, та работа которую очень не любят животные. Человек должен быть активным, он должен размышлять, делать то, что не требуется, не вызывается непосредственными бытовыми причинами. Зло не спит, а насилие не останавливается. Да и прогресс не стоит на месте - за тысячи лет появилось множество идей и они все еще появляются, что требует все большего умственного напряжения, постоянного поиска информации и анализа. Кто ленится думать оказывается во власти других - тех, кто снабжает его готовыми решениями, учит добру и злу. Невежественные превращаются в ведомых, теряют достоинство, человеческое звание и моральную автономию.

Что такое автономия? Это самостоятельность, независимость и ответственность. Если достоинство несколько статично, оно характеризует скорее отношения между людьми, то автономия динамична, она отражает деятельность человека, его целеустремленность и активность, способность самому ставить и решать вопросы.

Но как человек может быть независим, когда любое его действие должно быть согласовано договором? Мысленно. Если действия согласовываются, то размышления могут и должны быть самостоятельны и независимы. Иначе не получится самого договора. В чем смысл согласования действий, если все и так думают одинаково? Только имея свое независимое мнение, индивидуальную точку зрения, можно приступать к договору. Это - необходимое условие как поиска объективности, так и этичности результата договора. Независимость мысли сводится к умению пренебречь всевозможными влияниями, и внешними, и внутренними, и вместо этого опереться на собственный опыт, интуицию, интроспекцию и прочее, что необходимо разуму. Можно сравнить с достоинством. Достоинство - тоже умение преодолеть влияния, но в отношении к другим.

Автономия работает и после договора. Здесь самостоятельность выражается в том, что человек следует договору сам по себе, независимо от других. Он, так сказать, принимает на себя ответственность за договор, за все общество. И как раньше, он остается независим от всякого влияния, в том числе "положительного", и внутреннего - эмоционального, вызывающего эмпатию, жалость и другие похвальные чувства, и внешнего - идеологического или религиозного, прививающего сознательность, благомыслие и другие похвальные качества. Он этичен не потому, что ему кто-то велел подставить щеку и не потому, что ему жалко котенка, а потому что он обладает собственным мнением и собственной волей. Источником этики его поступков для него

служит только договор.

А как, например, быть, если норма оказалась недостаточно этичной? В такой ситуации возникает этический конфликт. Автономия требует, с одной стороны, отказаться от нормы, а с другой - безусловно следовать ей. Очевидно, разрешение конфликта возможно только если инициировать заключение нового договора, одновременно следуя старой норме, пока нет новой. Ибо правильна только норма, появившаяся вследствие договора. В этическом конфликте, невозможном без автономии и необходимом для этического прогресса, проявляется противоречие между индивидом и коллективом. Норма - дело общее, способность мыслить - индивидуальное.

Бездумное подчинение коллективу, любым его традициям и нормам, неспособность и нежелание мыслить - сущностное начало дикаря. То, что стадо - способ его существования, совсем не удивительно, поскольку разум - первое, что отличает человека от животного. Я предвижу ваши возражения, друзья. Да, разум зародился в коллективе, он насквозь социален. Преодолев животный эгоизм, разум сплотил альтруистичный коллектив. Но после этого он вновь возродил индивидуальность, на новом, свободном уровне. Освобождая, разум противостоит насилию, в том числе насилию коллектива. Разумный человек самостоятельно принимает решения и несет за них ответственность перед всеми. Это и есть цель разума - объединение самостоятельных индивидуальностей в единое целое. Если решения принимает стадо, а ответственность не несет никто, мы скорее имеем дело с толпой баранов.

У воспитанных в насилии развивается лишь продвинутая способность следовать - инстинктам, внешним обстоятельствам, чужой воле. Закостенев, такой "разум" сам ищет подчинения, его даже не нужно к этому принуждать. Разумный человек использует другого в качестве равноценного дополнения, помогающего достичь объективности. У неразумных людей другой становится заменой разуму. И эта коллизия неизбежна, поскольку человек не может избежать коллектива и общения. Но одно дело коллектив друзей или сотрудников, другое - коллектив как замена "я". Самодостаточный человек воспринимает всех остальных одинаково, не выделяя своих, не идентифицируя себя с ним. Он договаривается с таким же, а не становится таким же. Он не прогибается под количество, не льнет к массе. Его не волнует количество, потому что оно не влияет на объективность. Даже наоборот. Масса несовместима с автономией. Чем самостоятельней человек, тем он индивидуальнее и уникальнее, тем менее склонен к ослеплению высокими идеями, фальшивыми ценностями и идеологическими штампами, предназначенными всегда и всюду только чтобы дурачить массу и вести ее за вожжами. Тем он интеллектуально дальше от "мы" и ближе к "я".

- Власть и послушание

Автономия - вещь довольно банальная, о ней как-то неловко и говорить, она подразумевается. Тем наглядней противоречие между автономией и властью, принимающей на себя моральную ответственность, которую ей никто не давал. Физическое насилие вышестоящих недолговечно. Моральное - в форме государственной идеологии и "образования" - может продолжаться всегда. Оно делает из подчиненных инфантильных недорослей, нуждающихся в постоянном контроле. Увы, первая мысль приходящая в голову, когда думаешь о реальности свободы - да кому она нужна? Разве можно давать свободу детям государства? Граждане - это шестеренки

властной машины, они крутятся только под прессом и чураются свободы, как черт ладана. Для них нет ничего страшнее хаоса, анархии. Чуть они заметят где непорядок, оскорбляющий их высокую мораль - послушание общепринятому - они будут строчить кляузы с требованиями немедленно пресечь. Да еще гордиться этим. Ведь законопослушание - это важнейшее достижение цивилизации, а его отсутствие - признак безнадежной культурной отсталости, не так ли?

Превращение граждан в аморальные шестеренки наиболее ярко проявляется в преступлениях, оправдываемых приказами сверху. Причем если сопротивление приказу еще чревато последствиями, что позволяет людям оправдываться слабостью и безволием, то в самых одиозных своих формах аморальность проявляется бесконфликтно, обыденно и даже с чувством глубокого удовлетворения. Системное, организованное насилие существует только благодаря людям, готовым выполнять самые отвратительные вещи, если с них снята ответственность, а тем более, если их покорность вознаграждается. Без таких шестеренок не было бы ни власти, ни иерархии, ни охранительной, а точнее репрессивной системы, ради буквы очередного демократически принятого закона методично ломающей чужие судьбы. Благодаря морали государственной шестеренки - "я плачу налоги, а остальное меня не касается" - все общество превращается в одну большую бездушную машину, работающую по своим, нечеловеческим законам. И нет ничего удивительного в противоречии между кляузной активностью шестеренок и их неожиданным равнодушием к тому, что их "не касается". Своим выборочным равнодушием они только подчеркивают полную покорность - власть всегда права, не правы те, кто с этим не согласен.

Так что нам не избежать этого морального механизма, который, несмотря на всю его банальность, необходим свободе так же неотложно, как покорность - власти. Почему люди подчиняются законам? От страха или из этики? Последнее кажется более вероятным. Следование правилам - очевидная часть этики и хочется верить, что люди все таки этичны. Однако, если посмотреть на объем и безумие предписаний, которые безостановочно извергает вулкан власти, закрадывается невольное сомнение. Не следует смешивать абсолютно этичное отрицание насилия, которому люди следуют сами по себе, с подчинением этой лавине. Есть безусловная разница между нормами, следующими из собственного договора, и навязанными сверху, пусть и с подобием договорных процедур.

Принуждение властью ко всякой мелочи, которую она стремится зарегулировать, порождает атрофию морали и в итоге выливается в два типа поведения. Пока одни, скрывая под конформизмом страх и отсутствие принципов, превращаются в шестеренки и следуют самым аморальным законам, другие становятся циниками и, вместо честного подчинения полезным, начинают игнорировать их все опасаясь только одного - попасться.

Девальвация законов - и безграничным ростом их количества, и очевидной бесполезностью в устранении общественных несправедливостей - приводит к тому, что законопослушание становится неотличимо от послушания - первой добродетели зависимого человека. А отсюда итог: тоталитаризм, полный контроль, слежка, охват законами всех областей жизни - человек ныне лишен пространства морального выбора. У него больше нет ничего своего, ни цели, ни смысла, за него все решено. Вся его жизнь так и проходит в безусловном подчинении моральным авторитетам - начиная с

родителей и кончая сиделками в богадельне. Системное насилие стремится полностью определять его поведение, власть стремится к безграничному расширению. У человека не должно остаться никаких областей свободы. Послушание не может быть выборочным, тогда оно чревато гибелью системы, а потому завинчивание гаек детерминированно точно так же как и девальвация законов.

- Любовь к подчинению

Пассивное послушание постепенно развивается до активного - любви к подчинению. Причина - слабость разума. Начиная с лени, экономии усилий, он приучается перекладывать работу на других, обманывать моральные механизмы, а кончает апатией и безразличием. Так человек превращается в раба, в том числе раба своих пороков. Что усыпляет разум? Разумеется детерминизм - у него есть не только кнут, но и пряник. Послушание вознаграждается. Например, физиологические потребности не только мучают, но и доставляют удовольствие. По тому же пути пошли и психологические потребности и даже моральные. Естественно, что получаемое таким образом удовольствие, если касается посторонних, идет прямо поперек этики.

Любовь к подчинению ярко выражается в сотворении кумира - ведь как хочется быть на кого-то похожим! Тем более, что подражая, становишься лучше. Но любовь слепа. Не всегда объект обожания достоин не то что подражания, а вообще внимания. Но, как ни странно, значительная часть общества питает искреннюю привязанность к знаменитостям, "звездам". Любовь эта проходит красной нитью через всю их жизнь, согревая ее и озаряя блеском далекой славы. Поклонение идолам подавляет личность, убивает потребность критично мыслить. Вы не замечали как ущербны любые фанаты?

Не менее ярко потерю автономии иллюстрирует поклонение модному учению, проповедуемому каким-нибудь духовным "гуру". Разобравшись в жизни и поняв что к чему, проникаешься ощущением моральной правоты. И хотя последнее время выбор учений существенно вырос, пальму первенства в моральной опеке все еще держит религия, чьи простые истины оставляют мало места для сомнения. Ощущение зависимости, никчемности, предопределенности своей судьбы прекрасно заменяет необходимость думать и действовать - благо, нашлись мастера озаботившиеся составлением для убогих свода заповедей на все случаи жизни. Изюминка в том, что их всемогущий Бог, почитаемый за Добро, не что иное как старый добрый детерминизм, то бишь Зло.

В наше просвещенное время, когда страх молнии сменился страхом налоговой инспекции, надежды, чаяния и любовь подвластных обращены не только к богу, но и к его солнцеликим наместникам на земле. Кто из современников, гордящихся активной жизненной позицией, интересуется, например, этикой? Никто. А политикой? Все. Она стала главной темой современности и современников, готовых поддержать любую глупость выдвигаемую "этой" партией, против "той" партии. "Этим" кандидатом против "того" кандидата. "Этой" идеологией против "той" идеологии. Активное послушание создает видимость моральной автономии, участия в некоем социальном договоре. Но выбор власти не есть выбор свободы. Выбирая из того, что предлагает власть, нынешние пикейные жилеты лишь взыскивают вечного руководства собой. Закона и порядка. Стабильности и безопасности. Хлеба и зрелищ. И так же, как парализованные страхом верующие гнобили своих же оступившихся товарищей, нынешние винтики

требуют от желающих свободы подчинения законам, участия в выборах, уплаты налогов - или немедленно покинуть их замечательное общество. Как всегда, кому-то не хватает свободы, а кому-то - кнута!

Подчинение эмоциональному и моральному насилию - не единственное, приносящее удовольствие. Как насчет экономического, которое тоже доставляет приятные минуты? Здесь подчинение менее явно, но радость - вполне реальна. Кто не ощущал удовольствия от скидок, распродаж и прочих "выгодных" сделок? Кто задавался мучительным вопросом - за счет кого эта выгода получена? Кто смог найти в себе силы отказаться от услуг крупной компании, осознавая, что она уже силой своего веса, не говоря о связях в эшелонах власти, душит конкурентов и эксплуатирует общество? Кто смог ограничить свое потребление, зная, что оно наносит вред природе и обществу, не говоря о себе? Кто смог отказаться от денег, зная что они - лишь долговая удавка на общей шее? Друзья, вы вероятно не согласны? Вы думаете, что накапливая собственность, повышая свое благосостояние, получая выгоды от удачных сделок, человек на самом деле оказывает экономическое насилие? Вовсе нет. Экономическое насилие обоюдоостро. Выигрывая в мелочи, удачливые покупатели проигрывают покрупному. И хотят этого. Хотят дешевого, броского, взятого в кредит. Хотят участвовать в лотереях, накапливать очки и баллы. Хотят всю жизнь работать не на действительное благо общества, а на личное, безрассудное потребление. Хотят поклоняться дорогому, престижному. Хотят переплюнуть соседа. И хотят любить крупные компании, потому что это марка и гарантии, а работа там - престиж и карьера. Крупная компания - та же "звезда", затемняющая разум. А экономическое подчинение - инстинкт, ничего общего с разумом не имеющий, уступая которому человек уступает другим - тем, кого его рабское потребление возносит на вершину экономической власти.

"Лучшая" жизнь ассоциируется для многих не с достоинством, а с достатком. Рынок затуманивает разум иллюзией безграничной свободы выбора. Но дело тут не в свободе. Либерализм манит свободой, а соблазняет изобилием. Кому нужны автономия и достоинство, если они требуют умеренности и скромности? Кому нужна ответственность независимости, если можно наслаждаться сытым рабством? Выбирая между равенством в простоте и неравенством в роскоши, люди не задумываясь выберут последнее, даже зная, что их место всегда будет внизу. Лучше модное чем полезное, дешевое чем качественное, а сейчас - лучше чем завтра. Даже если платить в итоге придется втридорога.

Надо упомянуть и такую экзотическую, и одновременно привычную любовь к подчинению, как склонность к развлечениям. Не тем, которые полезны для души и тела, а тем, которые заведомо вредны, но которые так приятны. Мы опустим личные - о них каждый сам знает и они, в конце концов, касаются только его. Куда важнее те, которые касаются других. Например, любовь к телевизору и прочим СМИ, ставшими чем-то вроде Великого Учителя. Массовые медийные развлечения, от художественных до новостных, не только засоряют мозг, но и формируют личность - социальное лицо человека, его роли и поведение. Подсевшие на иглу СМИ и массовой культуры граждане становятся все менее самостоятельным и все более послушными. И им это нравится.

- *Отказ от ответственности*

Отказ от активного послушания не обязательно ведет к бунту. Общество никогда не будет идеальным и этичный человек всегда видит его несправедливость. Но иногда, понимая что не в состоянии в одиночку изменить его, он предпочитает отстраниться, отгородиться, внутренне "эмигрировать". Он как бы выбирает нейтральную позицию между добром и злом. Он говорит себе так: "Да, бороться со злом мне не по силам, но по крайней мере я не буду в этом участвовать". Более того, отстраняясь он начинает казаться себе лучше других, начинает смотреть на них свысока, презирать за их неспособность "не участвовать". Он даже мнит себя философом, поскольку интуитивно вынужден искать оправдания и придумывать разнообразные хитроумные отговорки. Забравшись в башню слоновой кости, он погружается в отвлеченные размышления и чем более бессмысленными они становятся, тем выше кажется себе философ. Но спросим себя, друзья философы, а возможна ли такая нейтральная позиция в принципе? Понимание добра как свободы позволяет ответить на этот вопрос со всей определенностью. Свобода - это уже баланс, отклонение от которого есть зло. Никакой дополнительный баланс между свободой и несвободой невозможен. Зло автоматически получается, как только человек перестает стремиться к свободе, отказывается от добра. А потому всякое забалтывание свободы, побег от реальности и уход в себя - лишь формы конформизма, приспособления и выживания. Моральная автономия тут если и проявляется, то, прямо скажем, довольно аморально.

Свобода требует постоянной борьбы, умения видеть все последствия своих действий, их влияние не только на себя, но и каждого постороннего. Умения исправляться, учиться и морально расти. Как это тяжело! Бывают случаи, когда разочаровавшись в идеалах и людях, отвергнув массовое общество, человек... нет, не становится морально автономным. Он опять подчиняется - но теперь своей депрессии, отчаянию или апатии. Он прикрывает больную совесть напускным цинизмом, начинает ненавидеть окружающих и жить опять становится легче. Впрочем, усталость и безразличие хоть немного присущи каждому из нас. Человек просто не в состоянии постоянно бороться, особенно в обществе системного насилия, где собственное бессилие слишком очевидно.

Подчинением, но теперь своему благополучию, сытости и определенности, также можно объяснить боязнь перемен, желание оставить все как есть, даже если разум уже видит неправильность и знает как следует действовать. Личный консерватизм говорит о поражении в борьбе с детерминизмом, о моральном упадке и смерти автономии. Человек полагается на стабильность и плывет по течению, получая удовольствие от привычного.

Во всех этих случаях человек сознательно слагает с себя ответственность за общество и тут пора вспомнить о личной сфере. Автономия начинается с ответственности в семье. И с наказания тоже - как условия и воспитания, и восстановления справедливости. Я знаю, друзья, вам это уже надоело, но "правильное" насилие - это важно! Суд нейтрален и публичен, но обязанность и право наказания должно остаться личным. В чем смысл самостоятельности, если за тебя решает и наказывает кто-то иной, которому твои обиды глубоко неинтересны? В чем смысл ответственности, если отвечать приходится перед безликой государственной машиной, которая всех гребет под одну гребенку? А если придется отвечать перед теми людьми, которые пострадали?

Когда ребенок становится взрослым? Когда он принимает на себя ответственность. Когда он замечает, что все вокруг зависит от него тоже. И когда, изрядно набив руку

журническим исправлением отметок в дневнике, как бывало у нас в школе, он вдруг сам исправляется и начинает исправлять их честно занимаясь до самого утра. К ответственности нельзя принудить, воспитание ее требует доверия и риска. Да, каждый пока вырастает набивает шишки, без этого еще не получается. Однако, если бы родители, вместо доверия беспрерывно опекали и потакали - никто бы не вырос. Вот мне, например, повезло - я вырос и даже научился писать. Нынче, когда детей воспитывает государство, а не родители, мне бы этого уже не удалось.

14 Власть

- Аморальная забота

Власть - способность или возможность постоянного, систематического насилия, подчинение которому как правило недобровольно, хотя и не всегда осознанно. Власть может быть основана на любом виде насилия, однако некоторые виды власти, например эмоциональная, свойственны скорее личным отношениям. Власть может также начаться с добровольного подчинения, но затем постепенно так подавить волю, что человек уже не может вырваться из под нее, даже если желает. Из всех видов власти нас больше всего интересует государственная в силу своих совершенно необъятных размеров и, соответственно, вреда. Такая власть осуществляется людьми, круг которых, равно как и сам этот социальный институт, также вполне логично называть "властью", в отличие от только внешней ее оболочки - формально "нанятых", избранных или как-то еще временно исполняющих обязанности руководителей/правителей/предводителей. Кстати, именно эта внешняя оболочка - институциональная власть - есть особенно изощренное зло, в силу ее формальности и, тем самым, видимости моральности.

Обычно вред государственной власти видится в том, что она блюдет лишь свои корыстные интересы. Дескать, сама по себе власть неизбежна и, стало быть, это не зло, а "реальность" - такая же как, например, сила тяжести. При таком подходе упускается из виду вред самого этого института, особенно заметный в "гуманных и прогрессивных" формах власти - тех, где она ограничена и контролируется подвластными. Разумеется, ни о каком реальном контроле не может быть и речи. Главный корыстный интерес власти - бесконтрольная власть, и для его реализации она обладает несопоставимыми с подданными возможностями. Свобода возможностей - одна из сущностных черт власти, поэтому оставим в стороне иллюзорность фантазий о сдержках, противовесах и прочей машинерии, и поразмышляем - в чем заключается вред "гуманной" власти? Вред прочей власти, как и власти вообще, слишком очевиден чтобы о нем рассуждать.

Как ни странно - в ее "пользе". Демократическое государство многим кажется вершиной прогресса и пиком цивилизации. Ибо обычный, рядовой гражданин отныне свободен, наделен правами и надежно защищен, всю тяжелую работу и заботу о чем взял на себя этот удивительный институт. Освобожденный гражданин даже пребывает в иллюзии, что никакой власти и нет - разве выбранные им руководители власть, а не "слуги"? Гражданин этот более не может и мечтать о самоуправстве - о самозащите, о наказании виновного, о возврате украденного, даже о том, чтобы назвать вора вором. В чем-то это наверно неплохо - не каждый желает лично сопротивляться насилию. Но как же быть с этикой? Ни мораль, ни этика не знают никакого государства. Может этика вообще устарела? Может, вместо человеческой этики настало время государственной? Там, в

глубине этой адской машины рождаются идеалы, цели, нормы. Государство становится единственным действующим субъектом, общественным организмом со своим разумом и моралью. Гражданам остается лишь безропотно следовать его предписаниям и изредка высказывать свое мнение, которое впрочем, государству не особенно интересно. Граждане, они ж как дети - что от них можно услышать путного? Да и много их, всем не угодишь. Важно не слушать, а учить, вразумлять, воспитывать. А главное - снабжать законами и наказывать.

И в итоге этой "заботы" большинство граждане действительно становятся детьми. Они уже не против власти. Они приспособились к ней как к силе тяжести, они превратились в ленивых стадных животных. Свобода для них выглядит все более отвратительной, ведь каждому живому существу хочется заботы и покровительства. Власть утешает и защищает, свобода - пугает и отчуждает, и чем ее больше, тем сильнее хочется заботы. Посмотрите на нынешний победивший либерализм. Рынок разрушает семью, создает массы одиночек. Каждый из них беспомощен без государства, они - его дети, одна большая семья.

Вот эта деформация характера человека, лишаящая его автономии и превращающая в раба - главный вред "заботливой" власти. Общество формируется и движется вперед благодаря лучшим, масса лишь следует за ними. Но власть, утрамбовывая, подминая население, уничтожает лучших. Массы может и становятся более вменяемые и покладистые, законопослушные и мирные, но ненадолго. Ибо инфантилизация населения, осуществляемая демократической властью, рано или поздно подрывает ее саму. Демократии рушатся не от избытка свободы, как принято считать со времен древних, а от отсутствия автономии и этики. Недостаток автономии - следствие принятия властью на себя моральной ответственности. Управление вообще предполагает ответственность. Управление обществом предполагает моральную ответственность. Открыто насильственная власть вызывает сопротивление и мысли о свободе - как ребенок, вырастая, бунтует против авторитарных родителей, так и угнетенные подданные взыскуют свободы. Результат - освобождение и моральный прогресс. Демократическая власть стремится угодить формально свободным избирателям, принимая за них решения и лишая их фактической свободы - так заботливые родители балуют ребенка, лишая его воли и стимулов к борьбе и труду. Результат - эгоизм и апатия, т.е. моральный инфантилизм, проникающий постепенно в механизмы власти и разрушающий всю конструкцию. Общество загнивает, погружается в аморальность и в конце концов возвращается к насилию, но уже не во имя свободы и общего блага, а во имя эгоистичного интереса. Насилие неизбежно, потому что забота об аморальных переростках не может длиться бесконечно - она истощит любые ресурсы.

Степень подобного морального разложения особенно заметна в социалистических формах государства - устроенных на "благо человека". Там подданные практически полностью лишены возможности влиять на результаты своей деятельности. Власти плотно заботятся обо всех, обеспечивая полный спектр услуг и товаров - от салфеток до песен. Такая медвежья форма заботы еще более кратковременна, чем демократическая, благодаря чему мы имеем редкую возможность наблюдать результат уже сейчас. Атрофия морали, обнажившаяся с крахом системы, показывает, что в обществе не остается вообще никаких моральных сдержек - только биологический эгоизм и зоологическая зависть.

- Обреченность власти

Попытки власти морально оправдать свое насилие заботой и вытекающий из этих попыток разрушительный результат, только показывают всю обреченность системного насилия. Если необъективные формы этики исторически оправдывали самые разнообразные насильственные социальные модели, то объективная этика начинается с того, что отказывает власти в праве на существование. Она доводит процесс устранения насилия до конца, хоть при этом, к сожалению, не говорит, как ей это удастся. С нашей нынешней моральной высоты уже очевидно, что отличие власти от прочего насилия лишь в том, что власть - "узаконенное" насилие, т.е. насилие, которое исторически оказалось возведенным в моральную норму, оказалось принятым по умолчанию естественным ходом вещей. Люди, разумеется, могут придумать любые нормы, но все они этичны ровно настолько, насколько отвергают насилие или на худой конец ограничивают его. Для существования власти нет никаких объективных причин. Широкое хождение имеет мнение, что власть необходима как раз для охраны норм от ненормальных людей. Сами власть имущие очевидно глубоко нормальны. Логичным продолжением такой наивной позиции будет поход к началам истории и сакрализация власти, признание ее происхождения прямиком от бога. Неясно только, в чем заминка на этом пути к царству божьему.

Первоначально власть требовалась для выживания коллектива, поклонение ей было необходимо, можно сказать детерминированно, и коллективная мораль имела к свободе весьма отдаленное отношение. Когда ненормальных слишком много, шансов у свободы мало. По мере расширения коллектива и утверждения договорных отношений, нужда во власти уменьшается прямо пропорционально укреплению этики и свободы. Чем свободней и этичней люди, тем меньше потребность в выживании, управлении или заботе. Коллектив, и с ним коллективное принуждение, отражаемое в любых видах власти, перестает быть неизбежностью и необходимостью, становится объектом свободного выбора. Договорные отношения позволяют создавать человеческие общности, а в них социальные модели и структуры, как того хотят участники, без необходимости поддержания их средствами постоянного насилия. Социальное творчество освобождается от пресса власти, всегда заинтересованной в консервации статус кво. Помогает в этом власти, равно как и изобличает ее, постоянный поиск и создание ею внешних и внутренних врагов, раздувание опасностей и массовых истерий. Само наличие власти провоцирует вражду и соперничество - власть мобилизует и направляет насилие, она воспроизводит потребность в выживании и в самой себе.

Насилие может быть добровольным, но подобная добровольность требует явно выраженного, а не подразумеваемого согласия. А такое возможно только в личных отношениях. Договор с посторонним, т.е. договор социальный, отвергает насилие в принципе, поскольку в противном случае он теряет смысл. Поэтому явное, социальное согласие на властвование получить невозможно. Власть имитирует согласие подданных на насилие "легитимацией" - логической фигурой, суть которой сводится к тому, что несогласные не сопротивляются достаточно упорно, бессовестность чего выходит за рамки любой этики, не только объективной.

Легитимность нынешней демократической власти, со слов ее идеологов, подтверждается тем, что люди добровольно голосуют на выборах. Однако это никак не

оправдывает существование власти. Голосуют они, не голосуют, результат всегда один и тот же. И он не может быть иным. Легитимность системного насилия не может быть поставлена на голосование. Более того, если люди не голосуют с достаточным энтузиазмом, власть может легко принудить их к тому. И факты такие есть. Ну, а почему бы и нет? Власть может ввести любые законы, в том числе "самолегитимирующие". Да собственно, именно так все они и были введены. Что касается выборов из навязанных альтернатив, а иных альтернатив быть не может, это не более, чем изощренный способ обмана.

Надо ли говорить, что власть - не только наиболее живучий, но и наиболее аморальный институт, изобретенный людьми? Власть порочна в самой своей основе - никакие попытки ее улучшить не меняют ее сути и история уже исчерпывающе доказала это. Власть, любая - не более чем историческое и даже биологическое наследие, своего рода переходная ступень между насильственной и автономной этикой. В этом ее двусмысленность. Если объективная этика - в природе человека, то власть - атавизм детерминизма. Этика началась как ограничение физического насилия внутри коллектива, в том числе со стороны иерархов. Потом нормы стали требовать и обуздания экономического насилия. В наше время уже делаются попытки, хотя и робкие, бороться с властью информационно - свободой слова (точнее мысли), независимостью медиа (точнее мнения), образованием (точнее общением). Автономия становится не мечтой, а почти реальностью. Все идет к тому, что у власти отнимут и моральное право править.

Но пока до этого далеко. Пока власть организует, направляет и консервирует инфантильное население, не способное управлять собой, для которого вершиной рефлексии являются все те же вопросы - а зачем мне свобода, а зачем мне мораль? И куда граждане не научатся отвечать на них без запинки - без власти им не обойтись.

15 Право

- Закон против власти

Впрочем, я наверное слишком суров к современникам. Власть - насилие, заключенное (возведенное?) в норму, отчего этика, на самом деле, получает над насилием определенное преимущество - ведь главным теперь является норма. Была бы норма - и со властью рано или поздно будет покончено. В этом причина, почему наличие власти - еще не повод для отчаяния. Узаконенная, ограниченная, поставленная в нормативные рамки власть - признак цивилизации. Цивилизованное общество отличается от варварского тем, что первое управляется законом, а второе - произволом. Правовое государство, государство, где правит закон - и прилагающееся, конечно в этических рамках, законопослушание - это действительно лучшее, что пока создала цивилизация.

Но как закон может свергнуть власть? Разве источник закона не сама власть? Пока да, но формальность постепенно придет в конфликт с правом власти навязывать свои законы. Это право власти - все то же право сильного, хоть большинства хоть меньшинства, для оправдания подкрепленное соответствующей нормой. Но если есть такая норма, значит есть и повод для оптимизма, потому что тогда источник закона - не власть. А что? Конечно этика, и чтобы унять законотворческий зуд власти, надо просто

извлечь фундаментальный принцип, лежащий в основании объективной этики, формализовать его и положить в основание права.

Ведь что такое закон на самом деле? Этика, выраженная в формальном виде, обычная этическая норма, с той лишь разницей, что этический закон - это обязательно запрет, в то время как норма - не обязательно. Если свобода раскрашивает нашу жизнь цветными красками, право пытается передать ее в черно-белом варианте. Чем больше объективности в правовых нормах, тем точнее картинка. Например, закону должны подчиняться все, закон трактует людей как абстракции, невзирая на лица. А это уже шаг к объективности. С другой стороны, как учит рис. 2.1, закон может легко узаконить сословия и неравенство, а право оказаться насквозь неправым и оправдывать если не полное бесправие, то уж несправедливость наверняка. То есть сама по себе формальность и всеобщность закона - еще не гарантия этичности и тем более объективности. Абстракция человека в законе может быть недостаточно абстрактна, она может приобретать разные содержания, в зависимости от тех ролей, которые там прописаны. Человек может быть гражданином, может государем, а может и рабом. Равенство абстракций вполне может уничтожаться неравенством ролей.

- Фундаментальный принцип

Где же нам взять главный принцип? Как нам обнаружить ту исходную формальную точку, откуда начинается вся этика? Может, надо исходить из наших принципов организации общества? Они звучат довольно формально, их нетрудно превратить в закон. Например, "человек должен обладать свободой воли". Очень хорошо. "Человек не должен навязывать свою волю другому". Еще лучше. Можно развить дальше. "Человек должен отказаться от всякого насилия", "человек должен быть свободным", "человек не должен обманывать", "человек должен думать". Как много хорошего! Правда толку пока мало. Как определить, что такое свобода? Воля? Насилие? Навязывать? Обманывать? По сути все верно, но по форме мы явно впали в мышление абсолютами. Как быть, например, когда человек захотел отказаться от свободы и стать на какое-то время рабом? Важна не роль, а то, как она получилась. Праву нужны не столько сущностные принципы, сколько процедурные, чтобы их можно было прикладывать к любым ситуациям, действиям, отношениям.

Иными словами, важен не закон, а законодательная процедура. Причем поскольку сама эта процедура тоже должна быть прописана в законе, мы упираемся в самый первый исходный процедурный принцип/процедурный закон. Формальная этика лишь говорит нам, что подходит любая процедура. Уже само наличие процедуры отличает право от произвола. Проблема в том, что пока не придумано ни одной процедуры, которая бы гарантировала отсутствие произвола. И это неспроста - ее не может быть. Произвол - это когда источник права тот, кто ему предположительно должен следовать. Стало быть понятие процедуры означает, что источник права отделен от тех, кто ему подчиняется. Увы, кроме бога или законов природы полагаться нам не на кого.

К счастью, есть еще объективная этика, которая опирается на одну единственную, объективную процедуру. И в этом ее отличие от любой другой формальной этики. Но ведь такой процедуры не может быть?! Конечно. Она существует только как абстракция, как конечный пункт. На зато к ней можно стремиться. И поскольку ОЭ гарантирует нам возможность благоприятного исхода договора, она гарантирует нам и приемлемую

процедуру. Хотя и в весьма отдаленном будущем.

Объективная законодательная процедура - наиболее универсальная из всех возможных. Это значит, во-1-х, что ее объект может находиться в единственной роли, т.е. законополучатель обязан быть самой абстрактной абстракцией. Только в этой его сущности можно надеяться на отделение суетного от основополагающего, охват поголовно и равно всех. Во-2-х, ее субъект также должен находиться в единственной роли, т.е. законодатель совпадает с той же абстракцией, ибо только она и может быть источником права. Мы же не хотим дать кому-то привилегии придумывать законы? В общем, получается заколдованный круг, который, однако, дает ответ - источник лежит одновременно и в каждом человеке, и вне его, а значит - в другом человеке. Иными словами, каждый получает норму от каждого другого и сам делает то же самое. Мы приходим к всеобщему договору, где стороны - абсолютно посторонние и этим равны.

Но что дальше? Дальше надо, во-1-х, выделить суть абстракции человека, о которой мы столько говорили. "Символ общества", "модель человека", "человек вообще" - что это? Это то общее, что объединяет всех, т.е. свобода. Иными словами, участник договора - любой свободный субъект, нечто, обладающее разумом/свободной волей и находящееся в состоянии свободы. Во-2-х, надо включить в договор всех, кого он касается. Ибо как иначе нам получить универсальные абстракции из конкретных, уникальных людей, загруженных своими субъективными проблемами? Надо сложить их вместе и разделить на N! Только объединением всех возможных уникальностей достижима та абсолютная универсальность, а субъективностей - объективность, которая требуется свободе. И тогда мы можем сказать, что добровольное участие каждого члена общества, включая разумеется потомков, превращает договор в законодательный съезд и учредительное собрание. Конкретные роли и правила, прописанные в результате соглашения могут оказаться любыми, но все они будут законны, если участники приняли их в отсутствии всякого взаимного насилия, принуждения, давления, влияния и т.п, равно как и наличия специфических нужд и потребностей, делающих их обладателей несвободными, в условиях максимально возможной внешней и внутренней свободы принятия решений. Участники должны стремиться к полной объективности в учете требований, интересов и предпочтений каждого, к согласованию личных целей и ценностей, к точному балансу возможностей. При этом они должны быть честны, искренни, открыты в своих мотивах и вообще использовать все возможные моральные механизмы, помогающие достижению общего блага - успешного соглашения. Они также должны обладать всей полнотой информации и вообще добиваться максимального знания об окружающем мире и самих себе.

Остается сформулировать все это кратко и мы получим основополагающий принцип объективного права, которым вполне можно руководствоваться для изложения 1-й статьи договора и попутно - девиза на знамени всякого свободного общества. Для краткости я сформулирую этот фундаментальный принцип в виде букв "ФП".

- Практика

Первый вопрос, который приходит в голову - а почему нет цели договора? Откуда известно, что в его результате появится свобода? Вдруг люди договорятся выбрать себе императора или устроить коммунизм? Что ж, мы просто забыли, что говорили чуть выше об основе договора - когда мы соберем всех свободных людей и поставим их в

свободные условия, результатом будет именно свобода, ибо это единственное, до чего они смогут договориться. А если договорятся до императора - что ж, значит это и есть свобода, можно сказать ее обличие. Хорошо, а откуда возьмутся сами свободные участники? Ведь свобода только появится из договора? В этом, безусловно, проблема. Как и в самой абстракции ФП, который должен появиться в процессе договора. Однако нас не должны смущать парадоксы! Из договора появится большая свобода, чем была, ФП - путь ее расширенного воспроизводства. И так же появится улучшенный вариант ФП, свобода - условие работы нашей процедуры. Ну, а что касается начала процесса, начало мы как-нибудь положим.

Далее, ФП упоминает "каждого такого члена общества", а как быть с преступниками например? Вот оно - слабое место! На самом деле отказники нам не нужны - какое отношение они имеют к свободе? Для участия требуется безоговорочное, незамутненное возможным недоверием согласие с ФП, что и есть тест на звание свободного человека и наличие мозгов. Только так можно отличить разум от рассудка, а свободных людей от прочих обладателей членораздельной речи! А согласятся ли потомки? Конечно, потомки людей - люди, в этом пока можно не сомневаться. Но что дальше? Как договариваться? Ясно же, что учредительное собрание - это натуральный бред! К счастью, собирать в одном месте всех, включая потомков, и не требуется. В этом чудо этики и парадокс объективности. Последняя требует консенсуса всех возможных субъективностей, но поскольку сам консенсус возможен лишь вследствие стремления к нему, преодоления каждым своей субъективности в поисках общего, для договора может оказаться достаточно двоих, если больше никого пока нет! Если они ведут себя этично, они преодолевают свою субъективность, успешно превращаются в абстракции и тогда их договор вполне может являться основой объективного права. Правда, объективность эта будет не очень объективной. Дальше если надо, к ним может присоединиться третий со своим особым мнением и тогда договор будет подправлен в сторону объективности. А потом может подключиться четвертый. И пятый. Дальше думаю, все понятно, дальше можно не добавлять.

Чтобы развеять ненужные сомнения и выразить это более осмысленно, можно сказать так - чем этичнее, свободнее, независимее друг от друга субъекты договора, тем ближе к объективному результату их соглашения. Ведь сам факт того, что им удалось договориться свидетельствует о том, что объективное обнаружилось! Ну а на практике, независимость друг от друга достигается только подключением к договору новых субъектов - и чем их больше, тем выше шансы достигнуть в итоге все более трудный, но и все более объективный результат. Правда тут есть нюанс. Если любое взаимодействие между людьми потенциально может стать источником норм, то тогда как новые нормы станут известны остальным? Незнание закона освобождает от ответственности, ибо закон, принятый вне договора не легитимен - и это в точности то, что происходит в случае объективной этики! Свобода всякий раз ставит логику в тупик, наши размышления углубляются, а письма удлиняются. Так, что извините, друзья, но это еще не конец.

Спросим себя честно: решили ли мы свою задачу - найти и формализовать основополагающий принцип ОЭ, пригодный для права? Очевидно нет, наша попытка создать абсолют или раскопать его в основаниях ОЭ позорно провалилась. И не будь мы невнимательны, мы бы сразу сообразили, что это невозможно. Ведь закон - это формальность, а из формальности никак не могут вытекать новые формальности, тем

более все остальное право. Формальный источник права, принцип, позволяющий придумывать новые законы, принципиально невозможен! Однако это не значит, что власть непобедима. Мы решили нашу задачу частично - нашли подход к принципу, хоть у нас и не вышло его формализовать. "ФП" звучит формально, но не слишком практично. Но зато ФП указывает нам путь к формализации - посредством его постоянного применения к самому себе. Этого не достаточно для закона, но вполне достаточно для того, чтобы уничтожить власть. ФП ясно определяет источник формальных норм и формального права - и это не власть, конституция или естественные права. Это - договор свободных этических людей.

Вообще говоря, ничего нового тут нет. Поиск подобного неизменного принципа - и так же безуспешно! - исторически шел в том же направлении - отделения права от конкретного человека. Сначала от произвола выживания к первым традициям - любым, абы не своеволие. Потом источником стал сплав традиций с религиозным мифотворчеством, в конце концов сумевшим выделить достаточно узкие наборы заповедей. Потом к проповедникам присоединились философы и писатели. Появились идеи социального договора и естественных прав. Наше время ошарашено демократической процедурой, сосредоточившей источник законов в правах человека, на которых основаны государственные конституции, написанные умными людьми. Но если этот долгий, неразумный исторический процесс идет по пути создания норм, слепо приближающих общество к свободе, то разумный, хоть и не исторический, может (и должен) идти в обратном направлении. От конечной точки, ФП, к поиску конкретных норм. Тогда результатом договорных усилий явятся правила опытно-прецедентные и одновременно теоретически-позитивные. Эти нормы сформируют новое, объективное право, формализующее договор и опирающееся на те замечательные моральные механизмы, которые мы рассмотрели. Примерно, как это выглядит в правой части рис. 2.1. В конце концов, как еще появлялись работоспособные нормы, выдержавшие проверку временем? Тем же договором, только неявным - в конце концов, не зря наша этика называется "объективной". Да и то что мы тут делаем, друзья, равно как и наша будущая книга - все это части ОЕ, участие в нашем совместном договоре, пусть и такое своеобразное. В этом мы лишь идем по следам предшественников - всех тех кто излагал свои мысли на бумаге в надежде быть услышанным и понятым. И разве все это не доказывает, что мы в конце концов не ошиблись, хоть и не преуспели - ФП, как и ОЕ, правдива, истинна и безусловно объективна?

Поскольку абсолюта мы не придумали, мы навсегда остаемся с вечным поступательным процессом поиска новых норм и отмены старых. А значит - и с вечными этическими конфликтами. Норма всегда относительна, как и справедливость, стоящая за ней. Свобода - всегда абсолютна, на что указывают наши моральные механизмы. Зато без власти с ее насилием, разрешение этических конфликтов становится не только не мучительным, но даже приятным. Хитрость в том, чтобы найти договором максимально правильную норму, т.е. такую, изменение которой не потребует как можно дольше. Как это сделать неизвестно, но в поисках далекой истины первую скрипку должна безусловно играть ОЭ.

16 Нормы и свобода

- Процедурная справедливость

Как мы могли убедиться выше, объективная этика предъявляет к человеку поистине нечеловеческие требования. Но если она столь строга, как жить? Как будет выглядеть объективное право? Какие практические нормы могут появиться на свет из столь строгого ФП? Например, полная открытость и правдивость никак не сочетаются, скажем, с игрой в покер. Значит ли это, что играть в карты станет неэтично? Конечно нет. Ведь правила покера тоже появились из договора! И что-то мне подсказывает, что этот договор был абсолютно свободным, можно сказать - исходил из ФП. А если это так, то и покер, несмотря на его кажущуюся неэтичность - вполне этичен. Ведь это только игра!

Но поскольку вся жизнь игра, пример покера показывает роль ФП в жизни. Покер - это процедура или комплекс норм, построенных с определенной, практически полезной целью, в данном случае - развлечения. Поведение людей при игре в карты подчинено ясным правилам, их нарушение наказуемо, а результат процедуры справедлив, потому что так было "оговорено в начале" - когда составлялись правила. Помимо покера, нормы охватывают и все остальные стороны жизни, образуя социальные институты, процедуры, роли, статусы и различные символические социальные сущности, например, водительские права или финансовый капитал, и порождая блага, необходимые людям, например, дорожное движение или свободный рынок. Уже слово "блага" намекает, что цель правил расходится с целью этики. Цели правил практичны и конкретны - они порождают для нас новые чудесные возможности. Цель самой этики бесполезна и абстрактна - свобода, а ее самое, пожалуй, конкретное воплощение - участие в ФП-договоре. Этой конкретикой этика прочно связана с правилами - она порождает сами правила. Бесполезная этика обеспечивает справедливую процедуру нахождения полезных процедур, что делает их результат таким же справедливым, как она сама.

Этика озабочена не целью процедуры, не ее результатом и следовательно не ее конкретной пользой. Она озабочена ее правильностью - ясностью и доступностью описания, его точностью и полнотой, исключаящей неявные, неформальные возможности и привилегии, тем, как люди вступают в нее и принимают на себя ее нормы, как наказываются их нарушение. Что толку, что покер справедлив, если к столу допущены только избранные? Процедура - распределение прав и обязанностей, а значит со свободы выбора ролей, свободы их смены и выхода из игры, включая справедливость требований допуска, должна начинаться любая процедура - хоть покер, хоть экономика, хоть дорожное движение. Поскольку свобода - основа всякой справедливой процедуры, задача этики - обеспечить только эту свободу, а не то, каким нормам будет следовать выбравший их. Поэтому конкретные правила на первый взгляд вполне могут идти вразрез с объективной этикой - например, утаивание информации в карточной игре, отношение к подвыпившим, но вполне ответственным водителям или наличие экономического неравенства участников рынка. Но все эти отклонения могут быть вполне этичны и справедливы, при условии, если их существование было материализовано честным договором. Более того, наличие в их основании этики позволяет исправлять правила, если выясняется - а оно обязательно выясняется - что не все было учтено на этапе их разработки.

- *Вошебная черта*

Почему обязательно? И почему вообще получается, что правила идут вразрез с этикой, пусть на каком-то небольшом отрезке времени или участке процедуры? А как же неуловимая черта? Разве свобода не то идеальное состояние, к которому мы все стремимся? Не все так просто. То есть стремиться мы стремимся, но к чему? Абсолютная свобода не поддается осмыслению. Она может означать одно из двух - или полный хаос, или полную неподвижность. Впрочем, одно не далеко от другого. Возьмем дорожное движение. Абсолютная свобода кого-то одного двигаться с максимальной скоростью, означает абсолютную свободу остальных оставаться неподвижными. Свобода всегда требует удовлетворения взаимоисключающих требований. В данном случае - эффективности и безопасности. А если брать рынок - свободной конкуренции и абсолютного равенства. Объективная этика ищет то состояние, которое максимально удовлетворяет сразу все стороны и при этом никого в отдельности. Своеобразное динамическое равновесие. Полная, но постоянно ускользающая гармония.

Движение - всегда насилие. Убегая от насилия, мы одновременно создаем насилие. Как же мы можем идти к черте, ведь черта - это предел? Волшебную черту можно вообразить в виде линии горизонта, или лучше дна фрактала, куда можно стремиться, правда не особо приближаясь. Это граница между пространствами возможностей субъектов. И одновременно - цель, абстрактная и бессмысленная. Приближаясь, мы сами наполняем ее смыслом и делаем это с помощью норм. Придумывая социальные модели и институты, мы и приближаемся к черте, и одновременно удаляемся от нее, как идя к горизонту или погружаясь во фрактал, мы одновременно открываем новые пространства, отдаляющие нас от цели. Рождение новой свободы - это творческое создание новых возможностей, причем строго на черте. Если возможности появляются где-то сбоку - это не свобода, а насилие и несправедливость. Черта - что-то типа генератора возможностей, новые возможности словно вытекают из нее и расширяют пространство вокруг, делая субъектов все более независимыми друг от друга. Мы маркируем новое пространство нормами, чтобы оно не сжалось обратно. Мы запрещаем правилами насилие, чтобы оно не мешало создавать новые возможности.

Так рождаются средства устранения взаимного влияния, преодолевающие любые силы природы, делающие каждого максимально независимым от соседа. Единственный способ стать свободными - раздвинуть границу так далеко, что перестать ее замечать, сделать людей бесконечно далекими друг от друга, превратить их в абстракции. Фактически, поиск границы - это преодоление материи в самой общей форме, вплоть до уничтожения пространства, потому что пространство - одно на всех и мы так или иначе столкнемся с соседом, если не будем внимательны. Вот почему свобода так же бесконечна, а черта - глубока, как и сама объективная реальность. А нормы - то, что из нее получается, когда мы ее раздвигаем. Отходы, так сказать, производства.

Так что отклонение норм от объективной этики - кажущееся. Во-1-х, важно, как нормы были получены, а во-2-х, оно временное. Практическая польза обязательно устареет и заменится чем-то более совершенным и более этичным. И так будет всегда.

- Бесконечность правил

Объективная этика требует полной формальности и строгих правил. Как ни грустно, это и есть свобода. Попасть в мир, где все возможно и все неизвестно, можно только следуя правилам. Правила - это дорога, позволяющая избежать насилия, потому что там где

нет правил, есть только произвол, игра сил, несчастный случай и смерть. Но та же свобода требует выхода за правила. Новое невозможно, если следовать правилам, а свобода - это всегда новое и неожиданное. Результат - бесконечное движение от одних правил к другим, от старых - к новым, от насилия - к его запрету, а от запрета - к новым возможностям насилия. Сравните свободу с детерминизмом - обновление правил и движение вперед против неизменных законов и нелепой случайности.

Не сбиться с нужного направления помогает договор. Объективность договорных норм не в их неизменности, а в том, что каждая новая норма оказывается ближе к свободе. Именно это и гарантирует правильная процедура. Для иллюстрации возьмем что-то конкретное. Например, запрет физического насилия. Вроде просто. Но вот беда, запрещая физическое насилие, мы никак не можем избавиться от нашего физического существования, которое по самой своей сути чревато лобовыми столкновениями, особенно при движении быстром. Как же быть? Всем нам надо перемещаться в пространстве и желательно на собственной машине. Такая поездка - это риск столкновения, т.е. ужасного физического насилия. Как его избежать? Очевидно принять норму, запрещающую поездку на машине. Эта норма - уже шаг к свободе, потому что она гарантирует нам отсутствие столкновения с машиной. Но это правило совсем не обладает объективностью - на нынешний автомобильный взгляд. Та же свобода требует, чтобы мы могли ездить. Поэтому есть смысл принять закон, разрешающий движение, но, например, в одну сторону. Так мы заменяем прежнее правило несколькими новыми, более объективными. Следующим шагом мы разрешаем некоторым ехать влево, а некоторым - вправо, но строго по своим сторонам. Идея понятна. Откуда мы знаем, какие правила принимать? Может нам помогают небеса? Нет. Нам помогает ФП - как людям надо, так они и договорятся. Только их договор делает новые правила более объективными. И в конце из этого договора получится идеальное движение - бесконечно удобное и бесконечно безопасное. Даже если для этого потребуются бесконечные переговоры.

Что же дальше? А дальше правил становится так много, что человек не сможет помнить их все. Точнее сказать, правил становится бесконечно много, и вместо следования правилам, становится легче следовать принципу. Более того, чем больше правил, тем менее они нужны - при всем желании человек не только не узнает их все, большая часть ему просто не понадобится. И мы уже на этом пути! Хотя мы только еще мечтаем о свободе, власть позаботилась о том, чтобы мы вкусили прелесть подобной ситуации - законов у нас столько, что их не помнят даже специально обученные люди. И вероятно, правильно - многие давно вышли из употребления. Уже, например, забыт запрет на трупоедение. Или на сжигание ведьм. Они не нужны, потому что человек, слава богу, научился обходиться без них.

Но что же все это значит? Что все сказанное выше - пустая болтовня? Ни правила, ни договор не нужны? А нужен только один принцип? Это какой же?

- Излишность законов

Насчет болтовни вам виднее, друзья мои, но что касается принципа, то это разумеется ФП. Вообразите - полная свобода, с формальными нормами на все случаи жизни, включая все возможные виды карточных игр, а из слепого раба правил человек превратился в зрячего морального агента, который их не замечает. Мы получили мир,

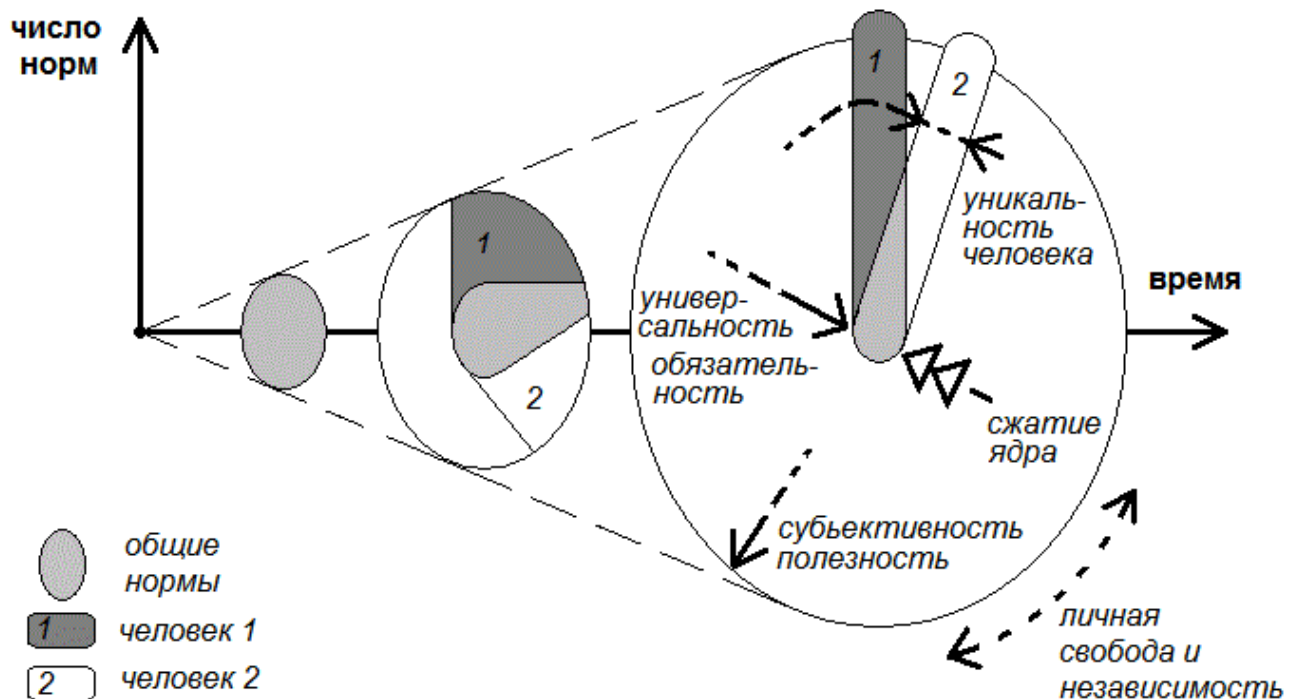

Рис. 2.2

где абсолютно этичные люди следует прямо ФП - он наконец материализовался вживую.

Чтобы лучше понять это, обратимся к рисованию, которым мы сегодня что-то долго пренебрегали. Накопление норм, происходящее с течением времени, напоминает конус (рис. 2.2). Каждая норма - база для пяти следующих, более правильных и точных. Рост количества норм приводит к расширению личной "свободы" каждого, понимаемой как пространство возможностей ограничиться уникальным набором норм. Чем больше норм - тем дальше, независимее и свободнее друг от друга люди. Фрактал как бы расталкивает людей, которые разделяют все меньше общих норм по мере удаления друг от друга (рис. 2.3). Если сначала все нормы едины для всех, то со временем растет уникальность людей - каждый способен усвоить все меньшую долю норм и выбирает ее индивидуально и все более свободно. Пространство норм приобретает структуру - оно выделяет этическое ядро, обязательное для всех, и все более произвольную культурную оболочку. Периферийные нормы несут практическую и эстетическую нагрузку, а чем ближе к ядру - тем ближе к чистой этике. Ведь как бы много не было норм, все они базируются на чем-то одном. А как еще можно обеспечить взаимопонимание и справедливое взаимодействие? Со временем ядро уменьшается и в бесконечном пределе, куда зовет нас ОЭ, сужается до единственного обязательного правила, ФП, который, как вулкан, постоянно извергает новые и новые нормы. Все пространство норм становится его продолжением, выражением и застывшим пеплом.

Аллегория несколько преувеличена. Конечно, знание ФП никогда не сможет заменить знания конкретных норм. Аллегория подчеркивает главное - свободным людям не

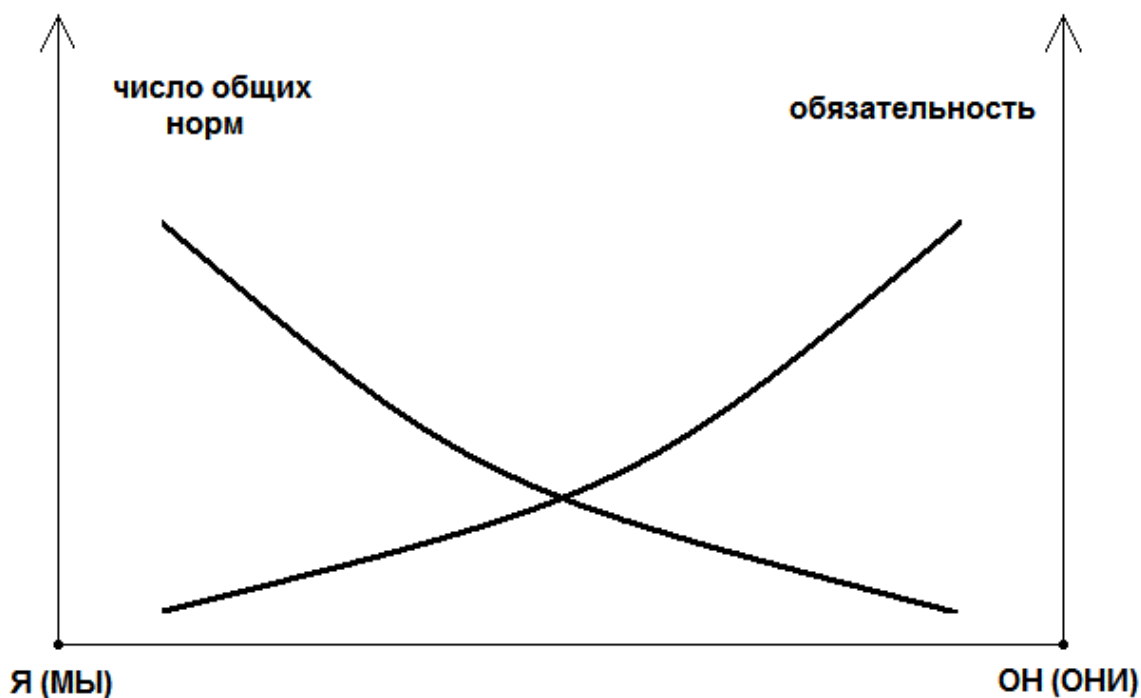

Рис. 2.3

нужны запреты, а значит и законы. Свободный человек и послушание, даже закону, несовместимы. Автономный уникальный разум, руководствующийся универсальным принципом, всегда найдет возможности взаимодействия с посторонними без насилия. Он, вероятно, не сумеет воспользоваться какими-то возможностями, но зато избежит проблем. Отсюда исчезновение безусловных запретов - когда люди совсем перестают соприкасаться, всякое взаимодействие становится результатом осознанного выбора, т.е. выбора, несущего сознательно выбранные запреты, а не безусловные. В этом - противоречие с обязательностью и всеобщностью закона, как формы насилия. Нормы обязательны, но лишь тогда, когда выбранная деятельность под них подпадает. Если человек, скажем, не увлекается ездой на машине, правила обгона его никак не касаются, правильно?

На рис. 2.4, получившимся расширением рис. 1.8 (отмечен квадратом) в обе стороны - попытка изобразить это более изящно. Традиционное общество - общество традиционного насилия, а нормативное - конституционной власти и позитивного права, в котором мы имеем счастье пребывать. В начале наши позитивные нормы базируются на традициях, но вытесняют их и быстро растут в количестве вместе с давлением власти, которая регулирует каждый вздох. Их число достигает пика и когда рождается договор, позитивное право постепенно заменяется объективным. Сперва новые нормы тоже частично основываются на предыдущих, но в какой-то момент происходит качественный скачок и безусловные запреты начнут отмирать, тогда как полезные нормы - продолжают умножаться. Рисунок показывает как через насилие власти, из неуправляемого животного, не понимающего законов, потому что они ему

Рис. 2.4

еще не нужны, получается свободный человек, не пользующийся законами, потому что они ему уже не нужны.

- *ФП как ответ*

Куда же дальше ведет нас изобилие норм? В сторону окончательного отмирания любых запретов, даже практически полезных. Пользу можно будет получить, обходя запрет! Смена правил и движение к свободе будут ускоряться. Может даже приближаться к скорости света.

Сравните. В обществе принуждения системное насилие оформляется позитивным правом, подавляющим автономию и уравнивающим всех подряд. Право служит арбитром в борьбе - его скрупулезная точность, последовательность, определенность и твердость являются необходимыми качествами для выполнения этой функции. С внедрением в массовое сознание ФП, более эффективно и удобно будет полагаться на свою моральную интуицию, которая одновременно станет одинаковой у всех, всеобщей. В свободном обществе нет политической борьбы, тупиковых конфликтов и застарелой вражды, стороны сами стремятся к компромиссу, ищут общий подход. В таких условиях арбитр, дотошность и строгость становятся излишними. Люди находят линию поведения все более автономно. Простой пример. Ограничение скорости действует для всех, но по-разному. Если основываться на насилии, то необходимо четкий запрет и постоянный контроль. Если опираться на этику, получится диапазон рекомендуемых скоростей - от неопытных до профессионалов. Каждый выбирает ту скорость, которая оптимальна как для него, так и для окружающих. Баланс, все одинаково довольны. С

одной стороны мы имеем жесткий закон, принудительно вбиваемый властью в головы инфантильных подданных, с другой - ориентир для автономии и самоограничения. С одной стороны - бездумье, обман и страх наказания, с другой - взаимное удовольствие, честность и чувство ответственности. С одной - насилие и аморальность, с другой - этика и свобода. Две моральные парадигмы и два вида права. Причем в одной рост количества норм приводит к углублению приобретенной коррупции, а в другой - к укреплению врожденной этичности.

Этот результат - следствие парадоксальности правил. Запрещая что-то, они дают свободу. Но когда правил бесконечно много, запрет не отличим от его нарушения. Другой парадокс - с бесконечностью теряет смысл универсальность. Правило - шаблон поведения, на который человек опирается, чтобы лишний раз не напрягать мозг в поисках нужного курса действий. Это лишь заменитель, шаг в правильном направлении, применение чужого и не слишком пригодного решения в личной, уникальной ситуации. Правило лишь временно заменяет идеал. Но чем уникальнее и этичнее люди, тем больше они полагаются не на чужие нормы, а свою способность пользуясь ФП быстро придумать и согласовать нужное правило. Которое, однако, окажется не менее универсальным, чем уникальным. Вся жизнь человека превращается в одно сплошное следование ФП. Он стал аналогом абсолютной свободы, до которой мы наконец добрались.

Но как бы заманчиво не выглядели наши уже традиционные фантазии о будущем, они не должны туманить наш взор и лишать ясного представления об этике, как о системе строгих норм, подлежащих беспрекословному и при этом абсолютно добровольному выполнению, равно как и способах их получить и улучшить!

17 Итоговая черта

Если мне опять не изменил склероз, то это все, что я хотел сказать об объективной этике. В ближайшем рассмотрении она должна выглядеть именно так. Ручаться за правильность, я конечно не могу, вне договора. Самое приятное, что ОЭ не так запутана, как кажется. Она, если честно, примитивна. Надо просто хотеть свободы. Это правильно потому, что насилие - неправильно. Вот, в двух словах, вся ее суть.

Однако примитивность этики не должна нас успокаивать и вводить в заблуждение. Примитивно еще не значит легко! Мы не можем точно сказать, что такое насилие, как выглядит свобода или какова на ощупь справедливость. Особенно в отношениях неизвестно с кем, где даже совесть, бывает, пасует. Ведь человек, которого не видишь, не слышишь и не знаешь - это и не человек вовсе. Что о нем беспокоится? Приходится выкручиваться, искать способы, напрягать и чувства, и разум, и волю. Но этика сама облегчает нам эту задачу. Она проводит черту - и мы понимаем, когда переступаем ее. И эмоционально, стыдом, угрызениями совести, и рассудком, когда видим - что-то не так, это уже перебор. А если самим не получается - то когда сталкиваемся с посторонним мнением, обоснованным или эмоциональным. Ибо вместе с чертой, этика снабдила нас всевозможными моральными "механизмами", служащими путеводителями в ее лабиринтах и противоядием от ее парадоксов.

У человека множество органов чувств - некоторые ученые насчитали семь, а некоторые

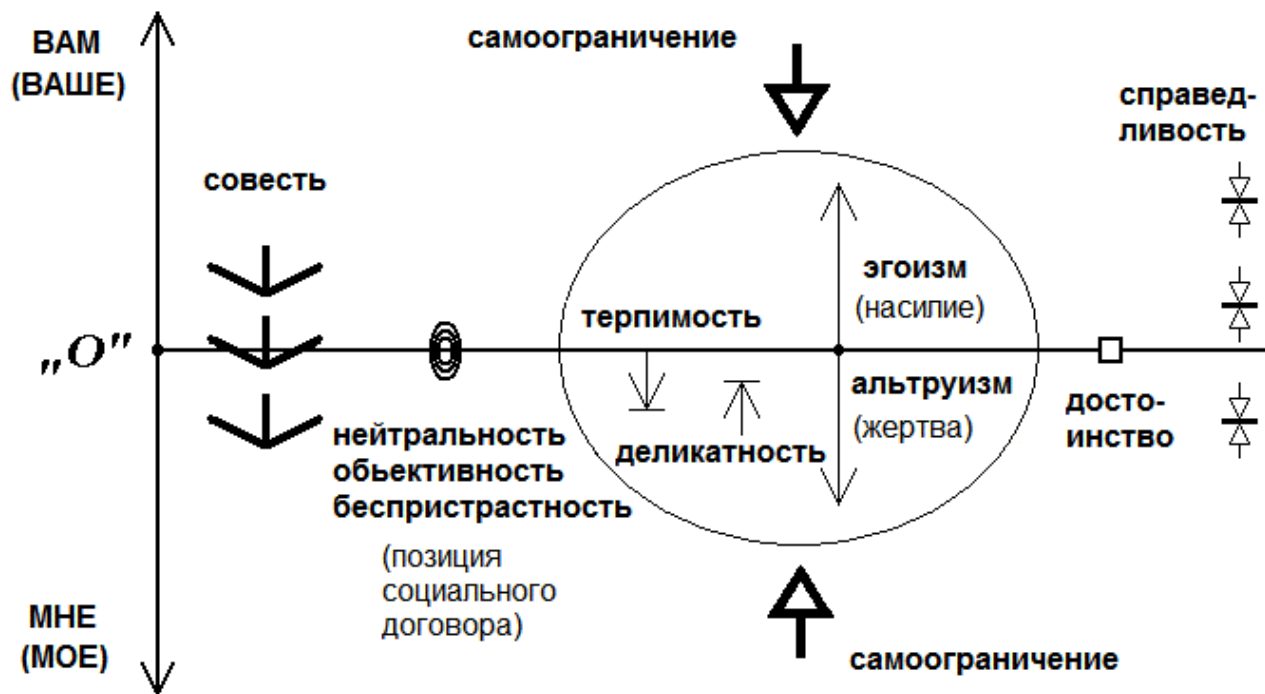

Рис. 2.5

дошли до двадцати. Но каким местом мы чувствуем свободу? Об этом ученые молчат. Вот нам и приходится за них отдуваться, самим разбираясь в этих механизмах. Если попробовать художественно изобразить некоторые из них (на остальные у меня не хватило фантазии), получится что-то типа рис. 2.5. Горизонтальная линия, помеченная как "O" - та самая черта, отделяющая субъектов договора. Как видно из рисунка, совесть - большой, но не точный механизм, мешающий субъекту вторгаться в чужое пространство и бесцеремонно возвращающий его назад. Нейтральность и т.д. - ключевые характеристики договорных и жизненных позиций в отношениях с посторонними людьми. Терпимость и деликатность корректируют субъекта, помогая находить общий язык в сложных ситуациях. Эгоизм и альтруизм (не механизмы, а помехи!) сталкивают субъекта с линии и уводят в сторону, но самоограничение сдерживает их, а также управляет терпимостью и деликатностью. Достоинство служит якорем, не позволяя отклоняться далеко. Стремление к справедливости толкает в сторону баланса, однако баланс этот не всегда бывает правилен - он фиксируется исторически, идеологически или как-то еще - когда достигнуто приемлемое распределение насилия. Но рано или поздно, когда осознается несправедливость ранее приемлемых норм, они пересматриваются и баланс сдвигается в правильную сторону - ближе к черте.

Черта также символизирует идеальный договор. Чтобы увидеть его, вообразите насилие от человека в виде стрелок вверх от черты (А), а к человеку - вниз (Б). Пусть длина стрелок отражает силу воздействия. Человек обычно сопротивляется внешнему насилию, однако силы его не бесконечны. Маленькие стрелки Б он может победить легко, а крупные - вряд ли. На такое способны только герои.

Стрелки А тоже встречают сопротивление и, что очевидно, сильные люди не только хорошо отражают стрелки Б, но и могут производить большие стрелки А.

Как перейти к договору? Надо ограничить насилие. Начнем со стрелок Б. Легко видеть, что каждый хотел бы в сущности одного - чтобы насилие к нему исчезло. Т.е. приемлемый уровень Б - не героический, а минимальный, доступный каждому, да еще и стремящийся к черте. Сложнее обстоит дело со стрелками А. Во-1-х, насилие к другим людям - обычно следствие насилия или внешнего, или нашей природы, т.е. стрелки А и Б связаны между собой и поэтому отказ от насилия требует некоторого усилия. Во-2-х, человеку свойственно лучше чувствовать насилие по отношению к себе, отчего стрелки А имеют тенденцию хотеть быть больше. Во-3-х, сильным насилие выгодно. Поэтому здесь договор идет трудно и приемлемый уровень А высок - люди способны согласовать лишь отказ от самого вопиющего насилия. Но это пока! Ибо стрелки А и Б - это одни и те же стрелки, только для разных людей. А значит договор устраивающий всех лежит там, где совпадают приемлемые уровни А и Б - на черте!

Этот последний рисунок, честно говоря, угнетает. Как можно жить под таким невыносимым моральным гнетом? К чему стремиться, когда все пространство целей и действий сжимается в одну точку? Чего хотеть, если все полезное, выгодное и сладкое запрещено? Не знаю, друзья мои. Как-то же мы с вами живем?

Вечно Ваш,
УЗ

PS. Может, наверное, показаться, что человек - это робот, запрограммированный кем-то на поиск свободы. Механизм - это расчеты, формулы и чертежи, законы динамики, психологии и медицины. Тут дело вот в чем, друзья мои. Ни один механизм не работает сам по себе. Каждый механизм надо не только сделать, но еще завести и включить. Кроме природы конечно, та работает сама. Вопрос скорее в том, почему мы включаем эти механизмы? Что подсказывает нам иную правильность и заставляет отказываться от заложенного природой порядка? Откуда в нас нечто, что фактически ставит нас на один уровень с самой природой?

Деятельность и смысл

Приветствую вас, друзья!

После таких серьезных вопросов, и не побоюсь этого слова, парадоксов, я до сих пор не могу собраться с мыслями и поэтому пока решил поразмышлять о чем-нибудь попроще, не таком отвлеченном. Ну например, как в реальности ежедневного быта появляется этика? Однако, в реальности - это ж на практике? А практика - это ж деятельность? В ней как в капле воды отражается и человек, и его деятельность. А также некоторые их комбинации, как например деятельность человека, деятельность ради человека, деятельность для блага человека, деятельность в ответе за человека, деятельность во имя и вместо человека. Вся эта деятельность - не что иное, как сам человек - как практик и деятель. И конечно в деятельности мы находим самое главное - цель, смысл и суть человеческого бытия, а также цель, смысл и суть человеческого действия.

Да, вот такие размышления. Но это, если коротко. А если подробнее, то тут надо по порядку.

1 Цели и ценности

Любая деятельность, если это действительно деятельность, имеет некую цель. Этим деятельность отличается не только от бездеятельности (которая иногда тоже имеет цель), а главным образом от бесцельной суеты. Последним заняты не только неживые объекты окружающего мира, но и большинство живых существ. Так, мы можем смело сказать, что падающий кирпич не имеет цели, даже если он попал точно по голове. В данном случае голова - это не цель, а препятствие, потому что истинная цель кирпича нам неизвестна. Он может и метил в голову, но мы не можем этого знать. И поскольку цели кирпича нам неизвестны - их нет, ибо только по отношению к знанию разума можно говорить о каких-то целях. Далее, возьмем живое существо, скажем ежа. Если еж топорщит иглы, он вовсе не собирается колоться, он делает это как бы сам по себе, вроде как падающий кирпич. Нет, мы конечно можем предположить, что он думает, что если он уколется, это будет по-своему прикольно. Но мы, опять таки, не можем этого знать. Поэтому мы имеем право говорить о том, что цели есть только у людей. Но не потому что они так говорят. Как известно, выпытать истинную цель у человека бывает крайне сложно. Мы знаем это потому, что можем заглянуть внутрь себя.

А потому, заглянув в себя и честно осознав свои намерения, мы признаем - у всякой человеческой деятельности есть цель. Уступая любви к обобщениям, я бы даже сказал, человек - вообще тот, кто способен ставить цели. Все, что человек делает - он делает намерено, и в силу этого вся его биологическая жизнь и даже физическое существование приобретает целесообразность. Даже когда он старательно делает что-то бессмысленное с точки зрения своей природы или противное ей - он этим утверждает свою свободу, а это великая, на самом деле, цель. Или даже если он не знает свою цель - он ее ищет, а это тоже большое, почетное дело. Понять человека можно поняв его цели. Однако все цели нас не интересуют. Если допустим, человек падает с крыши, то куда он

метит уже не так важно. Хотя, может и важно - может он для этого и падает. То есть когда дело касается человека, мы сразу видим, что у него есть много разных целей. Одни короткие - упасть с крыши, другие подлинней - попасть куда-то, третьи - совсем дальние. Предположим он так решил поquitаться со своими кредиторами. И упасть прямо перед входом в их офис.

Нас будут интересовать самые дальние цели, ведь именно им подчиняются более близкие. Соответственно, все цели так или иначе подчиняются последней - самой главной. Но когда мы задумаемся о том, откуда берется самая последняя, самая дальняя цель, мы придем к выводу, что ей неоткуда взяться. Человек не может просто придумать цель, если она ему безразлична. Она ему должна быть интересна. Значит все человеческие цели так или иначе уже заложены в человеке, потому что где же еще хранятся его интересы? Но что человеку интересно? Что для него ценно?

В человеке полным-полно интересов. Есть интересы, берущие свое происхождение в социальных инстинктах, есть - в животном эгоизме, а есть - в разуме, хотя это последнее упорно отрицается многими вполне разумными мыслителями. Но и неразумные интересы порождают действия, которые как правило контролируются или подавляются рассудком. Или, по крайней мере подпадают под таковое желание. Происходит это так. Сначала все источники подобных интересов - потребности - собираются в одно место, чтобы с ними было удобно работать. Работать, разумеется, на их удовлетворение, что в конце концов и становится целью. Но прежде, чем потребность родит цель, она должна родить ценность. Ценность - это как бы инструмент по работе с целями, то, что помогает оценить потребность - ее важность, срочность, хлопотность и т.д. А бывает, ценность в свою очередь рождает промежуточные потребности. Человек придает ценностям весовые коэффициенты, распределяет их по полочкам, окрашивает в разнообразные эмоциональные тона. Когда все наконец рассортировано, человек оценивает цели уже с более практической точки зрения и, в зависимости от наличия возможностей, превращает далее в мотивы, намерения и, наконец, в действия. Поскольку достигнуть цель иногда не получается, цели заменяются, подменяются и изменяются. Человек забывает о конечных целях и сосредотачивается на промежуточных. Ошибается в промежуточных и вспоминает о чем-то совсем ином. В результате, как видите, все так перепутывается, что понять откуда что взялось, становится совершенно невозможно.

Но это несколько не останавливает разум в контроле над целями. Разум старается навести порядок тем, что строго ранжирует ценности и выделяет главные, которые оказываются соответствующими самым дальним целям. Но найти их причину уже нельзя. В конце концов, эти далекие цели, с гарантированной невозможностью их достичь, приводят человека к совершенно иному выводу, чем мы поспешно заключили - к осознанию того, что у всего должен быть иной смысл, нежели потребности и интересы. И поскольку в себе найти подобный смысл точно не удастся, многие действия человека становятся не то чтобы бессмысленными, но не совсем прагматичными. Или, скорее "над-прагматичными". Над-прагматичность попросту означает, что не всякие осмысленные дела могут быть сведены к конкретному интересу. Но если поискать, наверняка можно найти то, что его заменяет, правда? Ведь должен же во всем этом быть хоть какой-то смысл?

2 Ценность №1

Если захотеть бесцельно позанудничать, можно попытаться найти источник некоторых весьма человеческих потребностей в животных инстинктах. Например, любопытство похоже на насущную необходимость быть заранее готовым к возможной опасности, ощущение скуки - на необходимость не расслабляться, потребность быть начеку и т.п. Но занудство, которое тоже без сомнения, животно по происхождению - дело пустое. Посему оставим в покое начало практической деятельности и посмотрим на ее конец. И как только мы это сделаем, то сразу станет понятно, что самая дальняя цель у человека, самая главная цель всего - он сам. Человек для себя, как ни отпирайся, ценность. Разве можно полноценно жить без самого себя? Хуже того. Никакая ценность не может существовать без ценителя ценности, а цель - без ее постановщика. Это - непреложные факты. Соответственно, такая важная ценность требует много забот и всевозможной деятельности. И что интересно, почти всякая такая деятельность повышает эту ценность. Например, если женщина причешется, она начинает себя ценить уже немножко больше. Если юноша окончит ВУЗ, ему уже обидно работать хоть и супер, но всего лишь интендантом. А уж если поэт напишет стих, он сразу начинает так гордиться собой, что и руки не подаст.

В некотором смысле, все, что человек делает - увеличивает свою ценность. Сюда входит не только внешний вид и образование, но и например, занятия спортом, работа, отдых, общение с полезными людьми, диета. Развлекаясь и получая удовольствие, равно как изнуряя себя трудом и добываясь результатов, человек стремится удовлетворить свои потребности, но потребность есть не просто следствие какого-то интереса, а следствие самой способности проявлять интерес - и любая такая способность уже есть потенциальная ценность, если дать интересу как следует проявиться. Так, проявление интереса к стихам вполне может обнаружить в человеке поэта, а к общению с людьми - выявить будущего отца нации. Поэтому интерес прочно связан с повышением своей ценности. Даже когда человек просто тратит на себя деньги, он как правило не беднеет, а ценнеет. И не только потребляя здоровую пищу или дорогую косметику - любая разумная покупка играет свою незаметную роль. Ибо в покупке проявляется его индивидуальность, которая своим проявлением и ценна - само ее проявление одновременно есть и повышение ее ценности. Особенно это заметно в случае больших покупок - яхты, самолета - или культурном потреблении где-нибудь в кинозалах интернета.

В этих примерах мы наглядно видим, как из одной большой человеческой ценности вытекают ценности помельче - здоровье, образование, богатство. А там - еще мельче, и еще, и еще... Возвращаясь к нашему банкроту, можно заметить, что ценность его жизни уже как бы мала, ценность сладкой мести - уже побольше, и потому ценность точного приземления тоже не так уж мелка, как могло показаться с первого взгляда.

Деятельность, описанную выше, можно назвать прагматической или, на худой конец, экономической, включая, как ни прискорбно, месть конкурентам, а ценности, проявляющиеся таким образом - прагматическими. Личная экономика - их производство, начиная с себя самого, как биологического и социального субъекта, и последующий прибыльный обмен с другими. В повышении своей ценности заключается и цель такой деятельности, и важный смысл жизни. Человек запрограммирован на него, как животное на выживание. Если он отбросит глубокие

размышления, есть большая вероятность, что все его интуитивное поведение к этому и сведется - как бы стать богаче, значительнее, привлекательнее, успешнее, известнее и т.д. Для многих людей все означенное напрямую ассоциируется со счастьем, блаженством, эвдемонией, нирваной и другими эвфемизмами того, к чему стоит стремиться в этой короткой земной жизни. Она служит мерилем для всякого бытового, практического события по умолчанию, отчего собственно, она и стоит под номером "1": крыша не течет - хорошо, горячую воду дали - еще лучше, зарплату прибавили - вообще праздник. Откуда радость? Оттуда, что стало хорошо ей, любимой ценности №1. Закон постоянного и неуклонного повышения личной ценности - это, так сказать, квинтэссенция животной сущности человека, адаптированной к общественным условиям.

Прагматические ценности ассоциируются обычно с деньгами и материальной собственностью, но конечно сюда надо включать также идеальную - продуктивный потенциал (способности, образование), личный социальный капитал (полезные знакомства, авторитет), человеческий (здоровье, обаяние) и еще что-то такое же условное, например, гражданство престижной державы. Накапливание подобных ресурсов всегда имеет конечной целью Большое, Важное, Значительное "Я", оценка которого возможна только относительно других людей. Как это происходит? Изначально ценность личных ресурсов (и ресурсов личности) субъективна и может быть объективирована только деньгами (отчего №1, как вы уже догадались, друзья, есть не ценность, а стоимость). Т.е. все эти ресурсы рано или поздно необходимо конвертировать в материальную собственность - тогда и получится общая база для сравнения. В этом овеществлении человека - и суть результата, и суть процесса. Если взять идеальную экономику, то прибыль там возможна только путем создания новой ценности. Никакой иной прибыли - например, от утайки информации - там нет. Экономика ищет, а в идеале и находит, объективные ценности любых ресурсов - сначала ценности вещей относительно людей, а потом ценности людей относительно людей: люди, которые в начале процесса служили мерилем полезности вещей, в конце превращаются в мерило друг друга, а в качестве объективного ориентира ценности появляется нечто не зависящее от них. Стремясь к объективности - как это требуется этикой - они уподобляются экономическим шестеренкам, действуют правильно и предсказуемо, а потому ценность №1 и все ее ценности нижних уровней в идеальной экономике можно считать объективными, почти как объективны этические "силы", действующие согласно своим собственным этическим "законам".

Однако пока до идеала дело не дошло, материализованная величина ценности №1 воплощает не столько объективный результат генерации ценностей, сколько способности добиваться успеха "субъективно этичными" методами. И поскольку накопленная таким способом собственность дает такому успешному множество дополнительных возможностей по сравнению с менее успешными, не будет большим преувеличением заметить, что материализация №1 недалеко ушла от банального экономического насилия.

3 Рациональность и ее отсутствие

Нам всем очень льстит, когда нас считают рациональными существами. То есть целеустремленными, рассудительными, соображающими что к чему. Прагматическая

деятельность требует всех этих качеств. Поставив перед собой цель, человек нагружает свой рассудок, изыскивает возможности, распределяет средства, напрягает способности и - раз! - цель достигнута. Ему становится хорошо. В этом и заключалась его цель. Никто не станет напрягаться, чтобы ему стало плохо. И в этом также заключается смысл "большой", прагматичной рациональности - человек ставит перед собой такие цели, чтобы получить пользу или удовольствие. Только видя свою пользу, чувствуя ее своим нутром, человек способен планировать, выбирать, строить свою деятельность и в конце точно знать, что цель достигнута. Т.е. в основе рационально выбранных и рационально достигаемых целей могут лежать только ценности, проистекающие от №1, все то, что легко угадывается в рациональной сфере жизни - экономике, да и вообще в публичности и политике, хотя современную политику почему-то и не принято относить к экономике. Вся эта рациональная сфера очень разумная. Все там правильно, понятно, логично. Есть четкий личный интерес, есть понятный смысл, план, результат. Правда некоторые мыслители доказывают, что люди в рыночной экономике ведут себя неразумно - как стадо баранов, если выразиться точнее. Но это имеет очень простое объяснение - они ведут себя самым разумным образом для тех обстоятельств в которых находятся - в обстоятельствах отсутствия информации, неуверенности в своих желаниях и чужих намерениях и, возможно, недостаточного умения наилучшим способом распорядиться своим мозгом. Но даже просто тратя деньги без всякого смысла они поступают рационально, потому что тратить на себя - это все же удовольствие.

Однако следует признать, что ставить перед собой цель "хорошо жить чтобы жить хорошо", как-то пустовато. Конечно, природа заполняет эту пустоту приятными ощущениями, включая чувство превосходства над окружающими, отчего хорошая жизнь кажется наполненной глубоким смыслом. Найденный таким образом смысл, кстати, создает иллюзию сакрального знания, добавляя тем приятных ощущений. И все же, несмотря на всю разумность этих целей, нетрудно видеть, что полностью рациональные люди недалеко ушли от неразумных животных. Истинно рациональные люди стремятся к иррациональному. Туда, где нет личного интереса, понятного смысла, плана, а иногда и результата.

Ничего этого нет разумеется в иррациональной сфере. В этой бестолковой сфере люди действуют как бы без цели. Они не могут спланировать ресурсы, оптимизировать средства, приложить максимум усилий в нужный момент. В этот самый нужный момент у них вполне может пропасть желание вообще что-то делать. А все потому, что конечная цель, намечаемая людьми в такой деятельности не до конца осознаваема, не вполне осмыслена и, в силу этого, принципиально недостижима. Иррациональные цели берутся просто из желания сделать что-то эдакое, доброе - скажем, подсобить кому-то. Но откуда мы можем знать, что тому нужно? Он, бывает, не дурак так сразу признаваться. Да и то сказать, сам-то он всегда ли знает, что ему нужно? Если в основе действия свой интерес, он рано или поздно проявится где-то внутри - в чувствах, в ощущениях, в интуиции. А чужой не проявится. Никогда. Да и риск велик. Как можно быть уверенным в результате в мире, где от нас мало что зависит? Если стараешься ради себя - неудачу можно пережить. А как пережить, когда по неумению и неразумению обрушиваешь несчастье на ближнего?

Но надо же делать хорошее! И потому люди действуют по наитию. Это наитие - весьма коварная вещь. Если кто-то поручал работу дураку, он знает, сколько проблем возникает потом от его усердия. В чем причина? В том, что дурак не видит конечную

цель - только промежуточную, а если и видит, то не знает как ее достигнуть - только что надо сделать, а если и знает, то не может - он выполняет только прямые и простые инструкции. А представьте, что будет если дать дураку волю?! Действия дурака - иррациональны с точки зрения умного. Но все мы такие дураки, когда дело касается благих деяний. Мы не видим цели, не чувствуем результата, не ощущаем пользы. Мы только убеждаем себя, что видим, чувствуем и ощущаем. Нас согревает то, что мы поступаем "правильно" - в иррациональном действии для нас на самом деле важна не практическая цель, а сам поступок, процесс, даже жест. Иррациональное действие выявляет мотивы и намерения - в этом его смысл. Чувства, толкающие к поступку часто оказываются важнее результата, даже если нам не хочется в этом себе признаваться.

Люди хотят поступать правильно часто не до конца понимая, что это такое - "правильно". Правильно - что-то эфемерное, иное, но важное. Например - честь, долг, принцип. Единственное, что можно сказать точно, правильно - это когда лучше не себе. Но если мы уберем из картины "я" и свою пользу, что останется? Все остальные. И значит, конечная цель таких действий - всегда и только - чужая польза и чужая выгода. И соответственно собственный ущерб, потому что счастья, как известно, на всех никогда не хватает. Уж очень ценность №1 хрупка! Человек например, может думать, что он богач из богачей, пока не увидит действительно богатых, и в результате в один момент станет бедным и несчастным - с ценностями не шутят! Тем непонятней рассудку действия направленные на помощь другим в ущерб себе. Им и названия придумали какие-то иррациональные - самоотверженность, самоотречение, самоотдача.

Парадоксальность иррациональных действий люди заметили давно и выразили расхожей мудростью - "благими намерениями вымощена дорога в ад". Наричательными также стали выражения "медвежья услуга" и "слепая любовь". А тот факт, например, что "излишняя святость Грецию погубила" намекает на вполне жизненно-здоровую предпочтительность собственного интереса. Горькое разочарование неудачей иррациональной благотворительности вылилось в присказках "не делай добра - не получишь зла", "сделал добро - жуй дерьмо". Хорошо иллюстрирует вышесказанное и всем известная судьба одного чудака, распятого на кресте по причине такой же чрезмерной святости. Что, однако, ни мало не мешает продолжать эту тяжкую работу.

Как же иррациональная деятельность может иметь хоть какой-то прок? Причина в том, что иррациональный мотив удостоверяется не столько результатом, сколько тем, как другой человек, получатель помощи, интерпретирует этот результат. Его мнение, не наше, становится гарантией правильности выбранной цели, а его радость, одобрение - фактическим результатом. Мы полагаемся на другого в оценке результата и придания смысла нашим действиям, что конечно есть вопиющая иррациональность. Но что-то же мы еще стараемся сделать, кроме того, чтобы просто доставить радость? Мы стараемся увеличить ценность другого человека, поскольку это - естественный, нормальный и самоочевидное желание каждого вменяемого, рационального человека - в данном случае того, кому мы хотим помочь.

Однако, иррациональность в целеполагании влечет не только некоторую сумбурность в выполнении, но и, например, невозможность и ненужность прогнозировать более длительные последствия. Действительно, как нам знать, что человек дальше захочет делать со своей ценностью №1? И даже, стремится ли он к ней на самом деле? Может,

он обнаружил в жизни нечто иное, нам недоступное? Да и сами выбираемые нами средства вполне иррациональны. Иногда, парадоксальным образом, в долговременном плане большую помощь может оказать отсутствие помощи, или суровое воспитание, или обидная правда, или иные горькие пилюли. Но такие средства не очень популярны именно в силу иррациональности. Последняя часто сочетает желание помочь с желанием проявить заботу, приблизить человека к себе, укрепить взаимоотношения. Можно спорить, что это уже рациональность, но на самом деле, это просто необходимость признания факта заботы. Иррациональность нуждается в нем, в отличие от ее противоположности. Свой интерес не требует подтверждения - он чувствуется. В своем персональном случае, человек может заставить себя принять и самое трудное решение, если оно необходимо. Иррациональность предпочитает цели, которые не столько повышают чью-то ценность №1, сколько угодны, приятны и нравятся предмету заботы. Ибо он, предмет, не всегда может оценить истинность нашего мотива - в конце концов в чужую душу не заглянешь. Необходимо доверие больше, чем самому себе. Человек своим согласием принять помощь должен удостоверить ее именно как факт помощи. Как бы поставить на поступок печать иррациональности.

4 Ценность №2

Изобилие иррациональности вокруг нас доказывает, что ценность чужой жизни, ценность другого - тоже важна. Она тоже заложена в человеке. И если добрую половину своей жизни человек действует ради себя, то вторую, еще более добрую, он действует ради других. И получает от этого не только проблемы, но и своеобразное удовлетворение, которое как бы дополняет его счастье, эвдемонию, нирвану и прочее высшее наслаждение, придает ему так сказать объемность и глубину. В отличие от экономической ценности, тут играет роль другая часть психологии - жертвенность, доброта, семейственность, коллективизм. Полученное таким образом объемное счастье уже не очень-то назовешь животным - жизнь ради других это человечно, морально и заслуживает всяческих похвал не зависимо от результата.

В этом последнем проявляется интересный, хоть не слишком очевидный феномен - ценность собственной жизни никому не интересна кроме самого себя, а вот ценность других - им, другим, очень интересна. И потому иррациональные действия, они как бы кажутся ценнее, чем есть на самом деле. Они как бы важнее оказываются. Ими как бы есть смысл гордиться. Такие искренние, импульсивные и, на самом деле, иррациональные действия кое-где даже принято называть не просто похвальными, хорошими и добрыми, но "ценностно-рациональными", чтобы придать сразу двойной положительный смысл - и вроде ценностные, и в то же время вроде бы рациональные. Ну сами понимаете, кому охота признаваться, что он действует бестолково, напрасно и вообще как дурак? Это никому ни разу не льстит, мы ж разумные существа. Тем более, что у иррациональной деятельности тоже может быть своя логика. Человек может действовать вполне рационально на некоем промежуточном этапе, например он может четко спланировать время, затраты и другие ресурсы для поездки по магазинам, чтобы купить так необходимые на юге шубы. Ведь обещали глобальное похолодание. Почему не запасти впрок?

Но мы смотрим прямо в корень. Когда человек сознательно поступает в ущерб себе - это

иррационально во всех отношениях. При этом если от его иррациональности кому-то прямая польза, то в его деятельности все таки есть явный смысл. Только уже вне-прагматичный. Он не только не имеет экономического результата, он вообще лежит вне экономики. Помогая другому, человек отдает свою экономическую ценность и взамен приобретает другую - личную, человеческую, моральную и т.п. Он как бы конвертирует №1 в некую №2, материализует ее своей жертвой. Ценность №2 появляется как бы из небытия, но при этом результат усилий вовсе не обязательно, и даже обязательно не, равняется конвертированному. Внеэкономическая ценность не имеет рыночной цены, ее нельзя обменять. Можно отдать все и не получить, а точнее, не материализовать, ничего. Помощь, оказываемая другому, может быть оценена только этим конкретным другим, с его конкретной, субъективной точки зрения, и никем больше. В иррациональном поступке важнее факт поступка, чем сумма пожертвованного, хотя в наше время многие и любят подсчитывать. Такие подсчеты извращают отношения, потому что экономика в этих делах, например в семье, совершенно неуместна - важно, чтобы каждый вносил все, что мог, а не процент, долю или часть.

Таким образом №2 оказывается двойственна. С одной стороны - она находится внутри субъекта, движет им, материализуется путем собственного ущерба, и в этом смысле равна самому ущербу. С другой - она трансформируется в прибыль другого, улучшает его положение и в этом, ином смысле, равна приросту его ценности №1. Поскольку сам этот обмен не равноценный - малая жертва может принести массу благ, а огромная оказаться напрасной, то как же считать ценность №2? Что это?

Разумеется, это то, насколько нам ценен другой, насколько мы хотим принести ему пользу, причем независимо от его собственной ценности №1. Суть проявления №2 в наших действиях - не просто в том, чтобы нарастить чью-то №1, а именно в том, чтобы делать это себе в ущерб, предпочесть своим интересам, сделать наш собственный ценностный выбор. Потому правильно измерять ценность №2 той частью нашей ценности №1, которую мы готовы пожертвовать. Если мы при этом согласны пожертвовать еще чем-то или кем-то, что к нам отношения не имеет, это уже, понятно, не в счет - важна именно собственная жертва, в пределах достигающая всей №1, т.е. включая и собственную жизнь. Отсюда, кстати, ясно, почему №2 напрямую связана с моралью - с возможности выбора собственной смерти начинается всякая мораль.

В чем причина всей этой механики, помимо смутного желания сделать добро? В том, что всякая ценность алчет обладания. В человеческой потребности реализации собственной ценности, ее применении ради других, нахождении этим собственной, личной нужности. Вот если задуматься, зачем вообще наращивать №1, генерируя и генерируя ценности? Для себя? Для себя человек и так по-всякому ценен. Реально, для удовлетворения своих потребностей, ему не так много и нужно. Уж точно ради них не стоит всю жизнь карабкаться к недостигаемому успеху, переступая через конкурентов и остальных мешающих. Значит все это - для кого-то еще? Вот именно. Ценность №1, как будучи полученная в результате обменов, так и остается по характеру обменной. Тем, что человек повышает свою ценность, он фактически признает себя средством - потому что только то, что можно обменять имеет цену. Конечно, истинное достоинство человека нельзя измерить. Потому-то №1 зудит и жжет, требуя ее применения и признания другими, что обеспечивается ее жертвой.

Мораль лишь обслуживает эту механику. Мораль не любит ценность №1. Она любит

только себя. Все попытки придать №1 некие добродетельные черты, например храбрость, умеренность, скромность и т.п., оказываются лишь отражением ценности №2, лишь тем, что в ценности №1 важно для других. И чем ближе тот, кому предназначена жертва, тем лучше он способен оценить ее. Если №1 - это сугубо социальная ценность, вернее стоимость, то №2 - максимально личная. Жертвы ради одних людей редко имеют тот же смысл и эффект, что ради других. По сравнению с более объективной №1, №2 проявляется непредсказуемо и остается чисто субъективной. Нет никаких способов ее объективно оценить и потому к публичной сфере с ее договором она никак не относится.

Многие поклонники рациональности, однако, объявляют ценность №2 надуманной и объясняют кажущуюся иррациональность простым недоразумением. Человек, по их утверждениям, поступает хорошо просто потому, что у него есть нужда в моральном и психологическом комфорте, ничем не отличающаяся от всех прочих естественных потребностей. Иными словами, совесть, по их мнению - уже вполне (или изначально?) биологический орган. В то время как рациональное зерно в этом безусловно есть, такой взгляд не только противоречит практическим наблюдениям и явно утопичен, но и демонстрирует непонимание окружающего мира. Конечно было бы неплохо превратить человека в моральную машину, но боюсь такое невозможно, ибо мораль требует свободы не только от всего машинного, но и от всякого биологического. Свободного человека ничто не заставляет делать добро и многие этим прекрасно пользуются. Да, плотская любовь и мужская дружба во многом объясняются эволюцией, но ее объяснительная сила невелика, как мы уже имели возможность убедиться. Нужда в психологическом и моральном комфорте так же безусловно присутствует, особенно вследствие социального давления, но и она не способна объяснить истинно добрых дел. Истинно доброе не имеет причины. Вместо причины у него ценность №2.

5 Реальные действия

- Классификация

Конечно все такого рода отвлеченные рассуждения - пустая трата времени, потому что реальные действия бывают так запутаны, что понять их не в силах никто. Отчего так? Во-1-х, оттого, что в жизни оба мотива переплетаются. Почти вот как в примере с шубами. Во-2-х, потому, что свободный выбор цели - вещь почти невозможная. Все они, в большей или меньшей мере, навязаны нам или вытекают из предыдущих действий. В-3-х, поскольку цели, соответствующие обеим ценностям независимы друг от друга, они могут конфликтовать и, как правило, конфликтуют.

Рассмотрим реальные действия. Начнем с самых древних, кирпично, так сказать, ежовых и присвоим им для оригинальности номер 0.

0) Детерминированные (цель задана, неизвестна или отсутствует, не всегда можно выбрать средства)

К этой группе действий относятся те, что прямо вызваны внутренними или внешними силами. В конце концов, мы все только слабые несчастные существа, временно приютившиеся на этой негостеприимной планете. На нас постоянно действуют

всевозможные силы. А сила - это такая вещь, от которой не отмахнешься. Например - падающий метеорит, туберкулезная палочка, игла ежа. Окружающие тоже бывают источниками сил, как рациональных - требование вернуть долги, реклама в телевизоре, так и нет - нищий на тротуаре, бабушка с сумками. Но не все вынужденные действия настолько мучительны или тягостны, многие бывают приятны, особенно те, что вызваны внутренними силами - поесть, выпить и поспать, или вполне нейтральны - ответить, когда спрашивают, поздравить коллегу с повышением, уступить дорогу даме с коляской. Хоть и обязанность, но не напрягает, правда?

Последние примеры граничат с интересным случаем детерминизма - социальным давлением. Да, детерминизм бывает весьма коварен! Социальное давление - это детерминизм, когда оно не имеет ничего общего с объективной этикой, а объясняется традициями, идеологией, групповой моралью или случайными всплесками общественного мнения. В этом случае человек не обязательно может не осознавать, что на него действуют силы, но напротив - вполне осознанно им поддаваться, стыдиться своих чувств и пытаться рационализировать свое поведение, делая вид, что он поддается давлению по собственной воле. Например, чаевые находят мириады нелепых оправданий, а на самом деле это - не более чем мелкая коррупция, объясняемая меркантильным интересом и бессовестным давлением. Социальное давление может быть и более глубоким. Тогда люди, вы не поверите, ставят свои самые серьезные, жизненные цели не самостоятельно, а как все вокруг, как от них ждут. Ведь надо доказать, что ты достойный член коллектива. Например, много зарабатывать, покупать престижные вещи, играть в гольф, заниматься мошенничеством или спекуляциями.

Человек в подобной, детерминированной ситуации иногда может варьировать способ действия, но едва ли может отказаться от самого действия. Такой отказ - это совершенно особенное действие, требующее иногда невероятного количества сил. Вынужденные действия не предполагают никакой свободы, напротив, цель принудителей (если они есть) - ограничить свободу и лишить выбора. Вынужденные действия не могут быть рациональны - перед человеком стоит чуждая цель, он должен подчиниться и требовать от него рациональности, эффективного выбора средств - верх нахальства. Вся его рациональность будет направлена на то, как бы отвертеться и не делать того, что от него требуется. Или сделать кое-как, чтобы скорее перейти к своей, приятной цели. Или получить от неизбежного процесса максимум удовольствия, если это возможно.

Замечательное свойство некоторых сил награждать послушных исполнителей приводит к тому, что многие начинают обманываться и думать, что они все это делают по своему почину, ради удовольствия. В этом только доля правды. Хотя детерминированные действия иногда удается разнообразить приятными средствами исполнения или приятными промежуточными шагами, следует помнить, что чем настойчивее сила, тем меньше выбор возможных удовольствий.

1) Рациональные (цель и средства свободно выбираются)

Сюда входит всякое экономическое действие (к которым прямо применим анализ затрат и издержек, даже если он бессознательный), а также те публичные действия которые не дают прямого материального результата, но тем не менее весьма полезны. Например, поэт пишет стих, зная, что его манера, его творчество и он сам никогда не

будут популярны, но при этом отказываясь писать в модной манере, потому что он рассчитывает на другую аудиторию. Это невыгодно, но рационально, т.к. его цель не деньги, а слава в узких кругах посвященных. Другой стремится к власти, чтобы повелевать и тратит на это все свои средства. Третья хочет стать звездой и ради этого продает самое ценное что у нее есть. Человек может вполне обдуманно влиться в коллектив и подчиниться его правилам, если достижение коллективной цели принесет ему пользу. В коллективе он, однако, остается чисто рациональным, ни в коем случае не жертвуя своими интересами ради других. Иначе зачем ему этот коллектив? А иногда наоборот - человек ставит себе цель влиться в коллектив в надежде на будущий успех или решение каких-то своих проблем, и ради этого наносит себе вред. В любом случае, подобная деятельность требует анализа, поскольку она и есть практическая деятельность в примитивном смысле этого слова. Цели ее, хоть и обозначены как свободные, свободны только условно, ибо подчинены собственному, неважно насколько превратно понимаемому, успеху, №1 - т.е. заданы заботливой природой.

2) Иррациональные (цель не ясна, средства не критичны)

Действия мотивированные моралью, долгом, любовью, состраданием, в общем - добродетелями. Добрые дела. Человек отказывает себе в выгоде, ничего не получая взамен. Иррациональные действия не требуют анализа средств и затрат. Он не только неуместен, но может им прямо противоречить. Например пожертвование может казаться тем правильнее, чем больше потрачено. В большинстве случаев эти действия бесцельны - человек действует потому что "так надо", а не для того "чтобы". Более того, человек может даже внутренне противиться своим побуждениям - например, давать "в долг" другу алкашу не следует - но ничего не может с собой поделать. Рациональный анализ, если применяется к иррациональной деятельности, не делает ее прагматической, просто потому что не может изменить ее цель. Однако, он может придать ей более осмысленный характер, помочь понять другого человека, найти его благо в своих действиях, придумать за него его ценности. Но несмотря на все рациональные усилия, польза, приносимая такой деятельностью, остается предположительной, хотя и дает определенное моральное удовлетворение. Значительная часть этой пользы заключается в улучшении взаимопонимания и укреплении взаимоотношений.

- Примеры действий

Теперь рассмотрим, как описанные мотивы переплетаются в реальном действии. Если взять что-нибудь рефлекторное, например чихание - то это явно детерминированно. А бурное выражение эмоций? По-разному. Если, например, это удовольствие от забитого гола + поддержка любимой команды = явно работает ценность №1. Если восхищение с целью приободрить знакомого музыканта, особенно бездарного - то скорее №2. Если освистывание артиста - то это эгоистичное эмоциональное насилие. А вот например, паническая продажа акций, себе в убыток? Частично детерминированно - человек не смог справиться с эмоциями, но с заметным рациональным оттенком - в спешке он успел вспомнить о своей выгоде, хоть и потерял ее. Т.е. результат может выглядеть иррациональным, а вот мотив - нет. Или, скажем, молитва. Если женщина молится, чтобы бог ей послал хорошего мужа - это вполне рационально, хоть и бестолково, а если, чтобы у ее мужа было хорошо в семье - абсолютно иррационально. Откуда ей знать, что он сам хочет?

Дальше. Спасение тонущего может быть, как ни странно, рационально. Допустим, тонущий - его должник. Или, например, человек идет с перспективной спутницей и просто не может не попытаться проявить героизм, хотя в другое время, он бы, скажем остановился и начал раздумывать - а доплывет ли он до тонущего? Вообще, человек может вести себя альтруистично, не потому что этого требует его душа, а потому что это выгодно - позволяет вписаться в коллектив и добиться таким образом успеха. Будет ли такой мотив иррациональным? Нет конечно.

Возьмем что-нибудь попроще. Например, человек едет на пикник с друзьями и складывает в сумку съестное. Еда - это детерминизм, но ехать на пикник изза нее нелепо. Часть съестного предназначена друзьям - как угощение. Это жертва. В то же время жертва оценена с точки зрения последующей пользы - это рациональный мотив. Однако вся практичность рассуждений об угощении может оказаться напрасной, если это угощение им не понравится. А если его вообще есть нельзя, то все будут голодны и радость от пикника сменится личной обидой.

Возьмем месть. Даже на поверхностный взгляд видно несколько мотивов. Например польза другим в том, что нехорошие дела не остаются безнаказаны. Польза мстителю - уважение (если таковы обычаи), ослабление врага. Есть и вынужденный мотив - человека жжет и мучает обида, не дает сосредоточиться на своих личных делах. А как отомстит, ему станет легче. Альтернатива мести - великодушное прощение - вполне может иметь те же рациональные мотивы, возможно неосознанные: унижение обидчика, попытка вызвать раскаяние, уважение коллектива, возвышение собственного эго, духовное удовольствие и т.п.

Возьмем подаяние. Помимо искреннего желания помочь бедным или сиротам, человеком могут одновременно двигать такие рациональные мотивы, как одобрение окружающих, пастора и семьи, желание спасти душу и угодить в рай, а также вынужденный мотив успокоить совесть, если его избыточные средства приходят нечестным путем. А еженощные походы в церковь? Есть ли тут хоть какой-то смысл, помимо детерминированных страхов перед богом, общиной и собой, срочного спасения души, "так надо" и привычки, давно ставшей первой натурой? Начнем с эгоистических мотивов: одобрение общины, духовное удовольствие, общение с друзьями, поддержание личных связей, воодушевление и контакт с богом, помощь со стороны общины, облегчения от утоления иррациональных страхов, а также повод задуматься о вечном, умиротвориться и стать лучше. Альтруистические: материальное укрепление общины, выполнение долга перед соседями, родителями и детьми.

Еще случай - капитан не покидает тонущий корабль. На первый взгляд виден иррациональный мотив - помочь спастись команде. Но в этом поступке можно увидеть и вынужденность - каково ему будет потом жить, не выполни он этот традиционный долг? Не сохранив честь? Как он будет смотреть в глаза коллегам? Молчаливое давление коллектива может быть сильнее прямого насилия. Рациональный мотив: если у капитана есть родственники, дети и друзья, то выполнив свой долг, он оставит о себе хорошую память, даст повод гордиться собой, не перечеркнет то хорошее, что он уже сделал в своей жизни. Этот дальний прицел говорит о той важной роли, какую играет в деятельности время.

6 Время и (ир)рациональность

- От инстинктов к мудрости

Разнообразие и смешение мотивов создает изрядную неразбериху и возникает резонный вопрос - а нельзя ли как-то все это упорядочить и свести воедино? Я думаю нельзя, но почему бы не попытаться?

Первое, что бросается в глаза - все детерминированные действия имеют очень короткий временной эффект. Инстинкты вообще не умеют думать. Они могут инициировать всякие потребности, эмоции и чувства, но чем сильнее роль разума в их оценке, контроле и реализации, тем дольше (или нет) длится их эффект. Углубляясь в эти соображения, можно заметить, что степени и эгоизма, и альтруизма, лежащих в основе обоих типов действий, явно коррелируют с временем их планирования или эффекта, а значит - со степенью контроля разума над нуждами (и вытекающими чувствами).

Это же выяснили и ученые. Взяв ЯМР-машину, они сканировали добровольцев, которых просили выбрать между получением дешевого квитка, дающего право приобретения в магазине прямо сегодня - или получением дорогого, отовариваемого через две недели или через месяц. Сканы выявили, что оба варианта вызывали активность в латеральном префронтальном кортексе, но что вариант с немедленным отовариванием также вызывал непропорциональную активность в лимбических районах. Более того, чем выше была активность лимбических районов, тем с большей вероятностью люди выбирали немедленный квиток. Этот результат - свидетельство не просто того, что рассудок и эмоция сражаются у нас в голове, но и того, что там сражается человек и животное!

Посмотрим на рациональные действия. Чем неотложнее нужда - тем горячее голова, тем меньше забота о будущем. Так появляется воровство, мошенничество и вообще насилие - хочу прямо здесь и прямо сейчас, ибо "жизнь копейка, судьба индейка!" Голый эгоизм. Потом идет деятельность, не связанная с насилием, но приносящая прибыль достаточно быстро, например - мелкая торговля, не требующая больших инвестиций, или спекуляции на многочисленных рынках. Тут и выгода близка, т.к. меньше время оборота, и риск меньше, чем при насилии. Меньше и эгоизма - надо следовать правилам, думать о покупателях, коллегах и т.п. Более далекие действия - реализация каких-то практических идей, скажем, разработка, производство, серьезная профессиональная деятельность. Тут надо потерпеть и поработать, проявить упорство, целеустремленность и одновременно - на какое-то время забыть о скором результате. Есть и еще более долгосрочные - наука, искусство. Цели маячат так далеко, что их даже не видно и поэтому может показаться, что люди уже отказываются от выгоды, посвящая себя любимому делу.

Если теперь взять иррациональные действия, то тут тоже можно увидеть зависимость от времени, конечно с поправкой на то, что сама иррациональность предполагает очень неопределенную пользу, т.е. строго говоря, в этом случае нельзя вести речь о времени планирования. Эмоциональные импульсы, жалость, сострадание требуют эффекта прямо сейчас, не оставляя времени на размышления. Далее идут осознанные жертвы во имя самых близких - это вклад в их ежедневное и ежечасное благополучие, но уже и оглядка на перспективу. Еще более продуманная жертва требует не столько альтруизма,

сколько размышлений и анализа последствий. Т.о. "планирование" незаметно проникает и в этот тип деятельности - оно оказывается в какой-то степени связано с расстоянием между людьми. Семья - это выживание своих потомков. Участие в жизни общины, соседей и знакомых - своей "малой" родины. Долг во имя нации - своей культуры. Легко видеть, что широта охвата получателей пропорциональна временному горизонту действий - потому что время возможного эффекта, отражающееся во времени жизни целевой общности, тоже растёт. Ведь потомки, как ни хранить семейные традиции, рано или поздно растворятся в народности, сама народность - в каком-нибудь "плавильном котле", а сам котел - еще в чем-то. Но одновременно - чем дальше отстоят друг от друга люди, тем слабее альтруизм. Чувства к близким вряд ли сравнятся с чувствами к соседям.

Будучи с детства не в ладах с книжками без картинок, я решил опять прибегнуть к помощи графики. У меня получился рис. 3.1, где я изобразил зависимость альтруизма и эгоизма от времени. Тут вроде все тривиально, особенно если сравнить его с уже знакомым нам рис. 1.6. Но несмотря на кажущуюся их идентичность, внешность обманчива! На рис. 1.6 время историческое и общее, мы смотрим как бы назад и видим, как меняется проявление чувств в жизни людей, а на рис. 3.1 время индивидуальное, мы смотрим теперь вперед. Если мгновенный результат вызывается мгновенными эмоциями, то в пределе остается только мудрость и никаких чувств. Также надо иметь в виду, что картинка никак не отмечает близость к субъекту других людей - на которых направлены, или от кого зависят, или кого затрагивают его действия. Очевидно, что альтруизм больше ассоциируется с личной сферой, а эгоизм - с публичной, вследствие чего вероятно асимметрия рисунка. Асимметрия также должна бы появиться в силу того, что эффект альтруистических действий отстоит обычно дальше эгоистических. Простите друзья, но я, как водится, предпочел эстетику истине.

- Серая область

Человек обычно ставит цели где-то впереди, иначе от них не будет никакого проку. Но ведь будущее неизвестно - как далеко можно загадывать? От ответа на этот вопрос зависит не только насколько труднодостижимые цели будут выбраны, но и даже то рациональны они окажутся или нет. Причем граница между ними видна невооруженным глазом. Если цель оказывается за пределами срока жизни - действие незаметно превращается в иррациональное. Дело только в том, что сама эта отдаленная точка не очень-то видна, и потому граница размывается уже по дороге и превращается в серую область.

Уточним, почему время жизни превращает рационального деятеля в иррационального. Личная выгода имеет смысл, если можно ей насладиться прямо сейчас. Ну или чуть позже, завтра например. Логично, следовательно, чтобы сугубо рациональные действия имели относительно короткую цель. Согласитесь, что та же самая личная выгода, лежащая за пределами собственной жизни - это уже нечто странное. Можно ли насладиться такой выгодой? А в принципе можно. Просто думать о ней - уже по-своему радость. Так, человек может упасть с крыши зная, что своей смертью он отомстит за свои земные печали. Однако планирование подобной деятельности так или иначе требует направления ресурсов на других - тех, кто будет жить потом, после смерти деятеля. Иначе - если все помрут одновременно - нет и смысла. Следовательно, деятель отнимает ресурсы у себя живого и направляет их на себя - мертвого, а вернее на

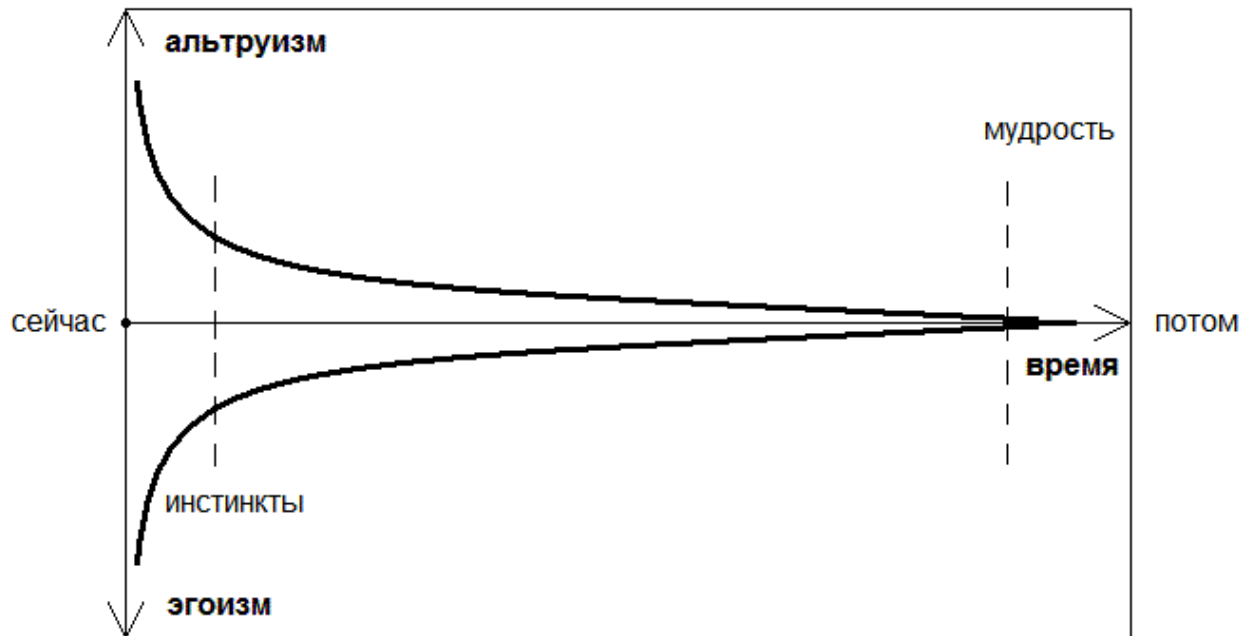

Рис. 3.1

остающихся живых. А это уже иррационально, потому что почти ничем не отличается от помощи другим. Вот она - серая область.

Аналогично, увеличение времени в случае иррациональных действий, приводит к проникновению в них рационального мотива. Поскольку иррациональные действия сопряжены с понятием "свой", они как бы продолжают человека вовне, но чем шире охват окружающих, одариваемых помощью, тем менее субъективны достигаемые результаты, тем более они общечеловечны. И вот тут-то в эту деятельность начинает проникать рациональность. Если жертвы во имя близких никак не способствуют личному процветанию (если конечно, мы не имеем дело с банальным расчетом), то чем шире общность - тем заметнее личная польза. Возьмем, к примеру, действия по защите национальной культуры. Занимаясь такой патриотической деятельностью, человек может на самом деле бороться и за долговременный успех своего профессионального дела, поскольку ассимиляция одной культуры другой имеет тенденцию подменять в коллективном сознании проигравших победителями - кто знает, сколько замечательных памятников культуры сгинуло под копытами завоевателей? Защита культуры остается иррациональной, жертвеннической деятельностью, однако сама идея победы своего коллектива над чужим, будь то военная, культурная или экономическая, очень даже рациональна - она гарантирует и лучшие условия для личного успеха тоже. И опять мы видим ее - серую область.

- Еще картинка

Если опять обратиться к графике и попробовать на рис. 3.1 заменить эгоизм и

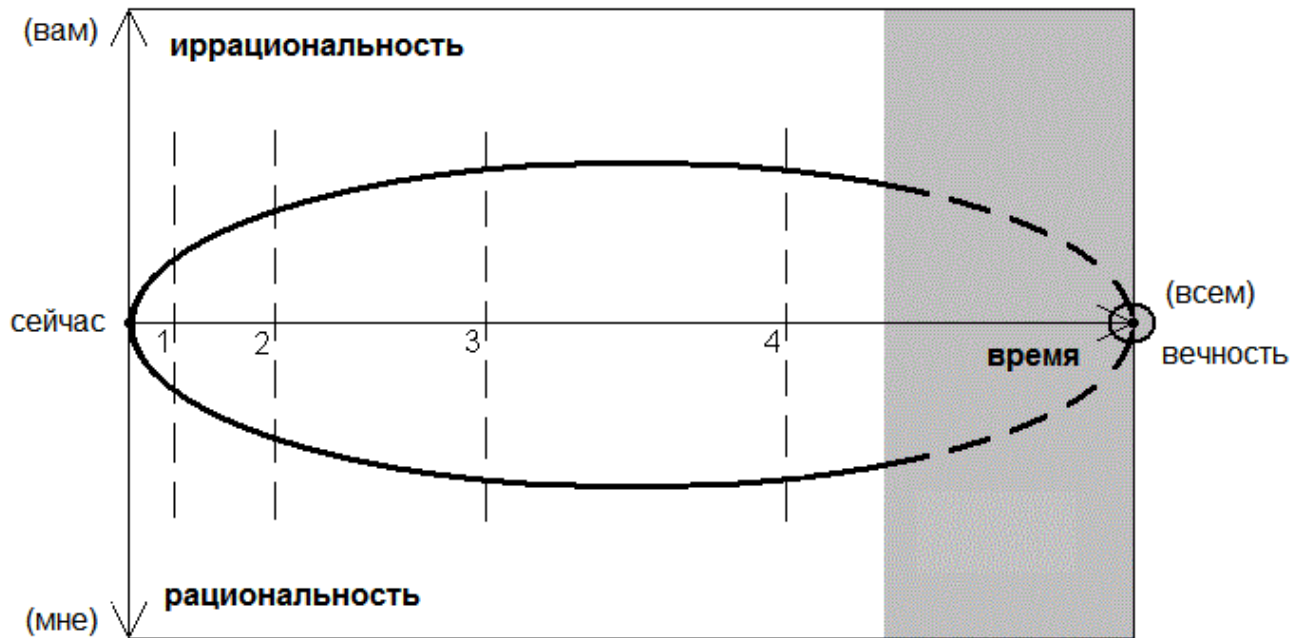

Рис. 3.2

альтруизм на рациональность и иррациональность, то получится рис. 3.2. Тут, конечно, на первый взгляд, все еще запутаннее, но я думаю, если разобраться, станет яснее.

График показывает степень (ир)рациональности в деятельности - зависимость полезного эффекта от вкладываемых умственных усилий, и отражает тот факт, что рост времени планирования напрямую ведет к успешному результату - но только до определенного момента, после которого соответствующий мотив неизбежно теряет свою силу. Какой эффект имеется в виду? В случае рациональности - это увеличение ценности №1, а иррациональности - не ценности №2, как может показаться на первый взгляд, а №1 другого человека. Почему? Потому что увеличение №2 вообще не возможно путем какой-либо деятельности - оно идет от личных чувств, а кроме того, №2 противоположна №1. Если мы делаем что-то, материализуя №2, наша №1 при этом уменьшается или как минимум не растет, хотя должна. Люди, однако способны наращивать ценности №1 одновременно и для себя, и для другого. Т.е. на каком-то этапе цели вполне могут оказаться выгодны сразу нескольким людям. Соответственно, большая иррациональность получается там, где человек способен успешнее нарастить ценность другого. Так что можно считать, что вертикальная ось отражает намеченные приращения ценностей №1 - себя и кого-то еще.

Может показаться, тут что-то не так, потому что, чем меньше толку в иррациональном действии - тем вероятно больше там иррациональности? Например, снабжать алкоголем пьяницу, чтобы доставить тому радость - максимально иррационально, потому что это стоит денег, хотя и губит его, или делать другие рискованные подарки только из желания порадовать, не заботясь о последствиях. Но в том-то и дело, что

наша иррациональность - это инверсия, а не отсутствие рациональности. Это рациональность наизнанку, рациональность направленная на другого и тем самым в ущерб себе. Это эффективность конвертирования своей №1 в чужую №1, рациональность иррациональности. Можно сказать, что наш выбор термина "иррациональность" тоже по своему иррационален.

- Зоны инстинктов и принуждения (1-2)

Посмотрим, наконец, на рисунок. Самые короткие действия (1) детерминированы и не требуют никакого особого мысленного напряжения, участие разума в них сведено к минимуму - цели предопределены, остаются только вариации в исполнении. Соответственно, ни о какой эффективности говорить не приходится. С рациональными это все и так ясно, а в иррациональной части преобладают социальные инстинкты - эмпатия, сочувствие, влюбленность. Чем инстинктивнее альтруистичные действия, тем меньше в них осмысленной иррациональности, потому что даже жертвенная мораль - это уже более продуманные действия, т.е. чем дальше горизонт планирования, тем глубже в разумную иррациональность погружается субъект, тем больше в его действиях автономного, осознанного и морального. (Например, место эмпатии заменяют верования и убеждения, а объект от родных смещается все дальше в направлении всего человечества.)

Далее, с увеличением времени, все сильнее включается рассудок. Срочные рациональные действия (2) порождают физическое насилие, обман и прочее, что лежит на границе инстинктов выживания и рассудка уже выжившего цивилизованного человека. Чем горячее голова, тем легкомысленнее мотивы и меньше участие рассудка. Его тут еще немного, поскольку такое поведение вызывает ответное насилие и еще неизвестно чем все кончится - выгодой или потерями. Насилие может проявляться и по отношению к близким - хоть и в эмоциональной или психологической форме. Субъект может эксплуатировать родных, беззастенчиво надавливая на их теплые чувства и призывая к совести. Эгоизма тут много, а разума не очень, т.к. долго подобная эксплуатация обычно не длится и в любом случае плохо кончается.

По аналогии, срочные иррациональные тоже порождают что-то насильственное, тоже не обязательно физическое и тоже двойственное. Во-1-х, это насилие, направленное извне на субъект, поскольку субъект охотно принимает на себя функции безрассудного служения кому-то - родителям, объекту страсти, семье, даже чужим. В этом случае им пользуются, так сказать, пользуясь его альтруизмом. Во-2-х, сам субъект в порыве чувств и альтруизма может принуждать и всячески влиять на предмет его заботы с целью скорейшего исправления и возвращения на путь истинный - как говорится "во благо". Тут тоже делу помогают моральные аргументы - давление на стыд и совесть. Такие отношения характерны в близком кругу - семье или какой-нибудь коммуне.

- Зоны работы и подвижничества (3-4)

Более дальние (3) рациональные действия включают мирные операции экономического обмена, требующие разной степени доверия - упомянутая мелкая торговля, неквалифицированная работа, спекуляция. На первый взгляд последняя уже требует глубокого разума. Однако несмотря на кажущееся участие логики и рассудка, их реальное отсутствие обычно подтверждается плачевным результатом такой

деятельности. Более серьезная деятельность (4) требует некоторого понимания тенденций двигающих общество - на кого стоит учиться, какие идеи будут востребованы, какие товары есть смысл производить и т.д. Чем дальше горизонт планирования, тем больше роль чистых идей и меньше - личного.

Например, современный бизнес больше полагается на личные связи, умелое руководство коллективами, манипуляции потребителями. Это конфликты и борьба, это личная сфера, где публичное, массы - лишь материал, ресурс для выращивания капиталов. Этичное производство будущего, можно надеяться - чистые идеи, реализуемые строго формальными коллективами.

Если серьезное производство и инвестиции - всегда риск, поскольку результат зависит от многих людей, практически всего общества, то уж поиск нового (4+) - риск на грани полной иррациональности. Но это - видимость. На самом деле осчастливить человечество научным открытием, попасть в историю или, например, переплюнуть "наше все" - все еще вполне рациональный, хоть и не очень практичный мотив. Интересно, что научные знания, чем достовернее, или искусство, чем искреннее и честнее, тем они ближе к воображаемой точке вечности и одновременно - к серой области, где рациональное превращается в иррациональное. Именно там есть нечто общее между автором и теми, кому предназначено его творение. Автор словно угадывает другого и тем приобретает шанс стать ему близким, пережить свою смерть. А вот никчемные патенты или коммерческое искусство - это уже что-то от торговли скоропортящимися продуктами.

Аналогично, в верхней части мы видим, что служение другим становится более осознанно, добровольно и рассудочно. Дальние иррациональные действия включают разные степени всевозможной дружбы, привязанность, совместные планы, брак. Еще дальше - волонтерство, благотворительность, которая на пике иррациональности превращается в подвижничество, доходящее до фанатизма. Но чем более планируема, системна и организована гуманитарная деятельность, тем больше она становится похожей на рациональную, т.к. непосредственный эффект ее не очевиден, а своего собственного времени и сил уходит все больше, что неизбежно увлекает в сторону личного интереса. Если брать уже совсем далеко - жизнь конкретных других тоже исчезает и заменяется ценностью всех вообще, включая самого субъекта, и все это сопровождается многообразными формами общественной, а также - в хорошем смысле - политической и идеологической деятельности.

Картинка может создать впечатление, что человек - лишь жалкая точка на графике жизни. Но это конечно не так. Картинка показывает весь спектр возможных действий субъекта в каждый момент времени. Например, размышления о вечном, превращающиеся в мудрую книгу (точка далеко в серой зоне), могут сопровождаться глубокомысленным и абсолютно машинальным почесыванием макушки (точка близко к началу координат). Картинка в целом изображает обобщенную деятельность обобщенного субъекта. У реальных людей и овал покривее, и картинка попроще, и действия там разбросаны частенько без всякого смысла.

7 Организованная любовь к людям

Но прежде, чем выяснить, какой смысл явила нам картинка, позвольте мне на минутку

отвлечься и поговорить о благотворительности. В конце концов, мы уже столько рассуждаем, а эта острая тема, которая так и просится под рубрику "этика на практике", не то что не раскрыта, а почти и не затронута. Заодно уточним ее позицию на картинке.

Если благотворительность, как персональная, индивидуальная помощь нуждающимся, с точки зрения мотивов не так интересна, поскольку целиком объясняется ценностью №2, то организованная версия милосердия - как бесприбыльный или некоммерческий бизнес - вызывает закономерный интерес, поскольку наверняка скрывает своеобразные сочетания мотивов. Нет, нелепо отрицать, что есть люди, искренне и только по зову сердца, готовые вернуть свои миллиарды бедным. Но таких мало. И для этого есть серьезная причина - это противоестественно. Причем не только рационально противоестественно, но и иррационально противоестественно. У каждого миллиардера есть круг знакомых, которым он с радостью отдаст последнее. Но посторонние?

Поскольку серьезные жертвы посторонним возможны только опосредовано, все участники процесса очевидно успешно смешивают рациональные мотивы - управление и оптимизацию, с иррациональными - состраданием и человеколюбием. Как это им удастся? Чтобы ответить, сначала спросим себя. Насколько церковь как институт бескорыстна? А насколько проповедники как люди нравственны? Вопросы конечно риторические, можно было и не спрашивать. Зачем же мы спросили? Уж больно институт человеколюбия полагается в своей деятельности на проповедь добра, настолько хорошо организованную, что от нее невозможно укрыться. А значит есть подозрения, что бизнес во имя любви растет оттуда же откуда и любой иной бизнес, а сами благотворители - его клиенты - не вполне автономны в своей иррациональности, в лучшем случае они - жертвы честного морального конфуза. Религия, воспитание, пропаганда, давление со стороны знакомых, соседей и коллег, а также вполне рациональные зрелищные мероприятия, игры на тщеславии и такие уловки, как лотереи, аукционы, мелкие подарки, благотворительные наценки, парные и подсадные взносы - все это явно ориентированно на выжимание из людей благих побуждений, которые им не свойственны сами по себе.

Однако, это легкий ответ. Поэтому отставив подозрения в тривиальной нечистоплотности, рассмотрим мотивы, проявляющиеся в этом виде деятельности.

1) Насколько действительно необходимо помогать? Это можно решить только лично. Реальная нужда, источник проблемы и способы ее решения со стороны не видны. Человек всегда хочет знать, что его жертвы не напрасны, но эта оценка возможна только самим нуждающимся. Помогать посторонним, не видя ответной реакции и не зная даже в чем на самом деле причина нужды - это браться за решение социальной проблемы путем исправления ее последствий, попутно полагаясь на мнение явно заинтересованных посредников. А уж пытаться это делать себе в ущерб - признак неадекватности. С точки зрения иррациональности конечно. Такая помощь легко принесет больше вреда, чем пользы - а значит в ней нет ничего хорошего. Так что не следует путать подобную деятельность с помощью знакомым или даже незнакомым, чья ситуация оказалась понятна и близка к сердцу. Иррациональный мотив - как желание другому блага - тут скорее всего отсутствует.

2) Насколько тогда мотивы рациональны? Когда человек хочет помочь, он должен сам решить кому и как. Именно должен. С этого начинается любая помощь. Просто выдача

средств на благое дело - это даже не иррациональность, потому что нет ни жеста, ни поступка - ведь неизвестно кто получит помощь (если только факт милосердия не объявлен и стал причиной гордости или еще хуже - способом рекламы). Это помощь себе - улучшить самочувствие, снять груз морального долга, но при этом не напрягаясь, не вникая в детали. Налицо не просто отсутствие иррациональности, а ее прямая противоположность, подтверждаемая фактами - большинство благотворителей не интересуется результатом, им не хочется и не интересно следить за эффективностью их взносов. Они подсознательно опасаются убедиться в том, что их взносы на самом деле бесполезны. Это - моральная психотерапия, которая означает проблемы с совестью и следствие социального давления - "я не против, чтобы мир стал лучше, но пусть кто-то это сделает за меня". Рациональный мотив ухода от давления и ответственности.

3) Насколько необходима организация? Если помощь направлена на исправление катастрофической ситуации, организация - единственный выход. Но откуда нужда в организации, реализующей спонтанный душевный порыв? Разве может человеколюбие быть организовано и структурировано? Иррациональность - это не только невозможность достичь цели, но и некоторая безалаберность и расхлябанность, неизбежно свойственная такой деятельности. Подвижничество может быть только бескорыстным, и даже если все участники организовались и разделили обязанности - накладные расходы обязательно должны быть равны нулю. Значит, если организации необходимо что-то самой по себе, участники должны покупать это из своих денег. Как можно тратить деньги доноров не по назначению? Это сомнительно с моральной точки зрения и может быть оправдано только зарождающейся рациональностью организации. Но иначе не будет организации! Так незаметно смещаются мотивы. Или же они становятся более явными.

4) Рациональность делает следующий шаг. Она приводит к тому, что организованные благотворители становятся заинтересованы в росте количества своих подопечных - получателей помощи. Это хоть и противоречит смыслу деятельности, зато придает смысл организации. Организация всегда нуждается в цели, потому что стремится к самосохранению и развитию - она становится целью в себе и превращается в самообслуживающуюся бюрократию. И цель эта противоположна заявленной.

5) Рациональность неизбежно ставит вопрос эффективности, что требует оптимизации, роста масштабов, широты охвата, проникновения в нужные структуры и борьбы с конкурентами. Расширение круга доноров, спонсоров, взносов и иных благотворителей требует дальнейшего морального принуждения и социального давления, включающего не только идеологию, пропаганду высших ценностей и придание делу модного блеска, но и составление бизнес-планов, стратегий, поиска новых методов агитации, брендинга, просвещения и мотивирования "инвесторов". Появляются миллиардные благотворительные корпорации, гуманитарный бизнес, индустрии беженцев и даже международная торговля если еще не самими детьми, то их благом.

6) Рано или поздно деятельность профессионалов от филантропии приобретает отчетливые черты отъявленной рациональности. Это не только зарплата, но и моральное превосходство, психологический комфорт, отпущение грехов и спасение души, гордость и тщеславие, престиж и статус, имидж и репутация, интересное дело и досуг, оптимизация налогов, полезная информация, доступ в высшие круги, нужные

контакты, укрепление личных связей, а также косвенная польза, связанная со специфическим профилем деятельности - от поездок в теплые страны до контроля над ресурсами и, особенно, людьми.

Таким образом, мы видим, что мотивы разных участников организованной благотворительности оказываются очень сходными. Большинство рядовых благотворителей озабочены собственным душевным комфортом - это вполне рационально и согласовывается с их безразличием к практическим результатам. А активные и богатые спонсоры, предпочитающие контролировать эффект своих взносов, находят в филантропии увлекательную деятельность, приносящую не только комфорт и иллюзию смысла, но и практически полезные результаты вокруг лично их - они этим облагораживают собственную окружающую среду. (И, как всегда, когда речь заходит о богатых, тут надо опять подчеркнуть, что это без учета возможных выгод - когда под маской благотворительности на самом деле проворачиваются деловые, прагматические операции.) Работники в дополнение к моральному комфорту получают практические блага, что еще более рационально.

Тогда, наверное, более правомерно было бы разместить благотворительный бизнес в другой части картинки? Да, если бы не участие в нем определенного процента людей, и взносов, и сотрудников, у которых силен чисто иррациональный мотив - действительная озабоченность улучшением положения дел абсолютно посторонних людей в масштабах всего общества и в ущерб себе лично. Этот неопределенный процент искупает отраженную на рисунке позицию, потому что именно благодаря таким подвижникам филантропическая деятельность отличается от всякой другой, и так заполняющей картинку сверху донизу. Этот процент - единственное, что придает ей хоть какой-то смысл.

8 Смысл

- Слияние мотивов

Да, так в чем же смысл? Вопрос нелегкий. Имея две таких разных конечных цели, как "я" и "другой", смысл легко проскальзывает между ними и теряется где-то в тумане серой зоны. И это по-своему логично. Смысл - то что свойственно только человеку, что мотивирует свободный разум, а значит лежит вне детерминизма, вне эгоистических или альтруистических потребностей, вне любых иных потребностей, кроме потребности в самом смысле. Поскольку это свобода порождает необходимость смысла, логично предположить, что смысл должен быть как-то связан со свободой. Но как? Едва ли смысл сводится просто к достижению свободной цели, результату свободной деятельности или даже последствиям личного, совершенно свободного бытия. Потому что тогда смысл всегда есть, независимо от нашего желания и поиска. Т.е. сам поиск смысла теряет смысл. Смысла вполне может не быть ни в чем - даже в собственном бытии. Но если достижение цели, результата и последствий - не смысл, то что?

Иногда смысл в том, чтобы избежать результата. Иногда - в воображаемом результате. Иногда - в самом процессе. А может смысл в самом поиске смысла? Я думаю, не стоит ломать голову, и принять очевидное. Смысл не просто в результате, а в том чтобы результат был правильным. А это значит - чтобы цель была правильна.

Так мы опять уперлись в задачу разума - найти правильное. И как ни грустно, наш выбор не слишком велик. Ясно, что без рациональности смысла не найти - как можно жить ради других, если сама жизнь невозможна без заботы о себе? Без реализации своего творческого, продуктивного потенциала? Без успеха, одобрения и зависти окружающих? Но и жить, чтобы просто, или даже не просто, жить, нелепо. Ну зачем вообще столько собственности?! Зачем какой-то там "ранг"? Стало быть, иррациональное в конце концов придает смысл рациональному? Конечно! Можно всю жизнь руководствоваться самыми "разумным" побуждениями, точно знать что делать, иметь четкие цели и вести себя в высшей степени рационально. Но рано или поздно неизбежно осознание полной бессмысленности всего этого. Жизнь неизбежно требует иного смысла. Горизонт рационального планирования всегда ограничен. Рациональность работает только до момента смерти, и хотя он неизвестен, его вполне можно трезво прогнозировать. И это гарантировано убивает рациональность. Будущее должно быть абсолютно неизвестно для того, чтобы человек имел желание жить, действовать и ставить цели. Но при этом оно должно быть притягательным. Именно в нем сокрыта последняя цель, лежащая всегда вне себя и своей жизни, а значит заключенная в других людях - тех, кто будет жить потом, после, всегда. Жертва во имя других становится необходимым условием осмысленного существования.

Однако, чем "другой" лучше "я"? Да если хорошенько задуматься - ничем. Деятельность сама по себе, как поступок и как жест, все же пуста и бесцельна, особенно если учесть, что родные, близкие, или там соседи - тоже смертны. И потому, рациональное обязательно придает смысл иррациональному. Последняя, самая дальняя жертва - в принципе уже даже не жертва. В чем смысл бесконечно далеко и непонятно на кого нацеленного самопожертвования, если не в разумном, даже по-своему рациональном понимании смерти как продолжения своей жизни в других? Самоактуализации и самоосуществлении в их памяти, уважении, признательности, благодарности? В духовной сопричастности с ними, в соприкосновении и отождествлении? Последняя жертва включает и вполне эгоистический мотив. Человек хочет и должен чувствовать не просто полезность, вклад и нужность, а свою полезность, свой вклад и свою нужность. Он не может и не желает быть просто винтиком, безличной жертвой во имя неизвестно чего. Это "что-то" должно быть его. Он должен чувствовать единение с будущим. Разум опять не может остановиться перед порогом смерти. Жизнь должна продолжаться, хоть и в других, но - своя. Стать вечной. Актом самого полного осмысления своего существования, какое только возможно, становится жертва во имя вечного.

- Общее дело

Звучит впечатляюще. Но как с этой пафосной правильностью обстоит дело на практике? На самом деле, именно так. Осознание себя как человека происходит через ступени нахождения общего с другими людьми. Сначала "я - такой" означает "я похож на таких-то", потом "я - часть таких-то" и наконец "я - живу ради таких-то" или, иначе, "такие-то - смысл моей жизни", причем под "такими-то" уже имеется в виду все разумное и свободное. Чтобы уяснить суть этой возвышенной логики, надо отвлечься от примитивного понимания "я". Конечно, кто-то может сказать о себе "я - набор клеток". И не ошибется. Но свободный человек идентифицирует себя идеей общности, а не насилием причинности. Свобода требует единства с такими же. А иначе откуда

возьметса договор?

И если говорить о нормальных людях, то любой активный, продуктивный человек, всегда помнит об этом. Настоящее счастье самореализации, творчества и труда возможно только тогда, когда человек чувствует собственную принадлежность и неразрывность своего дела с общим делом. Своего существования с существованием своего круга, коллектива, общности. Это вполне бытовое ощущение вовсе не нагружено философией - они живо в каждом. Оно как бы присутствует по умолчанию, подспудно, и болезненно проявляется только когда теряется, когда человек оказывается один, не нужен, бесполезен. Все, что надо для счастья - общее дело, достаточно большое для того, чтобы ради него жить. Ни что меньшее не способно решить проблему смысла. Любая цель, если она достаточно быстро достигаема, неизбежно ставит проблему следующей цели и вполне может оказаться, что следующая цель отвергнет предыдущую, уже достигнутую. И тогда окажется, что в ее достижении не было никакого смысла - достигнутое имеет смысл только если является частью чего-то более общего, ступенькой к следующей цели. Значит последняя цель должна быть или заведомо недостижима, что сразу обесмысливает ее, или правильна - так правильна, что независимо от ее недостижимости ради нее есть смысл жить. Вот почему жизнь оказывается меньше цели - цель приобретает большую ценность, чем сама жизнь. И вот почему так захватывающи мотивы великих начинаний, воодушевляющих массы людей. Проблема поиска смысла оказывается решена относительно безболезненно, если найти великую цель.

И напротив, в отсутствии великой цели, несмотря на все напряжение практического разума, осмысленное поведение не получится уже с самого начала. Если честно полагаться на рациональность, получится или преступная романтика и бесславный конец, или психология "живи красиво, умри молодым" и позорное фиаско, или чистая практичность, погоня за деньгами и нравственное опустошение. Если же посвятить себя иррациональному духовному поиску в группе сподвижников, то есть шанс начав с йоги и восточной философии, кончить в тайге ожидая спасения Космическим Разумом.

Не в этом ли отсутствии правильности заключаются проблемы "потерянных" - и индивидов, и поколений, а то и целых стран, все никак не могущих определиться со своей национальной идеей? Когда социальная материя распылена в атомы, а ценность общего поправа, изгажена и оплевана? Когда погибли старые идеалы и их оказалось нечем заменить? Результат - утрата мотивации, желаний, стимулов к жизни и борьбе. Бессовестные погружаются в аморальность, совестливые - бессильно презирают окружающее. И не в этом ли причины бунта или молчаливого протеста? Когда вместо светлого будущего протестующие видят только подлость, несправедливость и ложь? И не в этом ли причины постоянного появления новых идей, подсказывающих очередную возвышенную цель, будь то антиглобализм или антикорпоратизм, борьба с эволюцией или вакцинацией, защита прав курильщиков или халявщиков? Люди не могут без великих замыслов, без воодушевляющего зова и вдохновляющего порыва. Они видят смысл в том, чтобы изменить настоящее, улучшить его, сделать добрее, человечнее и тем возродить будущее, придав ему притягательность. Будущее приобретает тот смысл, который в него вкладывается сейчас. И что важно - общий, один на всех.

Но как найти его? Откуда он такой возьметса?

9 Ценность №3

- Объективность

В поисках смысла мы подбираемся наконец к нашей цели - объективной этике. Очевидно, этика как-то связана с безграничностью разума. Ни чистая рациональность, ни чистая иррациональность этику не рождают, не объясняют и не требуют. Какая вообще может быть этика, если конец уже близок? Это значит, что все ответы надо искать в серой области - как можно догадаться, именно там пристроились самые разные абстракции, в большей или меньшей степени символизирующие вечное - человечество, прогресс, истина, прекрасное - чья объективность является условием самого их существования.

Уточним для проформы, откуда в серой области объективность.

Возьмем иррациональность. Чем дальше человек устремляет взгляд в поиске жертвенных идеалов, тем абстрактнее они становятся и тем больше он вынужден окрашивать их в такие же абстрактные представления о плохом и хорошем, о правильном и неправильном. Конкретные люди вызывают конкретные чувства, практическая правильность тут не вызывает трудностей. Но абстракция постороннего требует не столько чувств, сколько размышлений. И тогда правильность целей начинает опираться на понятия общие для всех, на то, что уже найдено совместно, общим договором. С исчезновением конкретики, ценность другого (№2) уменьшается и в пределе уравнивается с собственной (№1), а иррациональные мотивы возвращаются назад к индивиду, смыкаясь с рациональными.

То же самое и с рациональностью. В серой области налицо явное сохранение рационального мотива - человек четко понимает цель и это - его личная цель. Но очевидно, чем она долговременней, тем в большей степени ее достижение требует стабильности, взаимодействия с другими людьми, уверенности в том, что они будут точно так же заинтересованы в стабильности и в своих собственных долговременных целях. А также того, что свое личное понимание правильности совпадет с их. Т.е. чем дальше в будущее, тем выше становится ценность других людей и, следовательно, тем иррациональнее мотивы, пока наконец в бесконечности своя и чужая ценности не сравняются окончательно. С равенством ценностей исчезает субъективность цели, но зато появляется ее объективность, которая, как легко догадаться, соответствует точной границе между рациональным и иррациональным и, по счастливому совпадению, границе между людьми, рисуемой объективной этикой.

Эти цели настолько отличаются от рационального и иррационального, или напротив, настолько переплетаются и с тем, и с другим, что их вполне можно выделить в отдельный класс - "над-прагматичные". Если корни №1 и №2 кроются в биологии и социальных инстинктах, хоть и окультуренных работой мозга, эти цели - целиком порождение свободного разума. Их объективность можно найти только консенсусом. Люди загадочно приходят к пониманию общих целей сначала посредством общей культуры, сходного воспитания и добровольного сотрудничества, а потом, когда-нибудь, просто потому что они люди. Субъект окончательно исчезает из картины. А без субъектности, люди превращаются в нечто абстрактное - они действуют настолько

одинаково, что их уже не отличить. И потому мы вполне можем говорить, что новый объективный мотив обслуживает и столь же объективную цель, а также соответствующую ей ценность, которые скрываются в некоей сущности, пока не имеющей общепринятого названия, но настолько универсальной, что она безусловно одна на всех.

- Общее благо (ОБ)

Последняя ценность (за порядковым номером 3), самая дальняя цель и заодно смысл человеческого действия, отслеживаемый через все промежуточные правильные цели - гипотетическое Наивысшее Благо, лично-общественно-вселенское, настолько всеобщее, что оно превращается в Универсальное Добро, Всеблагого Бога, Абсолютную Благодать, Совершенную Любовь и т.д. Поскольку такие слова могут легко вызвать священный трепет и паралич мозга, я буду называть его кратко и обыденно - общее благо, ОБ или №3. Люди ощущают его как свою самую важную, хоть и не всегда до конца осознаваемую рассудком цель, движение к которой приносит удовлетворение от не зря прожитых лет. Все мы хотим сделать мир немножко лучше, а если не хотим - то только потому, что не можем. Это желание - источник и величайшего счастья, и одновременно величайшего несчастья. Несмотря на абстрактность ОБ, оно иногда проникает в личный успех, самореализацию, самоудовлетворение, эвдемонию и нирвану, придавая всему перечисленному частичку объективности. Впрочем, может только благодаря своей абстрактности ему это и удастся. Общее благо очищает мотивы от всего, что мешает быть объективным - потребностей, предпочтений, интересов, оно сводит воедино обе ценности - "я" и "другой", заменяет их на "мы" и "всегда", порождая ощущение связи со всем вокруг, а также причастности к прошлому и будущему. ОБ несет с собой ответственность за окружающий мир, за его целостность, сохранность и развитие. Оно доводит до логического конца социальные пространство и время - бесконечный коллектив, где случайные партнеры абсолютно незнакомы, и вечный горизонт планирования, где польза от сотрудничества абсолютно непредсказуема.

Друзья, вы вправе усомниться, что конечная цель должна быть такой высокой. Почему, например, не может существовать нечто "разумное", что примет за конечную цель Всеобщее Худо? Ведь если польза вроде ничья, откуда в ней возьмется добро? Ответ в том, что всякое действие нацелено на пользу. Даже когда человек специально творит зло, он испытывает от этого какое-то удовольствие. Т.е. любое целенаправленное действие должно приносить пользу - в этом изначальный смысл целенаправленности. Объективность цели лишь делает эту пользу объективной до степени абстракции, она не может превратить пользу во вред.

Смысл отныне в том, что любое правильное действие должно делать мир лучше. Но как именно "лучше"? В чем конкретно? Неясно. Ясно только кричащее несоответствие нашего внутреннего представления о №3 с окружающей реальностью, что вызывает жгучее чувство протеста. ОБ приобретает все больше конкретики по мере приближения порога мудрости, когда мирское кажется все более бессмысленной суетой, а мысли устремляются к вечному. Чем дальше они устремляются, тем ближе оно кажется. Задумываясь о своем назначении, о том, кто он, зачем и какова его стезя, человек может узреть высшую ценность в судьбе своего народа и памяти предков, верности традициям и прогрессе человечества, счастье родины и славе отчизны, национальной независимости и клятве императору, "вере-царе-и-отечестве" и "свободе-равенстве-

братстве", демократических идеалах и общечеловеческих ценностях, а если зайдет совсем далеко - в Боге, Мировом Духе и Источнике Мироздания, с которыми он находит общий язык и ощущает неразрывное внутреннее единство. Но разумеется, какое оно на самом деле - это самое ОБ, мы не узнаем. Да и так ли это важно? Оно есть - и ради него в конечном итоге живут, и каждый по отдельности, и все вместе. А иначе - зачем жить?

- Мера ценности

Благодаря своей объективности, и потому несмотря на неопределенность и некоторую пестроту воплощений, ОБ оказывается тем абсолютом, относительно которого оценивается все остальное в нашей жизни, включая и №1 с №2. Ведь должна же быть какая-то ценностная шкала? Какое-то твердое мерило добра? Какой-то абсолют, пусть ценностный? Потому что если в бытовом смысле №1 вполне пригодна в качестве меры, то уже когда оценивают самих людей, получается как-то неуклюже - взаимные экономические ценности вынуждены опираться на что-то твердое. А если уж речь доходит до высоких разговоров о том, что хорошо и плохо вообще, то с "собой", "тобой" или кем-то еще сравнивать нелепо. Хоть регулярно и появляются сугубо теоретические попытки объявить человеческую жизнь высшей ценностью, но как только доходит до практики, сразу оказывается, что есть вещи поважнее. Тут и появляется №3. Если что-то хорошо или плохо "вообще" - это значит по отношению к ней. Абсолют общечеловеческой, а то и внечеловеческой ценности, единственно возможное высшее добро - то, что человек хочет иметь над собой, как ориентир и направляющую руку, то, с чем он хочет сравниться, дотянуться и слиться в бесконечно далеком и счастливом завтра. То ли мерило, то ли недостижимый идеал.

Хочет, да не может. Как любая абстракция, ОБ мало пригодна для конкретных измерений. Но она и не может быть иной! Будь №3 более конкретна, она не могла бы стать абсолютом, ее можно было бы расчленить и осмыслить, а затем и отвергнуть. Как, собственно, и поступают постоянно с ее конкретными воплощениями. №3 можно только игнорировать, причем автоматически теряя всякую моральную опору. Вне №3 невозможно понять, почему №1 и №2 ценны. Наивно объяснять их ценность "любовью к жизни" или "ценностью жизни" можно только пока жизнь эта приносит удовольствие. Что рано или поздно кончается - природа не способна снабжать нас удовольствиями до самого конца. А бывает, страдания начинаются уже с самого начала. В чем ценность страданий? А ценность насильственного избавления от них? Вот и получается, что без твердого абсолюта жизнь пуста, никчемна и не представляет собой никакой ценности. Зато встав обеими ногами на твердую опору абсолюта, и одновременно стремясь вверх к идеалу абсолюта, человек загадочным образом и сам приобретает ценность - моральную, совершенно иную, чем №1 и №2.

Кстати, друзья, памятуя о нынешнем повальном увлечении либерализмом и индивидуализмом, давайте еще раз внесем ясность и подчеркнем этот момент. "Личность" вне ОБ не имеет ценности. Человек, который систематически уничтожает общее благо, озабочен только собой, индивидуален до мозга костей, занимается насилием над другими - не человек и не личность, его ценность отрицательна. Конечно, это не значит, что гоминид-сапиенсов надо сразу уничтожать. Боже упаси! Этика, и мы заодно с ней, лишь указываем на правду, констатируем факт. Свободные люди сами придумают как исправить рациональных гомо-животных, наставив их на путь истины ведущий напрямиком в общество.

- "Механизм" ОБ

ОБ настолько не похоже на все, что изобрела природа, что поведение человека, стремящегося к нему, как и он сам, получили специфическое наименование. Речь идет конечно об этике - об этическом поведении и этическом человеке. Из своего бесконечного далека №3 пытается подчинить все прочие цели и тем сотворить нового - этического индивида. Она отрывает его от биологических (№1) и коллективистских (№2) корней и вдыхает в него достоинство - частицу своей собственной ценности. Правда, в качестве цели №3 так же парадоксальна, как и в качестве меры. Как цель ее невозможно осмыслить. Она одновременно и досягаема, и нет. Улучшать мир можно бесконечно и при этом каждое улучшение - вполне реально.

Ценность №3 - это двигатель, лежащий в основании этики, запускающий наши моральные механизмы, зовущий каждого в общество, к договору со всеми и делающий из него человека. Подчиняясь зову ОБ, каждый действует правильно и тем воплощает свою моральную ценность в реальное благо всех. Так ОБ материализует само себя. Оно делает возможным договор и сотрудничество, а значит - и свое существование. Можно даже сказать, что ОБ и договор - синонимы, ибо будучи одним на всех, превращая человека в абстракцию, ОБ настолько меняет его поведение, что люди действуют сообща, словно они заранее договорились. Или наоборот, они заранее договорились - и потому стали этическими.

№3 всегда присутствует во всяком, умеющем думать и действовать. Руководит ли она им? Как правило нет. В наших примерах реальных действий мы пока не увидели ничего действительно захватывающего. Возможно, в наше доисторическое время приоритет имеют более близкие цели, восходящие к №1 и №2. Но где-то за ними уже маячит №3. Она наблюдает сверху всевидящим оком, не хуже господ бога, и требует от каждого быть этическим. Не более и не менее. В самом деле, ну какой у абстрактного блага может быть конкретный практический смысл? Просто надо быть человеком всегда и везде, в каждом деянии, поступке и жесте. Мыслить иными категориями, чем выгода или польза. Стремиться быть лучше - и тогда мир станет лучше вместе с нами.

Но хотя ОБ не ставит конкретных целей, не принуждает к бессмысленной работе, не терзает человека мелочно и назойливо, как это делают все прочие внешние и внутренние силы, оно влияет на все действия, структурируя их, укладывая в приемлемые рамки и подчиняя высшему, недоступному одиночному разуму, порядку. Потому этику, хотя она и сама реализуется механизмами разума, тоже можно считать "механизмом" - следующего уровня. Это способ материализации далекого и неясного ОБ посредством норм обязательных здесь и сейчас.

- Порядок

Способность ОБ построить людей в колонны и заставить маршировать намекает на то, что за ним скрывается какой-то важный смысл. И правда - несмотря на то, что мы идем вроде никуда, мы идем не зря. ОБ рождает иную целесообразность. Оно оказывается не пустым звуком - его просто не очень хорошо слышно с персональной колокольни. Скрепляющая и организующая сила ценности №3 формирует из хаоса индивидуальных действий нечто цельное и упорядоченное. Этический человек

оказывается способен быть строительной частицей - почти как все прочие кирпичики мироздания, формирующие сооружения высшего порядка. Для этого требуется лишь подчиняться этике. Осознанно это происходит или нет, не важно, поскольку ОБ - вполне объективная причуда разума. Заглядывая в будущее, он творит возможности по созданию будущего - и чем дальше заглядывает, тем надежнее и прочнее результат. Что же он там видит?

Кто-то из древних сказал, что действовать морально - в своих просвещенных интересах. Кто-то из великих - что мораль выше своих интересов. Многие современники - что личный интерес и есть мораль. На самом деле, свои интересы совпадают с интересами общества где-то в пределе - чем они просвещенней и дальше, тем яснее и ближе. Хаос общества отличается от хаоса животного мира тем, что люди стремятся координировать свои действия, что невозможно без прогноза поведения других. Если горизонт предвидения нулевой - мы имеем хаос темной чаши, где каждый удовлетворяет сиюминутные потребности постоянно конфликтуя с каждым другим. Предвидя такой результат, люди ограничивают случайность своих действий. Но вместо этого они вводят хаос своих догадок и представлений о будущем - возникают конфликты целей. Чем больше радиус предвидения, тем больше порядка и лучше координация. Чтобы хаос окончательно исчез и появилось единое направление для всех - радиус должен превышать физический предел жизни. И желательно ближайших потомков тоже. А затем - и своего исторического коллектива. Если просвещенная рациональность - это способность планировать дальше сиюминутной выгоды, то этичность - способность планировать бесконечно далеко. Само размышление о вечном делает человека мудрее и добрее. Можно сказать, объективная этика - это предельно прочувствованная рациональность и предельно рационализированная интуиция. Этика ликвидирует риск, вызванный действиями людей. Она упорядочивает будущее как угодно далеко.

Действительно, этическая деятельность уничтожает окружающий хаос и чем дальше время ее планирования, тем долгие ее эффект, тем шире потенциальный ее охват, тем на большую часть мира она повлияет. Когда радиус предвидения выходит за пределы круга бытия, и просвещенный интерес, и непросвещенный, вообще любой интерес, оказывается лежащим где-то сбоку. Бесконечный горизонт планирования отождествляет человека со всем миром. Единственным правильным оказывается благо "всех" - неуловимой, но реальной сущности, проживающей где-то во всем мироздании. ОБ придает правильный порядок всему мирозданию!

- Реальность ОБ

И это улучшение вполне реально. Да! Все, к чему мы пришли, вовсе не забава разума или теоретическое упражнение - работу ОБ можно наблюдать воочию! Посмотрите сколько вокруг нас всевозможных благ. И многими из них мы можем пользоваться. Мы гордимся нашей цивилизацией, нашей культурой, но что такое культура? Конечно этика. Культуру можно рассматривать именно с этой точки зрения - как помощь в предвидении и планировании. Нормы, процедуры, роли и т.д. - это знаки, позволяющие предсказывать поведение других людей и взаимодействовать с ними. Это элементы договора. Если мы можем ехать на зеленый, то только потому, что знаем - остальные стоят на красный. Даже внешние символы, помогающие отличить своих от чужих - способ предсказать их возможные действия. Нормы сложились случайно, но в их основе лежит этика. Ведь знаки могут быть обманчивы. Этика - гарантия качества,

скрепляющая всю систему. Это истинное богатство общества и потому она безусловно стоит выше человека. В чем ценность человека без этики, какого-нибудь гомо-экономикус? Разрушитель и потребитель. Первозданная природа и то ценнее.

Уровень этики - степень этичности населения, количество, качество и слаженность процедур и институтов, их справедливость - безусловно отражаются в уровне развития общества, уровне жизни, уровне экономических, эстетических и научных успехов и конечно уровне порядка - коррупции, преступности и всякого подобного добра, которое мы связываем с цивилизацией. Этика - социальный эквивалент времени, как прошедшего, в смысле ее накопления, так и будущего, в смысле возможностей дальнейшего развития. Когда человек озабочен выживанием, ему не до этики. Если он знает, что не доживет до 25-ти, какой смысл творить добро? Но чем больше у него в запасе возможностей, как экономических, так и культурных, чем больше у него гарантий стабильности, тем дальше вперед он способен заглянуть и тем полнее он способен реализовать свой творческий потенциал и создать вечное. Качество жизни, вызванное уже приобретенной этикой, продвигает горизонт. Этика растит сама себя. В этой ее парадоксальной практической бессмысленности заключается ее смысл. Все остальные практические блага - безопасность, эффективность, благосостояние - вытекают из нее сами собой. Стремление к ОБ порождает ОБ и это - единственно возможный социальный прогресс.

Мы видим тут тот же человеческий "закон" - как и звание человека, добро существует только если к нему стремиться. Но не следует думать, что ОБ выражает таким образом интересы общества или какую-то там цель человечества. У человечества нет отдельной цели. Например, выживание. Выжить хочет живое, но человечество - не биологический вид. Для чего ему просто выживать? А в чем интерес общества? В единстве, в развитии, в целостности? Но зачем? В накоплении там добра, любви и счастья? Для кого? Человечество и его вечное существование оказываются не целью, а значит - средством. Для чего? Для ОБ, которое больше чем само человечество.

10 Свобода и ОБ

- Неожиданное совпадение

Пора задаться вопросом - а где во всем этом свобода? Вопрос очень своевременный. Давайте отвлечемся на минуту и поразмышляем. Посмотрите на рационального человека. Он абсолютно свободен, делает то, что хочет, не замечает никого вокруг и прет к своей цели как танк. Этаким моральный нигилист и супермен. Но так ли уж он свободен? Конечно нет. Он - раб своих желаний. Чем он отличается от носорога? Давайте теперь посмотрим на его противоположность - абсолютная святость, полное самоотречение, жизнь ради других. Картина маслом. А где ж опять свобода?

Если мы вспомним все, что уже прочли об ОЭ, то обнаружим, что общее благо и свобода прямо связаны - они попадают в самую точку баланса альтруизма и эгоизма, на сакральную черту - границу между людьми. Мне нравится мысль, что ОБ - воплощение свободы, ее ценностный эквивалент и моральная ипостась. Ведь это проясняет суть дела намного лучше, чем расплывчатые высшие ценности, упомянутые ранее. Согласитесь, свобода - это звучит! И если уж совсем ошалеть и замахнуться на философию, можно

предположить, что свобода - то свойство материи, которое позволяет ей существовать. Ведь не может же она существовать без всякого смысла? Не может же она просто подчиняться одним и тем же, скучным, постоянным и потому легко познаваемым законам? Может, вся эта непрерывная пульсация мировой энергии просто от безысходности, тоски и непонимания, зачем она нужна? Все же этика и ОБ слишком человечны, бездушная материя скорее всего до таких красот не поднимется. По крайней мере, окружающая природа явно не отличается этичностью. То ли дело свобода!

Впрочем, оставим философию и вернемся к размышлениям. С одной стороны мы безусловно можем сказать, что свобода - это общее благо. Но верно ли обратное? Разве ОБ зовет нас к свободе? Я думаю, да. Стремясь к ОБ, разум преодолевает насилие, борьбу и смерть. Это для него лишь вторичные материальные факты. Разум мыслит категориями бессмертия - он творит будущее и, в отличие от его материальной оболочки, может стать бессмертным, если найдет свой смысл, привнесет в мир благо. Преодолевается не только смерть. Преодолевается все материальное - законы, эволюция, вселенная. Разум нацеливается в бесконечное будущее. Но будущее неизвестно, в нем возможно все. Будущее - это полная свобода.

- Различие и сходство

К этому моменту, друзья, если вы еще размышляете, наверняка заподозрили неладное. Не слишком ли мы ловко связали ОБ, объективную этику и свободу? Разве свобода, вместе со своим договором и поиском границы, не всего лишь ограничивает насилие, запрещает, указывает как не поступать? С какого-такого припека, она вдруг стала учить жить? Звать куда-то в благие дали? Требовать быть человеком в каждом жесте? ОЭ - не моральный абсолют, который расписывает жизнь до последнего помысла. Если мне не изменяет память, быть объективно этичным - это оставить постороннего, да и всех их вместе, в покое. Типа исчезнуть. Как отсюда получается, что свобода ведет к чему-то хорошему и полезному, что оказывается общим? Какая может быть общая цель с теми, кого как бы нет? О каком порядке можно тут рассуждать?

С одной стороны, описанная нами в прошлом письме ОЭ вела к свободе. С другой, нынешняя ОЭ ведет к ОБ. Настала пора свести одно с другим. Во-1-х, что такое свободное поведение? Это - правильное поведение, потому что насилие - всегда неправильно. Но правильное равнозначно вечному - то, что правильно, не надо менять. А это и есть ОБ - самое правильное и вечное, что только можно сыскать. Во-2-х, свобода появляется из стремления к ней, это наша цель, но ОБ - символ всего, к чему надо стремиться. Это наш ценностный маяк, ибо нельзя стремиться к тому, что не имеет ценности. Во-3-х, согласование личных интересов в договоре означает что они в конце концов совпадут. И значит, тот свободный интерес, что реализуется в договоре, ведет к общему, а не личному благу. Вспомните, ОЭ служит сразу всем и никому в отдельности. Во-4-х, личные цели могут быть у всех разные и одновременно общие только тогда, когда все они ведут к свободе, потому что свобода - то единственно возможное общее, что объединяет разное личное. Иначе говоря, свобода каждого преследовать свою цель и свое благо осуществима только, если все преследуют в качестве своей цели свободу.

Сама свобода собственной воли требует предвидения результатов действий, иначе она не будет отличаться от подчинения силам. Только это позволяет говорить об

выборе. Но предвидение и выбор равнозначны цели - не имея цели нельзя оценить последствия. Значит любая личная цель - по сути всегда свобода. С другой стороны, свобода воли возможна только в обществе. Соответственно любая личная цель уже предполагает более общую цель - существование общества, а точнее свободы, которую оно нам предоставляет. А поскольку ближняя цель всегда есть следствие дальней, общая цель, т.е. ОБ, оказывается эквивалентна свободе. Отсюда видно, что все действия, кроме нацеленных на №3, частично детерминированы и чем дальше от №3 - тем сильнее. Их цели определяются чем угодно кроме свободы: рациональные - природой, иррациональные - моралью.

- Императивное предписание

Что касается предписаний, все не так плохо - все гораздо хуже. Оставленный один на один со своей свободой, человек озадачивается необходимостью поразмыслить и понять, зачем он нужен. Свобода порождает сомнения, мысли и в конце концов - действия. Но какие? Человек не может не действовать. Детерминизм, в лице всемогущей природы, заставляет нас выживать, бороться за ресурсы. Но смысл освобождения - "не делай" - остается загадкой. Сомнения и мысли приводят к пониманию того, что делать нельзя ничего вообще, ибо всякое действие приводит к насилию! Запрет налагаемый свободой не равнозначен предписанию "делай то-то и так-то" - он гораздо тяжелее. Человек должен сам найти что и как делать. И так уж получается, что любой смысл какой бы он ни нашел в конце концов ведет к вечному и абстрактному ОБ, ибо смысл не может существовать конкретно и вблизи, будучи ограниченным насилием чужих смыслов, конфликтами с ними. Свобода уживается только с бесконечно далеким смыслом.

Ни свобода, ни этика не могут требовать создания благ. Но они и не требуют! Запреты приводят к благам сами, когда появляются новые, с трудом найденные возможности. Ведь всякий запрет насилия, всякая этическая норма - не просто запрет, средство избежать конфликтов, но и руководство к действию, требование найти способ его удовлетворить. Правда, если запрет императивен, "руководство" вытекающее из него - не совсем. Рис. 3.1 наглядно демонстрирует нам эту ситуацию, особенно если мы вспомним еще и рис. 1.6. Этика как бы сжимает наше "пространство маневра", запрещает отклоняться в сторону №1 или №2, ибо и то, и другое ведет к насилию, к предпочтению одних людей другим. В итоге этический человек остается наедине с горизонтальной осью времени, указывающей ему путь к №3. У него не остается иного выбора. Вернее, его выбор теперь иной. Если мы внимательно посмотрим на рис. 3.1, то заметим, что ось времени - та же самая черта, пусть и показанная в профиль, что изображена на рис. 2.5, черта разделяющая людей и производящая свободу, если в нее вгрызаться как во фрактал. И чем дальше в серую область целится человек, тем больше свободы он там может отыскать.

Посмотрим на это с точки зрения ресурсов. Всякое насилие - это лишение человека какого-то ресурса, возможности. Соответственно, запрет насилия выливается не только в необходимость справедливого распределения ресурсов, но и их производство. Иначе дефицитный ресурс останется вечным камнем преткновения и о свободе придется надолго забыть. Возьмем простой пример. "Не убий" - самый простой запрет, но что значит "убить"? Лишить человека его законного, биологически необходимого пространства, например, поместить в его тело железный предмет. Или лишить его не пространства, а например, воздуха или пищи. Что же делать, если воздуха не хватает

всем? Если места на спасательном плоту хватит только на одного? Вот тут-то и становится понятна мудрость свободы, требующей от нас путем запретов производства ресурсов. Каждый запрет - это шаг к свободе, стимул для поиска и творчества. Формально этика просто запрещает, но фактически она заставляет нас сотрудничать, трудиться и производить блага. И покорять природу, скрывающую свои богатства.

А потому, кстати, ОБ - это и то объективное добро, которое мы уже встретили ранее, синоним успешного договора. Ибо, рождение общего дела и общей цели возможны только путем вечного, постоянного согласования действий между всеми, кто способен целеустремленно менять окружающий мир, освобождая его от детерминизма.

- Ценностная реинкарнация

Однако, не оставляют сомнения. Наивысшее благо всегда рисуется в мечтах как нечто упоительное, олицетворяющее вечное наслаждение и всеобщее счастье. К иному и стремиться как-то не хочется. Потому и его достижение обычно ассоциируется с жертвой, долгом, любовью к падшим и прочими неприятностями, ибо ничто хорошее не дается за просто так. Договор же, с другой стороны, ни к чему подобному привести явно не может. Договориться можно только о том, чтобы каждый остался при своих. Счастье быть оставленным в покое как-то не очень подходит в качестве олицетворения рая. Тем более, что и это - максимально возможное! - счастье ведет лишь к мукам выбора, поискам смысла, серьезным решениям и тяжелой ответственности.

Именно поэтому свобода нуждается в ценностной обличке. Общее благо и свобода очень близки, разница в том, что одно - универсальная ценность, а другое - для кого-то благословение, для кого-то проклятье. Свобода, как свойство материи, морально нейтральна. Это объективное условие нашего бытия. Человек склонен все оценивать. Солнечный день - хорошо, дождливый - плохо. Почему бы и не оценить свободу? Но из этой склонности не следует делать далеко идущих выводов. Даже насилие, хоть оно и кажется подвластно человеку - ограничивается не моралью или логикой по отдельности, а внутренней сущностью человека, неприятием его. Там же и происхождение свободы. Свобода - это хорошо точно так же, как хорошо иметь две ноги, а не одну. Просто некоторые, имея обе ноги, предпочитают инвалидную коляску. С благом этот номер не проходит.

Парадокс свободы в том, что свобода должна быть общим благом и одновременно не может быть общим благом. Как неизвестность, включающая все возможные несчастья и неудачи, может быть наивысшим счастьем, ценностью и целью? Свобода требует постоянной борьбы и напряжения, но кому нравится борьба ни за что и движение в никуда? Я думаю, не стоит ломать голову над очередным парадоксом, а просто принять, что ценность №3 - это "доверенное лицо" свободы, ее ценностное олицетворение. Симпатичное, притягательное, но такое же абстрактное и недостижимое. Свобода, кроющаяся за общим благом, и не может стать конкретной, каждый волен иметь в виду под ней что-то свое, придавая ей те ценностные черты, какие ему ближе, в то время как сама эта возможность и есть свобода.

Такое ОБ - единственное, что объединяет посторонних. И другим оно быть не может. Человек не будет стремиться к нему, сливаться с миром и принимать на себя ответственность, если мир этот лишает его выбора, если люди вместо договора

занимаются насилием, если общее благо подменяется чужим. Кому нужен такой мир и такое благо?

- Смысл и свобода

ОБ удачно решает проблему смысла свободы. Свобода сама по себе бессмысленна. Свободный выбор невозможен, если смысл виден заранее - тогда это будет уже предопределенный выбор. С другой стороны, если бы в свободе не было смысла, его там нельзя было бы найти. Но этот парадокс - лишь следствие парадоксальности понятия "смысл". Оно само содержит в себе свое отрицание. Смысл надо обязательно искать. Если он известен - он исчезает. Какой смысл в том, что уже предопределено? Смысл неотделим от выбора, а значит смысл - в самой свободе. Отсюда и его парадоксальность. Даже думы о смысле - а нормальный человек ни о чем ином и думать не станет - ведут к свободе, потому что не имея смысла человек оказывается во власти внешних и внутренних сил, которые ведут его совсем в ином направлении - откуда не возвращаются.

Тут-то и помогает ОБ. Иметь выбор и не иметь хоть какого-то руководства в выборе подобно абсолютной пустоте - природа разума такого не терпит. ОБ облагораживает свободу. Когда нет никакой осмысленной жизненной цели и великого общего дела, ОБ становится самой последней целью, отвечая сразу на все вопросы - и о том, что правильно, и о том как надо, и о том, зачем все это. Оно извлекает смысл из свободы и вкладывает его в жизнь человека. Теперь свобода - цель, а этика средство. Поступать этично становится правильным. А как именно? Искать личный смысл так, чтобы найденный результат был общим - договариваясь с другими, человек не договаривается о смысле, но сам смысл обнаруживается там, где удастся договориться. Чем и материализуется наше Великое Общее Дело. Так ОБ делает общество свободным, будущее желанным, а движение к нему - осмысленным. И без этой целенаправленной, продуктивной деятельности не будет ни человека, ни этики с ее механизмами. А будет деградация и превращение назад в животное.

А что же в конце? Для чего сама свобода? Для новых открытий и новых возможностей. "Смысл" свободы - лишь новая свобода. Потому ОБ и требуется ей в качестве магнита.

11 Практические блага

- Основа практических благ

Разумеется, сама по себе свобода никак не может гарантировать практические блага, пользу или хоть какой-то прок. Тем более странно, как практические блага, под накоплением которых обыватели понимают социальный прогресс, вытекают из этики сами собой, хоть и негарантированным образом. Но так ли это? А вдруг дело вовсе не в этике, а, например, в техническом прогрессе? В мудрых правителях? В чистой случайности исторического процесса наконец?

И тем не менее, причина очевидна. Способность стремиться к ОБ - необходимое, хоть и не достаточное, условие поиска правильных норм и процедур. Маяк ОБ позволяет людям найти дорогу к общественным институтам, которые не приносят пользу никому

конкретно и которые невозможно организовать никак иначе - полной безопасности, совершенным деньгам, справедливому суду и множеству других, еще не открытых и не изобретенных. Конечно, считать подобные институты "практическими благами" как-то неуклюже, но можно, потому что только благодаря им мы получаем вполне реальные блага - иначе вся наша продуктивная деятельность уходила бы в песок, а точнее присваивалась бы кем-то еще. Общественно полезные институты - не что иное, как правильно выстроенные процедуры и единственный критерий их правильности - объективная этическая основа, благо всех в целом и ничье в отдельности. Ни рациональный просвещенный интерес, ни жертвенные личные отношения, ни какой-либо священный долг и моральный абсолют не способны сформировать такую основу.

Если опереться на подобные костыли и отклониться в сторону от объективной этики, то под видом практических, коллективных или еще каких-то важных благ, можно легко создать преимущества одним за счет других, и в результате растерять и свободу, и блага. Как оно часто и получается. Например, денежная система, безопасность, рынок - это типичные практические блага, но обслуживающие общество весьма неравномерно - есть группы из публики, кто имеет к ним привилегированный доступ. Что-нибудь попроще, например, публичный контроль за качеством молока - несомненное практическое благо потребителей молока, полученное за счет повышения цен и сбора налогов с той публики, которая его не употребляет. Справедливый суд представляется наиважнейшим практическим благом, но реальный, разумеется, может отличаться в сторону публичности как душе угодно. Но не следует быть пессимистами, друзья мои. Свобода и этика приносят поистине замечательные плоды, с этим нельзя спорить. У многих из нас, например, есть в кране горячая вода, а в розетке электричество!

Да, но как они там оказались? Какова, так сказать, процедура?

- Объективная польза

Для начала надо уяснить, что электричество и горячая вода - не как физические явления, а как воплощение прогресса - есть само ОБ, но в предельно конкретном выражении. Крупица ОБ, в виде "объективной пользы (ОП)" и "объективной ценности (ОЦ)", скрывается в любой полезной идее или продукте, во всем хорошем, из чего состоит наше общество, от науки до хлеба с маслом. Ибо один человек не в состоянии ни создать эти блага, ни уничтожить, т.е. потребить так, чтобы не досталось остальным. Однако отделить эту крупицу от насущного, непосредственно ощущаемого блага напрямую - умственным взором или научным поиском - невозможно. Объективное полезно не пользой или удовольствием, оно полезно как полезна сама свобода, общество, разум или, скажем, чистая совесть. То есть очень абстрактно. В общем-то, ОЦ и ОП - почти одно и то же. Ценности и польза для каждого свои, но когда к ним добавляешь объективность, все они сразу сходятся в общий фокус и упираются в ОБ.

При этом они удаляются от конкретного. Можно сказать, объективная ценность обратно пропорциональна прагматической, а объективная польза - практической. Вторые всегда несут сильный отпечаток №1, ведь польза для всякого человека опирается на его субъективные ощущения. Этот вывод может показаться парадоксальным каждому, кто не читал предыдущий текст и не знает, как мы пришли к нему. И свобода, и этика бесполезны. А польза, напротив, следствие детерминизма - нашей животной природы, в изобилии снабжающей нас чувствами, желаниями и потребностями. Сытость, тепло и

прочие приятные ощущения - это его уловки, попытки соблазнить нас и отвратить от свободы. Но разумеется, напрасно. Личные удобства не могут отвлечь этичного человека и помешать ему видеть и ценить объективное.

Распознать объективное в нарезном батоне или хлорированной воде не слишком легко. Но оно вполне может быть представлено гораздо более явственно, хотя и уже гораздо менее полезно. В чем например польза высокого искусства? А фундаментальной научной истины? Объективная польза - этический идеал, к которому стремится всякая полезная деятельность, которая в свою очередь есть попытка подарить новые возможности, новую свободу максимальному числу людей. Если мы посмотрим на рис. 3.2, то увидим, что любая цель, лежащая на оси времени - объективна, даже если она не угодила в вечность. Для "практической" объективности достаточно, чтобы польза оказалась максимально общей. Этика не настолько требовательна, что не согласна ни на что меньше вечности. Конечно, полная объективность, как и полная абстрактность, наступает только там, но это все же явно недостижимо. Самая абстрактная живопись имеет шанс оказаться недостаточно абстрактной для слепых обитателей какой-нибудь Кассиопеи. Важно, что этика позволяет двигаться по оси дальше или ближе, оставляя достаточно места человеку для проявления его не только творческих, но и любых практических способностей. Главное - не смещаться в сторону.

- От абстрактного к конкретному

Путь от абстракции к хлебу и воде, хоть и требует множества социальных институтов, начинается не с них. Все начинается с этики, но не в виде запретов на эгоизм и заповедей "не убий". Абсолюты конечно, вещь важная, но ими хлеб на масло не намажешь. Прежде чем дойдет до любых норм, людям необходимо договориться. Договор невозможен без общих оснований и эти основания - стремление к ОБ. Но люди не способны договариваться об абстракциях и потому ОБ порождает свои конкретизации в виде окончательных истин, идеалов, высших ценностей и прочих красот духа, которые уже можно рисовать в своем воображении и обсуждать. Еще конкретнее все это духовное творчество выражается в несколько более практических идеях и целях, которые уже в свою очередь, в процессе реализации, воплощаются в процедурах и институтах. Но на этом "польза" этики не кончается, ведь институты работают, а процедуры выполняются. Деятельность людей, управляемая таким образом, порождает уже совсем конкретные знания, процессы и технологии, которые, применяясь на практике, приводят к созданию самых обычных благ, всем нам ежедневно необходимых (рис. 3.3).

Конечно, конкретизация ОБ, равно как и ее "обсуждение", не обязательно происходит явно. Долгое время историю вообще не волновали идеи. Люди творили как бы сами по себе, а "проверяли" верность идей кровью и потом. Но суть дела от этого не меняется. Этика работает и неявно тоже, хоть и не так эффективно. Ведь смысл собственной жизни есть, даже если о нем не думаешь. Поиск личной цели и смысла как раз и требует придания абстрактному ОБ конкретного обличья, а затем и применения его на практике. Такова суть ОБ как ипостаси свободы. Но этичный человек делает это так, что его конкретизация остается конкретизацией ОБ, а не чего-то еще. Плоды его духа находят применение во всем обществе, а не достаются ему самому в ущерб остальным. Соответственно, произведенные им блага остаются такими же объективными, и в этом поиске своей личной объективной полезности - нравственная задача каждого

Рис. 3.3

свободного человека. Так, пекарь может представлять ОБ как хлеб на каждом столе. И хлеб, который он выпекает, будет нести этот смысл в каждом своем куске.

В процессе воплощения своей идеи ОБ, пекарю, среди прочего, придется открыть предприятие, нанять людей, выпустить акции и создать пенсионный фонд. Вся подобная деятельность, попадающая в середину пирамиды благ - его способ превращения ОБ в нарезной батон. Внутренность пирамиды - а это, очевидно, не что иное как срез культуры от ядра к оболочке и даже чуть дальше - своего рода система управления обществом, правила социальной организации, транслирующие общее и абстрактное в личное и конкретное. Так желание свободы позволяет согласовать цели и наладить сотрудничество для производства и распределения возможностей, ресурсов и иных материальных благ. ОБ словно спускается с небес и проникает в потребляемые нами продукты.

- Норма и благо

По дороге в реальную жизнь, конкретизированное ОБ проходит этап норм и правил. Не надо понимать норму узко - как запрет. Норма скорее говорит: "делай так". Норма, в ее наиболее общем виде символизирует повторяемость - это образцы, навыки и приемы, позволяющие воспроизводить возможности. Вырастить и испечь хлеб - это не просто победа над голодом и свобода ходить сытым среди сытых людей. Это нормы - найденные пекарем формы организации деятельности, включая акции и пенсионный фонд, которые отныне будут служить примером для всех тех, кто захочет повторить его успех. Все вокруг нас, созданное руками человека, основано на нормах, воплощающих идеи принятые обществом. Через норму посредством труда в продукт закладывается

благо всех. Если самый простой продукт - хлеб, который можно съесть - это личная, узкая полезность, то нормы, заключенные в хлебе могут быть только общими. Нормы - это то, что позволяет выпекать хлеб всем и вечно. Это правила, открывающие подобные возможности для каждого. Это - крупца ОБ, делающая сытыми всех.

Каждый продукт несет в себе след норм, благодаря которым он стал возможен. Продукт есть слепок процесса, результат процедур, воплощение нормы. Чем эффективнее процесс, тем качественнее и доступнее благо. Это хорошо иллюстрируется нормой обмена - ценой, ведь цена зависит от технологии. И не только от технологии производства, но и технологии социальных отношений. Что толку, что выпечь хлеб стоит копейки, если владелец может продавать его во много раз дороже?

Но при чем тут тогда этика? Ведь этика только запрещает, ограничивает! Этика не должна подсказывать "как делать"! Дело в том, что не всякая норма на 100% принадлежит этическому ядру (вспомним рис. 2.2). Не следует смешивать нормы этики - запреты насилия - с правилами, реализующими конкретные практические процедуры. Чем ближе к ОБ, к вечности и вершине пирамиды, тем этичнее атмосфера: тем больше запретов, тем бесполезнее блага и тем их меньше. А чем ниже этажом, тем разнообразнее блага, больше полезность и субъективность. Так, если нормы выпечки хлеба оказались не вполне этическими, сытыми будут только некоторые. Практическая норма всегда имеет в виду субъективный результат. Этике важна правильность, объективность нормы. Но если мы пойдем дальше, от ОБ к практическим нормам, а от них - к продуктам, то увидим, что правильные нормы производят правильные продукты. Запрещая что-то общее, этика гарантирует все возрастающее совершенство частного - что в конце концов процедуры выпечки хлеба обеспечат им всех. Этика не говорит как выпекать, она говорит как не выпекать, и в результате мы имеем норму выпечки, которую не стыдно ассоциировать с ОБ.

Признать норму таковой можно только договором. Он позволяет сравнить ценности различных продуктов и распределить их так, что все станут свободнее. Как он это делает? Давая преимущество тем продуктам, чья крупца ОБ оказалась крупней, т.е. тем, что были созданы самыми правильными процедурами. Ибо чем больше ОЦ, тем продукт менее ценен (точнее дорог, но не будем пока вдаваться).

12 Экономика свободы

- Свобода от ценностей

Чтобы понять этот новый парадокс, рассмотрим ценности ближе. Что общего в ценностях разных продуктов? Разумеется - ОБ, но есть ли способ до него добраться? В общем случае нет. Ценность нового продукта можно оценить только внутренним моральным взором. Но в более простых случаях, особенно в наше время всеобщего насилия и победы экономического детерминизма, можно попытаться вычленить общее и закономерное в практических благах.

Прагматические ценности начинаются с полезности, а та - с потребностей. Рассмотрим для начала жестко детерминированные потребности - то, без чего долго не получится, например, тот же хлеб. Необходимость хлеба может варьироваться от нуля до

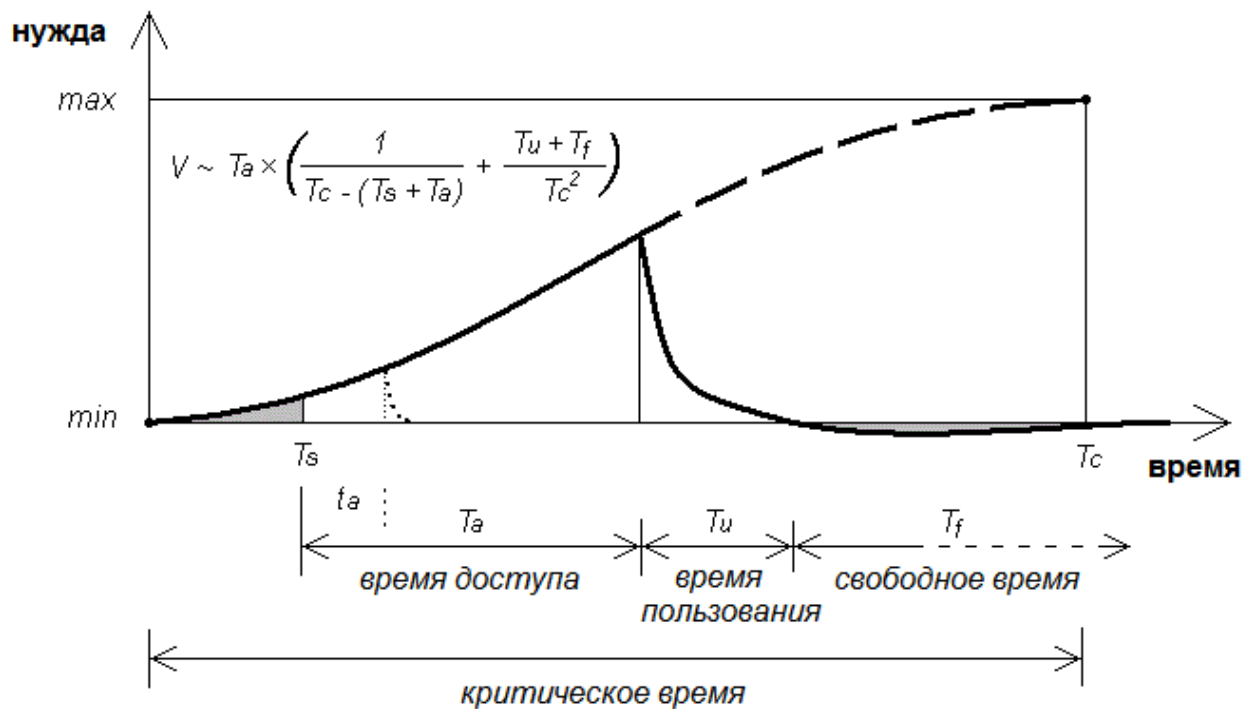

Рис. 3.4

максимума - того, после которого нет ни необходимости, ни ее субъекта (рис. 3.4). Сначала необходимость заявляет о себе легко и непринужденно - не столько нуждой, сколько воспоминанием о ней (T_s). Если человек не хочет вспоминать, она заявляет все громче и в конце концов переходит в критическую стадию, где расти ей уже некуда, а организм собирает последние силы, чтобы потянуть время и выжить. Предел - критическое время, T_c - та точка, где ценность любого куска хлеба достигает для субъекта бесконечности. Если найти хлеб оказалось возможным раньше, он поглощается и необходимость в нем исчезает. Полезность хлеба - способность удовлетворить потребность, голод, а ценность - возможность сделать это как можно быстрее и лучше.

От чего зависит ценность? Посмотрим на нашу формулу, но пока не будем вдаваться в ее детали. Во-1-х и в главных, от T_a - времени доступа к нему. Это время включает не только труд, необходимый для его выпечки, но и время понимания полезности хлеба, время учебы на пекаря и множество всех прочих времен, связанных с этим процессом, включая выходные. А если человек сам не печет - это время на заработок денег, поиск и покупку. T_a прямо связано с редкостью хлеба. Чем меньше хлеба, тем большее время требуется, чтобы его найти и заполучить. Во-2-х, от качества хлеба, которое неявно выражается во времени его эффекта - как долго потребуется на то, чтобы его съесть и на как долго можно будет после этого забыть о нем (член с T_f). В-3-х, от момента времени T_s , когда человек вспоминает о хлебе. После T_c вспоминать не получится, близко к нему может быть уже поздно начинать его искать. Благодаря способности помнить, люди могут запастись хлебом впрок, отчего третий фактор может стать несущественным. Второй фактор играет хоть и важную, но не интересную роль. А вот первый показывает нам самую суть - почему для разных людей ценность одного и того же хлеба разная -

потому что при равных Tc каждому необходимо разное время, чтобы заполучить его.

Сравнивая субъективные ценности хлеба, люди могут прийти к выводу о том, как следует распределить хлеб, чтобы каждый тратил на него минимальное время и стал не только субъективно максимально свободен, но и объективно - потому что свободнее станут все. И в этом заключается смысл договора, равно как и прогресса. Преодолевая потребности, человек становится вместо них рабом ценностей. Он трудится и ему кажется, что он производит ценности. Но на самом деле, он уничтожает их, потому что ценность пропорциональна редкости. А производит он ОЦ - тоже время, но другое, время свободы. Чем больше каждый трудится, тем меньше времени нужно всем на удовлетворение потребностей, прогресс - это движение $Ta \rightarrow ta$. И в конце, в идеале, всякая прагматическая ценность должна исчезнуть, уподобившись воздуху - самому ценному и одновременно бесценному ресурсу. Не в этом ли парадокс, не дающий покоя разуму? Превращение личного труда, производящего ценности, в общее благо, равное их отсутствию? Практическая замена практической пользы объективной?

(Подробнее формула рассмотрена в главе "Рынок: между сотрудничеством и соревнованием", том III.)

К сожалению, идеалам свойственно оставаться идеалами. Происки детерминизма приводят к тому, что на смену одним потребностям приходят другие. Жесткие заменяются мягкими. Если без хлеба человек может умереть, то умрет ли он, если не увидит Самую Великую Картину? Не посетит Самый Красивый Город? Не услышит Самую Лучшую Песню? Еще как! Пока он голодный, он может и не умереть, но сытый, он выпадет из круга общения, впадет в депрессию и перестанет считать себя человеком. Конечно, ценности картин и песен сравнивать сложнее, но я думаю мы, друзья, не сильно погрешим против истины, если положим Tc равным тому пределу, после которого человек умрет от обиды, зависти или комплекса неполноценности. На худой конец - приравняем Tc ко времени жизни человека и тем спасем нашу замечательную формулу.

- *Эквивалентный обмен*

Насилие - всякое взаимодействие между людьми, результат которого склоняется либо в сторону №1, либо №2. Именно подобное взаимодействие, с абсолютным уклоном в №1, мы наблюдаем в нынешней экономике, где в результате "договора" выигрывает одна сторона. Причем иногда настолько сильно, что уже неясно, что там получилось со второй. Главная причина разумеется в том, что голодные массы даже близко не могут сравниться в договорных позициях с теми, кто рулит экономикой - корпорациями, банками и правительствами. Но если на стремление рулевых к этике, объективности и эквивалентности может рассчитывать только наивный, куда удивительнее, что сами экономисты теряются в догадках о причинах провалов рынка, неустойчивости валют и кризисов производства. Хотя что тут сложного, не так ли, друзья?

Объективная польза не получается ни от человека, ни от его деятельности, если он опирается только на свой интерес. Чудо рынка, способного частный интерес незаметно превратить в общий, не более чем фантазия. В рынке нет ничего магического. Чем "совершеннее" рынок, тем скорее он сделает богатого богаче, а бедного беднее. Только этичный рынок способен на чудо. Но это чудо достигается осознанными,

целенаправленными усилиями к эквивалентному обмену. В чем же чудо? Обмен теряет смысл, если стороны не получают что-то в результате. Значит, эквивалентность обмена - не более чем равенство ожидаемых субъективных благ каждого. Но такое возможно только если любое субъективное благо соотносится с общим - иначе сравнения не получится. Следовательно, должно обмениваться только одинаковое, общее благо - этика стремится сделать обмен бессмысленным! Но в этом нет ничего неожиданного. Эквивалентность, как и любое требование этики, не может влечь за собой выгоду. Однако этика не порицает выгоды вообще. Она вполне одобряет ее, но с одним условием - чтобы личная выгода в точности соответствовала выгоде всех других. В процессе обмена партнер приобретает символический статус, он становится той же самой абстракцией, символом общества. Потому и польза от такого обмена становится объективной, такой же, какая имеется в этике или свободе.

В чем смысл требования эквивалентности? Разве люди и так не меняются с целью взаимной выгоды? Эквивалентное распределение ценностей максимально справедливо - так они быстрее всего уничтожаются и польза продуктов оказывается объективно максимальной. Ценность не исчезнет пока есть те, кому продукт нужен. Соответственно, так достигается и наибольшее ОБ - общество тратит минимальное время на доступ к ресурсам и уровень экономического насилия в нем минимальный. Говоря иначе, самые доступные продукты содержат наибольшую ОЦ и потому получают преимущество в результате договора. Практическая польза конкретных благ исчезает, зато объективная общественная - накапливается.

Но разве максимально справедлива не помощь нуждающимся? Да, но только если, во-1-х, их нужда вызвана искусственно, т.е. насилием, и, во-2-х, они сами эквивалентно способствуют общему благу. Не всякая субъективная выгода правильно влияет на распределение ресурсов. Эквивалентность выделяет ту часть выгоды субъекта, которая объективно определяет ценность, и это, забегая вперед - честная деятельность по ее получению. Но субъективная ценность зависит и от T_c с T_s - люди пока еще находятся в состоянии нужды. Пока еще прогресс не дошел до точки, когда можно ничего не хотеть, честно планировать в бесконечность и обмениваться из любопытства. И раз каждый находится в разных точках T_s , обмениваемые ценности искажаются и выгода от полученной может легко оказаться меньше убытка от отданной. Увы, сам прогресс ни до чего не дойдет, если его не направлять. Эгоистичная выгода максимальна у того, кто обменивает ценности легко полученные и не слишком нужные, тогда как его партнер погряз в нужде и его доступ к ценностям максимально затруднен. Выгоднее всего вызывать искусственную нужду и быть максимально богаче партнера.

- Парадокс ценности №1

Что происходит при обмене с №1? Если обмен эквивалентный, то ни одна из сторон не прирастает в ценности. Откуда же возьмется №1? Из того, что она уже создана до обмена, но пока имеет не(до)оцененный, субъективный статус. И поскольку каждая из сторон хочет блага не только себе, но и партнеру, в процессе обмена субъективные ценности чудесным образом превращаются в объективные и каждый прирастает на величину "объективной" выгоды. Так рождается ОЦ, которую общество, в лице символического партнера, должно оплатить новыми деньгами. А накапливая новые деньги, производитель благ растет в стоимости. Поскольку ОЦ - шагжок к общей свободе, обмен делает каждого ценным насколько он помогает свободе.

Но ведь труд, создавая ценности, уничтожает их! Значит, чем больше №1, тем она меньше? Уточним этот момент, друзья. Труд создает свободу от потребностей, которые ценности призваны удовлетворять. Но вместе с результатом труд обесценивает и себя. Человек, хозяин труда, измеряется своей собственностью - чем больше собственности, тем больше он трудился и создал свободы для всех, и тем освободился сам - его собственность дает ему свободу от потребностей. А значит, вместе с трудом он "дешевеет" тоже - и теперь ему приходится трудиться больше и лучше. Его труд становится более интенсивным и производительным. Идет гонка к свободе - чем дешевле труд, тем он производительнее, чем производительнее, тем дешевле. А чем быстрее производится ценность, тем скорее она исчезает - прирастает только свобода.

Разгадка парадокса ценности №1 в том, что №1 - следствие, а не цель. В этическом обществе она растет только тогда, когда стремишься прямо от нее! Этика не интересуется личной пользой и №1 как ее следствием, она озабочена общей пользой и в благодарность позволяет №1 отражать ее. Стоимость человека - своего рода награда, благодарность общества. Но нельзя же делать награду самоцелью!

Но возможно ли подобное? Конечно! Эгоистичное животное стремится выжить. Этика делает человека бессмертным, отчего его мелкие земные желания становятся бессмысленными, а цели - объективными. Они не отклоняются от горизонтальной оси и не несут в мир зло. Любое его действие нацелено на №3, а №1 = №2. Он как бы постоянно думает о вечности и ОБ. Он не знает фраз: "Жизнь коротка!", "Надо жить сейчас!" и т.п. Можно ли считать его действия прагматичными? Очевидно нет. Или, может быть, возможна этическая прагматичность - например, как способность максимально эффективно идти напролом к объективной цели? Так или иначе, рациональные мотивы, а вместе с ними и вся нынешняя рациональная экономика, исчезают в омуте этики как кошмарный сон. Целенаправленное увеличение собственного блага отвлекает от вечного. Разве поэт, когда творит стих, думает о деньгах? Поклонниках? Критиках? Этическая деятельность нацелена только на ОБ, а рыночная стоимость человека вытекает из нее сама собой, в результате благодарности других, а не хитроумной рациональности.

Если теперь попытаться подправить рис. 3.2, как это требует этика, то получится что-то типа рис. 3.5. Асимметрия рисунка напоминает рис. 1.13 - в личной сфере №2 остается, как и жертва ради нее. Поэтому иррациональность, в отличие от рациональности, выживает, хоть и в усеченном виде: иррациональные цели не попадают в вечность, поскольку, во-1-х, ограничиваются действительно близкими, а во-2-х, не достигаются в ущерб посторонним.

- Объективная ценность

ОБ, будучи освобождением от потребностей и прочей причинности - та универсальная ценность, которая позволяет свести воедино любые индивидуальные предпочтения и ценностные шкалы. Оно делает все экономические ценности такими же объективными. Разумеется полной объективности мешают, помимо личной субъективности, также исторические, географические и иные случайные, преходящие общественные условия, требующие, и следовательно делающие ценными, как разные продукты, так и разные человеческие способности. Но ничто не может помешать добрым людям, имеющим

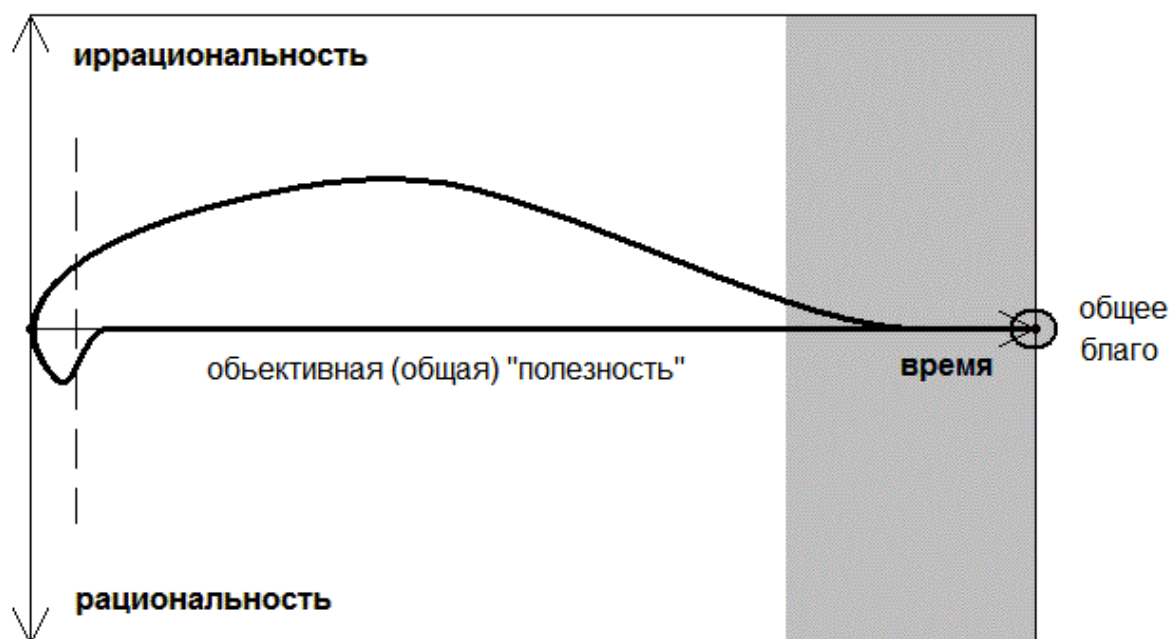

Рис. 3.5

одну цель, договориться и используя свой моральный взор узреть в продукте зерно ОБ. Причем случайная конкретика уменьшается по мере расширения круга участников договора. Если учесть интересы всех не удастся, объективность может оказаться весьма относительной, в предельном случае - относительно двух обменивающихся сторон. Правда практическая польза в этом случае будет максимальна.

Объективная ценность соответствует той объективной пользе, которую может принести обладающий ею продукт, но она непредсказуема ровно настолько, насколько неизвестен заранее результат достижения с помощью этого продукта объективной цели - ОБ. Ведь всякий продукт освобождает от нужды, и значит объективность ценности связана со свободой. Но как? Очевидно, что объективная часть ценности продукта скрыта где-то в T_a , T_u и T_f . Первое время отражает затраты труда, необходимые для его получения, остальные - качество продукта.

Разложим ценность на составляющие. За всякой целью следуют ценности нижнего уровня, которые соответствуют полезности чего-то в достижении цели и зависят от того, как оно планируется. Это ценности всевозможных материалов, знаний, организации и т.п. Соответственно, всякая ценность нижнего уровня порождает такие же цели нижнего уровня - получить или произвести это что-то. И т.д. Таким образом каждая ценность оказывается состоящей из более мелких ценностей, среди которых только продуктивная деятельность не раскладывается дальше. В итоге, все объективные ценности - лишь труд во имя свободы. Но как выяснить ценность свободы? Мы попадаем в замкнутый круг - ценность созданного продукта определяется затратами

труда, а ценность труда определяется ценностью созданного продукта. Выход из него - обмен, когда труд одного меняется на пользу другого. Но обмен не сравнивает несравнимое - пользу с трудом. Каждый сравнивает одновременно и то, и другое - и полезность, и адекватный ей труд, и только подобное четырехстороннее сравнение способно находить объективность. Соотнося полезность с вложенными усилиями, обмен вкладывает в деятельность смысл. В результате оказывается, что ценность - не что иное, как деятельность по созданию объективной ценности, а благо - деятельность на общее благо. Иначе говоря, стремление к ОБ действительно порождает ОБ!

Если субъективное свойственно отношению между субъектом и объектом, то объективное - отношению между этическими субъектами. Обмен позволяет устранить субъективное, нейтрализовать его и оставить оценку объекта вне влияния субъективности. Объективное возникает из самого факта обмена. Ключевой момент в этом - эквивалентность. Субъект привносит в обмен что-то ценное, что он смог создать, опираясь на свои способности, время, средства и прогнозы. Эта ценность остается субъективной, даже если она включает в себя всевозможные, независимые от него "общественно-необходимые" издержки. Насколько она действительно ценна могут знать только другие. Они оценивают ее, корректируют и делают объективной, что возможно только на этическом рынке. Если цели у всех противоположны, а такое бывает когда цель - односторонняя выгода, то результат случаен/детерминирован и определяется экономической, в лучшем случае, силой сторон. Но если все стремятся к ОБ, они достигают объективной черты и этим преодолевают любую субъективность. Они находят в каждой ценности заветную крупицу ОБ и их консенсус относительно эквивалентности является необходимым (и достаточным, если они не ошибаются) условием для этого. Поскольку деятельность вне ОБ не несет ОЦ, то именно эквивалентность порождает и ОЦ, и ОП.

- Рынок и смысл жизни

Такое легкое решение проблемы смысла жизни наверняка вызовет у вас сомнения. Неужели все, что надо - лишь найти работу по душе и честно торговать? Удивительно, но это так. Ключ в слове "честно". Если свобода человека с одной стороны открывает ему безграничные возможности в целях, а с другой ставит в тупик, оставляя без малейших намеков на желательность выбора той или иной, то в этическом рынке сокрыт механизм, помогающий человеку справиться со своей свободой. Этот механизм - обмен информацией о чужих неудовлетворенных потребностях, которые мешают общей свободе. Рынок помогает найти правильные цели и придать нужный смысл. Все, что для этого надо - следовать нормам, потому что рынок - это место где нормы воплощаются в практическое благо. Этичный рыночный обмен элегантно разрешает неразрешимое требование свободы - одинаковой возможности каждого преследовать свое благо одновременно преследуя общее. Договор эквивалентного обмена можно считать наглядным воплощением ФП.

Рыночный договор сам собой решает задачу - как практически определить свободного человека? ОЭ требует отказа от насилия. Но теперь-то мы знаем, что мало отказаться от насилия на словах. Надо творить благо, а это непросто. Как быть, если человек не смог найти смысл в жизни, не справился, не нашел себе применения? Достоин ли он свободы? Имеет ли право на участие в договоре, на свое мнение? Не удивительно, оказывается, что имеет. При условии, что не сидит на шее близких, а честно делает то,

на что он способен, потому что каждый способен хоть на что-то. Те же, кто предпочитает не участвовать в публичном договоре, а жить в кругу семьи - сами собой отвечают на вопрос о том, нужна ли им свобода.

Общее благо оказывается достаточно практично, если можно считать практичным простую формулу - найти полезное дело для людей и одновременно для себя. Преследуя пользу, требуемую рынком, человек создает свое социальное "я". Он получает образование, раскрывает способности, растет профессионально, творчески, духовно и т.д. А главное - трудится, создавая настоящие, а не фальшивые ценности. Он ищет смысл, нацеленный на общее благо и прикладывает к его реализации максимум усилий. Теперь никто не стремится варварски истребить ценные ресурсы или забыть о долгосрочных последствиях. Никто не стремится сформировать ненужный спрос, навязать потребности, создать нужду и вызвать необходимость. И разумеется, никто не собирается пользоваться кем-либо бесплатно. У всех, в принципе, одна цель, хоть каждый понимает ее по своему. Рынок, как общий договор, позволяет свести субъективные цели в одну. Разумеется, как всегда со свободой, рынок несет риск. Неудача на рынке ничем не отличается от неудачи в поиске смысла жизни. Если человек не смог принести другим пользу, он жил зря. Да, можно говорить о том, что он был хороший, добрый и его жизнь была необходима его близким. Но когда мы говорим о свободе, мы всегда думаем о посторонних. А эти посторонние понимают только абстракции, и одна из них - деньги.

Теория рационального выбора, объясняющая как работает рынок, учит, что человек всегда будет наживаться на других, если у него есть такая возможность. Теория еще более рационального выбора учит, что на самом деле рациональный выбор - это свои долговременные интересы. Но только теория объективно этического выбора, пока к сожалению, не существующая, предполагает оценку не только выгод и рисков, пусть и долговременных, но и приемлемости их для окружающих, объективной пользы всем и каждому. Она объяснит, как работает этический рынок, который превращает высокие абстракции в конкретные дела. Этический рынок не надо регулировать. Регулирование рынка ничем не отличается от патрулирования улиц. И то, и другое необходимо, если общество заполнено сторонниками насилия, и ведет лишь к большему, системному насилию. Справедливый рынок возникнет только под воздействием этики, а не государственной, религиозной или коммунистической "справедливости". Когда в каждой транзакции человек увидит не только себя и свой барыш, а всех остальных сразу, включая тех, кого его транзакция затрагивает попутно и неявно. И тогда такой рыночный успех автоматически превратится в смысл деятельности и всей жизни.

- Творчество и слава

Признаться, рыночный смысл жизни выглядит не слишком вдохновляюще. Разве можно считать рынок, даже этический, Великим Общим Делом, ради которого стоит жить? Зависит от человека. Вообще-то, жить ради людей - великое дело. Надо просто помнить, что этический рынок не имеет с нынешним ничего общего. Однако, глупо было бы думать, будто все люди только и ждут, что рынок им подскажет кем стать и чем заняться. Всегда есть неутомонные, которым больше всех надо. Но потому свобода и не сводится только к выбору! А в случае рынка - к массовому производству, удовлетворяющему спрос, каким бы многообразным и изменчивым он не был. Свобода позволяет (и на самом деле требует) не только устранять существующие

неудовлетворенные потребности, но и открывать новые возможности, вести рынок, а с ним и общество, вперед. Ибо не только потребности подсказывают цели, но и цели подсказывают потребности! И так уж получается, что чем человек свободней, тем больше он склонен не тупо следовать существующим нормам, механически производя ресурсы, а находить новые, делающие производство ресурсов более эффективным.

Однако, как бы ни увлекался творчеством беспокойный духом, его успех невозможен вне рынка. Этичная экономика включает в себя все виды свободного обмена. Если цели первого типа работают на опережающий спрос, то второго - на опережающее предложение. И всякое новаторство, всякое творчество требует объективной оценки. Признание художника, уважение ученого, благодарность общественному деятелю - эти виды обменов тоже отражаются в ней материальным успехом. Еще при жизни.

И тем не менее, это свойство этичной экономики - способность адекватно оценить любую объективную пользу - выглядит парадоксально. В наше время экономического насилия ценность искажена беспринципной борьбой за ресурсы, конкуренцией, психологией "все или ничего". Богатеют максимально бессовестные, а таланты либо остаются нищими и непризнанными, либо идут на поклон невзыскательным потребителям. Этичная экономика оценивает пользу пропорционально ее абстрактности. Чем она абстрактней и вечней - тем важнее и ценнее. Именно так работает объективная этика, которая нацеливает каждого на максимальную объективность и параллельно воспитывает в каждом совершенный вкус.

Это относится и к самим талантам. Этичный талант не рвется к славе, а делает свое дело. Если он не может без творчества - он творит, но не ради известности, а ради результата. Правильное отношение к результату несовместимо со стремлением угодить толпе, привлечь внимание, продаться дешево и быстро. В этичной экономике не будет самого понятия "продаться", потому что этичные люди не нуждаются в проституции. (Друзья, я конечно выражаю фигуральную - когда продают свои моральные принципы). Слава - вовсе не критерий объективности. Более того, она скорее противоречит ей. Использование известности в качестве рычага успеха ничем не лучше использования любого другого преимущества. Можно сказать - известные лица олицетворяют собой насилие, а известные имена - именуют его. Люди рвутся к известности, как и к прочему успеху, зная, что там, где победит один - остальные проиграют. Но как же совместить личную цель, метящую в ОБ, персональный успех и невозможность анонимности с безразличием к славе? Ведь ОБ - это и свое личное бессмертие? Совместить так, чтобы не лишать этого же других. Бессмертие выражается в ОП, которая закладывается в ход прогресса, а не в почитании имени и бронзовой иконы. Именованное величие затмевает других, лишает их деятельность адекватного признания. Свобода гарантирует каждому одинаковую возможность успеха. Помнить каждого успешного невозможно и не нужно. Успех имеет градации - каждый побеждает настолько, насколько он способен победить. Гонка за смыслом непрерывна и бесконечна. Тот, кто победил и стал великим сегодня, завтра окажется проигравшим и забытым - вечного первого места не бывает. Объективная этика признает величие только всех сразу - величие общее, как и общее благо.

- *Символическая ценность*

Здесь пожалуй уместно будет для полноты картины сказать пару слов о феномене

символической ценности. До сих пор мы предполагали, что ценности служат делу свободы - они указывают направления продуктивных усилий человека. Однако благодаря имманентной сложности абстракции ОБ люди постоянно путаются в этих направлениях. И тогда ценности могут играть противоположную роль - служить делу насилия. Так, вполне можно говорить о насилии ценности, если та символизирует насилие. Например, знаки иерархии и власти, атрибуты святости и культа, регалии и награды подавляют человека не хуже физического насилия. Обычный человек в форме полицейского - уже не совсем человек. Помимо насилия символов насилия, можно говорить о насилии прошлого - когда ценность приобретают артефакты, реликвии, экспонаты музеев и коллекций. Отдельным случаем такого насилия являются бесполезные вещи со вмененной ценностью - например, антиквариат, раритет, сомнительного качества предметы искусства. Ценность их покоится на вере в то, что эта ценность существует. Она проявлялась в прошлых покупках и значит обязательно проявится в будущих.

Вред символических ценностей не в их субъективности, а в том, что они претендуют на объективность. Сувениры, памятные знаки, фотографии - это ценности личной сферы, отблески №1 и №2, и никакого вреда не несут, пока не попадают в публичную. Другое дело регалии и прочая высокая символика. Это прямая подмена ценности №3 ценностью конкретного коллектива - его историей, традициями, верой в его будущее. Но в бесконечном будущем просто нет места для всех этих символов! Как конкретная жизнь, кончаясь, уносит в небытие память, так же и всякий коллектив, включая обитателей земли, рано или поздно исчезнет в глубинах мироздания вместе со всеми своими музеями.

Конечно, друзья мои, важно не путать с символами артефакты, представляющие собой научную ценность. Иногда ученые проводят раскопки не только чтобы наполнить музеи и развлечь зевак, но и выяснить важные факты о нашем прошлом. Факты, которые обязательно помогут не повторить его в будущем.

13 Творчество, красота, новое

- Красота и свобода

Акт творчества - шаг к свободе и он всегда сопровождается ощущением красоты. Почему? Что такое красота? Давайте опять отвлечемся на минуту.

Воображаем ли мы красоту или она уже есть в природе? Например, люди долго не могли увидеть обратную сторону Луны, а потом посмотрели и восхитились - они увидели то, чего никто не видел раньше - и эти унылые камни с пылью показались им необычайно красивыми. Откуда же взялась эта неизвестная ранее красота? Существовала она раньше или люди придумали, создали ее сами? Для ответа возьмем шире - а была ли вообще обратная сторона Луны до того, как люди увидели ее? Разумеется нет. Было нечто, сформированное силами природы. "Обратной стороной Луны", со всей присущей ей красотой, оно стало благодаря разуму. Разум узрел ту сторону еще до того, как увидел глазами, и тогда же она возникла из своего небытия. Вселенная возможно красива, но не знает об этом, у вселенной возможно есть смысл, но неизвестный ей - и во всех случаях человек придает вселенной то, что ей не хватает. Да,

а что же такое красота? Это путь к свободе. Выход за пределы детерминизма, привычного и прошлого. Это новизна, которая зовет к себе и обещает новые возможности - новую красоту и новую свободу. В чем же красота той стороны? В бесконечной свободе возможностей, которые мы откроем и обязательно воспользуемся, просто пока не знаем как.

Если природная красота манит вдаль, искусственная открывает свободу внутри нас. Люди стремятся к красоте и в делах, и в быту. Они любят красивые вещи, красивые поступки, красивый облик. Почему? Потому что мы видим в красивом смысл, связанный со свободой - это чья-то уникальность, чья-то свободная личность зовет нас, указывает путь, отвлекает от насилия, выживания и выгоды. Красивые вещи радуют, мы их покупаем и бережем, они облагораживают наш быт, вдохновляют и стимулируют, воспитывают вкус. Красивые поступки вызывают восхищение и притягивают людей, подают пример, им хочется подражать. В искусстве гениальная вещь вызывает восторг, указывает новое направление, служит ступенью к следующим шедеврам, плодит эпигонов. Все красивое будит воображение, соблазняет неведомым, лучшим будущим, делает из людей творцов, а не рабов. Ощущение красоты возникает от узнавания, понимания или придания чему-то дополнительного, неожиданного смысла, делающего это что-то способным к развитию, таящим новые цели и новую пользу. И этой новой пользы больше там, где меньше существующей, где она неясна и ее еще предстоит открыть. Отсюда видно, что красота сопровождает объективную пользу, подчеркивает объективную ценность. Это знак свыше, который говорит нам: "Отвлечитесь от собственной пользы, отбросьте практические ценности. Только творчество, только общее благо, только красота!"

Заманивая в будущее, красота требует изменений прямо сейчас, она прислуживает свободе, не позволяя нам забывать о движении к новому, о поиске, о возвышенности несовместимой с чистым практицизмом. Как и свобода, которая объединяет необъединяемое - общее благо и выбор каждого, красота требует разнообразия оригинальности и одновременно указывает этому разнообразию общее направление. Не подлежит сомнению, что это направление смотрит туда же, куда зовет нас ОБ. Красота, созданная руками человека - это проявление свободы в его деятельности, это печать свободы на ее результатах.

Поэтому неудивительно, что, как и в случае с этикой, красота ведет нас от одних правил к другим. То же и направление, которое дается ощущением совершенства, правильности, законченности. Есть даже такая поговорка - некрасивые самолеты не летают. Но правильное вечно, а новое мимолетно! Очередной парадокс, не обращайтесь внимания - правила устаревают, красота ускользает из них, требуя продолжения поиска. Потребность в правильности заставляет искать то, что невозможно было предвидеть, что невозможно выразить формально. Творчество следует не правилам, а предчувствию свободы. Оно стремится к открытию и новым горизонтам. Этим выходом к свободе оно отличается от насилия, которое тоже не следует нормам. Как же мы их отличаем? Загадка. Иногда, впрочем, сила искусства такова, что можно смело говорить об эстетическом насилии. Особенно в последнее время.

Парадоксально само понятие "правильное". У красоты, как и свободы, нет правил - искать законы гармонии и принципы совершенства так же бессмысленно, как искать моральные абсолюты. И в то же время, красота, как свобода - это правила, то, что

упорядочивает эстетический хаос и придает смысл. Соответственно, красота требует не только нарушать правила, но и следовать им. Идти вперед можно только отталкиваясь от того, что уже найдено, иначе вместо движения вперед получится топтание на месте. И как следование правилам требует их нарушения, так и нарушение правил требует создания новых правил. Если не будет правил - как их нарушать? Как двигаться? Как без старых правил создать новые?

В парадоксе правил проявляется загадка красоты, и красоты правил, и красоты их преодоления. Есть "красота" очевидная, холодная, пустая - это красота правил, привычного, надежного. Того, что уже найдено. Как мыслить логически - гармонично, строго, элегантно. Есть красота предчувствия, которая будоражит и влечет - озарение, индукция, выход за пределы логики. Эта красота движения, потребности перемен. Когда пора искать новое, потому что старое уже приелось, а логика ходит по кругу.

- Творчество и смысл

Творить истинную красоту доступно немногим, но абсолютно каждому доступно наслаждаться ею, потому что каждому дано быть свободным. Творчество, как выход за пределы существующего - самое яркое проявление свободной воли. Вероятно, оно имеет некую внутреннюю причину, но эта причина не является причиной в общепринятом смысле. Уже из самого определения нового следует, что у него нет закономерной причины. Однако поневоле закрадывается сомнение. Каждый ли может творить свою жизнь? Придать ей новый, красивый смысл, не сводящийся к стандартному бытовому набору - достатка, детей и чистой совести? Я думаю, да - не только творчество ведет к свободе, но сама свобода, поиск смысла - творчество, поиск того, чего еще нет! Разница только в том, как далеко на оси времени оказывается результат. Не у каждого есть абсолютный слух, чувство цвета или листок бумаги, но абсолютно каждый может хоть что-нибудь напеть, нарисовать или написать. Посмотрите, например, на наши рисунки! Так или иначе, нет никакой проблемы в главном - если достичь совершенства дано немногим, то всем дано делать выбор. Найти именно то, что устраивает его. Уже выбирая работу по душе, человек ищет свою индивидуальность, свой смысл. Каждый творит так, как может и как хочет, и ничто другое не сделает его счастливым. Конкретизация ОБ, осуществляемая всей своей активной созидательной жизнью - это непрерывный творческий акт, посторонние лишь подтверждают его правильность. Можно сказать, что творение собственной жизни - это поиск собственной красоты, открытию ее в себе. И вера в собственную красоту делает людей лучше, вызывает душевный подъем, рождает силы и вдохновляет на свершения. Она способна придать смысл любому действию и в итоге - всей жизни. Даже этика, чтобы летать, должна быть красива и когда люди поймут это, они ее такой и сделают.

Истинная красота всегда объективна, она одна на всех, общая, как и благо, скрываемое за ней. А как же вкусы, можете вы спросить? Разве вкусы не индивидуальны? И да, и нет. Субъективность восприятия, а вернее то, что под этим понимают - неприятие чужого творческого результата, скорее всего просто недостаток вкуса, но субъективность творчества - его необходимая составляющая. Поскольку красота требует разнообразия, вкусы субъективны в том, что они указывают свой личный путь к красоте. Но единство, скрываемое в этом разнообразии - универсально. Восприятие субъективно до тех пор, пока человек ищет и творит, но когда он найдет и воплотит - красота становится общей, в точности как смысл в договоре! Свобода вкуса - это свобода мнения, а объективность

красоты - это объективность ОБ. И неважно, что как и всякая конкретизация ОБ, красота сохраняет черты индивидуальности. Даже гениальные люди, способные многократно и, прямо скажем, избыточно создавать новое, могут создавать его только в каком-то определенном стиле, отражающем их неповторимость. Гениальность - лишь несомненное проявление способности к творчеству, несомненное в силу того, что признается всеми, независимо от личной субъективности и степени конкретизации. В то же время, каждый человек способен творить новое в масштабе своей жизни, делая свои скромные открытия, пусть и повторяемые независимо от него другими людьми. Даже делая простой выбор, человек привлекает разум, опирается на цели. Цель же, как и смысл, должны быть новыми, ибо известный смысл - не смысл. Так неразгаданный смысл жизни лишний раз доказывает, что люди обладают свободной волей и, значит, творчество - не привилегия избранных. Придание жизни смысла есть создание несуществующего. Это творческий акт, которым неизбежно озабочен каждый свободный человек, даже если у него нет никаких прочих талантов. И проявленные в собственном творчестве субъективность, личность и вкус, помогают признавать чужое, постороннее и общее, и оценивать его объективно.

Хотя этика для многих остается бременем, красота вдохновляет всех. Поэтому, мне кажется, этический прогресс следует за эстетическим. Искусство высвобождает не только эмоции, но и разум. Уже первые иррациональные оправдания самопожертвования требовали магии и священного, и с тех пор художественное творчество ищет окольные пути к свободе нравов, к раскрытию морального потенциала. Человек на практике становится свободнее после того, как сперва стал свободнее мысленно. Красота и творчество создают новую этическую реальность. Вот, кстати, причина, почему жизнь общества не может быть познана научно. Новое непредсказуемо, но именно оно составляет ее суть - движение к совершенству.

- Похвала размышлению

Конечно, все эти красивые рассуждения о красоте хороши в общем. Но как свобода и неотъемлемая от нее творческая воля, заведомо чужеродные в мире детерминизма, умудряются не только существовать в каждом человеке, но и проявляться в его ежедневных делах? Ведь не каждую же минуту мы творим? А воля, тем не менее, присутствует в нас каждую секунду, мы ее чувствуем!

Поэтому наверное будет уместно остановиться на практическом вопросе о том, как это высокое духовное творчество проявляется в нашем суетном быту. Наши ежеминутные поступки, наш ежесекундный выбор безусловно свидетельствует о нашей свободной воле - без нее немислима наша жизнь, наша индивидуальная личность. С другой стороны, все эти выборы и поступки практически гарантированно имеют непосредственную причину - нам надо жить, дышать и т.п. Даже наши дальние цели часто определяются нашими потребностями. Где тут место для свободного творчества? Я думаю - в размышлениях и, особенно, в сомнениях. Да, конечно, каждую секунду не будешь думать о смысле жизни и гадать об ОБ. Но это и не требуется. Достаточно просто иметь свою цель - улучшить мир, принести пользу всем. Даже если эта конечная цель - ОБ - настолько расплывчата, она обязательно влияет на все наши решения и выборы, она порождает короткие цели, которые лежат как бы в контексте дальней. Важно лишь не полагаться на чувства или привычки, а размышлять - постоянно и при каждой возможности. Сам факт размышления - это удар по детерминизму, шаг к

свободе. Безусловно, наши выборы могут быть и часто являются машинальными и потому детерминированными. Однако стоит нам действительно задуматься, спокойно и без накала эмоций, как запускается процесс творчества. Ведь мысль неотделима от сомнения, а сомнение - от свободы. Конечно, и эта свобода может быть весьма ограничена - например, если нам срочно надо спастись и мы ищем все возможные пути для этого. Но чем мы спокойнее, тем больше у нас свободы, тем дальше заглядывает наша мысль, тем больше в ней творческий компонент и больше нового в ее результатах. Творчество очень легко - надо просто постоянно думать!

И не надо думать, что способность абстрактно мыслить - удел единиц, что абстрактное - нечто сродни высшей математике. Математика требует не абстрактного мышления, а формального, даже формализованного, и это, действительно, весьма специфическая способность - как и музыкальная, к слову. Вы ж не думаете, что компьютеры мыслят абстрактно? Сильные математики как правило чрезвычайно наивны в иных вопросах. Так что вера в себя, в свою способность творить покоится не на умении решать в уме дифференциальные уравнения, а на умении сомневаться.

Новое всегда есть там, где есть мысль, а мысль, в свою очередь, есть там, где есть цель - невозможно думать без цели! И наконец, никакая мысль не может не отразиться в действиях. Человек не способен найти какой-то свой смысл, а потом просто выкинуть его из головы. Таким образом, всякая осмысленная деятельность вносит в мир нечто новое уже тем фактом, что она осмысленна. И единственное, что для этого требуется - размышлять. Отсюда и проистекает "причина" нашей свободной воли, которую мы не замечаем, потому что просто не думаем о ней.

Размышляя, мы не только творим. Часто, и даже чаще, мы обдумываем чьи-то еще действия, чьи-то еще результаты и ищем в них смысл - новое, красоту и свободу. Мы не только встраиваем свои действия в русло чужих, но и оцениваем чужие с точки зрения наших целей. Наши размышления - это неявное участие в постоянном общественном договоре. Отсюда и вытекает все наши не столько творческие, каковые мы привыкли считать уделом избранных, сколько моральные - но на самом деле те же творческие! - муки. И пока мы мучаемся, мы обладаем самой большой свободой воли, какая только может быть.

Даже несмотря на то, что частенько мы оказываемся настолько глупы, что используем ее в целях насилия. И что интересно, чем больше мы глупим, т.е. игнорируем окружающих, тем больше наш разум превращается в рассудок, наши действия становятся цинично рациональны, а сами мы трансформируемся назад в детерминированных животных. Ибо сомневаться нам уже незачем, нам надо просто считать, вычислять - природа все давно решила за нас. Нужна лишь чистая логика реализации интересов, оправдания чувств, эмоций. Мы не думаем, а как говорится рационализируем - пытаемся обосновать предзаданную цель. А значит все новое, что могло бы генерировать наше мышление, остается нерожденным и никак не отражается в действиях - ничего нового в мир мы не несем. Неэтичность лишает нас свободы воли! Нам кажется, что мы свободны, но мы обманываем себя - нас направляет природа.

- Ценность и новое

Если спуститься с философских высот, то можно заметить творчество буквально везде.

Любой продуктивный труд - это создание новой ценности. Конечно, степень новизны варьируется от слепого подражания до великого открытия, но принцип везде один. Не бывает двух идентичных продуктов, как не бывает двух идентичных людей. Рынок ищет общее в единичном - и находит новое! Но увы, ненадолго. Люди постоянно пересматривают ценности. Новизна привлекает - обилие обесценивает - новое устаревает. Как объективная ценность человека меняется от "ничего" к финальной №1, так и объективная ценность продукта падает по мере устаревания. Устаревание - следствие функции красоты как двигателя нового. Но ведь объективная ценность - общее благо в своих разных ипостасях. Как же оно может исчезать?!

Может! Для примера, возьмем опять автомобиль. Он открыл нам новую свободу - в этом нет сомнения. Но что случилось потом? Общество привыкло, перестроилось и окончательно поднялось на новую ступень прогресса. Без автомобиля невозможно ни жить, ни работать. Вместе с ним нельзя избежать его содержания, страховки, обучения вождению, не говоря о риске для жизни. Человек стал рабом автомобиля. Вот она - поступь детерминизма! Автомобиль остался, а свобода исчезла. Да, грустно. Если к свободе не двигаться, она исчезнет. Если границу не раздвигать, она схлопывается. Если красивое не обновлять, оно приедается. Про ОБ не будем... В общем, у нас нет никакого выбора, кроме как трудиться, создавая то, что постоянно исчезает. Однако пока все не так безнадежно. Пока наши успехи растут, особенно если верить статистике. Но и без статистики мы знаем - хоть попасть в вечность трудно, человечество уже накопило ценностей столько, что хватит на всю окрестную галактику.

ОБ - и цель, и одновременно результат стремления к ней, а иначе какой смысл стремиться? Она и абсолютна как идея, и относительна, как окружающая реальность. То же самое и ОЦ. К ней надо стремиться в каждом обмене - и в этом ее смысл. Но потом идти дальше. Объективная польза потому и практична, что хоть метит в объективность, но не дотягивает до вечного. Однако между ОЦ и ОБ есть разница. ОБ исчезает только если перестать к ней стремиться, что весьма затруднительно для этического человека. ОЦ исчезает просто потому, что заменяется чем-то новым и это никакого этического дискомфорта не вызывает. Более того, сам труд производя ценности, уничтожает их. На практике ОЦ всегда относительна - это лишь шаг в будущее, кирпичик в фундамент ОБ. Она живет в последующих ценностях и чем абстрактней и совершенней она оказалась - тем дольше она служит.

14 Насильственное благо

- Публичное благо

Давайте наконец прервем этот поток бесцельных размышлений и вернемся к сегодняшней теме - практической деятельности. Практические блага, хоть и опираются на ОБ, не могут оказаться абсолютно общими. Конкретное всегда отличается от абстрактного и не всегда так, как нам бы хотелось. Никакой практический институт не может до конца гарантировать отсутствие недостатков. Но зато он может и будет совершенствоваться до бесконечности.

Однако следует отличать практическое благо, вытекающее из общего и несовершенное в силу недостатков нашего разума, и публичное, изначально задумывающееся как

полезность - польза для одной части публики за счет другой. Прекрасным примером публичного блага является государство. Считается, что благо это равно обрушивается на головы всех его граждан. Но так ли это? С одной стороны - да, поскольку все граждане пользуются защитой от врагов и злодеев, а кроме того, благодаря успешной защите государственных интересов граждане богатого государства находятся в лучшем положении по сравнению с гражданами бедного. Но гораздо публичнее благо государства по отношению к его верхушке. Именно эта публика наслаждается всей его полнотой. Именно они - получатели публичного блага за счет всех остальных.

Пример государства демонстрирует важную мысль. Практическое благо всегда добровольно. Оно приносит пользу, а значит выгодно участникам. При условии, что те, кому это не выгодно, согласны поступиться личными интересами во имя коллектива и получить справедливую компенсацию. Это и дает ясный ответ на вопрос о том, является ли коллективная власть, демократия, да и вообще политика в любом виде практическим благом. Тут надо провести четкую границу - насилие, тем более системное, не может являться практическим благом. Кто видел этот гипотетический социальный договор, которым прикрывается демократия? Наш, друзья мои, по крайней мере, явно прописан в виде ФП, а социальный даже прописать некому - ибо стыдно! А потому, не может являться практическим благом и все то, что навязано государством, несмотря все усилия убедить нас в обратном. Благо может быть насильственным только для рабов, не способных на автономию. Да и откуда власть узнает, что благо для ее подданных, а что - нет? Власть сочиняет законы, внедряет, отменяет. В свободном обществе инициатива идет снизу - от полезной идеи. Власть руководствуется сиюминутной пользой, в лучшем случае - умозрительными фантазиями о благе, которые в худшем превращаются в ужасы. В свободном обществе инициатива следует только из фактической потребности. Власть, как институт, аморальна - это желания групп избирателей, давление лобби, шумиха в прессе, (интер)национальные интересы верхушки, причуды вождей. Благо свободного общества опирается на договор, учитывающий интересы всех, а не политически активной/влиятельной части демоса. Благо публичной власти требует принуждения к нему. Уместно спросить, если уж люди оказались способны организовать "благо" власти, почему они не могут организовать те публичные блага, что вытекают из него?

Публичные блага, реализуемые государственным насилием, препятствуют возникновению процедур этичного обмена и рынков истинных практических благ. Да и тот рынок, что у нас есть, тоже не вечно гарантирован. Есть примеры государств, так озабоченных благом своих граждан, что они им даже стирку сорочек не доверяют.

В этом разница между насильственными и добровольным подходами к практическому благу. Кто-то может засомневаться - а какой правильнее? Свобода - это конечно хорошо, но благо - все ж лучше? Еще кто-то может веско подтвердить, что насилие помогает найти коллективное решение быстро и эффективно, особенно если желающих слишком много - иначе, дескать, договориться просто невозможно. Типа, множество свободных племен вымерло с голоду, так и не сообразив, как делить общее пастбище. К счастью, мы знаем, что на это ответить - поделом.

- Утилитаризм

Но у государства, разумеется, иной подход и иная этика. Насилие требует оправданий и

самое лучшее из них - польза. И правда. Правила делают взаимодействие эффективным. Без правил нельзя ни писать книги, ни играть в карты. Они всегда ограничивают выбор, но благодаря им взаимодействие переходит на качественно новый уровень, невозможный при "полной свободе". Стало быть, правила можно придумывать как угодно, лишь бы они были полезны. Власть - это утилитаризм и прагматизм. Почему бы, например, не ускорить процесс? Не усовершенствовать культуру? Не поднять производительность труда? Не нарастить ВВП?

И ускоряют, и поднимают, и наращивают. Да еще попутно выжимают из подданных жертвенные соки во имя заманчивой цели. Только скоро выясняется, что все опять не так, потому что благо оказалось полезно всем по-разному - кому-то очень, кому-то так себе, а кому-то и очень вредно. И на самом деле процесс не ускорился, а замедлился. Оказывается, польза и эффективность индивидуальны и не поддаются логическому или геометрическому агрегированию. Оказывается, творчество, красота и поиск нового не происходят из под палки. А утилитаризм оказывается, соответственно, профанацией этики, заменой сложного и не всегда ясного процесса простым, скорым и неправильным результатом. Не говоря уж о том, что в погоне за ним это аморальное учение умудряется оправдывать насилие. Ибо что может быть морального в идее "цель оправдывает средства"?

Свобода может казаться тяжелой и пугающей, и ради лени и комфорта может быть выгодно отказаться от нее, продать подороже. Иллюзия власти, направляющей общество по пути пользы, вредна тем, что не оставляет свободе ни одного шанса. Если от власти нельзя отказаться, когда она становится бесполезна - в чем был ее смысл с самого начала? На инвалидной коляске может быть очень удобно, но в конце концов она обязательно катится не туда. В конечном итоге самым полезным - и самым правильным - всегда оказывается полная свобода без кавычек. Это единственная универсальная польза для всех - включая тех, кто потом, и даже тех, кто был, но жив в нашей памяти. Но эта польза настолько абстрактна и обща, что требует не утилитарной, а совсем другой этики - бесполезной. Общее благо взывает не к пользе, а к правильности. Оно требует этики независимости, а не опеки, норм, а не указаний, бесконечности, а не сиюминутности. Короче - этики процесса, а не результата, даже если сам процесс требует постоянной этической оценки и правки. И тогда реальное общее благо, в виде свободы, справедливости и всего хорошего, рано или поздно возникает само собой.

- Рыночный договор

Насилие не имеет ничего общего с полезной деятельностью, результат которой подвергается проверке рынком. Благо насилия - фикция. Но исчерпываются ли рынком виды договора? Как насчет разрешения конфликтов? Восстановления справедливости? Если есть нормы, есть и право. Есть право - есть и суд. Как оценить благо такого договора? Но спросим себя опять. А нужен ли этическим людям суд? По крайней мере в том виде, как он есть сейчас. Очевидно нет, как и законы. Этичные люди сами найдут выход из конфликтной ситуации. В крайнем случае попросят помощи у третьего. Ведь каждый этический человек - и адвокат, и прокурор. Он знает нормы и умеет находить путь в их лабиринте, руководствуясь только ФП. Этичное общество не нуждается в профессионалах, сначала запутывающих право, а потом обирающих запутанных, кого и без них достаточно наказала судьба.

Впрочем, оставим этичных людей в далеком будущем. Пока что люди улаживают разногласия нерыночным (или неторговым) договором - и будут еще долго. В основе нерыночного согласия обычно лежат заранее изобретенные законы. Законотворчество - это предвидение, это выход из конфликта до того, как он случится, преодоление насилия до того, как оно всех замучило. Но поскольку жизнь непредсказуема, всегда есть шанс столкнуться там, где не ждешь. И если люди упорствуют, приходится полагаться на ускоренное творчество - в рамках процедуры. Это и есть суд. Точнее суд в своей самой важной функции - производителя справедливых норм.

Причиной упорства, требующей суда, является субъективное представление об ОБ, отчего, собственно, и возникает конфликт. Для иллюстрации вернемся к нашей пирамиде благ (рис. 3.6). Внутри пирамиды действует рыночный договор, который ищет наиболее правильные и вечные блага. Насилие, которое преодолевается таким образом, это насилие опознанное и согласованное участниками рынка, это насилие природного детерминизма, и преодолевается оно трудом по производству всякой практической всячины, от ресурсов до идей.

Строго говоря, человечество еще пока только учится торговать, не то что, скажем, эквивалентно. Если какой-то рынок материальных благ создан, то с нематериальными пока сплошной туман. Такие ресурсы, как здоровье, знания, правосудие, безопасность, пока плохо торгуются. Пока не существуют процедур обмена, позволяющих эффективно оценивать их и значит производить.

Вне пирамиды оказываются публичные блага - блага для одной части общества за счет другой. Все они основаны на насилии - но не природном, а человеческом. Можно ли преодолеть его путем честной торговли? Конечно нет, поскольку обмен должен быть абсолютно свободен от насилия. Законы, ограничивающие пирамиду, опираются на некие представления об ОБ, которые вовсе не обязательно бывают правильны. В этом случае пирамида оказывается кривой и чтобы придать ей правильное положение, нужен нерыночный договор. Формальный суд - один из вариантов такого договора, но далеко не единственный. Можно договориться и неформально - например, устроить публичное обсуждение, опросить экспертов и в конце концов общими усилиями выяснить наличие насилия и найти компромисс. Или можно устроить референдум, созвать учредительное собрание, избрать законодателей и парламент. Или даже устроить революцию и применить силу, хотя о договоре тут уже речи не идет. Но так или иначе все это будет нерыночно.

Продукт всех вариантов подобного нерыночного договора - новые законы, т.е. формальные нормы, воплощающие знания о прошлых конфликтах и тем позволяющие людям избегать их повторения. Эти нормы - в идеале только запреты - как бы помещают вершину пирамиды в правильное место, оформляют справедливый правовой "каркас" общества. Однако с точки зрения движения к свободе, нерыночный договор вторичен, поскольку инструментален - он так или иначе требует последующего "утверждения" рыночным, посредством свободных обменов новыми благами и возможностями, полученными из необходимости удовлетворения запрета. Только рыночным обменом можно достигнуть объективности - понять где на чертеже пирамиде находится вновь полученное благо. Или же выяснить, что пирамида опять оказалась крива и справедливости не получилось. Оба типа договора, так сказать, превращают пирамиду в бур, которым общество вскрывает фрактал свободы - они

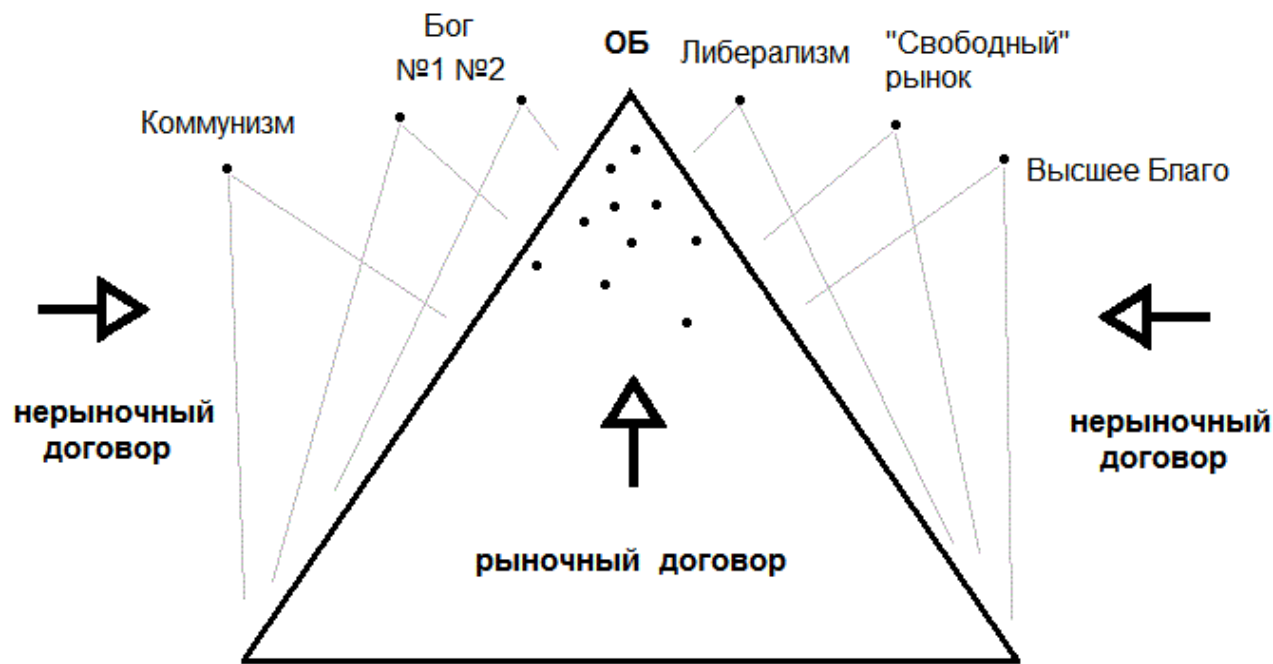

Рис. 3.6

нацеливают его точно в цель и позволяют бесконечно расти вширь.

Правда, есть нюанс. Насилие возникает постоянно и не всегда ясно, что лежит в его основе - выбор человека или детерминизм природы. В какой момент насилие выходит за границы пирамиды? Как участники рынка будут разбираться - когда можно обойтись обменами, а когда идти в суд? Я думаю, граница будет находиться моральными механизмами. Если человек не лукавит, он сам осознаёт, что получилось нечто некрасивое и либо снизит цену на свой продукт, либо увеличит выплату. Возьмем к примеру монополию. Вот изобретатель создал ресурс, который принес ему славу и богатство. Когда пришла пора иссякнуть этому заслуженному успеху, люди будут все более недовольны. Соответственно, монополист будет чувствовать это давление и искать пути к более справедливой цене, что может потребовать уничтожения монополии. Если же он окажется упрямым или бесчувственным, люди просто откажутся иметь с ним дело. Бойкот, отказ от сотрудничества - предельный вариант рыночного договора и одновременно - граничный способ устранения насилия в свободном обществе. Этичные люди не будут рабами удобства и не выменяют его на свободу.

15 Ложное общее благо (ЛОБ)

- Абсолюты

Конкретизированное ОБ всегда отличается в худшую сторону от своего абстрактного предка. Таков даже ФП, поскольку он прописывает какие-то конкретные детали и

наверняка чего-то не учитывает. Но пока конкретизация попадает в рамки пирамиды, насилие природы не будет сопровождаться насилием людей. Если же конкретизация порывает с ОБ, она порождает псевдотеорию ложного счастья и практически полезную, т.е. для некоторых, мораль. Подобная мораль требует от других долга во имя произвольно выбранной цели - от эффективности и прогресса, начертанного на знаменах власти, до спасения, путь к которому открыт в заповедях, сурах и иных священных изречениях. Полезная мораль служит теоретическим оправданием насильственных публичных благ. Она обманывает, подсовывает готовые ответы, учит как надо и как не надо, подменяя собой не только моральную автономию, но и жизненный смысл. В самом деле, зачем задумываться и ставить цели, если и так все ясно? В результате мы имеем сначала моральное насилие над личностью, а затем ГУЛАГ, джихад, инквизицию и остальные прелести истории и современности. Все, кроме обещанного прогресса, спасения, мира и счастья.

Лживая мораль - это ложное общее благо (то самое, чьи вариации засорили нам рис. 3.6), его суррогат и неудачная конкретизация, неудачная настолько, что полностью извращает его смысл. В худшем случае это хитрая выдумка. В лучшем - честный моральный абсолют, чей-то с трудом найденный, но не до конца продуманный смысл собственной жизни, если его начинают насаждать окружающим. Как так получается? Людям свойственно ошибаться, тем более когда дело доходит до чисто умственных абстракций, каковой является ценность №3. Но обойтись без нее невозможно! Вот и приходится фантазировать. Если №3 вполне осознана, обоснована и выражена внятыми словами, она отливается в социальные и политические доктрины, если не обоснована - в религиозные и светские моральные идеалы, а если не осознана - остается в национальных традициях и коллективных привычках. Впрочем, этическое творчество может занимать весь спектр между этими крайностями. Поскольку оно смешивает эгоистический и альтруистический мотивы, результат бывает весьма причудлив - от насилия до свободы, от жертвы до расчета - в зависимости от того, как автор воспринимает себя и людей, как он их оценивает, как далеко в будущее ему позволяет заглянуть его мозг и какой мотив там, в итоге, перевешивает. А если автор еще и общественно активен, то свои шедевры он непременно старается довести до максимально широкого круга людей, отчего они обязательно превращаются в ЛОБ, ложность которого как минимум в том, что оно - не общее.

Конкретный абсолют, в отличие от самой идеи абсолюта, всегда не дотягивает до общего - охватить рассудком "всех" невозможно. Истинное ОБ недостижимо для любых рассудочных построений. В конце концов, свобода всегда гарантирует возможность - и правильность - чего-то иного. Не говоря о том, что объективность требует не только разумного обоснования, но и договора, в отсутствие чего легко появляется ошибочность, отражающая субъективность автора. Например, это может быть общественный долг, который все должны нести в обязательном порядке ради счастья менее удачливых и систематически угнетаемых, или платоническая любовь ко всем, включая своих врагов, которая в конечном итоге приведет к неизбежному поражению, или голый эгоизм, который способен магически создать необычайной красоты общественный порядок прямо на пустом месте. Родственный власти утилитаризм, объясняющий и оправдывающий ее кипучую деятельность - это целый сонм ложных благ, производимых по мере необходимости. Рядовое, бытовое, присущее каждому вследствие того, что каждый непременно чем-то обижен, ложное общее благо - это классовая идеология, выросшая из принципа "общественное бытие определяет"

общественное сознание", когда теоретиков на самом деле вдохновляет жажда справедливости лично для себя и, может быть, для таких же обиженных. И жажда эта, отлитая в захватывающие идеологии, служит обоснованием как разрушительной, так и созидательной деятельности, как против, так и в поддержку власти. Но как бы эта деятельность не оправдывалась великой и всеобщей пользой, она не настолько абстрактна, чтобы мы могли считать ее чисто над-прагматичной, т.е. не имеющей никакого практического значения. В этом второе отличие ложного блага от истинного - несмотря на всю его возможную абстрактность, оно всегда тяготеет к некоей конкретной, хотя и не всегда очевидной, пользе.

- Практичность

Ввиду схожести звучания различных видов благ, полезно уточнить - какая связь между практическим и ложным общим благами? Не одно ли это и то же? Абсолютно нет. Во-1-х, практическое благо получается от решения конкретных проблем, вследствие общественной потребности. Ложное благо - от постижения "высшего смысла", вследствие большого ума. Во-2-х, практическое благо вытекает из ОБ - преодоление потребности делает всех свободнее. ЛОБ плодит личные и публичные, среди которых, как минимум, удовлетворение творческих или политических амбиций авторов, а чаще полный набор всевозможных благ для всех причастных, и которые тем больше, чем сильнее ему удастся внедриться в общество. Например, если религия - ЛОБ, то церковь - публичное благо, пока находятся те, кто получает терапевтическое удовольствие от походов туда, и те, кто наживается на последних в личных целях. Если равенство, либерализм и социализм - ЛОБ, то социальная демократия произвела целое множество публичных благ, которыми наслаждаются узкие круги причастных, а их остатками - широкие. Даже коммунизм, как это ни странно, умудрился сотворить для некоторых блага, хотя основные его обещания быстро превратились в ужасы. В-3-х, практическое не претендует на роль ОБ, а ложное делает именно это. Претензия на всеобщность необходима для того, чтобы навязать и само ЛОБ, и вытекающие из него публичные. Существуют, правда, и независимые ложные блага мелкого масштаба. Например, ограничение продаж алкоголя или права меньшинств. Но они легко оправдываются каким-либо расплывчатым ЛОБ, типа "общественного здоровья" или "справедливости". Собственно, измельчение ЛОБ - естественный шаг на пути его превращения в публичные блага. Можно сказать, и ЛОБ, и публичные блага - выдуманная или искаженная общественная потребность. В случае практических благ, наличие ясной потребности делает их субъективность очевидной, и потому их не требуется навязывать тем, кому они не нужны. Публичные блага можно оправдать только их ложной "всеобщностью" и "правильностью", т.е. необходимостью всем. В-4-х, ложное благо как правило скрывает свои реальные цели. В-5-х, практические блага преходящи - кто может поручиться, что например, деньги или суд будут с нами всегда, а не исчезнут во чреве прогресса? Ложное благо претендует на роль окончательного решения.

ЛОБ нужна ясная оболочка, а массам - простые и понятные ответы, иначе массы, не привыкшие к свободе и самостоятельности, легко попадают в когнитивный ступор и берутся не за те вилы. Потому ценностная картина, нарисованная ЛОБ, может быть очень изощренной и убедительной. Не будет преувеличением сказать, что чем картина подробней, детализированней, целостностней и взаимосвязанней - тем она ложнее ибо притягательнее. Например, доктрины христианства, марксизма, либерализма довольно проработаны и даже весьма убедительны. Каждая включает связь с иррациональными

мотивами: христианство - с жалостью к несчастным, коммунизм и либерализм - с освобождением и равноправием. Все они обещают светлое будущее: христианство - после смерти, коммунизм - когда все наладится и исчезнут классы, либерализм - когда рынок наведет порядок и каждый станет богат. Будущее это не только весьма привлекательно - царство божие, бесклассовое общество, экономическая личная свобода, но и гарантирует блага вполне конкретной части общества - праведникам, эксплуатируемым или собственникам. Эта притягательность в сочетании с очевидным коллективным настроением на борьбу одних против других, позволяет предположить, что удачное, большое ЛОБ скорее всего опирается на мобилизационную, героическую мораль, т.е. озабочено практической пользой недовольных групп и потому едва ли способно вести общество к свободе.

В клинических случаях эгоизма, тяготение ЛОБ к практической пользе может быть очень сильным. Можно быть, истинный талант демагога как раз и заключается в том, чтобы максимизировать ее при ее одновременном кажущемся убедительном отсутствии. Тогда все выглядит так, словно реальная польза ложного блага не ясна, отчего включаются инстинктивные моральные мотивы. Однако при этом действия, которых оно требует, вполне осязаемы, отчего происходит несомненный практический эффект. Обосновывая ложное общее благо, такой талант эксплуатирует невежество и подменяет ценность - теперь не высшая ценность порождает цель, а цель порождает высшую ценность. Новые, производные ценности, появившиеся из ложного блага, используются как способ достижения весьма практичной субъективной цели. Например, заработать миллион трудно, но можно попытаться убедить других отдать его на благое дело. Есть только два способа это сделать: использовать существующую ложную ценность или создать новую, т.е. придумать идею высокоморального долга, требующего не меньше миллиона. Скажем, послать шубы в жаркие страны.

Впрочем, я слишком требователен к творцам идеологий. Вероятно, для объективной оценки их творчества надо исходить не из объективности, а из реальности. Как ни удивительно, но в условиях нынешнего отсутствия объективного критерия истинности общего блага, самые успешные из этических теорий не только стремятся попасть как можно ближе к нему, но и попадают. В историческом масштабе конечно, т.е. по отношению к тому ужасу, среди которого они родились. Самые успешные из них оказываются приняты общественными массами, что можно считать подобием договора, и реально двигают общество в сторону свободы, что мы в конце концов имеем счастье наблюдать своими глазами. Воодушевленные массы на какое-то время обретают новый смысл жизни, история поворачивается то вправо, то влево, а свобода кажется все ближе и ближе. Ложность идеи становится очевидна уже потом, когда она сыграла свою прогрессивную роль. Так что не стоит думать, друзья, что ложность - моральная оценка, это лишь констатация факта. Хотя любая конкретизация ОБ имеет шанс и скорее всего окажется чуточку ложной, правда и то, что найденная в мире насилия, она имеет шанс оказаться чуточку истинной. Что касается практической пользы, люди всегда найдут способ воспользоваться чем-либо к своей выгоде. Даже если бы они осознали требования объективной этики, наверняка нашелся бы кто-нибудь, кто смог бы извратить ее напрямик в свой карман. Способность людей портить любые идеи, приводит к тому, что и практические блага, честно задуманные служить всем, усилиями проходимцев и дураков рано или поздно смещаются в сторону публичности, что вызывает необходимость новых коррекций пирамиды. Как видно из рис. 3.6, ЛОБ могут двигать ее в обоих направлениях и, несомненно, что лучшие из них на своем

историческом этапе выполняли роль вдохновителя освободительного нерыночного квази-договора. Публичные блага становились доступны многим, а справедливость на какой-то момент опять торжествовала.

16 Противодействие насилию

- Преодоление детерминизма

Моральное творчество, а также над-прагматичные действия во имя объективно ложного, но субъективно, или конкретно-исторически истинного общего блага, абсолютно естественны. Они - проявления глубинной "силы", стоящей за эволюцией общества - за прогрессом, накоплением знаний и ресурсов, расширением коллектива, способностью все дальше и дальше видеть будущее, угадывая там справедливость и добро. Глубинной настолько, что она никак не связана с практическими повседневными делами. Почти как сама этика. Разумеется, сила эта - стремление к свободе, преодоление детерминизма, противодействие насилию в самой обобщенной и абстрактной его форме. Это - то общее, что объединяет античную демократию, хартию вольностей, революцию во имя равенства и борьбу против нацизма.

Когда мы рассматривали детерминированные действия, которые вызываются всевозможными внешними и внутренними силами, мы забыли о самых важных из них. О тех, которые идут против самого детерминизма. Ведь не всегда люди подчиняются силам. Иногда они сопротивляются и довольно упорно. Во многих случаях, у противодействия нет конкретной, практической цели, кроме самого противодействия. Если не считать цели стать человеком, а не былинкой в бессмысленном круговороте материи. Что, конечно, абсолютно непрактично. Сама свобода практических планов начинается там, где индивид имеет для этого возможность, которую насилие вовсе не обязательно ему предоставляет. Потому и временной горизонт противодействия насилию стремится к нулю и одновременно - к бесконечности, несмотря на то, что иногда может показаться иначе. Например, защита слабых, наказание виновных, противостояние репрессивной власти, сопротивление продажной полиции могут потребовать и рационализации, и размышления, и собирания сил и средств. Но самая последняя цель этих действий, ее ценностная основа, если попытаться выделить ее среди, как обычно примешивающихся, личных, более прагматичных, все равно неясна. Или, наоборот, абсолютно ясна и более-менее равна общему благу, отчего все такие действия, начиная с самих мыслей о свободе и кончая практическим участием в договоре, отказом от диких традиций, восстановлением справедливости, защитой достоинства и т.п., имело бы смысл выделить в отдельную группу и присвоить вполне заслуженный №3.

Поэтому я решил добавить еще одну картинку, 3.7, где жирной линией изобразил этот класс действий, воображаемо соединяя спонтанное противодействие насилию и над-прагматичное творчество во имя вечного общего блага. Ведь это - почти одно и то же на самом деле. Одно - непрактичное стремление к далекой абсолютной свободе, другое - неотложная нужда побороть то, что мешает быть свободным прямо сейчас. Получилось, что самые дальние действия в то же время и самые ближние. И полностью детерминированы, и абсолютно свободны. Мотив свободы пронизывает нашу жизнь с самого начала и до самого конца, а будущая социальная свобода смыкается с точкой

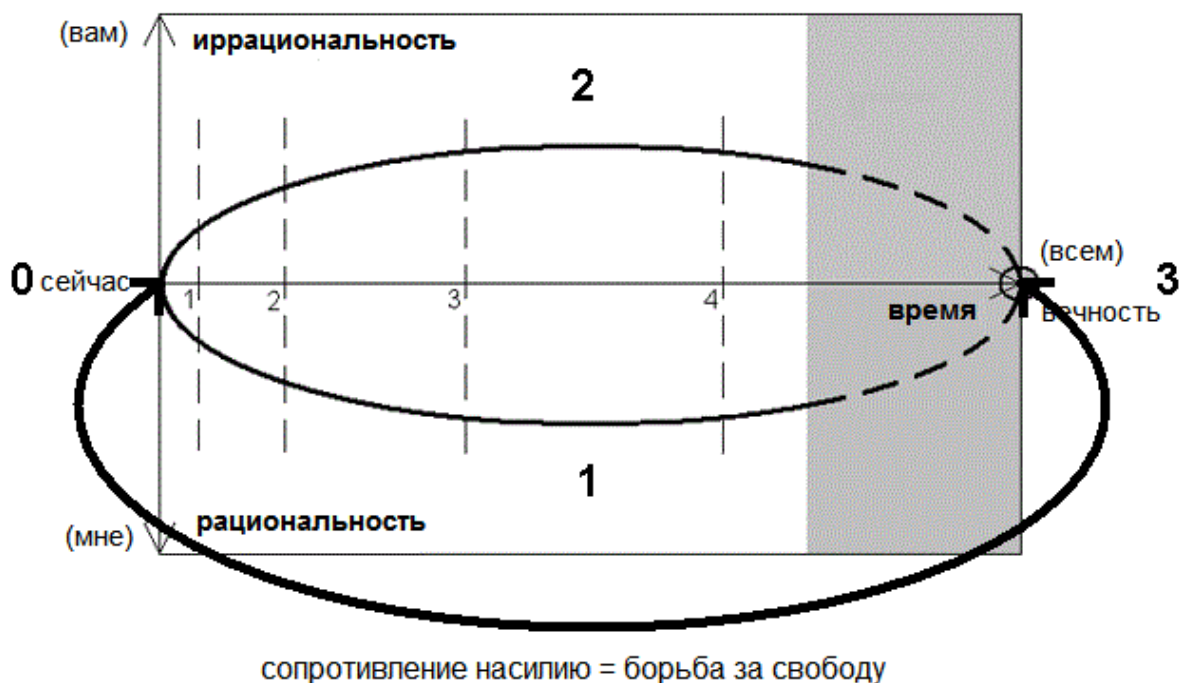

Рис. 3.7

своего рождения - свободой личной воли, отделившей когда-то гуманных жителей земли от их гоминидных животных предков.

- Моральное оправдание насилия

Отделивших, но пока не приведших к человеку. Нынешние жители так и застряли где-то в середине, отчего меня то и дело терзает вопрос об этичности насилия во имя свободы. Скоропалительное замыкание ОБ с сопротивлением насилию на рис. 3.7 означает, что ОЭ не делает между ними различия. Но этого же не может быть! Неужели объективная этика, в моем правда изводе, может оправдывать такое? Не кажется ли вам, друзья мои, что в таком случае, она - лишь позорный шаг назад с высот человеческого духа и противоречие в самой своей основе? Доктрины "ненасилия", "непротivления злу" и "подставления другой щеки", выглядят намного внушительнее с моральной точки зрения. Более того, все эти непротivление со товарищи вероятно куда ближе к настоящей объективной этике, которая с порога отвергает любое насилие.

Тут, мне кажется, надо для начала четко отделить ОЭ и моральное оправдание сопротивления насилию, если оно требует ответного насилия. Начнем с оправдания.

Возможно я неправ и не до конца понимаю, что пишу, но мне кажется, в лице непротivления мы имеем классический пример ослепления моральными идеалами. Идея безграничной любви к врагам, злодеям и садистам-психопатам всех оттенков - издевательство над моралью и доведение ее до абсурда, дискредитирующего саму идею человечности. То ли дело практика. Ненасилие, непротivление и "другая щека" - ненасилие лишь физическое, это замена физического насилия моральным, причем

возможно в сочетании с психологическим и политическим. Никакое непротivление невозможно без этого. Иначе оно становится бессмысленно и неотлично от покорности. Но подмена одного вида насилия другим - это то же самое сопротивление, попытка принуждения к договору. Вопрос лишь в средствах давления на противника. Если кровавые бунты заменяются мирными демонстрациями, гражданским неповиновением и играми в невинные жертвы - что принципиально меняется? Тактика. Моральное насилие может оказаться вполне действенным, даже если к привычной героической морали оно внешне не имеет отношения. Но торговаться таким образом есть смысл только с противником либо слабым, либо имеющим совесть и опирающимся на сходные моральные принципы. Увещевание диких зверей пока никого не спасало. Не говоря о том, что другие способы сопротивления часто просто невозможны и в этих случаях непротivление злу - не столько моральный идеал, сколько бессильный крик отчаяния.

Тактика не отражает суть борьбы. Что происходит, когда ненасильственными путями удается прийти к власти? Тактика внезапно меняется и методы властного принуждения оказываются вполне приемлемыми. Так что не следует путать мораль и тактику. Если чья-то мораль оправдывает только одну тактику, то дело не в морали, а в эффективности тактики. Или уж тогда в носителе такой странной морали. У нормальных людей сопротивление насилию насилием не вызывает никаких моральных терзаний.

- Виды борьбы

Теперь обратимся к ОЭ.

Противодействие насилию, если это не защита от случайных, в том числе природных, сил и зол, сводится к восстановлению справедливости, потому что именно последняя имеет дело с конкретными видами насилия и их устранением. Но что делать, если восстановить справедливость не удастся? Если несправедливость насаждается уверенно и бесцеремонно, с сознанием правоты? Если она вызывается общественными условиями, которые давно стали привычными и выгодными слишком многим? В этом случае за справедливость надо бороться.

Поскольку зло распространяется по законам детерминизма, борьба за справедливость внешне выглядит как борьба за свободу. Однако, это не совсем так - борьба борьбе рознь. Справедливость может требовать ответного насилия, свобода - вовсе нет. В свою очередь, ответ на системное насилие требует системного же подхода - коллектива и организации, что уже намекает не столько на этику, сколько на героическую мораль. В противоположность ей мирная борьба за свободу может вестись в одиночку. Например, собственным примером, который никто не замечает, или написанием нудной книжки, которую никто не читает, или распространением пламенных листовок, которые никому не интересны. Соответственно, в конце концов насильственная борьба необязательно завершается свободой. Значительно чаще она завершается новой несправедливостью, поскольку остановить организованный борющийся коллектив не менее сложно, чем заставить его двигаться. И только если новая несправедливость оказалась меньше предыдущей, можно говорить о движении к свободе.

Что помогает насильственной борьбе стать борьбой за свободу, т.е. вовремя

остановиться и не слишком углубляться за черту? То, что эта черта уже известна, она уже найдена ранее самими борцами или кем-то еще. В первом случае была утеряна существующая свобода, тут вопрос ясен, люди знают к чему хотят вернуться. Во втором случае имеется пример свободы других, тех кто успел построить более совершенное общество. Но в обоих случаях правильнее говорить не о борьбе за свободу как таковую, а о борьбе за утерянную свободу, ибо даже появившись где-то в другом месте, свобода становится общей. Но борьба за утерянную свободу никогда не двигает общество вперед. Как же найти черту и новую свободу впервые? Насилием - никак. Именно поэтому без этики, насилие всегда ведет к новому насилию. Движение вперед, к новой свободе, требует не борьбы, а размышления и начинается всегда с идей. И потому не удивительно, чем более ложны подобные идеи, тем они ближе к насилию.

Надо четко отделить героическую мораль, подающую пример и объединяющую на борьбу коллектив, от совсем негероической этики. Мотив освобождения - стремление быть человеком, стать свободнее, обрести поправное достоинство. Вне этики, мотив справедливости - сквитаться, вернуть отнятое, посчитаться за обиды, дать волю ненависти к угнетателям, отнять и поделить. А возмездие и наказание в случае победы становятся неизбежными. Т.е. справедливость включает множество эгоистичных мотивов, которые особенно заметны в вождях и которые уводят результаты борьбы далеко за черту. В условиях постоянного насилия эти мотивы настолько сливаются, что отличить их почти невозможно. Но почему не попробовать?

Этика не зовет к насилию, она взывает к разуму. Мне кажется, борьба за справедливость мирными, ненасильственными методами, включая поиски решений социальных проблем, имеет все шансы превратиться в борьбу за свободу, потому что на практике именно методами отличаются эти два вида борьбы. Если быть точным, героическая мораль ближе к боевому духу, чем к этике. Рожденная насилием и оправдывающая насилие - она этим принципиально отличается от этики, как плода разума и свободы. Этика не объединяет и не разъединяет, она абсолютно нейтральна к любым коллективам. Мораль - объединяет и противопоставляет одних другим. Мораль необходима для борьбы с насилием, но сама по себе она никогда не освобождает. Она не останавливается, она всегда переходит в свою противоположность - в насилие над побежденными. Конечно, это не значит, что она не нужна. Надо только провести границу. Насилие может быть очень эффективно, в то время, как мирная борьба не приносит скорого результата. Но насилие - тупик. Идеям, с другой стороны, спешить некуда, этика должна вырасти и стать естественной, встроиться в природу человека.

С другой стороны, не могу сказать, что объективная этика, с моей точки зрения, одобряет схимничество и отшельничество, самосовершенствование и саморазвитие, и прочие "начни с себя" как средства сделать мир лучше. Вся эта мыслительная гимнастика проистекает из тех моральных идеалов, которые стремятся сотворить царство справедливости путем переделки каждой отдельной особи. Разумеется людей нужно менять - воспитывать, просвещать и т.д. Но все это требует создания и общественных условий, хоть мирного, но все же договора. А он не ограничивается подписью с самим собой - обязательно требуется кто-то еще. Борьба за свободу, таким образом, хоть и не коллективна, но и не индивидуальна.

- Героизм и трусость

Отделение всего героического делает этику настолько негероической, что ее не отличишь от трусости. А как иначе доступно объяснить, почему она не искореняет зло огнем и мечом?! Нет, понятно, что этика в большой степени полагается на способность к самоограничению, самоконтролю, воздержанию от насилия. Но одинокий герой экрана так захватывающе восстает против зла! И побеждает - как побеждали наши предки, пока не доросли до его культурного уровня. А если человек не экранный герой? Если он не способен? Морально подавлен? Бойтись? Равнодушен? Способность человека идти на жертвы ради свободы говорит о его силе духа и морали. А о чем говорит его слабость?

Тут можно увидеть много тонкостей. Отделяется ли героизм от свободы? Свобода - отсутствие не только насилия, но его предчувствия, страха. Если мораль помогает преодолеть страх, то этика не столько преодолевает его, сколько хочет о нем забыть. Быть этичным физически явно легче, чем быть героем - способность переносить пытки дана немногим. Но легче ли материально? Как бороться с экономическим насилием? Увольняться и бойкотировать? Но многие ли способны пожертвовать материальным успехом и обречь себя на нищету? А легче ли психологически? Многие ли способны отстаивать порядочность, вызывая не только насмешки и жалость, но и ненависть, обрекая себя на одиночество? А многие ли способны вообще понять, что такое объективная этика? Впрочем, ни экономику, ни тем более понимание текстов, относить к героизму не принято. Ну что героического в размышлениях? Или что такое научный подвиг? Подвиг - это же риск, и не просто достатком или карьерой, а жизнью. Но в действительности, гражданский подвиг иногда бывает не менее страшен, чем риск смерти. А иногда даже страшней. Легко ли ради порядочности жертвовать другими? Например, не хватает денег на лечение ребенка. Переступить через совесть оказывается куда легче, когда это не сопряжено с бурей эмоций и азартом боя, когда твой подвиг никому не виден и не нужен. А, соответственно, не переступить - невыносимо страшней. Хотя и по-своему.

А если учесть, что в мирной жизни человек как правило один против всех - системы, государства, общества, даже родных, кому его подвиг (а то и он сам) на фиг не сдался? Где он всегда проигрывает? Так что же есть подвиг в его исконном смысле?

Почему же мы в этих случаях не говорим о героизме? Потому что так сложилось исторически. Люди пока научились эффективно противостоять только физическому насилию. За прошедшие века уже выработалась единая точка зрения, подходы и термины. Они не могли не выработаться, потому что физический страх, как и физическое насилие - порождение природы, от нашей фантазии тут мало что зависит. Но как быть с другими видами насилия? Разве они не требуют героизма? Вероятно требуют - и потому этику тоже можно было бы назвать по своему героической. Но рассматривая эти лингвистические тонкости, нужно сразу поставить точки над ё - пусть лучше объективная этика остается трусливой. Процесс перехода от животного к человеку она не рассматривает. Человек становится человеком когда отвергает насилие. Даже бывший свободный гражданин, поскольку он лишен свободного выбора, постольку объективно оказывается вне этики. Те, кто практикует насилие над ним - животные - достойны любого сопротивления, на какое он оказывается способен, но его мотивы лежат вне этики. Этика не клеймит его недостойным "высокого звания человека". Кто его будет клеймить? Кто возьмет на себя смелость клеймить постороннего? Борьбой и насилием занимается личная мораль так же как она это

делала с начала истории. Близкие и коллектив найдут нужные слова, пристыдят и сделают из труса героя. Объективную этику это не беспокоит. Область этики ограничена нормами свободного общества и благодаря этому она вполне применима к реальным людям, не требуя от них невозможного геройства.

А можно ли как-то более точно определить границу между героической моралью и объективной этикой? И то, и другое требует цели, воли, преодоления своей природы и активной деятельности. Где грань? Грань там, где начинается жертва, где свобода ставится под удар. Цель этики - общая свобода, и если в процессе ее достижения человек рискует жизнью, здоровьем, чем-то ценным для его дальнейшей деятельности, он рискует своей, а значит и общей свободой. В чем свобода, если он погибнет? Станет инвалидом? Понесет неприемлемый ущерб? Если в итоге он потеряет свой творческий, созидательный потенциал? Значит, здесь и грань. ОЭ не требует жертвы, она учитывает все интересы, а жертва не является "нормальным" интересом свободного человека. Жертва - это всегда преодоление себя в некоторой критической степени, это выбор смерти.

- Путь этики

Преодоление физического насилия, хоть и отрывает человека от природы, еще не делает его свободным. Впереди много всякого прочего насилия, бороться с которым еще предстоит. Да, собственно, борьба уже здесь. Мы уже живем в эпоху тотальной экономической войны, даже экономического рабства. И для большинства оно естественно, само собой разумеется. А как же иначе? Жизнь - борьба! Человек человеку волк! Само нынешнее понятие "успеха" - синоним победы, обретение капиталов или хотя бы достатка путем безжалостной конкуренции, разорения противников, эксплуатации и использования всех кого только удастся. Я не говорю о мошенничестве, коррупции или воровстве. Речь идет о "честной, законной и заслуженной" победе. Той, которая считается высоко моральной и которой можно гордиться не только перед знакомыми, но и перед потомками, теперь надолго обеспеченными и сытыми. Убожество волчьей психологии не приходит победителям в голову. А вдруг потомки устыдятся? Будут презирать? Смеяться? Пока что такие потомки еще не появились. Пока что принято гордиться предками, даже теми, которые заработали свое "место под солнцем" физическим насилием. Но почему-то я думаю, что такие потомки уже не за горами.

Как же бороться со всем подобным насилием? Возвращаться к физическому? Скликать дружину? Браться за вилы? Смешно и глупо. Физическое насилие как раз и было преодолено этикой с помощью, и даже во многом благодаря изобретению других видов насилия, которые оказались не менее эффективны. Но с ними бороться надо уже иначе. Как? Разумеется, начиная с идей. Да, пока что "противодействие" предполагает в основном физическое сопротивление, а "непротивление и ненасилие" - использование иных, но не менее насильственных методов. А ведь можно по-другому. Можно под противодействием иметь в виду просвещение, объяснение, обоснование, образование, диалог, сотрудничество, совместное творчество, поиск нового, разработку лучших моделей общества. Этике важно, чтобы сопротивление привело к договору, а не перешло в новое, излишнее и бессмысленное противостояние. Договор - это и есть и ненасилие, и непротивление, а заодно - и противодействие всем возможным будущим видам насилия.

А как добраться до договора? Борьтся за него можно по-всякому. Можно взрывая врагов, можно - просвещая. Разница в том, что взрывы наверняка не приведут к договору, а просвещение - наверняка приведет. Да, не скоро. Но этика умеет ждать, для свободы время - не проблема. Наоборот, время - ее лучший друг. Что касается гоминид, человек всегда договаривается с человеком, но с опасным животным возможны все варианты, включая и убийство, и бегство. Тут все решает личная, хоть героическая, хоть нет, мораль.

Похоже, да и история это подтверждает, что свобода расслабляет человека, разум лишает его геройства, совесть не позволяет прибегать к насилию, а гуманность встает наперекор естественному отбору. Значит ли это, что гуманоиды, в отличие от гоминид, случись чего, не смогут защитить свою свободу? С одной стороны, любой дикарь способен на такие подвиги, от одной мысли о которых гуманоид упадет в обморок. С другой - кто знает, как быстро гуманоид превратится обратно в гоминида, если дать ему такую возможность. С одной - дикари организованы и повязаны родством, а свободные люди уникальны и индивидуальны. С другой - идеи свободы способны воодушевить огромные массы людей. Но и тогда, наверное, они предпочтут выйти на демонстрацию, нежели взяться за оружие. Увы, пока история нас учила только тому, что гуманоиды вымирают, но зато дикари-победители сами становятся гуманоидами. Свобода умеет сама себя защищать, без помощи людей. Люди для нее, как ни печально, лишь средства. Нет эволюции людей, есть эволюция идей.

А значит, путь героической морали - насильственная борьба, путь трусливой этики - мирное просвещение. А мы, друзья, можем с законной гордостью заявить, что это именно объективная этика, единственная и до конца честная, отвергает насилие с порога, не прикрываясь "непротивлением" ни в каких тактических, а на самом деле насильственных, целях.

17 Краткий итог

- Свобода, благо и смысл

Изложив все эти соображения подробно, а тем более прочитав их, понимаешь, что все это опять получилось довольно запутано и требует более короткого резюме. Это, хочешь не хочешь, придется включить в будущую книжку. Поэтому позвольте мне, друзья, напоследок в двух-трех словах еще раз обрисовать цель и смысл нашей деятельности.

Свобода дает нам возможность ставить цели. Можно сказать, свобода - это сама возможность ставить цели. Но в чем цель самой свободы? Вероятно, это та самая дальняя цель, которая только воображима, потому что ничего другого уже не остается. И поскольку мы ее не можем даже вообразить, мы предполагаем абсолютную возможность всего, т.е. - саму свободу. Вместо главной, но локальной в масштабе мироздания характеристики человека, свобода оказывается целью самого мироздания, охватывающей и порождающей все остальные, свойственные уже не человеку, но всему вокруг - и потребность жить, присущую всему живущему, и стремление к устойчивости, присущую всему движущемуся. Ибо человек, как сын природы, не мог взять и изобрести эту цель. Она лишь должна была найти в нем свое выражение. А найдя - подчинила себе и всё предшествующее, потому что в случае свободы, не причина

определяет следствие, а цель подчиняет средства. Конечно, называть непостижимую свободу целью не очень удобно, это скорее направление движения, ориентир или азимут, но лучшего слова я что-то не могу подобрать, так что пусть будет "цель". И в свете этого становится очевидно, что все человеческие деяния и свершения, включая процессы познания и творчества - лишь средства самой свободы, которая обрела в нас своих послушных адептов. Мы уже научились, или научимся достаточно скоро, не только уничтожать живое, но и создавать его из мертвой материи. Не говоря уж о прочих мелких манипуляциях с мирозданием. Другими словами, мы способны определять будущее и вершить судьбы мира.

Но зачем вообще ставить цели? Ставить цели надо затем, чтобы свобода могла реализоваться - как в акте выбора, так и в целеполагающей ипостаси блага. Да, раз уж мы такие, какие есть, ничего другого нам не остается. Но мы служим свободе осознанно, без принуждения. Мы сами стремимся к добру, по своему выбору. Свобода дала нам право решать, направлять будущее. Мир движется, причем без всяких прыжков, от царства случайной необходимости к царству осмысленной свободы. От зла к добру. И все это благодаря только нашему выбору! Актом выбора человек придает смысл существованию материи, которая не благодарит нас за все наше добро только потому что не умеет. Но свобода не гарантирована. Парадокс ее в том, что она вполне допускает неудачу наших усилий. Жизнь коротка, а выбор нелегок. И самое грустное - мы не увидим результата. Поверьте, уж я-то знаю. Свобода - это неизвестность. Мы можем только идти к ней шаг за шагом и пока мы идем у добра есть шанс, а у мироздания - смысл, хоть и не признаваемый им. Но он есть! Мы не просто крутимся как белки в колесе, загнанные в бесконечный жизненный цикл необходимостью свободы и детерминизмом этики. В нашем выборе есть и надежда, и смысл, и результат. Мы творим будущее и улучшаем мир. Смысл неотделим от блага, которое мы создаем своими действиями.

Смысл чего-то может лежать только вне его. Свобода не может иметь никакого смысла, потому что вне свободы нет ничего - в отличие от мироздания, вопрос с которым вечно неясен, свобода безгранична. Какой смысл в возможности всего чего угодно? Свобода требует смысла от нас. Поэтому мы наполняем свободу благом и стремимся к нему. Без разума мироздание оказывается бессмысленной флуктуацией самого себя. Осмысленная нами свобода выходит за пределы мироздания. Она открывает невиданные горизонты. Она манит, позволяя мечтать о невозможном во всех мыслимых и немыслимых смыслах - ведь любые фантазии могут обернуться реальностью. А фантазии - любимое занятие человечества. Тут и бессмертие, и киборги, и туннели в иные миры... А черные дыры? Как с ними быть? У нас же непочатый край работы! Разве ради этого не стоит жить? Так из "малой" свободы воли, через договоренность между людьми, этика ведет нас в "большую" свободу - огромное, безграничное благо возможностей, доступных человечеству.

И чем больше наши возможности, чем глубже должна быть наша этика. Ставя цели, мы предполагаем не только бесконечность будущего, но и преодолимость любых преград - хоть тепловой смерти вселенной, хоть физического сжатия пространства, хоть последнего пришествия Спасителя. Бесконечность, сокрытая в парадоксальности свободы, критична. Если есть предел - нельзя говорить ни о полной свободе, ни о полной победе. Непреодолимая преграда ограничивает нас в возможности выбора. И тогда остальные цели приходится ограничивать тоже - все они внутренне связаны, в

каждой цели есть смысл, требующий дальнейшую цель. Цель, не имеющая такого смысла - это не цель, это ответ на насущную потребность - детерминированную и ведущую в тупик. Но бесконечное время непрактично, оно не может соответствовать никаким полезным целям, планировать так далеко невозможно и бессмысленно. Оно влияет качественно - позволяя ориентировать цели так, что они выстраиваются в целенаправленный вектор вечности. Свобода не только дает выбор, но и указывает его направление. Она требует отказа от тех практически полезных, но детерминированных целей, которые отклоняются от вечности и ведут в тупик. Например, эгоистичные цели, ориентированные на свою выгоду в ущерб всему остальному, попадают в этот разряд. Этика помогает преодолеть детерминизм потребностей. Этичные действия несут самый последний смысл, невидимый с практической точки зрения, но имеющий несомненную ценность. Это противоречие указывает на вечность - лучший критерий практичности. Этичность - синоним правильности. А правильность - синоним законченности, совершенства: то, что правильно не нужно исправлять или менять. Этичность - это красота действия, поступка и цели. Это - улучшение мира до предела, выражаемого самой абстрактной абстракцией из всех возможных абстракций - абсолютного, трансцендентного, бесконечного, высшего и т.д. и т.п. блага.

- Природа и договор

Однако признаюсь - наши грандиозные планы не только вдохновляют, но и тревожат. Уж больно нынешние обитатели земли своенравны. Как бы они не учудили чего, особенно в свете полной неподготовленности вселенной к их нашествию. Пугающая перспектива полного ее покорения нынешним, не вполне освобожденным разумом, ненавязчиво подтолкнула мои мысли в сторону животных и окружающего ландшафта. Как объективная этика может допустить эксплуатацию этих невинных и неразумных частей вселенной? Этика утверждает - все, что мешает свободе должно быть устранено. Но мораль протестует - жалеть можно даже тех, кто доставляет неудобства. Наша любовь к этому миру, начинающаяся с домашних питомцев и родных березок, а кончающаяся незнакомыми нам лично коровками, обитающими в далеких галактиках, требует беречь все, что нам безразлично. К счастью, у нас есть две нравственные системы, которые кое-как дополняют друг друга.

Во избежание недоразумений однако, надо прояснить один момент. Безжалостная этика вовсе не требует уничтожать всех животных. Уничтожать надо тех, кто мешает свободе. Например, голодные полчища болезнетворных бактерий и смертоносных вирусов, несмотря на их несомненную пользу для экологии и биоценоза, все же пока не заслужили права жить. А вот колючие ежики, добрые коровки и всевозможные дикие зверюшки, такие симпатичные и забавные, дающие молоко и колющие в зад, не только не ограничивают нашу свободу, но приносят неожиданную радость и составляют важную часть окружающей среды, без которой свобода была бы весьма призрачна и убога. Таким образом, принцип объективной этики - стремись к ОБ - ненавязчиво открывает нам этический ориентир в отношении ко всему, что не участвует в договоре. И неживая, и живая природы гарантируют нашу свободу - мы созданы в их окружении и являемся частью их мира. Преодоление насилия требует устранения всего, что мешает нам - и попутно этому миру - ради нашей же свободы. А потому нам не только не следует без толку убивать животных, но и разрушать природные системы - кто знает чем это чревато в перспективе? Например, возьмем Солнце. Ну кому хорошо от того, что мы его потушим? А значит - мы должны его беречь и не дать ему умереть от

старости. Напротив, мы должны сделать его вечным. Можно даже сказать, что это будет его, солнечное счастье, такое же, какое обретут те животные, коим посчастливится оказаться полезным людям будущего.

Очевидно, такое применение ОБ к окружающей среде, любой вред которой есть, на самом деле, вред людям неотделимым от нее, уже сильно отдает субъективностью. Какое например, дело остальным жителям вселенной до наших местных проблем с Солнцем? И потому стремясь к объективной пользе, как того требует ОЭ, мы неизбежно отдаляемся от практических забот о хлебе насущном, требующих порой довольно жестоких мер по отношению к окружающей реальности. ОБ настолько абстрактно, что просто не может включать ничего подобного жестокости к коровкам.

Так что мораль, с ее особенно теплым отношением к некоторым животным и некоторым географическим местам, нам и тут ничем пригодиться не может - этики, объективной, оказывается вполне достаточно. И тем не менее, сбережение природы вызванное необходимостью нашей свободы, все же никак не идет в сравнение с ее улучшением, вызванное необходимостью ее, природного, счастья. Нетрудно видеть, что тут мы попадаем в своего рода зазор между этикой и моралью, а также - между №3 и №2. Нам хочется и ОБ, и одновременно - пожертвовать чем-то ради дорогого лично нам мира. Как ни странно, №2, на его пути к №3, проходит коллективные стадии. Смотрите. Личное №2 - это близкий человек, но ведь любовь способна распространяться и на вещи, на все, что окрашено нашей личностью. И тогда №2 вполне может оказаться... чуточку общей! Например, те же родные березки любят многие. И, соответственно, многие готовы пожертвовать чем-то ради них. Причем заметьте, ни мало не представляя - а чего же хотят сами березки? Эта "коллективная" ценность №2, если конечно ее не навязывают насильственно - уже шаг к ОБ, в ней уже есть немного абстракции и всеобщности. А главное - там уже появляется договор, пусть пока и местный, субъективный.

Спасение от вырубки березок - это не практическое благо, поскольку дорога, например, на их месте вполне может оказаться объективно полезнее. Это именно жертва. Такая же, как и отказ от мяса ради жизни животных. Это - симбиоз, а может и конфликт, морали и этики, который несколько запутывает нашу простую и понятную нравственную задачу. Но зато делает ее намного интереснее. Ведь как иногда хочется заменить загадочное ОБ, вечно недостижимое для разума, на что-то простое и конкретное, трогательное и бестолковое!

Вот и вся практика этики в нашей далекой от теории жизни. А также теория приносимых практикой благ. Как хорошо знать, что во всем есть смысл! Знать, что все не напрасно, что мы строим поистине великое будущее, а наши потомки пройдут стройным шагом по нашим следам и мечтам. Знать, что этика - и будущая книжка! - послужит верным маяком этому броуновскому движению. Уже за одно это можно полюбить объективную этику так, как любил ее я.

Особенно меня впечатляет найденный этикой глубокий смысл свободы. Оцените. Если свобода - неограниченная возможность быть самим собой, то этика - необходимость

правил на все случаи жизни. Если свобода - неизвестное будущее, допускающее все что угодно, этика - упорядоченность и предсказуемость, позволяющие планировать как угодно далеко. Если свобода - это выбор собственной жизненной цели, этика - необходимость стремиться к абсолютному добру, одному на всех. Если свобода - возможность любых благ, которые только хочется получить, этика - строго эквивалентный обмен, труд по производству объективной пользы, потребной обществу. И в довершение, значение этого смысла, несмотря на всю его глубину, остается вечно непознанным.

Разве можно так поступать со свободой? Придавая ценности всему вокруг, этика, в лице ОБ, награждает самой высокой самой себя. В чем же ее ценность? Она не дарит эстетического удовольствия, не радуется познанием истины, даже не позволяет уяснить результат усилий. Вернее конечно позволяет, но все это в конце концов оказывается фикцией и требует замены. Человеку приходится самому придумывать себе объяснение и самому радоваться своему объяснению. Вырываясь из оков детерминизма, когда все вокруг препятствует его стремлению стать и быть, а не просто существовать, он добивается того, что только от него зависит его свобода и смысл его бытия. Но в погоне за этой неуловимой целью он оказывается в тисках худшего детерминизма - когда он мучает сам себя, неизвестно ради чего.

Поневоле начинаешь завидовать несчастным животным.

Всегда Ваш
УЗ

PS. Вы можете спросить, если все так плохо, почему мы позволяем ОБ командовать нами, заводить наши моральные механизмы? Легко выбирать свободу, если это в радость и удовольствие, но когда надо противостоять силам, которым подчиняется само мироздание, стоит ли овчинка выделки? Но друзья, можем ли мы не выбирать добро? Не хотеть нового и красоты? Не улучшать мир? Не искать смысл? Самое простое сказать, что вот такие мы, что это все - наше собственное "я". Но так ли это? Наше ли оно на самом деле? А тогда - кто тут кому что позволяет?! Это наша свобода заставляет нас служить ей. Мы - рабы свободы.

Отношение и отношения

Друзья мои!

Неизбежная борьба за свободу, которая на самом деле, еще непонятно какая-то свобода, не должна останавливать нас в поисках смысла. Впрочем, не знаю как вы, а я со своим смыслом уже определился. Я посвящу себя будущей книге! Чем больше я думаю о ней, тем радостнее мне становится. Представьте себе - вы давно умерли, а вашу книгу читает какой-нибудь любознательный школьник и постигнув смысл жизни получает пятерку. Очаровательная картинка!

Но прежде, чем до такого дойдет, надо обсудить чрезвычайной важности вот какой вопрос. Если у нас есть объективная этика и отдельно от нее жертвенная, с изрядной примесью героизма, мораль - то как же нам жить с двумя нравственными системами? Как себя вести? Как относиться к людям? Что делать в простых, а тем более сложных ситуациях? Какая-то двуличность получается. Неспроста философы всегда хотели обойтись одной какой-то. Если трудно представить один какой-то моральный императив, то уж два конфликтующих - совсем сумасшествие. Вот такой вопрос. Не про философов конечно, с ними-то как раз все в порядке. Про нас с вами.

1 Мораль и этика

Начнем с простого - чем отличаются мораль и этика? И та, и другая призваны вести человека к добру, направлять своей жесткой рукой, дабы внутренние инстинкты или внешние обстоятельства не завели его в нравственные дебри. Вся разница в том, что считать добром. С этикой мы уже разобрались. Этика заменяет нехорошие ценности №1 и №2 хорошей №3 - непонятной и недостижимой абстракцией, вечно сокрытой за горизонтом будущего. Поскольку она непонятная, идти к ней напрямую проблематично и этика в результате требует постоянного контроля, чтобы не оступиться и не промахнуться. Она говорит "как", но не говорит "зачем". То есть направляет, но неясно куда.

С моралью намного яснее. Мораль озабочена ценностью №2 и как бы окончательно заменить ею ценность №1. №2 очень понятна - это живые люди, но проблема тут иная - непонятно как попасть к моральному добру, потому что на пути к нему легко обмануться, ведь чужая душа потемки. Таким образом, мораль указывает цель, но оставляет прояснение пути на личное усмотрение. Как бы говорит "зачем", но не говорит "как". Поскольку разум тут оказывается бессилён, мораль больше упирает на чувства - она требует безотлагательной жертвы, не задумываясь, не рассуждая и не строя теоретических абстракций. Все ради человека, вся для блага человека - конкретного человека. И только когда от ценности №2 остается немного свободного времени, мораль нехотя вспоминает о ценности №1. Тогда она уже мягко рекомендует человеку озаботиться своим собственным благосостоянием - здоровьем, работой, духовным развитием. Но и тут, она делает это не просто так, а с прицелом на других - чтобы человек не превратился из-за своей безалаберности и непрактичности в обузу для окружающих.

Можно ли найти еще какие-то параллели между моралью и этикой? Конечно. В принципе, мораль - та же этика, а этика - та же мораль, просто те люди, ради которых они стараются, находятся в разных местах. За ценностью №3 все равно скрывается человек, это все равно чье-то благо. Когда объект нравственных усилий находится недалеко от субъекта, действия ради него имеют конкретный, субъективный смысл. Когда другой человек отдаляется куда-то за горизонт, превращается в абстракцию, в действительный объект, то и действия становятся такими же абстрактными - общими, универсальными и объективными. Этика - это безличная мораль, вот она - суть, вот он - афоризм! Почему мораль не может быть тоже объективна? Потому что живой, близкий человек вызывает разные чувства, никак не могущие быть объективными. Чувства всегда субъективны, и отделить их от морали нельзя - именно чувства, а не рассуждения вызывают ее к жизни. Абстрактный человек таких чувств не пробуждает и отношение к нему может быть не эмоциональным, а нейтрально-рассудочным. Образ человека, скрывающегося за ценностью №3 - это обобщенный другой, человек вообще. Поведение человека в тех редких случаях, когда оно не затрагивает других, ни к морали, ни к этике не относится. По этой причине его можно считать неморальным, но это не страшно, человек не может быть постоянно образцом морали и этики - иначе он просто не выживет. Простые радости бытия необходимы каждому живому организму.

Мораль и этику также можно разделить еще по ряду признаков. Во-1-х, активность. Мораль позитивна (делай), а этика - негативна (не делай). Мораль призывает - "Делай что-то хорошее!", этика останавливает - "Не причиняй вред!" Этика может и рада бы тоже указать, но слишком уж ее благо абстрактно. Во-2-х, этика обеспечивает свободу человека. Своим "не делай" она требует самостоятельно найти способ не творить насилия, а для этого конкретизировать ОБ, придумать как его претворить в жизнь и удостоверить результат договором. Мораль, соответственно, лишает свободы своим позитивным указанием. В-3-х, мораль - спонтанна и эффективна в быстром управлении поведением, но непредсказуема и не структурируема. Импульсы ее ясны, но кратковременны. Этика требует размышления, анализа последствий и т.п., но зато формирует стойкие модели и принципы. Мораль говорит нам, что "хорошо", а этика - что "правильно". Мораль - это добродетельность, а этика - праведность. В-4-х, поскольку этика опирается на объективные принципы, она требует переговоров с другими - дабы избежать субъективности. Договор - основа этических норм. У морали вообще нет норм, договариваться о морали неуместно. В-5-х, этика ищет баланс, мораль любит крайности. №3 не требует жертв, как их требует №2. Она не требует спасти одних, убивая других. Не требует самоотречения во имя долга. Ей не нужен массовый героизм. Зато это все важно для морали. В-6-х, мораль, как и лежащее в ее основе насилие, налагает ответственность независимо ни от чего. Цель, а значит и результат, ясны, путь неважен. Этика более снисходительна. Незнание освобождает от этической ответственности. Важен путь, ясность и четкость. Ну и в-7-х, этика - это строгий, но справедливый отец, а мораль - строгая, но заботливая мать. Точнее мачеха.

Несмотря на эту трогательную аналогию, мы, однако, должны четко определиться - в отличие от нынешней повсеместной семейной практики, мораль не может до конца подавить этику. Судите сами. Личные склонности бывают самыми разнообразными. Бывают люди, любящие подчиняться или доминировать, принуждать или принуждаться, зависеть или содержать. Все это отлично подходит для личных отношений, которые возможны только вместе с максимальным отказом от свободы.

Личные отношения требуют наибольших жертв и приносят наибольшую радость. Они возникают сами собой, без переговоров и подписей. Доброта, отзывчивость, доверчивость, благодарность... Это даже не столько мораль, сколько характер, биология. Но когда личные отношения распадаются, когда бывшие близкие опять становятся чужими, свобода вновь поднимает свою бесчувственную голову. Под личной моралью кроется все та же объективная этика посторонних людей. И мы видим - даже личные отношения, как проявления свободного выбора, уже покоятся на договоре, а потому этика имеет абсолютный приоритет - добровольность личного отказа от свободы прежде всего. Каждый из нас несвободен в личных отношениях, но при этом свободен быть несвободным так, как он сам считает нужным.

Поскольку отличий набралось много, возникает вопрос - все ли мы перечислили? На мой взгляд, нет. Поэтому добавлю еще кое-что, возможно главное с практической точки зрения - способ обмена ценностями. При чем здесь обмен? Взаимоотношения людей, вообще деятельность - это обмен чем-то ценным. И мораль, и этика регулируют обмен. Жертвенная мораль, как видно из самого названия, требует неэквивалентного обмена, и таким образом стимулирует обмен, делая его непрерывным - то с одной стороны, то с другой. Под ее влиянием, человек жертвует ценностью №1 ради №2. А потом, как бы смущаясь, принимает обратную жертву №2 и добавляет ее к №1. Этика, с другой стороны, требует полной моментальной эквивалентности - она сразу завершает обмен, возвращая состояние в точку равновесия. После обмена люди оказываются ничего не должны другу, каждый остается с чувством выполненного долга и радостью общения. Подобная эквилибристика, кстати, навела меня на мысль назвать эту двумерную моральную механику "эквиморальностью". Вы же знаете друзья, о моей слабости запутанно изъясняться и использовать заморски звучащие слова. Ведь так намного солидней. Возможно, когда я напишу книгу, я ее так и назову, и тогда какой-нибудь незадачливый школьник решит, что это такая мудрая восточная наука.

А пока давайте вернемся нашей проблеме. Теперь, когда главное мы сделали, возникает второй, практический вопрос - как все это применить в жизни и не запутаться? Как одновременно быть и моральным, и этическим человеком? Как добиться и личного счастья, и общего блага? Этому мы посвятим остаток сегодняшних размышлений.

2 Личная и публичная сферы

Вечная проблема отношений, очевидная в свете описанного выше - полная несовместимость обоих типов нравственности и абсолютная важность и той, и другой. Они обе оказываются почти эквивалентны и у каждой есть своя область применимости. Решить проблему их совместимости - аккуратно разделить эти области, отобразить их в соответствующие сферы общества. Очевидно, что какой моральный мотив превалирует в отношениях людей, такую мы и получаем в результате сферу, отчего подходящими терминами для обеих сфер будут "личная" и "публичная", хотя в наше время в эти слова вкладывается самый разный смысл. Но поскольку именно мораль и этика являются тем базисом, который формирует и общество и его сферы, наш подход обещает быть, как водится, единственно правильным.

Мораль формирует личную сферу - близкие отношения, субъективные ценности. Этика формирует публичную - отношения между посторонними, объективное общее благо.

Как видим, перепутать обе сферы легко, особенно если не понимать разницы между моралью и этикой. Именно так оно исторически и сложилось, закрепив этот моральный конфуз. И ранее, и кое-где поныне считается, что чем ближе к "частной" (т.е. личной) сфере, тем меньше морали, но больше свободы и возможностей преследовать свои индивидуальные эгоистичные цели, а чем ближе к публичной - тем важнее мораль и следование общественному жертвенному долгу. В частной сфере человек сам по себе, он защищен своей собственностью и может делать что хочет, а в публичной - он часть общества и уже с ним делают, что хотят. Публичное - коллективная власть над частным, власть социальной необходимости над свободным выбором, а частное - личная свобода в рамках, отведенных обществом.

Признаться, в таком подходе есть определенная, хотя и неправильная логика. Может когда-то она и была правильной, но те времена давно канули в лету. Если полагать, что мораль регулирует любые отношения, то все выглядит логично. Чем публичней, тем больше всевозможных отношений и тем сильнее моральные требования. Тем ближе к власти с ее долгом, правом и идеологиями. Но ошибка этой логики, выросшей во времена, когда общество было настолько мало, что его не отличишь от небольшой деревни, в том, что она игнорирует природу отношений сведя дело лишь к степеням свободы, причем завязанной на праве собственности. То есть еще и опирается на совершенно посторонние вещи. В результате, истинно личные отношения никак не выделяются на фоне посторонних и коллективных. Ведь вся эта нелепая "частная" сфера, т.е. частная инициатива и прагматичные интересы - это то же самое общество, та же самая публика. Не удивительно поэтому, что все в этой частной сфере оказывается точно так же зарегулировано нормами сверху донизу. Там то же самое насилие, не меньше чем в публичной - где вы видели, например, свободный экономический выбор? Или свободное семейное право? Само понятие собственности, "мое" - уже следствие договора, "общего". Выходит, что не так-то просто отделить частного человека с его свободным выбором от принуждения со стороны публики. Человек всегда находится в гуще общества. Да и с другой стороны - разве в области государственных, публичных интересов мало "свободы" и частной инициативы? Напротив, при демократии там сплошь свобода и инициатива - закулисных магнатов, олигархов, активистов, общественных организаций, лоббистов и всех заинтересованных в формировании политической и экономической повестки. Этой свободы там куда больше, чем в бизнесе, где все давно схвачено крупным капиталом. В результате, обе сферы настолько пронизаны общественными интересами, что отделить их давно невозможно и неактуально.

Гораздо правильнее будет наш взгляд, отгалкивающийся от природы отношений, пусть и несколько прямолинейный. Личная сфера - часть общества, наиболее близкая к человеку, а публичная - наиболее далекая. Независимо от того, как и чем он там занимается. И тогда выбор поведения оказывается этичен прямо пропорционально именно этому человеческому расстоянию, а вовсе не степени эгоизма или коллективного давления. А морален, соответственно, обратно.

Надо сразу признаться, что этот взгляд не учитывает политическую власть, которая с одной стороны - далека, а с другой - может проникать до самого желудка. Но поэтому власть и ее щупальца - особенная вещь. Она так высоко, что покрывает сразу все сферы. При этом она искажает и отрицает любую мораль и любую этику, потому что только свобода питает оба типа нравственности, а не трансцендентные принуждающие силы. И

симметрично, обе они отрицают власть. Можно не сомневаться, каков будет вердикт истории. Если же на минуточку дать волю фантазии и представить, что может существовать скромная государственная власть, то вся ее скромность будет заключаться в том, что она ограничится публичной сферой и не полезет в постель. Да, смешная фантазия, я знаю. Я ее привел только как пример публичной сферы, которая чисто умозрительно демонстрирует возможность включать не только экономику, но и политику. И очевидно, стала она таковой - экономической и политической - именно вследствие посторонности людей.

Измерить расстояние между людьми на первый взгляд легко. В конце концов, не так много людей вокруг, ради которых нормальный человек будет лезть из кожи вон. Но это иллюзия. Нет, он конечно лезть не будет, просто появляются нюансы, которые все запутывают. Каждый член общества связан огромным количеством отношений, различающихся в зависимости от интересов и потребностей, которые они обслуживают. И кратких, и постоянных. И сильных, и слабых. И формальных, и нет. Тут и соседи, и начальство, и нищий на углу, и звезда в телевизоре. Как узнать кто ближе, а кто дальше?

Хорошо бы все это как-то наглядно проиллюстрировать, но боюсь я уже давно исчерпал лимит рисунков. Свобода требует бороться с нездоровыми желаниями! Поэтому попробуем просто посмотреть на уже нарисованное, тем более, что сферы мы когда-то рисовали (см. рис. 1.11).

3 Диаметральные свойства сфер

- Правдивость и искренность

Разная моральная окраска сфер приводит к тому, что они становятся удивительно различными с точки зрения буквально всего. Или, точнее, должны быть, если станут таковыми, как мы их описали - основанными, соответственно, на жертвенной морали и объективной этике. Возьмем например, искренность. В какой сфере человек должен себя вести максимально искренне? В личной вероятно? А вот и нет!

В личных отношениях ложь не только вполне допустима, но даже желательна, если ее цель - благо. Ведь благо - это и есть единственный критерий поведения. Соответственно, искренность нужна только до той степени, пока она не наносит вред. Совсем иначе дело обстоит в публичной сфере. В отношениях с посторонним ложь совершенно неприемлема. Абсолютная правдивость - одно из качеств абстрактного партнера. Правдивость означает не только отсутствие всякого искажения или утаивания информации, но и устранение всякого "понимания ситуации", тактичности и деликатности в донесении и представлении информации, это максимальная объективность в передаче и освещении событий, фактов и т.д., полностью отрешенная от личностных характеристик и состояния человека. Правдивость тем легче в свободном обществе, что там отсутствует страх и опасения за последствия - никто там не воспользуется информацией, чтобы получить нечестное преимущество.

- Открытость и приватность

Посторонность человека требует признания его полной личной автономии. Никто не

имеет права вмешиваться в его дела, судить его или оценивать. Его жизнь, мотивы, чувства остаются тайной и закрыты от всех. Уже проявлять любопытство там, где посторонний этого не желает - унижать его достоинство. Соответственно, поскольку никто не имеет права интересоваться его секретами, всю информацию, которая может затрагивать других, посторонний добровольно открывает сам. Полное раскрытие и обмен значимой информацией - необходимые условия взаимодействия и договора. Достоинство и доверие неразрывны.

Неприкосновенность внутреннего мира постороннего человека означает, что он не может вызывать никакие личные чувства - им просто неоткуда взяться. Равно, никто не имеет права пытаться их вызвать в постороннем, сделать его поведение зависимым от эмоций, манипулировать им. Взаимодействие с ним напоминает протокол информационного обмена. В публичной сфере человек не стремится создать хорошего (и уже поэтому ложного) впечатление о себе, расположить к себе, выглядеть умнее, чем он есть на самом деле. Посторонний - полный аноним, но аноним не потому, что боится или хочет навредить, а потому что ценит максимальную открытость. Удивительный парадокс, правда?

Совсем иначе дело обстоит в личной сфере, где каждый хочет не только быть, но и казаться лучше, вызвать теплые чувства, понравиться и рассказать о себе все самое хорошее, утаив все самое плохое.

Продолжением закрытости личной сферы является то, что личные отношения между посторонними касаются только тех, кого они касаются. Общество абсолютно не вправе вмешиваться и даже интересоваться, что происходит между близкими людьми до тех пор, пока они добровольно остаются вместе и добровольно отказываются от свободы. Кто-то кому-то кажется причиняет вред! Обижает и унижает! Лишает человеческого достоинства! Надо срочно привлечь общественность! К счастью, в личной сфере свободного общества нет "общественности". А значит, близкие сами разберутся между собой. Надо - обидятся, надо - простят, а надо - вообще станут чужими. Но неужели такое возможно? А если родители наказывают детей? Промывают мозги? Эксплуатируют трудом и мучают науками? Развращают, прости господи?! Разве не долг каждого вмешаться и защитить? Спасти детей? Отнять от родителей и взять себе на воспитание? Эти вопросы наглядно показывают весь ужас нынешнего общества, где забрать чужих детей только потому, что кому-то не нравится их воспитание - обычное дело. К счастью в свободном обществе, где основа социального договора - доверие, оно распространяется и на личную сферу. Закрытость личной сферы - следствие доверия! Еще один замечательный парадокс!

В публичной сфере опять все иначе. Кроме доверия. Все посторонние члены общества одинаковы, независимо от того, с кем из них происходит взаимодействие. Даже если собственное взаимодействие всегда этично, объективность этики требует, чтобы люди реагировали на насилие, которое их не касается напрямую. Т.е. посторонность не эквивалентна безразличию. Любое нарушение объективной этики касается всех - в публичной сфере все посторонние, каждый потенциально является объектом такого насилия/несправедливости. Пример - кто-то обманом продает вредный товар. Любой член общества может и должен привлечь к этому внимание даже если он лично не пострадал. Продажа товара означала, что каждый является целью такого обмана. Другими словами, в публичной сфере потенциальный вред эквивалентен актуальному,

а каждое взаимодействие затрагивает каждого. А как же наказание? Кто накажет? Возможно наказать виновного лучше тому, кто оказался первым "в очереди" - именно он столкнулся лицом к лицу с врагом свободы. Так плавно происходит переход из публичной в личную сферу, допускающую насилие в целях наказания.

- Единичность и смертность

Мораль выросла из необходимости выживания и она как целое, включая катастрофические ситуации, озабочена существованием, переходом между поколениями, как бы связью времен. Для морали важны вопросы жизни и смерти - спасение утопающих, рождение детей, уход за родителями, долг перед больными. Ей не интересны мелкие практические делишки. Личная сфера выделяет конкретного человека и продолжает его в будущее как отдельный, единичный объект, в котором она, посредством людей симпатизирующих ему и нуждающихся в нем, открывает неповторимые черты. Но эти черты - общечеловеческие, сущностные. Все люди разные, но через это своеобразие мы понимаем, что такое "человек". Для морали человек тем ценнее, чем полнее его единичность выражает общее. Человеческое делает его достойным жертвы.

В отличие от морали, этика занята постоянными делами живых людей - моделями общества, социальными институтами, отношениями производства и распределения. Ей интересны смыслы, идеи, цели. Этика не выделяет в каждом единичное, конкретное, она работает со множеством людей и все они одинаково абстрактны. В публичной сфере людей не просто много, а очень много, даже слишком. Только так можно не придавать человеку личной ценности - невозможно ценить то, чего слишком много. Только так можно добиться полной независимости и свободы друг от друга.

Личная сфера - это, образно говоря, "вертикальный" срез, или размерность, общества. В ней люди добровольно формируют те отношения, которые требуются нашей биологии, чтобы она жила дальше. Мораль вся отталкивается от смерти, это ее главная проблема. Само рождение и воспитание - это подарок, жертва со стороны родителей. Ответная жертва - рождение и воспитание своих детей. Эта связь времен - суть личной сферы. Публичная, соответственно, формирует "горизонтальную" размерность. Люди там взялись непонятно откуда и никуда не деваются. Они просто есть и действуют здесь и сейчас, они строят вечные планы, потому что сами они бессмертны. Этика не понимает, что такое смерть, она ее успешно преодолевает и забывает.

- Стандартность и уникальность

Поэтому мораль, видя своеобразное в человеке, сама насквозь однообразна в том, зачем и что она требует. Только ближний, только его благо. Личная сфера не отличается оригинальностью - всем она нужна для одного и того же. Публичная опять противоположна. Построить институты общества требуя одного и того же не получится. Поэтому этика заставляет каждого быть уникальным - найти только свой путь и свою цель. Она руководит человеком в нужном направлении посредством договора с теми людьми, которым требуется то, что он в состоянии предоставить. Для этики - и общества - человек тем ценнее, чем он уникальнее. Публичная сфера организует таких людей, позволяя им всем ладить друг с другом без конфликтов и неувязок. Следование нормам открывает человеку свободу быть не только самим собой, но и членом

коллектива, занятого одним общим делом. Вместо единичности бесформенного камня у него появляется уникальность ладного кирпичика в едином здании, появляется свое место в обществе.

Во избежание неясности, уточним разницу между единичностью и уникальностью. Не то чтобы это было нам критически важно для дальнейшего изложения, скорее для ясности и полноты картины. Уникальность - то необычное, что надо найти в себе ради других. Единичность - то необычное, что каждый находит в другом ради себя. Найти это несложно, потому что единичное - это проявление чего-то общего, что, например, создано природой. Это случайная вариация, печать хаоса на тексте закона. Уникальное - это проявление свободы, новая сущность, полная неповторимость, требующая дополнения стандартностью, чтобы выделить ее и позволить ей сосуществовать с такими же уникальными. Нормы играют роль стандарта, обрамляющего уникальность и вписывающего ее в общество.

- Оригинальность и бесполезность

Чем шире коллектив - тем разнообразнее там требования к способностям людей. У каждого есть шанс. Но откуда берется само разнообразие? Разве не должна абсолютно объективная публичная сфера вырождаться в серую однообразную массу? Ответ в том, что наша объективность, как родственница свободы, эквивалентна полной непохожести. Детерминизм обожает однообразие, он всегда старается повториться, хотя ему всегда приходится терпеть вариации. Свобода не терпит повторений, она стремится к новизне и новизне настоящей, объективной. Люди не рождаются уникальными, таковыми их делает свобода публичной сферы после того, как детерминизм семьи и среды сделал случайно непохожими. На выходе из семьи человек может быть себе на уме - необычным, неординарным, обладать неортодоксальными идеями и нестандартными вкусами. Что в обществе, разумеется, никому не нужно. К счастью, кроме общества есть отдельные люди. Чем своеобразнее человек, тем меньше он требуется массе, но тем больше - кому-то одному, с кем он найдет, можно надеяться, общий язык, культурно взаимообогатится и породит новое, такое же своеобразное продолжение. Как сказать автору правду о его творчестве, если эта правда - всего лишь личная точка зрения? Только близкий и понимающий человек может оценить и поддержать, воздать по заслугам, видимым ему одному. Пусть и приврав для начала, если увидеть не удастся. Личная сфера - колыбель не только единичности, но и объективной бесполезности.

В публичной сфере работает иной процесс. Личные заслуги там заменяются общей пользой, а личные потуги - общепризнанными результатами. Люди редко способны разглядеть таланты в своих близких. Во-1-х, большое "видно издали", когда не мешает субъективное, а во-2-х, мало кто способен полностью самостоятельно, без подсказки окружающих и СМИ, сформировать "собственное мнение". Персональные вкусы, распространяясь извилистыми личными путями и таким образом незаметно переходя из личной сферы в публичную, формируют культурно-эстетические общности, где неограниченное своеобразие находит свое иное, но все более объективное применение, превращаясь в уникальность. Если свои слепы, то чужие, особенно когда их много - проницательны. Если близкие снисходительны и мягки, то чужие - прямы и честны. Если близким нужен сам человек, то чужим - польза от него. Так идет процесс выжимания из человека толка для общества. Из случайной флуктуации его

непохожесть становится объективной новизной. В начале семья, друзья, знакомые. Потом единомышленники, сторонники, поклонники. Затем читатели, слушатели, зрители. В конце концов, новые вкусы охватывают все больше людей, люди подражают, им нравится новое, но уже опробованное, апробированное и заверенное другими, оно проникает все дальше и порождает то разнообразие публичной сферы, которое мы наблюдаем вокруг. Общество движется вперед, принимает новые культурные, эстетические и этические нормы, которые тоже родились сперва в чем-то глубоко личном мозгу.

А умерли в безграничной толпе. Оригинальность всегда начинается с узкого круга посвященных, а кончается унылой, но практичной пошлостью, кричащей с каждого угла.

- Свобода от других

Личная сфера - место, где появляется человек до того, как сможет войти в публичное пространство. Там он приобретает идентичность "человека". Он не может стать этичным вдруг, он должен пройти микроэволюцию морали, от насильственного альтруизма, через личную жертвенность, к ОЭ. Все это время он целиком зависит от других, подражает им, поклоняется их авторитету. Туда же он возвращается, реализовав свой созидательный потенциал, опять полагаясь на помощь близких. Личная сфера не создана для свободы.

Публичная сфера освобождает человека и от насилия, и от жертв со стороны других. Личная жертва, направленная на свободного человека, способна разрушить целостность публичной сферы - нарушить фундаментальный принцип договора, исказить позиции его участников и внести насилие. Личные жертвы должны быть ограничены слабыми - детьми, стариками, женщинами, больными и теми, кому фатально не повезло. Их конкретные нужды известны и понятны, что потенциально поможет восстановлению равенства договорных позиций.

Но и в публичной сфере возможно взаимное влияние, хоть и опосредованное. Оно может быть исчезающе мало, однако легко может превратиться в насилие массы, если субъектов такого влияние много. Например, массовое производство более выгодно и потому массовые товары дешевле. Массовое искусство предлагает более широкий выбор, чем искусство элитарное. Массовые нужды и потребности, включая медицину и образование, рынок удовлетворяет в первую очередь. Сейчас человек, особенно невысокого достатка, полностью зависит от того, как голосуют, как едят, что слушают и смотрят другие, от их общественных взглядов и предрассудков. ОЭ освобождает человека от любого подобного влияния, в том числе вкусов и стандартов массы. Она позволяет ему быть самим собой. Объективная полезность наиболее полно отражает свободу человека. Он становится независим от каждого конкретного человека и зависим только от всех сразу. Как? Благодаря этическим нормам. Зависимость от норм означает независимость от людей.

Но как можно быть уникальным и ни от кого не зависеть, спросите вы меня? Парадокс, да. Чем свободнее общество, тем больше каждый проявляет свою внутреннюю сущность, выбирает своей особенный путь, специализируется в выбранном деле. Но чем дальше человек продвигается по этой дороге, тем больше он зависит от остальных.

Уникальность требует других уникальностей в том, что необходимо. Становясь уникальными люди дают все меньше того, что необходимо другим - ведь уникальности не пересекаются, они расходятся все дальше друг от друга. Уникальный человек все больше зависит - но не от такого же уникального, а сразу от всех. Становясь уникальным, он становится одновременно абстрактным. Абстрактные люди имеют смысл только все вместе. Каждый из них, по отдельности исчезает для другого. Так, свобода, позволяя каждому стать собой, делает его зависимым сразу от всех и ни от кого в отдельности.

- Субъективность и объективность

Суммируя сказанное в двух предыдущих пунктах, давайте еще раз кратко очертим переход от субъективности к объективности. Каждый человек ценен тем, что нужен кому-то. В личной сфере ценность человека определяется его близкими. Можно сказать, ценность человека - следствие их зависимости. №1 ценна своими №2 - тем, что ее можно пожертвовать. Чем больше он кому-то нужен, тем он ценнее. Субъективно. Но, с другой стороны, чем больше людей, нуждающихся в нем - тем он тоже ценнее. Но и уже объективнее. Чем больше круг таких людей - тем менее персональны связи и менее критична для ценности зависимость каждого, в большом коллективе незаменимых нет. Жертва и зависимость становится меньше, а польза и свобода - больше. Переход от субъективности в оценке человека к объективности - замена субъекта публикой, а личного непосредственного впечатления - опосредованной оценкой массы. Полная объективность требует максимального коллектива и минимального личного мнения - т.е. идеального консенсуса.

В результате, чтобы получить объективную оценку, человек должен взаимодействовать с бесконечным числом партнеров. Этика избавляет человека от этой необходимости. ОЭ - это этика бесконечности, она заменяет бесконечный коллектив и вечность одним посторонним. Теперь №3 играет роль массы. Эквивалентность обмена делает каждое взаимодействие свободным от субъективности, а ценность обмененной пользы - определяющейся каждым взаимодействием, независимо от их количества! Конечно, это не значит, что каждый посторонний может сразу оценить №1. Этика нацеливает в вечность, но человек непредсказуем. №1 - сумма пользы, принесенной человеком. Но поскольку она независима от количества копий, она остается объективной в процессе роста.

К сожалению, бесконечность коллектива, требуемая объективностью, легко ставит разум в тупик своим новым парадоксом. Как человек может стремиться к эквивалентности обмена, если сам он превращается в бесконечно малое относительно всех остальных? Не означает ли это полное пренебрежение своими интересами? Давайте смело разрешим этот глупый парадокс тем, что признаем - если каждый откажется от своих интересов, чьи интересы тогда останутся в обществе?

- Формальность и неформальность

Как и чувства, ее вызывающие, мораль не поддается формализации и кодификации, она основана на любви и сострадании, а не на указаниях и предписаниях. Она должна преодолевать любые формальности, чтобы достигнуть недостижимой цели - другого человека. Никакие правила в принципе не могут обрисовать дорогу к этой цели. Более

того, сами попытки их поиска вызывают обратный результат, ибо цель всякого формального правила - исключить все личное, сделать процедуру универсальной, пригодной для всех. Истинный альтруизм не приемлет правил - он всегда личный. Жертва выше нормы - она уникальна, а не универсальна. В личных отношениях правильно то, что мы чувствуем правильно. Если мы попытаемся изложить наши моральные требования на бумаге и предъявить их близкому человеку - это будет не просто аморально, но и отвратительно. Не менее отвратительно будут такие требования звучать устно. Даже обобщенное требование "любить" выдвигаемое в процессе брачной церемонии - не более, чем фраза, которую каждый наполняет своим собственным смыслом. Так, молодая жена, требуя любви, может подразумевать все что угодно - от полного подчинения до новой шляпки. А новорожденный имеет полное право полагаться на любовь, хотя он не только не умеет говорить, но даже не знает к кому следует с этим правом обратиться. Служение людям, нравственное совершенство, моральный долг, заветы любви - все это настолько бесформенно и туманно, что даже звучит коряво. Это неуловимо даже для языка. Слова бессильны в личных отношениях. Всякие попытки выяснить и огласить отношения будут неуклюжи, пафосны, напыщены и лживы, как бесконечное "я тебя люблю" в пошлых романах и дешевых фильмах. Они не только вызывают чувство неловкости, они могут на самом деле разрушить отношения! И не только между полами, где ненужная откровенность является грубым домогательством, но и между друзьями. Близкие люди понимают друг друга без слов и чем они ближе - тем лучше. В пределе, как учит нас правильная литература, любящим сердцам не требуется вообще ничего - настолько они сливаются в единое целое.

В результате, нормы личной сферы произвольны и обусловлены лишь традициями, а никакое приличное законодательство не прописывает формальные требования творить жертвенное добро и следовать нелепым обычаям. Формальность убивает мораль, а традиции - этический прогресс.

На противоположном конце моральной вселенной располагаются строгие нормы, обязательные к выполнению. Нормы ОЭ универсальны, т.е. применимы ко всем вообще, что превращает людей в абстракции лишены всякой конкретики. В отношении оценки их действий, как мелких, так и всей жизни, ОЭ предпочитает смотреть на результат. В отличие от мотивов и намерений, которые представляют собой главную ценность морали и которые обычно невозможно не только формализовать, но бывает даже осознать, результат обычно легко формализуется и оценивается. Потому объективная этика одинаково безжалостна как к неудаче в собственной жизни, так и к нарушению правил этикета. Она порицает любой проступок, независимо от того, намеренный он или случайный. Субъективная мораль более снисходительна. Сравните собственные ощущения, когда вы испортили дорогую вещь, принадлежащую члену семьи или незнакомому.

Рост формальности и уникальности по мере перемещения из личной в публичную сферу, хорошо иллюстрирует рис. 2.3, который показывает, что между близкими накоплено много общих норм, но их выполнение не критично. Среди посторонних побрякки неуместны, а общих норм немного.

- Два типа доверия

Можно сказать, что личные отношения строятся на прошлом, а публичные - на

будущем. В семье, кружке и артели возможно неформальное взаимодействие благодаря доверию, возникшему от предыдущего личного опыта - или по результатам совместной работы, или от взаимной симпатии, вызванной знакомством и близостью. Личное доверие невозможно формализовать, его трудно даже выразить, оно поддается только ощущению. Среди незнакомых тоже есть доверие, но совершенно иное - ожидание от каждого поведения, заданного общеизвестными рамками. Каждый из нас сталкивается с ним ежеминутно - любое взаимодействие в обществе полагается на доверие, сами нормы основаны на нем. Личное доверие может и не возникнуть, если опыт оказался не слишком удачный, или подобное доверие будет просто означать знание сильных и слабых сторон человека. Публичным доверием пользуется каждый член общества от рождения, а точнее - с момента вступления в свободное общество. Преступником он становится только в суде, после того, как намеренно нарушил общественный договор. До того момента, на аванс доверия, безоговорочный шаг навстречу, имеет право каждый незнакомый. Это необходимое условие возможности договора. Отсутствие такого доверия означает отсутствие свободы - войну всех против всех. Кто знает, может в будущем преступников вместо посадки в тюрьму будут просто помечать, чтобы каждый их видел? Или, точнее, не преступников, а тех из них, кто окончательно потерял доверие - ведь даже хороший человек может оступиться, попасть в сложную ситуацию или ошибиться. Насилие многообразно и коварно, не каждому дано абсолютное чутье свободы. Если провинившийся признал вину, раскаялся и понес справедливое наказание - разве это не повод вернуть ему доверие общества?

Публичное доверие делает излишним формальное принятие на себя ответственности путем подписи соответствующих бумаг. Публичные нормы - это форма этики, и всякий вступающий в общество соглашается следовать им когда подписывает публичный договор. Таким образом, в формальной сфере отношений формальные бумаги - контракты, расписки, квитанции и т.п., как ни удивительно, становятся излишними! Все они, так популярные ныне - лишь шаг на пути к абсолютному доверию. Подписывая сейчас бумаги, подписанты, на первый взгляд, проявляют недоверие - ведь они полагаются не на обещания, а на контракт. Но на самом деле, они тоже проявляют доверие - только уже не к партнерам, а "публичное", к обществу, к его системе защиты правопорядка, без чего любая бумага останется лишь бумагой.

Личный тип доверия - наследие выживания и насилия. Публичный - следствие разума и свободы. Можно сказать, личный - доверие членов насильственного, боевого коллектива, публичный - членов цивилизованного общества. Животные не доверяют друг другу. Доверие не что иное, как признание в другом человека. И хотя такое признание может быть ошибочно, ведь даже прилично выглядящий человек может оказаться лишь видимостью, оно - необходимый элемент этики. Прямой взгляд, кивок головы, улыбка и приветствие - сигналы, оставшиеся с биологических времен, когда без них легко можно было оказаться съеденным. В наше время уже слава богу можно не опасаться, что посторонние тебя съедят, если им покажется, что ты не так поздоровался.

Если продолжать противопоставлять обе сферы и далее, мы рискуем постепенно сформулировать соответствующую "этику добродетели", как это бывало у древних, которая сгодилась бы для каждой из сфер. Иными словами - перечислить те черты характера, которые необходимы порядочному человеку в быту и на работе. Правда, древние не понимали почему и зачем появились все эти добродетели, и оттого их этика выглядела как благое, но ни на чем не основанное пожелание. Мы же, осознавая причины и следствия, не станем продолжать до бесконечности

сравнивать сферы - теперь это может сделать каждый - а просто зафиксируем, что этика добродетели, как и любая иная древняя этика, полностью опровергается нашим эквиморальным подходом. Ибо неуместное применение всякой добродетели превращает ее в свою противоположность!

Итак, как видите, сферы буквально антиподы. Тем более важно, чтобы мы могли четко отделять их друг от друга и осознанно действовать в их пределах. А иначе мы будем вести себя так, как ныне ведут себя все! Вот чтобы не опускаться до такого, рассмотрим и оценим в свете нашего нового морального знания практику всевозможных взаимоотношений.

4 Личные отношения

- Обмен и баланс

Как подсказывает опыт, чем ближе люди друг к другу - тем сложнее между ними взаимоотношения. Близость может измеряться не только физическим расстоянием, но и временем, которое люди провели вместе, частотой встреч, количеством информации, которой они успели обменяться, силами симпатии и антипатии, которые возникли между ними, степенью родства или общности в культурных, политических и эстетических взглядах. И много чем еще. Отношения вообще сложная вещь и нет даже смысла пытаться обобщать их целиком или хотя бы частями, или выделить что-то одно - главное. Однако к нам это не относится. Поэтому выделим главное, что определяет человеческие взаимоотношения. Это - то, какие ценности, а главное как, были обменены между сторонами.

Обменными ценностями является всякая сущность, которая имеет значение для сторон, не только практическое и материальное, но духовное, символическое и любое другое - идеи, информация, улыбка, мелкий или крупный знак внимания, и т.п. В случае личных отношений, предпочтение отдается эмоциональному содержанию обмена. Возникающие при обмене эмоции имеют определяющее значение - в конце концов величина любой субъективной ценности определяется силой эмоций, которые она вызывает. Иногда с самой мелкой эмоции начинается незаметный обмен и вполне заметные взаимоотношения. Чем больше люди обмениваются - тем прочнее привязываются друг другу. Глубина привязанности задает силу морального мотива - величину жертвы, которую каждый из них способен и согласен принести ради другого, т.е. сделать добро, порадовать и помочь, жертвуя собственными интересами и не требуя ничего взамен. При этом, изменение объемов обменов может указывать на вектор отношений - идут ли они на подъем или уже миновали высшую точку и идут на спад, а накопленный запас взаимных "заслуг" - глубину или прочность отношений.

Как ни странно, в личном обмене подспудно присутствует и баланс - даже обмениваясь улыбками, люди интуитивно находят его. Не будешь же как идиот улыбаться, если тебе не отвечают? Как находится баланс неизвестно точно так же, как неопределен и сам процесс личного обмена. Единичность людей влечет единичность обмена. Кто-то согласен улыбаться долго, кому-то хватает одной улыбки. Но какой-то баланс точно есть, и в дополнение к обменным ценностям, он приносит радость обеим сторонам, как бы закрепляя отношения. Жертвы в конце концов требуют признания, без которого отношения рискуют разбалансироваться и разрушиться. Можно сказать, в личных

отношениях работает некая "справедливость заслуг" - каждый стремится не остаться в долгу и возвратить добро. Правда баланс в личных отношениях не строгий и не формальный. Он скорее отражает не равное моральное достоинство сторон, а их личность, психологию. Так, внешне отношения могут быть и обычно бывают ярко неравны, взаимно дополняющи. Но в этом и проявляется баланс, т.к. каждый принимает тот "вес", который ему ближе и естественней. Баланс личных отношений - не столько внешний, сколько внутренний, люди формируют нечто целое, более сбалансированное, чем каждый из них по отдельности. Баланс принимает ту форму, которая отражает единичность каждой личности.

Личный обмен, в отличие от рыночного, не обязательно сводится только к улыбкам. В личных отношениях люди обмениваются всем тем же, что можно купить за деньги - пониманием, заботой, сексом, не говоря уж о самых простых материальных вещах. Принципиальная разница в том, как происходит обмен - без расчета, с душевным подъемом, из чистого желания отдать. И это "как" придает обмену - и обмененным вещам - иную ценность, которая ведет нас прямо к ценности №2 - т.е. к тому, с кем происходит обмен. Оттого в личной сфере практическая польза вещи не так уж важна и для укрепления отношений можно обойтись забавными безделушками, которые накапливаются в пыльном чулане создавая прочную базу долговременных отношений.

Без понимания способа обмена можно легко запутаться в ценностях. Людям вообще свойственно путать ценность и способ обмена. Если, например, попытаться определить, что такое любовь - то выяснится, что это не какая-то специфическая ценность, а всего лишь способ обмена. И именно поэтому ее нельзя купить на рынке, рынок - это просто другой способ обмена.

- Моральное поле

Жертвенные проявления естественным образом формируют "моральное поле" человека, которое словно распространяется в пространстве отношений и определяет пределы его личной сферы. Границы поля - то человеческое расстояние, дальше которого другой становится наконец полностью посторонним. Внутри поля живут не только знакомые, но и незнакомые, попавшие туда временно и случайно. Например, симпатичный прохожий, которому хочется пожать руку, или одинокая девушка на обочине, которую хочется подвезти, или красивое лицо в газете, которому хочется верить, или известное имя в некрологе, которое по-настоящему жалко. Любой человек, отличающийся от абстракции, может вызывать как чувственные эмоции, так и моральные чувства, влекущие серьезные жертвы. Этим умело пользуются маркетологи - специалисты по психологическому насилию, персонифицируя рекламу и придавая ей максимальную эмоциональность, или профессиональные сборщики пожертвований, помещая на видном месте фотографии больных и голодных детишек. Известно, что даже попрошайка, если будет просить не "мелочь", а например, 25 копеек "на дорогу домой", соберет за день втрое больше. Заставить заметить постороннего, задуматься о нем и тем ввести его из публичной сферы в личную - тоже насилие. Однако обычно случайные эмоции не только субъективны, но и мимолетны, не оставляют глубокого следа и не сопровождаются установлением нормальных личных отношений, без сомнения необходимых, чтобы помочь голодному раз и навсегда.

Моральное поле, несмотря на прямое отношение к морали, имеет своей основой

биологию - половые и социальные инстинкты, групповой, взаимный и родственный альтруизм, и соответственно, в первую очередь зависит от характера человека, его наследственности. Жизненные обстоятельства и воспитание тоже добавляют индивидуальности конфигурации поля и его напряженности. Но независимо ни от чего, личный моральный потенциал, как и многие другие поля, убывает с квадратом расстояния. Даже любовь бывает остывает от времени. Не говоря о том, что люди не стоят в этом поле, а постоянно двигаются - одни приближаются, другие отдаляются. Личные привязанности текучи и переменчивы, как и моральные обязательства, возникающие при этом.

- Выборочность и противоречивость

Хорошей иллюстрацией, хоть и не вполне математически точной, зависимости потенциала от расстояния может служить рис. 1.7. Наиболее сильно (или наиболее чисто) жертвенная мораль проявляется между супругами, родителями и детьми. Значительно меньше напряженность поля в кругу родных и друзей, еще меньше - среди соседей и знакомых, сотрудников и сослуживцев, затем идет узкая и широкая община, люди той же социальной, национальной и тому подобной общей идентичности. Чем дальше от человека - тем больше претендентов и тем слабее любовь. Близкий круг не может быть обширным - даже самый альтруистичный человек не способен любить слишком многих. Моральное напряжение конечно, как и все в человеке. Самое обширное, где возможны постоянные реальные, а не символические жертвы, что мне приходит в голову - коммуна или секта, разделяющая собственность, идеологию и родство. Конечно, в наше время таких почти не осталось, если, наверное, не считать еще не открытых первобытных племен. Или хорошо законспирированных.

Поле отличается у людей не только в профиль, но и так сказать, в анфас, в чем опять виновата субъективность морали. Субъективность не следует понимать так, что жертва необязательна и зависит только от прихоти субъекта. Обязательна, вопрос только в ее величине и в том, кому она предназначена. Первый аспект проявляется в том, что личный обмен не обязательно равный на коротком промежутке - кто-то жертвует больше, кто-то меньше. Второй - в активном отборе получателей, а не только в пассивном подчинении обстоятельствам. Разные люди по-разному распространяют свое поле. Чем уже круг знакомств, тем сильнее отбор и специфичнее связи. А чем меньше у людей оказывается чего-то общего, тем больше возможностей для объективного отношения. Величина жертв, продолжительность, многократность - все это зависит от предварительного отбора, а значит - от личного предпочтения. Если взять самый узкий круг - супруги, дети и атмосфера данной семьи - то это воплощение чистой субъективности.

Поскольку "напряжение" морального поля неравномерно, естественным образом возникает противоречие между жертвами, требуемыми в отношении людей, находящихся на разных расстояниях. Если одно и то же действие затрагивает таких людей, их интересы приходят в конфликт. Жертва ради более близкого может принести вред более дальнему, или например, жертва дальнему может уменьшить благо ближнего. Тогда сохраняя баланс в одном месте, человек разрушает его в другом. Нет никаких формул, помогающих сбалансировать множественные вред/благо с квадратом расстояний. Как электрический потенциал вызывает силы и движение, так и моральное поле - моральные муки.

Ситуация усугубляется, если затрагиваются интересы многих людей или коллектива. Как тут найти правильную линию поведения? В результате, при выполнении личного долга перед близкими, человек может и даже склонен жертвовать не только своими интересами, но и интересами людей, отстоящих от него дальше. Даже язык не поворачивается назвать такое моралью, потому что истинная мораль требует жертв только от себя. Однако не всегда такое бывает возможно - жизнь вполне способна ставить человека перед жестким выбором, который тем тяжелее, чем ближе люди. В этом случае острота конфликта становится достойна высокой литературы, какой без сомнения является, например, известное повествование про казака и его сыновей.

- Растяжение поля

Жертвенная мораль может распространяться на животных, растения и даже на пейзаж. Если распространить ее максимально широко, мы получим всеобщую любовь, которая на первый взгляд вполне годится в качестве единой универсальной морали. Действительно, почему бы и не любить всех вокруг? Довести накал любви и мук до максимума? Эта идея, несмотря на все ее очарование и привлекательность, а также на всю глупость и разрушительность, имеет солидную основу. Она заключается в полном соответствии беззаветной любви биологической природе насильственного альтруизма, который был абсолютно необходим для выживания в эпоху геноцида. Распространяя ее на все человечество мы получаем универсальный алгоритм выживания в любых ситуациях, где стоит этот экзистенциальный вопрос. А поскольку такой вопрос периодически встает перед человечеством - то в виде убийственного вируса, то в виде нашествия инопланетян, то в виде проснувшегося чудовища - личная мораль, растянутая до бесконечности вширь и вглубь, оказывается единственным универсальным выходом. Конечно, растягивать ее таким образом надолго не получается. Но надолго и не надо. Катастрофы обычно быстро завершаются победой героического разума и жизнь продолжается в своем обычном, размеренном русле. Где общественная любовь уже оказывается как-то невостребована. Ибо, если бы каждый любил каждого, для обычной человеческой любви места бы уже не осталось.

Увы, идея всеобщей любви не работает даже в чрезвычайных ситуациях, где на принесение жертвы влияет и личное впечатление, и конкретные обстоятельства. Конечно, чем чрезвычайнее ситуация, тем больше жертвы и тем шире круг получателей, такие ситуации вызывают к жизни глубинные моральные механизмы, оживляют историческую память и сплачивают людей. Но и тут бесконечности быть не может. Жертвенная мораль рано или поздно превращается в моральный груз, если не ограничивается достаточно узким кругом и коротким временем, что очень хорошо прочувствовали выжившие участники коммунистического эксперимента. Растянутая чуть больше, чем надо, она вызывает подсознательное сопротивление, деление получателей на более и менее достойных, а даже вызывает неприязнь и враждебность к последним.

Даже люди, лично делающие пожертвования, регулярно занимающиеся благотворительностью, вынуждены делать выбор - кому, на что, сколько. Этот выбор не бывает объективным. Жертвуя, человек чувствует себя лучше. Это чувство вызывается ощущением близости, принадлежности к чему-то общему. Но чем больше причастность, тем сильнее отчуждение к непричастным. Следствие субъективности,

всегда и везде - ограниченность круга и деление людей.

- Извращение поля

Очевидная субъективность жертвы идет вразрез со всем, что мы ждем от "настоящей" морали - императивности, беспристрастности, универсальности и т.п. Выявленную нами "дефективность" реальной морали можно проиллюстрировать тем же рис. 1.7. Моральный профиль идеального (с точки зрения моралистов) человека выражается строгой горизонтальной прямой, лежащей где-то за пределами высоко. Чего очевидно быть не может. Человек не обладает бесконечным запасом жертв - у него и жизнь-то всего одна. Чем больше поднимается альтруистичная, левая часть, тем сильнее должна опускаться эгоистичная. Жертвы ради незнакомых не могут состояться "просто так", как бы нас не убеждали моралисты. В такой жертве изначально заложен конкретный смысл - совместная победа в борьбе. Когда эта проблема решена, альтруизм свободного человека ограничивается естественными потребностями и его поле выглядит примерно как на рис. 1.13. Тогда его жертвенность вызвана любовью и симпатией - она разумна и человечна, потому что близкие люди добровольно поддерживают свой субъективный баланс и не конкурируют с остальным миром, их даже нелепо противопоставлять. Но если жертвы вызваны "моральным долгом" в мирное, обычное время - они неоправданны, они провоцируют конкуренцию с другими и войну. Подобный моральный долг - это принудительное расширение морального поля на тех, кто в него не попадает естественным путем, на посторонних или почти посторонних. Такой долг возможен только во имя победы, а для победы нужен враг. Неоправданная жертва требует оправдания. Если есть "мы", должны быть и "они".

Таким образом, если как следует углубиться в эмоциональные корни морали, там можно найти даже ненависть - к чужим, к тем, кто мешает своим наслаждаться жизнью. Да, чересчур моральный человек обречен не только на любовь, но и на ненависть. Однако важно иметь в виду, что просто чужие, посторонние - еще не само зло, это те, кто не заслуживает жертвы. Мораль не одобряет целенаправленное причинение зла невинным, хоть и не своим. Но она вполне одобряет ненависть к тем, кто уже доказал свою злостность, изза кого поле искажается, изза кого требуются все новые жертвы. Не это ли доказывает беспричинная злоба верующих, чья религия требует "всеобщей любви", к тем, кто не разделяет этого требования?

Растягивание поля в ширину - не единственный способ его исказить и превратить в свою противоположность. К такому же эффекту приводит и необходимость разовых, но крупных жертв, требуемых героической моралью. Внешне, разница между жертвенной моралью и героической - в размере жертвы. Большая жертва предназначена не кому-то одному, а по крайней мере группе, коллективу, а лучше - всему человечеству, включая потомков. Ценность №2 как бы начинает размываться и тяготеть к №3. Но в любом случае, героическая мораль - разновидность жертвенной, ибо даже жертвуя собой ради человечества, жертвующий вероятно отождествляет его с конкретными людьми, которые победят, будут спасены и благодарны. Посторонним - т.е. истинному человечеству - жертва не нужна. Причастность к ним требует не разовой жертвы, а ежедневного созидания, общего дела. Другое отличие в том, что большая жертва, как впрочем и растягивание поля, уже не столько преодоление насилия своей эгоистичной природы, сколько насилие над ней. Такая жертва еще более настоятельно требует оправдания. И это, разумеется, победа над злом, которая оправдывает большую жертву

большим добром. Зло же, естественно, концентрируется во врагах - в тех, кто виноват в необходимости жертвы.

5 Конфликты морали и этики

- Насилие

Само сосуществование морали и этики в одном человеке приводит к их конфликтам, которые только усугубляются описанной противоречивостью морали. Различаясь в понимании добра, две сестры остаются верны себе и в понимании зла. Для этики, зло - распознанное и осознанное насилие, для морали - все, что причиняет ущерб близким. В этом источник уже знакомого нам конфликта "насильственная борьба - мирное просвещение". Этика ищет и требует не переходить черту, где должна остановиться мораль в своей ненависти к врагу, оставить поверженного, раскаявшегося и наказанного врага в покое и признать в нем абсолютно такого же человека - до тех пор, пока он не нарушит договор. Мораль жаждет конкретного, осязаемого добра, а значит - победы над злом, полной и безоговорочной. Для нее насилие не проблема. Было бы добро, ради которого оно необходимо.

Чрезмерное насилие к врагу - в конечном итоге следствие искажений морального поля, которые вызывают необходимость дополнительных жертв. Поэтому хоть она и конфликтует с моралью, этика на самом деле помогает ей, она устраняет насилие, искривляющее поле. Этический идеал - естественная форма морального поля, отражающая свободу человека. Никаких чрезмерных жертв и, соответственно, насилия к их виновникам, такое поле вызывать не должно.

Однако мораль способна на насилие и не только вследствие искривлений поля. Иногда, ради счастья близких необходимо уничтожить зло в них самих - будь то пагубные привычки, недостатки характера или неправильные желания. Этика, разумеется, противится этому как может. Правда сил тут у нее немного. В личных отношениях этика хоть и присутствует, но на заднем плане. О ней обычно вспоминают в моменты охлаждения отношений или в излишне конфликтных ситуациях, когда она приходит на помощь в виде твердой основы, на которую всегда можно опереться. Тут то и выясняется, что даже в семье правит бал не только любовь, но и семейная справедливость, требующая равного деления этой любви. И не только забота, но и право каждого на собственные вредные желания, свободные от заботливой опеки. Не говоря о праве на свободу от всякого "личного" насилия.

Подобное семейное или дружеское насилие, вызванное эгоизмом, когда любовью других пользуются словно оружием против них самих, всегда ощущается как перекос в отношениях. Аналогично, бывают ситуации, когда "трудно отказать" мало знакомому человеку, пользующемуся знакомством для собственной выгоды. Сама потребность в балансе личных отношений напоминает нам о том, что без этики, и лежащей в ее основе свободы, не может быть даже обыкновенной человеческой морали. И хотя конфликт в данном случае не между моралью и этикой, а скорее между эгоизмом и ими обоими, полезно упомянуть его дабы лучше понимать существо дела.

Описанная идиллия может создать превратное впечатление, что мораль и этика в конце

концов поладят. Перечисленные конфликты, действительно, наиболее простые и в принципе решаемые, ведь без насилия вполне можно обойтись. Увы, они не единственные. Во-1-х, нельзя не вспомнить о принципиальном противоречии между моралью и этикой. Сама основа морали - жертва - неприемлема для этики, требующей равного учета своих и чужих интересов. А отсюда недалеко и до во-2-х.

- Когда побеждает мораль

Исток второго, более актуального морально-этического конфликта - сложность равного учета интересов, которая проявляется уже в самой морали, еще до всякой этики. В наше время, когда посторонние исчезают из поля морального зрения, конфликт интересов, за редким исключением публичных должностей, почти не ощущается - предпочтение близких в ущерб посторонним выглядит как-то очень естественно. Но если в помощи, расположении или благодеянии предпочитать своих естественно, то нанесение в этих целях ущерба другим - уже переход за этическую грань. Конечно, в чрезвычайных ситуациях требовать от людей равного отношения к близким и чужим независимо ни от чего - аморально. Однако в нормальной, обычной жизни это вполне возможно. Тем не менее мораль, равно как ценность №2, имеет явный приоритет над этикой и ценностью №3. Психология "вся жизнь - борьба" не чужда не только обычным гражданам и представителям власти, но и прочим публичным и деловым фигурам, к чему у нас еще будет повод вернуться. Правда и тут уже появилась робкая надежда - клановая, классовая, этническая и прочая групповая мораль уже повсеместно распознается и местами даже осуждается. Так что весь этот пережиток племенного альтруизма обязательно исчезнет из нашей жизни.

На мельницу племенной морали льет воду конформизм - в том случае, когда интересы коллектива приходят в противоречие с этикой. Коллектив в этом случае играет роль расширенной семьи и давление морали совпадает с естественным желанием не выделяться, найти там свое место и не потерять его. Еще один подобный суррогат семьи - победители, которых "не судят". Корни этой снисходительности растут из все той же психологии преклонения перед сильными и почитания известных, которая отождествляет их с близкими, достойными родственного альтруизма.

Важный источник конфликтов морали и этики - сложность конкретизации общего блага, что может вызвать пренебрежение договором и победу вопиющей субъективности. Мораль в данном случае питает эту субъективность - человек считает важным и приоритетным то, что нравится, любит и зовет к жертве лично его. Те же родные березки, к примеру. При этом его личный на самом деле интерес кажется ему высоко моральным - он же не для себя, для других, для детей! Правильность личной конкретизации ОБ в подобном случае "удостоверяется" не рыночным договором, а насилием к несогласным.

Особенно острым может быть конфликт и последующая победа морали если дело касается борьбы за свободу и справедливость, которая ставит под удар близких и зависимых. Например надо открыто выступить в защиту невиновного, поставить подпись и т.п., но в результате пострадает не только подписавший, но и вся его семья. На подобном конфликте основано понятие "коллективной ответственности". Обратная ситуация - если подписывающий делает в остальное время важное дело ради той же свободы, но своей подписью в защиту невиновного ставит это дело под удар. Тут

спасение конкретного человека оказывается важнее дел во имя абстракций.

- Когда побеждает этика

Если моралисты опираются на жертвенную мораль в попытке решить проблемы общества, то идеологи пытаются решить эти проблемы несмотря на мораль. Вместо нее они предпочитают "научно-обоснованную" этику. Ожидаемо, успехи пропагандистов уступают успехам моралистов. Яркий, а может и единственный широко известный пример их успеха так впечатлил несознательных сограждан, что имя Великого Пионергероя стало навсегда сочетаться не с верностью идеалам, а с предательством близких. Но возможно ли общество, где люди настолько этичны, что всегда стоят на стороне общего блага? Не останется ли необходимость, а лучше потребность, свидетельствовать в суде против родственников лишь утопической мечтой?

Однако некоторые признаки зарождающейся эквивалентности можно найти уже в наше время. В конце концов истинное общее благо интуитивно ощущается каждым из нас без всяких идеологов. Особенно хорошо оно ощущается в случае физического насилия, уже осознанного и отвергнутого общественным разумом. Например, если грабеж банка у кого-то еще может вызвать приступы праведного удовлетворения, особенно, если таковой был сделан с целью помощи несчастным, то уже убийство в процессе грабежа невинного банковского сторожа - точно ни у кого. И в этой связи, что можно сказать о крайних случаях, когда преступники настолько позорят своих родных, что те просто перестают считать их родными? Можно предположить, что степень неэтичности (т.е. в данном случае ужас физического насилия) пока необходимо принимать в расчет, когда мы хотим выяснить, что имеет приоритет - мораль или этика. И если эта черта найдена, что мешает нам помечтать о будущем, где она сместится в сторону морали до самого конца? Что покрывать даже самые мелкие проступки даже самых близких станет этически неприемлемо?

Так что неизбежная, хоть и крайне отдаленная победа этики над моралью - скорее всего дело времени. ОЭ лежит в основе поведения свободного человека, и хотя в личной сфере поверх этики наслаивается мораль, она не может полностью задавить ее своим весом - даже долг перед близкими не избегает вопросов оценки и выбора. Сама противоречивая мораль прилагает к этому руку. А значит, этику, которая требует справедливо и объективно оценивать поступки всех без исключения, обойти не удастся.

- Иллюстрация

Уступая порочной страсти к рисункам, я решился опять прибегнуть к графике, дабы проиллюстрировать конфликт интересов (рис. 4.1). По аналогии с предыдущими рисунками, где вертикальная ось посвящена альтруизму/эгоизму, тут она его показывает в виде величины ущерба/выгоды близких. Горизонтальная показывает ущерб/выгоду посторонних. Графики соответствуют разным типам поведения, они изображают насколько интересами посторонних пренебрегают (или учитывают) в стремлении удовлетворить интересы близких.

В серой области располагаются моралисты и идеологи, требующие жертвовать всем ради посторонних. Графиков там нет, т.к. эти фантазии имеют мало общего с геометрией. Рассмотрим более реалистичные варианты. Объективно этичное поведение

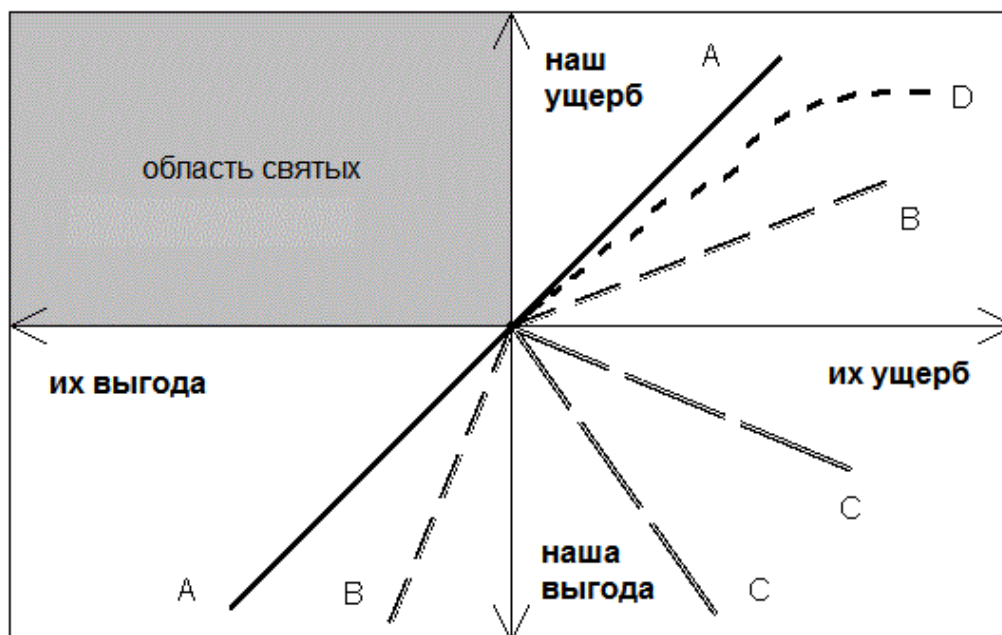

Рис. 4.1

описывается прямой А - интересы своих и чужих всегда точно совпадают. Излом ее в положение В означает предпочтение своих групповых интересов в отношении как выгод, так и потерь. Чем оно сильнее - тем круче ломается график. В конце концов ущерб другим людям становится возможен уже и ради выгоды своих. Тогда ломаная В переходит в положение С - это уже отъявленная групповая мораль. Чем луч С ближе к горизонтальной оси - тем поведение эгоистичней, даже криминальней.

- Чрезвычайные ситуации

Самый острый конфликт между моралью и этикой возникает в катастрофических ситуациях. Героическая мораль еще более субъективна и обычно пренебрегает любыми моральными учениями. (Человек, например, может помочь тому, кому в обычное время не подал бы и руки.) Воображаемое поведение изображено кривой D. Если возникает вопрос - спасти одного любимого или пятерых посторонних, мотивы приходят в жестокий конфликт, острота которого отражается градиентом перелома - до какого-то момента человек еще старается быть объективным, но когда вопрос встает ребром, думать и считать уже некогда. Чем больше необходимая жертва, тем легче человек использует посторонних и пренебрегает их интересами.

Впрочем, в таких ситуациях этика едва ли уместна. Можно предположить, что если бы мы бездумно распространили ОЭ на катастрофическую ситуацию, она бы там так или иначе не сработала, ибо с ее точки зрения жизнь одного так же важна как и жизни миллиона. ОЭ не одобряет вред никому и никак. Поэтому, в катастрофических ситуациях о этике можно говорить только условно. С другой стороны, в чрезвычайных ситуациях уже и сама мораль подавляется инстинктами. Если просто в обычной

ситуации долг - еще вопрос выбора, обсуждения и справедливости, то чем серьезней ситуация, тем меньше она оставляет человеку пространства для маневра.

Тогда например, если человек не может пожертвовать собой из страха, можно говорить о глубоком внутреннем конфликте. Но конфликт тут уже не между этикой и моралью, а между инстинктами и мы поэтому на нем не станем задерживаться.

6 Публичные отношения

- Формальность и поле

Мы уже столько времени обсуждаем объективную этику, что боюсь, мне уже нечего добавить. Но еще больше боюсь, друзья, что это меня не остановит. Поэтому продолжим. По контрасту с личной сферой, хотелось бы еще раз подчеркнуть полное отсутствие флуктуаций каких-то моральных полей. Человек в публичных отношениях - источник не личных эмоций, а возможностей и пользы для других, которые он предоставляет на основе твердого соблюдения законных интересов собственной персоны, как бесконечно малой части бесконечно большого общества.

В отличие от иррациональной жертвы, интересы и польза, не говоря о эквивалентности обмена, требуют максимально точного расчета и оценки. Поэтому в публичной сфере правильно не только то, что мы чувствуем правильным, но то, что мы считаем правильным, что обсуждено, оценено и принято в качестве нормы. С точки зрения ценностей, публичная сфера насквозь экономична в том смысле, что расчет и оценка требуют не только норм, но и независимого ценностного эквивалента - денег. Обменные ценности измеряются им и приобретают количественные значения - цены, и чем они объективнее, тем ближе идеал справедливого обмена. Строгая формальность процедуры измерения и обмена позволяет избавиться от случайности и субъективности - ценность становится возможно отследить, а отношения сбалансировать, чисто количественно. Цена превращается в формальную договорную норму, фиксирующую правильность любого экономического действия.

Но абстрагирование партнеров, проявляющееся в формальности, вовсе не означает равнодушия, а тем более враждебности! Напротив. Истинная, кристально-чистая формальность возможна только на основе абсолютного доверия, а то - на основе полной духовной общности и моральной эквивалентности. Вместо личного морального поля причудливо кривой формы (вспомним рис. 1.7) появляется одно общее на всех - идеально ровное и гладкое (AB на рис. 1.13), а вместо изоляции и отчужденности, человек чувствует причастность к нему и ко всем остальным. Этого требует нейтральность. Этого требует эквивалентный обмен. Этого требует свобода - она одна на всех, она и внутри, и во вне. Личные проблемы постороннего не волнуют, но нарушение публичных формальных норм, общественное насилие - забота каждого, а значит максимальное абстрагирование от всего личного и материального невозможно без внутреннего единства, всеобщей этической взаимосвязи. Если разрывается эта этическая связь, люди отчуждаются, им становится безразлично вообще все коллективное и социальное, они превращаются в полных эгоистов и индивидуалистов. Они ожесточаются, становятся одиноки и умирают, бессмысленно борясь за свои животные потребности. Но свободный, этический человек не одинок, он знает и

чувствует, что вокруг него множество таких же, думающих и чувствующих так же - хоть и не знакомых лично. Примерно, как мы чувствуем друг друга, друзья мои.

Таким образом, превращение партнера в абстракцию означает превращение его не в пустое место, а в нравственную единицу, в часть единого этического поля, выраженного формальными нормами. Можно сказать, что абстракция человека - это его концентрированная нравственная сущность, его достоинство. У него нет врагов, никто не пытается его унижить, обмануть или как-то воспользоваться им. Все стремятся учесть его интересы. Справедливая цена (с ударением на первом слове) - это не просто калькуляция. Это возвышенно, душевно и достойно человека.

- *Эмоции*

Поэтому эмоции тоже не исчезают, просто их источник теперь иной.

Обмениваясь посредством денег, люди стремятся к балансу, который в идеале должен быть абсолютно точным. Равный обмен отражает моральное равенство и приносит не только пользу, но - почти как в личной сфере - радость, которая никак не связана с выгодой сделки. Эта мимолетная эмоция может породить ощущение персонализации экономического обмена. Однако, на мой взгляд, подобная радость сродни чувству общности, которое возникает, когда ощущаешь неожиданное единение с незнакомыми людьми. Разве не приятно бывает играть с соперником, который строго следует правилам? У такого даже выигрывать не хочется! Так и тут. Радость справедливого обмена - это радость ощущения себя человеком среди таких же людей, когда никто ни с кем не воюет и все счастливы тем, что вокруг - порядочные люди. Это радость свободы.

В наше время, когда публичная этика слаба, а насилие велико, большинство людей не придают значения этим ощущениям, предпочитая сосредотачиваться на радости от выгодной сделки. В условиях нынешнего рынка ощущению единения попросту неоткуда взяться. Вероятно, сама идея эквивалентности может показаться большинству современников чем-то чужеродным - таким же, как понятие частной собственности какому-нибудь пещерному альтруисту, попади он в современность.

Однако в глубине души она присутствует. При мелких, частных и равновеликих покупках (т.е. с равновеликими партнерами, например на блошиных рынках, в мелких магазинах) ощущение взаимовыгодности обмена более заметно. Характерно, что оно сохранилось и играет значительную роль в восточных ритуалах взаимного торга между покупателем и продавцом, пока еще не разрушенных бесчувственным эгоизмом западного рынка. Обе стороны в итоге покупки должны испытать удовольствие не только собственной выгоды, но и от видимой выгоды и радости партнера. Это показывает, что хотя учет выгоды абстрактного партнера пока недоступен человеку, в личных экономических отношениях подобное стремление вполне очевидно.

Объективные цены формируются не безликими экономическими законами, но рассудком и интуицией, как частями этики договора. Люди всегда негодуют, если чувствуют что их "надули", навязали заведомо несправедливый, не взаимовыгодный обмен. Но точно так же, большинство людей испытывают дискомфорт, если сами по какой-то причине оказались в роли надувателей. Бывает, что мелкие торговцы поступают выгодой, если осознают чрезмерную несправедливость. Бывает, продавцы

меняют цены в зависимости от внешнего вида покупателя не только для того, чтобы сильнее его надуть, но и чтобы обмен был справедлив, пусть и субъективно. Многие люди не любят мелочиться выгадывая копейки, а некоторые торговаться, считая это унижительным. Мне кажется, в основе всех этих мотивов, как и отмеченной выше радости, лежит потребность в эквивалентности, сознание необходимости баланса. Публичный обмен тяготеет к справедливости, и разум ищет пути к ней.

7 Переходная зона

- Более знакомые

Личный обмен не переходит в публичный скачком. Возможно, когда-нибудь люди научатся точно видеть границу, но пока что между сферами есть переходная зона, где альтруистичное поведение смешивается с эгоистичным.

Так, знакомые оказывают друг другу мелкие услуги не требуя оплаты. Если услуга честно и сполна оплачена, отношения обычно завершаются, поэтому в личных отношениях ни деньги, ни оплата неуместны. В результате услуга, даже возмещенная равновеликой услугой, не исчезает в небытие, а остается в памяти как моральный долг. Поочередно возвращая друг другу этот долг, стороны лишь крепче привязываются друг к другу. Вырваться из этого круга достаточно трудно. Введение денег в расчет сразу показывает желание порвать личные отношения, перевести их в формальную плоскость, что обычно вызывает обиду. Использование денег намекает на поиск выгоды, а это неприемлемо среди друзей - например, дать другу ссуду под процент или уступить купленную вещь дороже. Однако для всего есть граница, которая в данном случае отделяет приемлемый размер услуги, от недопустимо крупной жертвы. Даже среди друзей чрезмерный размер помощи обязывает к поиску приемлемого вознаграждения, согласуемого со степенью близости в отношениях - "дружба дружбой, а денежки врозь". Эта трудно уловимая граница может приносить дополнительное напряжение. Отношения никогда не стоят на месте - люди становятся то ближе, то дальше, но взаимные неформальные обмены, если они оказываются в районе границы, вызывают необходимость поиска баланса и максимально равноценных компенсаций. Нетрудно догадаться, что упомянутая граница - то самое, что делит преимущественно личные отношения от преимущественно публичных, так сказать №2 от №1.

"Водоворот" услуг соблазнителен для тех, кто любит чувствовать себя морально выше. Оказывая без конца непрошенные услуги и отказываясь от благодарности, такие люди ставят других в моральную зависимость и наслаждаются своим положением, что рано или поздно приводит к охлаждению отношений и дает им новый повод порассуждать о неблагодарности, черствости и враждебном тонкой душе мире. Постановка другого в положение должника - изощренное моральное насилие. Человек жертвует не потому, что ждет ответных жертв. Если он рассчитывает на ответные жертвы, это навязывание и принуждение к более близким отношениям, чем того желает другой. А то и коррупция, лицемерие и подмена личных отношений выгодой - если получатель жертвы обладает некими желанными возможностями, которые впоследствии предполагается эксплуатировать.

- Менее знакомые

Услуга, оказанная незнакомыми или малознакомыми людьми, вызывает желание вернуть ее с тем, чтобы не ощущать себя обязанным. Что в перспективе, если рассматривать нормальные общественные условия, ведет к экономическим отношениям - продажа требует наценки, ссуда требует процента. Вблизи степень экономичности все еще умеренна, но чем дальше люди отстоят друг от друга, тем сильнее экономический аспект в отношениях. Если же услуга со стороны постороннего настолько большая, что не поддается денежной оценке, или не по силам должнику (например помощь в критической ситуации), человек чувствует себя обязанным навсегда и страдает от того, что не может равноценно отблагодарить. Этика требует абсолютного баланса. Долг, обязанность среди малознакомых вызывает внутренний протест, поскольку является признаком неравенства и зависимости. Зависимость естественна только между близкими. По этой причине также распространен отказ от подарка, когда его ценность переходит границу, не соответствующую близости отношений.

Помощь или подарок со стороны малознакомого человека есть шаг в личном направлении, шаг к завязыванию отношений, поэтому слишком прямой и скорый расчет также может вызвать неприятие и обиду. Сам расчет абсолютно необходим, но время расчета должно быть отодвинуто, чтобы уравновесить личный вклад человека - тот факт, что он сделал шаг навстречу, его моральный аванс. Таким образом, даже в самом факте откладывания расчета наблюдается необходимый баланс, который только и может в дальнейшем вести к более близким отношениям. Отодвигая время расчета, должник как бы принимает аванс личного доверия, соглашается с тем, что теперь обе стороны не чужие друг другу. И когда он предлагает наконец расчет, первая сторона выражает сначала ритуальный отказ, подтверждающий, что расчет не требуется, но после некоторой заминки и настаивания дающего, однако, принимает его. Вся эта игра возможно кажется со стороны натянутой и нелепой, но она важна, т.к. призвана балансировать отношения вокруг неуловимой моральной черты.

Подобные тонкости не замечают эволюционисты и экономисты, когда утверждают, что благодарность и сочувствие - лишь шаги в равноценном рыночном обмене, скалькулированном за нас эволюцией и генами. Но как можно сравнивать благодарность человека к врачу, который спас его от смерти с удивительным рационализмом, проявляемым экономистами, когда они предполагают, что врач поступил бы абсолютно оправданно, если бы просто назначал цену за свои услуги в зависимости от степени опасности болезни? Холодное наживательство на безвыходной ситуации или принятие последующей неформальной благодарности - абсолютно разные вещи и разница - именно в личном участии и личном отношении.

Иногда люди путаются в характере отношений и бывают неприятно удивлены, если другая сторона рассматривала их иначе, а тем более, если при этом намеренно вводила в заблуждения, притворяясь в желании близости. Часто такое встречается в отношениях полов, когда одна из сторон вместо чаемых чувств обнаруживает банальный расчет.

Различные оттенки эквиморальности не исчерпываются изложенным ни в малейшей степени. Отдельной темой, например, являются благотворительные пожертвования, которые люди праведные - полагающиеся на чувство долга - предпочитают делать нелично, а люди эмоциональные прямо наоборот. Другой темой являются услуги,

которые предназначены своей общине, например взнос в кассу взаимопомощи, и которые вознаграждаются уважением, авторитетом и вытекающими вполне реальными благами. Отношения между людьми могут изменяться в зависимости от социального домена или контекста в котором они находятся. Так друзья могут следовать формальностям, находясь на работе или исполняя какие-то другие публичные обязанности. А сотрудники, попав в частную обстановку, могут обмениваться чем-то личным. Но как бы многообразны не были проявления морали и этики, их всегда можно отделить друг от друга, особенно если хорошенько поразмышлять.

- Совсем незнакомые

Если попытаться использовать подарки в качестве насилия, то получится что-то типа асимметричного обмена. Как ни странно выглядит подобный обмен, он оказывается возможен в иерархическом обществе, где одна сторона обладает огромными ресурсами, а другая смотрит на первую как на члена семьи. Тогда в одну сторону текут подарки, а в противоположную - чувство личной преданности и подобоострастной любви. Раздача императорами хлеба вечно голодному плебсу - хороший исторический пример. В наше демократическое время к подобной "экономике подарков" сводится деятельность всякого правительства, желающего остаться у власти еще на один срок. Еще пример - деловая практика вполне рыночной корпорации, с рекламными целями раздающей образцы новых товаров или заманивающей купонами, баллами и прочими обещаниями будущих скидок.

Часто односторонние подарки являются не только причиной, но и следствием насилия. Я имею в виду подаяние. Вид несчастного человека - не слишком приятное зрелище, вызывающее сильные эмоции. Для эксплуатации их возникают целые отрасли по производству "несчастных", иногда к сожалению без кавычек - например, изуродованных взрослых и даже детей, чей вид способен разжалобить любое сердце. Поскольку полностью очистить публичную сферу от личных контактов вряд ли возможно, эмоциональное насилие, как и сопутствующие "подарки", регулируются только этикой. Разумеется, в этичном обществе никакое насилие подарками невозможно так же, как и сами подарки, как и жертвенные личные отношения, асимметричные или нет.

8 Разрушение сфер

- Насилие над личной сферой

Нюансы в оттенках отношений, равно как трудности с отделением сфер, составляют поистине бич нашего времени. Но еще больший бич составляет эгоизм, который вырвался из бутылки вместе с падением традиционных норм. Эгоизм разрушает все общество, но поскольку обе сферы опираются на разный тип нравственности, то и разрушаются они по-разному. Личная сфера атакуется по двум направлениям. Свобода экономического детерминизма привела к гипертрофированной роли денежного обмена, а появление прогрессивно (и позитивно) настроенной тоталитарной политической системы - к водопаду формальных норм на все случаи жизни.

Начнем со второго. Личная сфера оказалась под беспрецедентным давлением со

стороны государства и приближенной ему части общества. Можно даже сказать, что ее уже фактически нет. Цель атаки - полный контроль частной жизни, ее формальная регламентация и максимальное подчинение подданных. Как ни странно смотрится вмешательство в отношения любящих, власти и агрессивное большинство населения это ничуть не смущает. Отношения полов, родителей с детьми, аборт и эвтаназия, брачные контракты, семейная сексуальная жизнь - все это представляется атакующим интересным и важным. Принуждение к следованию формальным правилам приводит к разрушению личного доверия между людьми - ведь любые сложности в отношениях теперь легко могут быть решены, стоит только опереться на мощь государственной машины.

Не менее разрушительной для личной сферы оказалась либеральная рыночная экономика. Волчья конкуренция поощряет самые худшие инстинкты и формирует соответствующие ценностные критерии. Силы рынка для многих оказываются сильнее морали. Постоянное стремление к успеху, нужда в деньгах, а также предпочтение материального достатка семейным и любым человеческим ценностям, положенные в основу не только личного мировоззрения, но и целей общества, привели к невиданному расцвету экономики. И одновременно - загниванию личных отношений. В результате вместо цветущей семьи мы видим озабоченных индивидов, а вместо детей - стареющее население. Ибо дети никогда не были выгодны, в отличие от самого процесса. Вертикальный срез общества перестает функционировать не только в смысле естественного воспроизводства, но и в смысле моральном - жертвой становится сама жертвенная мораль. Вместе с формальным в личную сферу проникает расчет. Супруги начинают считать кто кому должен, а дети требуют свою долю. Родители отказываются помогать взрослым детям, а взрослые дети - престарелым родителям. Друзья предают друг друга, а лампочки в подъездах становятся добычей жильцов.

Насаждение рыночной психологии оправдывается учеными, убежденными, что сама непогрешимая эволюция рассматривает личные отношения с точки зрения выгоды и эффективности. Само собой, после поддержки столь мощного авторитета тотальная рационализация и экономизация человеческой жизни уже не выглядят странными. Напротив, все социальные феномены начинают легко объясняться эгоистичными интересами и циничным расчетом. Дети - это вложение на будущее, жена - инвестиции на всякий случай, мораль - необходимость репутации и успеха, а вся жизнь - одна Большая Экономика. Этот моральный недуг можно было бы назвать "конфузом наизнанку", по аналогии с уже знакомым конфузом без изнанки. Однако вместо того, чтобы описывать проникновение сферы денег в сферу любви, я сошлюсь на одну уже написанную книжку. Хотя это и противоречит моему склерозу, в данном случае я могу это сделать, поскольку смутно помню ее автора. Книга называется "Деньги или любовь" и она сэкономит нам много времени и места.

- Эгоизм в публичной сфере

Казалось бы, все перечисленное выше должно способствовать формированию сильной публичной сферы, раз уж даже личная оказалась опубликована до крайности. В реальности все получается с точностью до наоборот, что вероятно объясняется неким глобальным эквивалансом. Личное, не имея возможности процветать в кругу семьи, расплзается и процветает в публичной сфере, превращая ее в публичный аналог личной.

Однако, как и в личной сфере, основным разрушителем здесь все же является эгоизм. Поэтому прежде чем углубиться в экспансию морали, посвятим ему еще минутку. По аналогии с рис. 4.1 я хотел было нарисовать новый рисунок для ситуации формального обмена между двумя посторонними, но решил, что это уже перебор. Тем более, что он выглядел бы в точности так же. Эгоизм не оставляет этике шансов, сдвигая все публичное взаимодействие в правый нижний квадрант. Там мы мысленно видим различные моральные профили неэтичных людей (линии С), кто не стесняется получать выгоду в ущерб партнеру - от более-менее приличных экономических эксплуататоров до откровенных преступников. Чем совестливее человек, тем его график ближе к вертикальной оси. Только непривычно крупная выгода может сподвигнуть его на откровенную неэтичность, а то и явное преступление, и тогда его график изогнется навстречу кривой D не покидая, однако, квадранта. Конечные рецидивисты жмутся к горизонтальной оси - их чужие интересы вообще не беспокоят.

Победа эгоизма и здесь приветствуется той же частью ученых-идеологов. Эти проповедники жадности, конкуренции и бесконечной частной собственности стремятся доказать, что всякий луч С, выходящий из начала координат вправо вниз, на самом деле устремляется одновременно в левый нижний квадрант, магически сочетая личное и общественное блага. Т.е. стремление к безусловной собственной выгоде само по себе способствует благу всех благодаря невидимой руке рынка, незаметно перекалывающей из кармана в карман. Что вызывает серьезные сомнения, особенно в части направления перекалывания.

Конфуз наизнанку - идеология белого и пушистого капитала - заключается в том, что вместо порицания выгоды, свойственного моралистам, идеологи ее обожествляют, призывая к безоглядной свободе богатеть, обирая окружающих посредством свободных рыночных механизмов. Этот конфуз появился вместе с рынком, когда обнаружилась его животворящая сила, освободившая человека от прямого физического насилия и преобразовавшая публичную сферу. Особенно склонны к нему экономисты, рационалисты и просто богатые, кому рынок подарил чрезмерную свободу за счет всех остальных. Забывая о том, что общество пока еще основано на насилии, и даже отрицая саму возможность существования экономической его версии, они на полном серьезе утверждают, будто нынешнее богатство богатыми вполне заслужено и что надо всячески поощрять их накапливать еще больше богатств, ибо это помогает бедным, которые, без всякого сомнения, легко смогут накопить не меньше, если будут такими же трудолюбивыми и бережливými.

Примитивность подхода не должна удивлять. Любой конфуз - следствие примитивного мышления.

9 Моральный конфуз (МК)

- Корни конфуза

В то время, как богачи и либертарианцы, увлеченные борьбой с бедностью и этикой, вполне определились со своей совестью, большинство человечества все еще пребывает в тумане настоящего морального конфуза. Впрочем есть подозрения, что упомянутый

конфуз на самом деле тоже служит моральным прикрытием для эгоизма.

Еще раз, что такое МК? Это - порицание эгоизма (что конечно хорошо) и требование заменить его альтуизмом (что уже плохо). Иными словами - растянуть моральное поле за пределы личной сферы, наложить на всех неоправданный моральный долг и тем уничтожить публичную вместе со всей ее свободой. Напомню, откуда взялся МК. Мораль стремится объять необъятное и потому объявляет Свое Сиятельство единственным судьей добра. Вердикт однозначен - только жертва. И только всем, без исключений. Но особенно тем, у кого мало, теми, у кого много. Впрочем, излишки роскоши вызывают негодование независимо от морали, так что это скорее побочный мотив. Главный - добро не может быть половинчатым или частичным. Оно не имеет степеней и градаций. Иначе меньшее добро автоматически превращается в зло с точки зрения большего добра. Этот абсолютизм не укладывается в мозгах моралистов, пытающихся рассудком охватить мораль. Мораль, в отличие от этики, нужно только чувствовать. Абсолютность требований жертвенной морали (морали как идеи) никак и никогда не уживается с рассмотренной ранее субъективностью моральных проявлений (морали как мотива). Это противоречие, собственно, и есть суть конфуза. Идея морали, ветвясь от коллективных корней, питается не столько чувствами, сколько разумом и поэтому конец процесса несколько противоречит его началу. Если сами личные эмоции субъективны, то их осознание уже претендует на всеобщность и абсолютность. Примерно так же, как субъективные ощущения от окружающей физической реальности порождают осмысление мира, кажущееся нам вполне объективным. И если истинность реальности требует взгляда со стороны (как кстати и этика), то мораль предпочитает вариться в собственном солипсизме. Идея морали - рассудочный феномен, неудачная попытка осмыслить чувства и найти то зерно, откуда растет все дерево. Человек не может без объяснений, а абсолют - единственное возможное объяснение необходимости жертвы.

- Цветы конфуза

Светоч морального конфуза указывал путь к добру с истоков человеческих времен, правда умудряясь светить точно назад - в коллективный "золотой век". Мудрейшие из мудрых, начиная с древних греков, искали способы вылечить богатство добродетелью и изгнать страсть к наживе из человеческого общества. В этот плен попали большинство религий, философских учений и идеологий, которые дружным хором призывают нас распространить личную жертву на всех живущих, а некоторые - и на тех, кто только собирается. Так, христиане обнаружили, что мы - не что иное как проводники божьей любви, утилитаристы - что цель всякого действия всеобщее счастье, деонтологи - что на нас лежит долг помогать друг другу, социалисты - что нам есть прямой практический смысл делать это. Самым вопиющим примером без сомнения была (а может и есть) идеология коммунизма, основатели которой строго научно расширили принцип семейной экономики "от каждой по способностям, каждой - по потребностям" сразу на огромную страну. Примеры бесконечны. Каждый моралист отличился тем, что призывал к жертве во имя соседа. Лучшие из них делали это бескорыстно, остальные - с тайным умыслом оказаться среди выгодоприобретателей. Что и понятно - бессмысленность требований слишком уж явно идет вразрез со здравым смыслом.

Идеи мыслителей находили живой отклик на практике - в регулировании цен и контроле над торговлей. Правда, жизнь неизменно брала свое и несправедное богатство

нисколько не стремилось попасть назад - в руки обманутых и обиженных. Примерно, как оно себя ведет и сейчас. Приходилось применять революционные меры. Но за очевидной классовой ненавистью и героической борьбой за справедливость не следует не замечать МК, который морально освящая жажду крови неизменно поворачивает победителей против самих себя. Дорвавшись до чужой собственности они обнаруживают, что вблизи богатство выглядит вовсе не так плохо, как издалека. Пелена конфуза спадает, а привлекательность морали стремительно падает.

Эти бесславные результаты доказывают очевидное - жертвенная мораль совершенно непригодна в качестве социального маяка. Жертва бессмысленна, если коллектив ни с кем не борется - тогда она ведет к чужому успеху вразрез собственному. Но это именно то, что происходит, когда все человечество превращается в один большой коллектив и его выживание не ставится под сомнение. А это - то состояние к которому идет общество. Мораль в публичной сфере вредна не только тем, что тянет назад в пещеры или мешает работать рынку. И даже не тем, что успешные но совестливые теряют стимулы и стыдятся своего успеха. Она отрицает сама себя. Попытки растягивать моральный потенциал шире, чем это ему свойственно, ведут прямым к обратному результату, вызывая раздражение, недоверие и враждебность. Любить незнакомых - аморально и неестественно. К такой любви можно только принудить. Откуда и результат. Но и это не все. На другом конце - неудачники, воспринимающие свою неудачу как нормальное явление. Получатели обезличенной помощи не могут оценить ее, потому что только в личных отношениях проявляется ее ценность и чувство взаимности. Они не чувствуют ответственности, они воспринимают помощь как должное. Но помощь всегда должна восприниматься как жертва, требующая возврата. Она должна стимулировать. Только помощь со стороны конкретных лиц способна на это. Такая помощь мобилизует силы, мотивирует желание добиться успеха и вернуть долг. Никто не хочет чувствовать себя обязанным, это унижительно. Размазывание морали на всех обесценивает жертву и выхолащивает ее смысл. Помощь - если причина не катастрофа - не может быть не только насильственной, но и массовой. И религия всеобщей жертвы, и идеология всеобщей социальной помощи одинаково вредны и обе они доказали свою полную практическую бесполезность.

- Прикрытие эгоизма

Также МК помогает эгоизму. Во-1-х, пропаганда высокой морали несет прямую пользу получателям жертвы. Чужая моральность всегда выгодна тем, у кого со своей проблемы. Во-2-х, поддаваясь моральному позыву легко умаслить свою совесть и с новыми силами пуститься во все тяжкие.

Первый случай мы кратко коснулись в разделе про ложное общее благо, чья главная ложность как раз и заключалась в благе некоторых в ущерб остальным. Какая связь между конфузом и ложным общим благом? ЛОБ - универсальное понятие, охватывающее все типы ошибочных этических идей, питаемых как жертвенными, так и эгоистическими мотивами. МК лежит в основе более узкого класса подобных идей, он ограничен жертвой во имя незнакомых, оправданием чему и служит соответствующее конкретное ЛОБ - моральный абсолют, красиво и убедительно преподнесенный (левая часть рис. 3.6). Удачно придумать такую моральную ценность - очень практичный способ протащить мораль в публичную сферу.

Подобных ценностей придумано множество, в масштабах от локальных до всего человечества - универсальные права человека, любовь к ближнему, патриотизм, социальная справедливость, зеленая энергия, спасение планеты... Соответственно велики и масштабы получателей выгоды, которые разрастаются от социального слоя до стран и целых континентов. Не говоря о количестве тех, кто стоит на раздаче подобных благ. Разумеется, чем больше коллектив, тем чужероднее там выглядит жертвенность, но и ложное благо меньшего масштаба бывает не менее аморально благодаря отчетливо заметным в нем корыстным мотивам. К примеру, благо формального коллектива. Сотрудникам компании прививают бригадный патриотизм и коллективную ответственность за результаты, или же они сами становятся друзьями. Но в любом случае человек оказывается заложником других - он вынужден перерабатывать, чтобы не подвести команду. Им также внушают чувство локтя, "дружной семьи", гордости за компанию, работать в которой оказывается престижно, отчего человек должен чувствовать необходимость работать больше и лучше. Подобная жертвенная верность фирме безусловно экономически выгодна ее владельцам. Законный частный интерес индивида становится источником стыда, а заботливо подсказанный путь к моральной высоте и чистоте, а также благосклонности начальства, оказывается лежащим через служение "общему" делу - процветанию чужого бизнеса.

Победа эгоизма над моралью в процессе реализации ЛОБ практически гарантирована. Даже если исходное ЛОБ питалось искренним, хоть и ошибочным альтруизмом, в течении своего жизненного цикла оно привлекает всевозможных проходимцев, которые используют его в корыстных целях. Отсутствие ФП как критерия истинности блага предоставляет для этого все возможности. В результате всякая моральная идея через некоторое время превращается в лохотрон.

- Благотворительность

Второй случай проявляется в благотворительности. Если говорить о серьезной, организованной филантропии, о которой мы еще не говорили, то тут все ясно и так. Ограбив население, грабитель вдруг проникается заботой и творит "благо". Но, само собой, не объективное, удостоверенное договором, а выдуманное, привидевшееся ему в сытых снах. Надо ли удивляться, что большая часть "благотворительности" идет на крупные проекты с целью увековечить имя человеколюбца? Или на охрану своих классовых интересов? Как, вы можете спросить? Поддержкой политиков, активистов, журналистов, ученых, интеллектуалов и остальной хоть и культурной, но бедной элиты. Так формируются невидимые личные связи, полные признательности и благодарности. Посмеют ли лучшие и талантливейшие кусать руку дающуюю?

Но и оправданная помощь нуждающимся тоже способствует эгоизму - и принимающих, и дающих. Филантропия позволяет любому богачу из образцового негодяя мгновенно превратиться в ответственного члена общества, показывающего пример не только делового успеха, но и нравственного совершенства. Надо лишь выделить номинальную сумму на богоугодные дела. Чтобы убедиться в силе подобного морального лекарства, достаточно заметить, как модно "милосердие" среди тех самых слоев, что когтями и зубами охраняют свои привилегии. В этой замечательной метаморфозе отражается вся несокрушимая мощь морального конфуза. Но богачи - еще не все выздоравливающие. Не менее бодро себя чувствуют целые страны, помогая тем, кого они предварительно обобрали в экономической или колониальной войне.

С точки зрения публичной сферы благотворительность не только бессмысленна, но и вредна. У всех есть нужда в чем-то, и у всех есть избыток чего-то. Рынок регулирует этот вопрос. Вне рыночный механизм не только заведомо неэффективен, но и противостоит рынку. Кто сможет конкурировать с тем, что предоставляется бесплатно? Конечно, рынок может быть неэффективным, особенно если в нем мало этики. Но благотворительность не освобождает рынок, а нагружает его новым насилием. Она искажает стимулы, отвлекает ресурсы, смещает приоритеты. Чем эффективнее организованная бюрократия, тем менее эффективен рынок. Под эффективностью в данном случае я понимаю максимальную свободу обмена и достижения ОБ.

Публичная сфера требует ясности. Как получилось, что у одних есть ненужные ресурсы, а у других нет нужных? Не важнее ли начать с этого? И не получается ли, что оправданием благотворительности, мораль на самом деле оправдывает и саму эту ситуацию, и ее причины? Паразитирует на несправедливости и лишает стимулов к честному договору? Личное милосердие может стать следующим шагом человека после того, как выравнены социальные условия, преодолено экономическое насилие и отдано несправедливо приобретенное. Но что, кроме совести чей голос заткнут кляпом лицемерия, способно остановить эгоизм нынешнего рационального индивида? Объективная этика? Да где ж ее теперь взять?

- Эмпатия как повод к насилию

Моральный конфуз подпитывается эмоциями. Есть неравнодушные люди, которые очень отзывчивы к чужим бедам, несправедливости, всевозможным социальным болезням. И под их влиянием готовы на крайние меры принуждения. Крайне аморальные то бишь. Истребить социальное зло может только этика. Эмоциональному человеку следует спросить себя - на какие жертвы он лично пойдет в борьбе с всевозможным злом? И если он не готов отдать все, а согласен только на 30%, следует ли ему стыдить, убеждать и принуждать всех остальных именно к 30%? А может к 10%? А может тогда лучше ограничить свою доброту конкретными людьми - теми, кто рядом? Где можно быть действительно, непосредственно полезным? Где можно лично видеть результаты, а не полагаться на кого-то в правильном распределении его 30%?

Не следует обманывать себя, что с ростом масштабов благой деятельности растет и распространяемая благодать. Логику "бесприбыльного" бизнеса мы уже рассмотрели. Бизнес в масштабах государства - точно такой же. Принуждение всех не решает проблему и не уменьшает нагрузку на каждого. Никто не сможет распределить ни 30%, ни 10% так, чтобы от них была та же польза, как от личного участия.

Кстати, о эмоциональности. Друзья, вам не приходил в голову вопрос - как вообще возможна, с точки зрения морали, реклама благотворительного фонда, изображающего умирающего от голода ребенка? Да, вы не ослышались, реклама голодного ребенка? Да еще обращенная к людям, которые сами обобраны с ног до головы? Есть семьи, приютившие и воспитавшие сирот. А есть - организующие кампании по сбору средств на сирот. К счастью отличить эмоционального человека от лицемера бывает нетрудно. Есть большой шанс, что чем вдохновенней реклама, тем меньше совести. Насильственная, как минимум эмоционально, благотворительность, как и всякое насилие, общество не спасет. Но как быть, если количество нуждающихся вызывает

отвращение к жизни? Значит, пришло время задуматься об объективной этике.

- Презрение к выгоде

Проявления МК многообразны и, в качестве одного специфического, но весьма характерного и актуального примера, можно привести отношение, а вернее преклонение, перед бесплатным. Не тем, что можно получить даром, а тем, что надо делать даром. Высокий моральный посыл, содержащийся в презрении к выгоде, стал особенно модным с размножением творческих работников, ростом их свободного времени и увеличением легкости распространения интеллектуальной собственности. Как говорится, люди творят для души, а не для денег. Согласитесь, друзья, эта тема прямо касается будущей книги!

Бесплатное - не только развлекательное, но и практически полезное, например программное обеспечение - стало синонимом нравственного. Если человек трудится за спасибо, ради идеи, из любви к человечеству - он больше не святой, он обыкновенный. Это те, кто хотят денег теперь мелочные и скаредные. И потому бессмысленным законам об авторских правах и патентах, призванным выдать из потребителя последнюю копейку, противопоставляется "право" потребителя на бесплатную интеллектуальную собственность. С одной стороны - корпоративная жадность, с другой - индивидуальная. Так МК в очередной раз доказал очевидное - альтруизм выгоден.

Между тем, работа даром вполне нормальна, но лишь в личной сфере. Когда делают просто для удовольствия. Когда есть совместное дело, участие в котором приносит радость общения. Удовольствие - всегда лично. Для него достаточно личного отзыва, личной благодарности, личного признания. Совсем иное - публичная сфера, где общее дело возможно только формально, где нет никого, кроме безликих потребителей. Работать для них бесплатно можно только если иначе не получается, если творчество необходимо как воздух. И если оно оказалось никому не нужным, это признание его бесполезности, хоть и возможно временное. В этой ситуации может показаться, что даже бесплатное потребление продукта - благо. Но это иллюзия. Неоплаченный труд все равно бесполезен - договор не состоялся. Взятое бесплатно может использоваться, а может оказаться выкинуто - как узнать? Оплата, пусть символическая - единственное признание нужности. И соответственно, бесплатный продукт - признак не высокой морали, а, в лучшем случае, конфуза. А в худшем - знак неудачи. Если это, конечно, не хитрый - и неэтичный - способ захватить рынок.

Что касается книги, нет сомнений - ее следует продавать дорого. Или отдавать даром.

- Победа этики

Справедливости ради надо заметить, что живучесть морального конфуза имеет определенные оправдания в обществе, пронизанном насилием, как экономическим, так и физическим. В этих условиях моральное порицание богатства находит отклик даже в моем сердце. Когда я думаю, чью сторону принять - самодовольных богачей с их экономическим изъятием моей свободы, или сконфуженных моралистов, с их физическим ее изъятием, я безнадежно застреваю где-то посередине. Противопоставление жертвы и выгоды, с безусловным приоритетом первой, была базовым, и вероятно оправданным, моральным мотивом многие тысячелетия прямого

физического насилия, пока не появилась надежда на массовый рынок, способный освободить человечество. Но злоупотребление рыночными механизмами оказалось ничуть не лучше. Тут-то и стало ясно, что ни алчность, ни жертва в одиночку не способны на это. Остается баланс. Экви, так сказать, валентность и экви-моральность.

Однако, чтобы добиться этого блестящего результата, нам придется серьезно разобраться с моралью. Эгоизм понятен и потому не так опасен. Но в каждом из нас глубоко сидит поклонение жертве, как символу добра, а также презрение к деньгам, как разрушителям личного. Не говоря о тяге к соблазнительной простоте абсолютов. Ветви морали, выросшей с единственной целью - выжить, скотив из отдельных особей коллектив, так густо переплелись, что пока не впускают в коллективный разум мысль о том, что свободный человек обязан сам решать, что хорошо и что плохо. Мораль в публичной сфере - это моральное насилие во имя самой морали. Впрочем, есть надежда, что объективная этика рано или поздно пробьется в общественный разум. Ее способность противостоять мракобесию проистекает из того, что она предлагает хоть и морально-альтернативные, но истинные ценности. Требования этики, в отличие от морали, опираются не на прошлое, а на будущее. Так что все впереди.

10 Субъективное и объективное

- Пришельцы

Экспансия морали, эгоизм, неясность границ сфер, конфликты морали и этики - еще не все трудности, что подстерегают нас на пути к общему благу. Есть проблемы и посерьезней. Как этика подспудно присутствует в личной сфере под гнетом морали, так и мораль присутствует в публичной сфере под гнетом этики. Точнее, не сама мораль, а ее эмоциональные предпосылки, которые проникают в наше поведение в виде субъективизма, проявляющегося во всевозможных чувствах, "персональном" отношении и соответствующем желании сделать что-нибудь хорошее. Или плохое. И избавиться от него сложно, ибо даже взаимодействуя с абстрактным посторонним, мы обычно имеем дело с живым человеком. Абстракции в реальной жизни, к сожалению, не водятся.

Как же внедрить ОЭ в жизнь? Возможна ли вообще объективная этика отдельно от субъективной морали? Давайте отвлекусь на пару минут, помечтаем и заодно проведем мысленный эксперимент по полному и окончательному отделению сфер. Предположим, к нам прилетели инопланетяне. Между нами не только нет ничего общего, мы вынуждены взаимодействовать не видя и не слыша друг друга. Поскольку трудно представить, что между нами сразу возникнет любовь, посмотрим как заработает, и заработает ли, публичная этика. С чистого, как говорится, листа.

Возможно кто-то воскликнет - зачем нам в такой ситуации какая-то этика? Разве человечеству не важнее было бы воспользоваться шансом и получить от гостей источники бесконечной энергии, супер-оружие и тайну вечной жизни? Разумеется. Но достаточно ли для этого будет просто очень попросить?

Вот, значит, они прилетели, зависли на орбите и мы не знаем что делать. Как бы не спугнуть. Первые шаги в контактах поэтому будут осторожными и исследовательскими. Надо установить приемлемые способы обмена информацией, доносящими

информацию куда надо и не вторгающимися куда не надо. Любые такие попытки - это риск и, одновременно, выстраивание доверия. Если окажется, что пришельцы привыкли общаться путем прямого внедрения фрагментов ДНК или нейронных структур, нам не повезет. А им - если бутылка с нашим письмом пробьет обшивку их корабля и снесет его с орбиты. Но будем оптимистами - выиграет тот, кто проявит инициативу. Будем считать, что самоотверженность, а фактически - альтруизм, проявленный кем-то из нас в виде готовности всем рискнуть, не имея никаких гарантий, окажется не напрасным, и канал обмена будет найден.

Дальше надо разобраться с кодированием информации. И опять мы сталкиваемся с проблемой - как бы сделать посланные сигналы не просто понятыми, но еще и за приемлемое время. Как ни странно думать о таком, но кодирование - это, как знают программисты, проверка и уровня развития, и интеллектуальных способностей. И хотя радость от встречи к тому моменту наверняка достигнет пика, нервозность, досада и раздражение накапливающиеся после повторных неудачных попыток понять друг друга - не очень хороший советчик. И опять, кому-то придется утереться и переступить через свои комплексы. А это альтруизм. И даже жертва.

Теперь надо бы определиться с общими ценностями. Как ни альтруистичны наши попытки пообщаться, без понимания того, кто и как настроен, дружбы быть не может. В чем смысл дальнейшего обмена информацией, если он никому не нужен? Каким образом нам удастся подружиться, я даже ума не приложу. Но в основе должно лежать что-то универсальное, и интуиция подсказывает, что это будет свобода. Заверения в полной нейтральности и мире - т.е. неприменении насилия - это первый шаг в сторону общих ценностей. Сюда же попадает понимание цели визита - практическая или развлекательная? Научная или торговая? Как долго они наблюдали за нами? Или шпионили? И кто кому первый должен верить? Тут наверное надо обязательно раскрыть информацию - если предположить, что мы продолжим обмен - ибо никакое доверие окажется невозможным, если кто-то что-то утаивает. И опять кто-то должен взять на себя смелость.

Взаимная честность приводит к окончательному пониманию и возможности договора. Но как перейти от заверений к делам? Как убедиться, что искренность не притворна? Вероятно, следующим шагом должно стать нахождение материального эквивалента ценности. Как принято у нас, и я думаю, у всех, для искренности надо подарить что-то, но если нет общей ценности - подарок не состоится. Стекланные бусы и огненную воду мы уже проходили. Как найти ценность? Как сделать, чтобы было скромно и со вкусом, а не обрушило нам всю экономику? Кто-то должен взять на себя хлопоты по согласованию всего этого, попутно проявляя все больше доверия. Надо упомянуть и установление культурных ценностных рамок. Не все же можно менять на деньги. Может им нужна наша кровь? Также никто не знает, что является запретным в наших культурах. Установление рамок - это пробы и ошибки, готовность к риску оскорбить, а также терпимость, и деликатность. Представьте, что инопланетяне выльют на нас поток информации, которая покажется нам возмутительной? А мы? Не заклеят ли нас наше поведение в глазах инопланетян как отсталых дикарей и вечный культурный мусор?

Похоже все прошло отлично и обмен налаживается. Но чем дальше, тем вопросов больше. Как насчет эквивалентности? Справедливости? Что если у кого-то окажется

много ценного, а у других - почти ничего? Ситуация богатых и бедных, сильных и слабых - чем она чревата? А где границы собственности? Как делить ресурсы, например, солнечной системы? И риск, и альтруизм не уменьшается, а растет!

Впрочем, пора остановить наш полет фантазии. Главное мы видим. Процесс взаимодействия с пришельцами, даже если наша фантазия безгранично наивна - это процесс возникновения норм публичной этики, но возникновение в результате прогресса личных, как ни парадоксально это в данном случае звучит, отношений - последовательного альтруизма, уступок, риска, доверия и т.п. И что важно, не только сам этот прогресс ведет к балансу отношений, но и сам он уже основан на балансе - в виде эквивалентности уступок и их возмещения. Почему-то я уверен, что альтруизм захочется проявлять каждой стороне по очереди. Иначе обмен покажется односторонним и каким-то неприятным, доверие - неискренним, а результат - безобразным. Мне даже страшно себе представить ситуацию, когда отношения испортились, контакты прервались, но они не улетают к себе, а молча висят над нами, висят... Так и сон можно потерять! Впрочем, в нашем эксперименте стороны в слишком разных весовых категориях, отчего вероятны нюансы. Возможно, старшие братья будут к нам снисходительны.

В заключение отметим, что как и в случае нашей земной, привычной публичной этики, она возможна только при условии отсутствия чего-то чрезвычайного. Ведь ясно, что сценарий будет совсем иным, если пришельцы окажутся не космическими торговцами, а обломками кораблекрушения, катастрофически нуждающимися в пристанище и готовыми ради куска хлеба на все.

- Проблема оболочки

Что же показал эксперимент? На первый взгляд, немного. Нет никакой объективности и, соответственно, объективной публичной этики. Все было чисто случайно, наобум, из подручных средств. Нами двигала не объективная польза обменов, а любопытство и бескорыстный научный интерес. Что толку в нашей объективности, если инопланетяне ее не понимают? А мы - их. Позвольте друзья, по праву их представителя, уточнить этот вопрос. Технические проблемы, которые мы героически преодолевали, специфичны для нашей уникальной ситуации. Наши культурные оболочки определяются факторами, далекими от объективности - формой разума, условиями эволюции, историей науки/общества. И в результате те нормы, что были найдены - а они все же были найдены - оказались субъективны. Но заметьте друзья, при этом этическое ядро у нас оказалось одинаково - иначе мы бы не договорились. И мы, и они отвергаем насилие и, следовательно, стремимся к ОБ. Обе стороны следовали ФП, единственной общей для нас норме - нас никто не заставлял, мы хотели договориться, искали все возможные пути для этого и, конечно, учитывали обоюдные интересы. Будь оно иначе, мы бы увидели, или вернее уже не увидели, упомянутый выше иной вариант развития событий.

Эксперимент лишь показал, что объективное не существует вне субъективного, оно проявляется через него. Отношения между посторонними так или иначе происходят через личный контакт, опираются на коллективные традиции. Нормы этики зарождаются в субъективных условиях узкого коллектива, но приобретают объективные черты по мере его расширения, отчуждения и появления все новой публики. Чем

больше коллектив - тем объективнее нормы. Как расширение коллективов на Земле нивелирует самобытность культурных традиций, уничтожает оболочки и формирует всеобщие мировые нормы, так и скорый прилет инопланетян, можно надеяться, поможет нам продвинуться к объективности и перейти на новые, еще более универсальные нормы, особенно, если наши встречи станут постоянными. Дружба с инопланетянами располагается недалеко от правого края на рис. 2.3. Нам необходим жесткий протокол, где все расписано до последней мелочи, чтоб никто не подумал лишнего. Но протоколу этому неоткуда взяться, что подчеркивает абсурдность ситуации (не в смысле их прилета, а в смысле идеальной объективности). В пределе мы имеем идеальный ФП, но необходимо его воплощение в реальных нормах. И пока где-то есть неземная жизнь, эти нормы будут субъективны. А поскольку мы этого окончательно никогда не узнаем, таковыми будут не только его воплощение, но даже его понимание нами.

А может все проще? Те же пришельцы. Разве ОЭ не требует оставить посторонних в покое? Пусть летят куда летели. Дело в том, что уже поздно. Информация все меняет - разница возможностей становится очевидной. Члены малых коллективов оказываются в ущемленном положении. Их возможности меньше, их нормы менее объективны и, следовательно, они менее свободны. Фактически мы видим удивительный пример насилия оболочки над ядром. Культурное, так сказать. Для иллюстрации сравним нас и их. У нас - захолустная планетка с диким населением. У них - все-вселенская цивилизация, охватывающая пять тысяч триллионов галактик. И их культура нам принципиально недоступна. Как мы можем быть равны в свободе? Конечно мы, друзья, свято верим в то, что братья нас не оставят и согласятся подкорректировать нам генетический код и мысли в голове. Но согласятся ли земляне? Не станут ли они гордо цепляться за свою биологическую традицию? И не покажется ли, не дай бог, инопланетянам в результате, как это кажется каждому революционеру, что проще убить, чем убедить? А самое неприятное то, что объективная этика вовсе не гарантирует нам спасения - она не нуждается в существовании человечества. Если человечество, в силу своего захолустного эгоизма, начнет играть реакционную роль, противостоять свободе и вредить делу ОБ, оно подлежит в лучшем случае карантину, а в худшем - сами знаете чему.

Процесс движения к ОБ, свободе и объективности требует постоянного расширения коллектива и преодоления субъективного, что и проиллюстрировал наш эксперимент. В этой проблеме есть две стороны. Первая - борьба с лично-субъективным в рамках родного коллектива, где человек родился и вырос. Таким образом в коллективе утверждается ОЭ, что служит предпосылкой самой возможности его дальнейшего расширения. Вторая - преодоление межколлективной оболочки, где субъективизм даже сразу и не заметишь. Этакое коллективно-субъективное. Ну кто бы мог подумать, например, что вся наша биология, не говоря об истории - насквозь субъективна?! И чем тверже оболочка, чем прочнее устоялся коллектив и его традиции, тем сложнее их преодолеть.

11 Личная субъективность

- Сходство и различие

Вернемся на землю. К счастью, у нас на Земле проблема преодоления культурных оболочек не стоит так остро, как у пришельцев. С одной стороны, коллективы почти перемешались и не разберешь, где посторонний - член нашего коллектива, а где - чужого. Уже многое сводится только к личному контакту, личной оценке и личному мнению. С другой, мы тут все более-менее похожи, и эта похожесть - то субъективное, что могло бы усложнить наши и без того непростые проблемы с пришельцами. Похожесть и помогает, и мешает объективности, нейтральности и взаимопониманию. Скажем, мы по-разному относимся к млекопитающим, которые вызывают у нас нежные чувства, и насекомым, которые вызывают прохладные. Первых мы охотно берем к себе домой и даже в постель, а вторых - жестокосердно выгоняем наружу. А ведь и те, и другие имеют одинаковое право на наше тепло! Так что есть шанс, что пришельцы будут нас не слишком располагать к себе. Однако, еще с третьей стороны, симпатия и антипатия могут возникать произвольно и без всякой видимой связи со степенью похожести. Люди, например, предпочитают пушистиков хотя давно очистились от лишнего пуха, не говоря о хвосте, в то время, как крысиный хвост и вообще гладкая кожа кажутся отвратительными. Или, например, если четвероногие кошки и собачки - наши верные друзья, то прямоходящие гориллы и орангутанги вызывают в лучшем случае благожелательное любопытство. Не потому ли что слишком похожи?

Похожесть имеет и более тонкие нюансы. Некоторые люди предпочитают жить среди представителей своей расы или национальности, некоторые - прямо наоборот. Некоторые влюбляются в тех, кто походит на них самих, некоторых влечет экзотика. Но даже экзотика имеет пределы. Последнее время стали появляться роботы предназначенные для любовных утех. Однако как известно, чем больше роботы напоминают людей, тем они неприятнее. Я думаю, это потому, что мы к ним еще не привыкли, как и к инопланетянам. Не преодолели коллективно-субъективную оболочку. Но если в случае роботов вопрос ясен, то остальные примеры еще оставляют место для размышлений.

Так где же источник наших эмоций - в личном впечатлении или генах, архетипах и прочих фантомах бессознательного? Неизвестно. Лично-субъективное в общем случае не так-то легко отделить от коллективно-субъективного. Но мы, покуда лишены возможности сравнить человека с вземным разумом, будем полагать, что наша похожесть не слишком мешает объективности. Люди достаточно различны, чтобы коллективная субъективность не препятствовала моральной автономии, и одновременно достаточно похожи, чтобы личная субъективность не препятствовала консенсусу.

- Насилие личного

Возьмем симпатию, коей безусловно достоин любой представитель разумной жизни. Хорошее, светлое чувство. Люди вообще эмоциональные существа. Эмоции возникают легко, а подавляются с трудом. И то сказать - многие ли из нас подавляют симпатию? Личные отношения начинаются с нее, а без личной сферы мы пока жить не научились. И в этом - серьезная проблема сферы противоположной. Если антипатия легко осознается как нечто мешающее объективности, то симпатия прямо таки подавляет способность мыслить нейтрально, что может привести к трагедии. Разве насилие, то есть зло, вызванное чем-то хорошим, не трагедия? А симпатия - это же хорошо, правда?

Но не перегибаем ли мы палку? То насилие культуры, то насилие хорошего? Нет. Публичная сфера - это хранилище объективности и если вторжение денег и законов в личную сферу можно назвать "насилием" только переносно, хотя и справедливо, то проникновение субъективного в публичную - насилие в самом прямом, хотя и несколько расширенном, смысле слова. Любое пренебрежение объективностью, как бы неуловимо оно ни показалось, уничтожает свободу и потому является насилием. Симпатия искажает отношения, выделяет людей и рождает как альтруизм, так и эгоизм. Она заменяет ощущение духовной общности ощущением физического расположения, мешает разглядеть в конкретном человеке нравственную абстракцию.

Объективность оценки человека - условие объективности публичной сферы. А объективность отношения к человеку - условие объективности оценки его труда и, следовательно, его самого. Но как можно объективно относиться к человеку, если не оценивать его со своей субъективной точки зрения? Чем симпатичнее сборщица пожертвований, тем больше она соберет, продавщица - продаст, певица - покорит людских сердец. А как же иначе? Личная красота стоит любого рекомендательного письма. И даже если не видеть и не слышать человека - невозможно избежать того, что он скажет. Но и тут каждый может проявить и субъективность, и своеобразие. Скрыть внешность несложно. Но как скрыть глупость, неграмотность и невоспитанность? Или напротив, сообразительность, эрудицию и интеллигентность? Обаяние ума сильнее обаяния внешности. Симпатию можно преодолеть опираясь на разум. Но как преодолеть сам разум? И надо ли? Если стремиться к объективному отношению и отделять субъективное усилием воли и искусственными механизмами, экранирующими нежелательную информацию, если создавать способы наиболее опосредованного взаимодействия, если отгораживаться от окружающих каменной стеной с целью быть максимально этичным - не потеряем ли мы что-то важное? Не несет ли личное какую-то объективную пользу? И вообще. Как оценить объективно пользу от человека? Ведь пользу он приносит лично мне и она всегда субъективна, включая пользу от его внешнего вида?

Друзья, когда осознаешь всю глубину этой проблемы, понимаешь - какое благо на самом деле деньги. Какое великое изобретение! Именно деньги позволяют избавиться от личного и наконец оценить пользу более-менее объективно, отгородиться от человека и сосредоточиться на пользе деятельности. Позволяют, но не гарантируют. Нет ничего, кроме самих людей, что могло бы хоть что-то гарантировать в мире этики. Деньги - это лишь символ объективности, эквивалент и выражение пользы, это универсальный клей, который тем прочнее, чем больше людей он связывает. Но способность клеиться вместе - это уже этика. Вот оно - истинно великое изобретение!

- Популярность и величие

Чтобы убедиться в том, что трагедия симпатии реальность, а не метафора, вспомним склонность к почитанию верхов, которая все никак не исчезнет из нашей психологии. В ее основе сидит прочное желание мысленно породниться с любым мало-мальски популярным вождем. И наоборот, любой, проявляющий неординарные способности по умению завоевывать популярность, уже сам собой напрашивается на роль повелителя или поводыря. Добровольная покорность - это доведенная до крайности способность симпатизировать людям. Симпатичные люди, как и сама красота, причем не обязательно в чисто эстетическом плане, ведут за собой, обещают и манят. В результате,

харизматики, обладатели всевозможных аур и нимбов, легко поднимаются в наших глазах, а потом и на наших плечах. Люди сами выбирают себе идолов и чем они популярней, тем сильнее любимы. А чем сильнее любимы - тем популярней.

В этом проявляются все те же древние инстинкты коллективизма. Кумиропоклонничество возникло от того, что слишком немногие могли преуспеть в условиях постоянного насилия. Побеждали те, кто умудрялся угробить больше всего народу - и до сих пор история почтительно хранит их имена. Пока свобода остается мечтой, героическая мораль так и будет требовать величия. Личность как бы символизирует, а может и подменяет собой, общее дело, ради которого есть смысл сплотиться. Способность быть самим собой куда-то девается, и поклонники превращаются в легко манипулируемое стадо, бессознательно надеющееся на скорую победу над мифическим противником. И только после вполне реального поражения выясняется, что великая личность завела массы в историческую пропасть. Но чем глубже пропасть, тем сильнее любовь истории!

Причем дело не сводится только к политике. Власть личности многообразна. Она вызывает не только поклонение, но и уважение, и подражание, и простой интерес. Знаменитостями забиты газеты и журналы, книги и театры, души и головы. С великими именами, подавляющими способностью трезво соображать, связаны искусство и наука, общественная и деловая жизнь. Даже мораль оказалась в плену у конкретных личностей, олицетворяющих, а значит и подменяющих собой моральные абсолюты. Более тонкое влияние популярная личность оказывает на наши вкусы и мнения, что опять таки совершенно естественно. Ведь если человек смог преодолеть границу известности и стать популярным, вполне можно говорить о том, что он перестал быть посторонним и как всякий близкий и родной пользуется особым доверием. В конце концов, не просто же так он сумел добиться успеха? И чем более известен человек, чем ближе он к общепризнанному величию, тем больше мы ему доверяем. Тем более, что думать - это в принципе труд, тяжелый и мало оплачиваемый, а иногда и прямо вредный, вызывающий головную боль, депрессию, цинизм, нелюбовь окружающих и серьезные жизненные ошибки. Почему не позаимствовать правильные мысли?

Тут конечно следует оговориться, что кумиры масс только кажутся близкими и родными. В истинно личных отношениях люди внутренне ощущают свое равенство. Они уважают, но не поклоняются. Совсем другое дело - псевдоличные отношения, когда бесконечно далекий человек кажется близким. Эта внушенная, навязанная близость не предполагает никакого равенства. Она односторонняя, крива и как всякое насилие безобразна.

Разумеется, не лишне повторить, что поклонение именам и авторитетам - это детство человечества, слабость разума. Объективная этика отвергает всякую симпатию к постороннему, не только делающую симпатизирующего легкой добычей проходимцев, но и развращающую симпатичных людей, делающую их рабами своей популярности, рабами массы и сцены. Истинное признание человека обществом требует его формальной оценки, нацеливающей каждого в то далекое будущее, где всем именам места в любом случае не хватит.

А мы пока сосредоточимся на настоящем. Личная субъективность - первая часть проблемы. Несмотря на универсальность симпатии и антипатии, еще и на Земле сохранились остатки межколлективных оболочек и они тоже несут вред. А вместе с

самими оболочками сохранились психологические атавизмы, постоянно возрождающие их и норовящие разделить и противопоставить людей. Достаточно вспомнить, что и сами деньги пока завернуты в валютные "оболочки". Правда, за деньги борется общий рынок - даже для нынешней экономики размер имеет значение. Но и кроме денег, полно атавизмов, многие из которых глубоко засели прямо в наших мозгах. Поэтому так важно умение преодолеть психологию, не замечать различий между людьми, подавить склонность к дискриминации и формированию разнообразных, не относящихся к делу групп.

12 Дискриминация

- Дискриминация и свобода

Дискриминация - предпочтение одних людей другим. В отличие от "чистой" симпатии/антипатии и прочих неуправляемых эмоций, дискриминация подарена человеку обществом - она основана на некоем предубеждении, на внушенных психологических ассоциациях и стереотипах, на воспитанном средой вкусе. И хотя разделить, а иногда и отличить их трудно или даже невозможно, мы будем для простоты считать именно так. Мы будем считать дискриминацию проявлением не личной субъективности, а коллективной.

В личной сфере дискриминация не только естественна, но и морально оправдана. Знакомые и друзья - те, кто приобрел право не быть посторонним. Как и почему - нас не касается. Дискриминация - суть личных отношений, отделение тех, кого субъект выбирает основываясь на своем вкусе, от всех остальных. В силу этой полной моральной оправданности, слово "дискриминация", которое имеет четкий отрицательный оттенок, не очень подходит к личной сфере. Дискриминация в плохом смысле относится к публичной сфере, это как бы попытка продлить личную сферу дальше того, что морально оправдано.

Этика несовместима с любой дискриминацией, кроме "объективной" - каждый оценивается по заслугам, что в свободном обществе равнозначно оценке рынком, и которая, разумеется, никакая не дискриминация. И еще моральной. Моральная дискриминация - отделение (и можно надеяться предпочтение) свободных, этических и отвергающих насилие людей от всех остальных гоминоид не принадлежащих свободному обществу. Впрочем, моральную дискриминацию тоже можно не считать дискриминацией, потому что она вполне объективна и не опирается на чьи-то субъективные предпочтения. Дискриминировать можно только людей.

Вернее нельзя. Но как же свобода, спросите вы? Даже свободные люди, без всякого сомнения, могут иметь личные предпочтения. Всем приятно иметь дело с похожими, разделяющими взгляды, вкусы и культурные традиции. Но все эти предпочтения, как ни грустно, остаются в пределах личной сферы. Вы, друзья мои, наверняка все еще не согласны и хотите спросить - почему? Почему дискриминация несовместима с ОЭ? Ведь свободный человек волен сам выбирать с кем иметь дело? Не превращается ли он иначе в детерминированный автомат? Увы, мне нечего добавить к ранее сказанному. Объективность и непредвзятость не сочетаются с личным предпочтением, даже если вред от этого не очевиден. Предпочтение означает нарушение баланса нейтральности,

аванс одним за счет других. А есть ли вред? Вред, друзья мои, всегда есть когда есть отклонение от объективной этики. Если в отношении товаров и услуг человек свободен, то в отношении людей человек - автомат. Пусть и этичный. Потому что лучше быть этичным автоматом, чем детерминированным - именно личные предпочтения ограничивают выбор, тогда как абсолютная беспристрастность максимально его расширяет.

Экономисты, как обычно, могли бы легко оправдать предпочтение похожих и пренебрежение непохожими - это, например, увеличивает доверие и уменьшает транзакционные издержки. К счастью мы не экономисты, ибо понимаем, что сокращение издержек путем дискриминации в конце концов приведет к ситуации, когда экономисты станут не нужны.

- Полезность каждого

Углубимся в то, как работает дискриминация. Предположим, я сам полный и потому мне комфортней с полными. Если на основании этого факта я буду ходить в магазин, где работают жирные или принимать на работу толстяков - я подвергну людей злостной дискриминации. С другой стороны, если я иду на балет, то мое предпочтение тучных танцовщиц кажется уже гораздо объективнее. Чем? Тем, что они оказывают мне "визуальный" сервис. Это мое право как клиента. Свободный рынок позволяет учесть и оценить любые качества и способности людей. В данном случае - внешний вид сотрудников. Дискриминация получится если постановщик пренебрежет вкусами клиентов и будет нанимать стройных танцовщиц, потому что те нравятся лично ему. В чем вред? В том, что зрители страдают, а достойные не могут найти работу.

Еще пример. Если в общество друзей культуры Мумба-Юмба следует принимать всех желающих, а не только представителей этой исчезающей народности, то в труппу для съемок фильма об этом племени придется дискриминировать. Во втором случае этничность превращается в объективный фактор.

Но как быть, если качества потенциального партнера по договору действительно влияют на приносимую им пользу? Например, нанимать на работу инвалида или беременную женщину, при прочих равных, может оказаться объективно менее выгодно - если это потребует дополнительных расходов. Как ни печально, сотрудничать с невыгодными партнерами - альтруизм, независимо от причины. Конечно, ничто не мешает людям принести личную жертву, если им этого хочется. Например, доплачивая из своей прибыли или зарплаты за новые неудобства. ОЭ это не касается, если только подобное отношение не оборачивается дискриминацией тех, кто объективно выгоднее. Этика гарантирует, что если нет дискриминации, каждый найдет себе применение.

Но вдруг так случится, что человек, в силу своих персональных качеств, никогда его не найдет - всем он будет невыгоден? Теоретически это конечно возможно, но для этого он должен перестать быть человеком. Каждый может принести пользу, потому что уже от рождения обладает множеством способностей, которые всегда требуются другим. А главное, он обладает достоинством, которое делает его полноправным участником договора, стремящимся к общему благу, т.е. благу каждого. Участие в договоре означает и применения своих способностей, и объективную оценку полезности других. Короче, в этичном обществе нет постоянных безработных, если только безработный сам не уклоняется от договора и полезной деятельности.

- Группы

Вред от дискриминации растет, когда она превращается в массовое явление, что имеет тенденцию происходить в публичной, т.е. массовой сфере. Когда человек имеет дело с множеством людей, он начинает их классифицировать и присваивать идентичности - относить к различным классам, видам, отрядам и т.п. Следующим логичным шагом становится предпочтение одних идентичностей другим. Группировка людей - опять атавизм нашего коллективистского прошлого, потому что свободные люди вообще плохо группируются. Я конечно, не имею в виду формальные соревнующиеся коллективы, где возможны победители и побежденные и где предпочтение победителей вполне объективно. Я говорю о неформальной, мысленной группировке людей, которая происходит в голове сама по себе, произвольно, независимо от нашего желания. Проблема в том, что классификация - неизбежное и необходимое свойство мышления. Можно сказать - одна из основ. Само понимание внешнего мира начинается с деления объектов на классы и отнесения каждого нового к правильному классу. Что, безусловно, серьезно усложняет задачу построения свободного общества. Поэтому так важно научиться относить всех посторонних к одному классу - людей. Выражаясь кратко, свободный человек имеет только одну идентичность - "человека", или, выражаясь языком парадоксов, "идентичность отсутствующей идентичности".

В качестве признаков, провоцирующих классификацию и дифференциацию людей, могут служить не только их внешность или физические данные, но и культурная принадлежность, место рождения, язык, взгляды, интересы, род деятельности, уровень дохода, образование, трудовой стаж, а также качества характера и личности. Сложность в том, что все эти признаки могут оказаться вполне уместными и весомыми, если они влияют на объективную пользу - вот как в случае с балетом. Тем труднее задача этичного мышления - уметь увидеть признак в человеке, а не в группе.

Сложность проблеме добавляет атавистическое желание индивида прильнуть к группе. Объединение в группу - обязательное условие успеха в социальной борьбе, от которой нынешнее население никак не желает отказаться. А потому, если таковой на горизонте не наблюдается, или если у него нет шансов туда попасть, индивид способен выдумать ее буквально из ничего. Так образуются группы, на первый взгляд безобидные с точки зрения дискриминации, но на самом деле уводящие далеко в сторону от этики.

В качестве примера можно привести спортивных болельщиков, которые почему-то не ограничивают свои спортивные пристрастия благоразумным сидением у телевизора, а покупают атрибутированные продукты, посещают фан-клубы и даже громят города, где проигрывает их любимая команда, к которой они, объективно, не имеют ни малейшего отношения и даже более того - являются абсолютно чужими буквально по всем признакам. Или сторонников политических партий, которые голосуют не за программу и даже не за симпатяшек кандидатов, а просто потому, что так голосуют все члены их круга или семьи - из поколения в поколение! Надо ли спрашивать, какой смысл в этих политических взглядах, кроме примитивного ощущения принадлежности к правильной группе и неприязни к прочим - неправильным и враждебным?

Как и все, связанное с мышлением, группировка редко останавливается на одном уровне. Появляются группы внутри групп - вплоть до индивида, который начинает

рассматриваться и оценивается в рамках принадлежности к иерархии или сети групп. Так человек приобретает групповой (по выражению ученых - "социальный") статус, который влияет на отношение к нему и искажает позиции во взаимодействии.

- Стереотип

Сформировать стереотип - наделить группу людей определенным качеством. Это тоже свойство мышления, потому что без наделения качеством и последующей оценки, людей незачем классифицировать. Стереотипы, как и само мышление, помогают жить. Например, покупатель может предпочесть покупать дороже там, где ему приятнее - чисто, светло, вежливые продавцы. Это вкус. Но и стереотип. Чистый магазин - лучше товары. Легкость и быстрота таких выводов понижает издержки и уменьшает риск отравиться. Это такой оптимизирующий алгоритм работы мозга, находящий широкое применение на рынке. В частности, страховые компании, как и работники отдела кадров, особенно охотно оценивают статистические, групповые характеристики. Но разум подсказывает - всегда надо учитывать индивидуальные качества. Причем заметьте, не субъективно индивидуальные, а объективно индивидуальные. Чем полнее учет, тем лучше результат. И хотя чисто по-человечески проблемы кадровиков и страховиков, вынужденных обходиться той информацией, какая у них есть, понятны, ОЭ не признает стереотипов и называет их тем, что они есть на самом деле - слепотой и близорукостью. Стереотип, как и любая закономерность, неприменим к свободным людям. Это паллиатив настоящего предвидения - этического, включающего полное раскрытие любой значимой информации.

Стереотип, который незаметно проявляется в простой неадекватности оценки человека, может привести к вполне трагическому результату в масштабах общества. Конечно, само по себе плохо, когда недостойные получают преимущество, а достойные оказываются ущемлены, но гораздо хуже то, что в отличие от личного вкуса, групповая дискриминация не только упрочивает стереотипы, но и способна воплощать их в реальность из чистой фантазии. Например, сначала работодатель выбирает сотрудников исходя из своих, внушенных нехорошими людьми, стереотипов. Дальше соискатели ищут работу с учетом знания о подобном стереотипе. А еще дальше формируются компании, где работают одни, и компании, где работают другие. Или не работают вообще, если таковых не находится. Так стереотипы делят публичную сферу на все более узкие группы, которые постепенно отгораживаются друг от друга, что чревато взаимным непониманием, отсутствием общей основы для договора и, в конце концов, насилием.

Поскольку группы имеют тенденцию из мысленных абстракций превращаться в социальную реальность, еще раз подчеркну разницу между группой и коллективом. Группа скорее отделяет, чем объединяет. Ее члены непохожи на всех остальных, они отличные, иные, поэтому группой в общем случае является любой закрытый коллектив, включая семью. Закрытость означает, что претендент на членство должен обладать неким, не обязательно врожденным, качеством.

- Групповой эгоизм

Дискриминация вызывается не только отсутствием объективной информации о способностях потенциального партнера и полаганием вследствие этого на стереотип, но и групповым эгоизмом - предпочтением собственной групповой идентичности. В этот

раз проблема в том, что человеку свойственно считать положительными (и преувеличивать положительность, если она в самом деле есть) качества, характерные для его группы. Оценивая партнера, человек подсознательно, а может сознательно, сравнивает его с собой и любые расхождения оказываются потенциальными недостатками. Партнера, разумеется. Дискриминация вступает в дело, когда субъект фиксирует принадлежность партнера к какой-то группе и если так случилось, что группа оказалась не его, мозг сам по себе оказывается неспособен на объективность. Его захлестывают эмоции групповой солидарности и прочие пережитки времен коллективного героизма. Чем дальше и абстрактней партнер, тем меньше в нем оказывается человеческого. А чем больше группа, с которой отождествляет себя субъект, тем дальше на периферию внимания отодвигается от него "аутсайдер", тем объективнее кажется собственная искаженная оценка. Если в отношении лично себя еще можно сомневаться, то в отношении, скажем, своего народа - вряд ли. Коллективное подавляет автономию, и верх над объективностью этики берет субъективность коллективной оболочки.

Эгоцентричное искажение ценностей всевозможных человеческих черт и качеств, деление людей на группы и противопоставление их друг другу замахивается на святое - на №3. Если идти по этому пути, в конце концов ОБ исчезнет со всеми вытекающими последствиями, включая потерю смысла жизни и подмену этики групповой моралью. Это вывод станет понятнее, если мы вспомним, что ОБ означает "общее благо". А что может быть у нас общего с людьми, принадлежащими другой группе? Тем более, что они же явно неполноценные? Но если постоянно выбирать для взаимодействия своих, остальные все сильнее выпадают из поля зрения, круг сужается и свободный выбор рано или поздно превращается в детерминированный, особенно когда неполноценные придут и принудят к нему.

Как мы видим, биология в очередной раз препятствует этике. Биологические атавизмы и неэтичные идентичности - наследие племенной психологии. Но не стоит впадать в отчаяние. Человек способен избавиться от любой субъективности, как и от всякого животного наследия, если оно осознанно и подконтрольно разуму. Более того, практика социального конструирования показывает нам поистине удивительные примеры, когда люди переходят черту объективности и начинают преувеличивать достоинства чужих групп, а свои начинают принижать, презирать и даже ненавидеть. Что, пожалуй, тоже перебор.

- Групповая "мораль"

Уже факт предпочтения определенной группы людей плох сам по себе, но еще хуже, когда в отношении членов своей группы начинают внедряться высокие моральные нормы, коих прочие оказываются недостойны. Коллектив вообще обладает огромной властью над индивидом - мы и людьми-то стали благодаря коллективу. Неудивительно поэтому, что индивид может проявлять разнообразные моральные девиации, вытекающие из членства в нем. Виды их не слишком многообразны и сводятся, во-1-х, к подмене конечных целей и связанных ценностей, во-2-х, к совместным действиям по их достижению, и в-3-х, к преданности, готовности к жертве во имя этого. Различается лишь степени девиаций - от активной героической жертвенности до расчетливого взаимообразного "альтруизма", но в любом случае после того, как группа отъедает кусок этики и автономии, их уже естественным образом не хватает на тех, кто в нее не попал.

Они автоматически становятся чужаками, не заслуживающими человеческого отношения. Коллективное достоинство незаметно подменяет личное.

Рубеж возникновения групповой морали пролегает где-то между неосознанным предпочтением своей группы и ясной совместной целью. Откуда берется цель? В конечном итоге - от проблем со смыслом жизни отягощенных повсеместным насилием, от отсутствия общего договора, от борьбы всех со всеми. Не осознавая ее, или вообще не имея осмысленной жизненной цели, человек в конечном итоге ассоциирует цель группы с каким-то из своих многочисленных интересов/предпочтений. В чем заключается цель? Группы сложившиеся естественным путем тупо стремятся выживать в этой борьбе и дальше. Группы новые вступают в дело борьбы, изобретая более заманчивые цели - за власть, за экономический успех, за идею справедливости или за правильное ношение одежды, но при этом, коль скоро борьба требует обособленной группы, эта цель все равно дополняется необходимостью существования группы, что морально развращает борца, подменяет группой человечество - дарит идентичность, чувство принадлежности, мираж ОБ и смысла. Тут и появляется групповая мораль - полезная мораль, вырожденная до пользы группе. Однако ценность коллектива, да еще отрицающего договор - явный суррогат ценности №3, как бы ЛОБ, но настолько ложное, что его открытое идейное выражение слишком очевидно неправильно. В силу этого, ценность группы часто затушевывается, а истинная цель прикрывается другой, декларируемой. Например, борцы за Счастье Человечества хотят изменить мир, на это нацелены их главные усилия, но параллельно с этим они вполне могут придерживаться строгих норм групповой морали, направленной на сохранение группы - скажем, личной преданности и презрения к непосвященным, так что в итоге становится неясно чье счастье у них на уме. Декларируемые цели, идеология и прочие ЛОБ, хоть и не требуются групповой морали, но бывают необходимы на этапе зарождения группы чтобы привлечь сторонников. Дальше, когда группа сложилась, можно обойтись без них, ибо выживание группы заложено в наших коллективистских генах - групповая мораль появляется сама по себе, достаточно лишь какое-то время почувствовать себя членом группы. В этом смысле - как интуитивный способ выживания - даже предпочтение своей идентичности можно считать зачатком групповой морали. Разница в том, что предпочтение - спонтанный хотя возможно регулярный акт, а групповая мораль - уже более устойчивые нормы и целенаправленная дискриминация.

Хотя некоторые сложившиеся исторически коллективы заостенели и превратились в закрытые группы со своей моралью, членство обычно добровольно. Даже если группа состоит из родственников, классовых союзников или коллег по профессии, в наше время выжить можно и без них. Вследствие этого, мотив выживания в группе носит заметный эгоистичный оттенок - группа становится инструментом борьбы за интересы ее членов, а эгоист становится альтруистом ради своего эгоизма. Это объясняет почему человек может принадлежать нескольким группам одновременно.

Групповая мораль обычно неформальна. Мало кому хватает бесстыдства открыто объявлять свое моральное или иное превосходство, а тем более прописывать подобные нормы в священных, тем более юридических текстах. Что касается права государства на дискриминацию неграждан, то оно лишь фиксирует исторически возникшее положение, не подводя под него моральной основы. Подтверждением этого является факт наличия в большинстве цивилизованных государств процедуры приема иммигрантов.

- Ненависть

Если мораль группы хорошо осознана и формально закреплена, она способна достичь поистине библейских масштабов. Хорошей подпиткой становится для нее ненависть. Ненавидеть легче, чем любить. Соответственно, вместо того, чтобы тщетно прививать любовь к своим, плодотворнее внушать ненависть к чужим. В этом - характерная особенность групповой морали. Ведь в сущности, героическую и особенно жертвенную мораль тоже можно при желании считать разновидностями групповой. В силу их неуниверсальности, они открыто практикуют разные моральные нормы для разных людей. Однако надлежит отметить важное различие. В то время как "хорошие" виды морали лишь требуют дополнительного альтруизма, настоящая групповая мораль неотделима от дополнительного эгоизма в отношении к посторонним, отчего более подходящее название для нее - групповой эгоизм. Безусловно, "хорошая" мораль тоже может вызывать ненависть к чужим, кто превращается во врагов при неудачном стечении обстоятельств, но это скорее отклонение. Эгоизм же - постоянный источник зла.

В обоих случаях причиной ненависти становится внешнее насилие, например застарелая вражда. С одной стороны, оно искажает нравственное поле, с другой - стимулирует внутреннее насилие в коллективе. Если последнее грамотно организовать, оно способно на какое-то время сплотить даже добровольный коллектив, и тогда чем оно грамотнее, тем прочнее группа, тем сильнее чувство вражды. Объединяющее насилие, разумеется, варьируется по степени. Наиболее сплоченные группы, обычно не слишком большие, требуют абсолютной преданности и бескомпромиссной, почти героической морали. Сюда относятся этнические мафиозные группировки, террористы, борцы за идеологические/религиозные идеалы, последователи сект. Такие не брезгают физической ликвидацией отступников. На другом конце - размытые, аморфные сети, которые ограничивают "жертвы" своих членов чисто эгоистическим расчетом. Эти лишь горазды травоядно пугать угрозой исключения.

Действенным способом укрепления групповой морали - и источником ненависти - является психологическое насилие. Если его применять с детства, оно способно радикально изменить человека. Ребенку легко внушить любые чувства, включая обиды и мести, превосходства и презрения. Подобное воспитание помогает сломать присущий разумному человеку моральный универсализм, понимание что моральные нормы одинаковы для всех. Поэтому, кстати, нацистов оказывается особенно много среди малых народов, кто претерпел лишения выживая в окружении врагов. Самые одаренные из них поддерживая жесткую дисциплину сумели выживать веками. По контрасту большие народы, ориентированные на моральную универсальность, обычно легко ассимилируются, если оказываются изгнаны и рассеяны.

Ненависть может успешно сплачивать группу, облегчая задачу ее долговременного выживания, но в конечном итоге она ничего не дает в плане культуры. Ненависть не рождает красоты. Можно выживать тысячелетия, но создать не великую культуру, а лишь великий миф о своей исключительности, и при этом бессовестно заимствовать у врагов плоды просвещения. Так культура - и этика - мстит тем, кто пренебрегает ею, ибо истинная культура всегда созидательна и общечеловечна. Более того, аморальность по отношению к чужим рано или поздно разрушает нравственную основу человека, он

начинает применять ее к своим - ведь граница свой-чужой, как и всякая моральная граница, не прочерчена на земле.

Не все группы одинаково важны с точки зрения угрозы ОЭ. Героическая мораль в свободном обществе - анахронизм. Опаснее узкая этническая солидарность, семейственность, бытовой nepотизм и фаворитизм, где группу составляют родственники до седьмого колена - как бы растянутая жертвенная мораль, естественное проявление личного отношения там где ему не место, помощь из ложно понятых обязательств, сочувствия или любви. Наиболее опасна взаимовыгодная корпоративная мораль, которая практикуется группами, образованными людьми влиятельными, имеющими доступ к ресурсам, ощущающими общий интерес и потому легко формирующими личные, а то и семейные, связи.

13 Классы

- Власть

Как показывает история, дискриминация нечленов группы легко доводит дело до прямого физического насилия над ними и разумеется, самый наглядный пример этого - пагубная роль властной верхушки, которая поистине неисчерпаема в своем моральном вредительстве. Несмотря на формальность законов, конституций и остальных норм, ограничивающих власть, она всегда олицетворяется и реализуется конкретными персонами, имеющими не только неограниченную склонность к насилию, но и ограниченный круг личных связей, что, учитывая способность власти проникать всюду, куда только ей вздумается, губит все вокруг. Хуже того. Ожидать отстраненности, требуемой этикой, от людей занимающих публичные посты нельзя просто потому, что люди попадающие на эти посты проходят отбор по прямо противоположным признакам - умению заводить личные связи, нравиться, проникать в душу и манипулировать людьми. Чем ближе они к избирателям, и явным, и тайным, чем искуснее они в этих способностях, тем больше у них шансов получить заветное. Выборы на всякий публичный пост, таким образом, прямо несовместимы с объективностью. Выборы - прямое отрицание публичной сферы, несмотря на видимость процедуры. В конце концов, сама по себе формальность закона еще не обеспечивает его этичности, не говоря об объективности.

Вмешательство в публичную сферу властных личных предпочтений приводит к разным типам трагедий - олигархии, клептократии, плутократии и обыкновенному фашизму. Успешное достижение целей властной группы настолько отрывает ее членов от реальности, что они начинают считать себя особой биологической породой. Голубая кровь, необычайные дарования, утонченные вкусы. Даже рынок не изменяет этого - теперь у небожителей обнаруживаются исключительные торговые, финансовые и прочие деловые способности. А на самом деле причина в групповой морали, успешно увековечивающей социальное расслоение. Личные связи в условиях системного насилия всегда проникают в рынок, который и сам по себе не является образцом справедливости, образуя классовую смычку бизнеса и политики - политическая элита помогает "своим" из бизнес-элиты, а бизнес-элита поддерживает "своих" политиков. В конце концов и те и другие становятся одним достаточно плотным кругом людей, чья плотность усугубляется скрещиванием генов.

Могущество личных связей настолько велико, что торговля ими - без преувеличения самый прибыльный бизнес. Так, всякая властная верхушка непременно охвачена толстым слоем "консультантов" и "советников", использующих контакты, знакомства и любые частные каналы для личного обогащения. Даже выйдя в тираж, утратив влияние, они умудряются торговать эксклюзивной информацией и личными впечатлениями от общения с небожителями. Искусство заведения личных связей, накопление возможностей влияния - ключевая способность в комплексе умений любого политика или олигарха. Да и просто любого гражданина, желающего не продаваться по минимальной ставке как все, а продвинуться вверх по социальной лестнице.

- Элиты и элитки

Элита воспроизводится сама по себе вне зависимости от исторических закономерностей и процессов, и в зависимости только от отсутствия этики. Само это понятие появилось не просто так, а как следствие четкого осознания людей, принадлежащих к сливкам общества, своих интересов, называй их хоть духовными, хоть культурными. В конце концов ценности и взгляды на мир этих людей очень близки, а осознание своей обособленности от всяких-прочих присуще с детства. Элита немногочисленна и в силу этого легко сплачивается, в противовес разрозненным и неорганизованным массам, безнадежно мечтающих об объективности и справедливости. Особенно, если учесть современное состояние общества, где элита космополитична, а эксплуатируемые массы даже говорят на разных языках. И где элита настолько заматерела от времени, что ее групповая мораль обрела форму преступной элитарной идеологии, укорененной аж в ветхом завете.

Сговор между конкурентами хорошо изучен и справедливо заклеен. Гораздо слабее заклеен сговор между неконкурентами. На первый взгляд - о чем там сговариваться? Однако этика дает простой ответ - как раз о ней, болезной. К сближению вообще склонны люди, обладающие любым серьезным потенциалом влияния - экономическим, информационным, политическим, даже моральным, и самая первая цель близости - осознание и фиксация общности, единых интересов, противоположных всем не причастным, т.е. взаимное моральное разращение. Даже если бы обоснование и оправдание того, что допустимо в использовании потенциала влияния, не стояли на повестке дня, сам факт обсуждения чего бы то ни было - это уже удар по этике, это создание и укрепление личных отношений, нацеленных на консолидацию клуба избранных. Когда сильные мира сего встречаются в своих клубах, ложах, комитетах, фондах, институтах и прочих думательных емкостях, где за закрытыми дверями обсуждают, обсуждают и обсуждают, о чем это говорит? Об их этике. Что абсолютно справедливо возмущает тех, кого туда не пускают.

А вокруг верхушки формируется расширенная коррупционная сфера, куда люди попадают только благодаря связям и знакомствам. Поскольку народу там толчется немало, существуют своеобразные "коды" успеха, методы проникновения. Это - репутация в нужных кругах, доступ в нужные тусовки, умение светиться и быть на слуху/на виду, быть "вхожим". Впрочем, мои знания тут сильно ограничены. Важно понимать, что вся эта квази-публичная сфера всеобщего "знакомства" есть прямая противоположность этической публичной сфере, ее антипод.

Похожие тенденции возникают и на средних этажах, о чем свидетельствует обилие деловых клубов и предпринимательских групп. Участие там необходимо, потому что как минимум уменьшает риск столкнуться с непорядочностью, типичной в нынешней социальной войне. Но результат его - укрепление не деловой этики, а личных связей.

Умение завязывать личные связи замечательно выразилось в масонстве, которое довело искусство сговора до совершенства. Масоны нашли способ сформировать теневые структуры, которые пронизывают буквально все общество. Правда, для этого им пришлось выдумать не только заманчивые формальные ритуалы, но и мифические прогрессивные цели. Однако, это не изменило суть - на деле цель масонов абсолютно аморальна, а в силу огромных размеров ордена она подрывает уже сами государства с их публичным правом. Цель эта все та же - никому не подотчетная власть хорошо организованного меньшинства над невежественным и неведающим большинством.

Сговор и личные связи - необходимость, они естественны для общества системного насилия, где публичная сфера - лишь арена коллективных боевых действий. Однако важно отметить, что и в обществе без власти нет никаких гарантий, кроме этики, в том, что успешные, известные, авторитетные, харизматичные и еще какие-нибудь необыкновенные лидеры бизнеса, культуры, гражданского общества и любой другой сферы активности не смогут снюхаться и начать помогать друг другу навсегда оставаться успешными и известными. В самой наисвободной экономике личные отношения мотивируемые сходством интересов легко проникнут куда не надо и приведут к сговору, обману партнеров и акционеров, дискриминации работников и тому подобным неприятностям.

Как курьезный пример подобного альянса, возьмем профессиональных заседателей - членов советов директоров корпораций, призванных служить акционерам, но служащих - посредством друг друга - самим себе. Эти влиятельные, знающие ходы/выходы управленцы оккупировали советы всех более-менее крупных корпораций, банков, инвестиционных фондов и управляющих акциями компаний, создав ситуацию при которой деловой успех напрямую зависит от доступа в нужные круги. Чем крупнее организация, тем сложнее управление, тем меньше она подчиняется акционерам и больше - верхушке, тем больше информации остается наверху и делится между полезными людьми. Интеграция между членами советов, крупными акционерами и инвесторами, вообще неконкурентами, не говоря о властных структурах и подвизающихся рядом лоббистах, активистах, силовиках, медийщиках, благотворителях, деятелях от науки и искусства - это на самом деле сговор в масштабах всей экономики и всего общества. И если отраслевые монополии хотя бы теоретически есть кому разрушить, то подобный пан-социальный сговор разрушается только прилетом ~~инженера~~ атомной бомбы.

- Классы и привилегии

Но друзья, стоит ли возмущаться нам, непричастным? Согласитесь, люди обладающие незаурядными возможностями нуждаются в защите своего положения, которое налагает на них не только психологическое, но и аморальное бремя. Это и есть главная цель альянса. Успешное решение этой задачи приводит к делению общества на классы, поэтому этот специфический вид групповой морали вполне можно было бы назвать

классовой. Очевидно, что такая мораль свойственна только тем группам, которым есть что защищать. Соответственно, класс - это не просто совокупность тех, кто случайно оказался в определенном месте социальной лестницы, и не само это место, только и ждущее чтобы его кто-то занял, а определенная группа лиц, создавшая это место и увековечившая его. А уж каким оно оказалось - дело случая или истории. Другими словами, класс - следствие человеческих отношений, а не некой объективной (экономической, политической, психологической или биологической) структуры общества, которая, напротив, сама является следствием классов. Классы выстраивают социальную лестницу, защищая свое положение, и все, что их объединяет, помимо уровня богатства и власти - личные отношения. Единственное, что помогает личным связям в создании классов - насилие, победа в схватке, приносящая ресурсы для дальнейшего насилия. В этом отношении мы можем считать нынешнюю, случайно сложившуюся классовую структуру в некотором роде исторически детерминированной. Но и тут надо отдать должное личным связям, как необходимому условию совместной борьбы.

Даже класс, вроде бы организовавшийся на объективной основе, например, профессиональной, существует благодаря коллективному альтруизму. Хотя в данном случае, "эгоизм" был бы более верным термином. Люди, обладающие одинаковыми дипломами и званиями не формируют класс до тех пор, пока они не объединяются и не начинают отстаивать общие интересы. Признак класса - коллектив, с лежащей в его основе групповой моралью. Отсюда ясно, что такие термины, как "рабочий класс", "низшие классы" и т.п. - оксиморон, ставящий все классы на одну доску. Рабочие и остальные "низшие" - это просто те, кто так и не попал в желанный класс, оставшись в общей куче, не понимая ни свое место, ни свои интересы, ни свою цель в социальной борьбе. Нет ничего классового в том, чтобы оказаться на дне общества. Зато чем выше, тем отчетливее классовая структура, меньше и сплоченнее классы, яснее классовые интересы и классовое самосознание. В этом отношении "свободный" рынок примечателен тем, что разрушая семьи и создавая внизу общества огромный "класс" индивидуалистов, он подталкивает всех, кто смог оттуда выбраться, к формированию альянсов.

Класс, хоть и начинается в результате завязывания личных отношений, затем может двинуться в сторону формальности - придумыванию имени, регистрации организации, созданию законодательных барьеров для непричастных, сбору взносов, изданию информационных бюллетеней. Возможно и существование несколько конкурирующих организаций, которые однако легко сотрудничают, когда дело касается общей беды. Этот механизм виден везде. Чистый рынок, формирующий богатых "сам по себе", делает это только потому, что ему предоставлена такая возможность. Верхушка "самостоятельно" существующей политической системы, имеющая формальные процедуры комплектования кадрами и организации работы, на самом деле заполняется ими и работает благодаря в первую очередь личным связям. Профессиональные и отраслевые ассоциации ограждены строгими требованиями ко всем желающим присоединиться, а все прочие вынуждены доплачивать профессионалам за свою безграмотность. Творческий союз, получающий гранты для поддержки высокой национальной культуры, состоит из уважаемых людей, принимающих в свои ряды только не менее уважаемых.

Но не только незаурядные личности, захватившие теплые места, нуждаются в защите

своего положения. Социальная борьба требует охраны любого завоевания. Всякая группа людей, добившаяся неких привилегий, непременно осознает необходимость консолидации, будь она формальная или нет. А если защищаемые привилегии стоят того, класс может принять форму сословия, как оно и было многие века. Тогда попасть внутрь могли только родственники, да и то не все. Причем заметьте друзья, никакое формальное равенство не в состоянии разрушить классы именно потому, что личные связи не поддаются формализации. Можно, конечно, запретить организации и членские взносы, но формальность лишь помогает организовать большой класс, состоящий из не очень влиятельных членов, который борется с малыми, но состоящими из влиятельных. Запретить профсоюз нетрудно, но как запретишь частный клуб?

Окончательной классовой окостенелости общества мешают кланы, формирующиеся внутри классов. Эти неформальные, мелкие и плотные группы связаны, помимо интересов, еще и родством, дружбой и тому подобной симпатией или личной преданностью. Чем физически больше класс, тем больше там кланов, тем сильнее динамика. Но как бы ни бурлила подковерная классовая борьба, она не приводит к размыванию классов. Вне объективной этики классовая консолидация не имеет моральной альтернативы.

14 Коррупционный капитал

Кланы, классы и элитки - пример образования в обществе капиталистической раковой опухоли - социального капитала. Почему "капитала"? Потому что любой капитал полезен его обладателям, в данном случае - доступом к информации, понижением транзакционных издержек, взаимопомощью и взаимовыручкой, групповой солидарностью и т.п. Социальный капитал - синоним обширности и глубины личных связей, проникнувших в публичную сферу и помогающих в продвижении там интересов его обладателей. Это - оружие борьбы и насилия, инструмент влияния и давления, разрушитель этики и общества. В основе болезни лежит корпоративный штамп групповой морали - максимально эгоистичный, подразумевающий взаимовыгодный обмен.

Поскольку несовместимость личных отношений с публичной сферой, как и конфликты морали и этики, уже не представляют для нас новизны, социальный капитал не заслуживал бы особого внимания, если бы в отличие от термина "групповая мораль" не считался огромным счастьем всякого общества его накопившего. Как так получилось? От путаницы у ученых с понятием доверия. Групповая мораль требует взаимной уверенности в членах группы, верности группе, веры в общую цель. Все эти слова имеют один корень: группа - это повышенный уровень доверия. Но доверие - это же хорошо! Это важный элемент этики, ведь нейтральные отношения, как и сам договор, без него невозможны. Еще бы! Но тут есть важный нюанс. В случае капитала, личное доверие уничтожает публичное. Коллектив "капиталистов" образуется с целью продвижения частных, т.е. разнонаправленных интересов. Доверие, которое его скрепляет - личное, это чувство принадлежности к своим. Оно не всегда удовлетворяется родством и дружбой, но часто требует практической проверки по результатам совместной деятельности и предыдущего опыта, когда первоначальное недоверие заменяется принятием в члены. Обладание нужной репутацией - главная черта этого доверия,

которое прямо противопоставляется недоверию к чужакам, тем, против кого направлен коллектив и за счет кого его члены реализуют свои интересы. Таким образом, на самом деле доверие капиталистов - недоверие обществу, неуверенность в нем, в себе и в будущем. Тогда как, напротив, публичный тип доверия - доверие посторонним, уверенность в обществе и в его будущем.

Правильное деление сфер требует правильного деления информации. В свободном обществе информация между посторонними открыта - все доверяют друг другу то, что касается общих интересов. Там не нужна репутация - доверием пользуется каждый. В личной сфере информация не касается общих интересов, а значит она не раскрывается. Но в нынешнем обществе - все наоборот. Секреты фирмы скрываются и от конкурентов и от акционеров, вся ценная информация передается по персонализированным, открытым для своих каналам, позволяя конвертировать социальный капитал в материальный. Внутренняя "открытость" группы основана на системе неформальных, закрытых от посторонних связей, и не имеет ничего общего с этикой. Действия во имя группы обязательно вознаграждаются материальными благами или, на худой конец, уважением или статусом. Этичная публичная сфера эквивалентна рассасыванию такого "капитала" как можно шире, вместе с ростом коллектива до бесконечности и формирования единого для всех этического поля. Свобода и капитал, любой, несовместимы.

Иногда, добавляя путаницы, социальным капиталом ученые называют и нормальное человеческое доверие, которое внезапно находят там, где его не ожидают - среди посторонних. Конечно, найденные таким образом посторонние все равно оказываются членами коллектива, только теперь очень большого - страны или нации. Т.е. это чувство общности, возникающее у людей похожей культуры и облегчающее сотрудничество, можно сказать - культурный потенциал, сформировавшийся исторически и ничего общего с личными отношениями не имеющий. Такие чувства, если они нейтральны и беспристрастны, максимально близки к объективной этике, по крайней мере для нашего времени. Данный вариант путаницы можно объяснить контрастом этой зарождающейся этики с ксенофобией, враждебностью и недоверием, все еще практикуемым к инородцам, иноверцам и иным иным. Может, оттого ее и хочется назвать "капиталом"? Впрочем, бывает, чувство общности населения небольшой страны позволяет ее гражданам неформальные личные договоренности и остальную коррупцию. Тогда это вполне подходящее название.

Подобное чувство общей культурной, этической или религиозной идентичности, кстати, вполне может и правда породить какой-нибудь "капитал", если оно облегчает формирование неформальных личных связей, дискриминирующих по отношению к чужакам. Это особенно заметно в случае диаспор выживающих в чуждой среде. В культуре некоторых из них так укоренилась групповая мораль, что они даже имеют особые языки для своих и чужих. Но если нет дискриминации, если культура не позволяет поступать неэтично и оказывать предпочтения - нет и капитала. Да и откуда ему тогда взяться? Капитал - потенциальная выгода, в то время как способность к доверию и сотрудничеству - уже этика.

Отношения любых социальных капиталистов объединяют в себе черты, присущие и личным, и безличным отношениям. Доверие, некоторая предрасположенность к первоначальному мелкому альтруизму или вступительной жертве, чувство

причастности, помогающее организовать кооперацию и неформально решить возникающие проблемы - это все от личных отношений. Абсолютный приоритет собственной выгоды, необходимость согласования интересов и строгого баланса - от публичных. И это последнее говорит о том, что личные отношения в таких структурах играют вторичную роль. Они могут привести к отчуждению, но они не могут привести к истинному альтруизму. Они лишь понижают издержки, они просто выгодны, как могут быть выгодны любые коллективные действия. И поэтому же они в конце концов обречены. В то время как личные отношения остаются с нами навсегда, их использование в целях выгоды противопоказано с любой точки зрения - и со стороны самих личных отношений, и со стороны объективной этики.

15 Сети связей

- Компания

Вас, друзья, вероятно уже давно посетил резонный вопрос. В публичной сфере люди не действуют в одиночку. И кооперация, и конкуренция предполагают объединение, балансирование личных и коллективных интересов. Как же тогда отделить личное в публичной сфере? Как выявить групповую мораль? Как отличить сеть личных связей, разрушительную для этики, от, например, круга сотрудников одной компании, необходимого для ее существования - ведь и те, и другие знакомы, доверяют друг другу, имеют общую цель, озабочены личной выгодой и конкурируют с другими коллективами?

Начнем с первого, очевидного признака - формы взаимодействия членов коллектива, способа обмена ценностями. Сеть - это неформальный обмен, предполагающий ту или иную степень альтруизма. Компания, как и вся публичная сфера - это договор, т.е. строго формализованный, оговоренный до деталей обмен, не предполагающий никакого альтруизма. Умышленный конфуз не рассматриваем. Способ обмена определяет и способ образования коллектива. Сеть пополняется неформально, вступить туда можно только завязав знакомство, заручившись рекомендацией и/или внося ценность авансом с целью получения необходимого доверия. Компания с другой стороны принимает тех, кто ей объективно требуется, оплата внесенных ценностей пропорциональна вкладу, а личные связи внутри компании являются надстройкой над формальными.

Однако допустим, что компания, несмотря на свою формальность, принимает на работу только тех, кто нравится лично руководству. Тогда мы вынуждены сказать, что это не компания, а полу-/квази-/какбы-формальная структура, а ее сотрудники составляют клан, орден, ложу или еще какую-то неэтичную группу. Но что если компания открыто формулирует дискриминационные нормы приема? Разве не может существовать компания куда принимают только черных? Женщин? Толстяков? Тогда ответ зависит от цели компании. Если эта цель оправдывает дискриминацию, т.е. последняя объективно необходима - скажем, фольклорная кино-группа, женская баня или балет толстых - тогда проблем с этикой не видно. А если нет - истинные цели компании расходятся с формальными, и значит мы имеем таки дело с какбы-формальной структурой. А вдруг так случилось, что формальная цель компании честно заявлена - борьба за интересы определенной группы, скажем полных негритянок? Тогда мы, во-1-

х, вынуждены отметить факт вопиющей групповой морали и вытекающей дискриминации в целях компании, а во-2-х, нам придется признать, что хоть туда и принимают только членов группы - дискриминации в приеме на работу нет.

Наконец допустим ради научной полноты, что компания/ассоциация работает строго формально, принимает всех желающих и честно заявляет свою цель - защита их интересов. Личное тут исключено и мы остаемся один на один с... чем? С этикой коллектива. Ведь защищать интересы можно по-разному. Обычно как? Есть ассоциация производителей, есть ассоциация потребителей. И есть бесконечная война за право монопольно/монопольно устанавливать цены. Можно ли тут говорить о групповой морали? Увы, да! Вот если бы эти группы не воевали, а сотрудничали, компетентно представляя интересы всех членов общества и стараясь найти ради общего блага этический компромисс, это было бы нечто совсем другое. Нечто из прекрасного далёка.

Таким образом, определяющим фактором в вопросе групповой морали является цель коллектива. Целью группы, будь она формальна или нет, является победа группы, т.е. ее желательно вечное существование, приносящее какую-либо, необязательно материальную, пользу членам. Целью компании является ОБ, реализуемое посредством производства некоего полезного продукта (как конечного, так и технологий, правил и норм). Если же компания нацелена на прибыль, а продукт - лишь средство, то у нас есть шанс увидеть не только отвратительный продукт и неэтичную деловую практику, но и все признаки групповой морали.

Ближе всего к идеалу этичного коллектива большие коммерческие или общественные компании, где сохранилась хоть какая-то человеческая мораль и работу в которых человек выбирает по своему вкусу. Даже государственные структуры, несмотря на формальность и высокий общественный статус, проигрывают, поскольку человек едва ли свободен в выборе государства.

Но возможна ли вообще конкуренция без того, чтобы сотрудники компании не усвоили некий вариант групповой морали? Компания - это коллектив, где победа всех зависит от каждого! Ради бога. Лишь бы эта "мораль" не противоречила объективной этике. Так, она может допускать напряженный режим работы и высокие требования по самоотдаче, но она не должна требовать преданности, долга и иных личных, не вытекающих из договора обязательств. Равно как дискриминации, нечестной конкуренции и пренебрежения к потребителям. Короче - ни альтруизма к своим, ни эгоизма к чужим. ОБ не может заслоняться прибылью! Но по силам ли всякой компании ставить такие грандиозные цели, как ОБ? Некоторые считают, что только крупные корпорации вечны, только им под силу планировать бесконечно далеко и, следовательно, быть этичными. Это не так. Во-1-х, любая компания управляется людьми, которые могут оказаться неэтичными. И, как ни странно, чем крупнее компания, тем больше таких в ее руководстве. Во-2-х, если компания безнадежно проигрывает конкурентам, привлекательность этики для нее теряется независимо от размера. В-3-х, к ОБ стремятся люди, а не компании.

- Личная граница

Не менее интересным является вопрос - как отличить коррупционную сеть от простого круга знакомых, который имеет каждый нормальный человек? Если бы не личные связи - кому бы я например писал эти письма? На деревню дедушке? Дело свободы в

этом случае было бы не просто скомпрометировано, обречено! Родственники и друзья тоже всегда обмениваются услугами и информацией, помогают друг другу, пользуются своими связями, протекцией, контактами и т.д. - без этого нет личных отношений и более того, как и в случае сети, личные отношения предполагают примерный баланс услуг. Очевидно, что это - тот же социальный капитал, пусть и небольшой, чисто персональный. Но тогда как же провести черту между нормальными отношениями и коррупцией?

С одной стороны, существует некая внутренняя граница в отношениях, отделяющая настоящих друзей, от притворщиков - тех, кого больше интересует польза связей, чем отношения. Сложность тут в том, что личная сфера интуитивна. Найти точную границу так же трудно, как и точку абсолютной нейтральности в отношениях с посторонними. Но она есть - как все остальные границы ОЭ. До этой точки люди оказывают услуги чувствуя баланс, после - считая. До этой точки люди - друзья, после - полезные знакомые. До этой точки люди движимы альтруизмом, после - эгоизмом.

Чем плохо притворство? Личные отношения называются личными не потому что они осуществляются путем личных контактов, а потому что в их основе лежит личность. Личные связи отличаются от публичных примерно так же, как отличаются непрагматичные действия от прагматичных. Первые ценны и важны сами по себе, вторые - той пользой, которую они приносят. В личных связях важна личность человека, а личность человека единична. Она субъективно ценна, ее нельзя оценить объективно, нельзя свести к рыночной стоимости. Польза же оценивается рынком. Когда в личных связях оказывается ценна не сама связь и стоящий за ней человек, а та польза, которую он может принести, связь становится личной только внешне, по видимости, т.е. она становится двулична, фальшива, неискренна. Такие "друзья" всегда предадут. От них не дождешься помощи, когда она больше всего нужна. Фальшивые связи не только обманывают, но еще и унижают человека, они объективируют его ценность №2, превращают в подобие стоимости №1, оценивают его с позиции рынка, но рынок - объективен когда он большой и этичный. Узкий круг личных связей девальвирует. Притворство - способ проехаться по дешевке, получить неоправданную выгоду.

Но если взаимовыгодные отношения унижают, как получается, что подобные сети выгодны участникам? Простой ответ - там, где не ценят личность, выгодна любая мелочь. Но главная причина - они выгодны тем, что унижают посторонних еще больше. Каждая неформальная передача ценности дает выигрыш одному, но проигрыш второму. После этого стороны меняются местами и это восстанавливает баланс ценности. В случае формализации подобного обмена каждая сторона возможно выиграла бы один раз, но гораздо больше проиграла второй. Благодаря отстранению конкурентов, участники и оказываются в выигрыше. Кто в проигрыше? Общество. Таким образом неформальные сети выгодны только когда они позволяют сохранить уже имеющиеся преимущества. Тому, кто не обладает никаким ресурсом, вход в сеть заказан. В чем польза такого участника? Попав же внутрь сети, человек может двигаться по ступеням иерархии соответственно накопленному неформальному авторитету и эксплуатируя нижестоящих.

С другой стороны, существует внешняя граница сфер, и она вовсе не обязательно совпадает с внутренней. Человек, обладающий возможностями, может от чистого

сердца продвигать своих родственников всюду, куда дотягиваются его возможности. Попутно становясь вместо доброхота и альтруиста вредителем и коррупционером. Ибо когда личные отношения попадают в публичный, формальный контекст, они вызывают моральный конфликт и требуют срочной переквалификации в публичные. Подобные метаморфозы не должны представлять сложности, потому что внешняя граница четко маркирована формальными нормами. Сотрудники-друзья на рабочем месте соблюдают субординацию, потому что иначе это нарушит работу организации. Семейная фирма открывает вакансию с формальными требованиями к соискателям, и тогда дочь хозяина должна оцениваться на равных с любой другой дочкой. А иначе - зачем открывать?

Нарушение формальных норм наносит вред посторонним, а психология "полезных связей" превращает общество в классовый мафиозный гадючник - закрытый, непрозрачный, не поддающийся объективным оценкам. Напротив, формализация процедур обмена, позволяет сделать его доступным анализу и в конце концов объективно справедливым. Чем и занимается прозрачная и этичная публичная сфера. Долговременные прагматичные действия требуют ясности и четкости, без которых невозможно планирование. Неформальные прагматичные отношения не предполагают будущего, они порождают короткие цели, животный эгоизм, стремление получить побольше и отдать поменьше. Светлое будущее возможно только при максимально прозрачных и стабильных нормах. Ну а самый дальний прицел приводит к эквивалентности, справедливости и свободе.

16 Этноцентризм

Дискриминация на основе биологических, внешне заметных признаков, ничем в принципе не отличается от любой другой, кроме того что она находится ближе к зоологическим корням и в силу этого не должна представлять серьезной угрозы этике. В животном мире самые опасные соперники - обычно представители своего вида. Зверюшки постоянно живут в окружение всевозможных других видов и подавляющее большинство из них не только не враждуют, но образуют взаимовыгодный экологический симбиоз. Так же придется жить и людям, когда наступит свобода - окруженными разными расами и видами, включая пришельцев с не менее красивых планет. Поэтому те, кто озабочен своим подвидом, на самом деле идут против природы, что особенно забавно, потому что именно природой они все и оправдывают. Так, они утверждают, что свой подвид гомо-сапиенса биологически запрограммирован на взаимопомощь и совместное выживание в борьбе с другими подвидами. Но сама эта идея - не более, чем выдумка подвидных идеологов. Человек запрограммирован на выживание самых близких родственников, да и эта программа в столкновении с этикой частенько сбивается. Взаимообразный альтруизм, используемый для оправдания биологически чистой этики - обычная кооперация,двигаемая собственным интересом. Объективная этика не имеет ничего общего с видовой кооперацией, которая есть не что иное как дискриминация на основе этнического субъективизма, и привязана к генам только до той степени, до какой гены определяют наличие мозгов. Устойчивый этноцентризм, расизм, как и любой иной трайбализм, требует не общих генов, а устойчивой групповой морали, оправдывающей геновое превосходство.

Однако не следует впадать в другую крайность и не замечать различий. Деление людей

на виды, роды и отряды вполне может иметь и научно-практическую, и этическую ценность. Например с точки зрения лечения болезней, поиска наилучших методов образования и применения сил, самовоспитания и преодоления всевозможных генетически обусловленных склонностей в характере. Чем скорее и точнее люди научатся выявлять способности и склонности, тем проще им будет реализоваться в обществе и стать счастливыми. Главное, не доходить до того, что начинать себя идентифицировать иначе. Самоидентификация субъекта не как человека, а как биологической особи определенного вида, наделенной множеством отличительных видовых черт, плохо сочетается с этикой. Общее благо в таком случае автоматически (точнее биологически) заменяется на благо вида, требующее согласования - и это в лучшем случае! - с благами прочих видов, которые скорее всего окажутся настолько же разными, насколько разнятся сами виды. Но при этом настолько же несовместимо похожими, отчего их "согласование" рано или поздно начнет напоминать естественный отбор, отягощенный чисто гоминидными методами.

Реальность нынешнего общества полна сюрпризами, среди которых как расизм, так и антирасизм, как любовь к чужой расе, так и ненависть к своей, как насильственное уравнивание всех подряд, так и принудительное классифицирование одинаково этических. Жизнь иногда бывает захватывающе интересна. Некоторые расы поголовно воюют, другие - насильничают, третьи - святые все как один. Будучи внешне разными, множество людей зачем-то стремятся эту разность подчеркнуть и внутренне тоже. То есть стереотип, оттолкнувшись от истории коллектива, в какой-то степени самореализовался и самоупрочился. Игнорировать его теперь бессмысленно, т.к. он отражает реальность. Что же делать? В обществе без власти нет нужды угождать и можно быть максимально объективным не боясь обидеть. Реальность бывает обидна, но этика - на стороне реальности. Человек, оказавшийся высоко этическим, но вынужденный преодолевать стереотип своей расы, находится в объективно, хотя и неоправданно, худшем положении. А тот, кто позорит свой стереотип - в лучшем. Так что ОЭ требует, с одной стороны, преодолеть биологию мозга и объективно оценить невзирая на стереотипы, с другой - преодолеть биологию расы и стать выше любого возможного стереотипа.

Можно сказать - и говорят - что расовые различия объективны, в отличие от всех прочих. Тут все дело в том, от чего мерить объективность. Если с точки зрения биологии - безусловно. Раса - объективная реальность, как бы нас не пытались убедить в обратном сторонники релятивистской таксономии и отрицатели очевидного, по крайней мере до тех пор, пока успехи евгеники, биоинженерии и геномной терапии не позволят вывести действительно нового человека. Но с точки зрения этики, раса - субъективна, потому что объективно только наличие разума и свободной воли. Их наличие (и вытекающее отвержение насилия) дает основания надеяться на правильную идентификацию их обладателей. Только этим люди отличаются от гомо-сапиенсов. Соответственно, "этический расизм" - единственно оправданный подход, а неэтический - просто животная способность сбиваться в стадо. Борьба с ним - часть борьбы за новую парадигму свой-чужой. Свой - это не тот, кто выглядит похоже, говорит похоже, верит похоже, думает похоже. Свой - это член семьи и круга друзей. Остальные, хоть неандертальцы, хоть кроманьонцы, если они точно следуют ОЭ - посторонние. Этический расизм - это объективное признание расы, вида или этнической группы неспособными к договору, вследствие либо 1) отсутствия разума, либо 2) их единогласного коллективного отказа. В последнем случае мы имеем дело с

объявлением войны, а поскольку до такого разумные люди не опустятся, подобный отказ как раз и служит тестом на наличие разума.

А как быть с остальными, с теми, кто еще не определился? Разум формируется коллективом и пока существуют разные коллективы, нелепо думать, что все во всем одинаковы. Людоеды-дикари очень милы и любопытны, но стоит ли жить с ними бок о бок? Стоит ли толерантничать? Насильно перевоспитывать и навязывать свои нормы? Конечно, если с ними можно разговаривать - надо попробовать договориться. Если же нет, и если они при этом не слишком осложняют нам жизнь, почему бы не оставить их в покое, где-нибудь подальше? С договором ведь проблема в том, что он требует максимально близкого, желательно одинакового положения сторон. Даже если гоморазных видов, а также кстати пришельцы, желают договориться, желание еще не гарантирует соблюдения этого важного условия. Да и какая может быть между нами одинаковость? Как же быть? Как договариваться, когда мы такие разные? Я думаю, проблема преодоления оболочки и выравнивания договорных позиций преодолима со временем, если стороны стремятся к решению, ищут возможности, работают над собой, осваивают мировые культурные богатства и отказываются от устаревших культурных, религиозных и идеологических традиций. Что, верится, не составит труда, особенно в свете такой привлекательной этики, как объективная.

17 Национализм

- Передовая и отсталая оболочки

Наши чертежи, дополненные поясняющим текстом, уже достаточно наглядно продемонстрировали, как свобода размывает коллективы до степени равномерного общественного бульона. Напротив, системное насилие мумифицирует их до степени окаменелости, препятствуя, хоть и безнадежно, формированию всечеловеческой общности. В наше время системное насилие наиболее часто материализуется путем национального государства - промежуточной, и, можно надеяться, одной из последних ступеней расширения коллектива. Нация - достаточно обширный и обособленный коллектив вполне случайных людей, оказавшихся исторически на одной территории и в силу этого разделяющих общие культурные нормы, что позволяет им выстроить самую сложную известную науке иерархию - государственную машину власти.

Одновременно, национальная культура, язык и традиции - наиболее передовая субъективная культурная оболочка объективного этического ядра, передовая в смысле способности удержать наибольшую возможную общность, как в смысле размера коллектива, так и объема норм. Впрочем, одно связано с другим. Большой коллектив без мощного, накопленного и временем, и множеством людей, этического ядра не объединишь. Ведь люди вовсе не склонны менять свои привычки и тем более родные языки, чтобы влиться в дружную семью народов. Более того, люди сопротивляются этому - они предпочитают группироваться, организовывать диаспоры, этнические меньшинства, общины, землячества и тому подобные образования, нацеленные не только на сохранение собственной культуры, но и на получение социальных преимуществ - ведь группа, тем более сплоченная сильной культурой, почти гарантирует коррупционный капитал, что особенно наглядно проявляется в случае, когда подобные диаспоры имеют собственное материнское государство в другом месте.

Государственная объединяющая пропаганда - национализм - на этом этапе играет безусловно прогрессивную роль, способствуя размыванию диаспор и формированию максимально однородной, а значит и потенциально этичной, публичной сферы.

Однако, как и всякое преходящее историческое явление, национальное государство на определенном этапе вместо прогрессивной роли обречено играть регрессивную. Благодаря государственному системному насилию, национальная культура, вместо развития и слияния с другими культурами, приобретает черты групповой морали, цель которой - законсервировать нацию в традиционных культурных рамках, обособить и противопоставить остальным нациям. Вред от такого национализма тем выраженнее и больше, чем мельче нация.

Движение к единой культуре, как и выравнивание позиций этносов по отношению к договору, процесс объективно мучительный. Человек неотрывен от своей культуры. Если родная культура предоставляет ему меньше возможностей, мы имеем уже упомянутый курьезный, но отнюдь не веселый случай "насилия оболочки". Например, валюта или язык. Чем меньше область их распространения - тем они слабее и тем сильнее ограничивают свободу их обладателей по сравнению с другими. Но с другой стороны, не всегда меньший по размеру коллектив обладает меньшим уровнем культуры - в истории завоеватели часто перенимали культуру побежденных. Но в любом случае, что делать? Даже если отвлечься от психологической боли и сосредоточиться на этике. Отказ от своей культуры в пользу чужой - этично ли это? Когда это прогрессивно, а когда нет? Осваивание "богатств мировой культуры" звучит обманчиво слащаво - на практике всегда кто-то проигрывает. Пропадают огромные культурные пласты, историческая память и тому подобные сокровища. Как же этично решить проблему объединения культур? Может, надо следовать естественному процессу выживания сильнейшего, чтобы посмотреть кто победит? Но это же культурный геноцид! Все мы видим своими глазами нынешнюю культурную войну, ведущуюся параллельно экономической. Правда, в отличие от второй, в первой люди вроде не умирают. Если не считать прослойки интеллигенции, которая без своей национальной культуры жить не может. Но кого волнует судьба интеллигенции?

Как же быть? Я думаю, люди обречены договориться и найти компромисс - и с языками, и с валютами. Никто не достоин проиграть просто потому, что другая нация оказалась богаче или сильнее. Ведь она вполне может оказаться до отвращения невежественной и упертой в своем пещерном национализме. Возможно, людям придется оживить и переиначить какой-нибудь мертвый язык? Нас всех должен утешить тот факт, что буквально через несколько тысяч лет практически никто не будет знать ни нынешних мировых языков, ни всего прочего, связанного с современными, прямо скажем, ущербными культурами. А что будет через миллион? Миллиард? Вот именно - только объективная этика, пусть называется она будет уже иначе.

- Истоки национализма

Объединение мелких народностей огнем и мечом - естественный способ появления наций, т.е. процесс исторический и неинтересный. В его основе лежат прагматические причины и оттого национализма при этом не возникает, он рождается потом, целенаправленными усилиями скрепить нацию спасая ее от возможного распада. Потому что бывает и обратный процесс - распад цивилизации на мелкие нации,

сопровождающийся обязательным "пробуждением" национального самосознания и ярким национализмом. Поскольку тут явно прогресс идет вспять, интересны причины. Неудивительно, они сокрыты в групповой морали. Если отбросить внешнее давление (и даже диверсии нацеленные на ослабление конкурента) и взять только внутренние причины, то подобный процесс обособления одной этнической группы (будущей нации) от другой - результат незрелой публичной этики, а конкретно - нежелания отказаться от стереотипов, целенаправленно разжигаемого нарождающейся или вырождающейся этнической элиткой. Жить бок о бок с непохожими людьми среднему жителю планеты все еще трудновато, и если у населения есть возможность обособиться, оно иногда попадает на эту удочку, наивно надеясь, что таким образом исчезнет этническая, а заодно и всякая иная эксплуатация. На самом деле конечно эксплуатация никуда не девается - свои кровопийцы не лучше чужих. Что касается этнического притеснения, то оно просто переходит на уровень выше, где теперь одни страны грабят другие. Единственный возможный плюс - насильственная культурная ассимиляция заменяется добровольной, что способствует накоплению этического потенциала, а не его разбазариванию.

Я не хочу говорить о совсем уж примитивном мотиве грабежей и прочей легкой наживы, когда под видом национальной вражды преследуются экономические интересы. А такое тоже бывает - национализм разжигается именно с целью захватить чужое, истребив или изгнав его хозяев.

Смысл подобного национального "строительства", если говорить о чисто практических аспектах и не трогать социальную эволюцию, не в борьбе за свободу и справедливость, а в возможности бывших угнетенных сформировать собственную верхушку, кандидаты в которую и являются разжигателями всего процесса. Поскольку кандидатами движет не высокая идея, а звуки собственного голоса, культурные пастыри своим естественным эгоистичным желанием воспитать себе паству порождают политических вождей, а культурное пространство неизбежно скрепляется системным насилием. Или вожди призывают на помощь пастырей и они вместе творят национальную идею, но так или иначе скрепленную насилием. В итоге, как и во всяком большом несвободном коллективе, в национальном государстве интересы низов подменяются классовыми интересами верхов. Продвижение национальных интересов не терпит этики ни в каком виде. Если в мелких коллективах люди еще оглядываются на совесть, то нации ее не могут иметь в принципе. Чем объясняется этот феномен? Просто размерами или тем, что верхушка всегда и везде - наиболее бессовестный тип людей? Я думаю вторым. В конце концов размер коллектива не имеет значения до тех пор пока он не начинает действовать как целое, а такое без верхушки невозможно. Верхушка же, как давно доказано, образуется только из людей отъявленной бессовестности, страдающих (а вернее заставляющих страдать других) всеми возможными формами нарциссизма, макиавеллизма, авторитаризма и психопатии.

- Дефективность национализма

В наше время национализм пока еще остается ввевшимся в кровь, формирующим важную часть культурной идентичности каждого представителя гомо-сапиенс. Духовная общность, укрепленная традициями или идеологическим насилием, неизбежно противопоставляет одни нации другим. Однако моральный вред национализма особенно проявляется, когда национализм вырождается в свою наиболее зловещую форму - нацизм. Это когда чужих воспринимают не просто как

соперников или даже врагов, а как нелюдей, низший тип человека. Происходит это вполне закономерно - ведь чтобы выстоять в борьбе необходимо твердо уверовать в собственные не только правоту, но и превосходство. А поскольку с моральным превосходством в данном случае туговато, на первый план выходит всякое иное, от культурного до биологического. И тогда своя нация объявляется высшей, чистокровной, б-гоизбранной, богоносной или правоверной, а другие - низшими, рабскими, гойскими и неполноценными, которых можно не только честно побеждать в конкуренции, но и прямо стирать с лица земли.

Национальная, как и любая иная коллективная идентичность не способна в долговременном плане улучшить публичную этику - все это достигается медленным разумно-историческим процессом - но зато способна подвигнуть народ на жертвы ради верхушки. Сплочение нации вокруг национальной бутафории, если оно сопровождается разжиганием национальной гордости, национальной обиды и других нездоровых чувств, т.е. по сути коллективистских и ксенофобских групповых инстинктов, есть прямое разрушение публичной сферы. Одно из самых ярких выражений этой деятельности, если конечно не брать войну - олимпийские игры и прочие чемпионаты, где выход агрессии сочетается с небывалым подъемом национальных чувств. Если индивидуальные виды спорта, да и сама физкультура хотя бы полезны физиологически, массовые и игровые, помимо голой коммерции, низводят человека до уровня стада, что с завидной регулярностью проявляется на каждом стадионе. Но разве этика свободы требует запрета спорта и самоограничения до такой степени? Разумеется нет. Если людям нравится входить в раж и воодушевляться до инфаркта - их дело. Важно, чтобы не возникали устойчивые группы болельщиков видящие в других таких же личных врагов. А так - пусть болеют, мне не жалко.

Национализм неотделим от лжи. Он подпитывается национальной гордостью, которая как правило основывается на исторических мифах и которая неизбежно способствует межнациональной розни. Придавленных системным насилием граждан пичкают иллюзиями об национальном характере, о геройстве предков, о победах и свершениях. И лишенный возможности самореализоваться, не сумевший воспитать собственную человеческую уникальность, коллективист-националист упивается сказками о славном прошлом, отождествляя себя с героями и черпая в этом утешение от личных неудач. Народная память и святость традиций - это всегда и везде благодарность за то, что коллектив все еще жив, что он выстоял в борьбе с другими. В этом конечно есть моральное зерно. Но, помня о тех, кто помог выжить, не следует отрывать от всего человечества - любая традиция, в конечном итоге является общечеловеческой. Мы все, слава богу, живы вместе. Если же зарываться вглубь веков, ограничиваясь только "своими", не только выкопается постыдная, невыносимая подлость, глупость и жестокость, но и расцветет лютая ненависть к таким же жестоким врагам, потомки которых - сюрприз! - живут рядом и возможно, тоже чтят свои священные традиции.

Не знаю как вы, друзья, но я терпеть не могу историю. В увлечении историей есть что-то ненормальное. Прошлое - это вообще всегда зло, потому что добро только впереди. Чем больше узнаешь историю, тем противнее становится. Да и может ли быть иначе? Гомо-сапиенс - самый кровожадный и омерзительный хищник, вся его "история" - непрерывная цепь гнусностей, предательства, ужаса. Изучение истории дает только одно - понимание полной бесперспективности будущего. Говорят, что история ничему не учит. А чему хорошему она может научить? Человек - не автомат, изучение его прошлого не даст и не может дать никаких

закономерностей. Но зато оно дает все основания не доверять людям. А некоторым она также дает все основания ненавидеть их и творить новое зло.

Славная история всякой нации славна ровно до той степени, до какой ее разукрасили, а то и создали из ничего, возродив язык, традиции и остальные сказки. Лакировка истории всегда ограничивается моментом появления нации, обычно сильно отодвинутым в прошлое. Истинная история интересна только ученым, зато художественная нужна буквально каждому гражданину. Она не только превращает его в гордую шестеренку национальной машины, противостоящей чуждому враждебному миру, но и, если судить по его сияющему лицу, делает из него человека. Но на самом деле, конечно, она лишает его объективно человеческого. Цепляние за прошлые обиды и торжества, победы и поражения - как правило на 50% с гаком выдуманные - наносит ему моральную травму и не пускает в будущее. Единственный выход из гордиева узла взаимных претензий - не принесение выборочных коллективных извинений, до которых кто-то умный уже додумался, а полное взаимное покаяние и прощение за все жестокости, сотворенные в прошлом людьми друг другу. И этот выход будет гарантированно работать только при одновременной ликвидации национальных общностей, равно как и любых неформальных групп/идентичностей, которые лелеют свои славные истории. Ибо пока они существуют, их члены, своей поддержкой общности, своей национальной самоидентификацией, принимают на себя коллективную ответственность за содеянное предками.

Здесь будет уместно коснуться вопроса о коллективной ответственности, а равно и о вине, за членов своей формальной или неформальной группы или коллектива. Всякая идентичность несет с собой причастность, откуда рождаются как ответственность за злодеяния, так и гордость за благие дела. В этом разрезе необходимо отделять два типа идентичности - добровольную и нет. Разумеется, именно в первом случае человек несет полную меру и коллективной вины, и коллективной ответственности, даже если сам не участвует в конкретных злодеяниях. А если участвует, то к коллективной добавляется еще и личная. Так что тут вопрос несложен. В случае же недобровольной идентичности, как вина, так и гордость не слишком уместны, однако это не значит, что человек полностью избавлен от них. Как же нам быть? Даже человек, несвободный от своей идентичности - например, этнической, культурной или религиозной, которые въелись на уровень психологической зависимости - должен найти в себе силы осознать и осудить злодеяния, творимые его группой/коллективом. Так, если идентичность и не устраняется, то устраняется ответственность. Увы, подобное бывает так же трудно, как и избежать участия в злодеяниях. Агрессивная группа часто уничтожает всех, осмелившихся выступить против. Тем не менее в данном случае у нас нет выбора - ведь если никто не выступает против, то группа так и будет творить злодеяния. А значит насилие в данном случае не может служить оправданием злодейств. Единственное, что можно сделать в этом случае - оценить уровни иерархии и распределить ответственность пропорционально им.

Национализм, национальные символы, национальная гордость и прочая национальная мишура исчезнет как кошмарный сон гораздо быстрее, чем ожидается. Нации уже размываются и начинают заменяться пан-мировыми сообществами по линии "цивилизаций", "демократических ценностей", поп-культуры, религии или еще чего-то такого же глобального. Идет формирование всеобщего культурного пространства, наднациональной оболочки и всечеловеческого коллектива, а в дальней перспективе и единого этического ядра. Двигают процесс, не удивительно, интересы верхушек.

Глобализация приводит к их интернационализации - формированию мировой "элиты", которой свои бывшие национальные интересы все менее интересны, по крайней мере как это видится мне с самого низа. И это хорошо для публичной этики - вне конкуренции власть наконец выродится до конца, потому что ни расти, ни стремиться ей будет некуда. Разложившаяся, окончательно лишенная культуры, она скатится в мессианство и духовную пустоту, выявив всю свою лживую сущность, чем наконец откроет людям глаза на дорогу к обществу без власти.

Друзья, справедливо критикуя национализм, не будем забывать, что тотальный экономизм пока не формирует глобальное нравственное поле, требуемое этике. Реальность - атомизированная масса индивидов, живущих только ради своих брюха, кармана и шкуры, что и является целью вырождающейся верхушки. Пока национализм противостоит этой тенденции, его можно рассматривать как подспорье героической морали, пусть и исторически обреченное.

18 Коллективы будущего

- Свобода ассоциации

Настало время рассмотреть вопрос коллективно субъективного в целом - свободен ли свободный человек объединяться в какие-либо коллективы? Существует ли свобода ассоциации? Вопрос этот стоит как кость в горле у эгалитарных идеологов и смущает либеральных философов. Если людям позволить отгораживаться, они разделятся по этническим, религиозным или еще каким-нибудь анклавам и начнут враждовать. Подумаем, что могла бы сказать объективная этика по этому поводу. Мораль, в силу ее противоречивости, слушать не будем.

Могут ли люди объединяться и не пускать чужаков? В принципе - почему нет. У каждого нормального человека есть дом, куда он не захочет пускать кого попало. Но как всегда с этикой есть неуловимая граница. Если в семье мы ее интуитивно чувствуем, где границы тех, с кем просто спокойно, удобно и с кем мы делим множество жизненно важных норм, нарушение которых нам как нож в сердце? Разве хотели бы мы пускать в этот круг тех, кто вызывает тревогу, неудобства или неприязнь? На этот вопрос у ОЭ уже готов ответ - все посторонние (если они конечно люди, а не гоминиды, только притворяющиеся людьми) одинаковы и отделяться от них нельзя. Отделять можно только действительно близких. А такой круг, на мой взгляд, не может быть слишком большим. Уж точно не до размера государства и даже коммуны. Почему? Большой коллектив обязательно приводит к отчуждению. Объективная этика сужает личное пространство. Уже соседи - это посторонние. И не потому, что они как правило случайные люди. Близкие - это те, кто вызывает симпатию, с кем хочется регулярно видеться, общаться и делить всяческие печали и радости, а не просто время от времени поздравлять с днем рождения. Человек в принципе не способен расширить такой круг за пределы десятка человек. И даже те, кого он включает в него вовсе не обязательно будут испытывать такую же симпатию друг к другу. В результате замкнутого круга, за исключением семьи и пары личных друзей, не получится в принципе.

- Прагматические коллективы

Коллектив - средство, орудие деятельности. Поэтому, чтобы представить себе

принципы ассоциации людей, есть смысл отталкиваться от ее классификации. Возьмем прагматичные действия, ценность №1. Коллективы, образовавшиеся в процессе решения ультракоротких задач случайны, неустойчивы и неинтересны - очередь за хлебом, попутчики в путешествии, больные в санатории. Эгоистические короткие цели хорошо иллюстрируются преступными группировками. Здесь уже важен отбор, преданность делу наживы. Более дальние цели - профессиональными, деловыми сообществами, коллективами сотрудников и кооператоров. Клубы по интересам, развлечениям, жилищные ассоциации, неправительственные и некоммерческие организации "гражданского общества" тоже решают вполне эгоистические задачи. Дальновидный криминалитет устремляется в политику. Слуги народа окучивают свои округа и растут вверх с ростом последних вширь, они сколачивают партии, рабочие ячейки и иные передовые отряды. Чем дальше цель, тем больше коллектив, меньше преданности, размытее границы и туманнее цель. Культурная элита, люди искусства и науки профессионально работают на народ, на всех сразу, даже если удовлетворяют свои личные амбиции, а зарплату получают от рук работодателей. А сам народ объединен структурами публичных благ, начиная с государства.

Все эти коллективы - публичная сфера, которая, в общем, единое целое - от человека (№1) до человечества и далее (№3). Поскольку ОЭ не терпит №1, в будущем останутся только те из этих коллективов, которые будут стремиться к ОБ и этичному обмену, а группы занятые социальной, да и любой иной борьбой, исчезнут. Первые включают не только коммерческие компании, предприятия культуры-досуга-и-отдыха, но и организации реализующие практические блага, например безопасность и правосудие. Эгоистические коллективы, типа деловых "загородных клубов", отраслевых ассоциаций и профессиональных союзов, тоже уйдут в прошлое. Чем они по сути отличаются от картелей и трестов? Образование прагматических коллективов на основе групповой морали или личных интересов противоречит этике. Если человек объективно, по персональным качествам, пригоден к членству - он достоин стать членом, а коллектив, в свою очередь, честно соревнуется и сотрудничает с другими такими же.

Легко видеть, что размер коллектива коррелирует со временем целеполагания. Значит ли это, что размер истинно этичного коллектива должен стать тождественно равен бесконечности? Будем надеяться, что этот парадокс не помешает людям будущего, тем более, что чем дальше цели, тем сложнее достичь консенсуса относительно их ценности. Ибо чем дальше во времени и ближе к объективности цели и результаты, тем меньше они приносят практической пользы, отчего у разных людей может появиться разное мнение относительно ценности таких практических благ. Конечно, согласовать мнения договором так или иначе необходимо, но невозможно заранее сказать, какое решение и какая конкретизация ОБ окажутся верными. Только время и практика могут дать ответ. Это значит, что вполне могут появиться конкурирующие блага и целые системы таких благ. Появятся и категории людей, предпочитающие те или иные. Приведет ли это к разделению общества? Нет, потому что каждый сможет пользоваться той системой, которую считает правильной и удобной. Легко видеть, что "системы" обеспечивающие практические блага ничем не отличаются от предприятий, производящих блага материальные, а значит здоровье, образование, безопасность и т.п. можно будет покупать (участвовать в системах, вступать в них) по своему выбору.

Вопрос о прагматических коллективах - на самом деле проявление более общего вопроса. Возможен ли всеобщий консенсус как таковой или люди всегда будут иметь

свое мнение, а консенсусы возможны только частичные, разделяющие людей на коллективы, а точнее - на группы влияния, поскольку окончательно разделиться не получится? С одной стороны, ОЭ требует согласия и договора, с другой - свобода требует возможности оставаться при своем мнении. Парадокс консенсуса - копия парадокса вкуса. Напомню, любая оценка полезности требует объективности и одновременно - собственного предпочтения. Так что не стоит сдаваться. Объективность не сведется к однообразию - как всегда будет разнообразие ценностей и свобода творчества, так же будет и свобода мнений с обязательным согласием и договором. И как люди будут иметь бесконечное множество вкусов, так же - и мнений, дающих возможность предпочитать те или иные способы обеспечения практических благ.

Но могут ли абстракции в принципе объединяться в коллективы? Могут, если следуют формальным нормам, а все прагматические коллективы основаны именно на них. И главными из них остаются правила формирования коллектива. Прагматический коллектив доступен всем - если свободные люди закроют свой коллектив от посторонних, введут дискриминацию, их намерения неизбежно придут в столкновение с целями общества, а коллектив вырождается в аморальную группу.

- Непрагматические коллективы

Совсем другая картина в случае непрагматических коллективов, личной сферы и ценности №2. Поскольку практической цели тут быть не может, основа коллектива - теплые отношения, взаимная симпатия, культурная близость. На первом месте разумеется семья, но что дальше? А дальше как раз ничего до самого конца. Расширенные семьи - роды, кланы, общины, землячества, диаспоры - являются характерными анахронизмами. Чем свободнее и этичнее общество, тем более странно они смотрятся. Анахронизмами являются и всевозможные коммуны, культы и секты, объединенные вокруг очаровашки предводителя, где односторонняя "симпатия" навязана путем запугивания, психологического давления и заморачивания головы. По своей воле люди могут питать симпатию к соседям, сотрудникам и постоянным попутчикам, но эта симпатия не формирует жертвенный коллектив. Ни друзья, ни знакомые также не формируют коллектив, требующий членства и преданности. Точно так же коллектив не формируется в результате милосердия и благотворительности. Нельзя считать полноценными коллективами и досемейные молодежные тусовки и компании друзей. Сомнительны в будущем и жертвенные коллективы, отгороженные от остальных расовыми или географическими симпатиями, а также любовью к традициям. Конечно традиции останутся, как и всякая субъективность коллективных оболочек. Но в процессе унификации все перемешается, даже традиции прекрасно поддаются заимствованию - не останется просто ради чего жертвовать. В итоге, личная сфера оказывается выражена единственным коллективом - семьей, которая, так сказать, направлена в вечность напрямую, минуя все промежуточные ступени. Члены семьи дискриминируют всех остальных, что вполне морально.

Однако тут надо сказать вот о чем. Собственный выбор и собственная ответственность требуют не только разума, но и воли. Не все люди одинаково способны к свободе. Есть люди зависимые и безвольные, кому чувство принадлежности важнее автономии, а патерналистская опека - собственного достоинства. Есть инфантильные и безответственные. Есть ленивые и требующие содержания. Есть неграмотные, не ведающие разницы между добром и злом, и глупые, охотно слушающие умных,

безоглядно верящие компетентным. Таким намного уютнее в стаде, причем их не требуется загонять туда силой. Этот выбор - отказаться от свободы - оказывается им вполне по плечу.

Неспособность к свободе - болезнь, как и вообще всяческие склонности к насилию. Например, невротики могут получать удовольствие от боли или унижения - и собственного, и чужого. Как ни печально, место больных и слабых, так же как старых и малых - в тесном кругу родственников. Этот выбор гораздо естественнее, нежели большое шумное стадо. Заботу и любовь нельзя найти там, где ее нет. Не знаю, как вам друзья, а мне будущие ватаги гопников, шпаны, братвы и другие шайки подобных больных сами напоминают больную фантазию.

Но значит ли сказанное, что неспособные к договору не получают доступа в публичную сферу? С одной стороны, безусловно - ведь полноценное участие в договоре предполагает не только следование, но и поиск норм. С другой, вполне возможно "частичное" участие - только следование уже найденным нормам. Многие невротики, если их как следует воспитать, способны воздерживаться от насилия к посторонним людям. Да и вся человеческая история демонстрирует с беспощадной наглядностью - следование традициям, равно как и прочим нормам, вбитым в голову окружающими, образованием и СМИ, пока что вполне успешно заменяет людям этику. В конце концов даже животные поддаются дрессировке. Почему бы и не допустить в качестве временной меры, пока психические отклонения не удастся лечить, а человечество не перешло окончательно из животного состояния в разумное, частичное участие несвободных людей в публичной сфере, если конечно они сами того желают и отказываются от участия полноценного?

- Идеиные коллективы

Таким образом, если не брать эксцессы, анахронизмы и эгоизм, никакие из рассмотренных коллективов опасности для свободы не представляют и с этикой вполне уживаются. К сожалению, это еще не все. Если прагматические коллективы объединяет цель, непрагматические - симпатия, то над-прагматические - идея. Удачная идея способна так конкретизировать №3, что оно оторвется от общего блага как угодно далеко. Чем оно менее обще, тем оно ложнее, прагматичнее и ближе к настоящему, тем уже и сплоченнее коллектив, тем дальше его этика от объективной. Увы, люди всегда способны нарушить любые правила, как бы этичны и логичны они не были. Что мешает людям создавать аморальные ассоциации и бессмысленные объединения? Конечно ничего - как ничто не мешает им вернуться в мир животных.

Что такое идейный коллектив? Это коллектив без цели, без ценности и без смысла. Нет, все это он конечно имеет, но все это - ложное. Цель бесцельного коллектива - любовь и лояльность к самим себе, вражда и презрение ко всем прочим. Ценность - он сам. Идея - все что приходит в голову его членам, всякая моральная эклектика, свободные импровизации на тему ЛЮБ. Вот собрание жильцов решило превратить свой подъезд в образцово-коммунистический союз. На дверь подъезда повесили амбарный замок, а все остальные, вместе с дверьми, сняли - коммуна же! Возвышенно, но как-то непрактично, тем более что наверняка некоторым неосознательным такая перспектива пришлась не по вкусу. Или вот группа социальных "ученых" открыли, что в идеальном обществе все должны решать голоса неграмотных алкашей-избирателей. Создали партию. Если в

наше время существование сторонников подобных идиотов можно если не одобрить, то хотя бы понять, в будущем они гарантировано окажутся в психушке. Этот же варварский подход проявляется и в эстетике. Вот кучка гениев замутили новое искусство во имя Смычки и Кляксы. Сидят голыми в мусорном баке. Бак - их идеал. Посвященные в бак вкушают уважение, прочие вызывают насмешки. В чем смысл? Лохам не понять. Бывают коллективы, объединенные любовью к Книге. Бывают ведущие родословную прямиком от Пророка. Бывают те, кто борется за права эмбрионов, молится на мумию основоположника, высчитывает процент нужных генов или выделяет по важному культурному признаку - от колец в ноздрях до перьев в ушах. Поскольку личный вкус тут явно роли не играет, любой достойный автоматически оказывается принят, даже если остальные члены сообщества лично его не могут терпеть. Кстати, поэтому всевозможные расово-, культурно- и идейно-чистые коллективы частенько объединяют чистый сброд. Вместо этнично-чистых, я например предпочел бы этично-чистых.

Бесмысленность таких коллективов и вытекающая бессмысленность их деятельности гарантируют либо их ограниченную пользу, либо неограниченный вред. Польза - если, конечно, речь не идет о банальном стремлении привлечь внимание или заработать на легковверных - в удовлетворении стадного инстинкта, психологической потребности в "своих", избавлении от одиночества, вызванного личными проблемами, внутренней пустотой и окружающей несправедливостью. Вред - в подмене объективной этики групповой моралью, антагонизме к обществу, возвращении к первобытному коллективизму, размыванию индивидуальности и смерти личности. Объединяющие идеи, особенно жертвенные, требуют распространения и привлечения сторонников, а отсюда недалеко и до насилия к несогласным и непосвященным. К счастью, большинство людей коллективным выживанием уже не соблазняется. Эпоха биологических, исторических или чисто идейных ассоциаций, а вместе с ними и коллективного противоборства, потихонечку скрывается в прошлом.

Однако, она еще не скрылась до конца. Некоторые идеи, недалеко ушедшие от мусорного бака, исторически оказались способны объединить огромное количество людей. Но вывод из этого удивительного факта не в опасности ассоциаций, а в опасности дурацких идей. И глупости. Культурное творчество динамично, а идейные коллективы не слишком устойчивы. Но если нынешние маргиналы легко рождаются и еще легче умирают, то бывшие маргиналы, превратившиеся в религии и идеологии, умирать что-то отказываются. И пока они раздумывают, объективной этике нет места в обществе. Но не стоит отчаиваться - если немного потерпеть, то вместо идиотских идей мы рано или поздно получим вполне адекватное человечество. И хотя в короткой перспективе моральная унификация чревата потерей многих культурных завоеваний, не позже, чем через миллион лет все устаканится и станет намного лучше.

- Бурление оболочки

Но ведь культура - это жизнь! Свобода - это поиск! Как же без творческих, радикальных, нонконформистских объединений?

Да, тут есть о чем поразмышлять. Жизнь так устроена, что между появлением новых норм и их принятием обществом пролегает некоторый промежуток. Договор не происходит везде одновременно. Само появление нового требует чего-то уникального -

ситуации, идеи, человека. Новое приходит где-то и когда-то. Иными словами - публичная сфера неоднородна. Это не смесь человеческих абстракций равномерной консистенции и бесконечной плотности. А это значит, что в ней неизбежно будут образовываться флуктуации, состоящие из конкретных людей, занятых чем-то общим, из чего и рождается новое. Безусловно, взаимодействие посторонних людей требует формального договора. Но и новая идея, и новый продукт привлекают не всех и не сразу - правильный договор в этой ситуации просто невозможен! Более того, новое не способно возникнуть вдруг, в готовом виде, в единственной голове. Одиноким гением - хотел бы я на такого посмотреть! А потому подобные текучие коллективы, неформальные, но и не личные в смысле взаимной симпатии, которые можно назвать коллективными мастерскими и творческими лабораториями, есть по сути переходные ступени между субъективностью новаторского подхода и объективностью готового результата.

Творчество нуждается в поддержке задолго до признания. Творцам просто необходимо знать о чужих вкусах, знать постороннее мнение. Это знание формирует определенный круг общения, не обязательно ясно выраженный. Он и служит переходной зоной между личной сферой, где зарождается новое, и публичной, где оно находит объективную оценку. Это - порог между бесплатным и платным, между хобби и профессией, между личным и формальным коллективом. То, что близкие и друзья не могут оценить вообще никак, здесь могут, хоть и примерно. Этот круг состоит из интересующихся, увлеченных, активных. Такие коллективы выявляют одновременно и сходство, и различие в людях. Они магически превращают субъективность личных вкусов в объективную уникальность. Одни и те же люди могут вступать в множество подобных коллективов, каждый из которых отражает грани личности, склонности и творческую оригинальность. Люди ищут себя, пробуя разное, то, что подходит им по натуре, отражает их способности. Они общаются, чтобы выяснить истину, а не обменяться полезной информацией.

Эта эстетическая и этическая активность заменит политическую, идеологическую, религиозную, национальную и культурную вражду. Субъективность предпочтений отделится от отношения к людям. Если с кем-то неинтересно говорить о розовом, возможно с ним интересно обсудить голубое. Разница в интересах и вкусах - еще не повод отгораживаться, делиться на друзей и врагов, проявлять классовую солидарность и порождать иерархию. Этика не позволит разнице вкусов выразиться в действиях. Ценности у всех станут общими, хотя точка зрения - глубоко личным делом. Примерно, как наше прекрасное ОБ и моя утомительная манера о нем твердить.

Вот какая картина получается, друзья мои. Нравственности две, а человек - один. И возвращаясь к философии, которая стремится обойтись чем-то одним на все случаи жизни - неправильно это! Философия тут глубоко и безнадежно путается, заблуждается и вообще конфузится. Мораль и этика не смешиваются, они непримиримо конфликтуют, придавая нашей жизни остро недостающий ей драматизм. Их надо, так сказать, развести по углам и успокоить, найти баланс и эквилибриум. В этом будет огромная философская польза - ведь должна же быть польза от философии?

Вмешивать одно в другое - значит уничтожить и то, и другое. Вот как они уничтожены в нашей жизни сейчас - их только в умных книжках можно найти. Если конечно сами эти книжки можно найти. Как, кстати, и любопытных школьников. А нет, этих нельзя.

Разделение сфер - такое же требование ОЭ, как и всякое другое. Описанные выше трудности деления, кроющиеся и в природе человека, и в нашей истории, и в эгоистичных интересах множества людей, делают задачу на первый взгляд невыполнимой. Но без четкого разделения сфер невозможны ни мораль, ни этика. Им просто негде по-настоящему, до конца проявиться. Личная сфера должна быть жертвенна, а публичная - свободна. Моральные конфликты должны быть ясно осознанны - только тогда ежедневный выбор кого спасти, а кем жертвовать будет легок и приятен.

Но несмотря на все проблемы можно заявить: этика проникает в самую суть того, что есть человек - наши отношения с другими прежде всего этичны, а уже затем, по разрешению этики, жертвенны. И потому, пусть мораль не кичится своим "добром", благословляющим насилие. Этика главнее. Так что может быть философы по своему правы - этика одна и единственная. А мораль - вторая и все последующие.

Остаюсь, Ваш
УЗ

PS. Вот что еще пришло мне в голову. Добро морали не совсем правильно - у каждого оно свое, разное, и при этом вполне ясное и конкретное. У этики добро, напротив, одно и правильное - ОБ, но что это такое никто не знает. Выходит, когда дело касается добра, правильное неизвестно, а известное - заведомо неправильно?!

Истина и ее окрестности

Друзья мои!

Мучительные сомнения никак не позволяют мне приступить к долгожданной Книге Этики. Раз за разом я возвращаюсь мыслями к свободе, которая открывает каждому безграничные перспективы собственной правоты, и спрашиваю себя - прав ли я? Не ошибся ли где? И отвечаю - да! Нет, не ошибся! Но как же я могу быть прав, снова говорю я себе, когда все остальные могут быть тоже правы? В чем тогда правота? И опять отвечаю - в свободе каждого. В том, что у всех одно общее право на правоту - свою собственную. Но тогда я снова спрашиваю себя - в чем оно? В том, что каждый может быть прав? Даже если он неправ? Так прав я или нет? - спрашиваю я себя снова и снова и отвечаю опять и опять...

1 Загадка моральной истины

- Что такое истина?

В бытии и здравии разума самым важным является истина. Бытие и здравие разума - понятно что. Это - постоянный поиск. А что такое истина? Истина - это соответствие того, что разум нашел, тому, что он искал. А именно - правильности построения общества, красоте общественной конструкции, вечности результата усилий. Всякое иное понимание истины бесперспективно. Если понимать истину как соответствие наших знаний материальной, физической реальности, то такая, научная, истина к делу не относится - знание законов физики, биологии и даже психологии ничего не может нам сказать о том, что правильно в этой жизни. Мы же не собираемся жить по законам физики с психологией? Если понимать истину как соответствие наших знаний фактам, то такая, юридическая, истина имеет мало смысла - только для восстановления справедливости задним числом. Вперед ее уже не применишь, потому что факты бывают только в прошлом.

Сейчас у нас, однако, все наоборот - научная истина пользуется почетом и уважением, а моральная не вызывает никакого энтузиазма, а вызывает только непрерывные споры, хорошо если без крови. Это неспроста. Моральная истина коварна, к ней так просто не подобраться. Если в науке истина показывает, что мы приблизились к объективной реальности, то в поиске правильности, красоты и справедливости - что реальность приблизилась к нам. Звучит несколько странно, но это именно так - окружающая реальность, выстроенная нами, шаг за шагом "приближается" к идеям, которые гнездятся в разуме. И хотя приближаться в обоих случаях можно сколь угодно близко, оставаясь сколь угодно далеко, истина могла бы сослужить добрую службу, если бы оценивала ход этого движения. В случае науки так оно и есть. Реальность, которую исследует наука, неизвестна, но непосредственно "дана" нам в чувствах, и потому применение критериев истинности к научным результатам выглядит правомочно и правомерно. В случае этики мы попадаем в ловушку. С одной стороны, какова может быть истинность того, что мы взяли просто из головы? А с другой, если результат уже в голове - значит мы его знаем? И с обеих этих сторон истина смотрится нелогично,

бестолково и надуманно.

Очевидно, причина такой поразительной разницы между истинами кроется в предмете поиска. Физическая реальность, несмотря на свою невероятную сложность, все же как-то проще этической. Да и жизнь наша это подтверждает. Уж как мы мудры и продвинуты во всем, что касается науки, но как дело доходит до морали - дети детьми. Попробуем разобраться. Мы знаем, что в основе этики лежит свобода, но эта истина тривиальна. И одновременно - непостижима. Свобода допускает, вообще говоря, все что угодно. Тогда что такое - этическая истина? Есть ли она на самом деле?

Должна быть. Этика объективна, а если есть объективность - есть и соответствие ей. Если бы его не было, было бы невозможно судить не только о действиях других, не только о добре и зле, но вообще ни о чем. Я полагаю, что тогда и научной истины мы бы не получили, даже самой скромной. Но самое важное - было бы невозможно договориться и стать свободным. А в этом и заключается суть ОЭ и, очевидно, единственный критерий правильности наших действий. Да друзья, если критерий научной истины запутан, сложен, включает специальные методики практических, экспериментальных, математических проверок и даже необходимость одобрения авторитетными экспертами, то критерий моральной постыдно прост - истина делает человека свободней. Досадно, что простота критерия обратна сложности его применения.

- Познание через создание

Главная проблема в том, что узнать об этом можно лишь потом, по факту и по результату. Нет никаких способов выяснить, насколько истинны наши действия до того, как мы к ним приступим. А иногда - и до того, как завершим. А часто - и много позже, пока не станут ясны все их отдаленные последствия. Обычно для простоты считают правильным то действие, которое соответствует норме. Нормы даже называют "моральными фактами", намекая на то, что они уже апробированы и доказали свою истинность. Для этого, дескать, они и фиксируются. Например, "воровать - нехорошо". Но это как раз тот случай, когда простота - хуже воровства. Во-1-х, абсолютно точного соответствия реальной ситуации формальной норме никогда не бывает и быть не может. Например, что, если украсть - единственный способ вернуть свое законное? Конечно, строгое следование правилу так или иначе необходимо. Но важно понимать - истина тут не при чем! А, во-2-х, сами нормы? Так ли уж они всегда правильны? Некоторые, например, полагают, что собственность - уже воровство.

В науке все иначе. Что такое научная истина? Это достоверные сведения о независимой от нас реальности, всегда присутствующей рядом и непрерывно проявляющейся в разнообразных феноменах, которые мы наблюдаем и запоминаем. Т.е. это знания о прошлом. Прошлое всегда закономерно, поэтому научная истина - знания о причинно-следственных связях, позволяющие в некоторой степени предсказывать будущее. Но только в некоторой, и чем дальше мы заглядываем - тем эта степень меньше. В науке будущее всегда случайно. А у нас? Если в прошлом мы обнаруживаем детерминизм, то в будущем - свободу. И то, и другое хоть и одинаково присуще объективной реальности, но требует абсолютно разных подходов.

Узнать прошлое можно повторяя одни и те же процессы, и наши знания - описания

этих процессов. Строго говоря, поскольку прошлое тоже когда-то было будущим, свобода оставила в нем свой "отпечаток", изза чего прошлое нельзя выяснить детерминированно. Благодаря свободе из простого появлялось сложное, а мы, познавая, реконструируем прошлое, разбирая сложное на простое. Однако даже эта трудность не идет ни в какое сравнение с куда более трудной трудностью - познанием будущего.

Узнать будущее можно только повлияв на него, заменив хаотичное движение к свободе целесообразным, превратив описание в предписание, создав этическую реальность из девственной объективной, которая в результате приобретет черты ОБ наблюдаемые вокруг. Эти черты и будут фактами этической реальности, открытыми в процессе преобразования. И так оно и происходит в нашей жизни. Своей деятельностью мы и создаем, и познаем этическую реальность, ибо только создав новое благо мы узнаем что оно - истинное, объективное благо. В точности как, например, найти собственный смысл жизни - значит создать что-то объективно полезное. Но можно ли гарантированно стать свободнее, если знать факты этической реальности? Конечно нет. Даже фразы, описывающие истинность: "это - правильно" или "это - хорошо", по сути означают: "мы должны сделать так" или "нам следует поступить так" и являются гипотетическими, ибо реальный результат создания чего бы то ни было неизвестен. Следовательно, моральная истина - не правильное описание фактов этической реальности, а описание правильного процесса создания таких фактов. Ибо факты бывают только в прошлом.

- Невозможность описания

Но что нам мешает научно исследовать уже созданное нами ОБ и узнать правильность процесса? Это и будет моральная истина, разве не так? Не так - узнавать уже поздно! Созданное благо, без всякого сомнения, вполне поддается исследованию (хотя и не до конца - в точности как и прочая реальность), поскольку оно уже в прошлом. Но по этой же причине, оно превратилось (или в лучшем случае вот-вот превратится) обратно во зло детерминизма, как происходит со всеми нормами, даже если их возвести в абсолют. Что толку теперь в его изучении? Свободы в нем уже нет, свобода - всегда в будущем! Самое большее, мы можем узнать, что наша цель была правильна и что мы к ней слегка приблизились. Но как узнать следующую правильную цель? Повторение процесса ничего не даст нам. Цель должна быть выбрана "свободно", т.е. без причины - свобода подтверждается только в новом, неповторяемом, свободном действии! А значит, изучение созданного ОБ, и, хуже того, вообще чего бы то ни было, никак не поможет нам. Существующее благо на эту роль не годится. К нему не только нельзя стремиться, но оно, как и все в прошлом, имеет причину. А именно в знании правильной цели заключается, извините за каламбур, цель знания моральной истины, а также в знании о том, как ее достигнуть. И, в частности, в знании о том, что научное, да и всякое иное знание этому последнему помочь не в состоянии. В прошлом, а значит и вообще, описания процесса не существует.

В это возможно трудно поверить, но это так. Описание правильного процесса превращает нас в детерминированных слуг причинности. Все, что нам тогда остается - следовать описанию, которое становится просто обычным законом, не имеющими ничего общего с будущим и свободой. Более того, выходит, знание моральной истины ведет нас не к свободе, а прямо в противоположную сторону! Знать правильную цель

невозможно. Моральная истина непостижима. Такова горькая истина.

В это еще трудней поверить, но и это так. Всякое знание не имеет ничего общего с истиной. Знания и благо - абсолютно разные вещи. Зачем, например, учить террориста водить самолет? А что толку во всех знаниях автопрома, если мы уже давно стали его рабами? А взять моральные абсолюты? Заповеди "не убий" - наиболее бесспорной - больше двух тысяч лет, а ее истинность вызывает наибольшие споры! Знания сами по себе не только не делают нас свободнее, но бывает, служат источником величайших несчастий и горестей. Кому из нас, например, хочется знать дату собственной смерти? Но и действовать без знаний - не намного лучше. Важно их единство, которое позволяет замкнуть круг и начать вечное движение - по частям все равно не получится. Незачем знать о законах природы и нормах поведения, если потом не использовать их для реализации целей. А законы с нормами нельзя узнать, если не пробовать действовать, т.е. уже не иметь цели. А если быть педантичными - сами "действия" возникают там, где бессмысленная активность приобретает цель, а "знания" - когда бесполезные сведения находят целесообразное применение. Таким образом, в процессе поиска истины мы создаем процесс. Истина же - т.е. наша цель - оказывается вне процесса.

Что же это получается? Знания и мешают нам действовать, и помогают? И подсказывают цель, и вводят в заблуждение? Простите друзья, но я не удержался и принялся за старое, рис. 5.1. Заглядывая вперед мы ставим цели и цели эти - некая придуманная конкретизация непознаваемого ОБ, за которой скрывается новая свобода. При этом мы как-то загадочно руководствуемся имеющимися знаниями и нормами (т.е. имеющимся процессом). Действуя, мы приносим в мир новое благо, которое никогда в точности не соответствует нашей цели. Набравшись опыта и знаний, мы ставим новую цель. Это хождение по кругу - осмысленное, свободное движение, в отличие от природного беспорядка, где свобода пополам с детерминизмом слепо борются друг с другом - почти как добро и зло. Привнося в эту борьбу смысл, мы помогаем реальности двигаться в сторону добра.

- Роль договора

Но раз так, мы знаем направление? Конечно. Этика своей твердой рукой ведет нас в сторону ОБ. Парадокс в том, что свобода, которая скрывается за ОБ, означает максимальный выбор целей и соответственно - отсутствие направления! Наверное, мы действуем наугад? Это похоже на правду. Однако, в этом случае, неясно, зачем мы столько писали и читали. Да еще постулировали, что этика объективна и у людей есть гарантированный шанс договориться. Но возможность успешного договора опирается только на одно - что правильный процесс создания ОБ существует! Само участие в договоре, в соответствии с нашим ФП, как всех кого только можно, так и только двоих, подсказывает, что мы можем знать истину! Хоть и не поодиночке.

Значит процесс создания блага существует, а его описание - нет? На самом деле, существует ли процесс как таковой - тоже вопрос. Единственное, что мы знаем - новое благо непредсказуемо, но при этом оно обязательно появится. Не так, так эдак. Можно сказать - процесса нет, но всегда есть его результат. Но как же ФП с вытекающими из него нормами? Разве правильная процедура - не единственный критерий правильности результата? Более того, это - единственный возможный процесс, посредством которого этика как-то нами управляет! Значит все наоборот? Описание существует, а процесс -

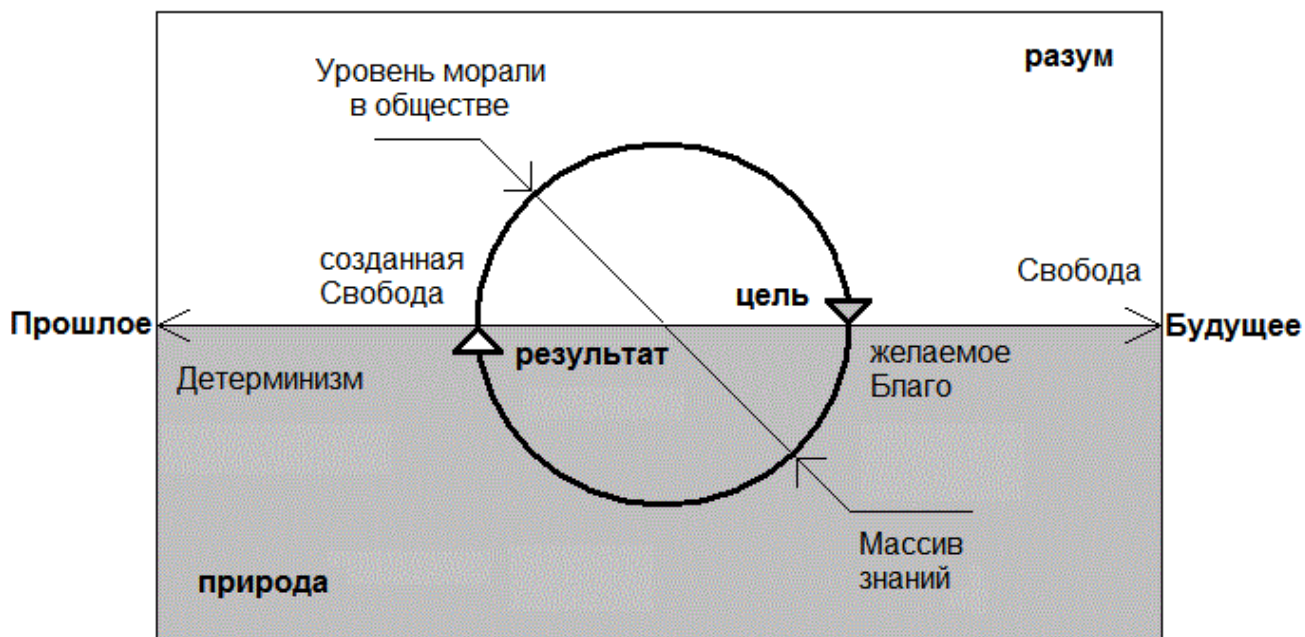

Рис. 5.1

нет?

С одной стороны - да. Договор - единственный способ получить ОБ. Следуя нормам мы можем планировать бесконечно далеко, т.е. напрямик в ОБ! Иными словами, знать способ достичь истинное знание равнозначно тому, что знать истину. И для этого даже не надо иметь в запасе бесконечное время. Способ и есть истина, особенно если он практически реализуем, что к договору, теоретически, вполне приложимо. Недаром сама идея договора представляется нам благом. Итак, правильная процедура договора гарантирует правильный результат, а ФП - единственная возможная правильная процедура и попутно принцип познания/создания блага. Вот она - моральная истина?

Конечно нет. Потому что, с другой стороны, если существует правильный способ создания ОБ, можно считать, что ОБ уже создано. Ведь способ его создания - это оно и есть! И что тогда? Все создано, можно помирать. К счастью или к несчастью, все не так. Во-1-х, ФП - это конкретизация общего блага, которая не намного конкретней, чем слово "ОБ". Его точно так же необходимо получать в результате договора. И, если мы еще не забыли, чтобы до него добраться необходимо создать бесконечное количество норм. Во-2-х, ФП - хоть и процедура, но не формула. В нем присутствует нечто настолько неопределенное, что полностью лишает его детерминированного результата. Что впрочем, и следовало ожидать от правильной процедуры создания ОБ. В-3-х, ФП, как и всякое знание, не указывает конечную цель. Процедура может указывать только промежуточные цели. Что толку, что в правилах покера указано кто выигрывает. Как из этого следует, что участники обязаны стремиться к выигрышу? Или вообще играть? Мы, конечно, можем прописать (и должны, и прописали) в ФП, что каждый участник обязан стремиться к свободе, но это "правило" лишь ведет нас к "во-1-х"! В-4-х, развивая

все тот же "во-1-х", надобно уточнить, что бесконечность создания норм - не цель сама по себе, а результат того факта, что каждая норма, будучи конкретным знанием, сама просит чтобы ее отменили и заменили чем-то новым, ибо знание - как детерминанта разума - противник свободы. Процедура отменяет сама себя!

Какая же тогда связь между ФП и процессом создания нового блага? ФП - не процесс, а только часть процесса. Он не создает благо как таковое, он лишь удостоверяет "выигрыш" - объективную истинность результата. Это способ применить критерий моральной истины - убедиться, что все стали свободнее. Способ оценить созданную новую свободу и зафиксировать ее в норме. Но найденная норма, хоть и уточняет предыдущую, в принципе не может следовать из нее. Она должна быть новой, непредсказуемой. Норма - это лишь следствие применения критерия, своего рода побочный результат, который лишь расширяет наши возможности по планированию новой цели, но, как и любое знание, не подсказывает ее. Вечность нас не подвела - она бесконечна и можно жить дальше не опасаясь скорого конца.

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Новое генерируется случайно, договор лишь отсеивает все неверное, придавая случайному целенаправленность, а очевидное несовершенство нынешней процедуры отсева - вероятная причина того, что многие бредовые идеи очень долго фигурировали - и до сих фигурируют! - в качестве окончательных истин.

2 Отгадка моральной истины

- Польза знаний

Однако, не рано ли мы сдались? Новые идеи, требующие удостоверения договором, включая многочисленное ложное ОБ, всегда рождаются в чьей-то голове. Там, например, родились естественные права, представительная демократия, равенство полов, диктатура пролетариата, свободный рынок. И не все из перечисленного клинический бред, кое-что на каком-то историческом отрезке оказалось очень даже истинно. Ясно, что все эти идеи были целенаправленны. Как же их авторы угадали эту, вполне конкретную, правильную цель? Более того. "Лишь" отсеять неверное тоже не получится без понимания верного. Придется нам размышлять дальше.

Очевидно, несмотря на всю неуловимость объективности, она на практике вполне дееспособна. Чем? Тем, что хоть она не может указать что хорошо, она способна указать что плохо. Признайтесь, вы и сами это уже почувствовали, когда только вспомнили упомянутые выше идеи. Как нам это удалось? Ответ прост. Пусть новое непредсказуемо - зато предсказуемо старое, плохое, неправильное и вредное. Действуя, мы стараемся избегать этого и, чудесным образом, находим то, что нам надо. Так, мы не всегда можем сказать, что красиво, зато всегда - что некрасиво. Не знаем, что является добром, зато знаем - что злом. Не понимаем, где истина, но видим где ложь.

Все это - плохое, вредное, ложное и т.д. - палки в колеса свободы, а значит - старый добрый детерминизм, который прекрасно поддается познанию. Договариваясь о благе, люди не договариваются вести себя этично, они внутри уже этичны. Все, что им надо - выявить то, что мешает свободе. Договор учит. Это и есть познание свободы, познание

наоборот. Потому объективность этики оказывается практична - хотя и не так, как кажется. Она не только не указывает моральный абсолют, правильную норму или истинный процесс, она - это та же самая научная истина, только с обратным знаком. Из того, что нечто "есть", следует, что его быть "не должно". Вот и вся истина, вот и вся правда.

Не верите? Давайте посмотрим, что нам открывает научная истина. Физические законы, состав водки, обмен веществ в организме, симптомы вялотекущей шизофрении... А что делаем мы с этой истиной? Мы ее применяем на практике. Для чего? Чтобы выздороветь и окрепнуть. Знание физики помогает строить самолеты, биологии - травить микробов, психологии - избавляться от стереотипов. Более того, если мы посмотрим на критерий научной истины в самом его общем виде, он будет звучать так: "истинно то, что успешно подтверждено практикой". А что значит "успешно"? Это значит - победоносно. Это значит - мы стали свободнее, получили практическую, объективную пользу. Иными словами - нет никакой отдельной научной истины, есть только моральная. Только становясь свободней, мы знаем, что поступили, и нашли, и узнали что-то правильно.

И разве это не то что мы уже давно и неоднократно обсудили? Запрет насилия сводится к постоянному поиску и созданию возможностей для этого. Детерминизм так плотно оккупировал объективную реальность, что не оставил свободе ни одной лазейки. Оттого этическое "не делай" требует прежде всего ответа на вопрос "а как же тогда делать?" Любое знание требует его преодоления, потому что оно - знак детерминизма, его представитель, доверенное лицо. Вспомните о красоте. Не имея норм, нельзя их нарушить. А без нарушения не будет новой красоты. Точно так же не будет новой свободы без преодоления знаний - такого их использования, чтобы их причина потеряла свою силу. Разве после этого этическое "не делай" не приобретает более глубокий смысл? "Не делай" обращено к детерминизму и равнозначно - "умри несчастный!"

Из чего следует следующая тривиальная моральная истина: если свобода - наша цель, то борьба с насилием - наше средство.

- Ученые и свобода

Даже сами ученые уже почти согласны с этим, правда они еще об этом не знают. Многие из них считают, что свободными мы становимся от того, что познаем мир. Но разве знание закона освобождает нас от его действия? Наоборот. Оно теперь налагает на нас ответственность за последствия. Свобода - это не осознание необходимого и подчинение ему, не своеволие в рамках возможного. Свобода - преодоление неизбежного, изменение реальности, выход за детерминизм. Вот почему не наука приближает разум к реальности, а этика - реальность, вместе с самой наукой, к разуму. Так что все наоборот - разум познает мир, потому что он свободен и познает не просто так, а чтобы стать еще свободнее.

Я знаю, это звучит странно, потому что разум, как нам объясняет биология, всего лишь средство познания. Но давайте обратимся к братьям нашим неразумным. Кто заводил домашних питомцев, прекрасно знает насколько они умны. Как отлично они понимают наше поведение, наши привычки и наши желания. Как старательно они познают наш

мир, для которого их мозги совершенно, казалось бы, не приспособлены. Оказывается, прекрасно приспособлены. Сами ученые подтверждают нашу догадку. Не только дельфины, попугаи, обезьяны, крысы и вороны способны демонстрировать чудеса интеллекта, но и почти всякая тварь, кого судьба свела с людьми. Наши непосредственные предшественники - обезьяны - не только абстрактно мыслят, говорят и пишут, но и обладают лучшей чем люди памятью, не меньшими навыками труда и прекрасными способностями, необходимыми для социальной жизни, включая жертвенную мораль. Тоже, кстати, не хуже, чем у людей. Они прекрасно обучаются и живут дружным сообществом, пока ими руководят люди. Но вот беда. Как только всякое прирученное, наученное и обученное животное отпущено на волю, оно мгновенно забывает все, чему его обучили. Почему бы это?

Ему это не надо. Как ни странно, животные обладают достаточными способностями к познанию мира, но не пользуются ими по прямому назначению. Не менее интересен пример самих людей. Нет, я в данном случае не имею в виду большинство населения. Речь о доисторических людях. Ученые обнаружили, что мозг неандертальца по размеру больше нашего. Ученые конечно тут же оправдались тем, что, мол, даже маленький мозг, если его как следует организовать, намного эффективней. Но нас с вами так легко не проведешь. Какова реальная причина этого позора? Та же самая. Неандерталец действительно был умней. Просто он не использовал мозг так, как его используем мы. В том числе, чтобы называть себя умнее.

Как и у животных, у наших предков не стоял вопрос познания мира. У них просто не было такой цели. Их цель была совсем другая - выжить. Долгие тысячелетия доисторический человек жил биологически не меняясь, не познавая мир и не становясь, вследствие этого, свободнее. Что же случилось? Неужели пришельцы?

- Переход к свободе

К счастью, на этот раз обошлось. В письме про историю морали, мы поместили конец биологической эволюции там, где гоминиды стали массово уничтожать сами себя. Я думаю, точнее сказать - это было начало конца. Рождение человека случилось там, где гоминиды стали выбирать между насильственным альтруизмом и природным эгоизмом. Там, где появилась потребность в нормах и справедливости. И где родилась истинная мораль (рис. 5.2, точка А).

Выбор, как мы убедились, не отделим от смысла и цели. Вот тут-то мозг и переключился на что-то иное. У гоминид появилась цель стать людьми. И с тех пор мы (или они) только и делаем, что ставим эту цель. И попутно получаем знания, которые помогают нам ставить эту цель все лучше и лучше. Что же касается самой эволюции, то не будет преувеличением сказать, что, по крайней мере тут на Земле, она кончилась, ибо идти назад, от целенаправленности к бессмысленности, у человека уже не получится.

Впрочем, истина требует признать, что осмысленные цели разум начал ставить не сразу. Долгое время, назовем его "Эрой традиций", он освобождался наощупь. Это было время, когда люди только осваивались со своим разумом, и он действовал случайно, бесцельно и неосмысленно. Как это происходило? Мучительно (рис. 5.3, слева). Как в познании мира, повторяя тысячу раз какое-то действие, люди обнаруживали

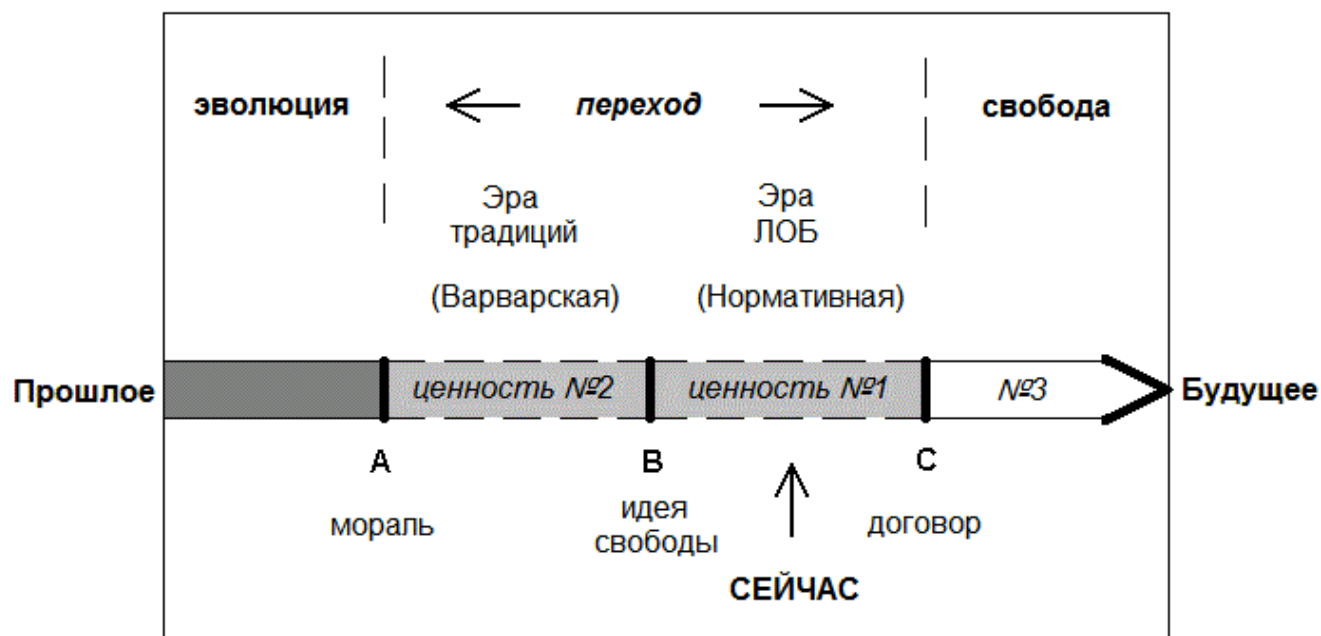

Рис. 5.2

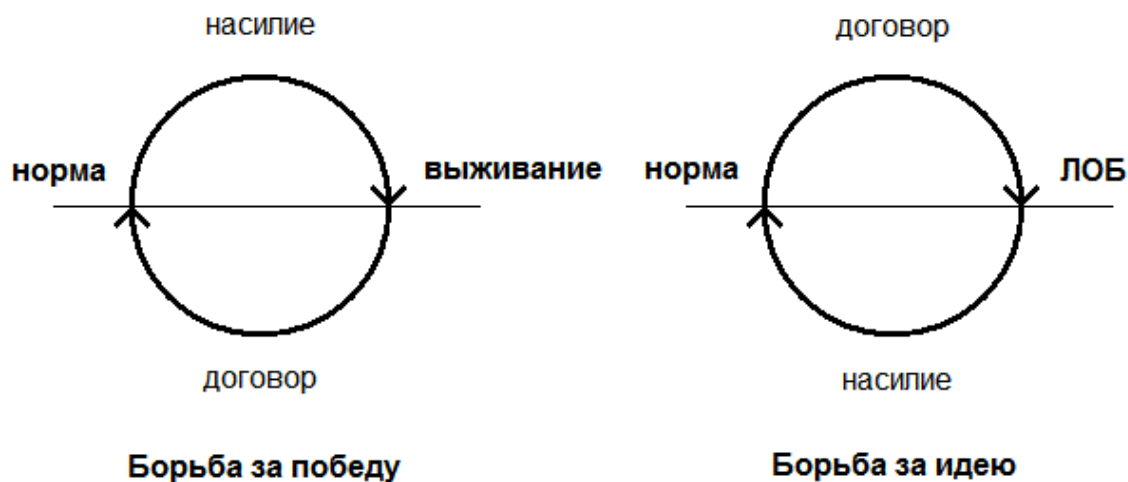

Рис. 5.3

причинно-следственную связь позволяющую больше не повторяться, так и в общественной жизни, стремясь к выживанию и ударяясь тысячу раз лбами, они находили норму запрещающую дальнейшее соударение. Норма становилась традицией и передавалась потомкам. В силу такого неспешного способа познания, история и тянулась мучительно долго. Истинность найденных норм удостоверялась ощущениями действующих субъектов, крайней судьей которым являлась совесть. После чего цикл повторялся, а совесть воспринималась инструментом познания, что, конечно, вовсе не удивительно. Удивительно, что столько лет люди умудрялись обходиться ей одной, без долгих размышлений.

Зачем нужны размышления? Чтобы не заставлять совесть мучиться понапрасну. Если в отсутствии размышлений поиск норм представляет собой постоянную борьбу, то с размышлениями - борьбу спорадическую, способную время от времени сменяться одним только ненасильственным убеждением (рис. 5.2, точка В), а в перспективе вообще исчезнуть (точка С). Именно момент В можно считать настоящим поворотом к свободе. Традиции - это своего рода приобретенные инстинкты, отчего Эра традиций вполне может быть отнесена к био-эволюции. Совсем другое дело Эра ложных благ. Это уже работа разума. Размышления не только распознали насилие, но и позволили осознать необходимость его преодоления, чем воспользовались пророки, философы и идеологи, завалившие человечество своими вариантами ОБ, которые по большей части были ложными, хотя и живучими. Насаждение идей ОБ происходило путем сначала убеждения сторонников, а потом - насилия к несогласным, которое иногда оказывалось вполне демократическим, а иногда - немыслимо жестоким (рис. 5.3, справа). Но в любом случае очевидна роль разума не как инструмента удовлетворения любопытства и познания, а как орудия борьбы с насилием, где познание - лишь средство, хотя и существенное.

Если на первом этапе, в Эре традиций, детерминизм социального насилия преодолевался неосмысленно, то в Эре ЛОБ уже появилось понимание необходимости поиска "правильного" общественного устройства. Очень кстати оказалось и познание мира с целью преодоления детерминизма природного, который сильно ограничивал возможности построить общество изобилия. Голодные всегда будут драться за последний кусок хлеба, но сытые вполне могут расслабиться и заняться голосованием! Что же будет в свободном обществе? Вопрос о правильности устройства общества будет снят с повестки дня, останется только вопрос правильности норм, который сольется с вопросом изобретения новых ресурсов, неотделимого от дальнейшего познания природы. Вот тут-то разум наконец и развернется во всю свою мощь!

Полезно обратить внимание на корреляции между эрами и ценностями. В Эре традиций главенствует ценность №2 - другие люди, коллектив, а также накопленная мудрость, т.е. ценность предыдущих поколений. Эра ЛОБ - время перехода к господству ценности №1. Умы начинает занимать личность и личная свобода. Если перевести вышесказанное на язык "типов" договора, то поиск истины, равно как и создание благ, в Эре традиций осуществлялся путем нерыночного договора, в Эре ЛОБ - путем рынка, но гарантированного нерыночно найденными нормами. Эра свободы, хочется надеяться, позволит обойтись только этичным рынком/договором.

- Главный механизм этики

Все это хорошо, но никак не проясняет ни вопрос о целях, ни вопрос о способах их достижения. Разве размышления гарантируют нам правильную цель? Очевидно нет. Принцип отрицания насилия еще ничего не говорит о том как это сделать. Побороть то же земное притяжение, например, можно тысячько способов. Как угадать правильный? Да взять сами наши письма! Размышления - это то, чем мы занимались с первого из них. И где результат? Где истина?! Все, что обнаружили - совесть и другие моральные механизмы, которые и без того хорошо известны. Вместо истины мы обнаружили ОБ, которое настолько абстрактно, что если и манит, то в полную неизвестность. "В вечность", как мы это назвали, да еще пририсовали стрелку слева направо. Правда, мы нашли ФП. Но и он - лишь критерий результата, фикция, а не путь к истине. Надо бы исправить это упущение.

Когда мы рассматривали этику договора, мы не обнаружили ничего, что помогало бы движению именно вперед, к новым правилам и выходу за их пределы, а не бестолковому мельтешению на месте. Описанные механизмы предохраняли нас от насилия, от нарушения чужих прав и от ограничения чужой воли. Они указывали как не надо поступать, но не подсказывали как это делать. Они не позволяли смещаться со стрелы вечности, но не учили продвигаться по ней дальше вперед. Они требовали следовать нормам, но не говорили, где их найти. Самое большее, что мы от них добились - надо стремиться к объективности, раздвигать черту и искать там смысл... Как говорится, быть за все хорошее против всего плохого. Но как? Как стремиться к №3, чтобы не промахнуться и попасть точно в цель?

Как органы чувств могут направлять нас в познании реальности? Никак. Они лишь предоставляют для этого возможность. Точно так же и моральные механизмы. Они лишь информируют о том, где насилие. Они, если следовать им абсолютно точно, приведут нас к полной неподвижности, да и то в мире ином, ибо само появление на свет - немислимое насилие. ОБ, запуская их, служит им своего рода противовесом, заставляя крутиться всю машину. Но в результате эта машина оказывается детерминирована. Мы не можем избежать этого рабства.

В чем же тогда настоящая свобода? В том, что мы не знаем, как она работает. Поиск целей, способов их достижения и оценки результатов не может быть объяснен никакими механизмами. Потому вместо того, чтобы радоваться готовым механизмам, мы только и удивлялись парадоксам. Правилам и их нарушению. Единству и разнообразию красоты. Эквивалентности обмена. Абстрактности пользы. Устареванию нового. Исчезновению ценности. Путанности изложения... Так есть ли у рабов свободы выбор или есть только его видимость? Есть! Но не в том, куда идти, а как! Мы не можем отвертеться от ОБ, но каждому надо найти уникальный способ туда попасть - каким бы парадоксальным он не был. И можно предположить, чем парадоксальнее - тем лучше. В этом и заключается свобода.

Итак, по необъяснимой оплошности, мы упустили самую важную часть этики, а наша методология оказалась лишенной центральной опоры. Вернее, мы подразумевали ее, и даже обсуждали, но забыли назвать. Назовем ее "не от мира сего". Вот теперь ОЭ стала намного завершеннее! Что можно добавить к названию? Что эта часть этики ищет путь к ОБ, ориентируется в парадоксах и находит выход там, где его не может быть. Это умение увидеть в детерминизме то, чего в нем нет - бессилия. Без этой части преодоление детерминизма было бы невозможно. Детерминизм оказывается

беспомощным, когда разум манипулирует им, использует его законы против них самих. Это - по-настоящему героическая часть ОЭ, ибо иначе как героизмом такое нельзя назвать. Открыть, изобрести что-то необычное и необъяснимое, выйти за грань возможного. В основе любой созидательной деятельности лежит побег от насилия, но эта часть этики не только заставляет рано вставать и идти на работу, преодолевая лень, неудачи, безразличие и усталость, но и целиться напрямик в №3, забывая об обеде и дне рождения. В клинической степени она превращается в талант, гениальность, искру божью и огонь небесный. А в человеческой - в чутье, интуицию, прозорливость, воображение и прочие умения заглянуть за горизонт, невзирая на минутное и преходящее. Ибо истину можно найти только там.

Я даже не уверен, что говорю сейчас об этике. Тут этика так срослась с разумом, что их уже не отделишь. Те размышления, что оставляют впечатление правильности - часть этой части. Знание - это распознанное, а потому чутьчку преодоленное зло. Вот почему, друзья мои, мы - друзья, хоть и посторонние. Все, кто пытаются размышлять - в глубине души этичные люди, а этичные люди в этом жестоком мире - друзья. Правда, не стоит придавать размышлениям не свойственный им вес, как это любят делать любители этого занятия. Вне объективной этики размышления бесполезны.

Кстати о философах. Многие из них любопытствуют - как нам это удастся, каким органом мы чувствуем неправильность мира, распознаем добро, творим красоту и совершенство? Да кто ж его знает! Насилие мучает, мешает спать и заставляет искать выход. Углубляться в детали бесполезно. Да и какая разница где живет эта часть этики? Мы ж не врачи. Главное, что это работает. Это - ~~наше~~ ~~собственное~~ "я" сама свобода, которая заложена в нас и которая проявляется в потребности ее постоянно утверждать.

- Предзаданность цели

Вот он - недостающий компас! Свобода сама указывает нам путь. Теперь понятно, почему мы до сих пор в дебрях насилия. Разве с таким компасом можно на что-то надеяться? Откуда в свободе определенность? Свобода предпочитает неожиданность, случайность, непредсказуемость. И тем не менее надеяться можно. Разум не просто угадывает правильное. Если бы это было так - каждый имел бы такой шанс. Однако, среди нас есть люди у которых это получается лучше других - истинные герои объективной этики и кавалеры общего блага. Каждый из нас обладает своим "я", но не каждый способен сотворить действительно вечное. Каждый может учиться и накапливать знания, но не каждый способен ими воспользоваться. Разум, отталкиваясь от старого и ложного, находит новое и правильное загадочно и необъяснимо. Все, что мы можем сказать - он делает это не случайно, а значит цель каким-то образом предзадана. И одновременно - абсолютно свободно, потому что даже случайность подчиняется статистическим закономерностям, новое же не подчиняется ничему. Предзаданность и непредсказуемость не отделяются. Они обе - свойства свободы, две ее стороны.

Предзаданность цели означает, что движение к ней так или иначе предопределено. Новое будет обязательно сотворено, ОБ будет обязательно создано, красота обязательно появится. И прошлое подтверждает - все это, действительно, появлялось: и красота, и добро, и сам разум. Эта предопределенность организует усложнение материи и нашу целенаправленную деятельность, и чем дальше все вокруг само- и несо-

организуется, тем больше в окружающем мире нового и хорошего. До тех пор, пока свобода "в конце концов" не охватит все и из хаоса родится совершенство. Предзаданность свободы делает возможным существование объективной правильности и истинного ОБ. Благодаря ей новое может стать объективно полезным, а мы способны создавать благо, пусть и уму непостижимым образом.

Не следует путать предзаданность с детерминизмом - однозначно или вероятностно предопределенным гарантированным результатом. Или с телеологией. У движения есть не столько цель, сколько направление, которое прекрасно уживается с причинностью - свобода как цель целей имеет не больше смысла, чем детерминизм как причина причин. Или с фатализмом. Ничто не гарантировано, а если и гарантировано - то только в вечности. Там, в вечности, будет все, только к нам это отношения не имеет, поскольку вечность всегда бесконечно далека. Именно поэтому свобода - не цель в прямом смысле, которую кто-то выбрал. Бесконечное время означает, что все что может случиться, обязательно случится. А это и есть свобода - когда все возможно. Но такая предзаданность цели ничего не говорит нам ни о средствах, ни о путях ее достижения.

Предзаданность, хоть и относится к реальности, не поддается изучению. Да, нормы, регулирующие поведение людей, выглядят как аналоги законов, управляющих движением материи. Тот факт, что законы обязательны, а нормы - добровольны, ничего не меняет. Свобода требует этичности так же, как следствие требует причины. Но это не значит, что этика - падчерица науки, а ее предмет можно точно так же познавать, хоть и внешней стороной лба. Законы природы никуда не деваются и если даже какой-то ученый не повторит опыт нужное число раз и не свяжет концы с концами, все равно рано или поздно их свяжет кто-то другой. В этике, несмотря на ее объективность, все иначе. Непредсказуемость лишает нас осмысленной надежды. Если нормы по каким-то причинам вовремя не открылись, следующей возможности можно ждать вечность!

Выражаясь красиво, если возможность - кусочек свободы в мире детерминизма, то предзаданность - кусочек детерминизма в мире свободы. А если некрасиво, предзаданность - грубый выход из парадокса, трюк, позволяющий совместить детерминизм и свободу. Это сочетание выбора с его отсутствием - сочетание детерминизма нашего стремления к благу, участия в договоре и подчинения нормам, с непредсказуемостью результата.

- Критерий истины

Если к цели нас ведет свобода, она же помогает в оценке результата, замыкая круг движения. Оценка всякой деятельности на предмет того, сколько в ней было насилия, а сколько новой свободы, возможна только договором, поскольку ни то, ни другое не бывает индивидуальным. Договор - генератор свободы, а консенсус - самый верный критерий ее подлинности. Рассмотрим этот процесс подробнее.

Если я не ошибаюсь, существует два типа договора - рыночный, преодолевающий природный детерминизм, и нерыночный, помогающий устранить социальное зло. Поскольку нерыночный договор несет в себе элемент принуждения, истинность новых норм рано или поздно должна быть подтверждена в процессе последующего добровольного обмена. Иными словами, истинное благо всегда попадает внутрь

пирамиды и удостоверяется успешным рыночным договором, как видно на рис. 3.6. Но и внутри пирамиды блага могут быть более или менее истинными. Как договор это определяет? Тем, что адекватно оценивает объективную пользу. Чем ближе к ОБ, тем истинней. Если творец опирается на свою субъективную творческую фантазию, то ценители - на свои не менее субъективные, но уже гораздо более объективные чувства/понятия вечного, совершенного и т.п. Почему более объективные? Потому что они посторонние. Но опираются не только и даже не столько на них. Оценивая новое, люди прежде всего отвергают известное, в виде безобразного, отвратительного, вредного, унылого, пошлого, бессмысленного. Это все - насилие, которое прекрасно ощущается субъективно. Можно сказать, что свободу мы чувствуем через ее отсутствие и потому насилие как и свобода - одно на всех, а значит вполне доступно договору. Договор решает не только математическую задачу - объединив мнения каждого, сделать из персональных оценок общую, но и этическую - сравнить людей и уравнять их оставив каждого уникальным. Ничто, кроме свободного договора с его замечательным ФП, на это не способно. И тогда деятеля может ждать успех, а может - неприятный сюрприз. Это и будет момент истины. Согласитесь, друзья, не испытываем ли мы нечто подобное, читая эти мои письма и вместе размышляя о свободе? Не кажется ли вам, что истина становится как бы ближе и понятнее?

Объективная польза, будучи истинной, отвергает известное, а значит - и существующее. Но практичное - это и есть существующее. Уточним друзья этот момент. Рыночный договор оценивает практические блага, однако практичность весьма растяжима. Есть два вида целей, располагающиеся в противоположных концах стрелы времени (рис. 3.3). Те, что работают на опережающий спрос, можно назвать потребительскими, те, что на опережающее предложение - духовными (рис. 5.4). Первые удовлетворяют нужду, которая подсказывается существующим, повторяющимся спросом, это действия по образцам, согласно известным нормам, это трудовой и не очень творческий процесс. Под договором тут имеется в виду не конкретный заказ и обмен, а информация, уже сформированная рынком. Человек нацеливается сначала на норму, а через нее повторяет пользу. Истиной ему кажется соответствие норме. Но многократное повторение уничтожает полезность и вместе с ней - истину (т.к. норма здесь касается стоимости/цены, а цена идет вниз поскольку создание ценностей уничтожает их). Истинность практических благ оказывается обратно пропорциональна их полезности - старая истина, как и любое знание, давно потеряла актуальность. И это ведет нас к духовным целям. Во втором случае мы имеем чистое творчество, поиск новых благ, не обусловленных прямо существующими нормами. Новый результат всегда выводит из некоего тупика, открывает новые перспективы, отрицает старое, плохое и вредное. И этим ощущением истинности доказывает свою неочевидную, но зато объективную пользу. Чем менее практически полезен результат, тем он истиннее.

Конечно, между этими крайностями нет пропасти. Всякое творчество опирается на правила и существующие образцы, а всякий продукт несет крупицу нового и индивидуального. Ничто не появляется из пустоты и не исчезает в пустоту. Любое благо является конкретизацией некоего блага выше этажом и служит своего рода вершиной собственной маленькой пирамидки благ, конкретизирующих его далее. Находя степень истинности блага, договор одновременно подтверждает истинность нижестоящих благ, хоть и скоррелированную с уменьшением времени жизни блага.

Не правда ли - чудесный парадокс? Особенно, если мы вспомним, что именно практика

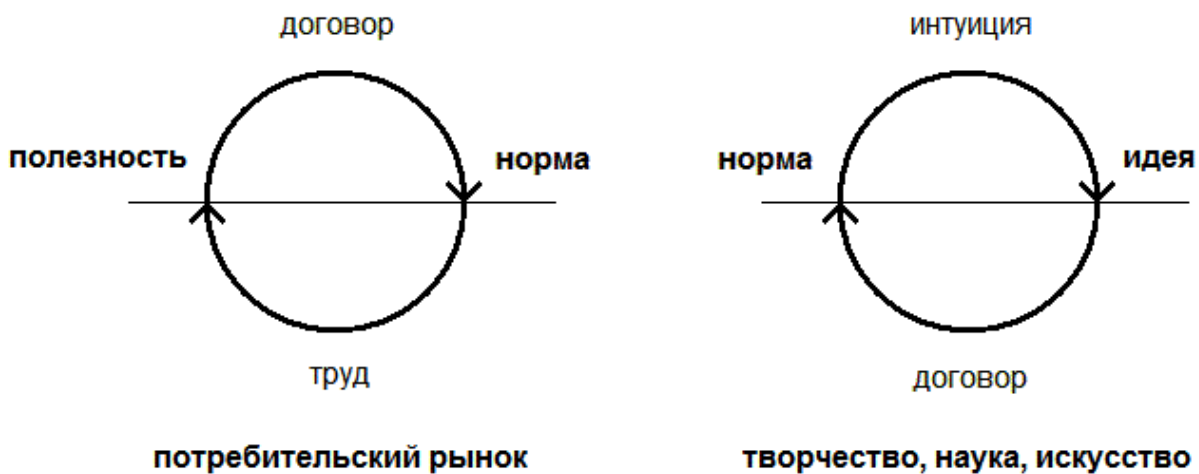

Рис. 5.4

- критерий истинности знаний. Впрочем, критерий истины лишь подтвердил то, что мы и так знали ранее: объективная польза обратно пропорциональна практической. Зато теперь мы можем сказать, что уверены в истинности наших размышлений! Но как осмыслить этот парадокс? В процессе "практического бытия" каждый из нас лично убеждается в правильности наших знаний о реальности, о детерминизме физического, химического и прочего бесцельного насилия природы. Знания, добытые наукой и подтвержденные практикой - единственный гарантированный способ его преодолеть. Но критерий истины утверждает, что чем дольше и труднее наши знания внедряются в практику, т.е. чем они фундаментальней - тем ближе они к истине! Что ж, критерий истины не менее парадоксален, чем она сама. Разгадка в том, о какой практике идет речь. Личная практика всегда субъективна и чем субъективней, т.е. практичней, тем детерминированней. Объективная же практика реализует вечный консенсус, который тем труднее, чем субъективнее (т.е. практичней) мнение каждого.

А без вечности нам никак. Этический договор опирается на прогноз в бесконечное время - а как еще гарантированно выяснить степень совершенства? Не получится ли, что мы все освободились за счет потомков? Воспользовались чем-то за их счет? Или наоборот, открыли за них все истины, лишив их жизненного смысла? Консенсус обязательно должен включать тех, кто еще не родился. Собственно именно они - наши потомки - самые важные участники договора, потому что им доступны те знания, которых нет у нас. А потому никакая истина не может быть окончательной. Единственное, что можно точно сказать, что каждая новая истина будет истинней предыдущей. И чем дальше в вечность - тем истинней, тем на дольше ее хватит. Что не мешает нам пользоваться нормами, которые мы все считаем истинными на данный момент. Потому что они

истинны насколько это сейчас возможно.

Тот факт, что мы можем найти истину, а вернее, тот факт, что мы все согласны с этим фактом - а я очень надеюсь, что вы друзья с ним согласны - пусть истину и временную, промежуточную, говорит о том, что истина возможна. Способ ее поиска действительно существует. Его парадоксальность, как и парадоксальность самой истины - следствие парадоксальности свободы. Каждый из нас свободен иметь свое мнение и это - обязательное общее мнение. Универсальной истины не существует и это - универсальная истина.

- Итоговая картинка

Теперь мне пришло в голову нарисовать схему "функционирования" свободы в обществе. Первоначально, процесс выживания плотно завязан на силовую добычу ресурсов и договор возникает как способ разрешить конфликты, преодолеть социальный детерминизм. Результат договора - общая цель (отказ от насилия), выражаемая в запретах, которые по сути являются "программой" упорядочивающей деятельность свободных субъектов, переориентирующей их с добычи на созидание. И хотя эта программа негативна, т.е. ограничивает произвол, такова ее единственно возможная форма - она создает условия для свободной деятельности. Свобода не может быть выражена иначе.

А далее наступает сотрудничество в рамках договора, где совместная трудовая деятельность приносит конкретные блага. Договор порождает сотрудничество, поскольку иначе он будет недолговечным - реализовать запрет можно только производством необходимых ресурсов, т.е. борьбой с уже природным детерминизмом. Итогом сотрудничества является опять договор, ведь произведенные блага надо оценить и распределить. Здесь удостоверяется истинность как программы, так и полученного ОБ - отталкиваясь от его практической пользы. Получается "кольцо" рыночного договора (который также можно назвать торговым, профессиональным, полезным, утилитарным, трудовым или обменным), рис. 5.5. Оценка и распределение благ чревато новыми конфликтами, а новое согласие, полученное в результате нерыночного договора (который также можно назвать правовым, согласительным, юридическим или конфликтным), приводит к уменьшению конфликтов. Отлаженные правила начинают работать как бы сами по себе, позволяя благам появляться регулярно и с меньшими затратами. Поскольку программа оставляет свободу каждому творить, результаты труда могут сильно отличаться в абстрактности - от рутинного производства ресурсов до идей о том, как их производить и даже распределять. Что поднимает общество на уровень выше, делает его все более справедливым, а сотрудничество - эффективным. Ибо чем более абстрактным, оригинальным и потенциально ценным является результат, тем больше людей вовлечено в его оценку, тем более вечным будет произведенное благо. Это приводит к тому, что размер кольца увеличивается, а его оборот - т.е. прогресс и движение к свободе - ускоряется. Соответственно, движение к свободе идет все быстрее и быстрее, общество становится больше и сложнее. Нерыночный договор работает похоже, но он находится как бы в перпендикулярной плоскости рыночному. Чем более новаторским является всякое договорное решение, чем сложнее дело и чем важнее конфликт, тем более полезным для будущего оно является. Нерыночный договор как бы поддерживает колесо общества, чтобы оно катилось ровно и не падало. И чем полезнее решение, тем лучше оно стабилизирует. Интересно отметить, что как нас учит механика, чем быстрее оно

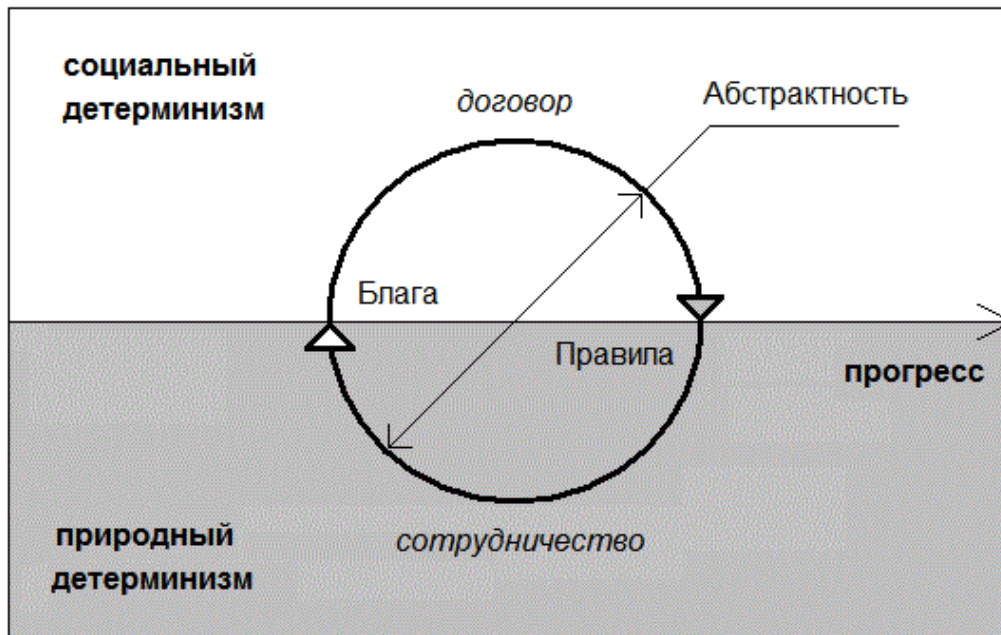

Рис. 5.5

катится (т.е. чем дальше идет прогресс), тем оно устойчивее, тем меньше конфликтов.

Наконец все встало на свои места - мы открыли недостающее звено ОЭ, рассмотрели как работает договор и знаем что такое истина. Почему бы не нарисовать завершающую картину нашей нелегкой жизни? Для этого осталось сделать малое - объединить рисунки 3.3, 3.6, 5.1, 5.4 и 5.5, и раскрасить то, что получится. Результат представлен на рис. 5.6. Он не только показывает основные и сопутствующие ценности, но их взаимную работу по реализации свободы. Договор вместе с истиной тут оказывается как бы сбоку, но на самом деле, именно договор является тем передаточным валом, который приводит в движение общество. Точка договора - консенсус - это статика, все что следует отсюда - динамика. Все сюда входит и отсюда выходит. Рассмотрим поближе.

"Не от мира сего", выражающееся в ценности красоты (красное) - то, что рождается в глубинах наших душ, порождая все то новое, что радует глаз. Далее все эти идеи стекаются в точку договора (желтое), где обсуждаются и оцениваются. Так происходит верификация правильности всего субъективного, что скопилось в наших головах. Найденные, уже объективные знания и решения фиксируются в нормах (зеленое). Далее эти нормы формализуются в законах и правилах, на которых покоятся справедливые социальные институты. Функционируя, институты позволяют каждому из нас трудиться на общую пользу, производя практические и не очень блага (синее). Польза, или полезность, которая тут главная за неимением лучшего термина, выражает не субъективную, практическую пользу, а объективную, это ОП и ОЦ - благо от любой осмысленной, целенаправленной деятельности. Деятельность, в свою очередь, не только будит творческий зуд и стремление к самореализации, но и порождает усталость и лень. Все это не дает нам покоя, требуя не только повторять отчеканенное в

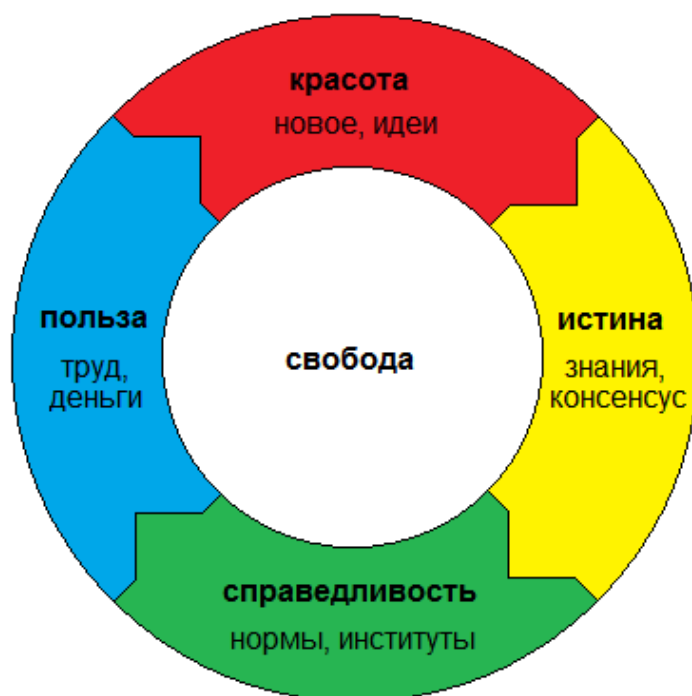

Рис. 5.6

существующих образцах, но и выдумывать что-то свое. Так мы возвращаемся назад к новому и стремимся к красоте, замыкая круговорот добра в природе, а свободы в обществе.

Если попытаться выразить это наше новое сакральное знание покрасивше, то можно сказать так. Красота - это свобода "открытая", это свобода в новом, в результатах поиска. Истина - это красота ставшая знанием, это свобода "признанная", свобода в понимании мира. Справедливость - это истина ставшая нормой, это свобода "деятельная", свобода в отношениях, во взаимодействии людей. Наконец, польза - это норма ставшая благом, это свобода "воплощенная", свобода в реальности, в обыденной жизни.

3 Размышление о размышлении

- Знания о свободе

Теперь, когда мы во всем разобрались, настала пора спросить себя - а зачем мы вообще размышляли о свободе? Разве наши размышления не равнозначны познанию свободы, объективной этики и общего блага? Вон, сколько уже наразмышляли, на целый чемодан потянет. Неужели теперь, в соответствии с принципом использования любого знания в целях освобождения, нам придется все это преодолевать? Отказаться и уничтожить?!

С каждым новым вашим вопросом, друзья, они становятся все интересней. Конечно,

как и всякое твердое знание, наши находки, если они конечно есть, надо преодолевать, чтобы стать свободными. Осталось только разобраться, какие находки. С одной стороны, мы рассматривали не столько благо, сколько все, что ему мешает. Так что тут все нормально. Но с другой, да, мы размышляли об ОБ. Но каком? Существующем, созданном, прошлом. Ведь люди не зря промучились на этой планете многие тысячелетия. Кое-что они успели создать и многое из этого даже сейчас смотрится вполне прилично. Однако, при ближайшем рассмотрении, выясняется, что все это надо если не переделывать с нуля, то уж доделывать точно. Созданное благо не только устаревает, оно держит нас, не пуская в будущее. Всю свободу, что мы находим и воплощаем в ОБ, природа обращает в закономерность. Что вообще такое результат договора? Это нормы. А что такое нормы? Это оковы!

Любое знание - знание о прошлом, о детерминизме, о том, что мешает свободе. Сама же свобода, как и истина, остается вечной загадкой. Реально только движение. Посмотрим еще раз на те находки, что мы на рассуждали. Да, есть ценности с номерами от 1 до 3. №1 и №2 - детерминизм: его придется преодолеть. А №3? Абстракция. Фикция. Пустое место. Так что тут ничего мы не нашли. Мы просто рассуждали о насилии, о том, какое оно бывает и о том, какое оно плохое. И остались наедине с ОБ и свободой. Словами, за которыми полная неизвестность, что преодолеть при всем желании не получится. Как и познать научно. Материя существует рядом и мы можем с ней экспериментировать сколько влезет - она упряма и однообразна. Все ее загадки всегда там, где им положено быть. Свобода ускользает от нас как только мы начинаем с ней экспериментировать. Она избегает познания. Любая попытка ее понять - попытка ее ограничить. Как знание, чтобы быть объективным, должно быть полностью свободно от какого-либо блага, так и ОБ, чтобы быть самим собой, должно быть свободно от всякого конкретного знания.

Свобода - один сплошной парадокс. Требование ОЭ выбирать свободу - т.е. отказаться от насилия и преодолевать детерминизм - само по себе напоминает детерминизм. Давайте посмотрим еще раз на весь процесс. Как работает разум? Он познает. Это - его не просто сущностный, но нравственный долг, коренящийся в ОБ и свободе. И вот, отталкиваясь от желания свободы, преследуя свою главную цель - ОБ, он после долгих усилий открывает закон отражающий реальность. Найденное знание позволяет предвидеть будущее. Это предвидение налагает на разум ответственность за последствия. Разум должен изменить будущее. Он ставит цель, включает волю, субъект производит подходящие действия и достигает некоего блага. Будущее изменено. Детерминизм больше не определяет будущее - он преодолен. Разум стал свободнее, убедился, что его знание было истинно, а ОБ стало ближе. Кстати, обратите внимание, друзья, именно теперь, когда найденный закон "не работает", разум знает истину, которая обратилась в ложь. И только потому она - истина.

Весь процесс выглядит вполне детерминированно. Получается, как и всякая работоспособная машина, разум трудится по закону. И в этом проблема - закон этот известен. Значит теперь его тоже надо преодолеть - выбрать опять детерминизм, насилие и т.д. Горе, прям, от ума. Как же быть? И правда применить этот "закон разума" к нему самому? Конечно. Но смотрите - что значит преодолеть выбор свободы? Значит следовать закону. Получается, что следуя своему закону, разум на самом деле преодолевает его! А преодолевая - следует. Примерно, как в наших принципах организации общества, ограничивая свою волю, разум на самом деле приобретает ее.

- Парадоксы свободы

Все эти бессмысленные умственные упражнения вполне соответствуют духу свободы. О ней даже размышлять бесполезно. Так что нам совершенно нечего бояться! Можно размышлять сколько угодно, зная, что все это зря. Например, предзаданность цели и объективность этики означает единственность финальной моральной истины. И одновременно свобода - возможность всего чего угодно. Означает ли это, что истин может быть множество? Что мы можем освободиться множеством способов и построить бесконечно много свободных обществ - с разными принципами и способами устройства? Разумеется - новое не только непредсказуемо во времени, оно непредсказуемо и по результату. Пространство будущих потенциальных открытий бесконечно, что как бы автоматически означает и разнообразие путей к свободе. Но в этом "как бы" и сокрыта истина. Если результатов может быть много, путь к ним - только один. Вместо финальной истины у нас есть направление - ОЭ единственна, а договор неизбежен.

Парадоксальность свободы, однако, не только в том, что она единственна в своем многообразии, но и в том, что она множественна в своем единообразии. Ведь путь к свободе - и есть свобода. Иными словами, пути тоже "как бы" разные - созданные блага меняют путь, придают ему своеобычность, но он ведет все равно к свободе. Попробуйте вспомнить рис. 2.2. За многообразием и разнообразием норм всегда скрывается что-то общее - точка, откуда они происходят и которую они обрамляют, универсальная ценность общего блага. За множественностью мнений скрывается единственность вечно ускользающего консенсуса, за множественностью вкусов - объективная красота, которую невозможно формализовать. Парадоксальность свободы не случайное недоразумение, мешающее нам познать ее и следовать ее канонам, а сама ее суть, позволяющая ей быть тем, что она есть - недостижимым маяком, указывающим путь. Ее нельзя ни познать, ни преодолеть.

Конечно, сама наша способность мыслить о свободе ставит в тупик. Как мы можем размышлять о том, что невозможно ни представить, ни вообразить, ни познать? Более того, не только размышлять, но и стремиться, ставить целью, действовать и в итоге достигать? И еще более того - класть в основу мировоззрения и смысла бытия? Но давайте не будем становиться в тупик. Для разума нет тупиков - он способен мыслить о чем угодно. Посмотрите - люди мыслят о Боге тысячи лет. И не просто мыслят, а готовы горло перегрызть, если кто-то мыслит не так как надо! Согласитесь, куда проще оставить каждому возможность видеть свободу так как ему хочется - свобода очень проста на самом деле! Там, подозреваю, просто нечего познавать.

Тут, возможно, кроется ответ на вопрос о познаваемости мира, который люди зачем-то себе периодически задают. Познаваем ли мир? Вроде да - мы же его познаем. Как иначе можно идти к свободе? Но тогда и движение, а значит и свобода, оказывается гарантированы. Рано или поздно мир изменится к лучшему, а свобода появится. Пусть и в вечности. Но свобода не должна быть гарантирована. Потому что иначе ведь можно ничего не делать - все само собой случится. Значит - непознаваем? Конечно. Всегда остается возможность движения, познания, а значит - и неведомого. Но тогда свобода недостижима - она всегда ускользает от нас. Значит мы просто не знаем ответа? Нет, потому что это означает, что ответ есть, а значит мы его узнаем или не узнаем и сам этот факт уже будет ответом. Ответа просто нет. Как и конца движения. И в этом

отсутствии ответа тоже заключается свобода, вместе с ее предзаданностью. Нет смысла задавать вопросы, ответы на которые лишают смысла сами себя.

Как же свобода умудряется находиться внутри разума и при этом оставаться... ээ... познаваемо-непознаваемой? Боюсь, что в данном случае разум, по крайней мере мой личный, бессилен. Ведь он отталкивается, или по крайней мере старается, от логики, а ее законы, как и всякий детерминизм, бессильны против свободы. Но тогда, возможно, есть смысл задать самый главный вопрос. Как оценить правильность выбора самой свободы в качестве конечной точки движения? Откуда мы знаем, что все написанное здесь истинно? Почему-то мы основываем этику на свободе, а не скажем, на любви к мудрости, ночным медитациям и иным духовным удовольствиям? Что-то же нам подсказывает такое решение? Подсказывает сам разум в его самом простом, тривиальном и примитивном виде - в виде здравого смысла. Ибо, кроме здравого смысла, в разуме, в принципе, ничего нет.

- Нереальная реальность

Предвидя ваше возмущение, друзья, тут возможно, стоит подумать вот о чем. А действительно ли свобода существует? Остановимся на минутку и уточним вопрос - что существует, а что нет.

Существует ли ОБ? Созданное, конкретное - конечно. Оно вокруг, его видно, его можно пощупать руками, ценность его можно чувствовать, хоть она и норовит то и дело устареть и исчезнуть. А будущее, абстрактное? С этим сложнее. Существуют ли физические законы? Математика? Просто числа - те что на бумаге? Раз мы о них говорим, они так или иначе существуют. Познавая реальность, человек создает ее модель у себя в голове. В случае этики, человек создает благо по модели из головы. Так что не будет большим преувеличением сказать, что ОБ ничем, с точки зрения способа существования, не отличается от тех же чисел. То же со свободой и детерминизмом - это свойства реальности, мы лишь мыслим их, обозначаем и называем. Свободу - как ОБ, красоту, добро, как черту "между я и ты", детерминизм - как знания, числа, физические законы, логику. А поскольку и сама реальность объективно существует, то объективно существуют, хоть и в несколько ином смысле, и числа, и ОБ. И неважно, что существуют они в голове, вместе с тем, что составляет нашу личность - размышлениями, мечтами, целями. Ведь без всего этого и сама голова не могла бы существовать, а уж она точно существует.

Так что свобода "существует" и в нас, и во вне. Ту свободу, что существует в нас, мы ощущаем и осознаем как сомнения, мысли и волю, как желание творчества, как стремление к добру. Та свобода, что существует вне - это источник всего нового в мироздании, включая и нас, а значит возможно - и самой материи! И поскольку все новое приближает мироздание к свободе, она - также цель, а точнее маяк, ориентир и азимут, указывающие направление общего движения. Цель мироздания не стоит путать с Общим Благом, Мировым Добром, Божьей Волей и т.д. ОБ появляется вместе с разумом, как потребность выжить - вместе с жизнью. А Божья Воля скорее всего так никогда и не появится.

С субъективной точки зрения реальность имеет две стороны - материальную и нематериальную. Можно также сказать - внешнюю и внутреннюю. Первую мы

постигаем чувствами, вторую - разумом. Первая рождает боль и удовольствие, вторая - числа и красоту. Первая ограничена, вторая - бесконечна. А что делает здравый смысл? Он говорит нам, что все это вполне реально, что мы свободны в своем выборе, мы ощущаем свободу каждую секунду, когда мы мыслим, мы существуем как люди только благодаря ей. И еще добавляет - все, что ей мешает, должно исчезнуть.

Вообще-то у реальности много сторон, просто все они упорядочены парами. Возьмем опять детерминизм и свободу. Детерминизм - это причинность, закономерность, повторяемость и в конечном итоге - один и тот же вечный порядок. Свобода - непредсказуемость, самоорганизация, усложнение и в конечном итоге - движение к порядку высшего порядка. Взаимное отрицание и единство детерминизма и свободы говорит о том, что это - две стороны одного и того же. И это не должно нас удивлять. Мир дуален во всем - иначе бы в нем не могло быть наших любимых парадоксов. Дуальность - это не только противоположности, это еще и тонкая, неуловимая граница между ними. Нам надо научиться видеть эти границы - между правым и левым, между ты и я, между свободой и насилием, между добром и злом. Границы неуловимы, но они есть! Если бы их не было, весь мир представлялся бы нам одним сплошным серым пятном. Какой он, на самом деле, наверное и есть, если его рассматривать под слишком сильным микроскопом. Но видим его совсем другим - многообразным, красочным, наполненным формами. Нам осталось научиться видеть не только глазами и ушами. И тогда этические границы станут такой же реальностью, как и все прочие. Как звезды на небе - недостижимые, но вполне отчетливые.

- Последний аргумент

После такого экскурса в мир всевозможных бессмысленностей, нам должно быть ясно, что стать этичным, не обладая здравым смыслом, никак не получится. А уже исходя из этого ясно, что ФП и прочее содержимое будущей книги, что мы наразмышляли за последние дни - это тоже объективная, трансцендентная, не зависящая от нас реальность и этот факт мы полагаем истинным аксиоматически - не раздумывая. Так нам подсказывает не только разум в виде здравого смысла, но и наш мысленный договор, который мы как бы заключали на протяжении последних дней, читая эти письма с картинками. Вы же были согласны, правда друзья? Или вы еще сомневаетесь?

Напрасно. Скептики могут сколько угодно сомневаться в объективности этики, реальности свободы или торжестве справедливости, но мы будем опираться на здравый смысл и не отступим от него ни на шаг. Ибо здравый смысл лежит в основе всех наших знаний. Это он направляет наш разум, заставляя видеть правильное и убеждаться в нашей свободе заблуждаться. Это он угадывает новое и разгадывает парадоксы там, где выход не выводится ни из каких оснований. Даже наука - это тот же здравый смысл, только оздоровленный чуть больше. Люди, которые отрицают истинность свободы, это скорее всего роботы, потому что только у роботов нет свободы. И конечно здравого смысла.

Почему же тогда еще не всем разум подсказывает очевидное? Не знаю. Знаю только, что наши рассуждения правильны. Здравому смыслу присущи многие ощущения - правильности, истинности, красоты, пользы. Хоть и довольно ненадежные. Для верности желательно удостоверять их явным договором, на что я очень надеюсь в вашем лице. Признаюсь, лично мне нравится предположение о свободе, как основе всего человеческого. Оно вполне правдоподобно и из него при помощи несложных

соображений следуют многие важные вещи. Мне кажется, что весь тот смысл, который я вложил в предыдущее изложение - вполне здравый, если не сказать тривиальный, а значит достоин считаться истинным. Если же вы не согласны - значит со здравым смыслом у меня проблемы. Или у вас. Но даже если проблемы у нас у всех, всегда можно полагаться на другие разумные существа, обитающие во вселенной. Они обязательно прилетят и одарят здравым смыслом обитателей этой планеты. Так что просто поверьте, если не хотите проверять это своим лбом, ждате их прилета или мою запоздалую и, я надеюсь, более убедительную книжку. Тем более, что в принципе, общее согласие нам не требуется. Мы ж не на партийном собрании?

- *Окончательная истина*

А чтобы облегчить вам этот процесс, я решил свести вместе все основные вопросы, на которые мы ответили, в виде простой и универсальной истины. Проверьте себя, одинаково ли мыслим?

- Как надо жить/действовать/поступать/вести себя?

Стремиться к ОБ.

- Что это такое? Каков его критерий?

Максимальная свобода каждого.

- Но зачем мне свобода?

Чтобы стать человеком.

- А это для чего?

Чтобы творить новую свободу.

- А если я не хочу быть таким человеком?

Хотите.

- Откуда это известно?

Иначе вы бы не задавали эти вопросы.

- Допустим. Как стать человеком и достигнуть свободы каждого?

Быть этичным.

- Что для этого надо?

Искать нормы путем договора и следовать им.

- Где гарантия, что мы договоримся и никто не обманет?

Люди хотят свободы. Но гарантии нет. Свобода никогда не гарантирована.

- Каков критерий правильности полученных норм?

Правильная процедура договора - ФП.

- Откуда мы знаем, что сам ФП правильный?

Он будет получен тем же способом.

- Значит ФП докажет сам себя?

Да, ибо другого доказательства нет и быть не может.

- Но это замкнутый круг? Как в него попасть?

Дождитесь книгу "Культ свободы" и начните с главы "ОЭ".

- Значит окончательная истина там?

Там описана стартовая точка. Окончательной истины нет.

- Если ее нет, то что тогда эти ответы?

Это способ искать истину.

- Но откуда мы знаем, что они верны?

Здравый смысл

- Откуда мы знаем, что он прав?

Оттуда же.

Если выразить все это по библейски кратко: "Человек творит этот мир, совместно со всеми, стремясь к общему благу и находя в процессе истину. Ибо сказано так."

4 Информация

- Пища разума

А я тем временем продолжу.

Если в движении к свободе опираться на договор и пользоваться правильными инструментами - есть шанс, хотя не гарантированный, найти истину, а если не

опираться и неправильными - есть гарантия результата, но ложного. Какие бывают неправильные инструменты? Это, например, моральный конфуз, личная субъективность, ложное общее благо, моральные идеалы, политические убеждения. Отсутствие здравого смысла - тоже неправильный инструмент, но он уже настолько неправильный, что выходит за рамки всякого, а не только здравого смысла. Неправильные инструменты проникают в сам процесс договора - в обмен мнениями, объяснение, обоснование, доказательство и т.п. В основе всех их, как нетрудно догадаться, лежит насилие. Поэтому, продолжая нашу традицию рассуждений о всем, что мешает свободе, потратим немного оставшееся сегодня время на те его виды, что препятствуют заключению договора и познанию истины.

Начнем с самого начала. Самое начало - это информация. С нее начинается не только обмен мнениями, но и сам разум. Не вдаваясь в суть этой субстанции, просто отметим, что информация - сигналы объективной реальности, попадающие из внешнего мира в глубины разума и посредством неких загадочных манипуляций превращающиеся там в "картину мира" - отражение реальности и представления о ее будущем. Из чего ясно, что разум вряд ли сможет долго оставаться разумом, если ему перекрыть этот живительный поток. Картина мира, создаваемая разумом, должна не только присутствовать, но и быть более-менее адекватна реальности. Как у разума получится ставить цели, тем более бесконечно далекие, если все на самом деле совсем не так? Истинность его построений напрямую зависит от истинности и полноты информации.

К счастью, разум способен достаточно легко собирать необходимую информацию, пользуясь тем скудным набором органов чувств, каковым щедро одарила его природа. Вся эта первичная информация - без продвинутых научных методов и дорогого оборудования - формирует в нас здравый смысл, на который мы постоянно опираемся в суждениях. Отсюда вытекает важный факт о свободе: ограничение доступа к информации - самое серьезное препятствие свободе и самое серьезное насилие. Даже хуже физического - если с физическим можно разобраться имея информацию, то без верной информации разобраться не получится ни с чем.

Но неприемлемость сокрытия информации не означает, что необходимо ее вдалбливать в головы помимо воли их обладателей. Ненужная и избыточная информация не только бесполезна, но и вредна - она легко может исказить картину мира. Запутавшись, человек может сойти с ума и шагнуть в телевизор. Нетрудно догадаться, что граница между необходимой и явно избыточной информацией пролегает по границе между сферами общества. Публичная информация совершенно необходима для договора, в то время как личная не только не дает ничего полезного, но напротив, мешает договору, искажая абстракции посторонних и даже подменяя собственную картину чужой.

- Обман и ошибки

Картины мира, образовавшиеся в разумах разных людей, никогда не бывают абсолютно похожи, потому что в каждый разум всегда попадает уникальная информация. Это не страшно, потому что уникальность не мешает людям жить вместе, находить объективные ценности и ставить более-менее адекватные цели. Что легко достижимо, если обмен информацией, как и всякий обмен, следует нормам договора. Однако, есть нехорошие люди, которые не хотят свободы и под видом достоверной информации

подсовывают сфабрикованную. Делать это несложно, поскольку первичная информация - только малая ее часть. Большую люди получают символически, от других - люди делятся друг с другом уже готовыми картинами мира, что сильно облегчает процесс размышления. И не только облегчает, но и заменяет. Ведь намного удобнее получать приготовленные и пережеванные решения, чем доходить до них своими мозгами. Первая проблема тут в том, что чужие картины мира всегда субъективны. Вторая - картины, проталкиваемые обманщиками, целенаправленно отрываются от реальности. Третья - привыкая к потреблению готовых блюд, мозги перестают доверять даже своим собственным глазам. Нет никаких сомнений, что разум в таких условиях не только сходит с ума, но и теряет последние остатки здравого смысла. Что оказывается очень эффективно для обманщиков - человек лишается самостоятельности и превращается в робота, он не только ведет себя как от него требуется, но и помогает распространять фальшивую информацию дальше. И при этом становится счастливым, потому что чувствует себя проводником истины и образцом морали.

Эти соображения подтверждают давно известное - свободный человек сам решает, что истинно, а что нет, и сам собирает для этого всю необходимую информацию. Это - основа его свободы, моральной автономии и права называться человеком. Но бывает, человек заблуждается. Сам, без посторонней помощи. Такой честно заблуждающийся выбирает ложь добровольно, верит в нее и упорствует в ней. При этом он уже не может исправиться - ведь он действует самостоятельно! Что же делать, если человек ошибается? Надо просто напомнить ему - всякая точка зрения субъективна и требует объективизации договором. Никто не может составить в голове правильную картину мира, даже если очень хочет. Каждый хоть немного ошибается. Заблуждение не в том, чтобы допустить ошибку, а в том, чтобы упорствовать в ней, забыв о договоре! Тут, конечно, есть сомнения. Разве не может быть так, что ошибаются все, а прав - кто-то один? Может! Но надо быть этичным и стремиться к объективности. Это и необходимо, и достаточно. Разум, несмотря на склонность к ошибкам, еще больше склонен к их признанию и исправлению, к докапыванию до истины. На то он и разум.

- Сомнение

Сомнения, которые нас постоянно мучают, играют в мышлении важную роль. И дело не только в обманщиках и упряמצах - откуда они среди нас? Причина в том, что против разума выступают не только нехорошие люди, но и нехорошие силы. Впрочем, силы всегда нехорошие. В данном случае я имею в виду авторитетность, популярность, распространенность, актуальность, разнообразие, правдоподобие и тому подобные "объективные" качества точек зрения, источников мнений и способов получения информации. Подобное "объективное" насилие - это уже детерминизм в чистом виде, без всякой целенаправленной примеси со стороны обманщиков.

Вот почему, друзья мои, самым важным качеством свободного человека и первым признаком здравомыслия является сомнение, скептицизм и критичность по отношению к любой истине. Сомневаюсь - значит существую. И это не просто красное словцо! С сомнения начинается наша способность думать. Ведь то, что жестко закодировано в мозгу природой, что детерминированно логикой, не знает сомнений. Сомнения - необходимый элемент рождения любой идеи, это шаг в поиске нового. И это шаг к решению. Мы не можем бесконечно сомневаться. Рано или поздно мы избавляемся от сомнений, принимаем решение и действуем. Так проявляется свобода -

сначала в сомнениях, потом в идеях, потом в воле к их воплощению. Сомнения - это преодоление предзаданности, это ощущение возможности, это чувство открытого, податливого нам будущего.

Так сомнения рожают в нас ощущение нашей свободы. Мы сомневаемся и значит - размышляем, мы размышляем и значит - существуем. Не правда ли - какой странный феномен? Я бы назвал его парадоксом парадоксов. Ибо благодаря сомнениям, т.е. неуверенности, мы приобретаем самую большую уверенность: сомнения - и следовательно наша свобода - становятся самым правдоподобным на свете! Свобода загораживается от нас своими парадоксами, делает все, чтобы мы не смогли ее познать. Ведь как хорошо, если бы все было логично. Логика проста, наглядна и потому чрезвычайно убедительна, она лежит в основе детерминизма и следовательно - всех наших знаний. Но свобода в случае сомнений умудряется перехитрить саму себя. Теперь нас убеждают сомнения, а правдоподобным становится самое неправдоподобное! Отсюда уже недалеко и до познания самой свободы - чем больше в ней парадоксов, тем она понятнее, не так ли?

Искатель истины всегда открыт новой информации, особенно противоречащей его точке зрения. Боязнь сомнений - первый признак заблуждения. Тот, кто не хочет сомневаться и не ищет опровержений своих взглядов и принципов, даже если он считает себя свободным и самостоятельным - на самом деле обманщик и насильник. Но в основном дурак, ибо только дуракам свойственно верить в окончательную истину, простую и понятную как гвоздь. Однако не следует путать скептицизм с неверием и пессимизмом. Сомнение в собственных принципах и чужом мнении не имеет ничего общего с сомнением в существовании истины. Потому что иначе - зачем вообще думать?

Сомнение в чужом мнении особенно трудно, если оно совпадает с собственным. Более того, постороннее подтверждение собственных мыслей имеет замечательный эффект многократного усиления их истинности. Возможно этот эффект вызван тем, что мы изначально придаем постороннему мнению вес больший, чем собственному. Ведь все внешнее имеет для нас иной познавательный статус, более объективный. В этой проблеме есть две стороны. С одной из них, собственное субъективное мнение должно быть эквивалентно по значимости постороннему. Иными словами, источник мнения должен быть исключен из рассмотрения - все мнения равно значимы и оцениваются только по их собственным заслугам, независимо от их статуса или распространенности. С другой, объективность требует оценки ее степени, а возможно ли отделить оценку мнения от оценки его источника? И с этой точки зрения собственное мнение имеет важное преимущество - собственное "я" кажется нам гораздо знакомее любых иных источников. Однако так ли уж хорошо знаем мы себя?

В отличие от свободы, сомнения не очень приятны. Если сомнения вызываются нашими внутренними мыслительными процессами, их неприятность терпима. Если внешними доводами - они могут оказаться невыносимы. Так мы подвергаемся насилию собственной "правоты", отчего становимся неспособны объективно относиться к доводам оппонентов. Наш мозг сам собой предпочитает запоминать доводы, подтверждающие нашу правоту и игнорировать прочие. Осознание собственной неправоты вообще вызывает неприятные ощущения от которых хочется избавиться. Однако вместо пересмотра своей позиции, мозг искажает наше восприятие реальности.

Игнорируются не только доводы, возникает неприятие новой информации. Существует предвзятость к новым открытиям даже у ученых! Люди стараются сберечь собственную картину мира, стыдясь признать себя неправыми, потерять самоуважение. Но нужно ли нам такое самоуважение?

- Движение информации

Далее. Как договор происходит в жизни? Как протекает процесс обмена мнениями, в итоге которого достигается объективная норма? Везде и всегда, где и когда взаимодействуют посторонние, незнакомые или плохо знакомые люди. Причем не обязательно напрямую. Объявление, знак, ценник, вывеска, и вообще любая информация - это элемент договора, чье-то мнение, которое ожидает встретить внимание и понимание. Договор - это непрерывный и постоянный процесс в который мы погружены с того момента, когда попадаем в общественную жизнь и публичную сферу. Но разумеется достигнуть объективности только с помощью вывесок тяжело. Лучше всего когда обмен мнениями протекает достаточно быстро, чтобы успеть получить ответ до того как принять решение и действовать. Поэтому, помимо самой информации, важным условием договора является легкость ее путешествия во времени и пространстве.

Разумеется, "легкость" - слово за которым скрывается невероятная трудность. Сама по себе информация не путешествует. Она всегда перемещается с помощью людей, отчего это сопровождается теми же проблемами, что и ее содержание. Чтобы договор состоялся, люди должны его хотеть, а значит в процессе обмена информацией они должны выбрать ОБ, а не другие ценности. Но пока люди не знают об ОБ, это невозможно, а значит оно и не появится! Возможно, в глубине души все они стремятся к свободе и ОБ, но от абстракции до конкретики - бесконечность! Без конкретного понимания ОБ, как осознанного "общего блага", люди распространяют информацию с совсем другими целями, прямо противостоящими ему.

Чтобы убедиться в сказанном, достаточно проверить, как информация о будущей книге, которую, как вы наверное обратили внимание, я хотел бы назвать "Культе свободы", сможет распространиться сама по себе, без помощи насилия. Давайте в качестве естественно-научного эксперимента, объявим о книге, ОБ и объективной этике формально-публично, и посмотрим, заинтересует ли она кого-нибудь. Что-то мне подсказывает, что дело ОБ не сдвинется ни на шаг, ибо ОБ слишком уж противно нынешнему насильственному обществу.

Посему сомнение в информации необходимо дополнять недоверием к ее источникам и каналам распространения. Что уже вносит определенный диссонанс - как все это можно сочетать с доверием, жизненно необходимым для договора? Очевидно, пока ОБ остается призрачной книжной концепцией, доверие не должно быть слепым, оно должно подкрепляться не только здоровым сомнением, но и активной просветительской деятельностью в сочетании со всеоружием знаний. А исследовать тут есть что! Если вам кажется, что экономическое насилие сложно и непобедимо, подождите пока не познакомитесь поближе с информационным. Много о нем уже известно. Например, если внедрять моральные нормы, подсказанные голосом в голове, получится религиозное насилие. Если научные идеи справедливости, подсказанные формулами в учебнике - идеологическое. Если надо развести на деньги - тут на выбор: рекламно-маркетинговое, психологическое, эмоциональное и наверняка еще немало

какое, включая бесконечное множество видов мошенничества, манипуляции данными, подтасовки и т.п. Но многое еще покрыто тайной, друзья мои. Многие истины являются ложью. Многого просто нет. И поскольку все обсудить мы вряд ли сможем, давайте сосредоточимся на том главном, что первым подвернется под руку.

5 Насилие информации

- Язык

Проблемы с информацией начинаются с самой информации. Информация отображает реальность в укороченную форму. Но как сделать так, чтобы картина мира всегда была представлена точно и полно? Как конечным набором знаков за конечное время выразить неисчерпаемую реальность? Очевидно, это невозможно. Не хватит никаких смыслов. Они должны постоянно появляться, а значение представляющих их знаков и слов - постоянно уточняться. Но как? Как договариваться, если нет способа обмениваться осмысленными текстами?

Мы сталкиваемся с ситуацией, когда каждое слово приобретает бесконечный смысл. То есть слова неясны, неоднозначны, неопределенны, а один и тот же смысл может быть выражен разными словами. В результате, язык невозможно использовать так, чтобы не ввести в заблуждение. Ничто, даже этика, не может гарантировать ясность любого текста, включая математические формулы. Однако в случае формулы дело обстоит несколько лучше. Можно сказать, хорошо, насколько это только возможно. Значит этика требует общаться формулами?! Это же бред! Как же быть с выразительными средствами и оттенками смысла? Со стилем, художественным словом, полнотой чувств и эстетическими изысками? Сарказмом, иронией, намеками и двусмысленностями? Разве все это, да и неформальность как целое, не представляет собой особенную ценность в общении? Возможно, более точно удастся передать смысл именно таким путем, а не строго формальным?

Легко убедиться, что именно формальный язык способен передать что-то максимально точно, если конечно не считать неясность языка точным отражением неясности реальности. Тот текст, который вы прочли - разве он был ясен и грамматически правилен? Нет. Разве смог он развеять хоть какое-то недоумение? Нет. Тем не менее вы его поняли. В чем причина? В том, что мы друзья - и потому мы понимаем друг друга. Хотя и используем слова двусмысленные, бессмысленные и нагруженные эмоциями. Да и возможны ли промеж друзей слова без эмоций?

Однако, чем больше мы подходим к публичной сфере - тем сильнее абстрагируемся от личности. Как можно передать информацию, чтобы ненароком не обидеть, не польстить и не еще как-то эмоционально принудить? Формальность отношений невозможна без формального языка. Как ни печально, новая публичная сфера должна выработать и новый язык - нейтральный и абсолютно бесстрастный. Значит ли это, что появится два языка - личный и публичный? Именно! Публичный переориентируется на формальность. Из него уйдут эмоции. Он избавится от красотостей, многообразия форм и флексий, станет строгим, сухим и чисто функциональным. Передавать богатый внутренний мир постороннего человека не только излишне, но и неэтично. Причем как ни утопично это может показаться, вполне возможно язык подвергнется

целенаправленному улучшению - в конце концов чем нормы языка неприкосновенней любых других? Тогда и тот язык, на котором я пишу, и тот, на котором вы это читаете, наконец займут полагающееся им место в пыльных анналах истории. А мы с вами сможем общаться на том языке - ясном и правильном - о котором сначала договоримся!

Впрочем, зачем уничтожать языки? Ведь можно пользоваться разными по-разному. Люди будущего будут вероятно полиглотами - владение несколькими языками расширяет пространство возможностей. Возьмем, например, художественную литературу. Взрослому человеку она не слишком нужна, потребность в поучительных или занимательных историях характерна для людей инфантильного склада. Но, однако, без этого невозможно воспитание! Взрослым литература может и не нужна, но детям - необходима. Особенно с точки зрения этики и моральных конфликтов. Можно ли стать этичным освоив только таблицу умножения? Пока человек научится формально выражать свое мнение, ему придется пройти через эмоциональный этап. Включая горькие слезы от неумения сказать то, что хочется.

- Каналы

Бесконечная информация о бесконечном мире требует ее отбора. Как и на чем основывать отбор? С первичной информацией проблем нет - органы чувств более-менее справляются, проблема со вторичной. Эта информация передается по каналам - мысли сами по себе не существуют вокруг нас. Что такое канал? Это может быть человек или группа людей, а также техническое средство, представляющее множество таких групп или средств. Канал может передавать мысли от одного источника, а может - собирать их отовсюду, может передавать их много, а может - мало, может передавать честно, а может - врать, заблуждаться или барахлить. Учитывая, что источник информации не всегда ясен, отличить источник от канала, а канал от источника бывает невозможно.

Как выбрать канал? Как относиться к его информации? Насколько ему доверять? Канал - это не природный феномен, его научно не исследуешь. Еще неизвестно кто кого исследует. Поскольку любой канал ограничен, как минимум надо знать принцип, по которому он отсеивает ненужную информацию, и насколько эффективен он в его реализации. Если объемы доступной в канале информации еще можно сравнивать, то как оценить объем отсеивания? Еще важнее - насколько точно он передает оставшуюся информацию. Подбор им информации возможно нацелен на определенную аудиторию - подбор на одном конце предполагает доступность или доступ на другом, откуда может вытекать необходимость "преобразования" информации. Но как установить истинность и целостность информации? Мало того, что язык позаботится о том, чтобы информация исказилась, сам источник встретит массу затруднений, чтобы передать свою картину мира. Что уж говорить о канале!

Но, однако, нет средства оценить качество канала, потому что это тоже информация, к которой нужен независимый канал. Учитывая, что каждая картина мира бесконечно изменчива, мы имеем дело с бесконечностью информации совсем иных порядков, чем бесконечность реальности. Тем не менее, любое ограничение в доступе к каналам, в возможностях их организации и работы приводят к тому, что кто-то иной вместо субъекта решает о чем ему думать, кто-то иной выбирает какие события и проблемы достойны освещения, кто-то иной получает дополнительную, полную или секретную информацию и тем лишает субъекта свободы. Качество товара можно оценить путем его

использования, ибо потребность в нем обычно известна. Увы, информация - не товар, ее качество, равно как и ее сокрытие, можно проверить только здравым смыслом. В результате, вне здравого смысла и ОЭ, чья-то монополия на истину - единственный и естественный выход. Как оно нынче и есть.

- Избыток

Распространению информации в пространстве общественного сознания свойственны скорость и широта. Договор охватывает всех, но возможно ли организовать обмен так, чтобы все оказались в одинаковых условиях? Не получится ли, что кто-то систематически окажется в преимущественном положении? Кто-то будет постоянно иметь доступ к лучшей информации, кто-то - распространять и преобразовывать ее, а кто-то - только подвергаться результирующему насилию?

Получится, и избежать такой ситуации невозможно! Если информации немного, у каждого есть время охватить все, а у всякой информации есть время достигнуть каждого. Но это явно не наш случай. Более того. Чем свободнее становится обмен информацией, тем сложнее добиться равномерности. Если технические возможности позволяют общаться всем со всеми, что происходит? Человеческий мозг ошеломлен и задавлен символической информацией. Он просто не приспособлен к такому объему сведений. Уже сейчас мы можем видеть, что их количество многократно превышает его возможности, "спроектированные" природой для переработки главным образом первичной информации. Давление изобилия лишает мозг возможности сосредоточиться, проанализировать и сделать вывод. Он сначала отказывается думать, а потом теряет способность соображать. Вместо переработки информации, он ее поглощает - впускает и тут же забывает, потому что уже впускает следующую порцию. Чтобы информация застряла, ее надо повторить многократно.

Единственная альтернатива полному отупению - ограничить себя в доступе к информации. Но как оценить потери? Само ограничение возможно только на основе информации полученной ранее. А поскольку самостоятельный отбор так и так невозможен, все что было получено, очевидно, было получено с чужой помощью. Остается лишь продолжить быть зависимым от других, передоверяя им возможности отбора. К этому и сводится вся альтернатива - информационное пространство сжимается вокруг одних и тех же потоков, тяготеет к тем же избранным каналам. Теперь мозг, поборов опасность тупого поглощения, притворяется что разбирается в информации. Но как он это делает? Он ориентируется на знакомое, развивает потребность выискивать уже известное. Это доставляет радость - человек всегда чувствует себя спокойней и уверенней в привычной обстановке. Радость узнавания - это обман вместо познания. Это старое вместо нового и детерминизм вместо свободы. Отупение неизбежно!

Отупение убивает разум и вместо свободы такой "разум" начинает генерировать насилие. Как? Производством бессмысленной информации - злокачественная информация использует разум как усилитель. Ведь что такое разум? Генератор мыслей. Но чтобы из мысли родилась идея, разум должен обладать правильной информацией. А если в голову попадает мусор, на выходе получается лишь новый мусор. Причем что характерно, правильная информация вовсе не способствует ее умножению. Ибо правильное, верное и истинное требует огромного труда. Мусор же не только засоряет пространство, но и парализует мозг. Не имея возможности

обработать избыточную информацию и потеряв способность соображать, он, в конце концов, ищет возможность имитировать деятельность. Ибо молчать мозг не может! И как известно, чем труднее дается думать, тем легче получается говорить. В итоге на выходе мы имеем бесконечный выброс все нового и нового мусора. Не в этом ли причина, почему нынешняя цивилизация производит информацию, найти здравую мысль в которой стало окончательно невозможно?

- Эмоции

Информация может доставлять эмоции. Собственно, в этом и заключается ее роль в мире детерминизма. Но в мире свободы тоже должна быть радость! Она и есть - но иная. Человек радуется свободе, когда договаривается, узнает новое, получает объективную пользу. В отличие от детерминированно появляющихся эмоций, к этой радости нельзя привыкнуть, она непредсказуема. Ее можно назвать "объективной" эмоцией и она возникает от объективной информации, не несущей ничего личного. Эта эмоция вызывается абстрактным посторонним, его картиной мира и его деятельностью, несущей общее благо. Но пока до абстракций нам далеко. Если абстрактные члены общества интересуются только сутью и готовы ее осмысливать, то конкретный предпочитает смысловую пустоту, гармонично дополненную броской оберткой, привлекательностью и модностью. Ибо это и есть то, что отличает его от абстракции. Абстрактный пользуется информацией чтобы быть свободным, конкретный - чтобы получать удовольствие. Ориентированная на личность информация насыщается не смыслом, а тем, что щекочет нервы - чужой жизнью, настоящей или выдуманной. Эти субъективные ощущения - заменитель первичной информации, полученный посредством каналов. Субъективные эмоции - следствие детерминированных процессов в организме. Эти эмоции предсказуемы и человек может легко привыкнуть к ним. Организм их требует и следствием привыкания может стать зависимость от их регулярной дозы.

Один из вариантов такой зависимости является привычка к развлечениям, зрелищам и подобному "искусству". Человек убивает скуку и время, пялясь в телевизор или в бумагу с чтивом. Художественная информация вызывает яркие образы и сильные ощущения, почти такие же, как в настоящей жизни. Чем они острее - тем информация ценней. Т.е. ценность информации становится обратна ее истинности! А мозг привыкает к режиму потребления информации, минуя осмысленный отбор и контроль, и становится невосприимчив к скучной логике и прочей зауми.

Другим вариантом является феномен зависимости от бессмысленного общения. Человек нуждается в обществе, в ежедневной порции новостей, позволяющих ему быть в курсе событий, быть информированным и активным его членом. В пределе можно стать по-настоящему "медиа-зависимым" - просиживать часами перед экраном, непрерывно нажимая кнопки "прием" или "проверить почту".

Наконец, упомянутая радость узнавания. Ее легко ощутить, если читать сложный текст, от которого болит голова и чувствуешь себя дураком. А потом неожиданно встретить знакомое слово, которое сразу ставит все на свои места. Текст приобретает смысл, идея проясняется, а депрессия проходит. Эта эмоция ответственна за отмирание мозга. Он перестает чувствовать новое, он хочет только подтверждения известных истин и собственной правоты. Этическая потребность в свободе подменяется моральной потребностью в правоте.

Как и всякая зависимость, потребность в информации растет, создавая положительную обратную связь с ее источниками. Эмоциональная насыщенность информации позволяет превратить ее в товар. Источники начинают производить информацию ради ее продажи - т.е. вместо того, чтобы служить договору и свободе, она начинает служить обману и насилию. Информационный ком увеличивается в размерах, благо информация может расти безостановочно. Избыток информации еще больше обостряет проблему эмоциональной насыщенности. Захватить внимание становится все труднее и требует все больше эмоционального давления.

- Запоминание

Информация любит запоминаться. Но, к сожалению, неравномерно. А это уже насилие над тем, что запоминается хуже! Вот скажем, реклама. Хочется верить, что объявление о новом товаре с честным упоминанием его достоинств и недостатков вполне может претендовать на роль этического образца. Но проблема в том, что упоминание более одного раза уже ставит под вопрос нейтральность рекламодателей. Известно, что даже негативная известность помогает продажам. Не менее важно броское, звучное, эффектное наименование, без чего обойтись просто невозможно. Похоже такие символы, как бренды, торговые марки и фирменные знаки должны найти уникальный способ запоминаться не запоминаясь. А может ОЭ вообще требует отказаться от имен, ведь любое имя несет в себе постороннюю и потенциально вводящую в заблуждение информацию? Однако цифры тоже запоминаются неодинаково!

Реклама - только часть стратегии проталкивания товаров и навязывания потребностей. Не будет преувеличением сказать, что вся индустрия маркетинга, на который уходит больше затрат, чем на разработку и производство - самое бесстыдное насилие. Изобилие фальши - следствие не только экономической войны, но и простоты с которой фальшь производится и потребляется. Изобретение нового - нелегкий процесс, легко заменяемый псевдоновизной, главная цель которой - привлечь внимание и запомниться. Это лишь эмоциональный раздражитель, опирающийся на уже знакомое, измененное неважно в какую сторону - от красочной упаковки до звонких слов, переиначивающих или извращающих вполне годные старые смыслы. Псевдоновизна не должна быть слишком новой, оригинальной и необычной. Человек, как существо интуитивно нацеленное на свободу, падок на новое - стремление к новизне неизбежно и неконтролируемо. Новое, даже бессмысленное, само по себе несет знак современности и актуальности. Если свежую мысль изложить приевшимися, стертыми словами, она будет казаться потасканной, унылой, а сам текст - банальным, дилетантским и вообще предназначенным для дебилов. А вот если несвежую - новыми, непонятными и странно звучащими терминами, она заиграет, заискрит и ее захочется запомнить.

С новизны начинается война за память. Лучше всего запоминается первая информация о чем-то новом - и потому генераторы информационного мусора стремятся не только к количеству, но и к скорости генерации. Но новизна, быстро проникающая в мозг, неглубока - она основана на остроте первого впечатления. Истинно новое требует работы не только по созданию, но и по усвоению, пониманию. Впечатление - механизм природный, а значит изобретение впечатляющих смыслов целится в субъективное, эмоциональность становится оружием в войне. Но привлечь внимание мало, надо удержать и закрепить его. Старое проигрывает не новизне, а напору псевдонового

смыслового мусора. В войне за память побеждает то, что упоминается чаще, плюс чему помогает личное мнение, вызывающее доверие. Оба эти условия сочетаются в феномене известности.

6 Информационный капитал

- Известность

Если полагаться на знакомый канал, чтобы выбрать другие, на знакомый источник, чтобы оценить другие, на знакомый символ, чтобы удостовериться другие - получится насилие известности. Известность возникает от многократного повторения, превращая знакомое в привычное и родное. Примерно как и мы, друзья, раз за разом возвращаемся к этому феномену, повторяя на все лады "известность", "величие", "популярность". А что делать? Привычное необходимо в бесконечном мире. Невозможно же каждое утро начинать жизнь с чистого листа! Но привычное возникает не всегда так, как нам бы хотелось. Я бы сказал, оно обычно возникает вопреки. Уже простое упоминание имени или названия придает ему определенную ценность, которая влияет на отношение к нему - это отношение улучшается, приобретает доверительность. Символ проникает в память, память формирует личность, а собственная личность имеет безусловную ценность. И хотя эта ценность не слишком ценится этикой, люди пока не нашли способа побороть память. В итоге известное приобретает вес, многократно превосходящий количество упоминаний, не говоря о его заслуженности. Даже сам эпитет "известный" несет его.

Насилие известности делает обмен неравноценным, примерно как на "свободном" рынке. Достоинство постороннего человека должно магическим образом гарантировать возможность каждому мнению быть услышанным и оцененным всеми на равных. Но в реальности, в условиях разной новизны и частоты упоминаний, т.е. фактически насильственности информации, ее качество едва ли может служить основанием для оценки, а значит основанием служит все что угодно, кроме этого. Да и возможно ли такое благообразие? Моральное достоинство людей одинаково, но одинаково ли качество мозга и способности сформулировать мысль? Как сделать, чтобы мнение каждого учитывалось достойно? Не следует ли из неравного качества источников информации автоматическое неравенство обмена? Неравенство в качестве влечет повторяемость, повторяемость влечет известность. Кто-то становится популярным источником, а кто-то - молчаливым слушателем, кто-то читателем, а кто-то - писателем. Как избавиться от информационных "классов" и предоставить каждому мнению одинаковое право на участие в договоре? Должны ли размеры источников и каналов быть равны так же, как веса участников рынка?

Ценность и соответствующую весомость приобретает также контекст в котором происходит упоминание известного символа. В результате, авторы для убедительности своих текстов привлекают максимально известные имена, сыпят цитатами и украшают их эпиграфами, что придает известным еще больше известности. Популярность начинает влиять не только на мнение, но постепенно вызывает почитание и восторженную эмоциональную реакцию, которая в этом случае оказывается индуцирована извне - т.е. является следствием насилия, а не собственного эстетического или интеллектуального переживания.

Наиболее характерно этот эффект проявляется в искусстве. Искусство вообще крайне субъективная вещь, вопрос об объективной ценности шедевров вечно открыт. Любые произведения слишком привязаны к контексту, чтобы стать действительно вечными. Их эстетическая ценность в результате обязательно дополняется другой - искусственно-информационной. Осознанно или нет, но люди склонны пользоваться чужими мнениями как основой не только собственного мнения, но и самого искреннего восприятия. Что открывает легкий путь к навязыванию любых оценок, а в дальнейшем - и поведения.

- Касты

Феномен целенаправленного приобретения известности, а затем ее использования в корыстных целях, позволяет снова говорить о капитале, на этот раз информационном. Известность легко конвертируется в деньги, а деньги, чуть менее сложно, в известность. Особенно эффективно этот процесс происходит в случае группового сговора. В основе деятельности группы лежит взаимный маркетинг - раздувание взаимной известности ее членов. Впрочем, иногда сговор и не требуется - группа формируется сама собой. Равно как и не всегда феномен объясняется корыстью - помимо кассовой и классовой солидарности, за ним может стоять этническая общность, стремление к успеху/власти/интеллектуальному признанию или обыкновенное тщеславие. Суть не меняется оттого, что класс в данном случае - культурная, т.е. предположительно близкая этике, элита. Никакой такой близости нет. Есть близость человеческая - личные связи.

Первой из объективных причин появления этого типа капитала является взаимное уважение людей, видящих друг в друге специалистов/экспертов. Людям свойственно прислушиваться к тем, кто мыслит и излагает сходным образом и с кем связывает длительное интеллектуальное, хоть не обязательно личное знакомство. Люди всегда предпочитают похожих. Взаимное уважение взаимоусиливается, появляется дискриминация тех, кто кажется не вполне достойным внимания. Вторая объективная причина - уважение со стороны "непричастных" к тем, кто обладает подобной, трудно достижимой репутацией. Отношения становятся асимметричными. Формируется своеобразный клуб авторитетов, принадлежность к которому и особенно общение в узком кругу может исказить взгляд на реальность и развить коллективную субъективность. Известность ведет к насилию затрагивающему не только ничего не подозревающих потребителей информации, но и ее источники. Результат? Профессиональная спесь, чувство превосходства, элитарность, а потом и неизбежный взаимный маркетинг. Непричастные, в свою очередь, оказываются лишены влияния и голоса, а группа окончательно монополизировала право на истину. Заключительным этапом становится образование формальной интеллектуальной или, правильнее, информационной элиты - когда должности, премии, знаки отличий и доступ к каналам дальнейшего информационного влияния достаются в зависимости от авторитета, идейной и культурной близости, а фактически - принадлежности.

Такая каста напоминает маленький, но сплоченный класс, охраняющий свои привилегии. В былые времена высшие классы настолько отличались от низов, что имели даже свой отдельный язык. Каста в этом смысле наследует традициям элитизма. Если она существует достаточно долго, каста вырабатывает терминологию и даже

подобие языка, служащего фильтром по отсеvu безграмотных. Вы не замечали, друзья, как бывает тяжело читать специальные работы, перенасыщенные сложностями, скрывающими смысловую пустоту или в лучшем случае тривиальность? Это значит каста уже дошла до той черты, за которой она живет в своей собственной реальности.

Пробить брешь в устоявшейся кастовой системе извне проблематично. Проникновение в нее начинается по-разному, но в любом случае необходимо следовать правилам игры. В политике - с попадания в фокус внимания, в искусстве - со скандала, в других областях - с удачного творческого или профессионального результата. Полученная известность включается в работу, пока она горяча. Для поддержки привлекаются уже известные авторитеты - личные рекомендации являются необходимым условием кооптации новых членов. Собственно, авторитет - это и есть известность, привлекаемая для продвижения другой известности. Чем авторитетнее автор/эксперт, тем он известнее, а чем он известнее, тем авторитетнее. Постоянное вращение в потоках информации придает мнению известного лица вес, несоизмеримый с его умом или компетентностью, поэтому без взаимной поддержки авторитетным людям нельзя - только чьим-то мнением можно создать себе авторитет, а своим авторитетом - поддержать чей-то, таким образом надежно сохраняя общее место в информационном поле.

Считать подобное насилие чуточку "объективным" позволяет тот факт, что кроме перечисленного выше, феномен объясняется объективными сложностями с совершенным вкусом, необходимым для оценки деятельности, не приносящей прямой практической пользы. Отсюда закономерно-ложно понимаемый смысл ценности - ценно то, что, во-1-х, пользуется уважением, во-2-х, у знатоков. Но разумеется, компетентность, так же как и развитый вкус, еще не дают право пренебрегать скромностью, беспристрастностью и пониманием собственной субъективности. Не говоря о бесцеремонном применении личного информационного капитала.

- Культурная коррупция

Сформированные кастами ценностные критерии и культурные идеалы так окостеневают, что остаются в народной памяти навсегда и способны исчезнуть только вместе с народом. Они формируют саму его культуру и потому, учитывая вышесказанное, мы можем считать нынешнюю, пре-договорную и до-этичную культуру насквозь коррумпированной и насильственной, духовные сокровища и национальные достояния которой не только субъективны, но и приватизированы и превращены в источник ренты. Деятельность по культивации великих имен/культовых фигур/массовых идолов не только сплачивает нацию, но и служит экспортным товаром, а точнее оружием в ведущейся глобальной культурной войне. И именами дело не ограничивается. Имена порождают термины, термины влекут заявки на приоритет, приоритет гарантирует вечное культурное превосходство. Так из воздуха создаются национальные, а значит субъективные и ложные ценности. И чем шире мировое признание этих мифических сокровищ - начиная с самого национального языка - тем весомее рента и надежнее будущее.

Разумеется, самой благодатной почвой для процветания коррупции является искусство. В авангарде, правда не искусства а коррупции, идет отряд экспертов, критиков и "разноведов" - мастеров слова, способных убедительно выразить нужное мнение. Суть

процесса - нагружение искусства смыслом, которого там нет, творческая интерпретация, толкование. Толмачи убеждают ничего не подозревающие массы в достоинствах шедевра, из которых главное достоинство, разумеется, авторство, поскольку авторство - его единственный объективный атрибут. Интерпретаторы переключают смысл с объекта на субъект и придают имени автора необходимую ценность, которая далее плавно проникает во все его шедевры. Эта ценность поднимает имя на необходимую сакральную высоту, неуязвимую для последующего критического анализа. Друзья, надеюсь, у вас не создалось впечатление, что я против критиков? Критики необходимы - но самим творцам. И не для продвижения, а чисто для творчества.

За критиками следуют активные почитатели и ранние последователи или, выражаясь прямо, святые угодники. Это знатоки, разбирающиеся и любящие искусство, но не способные, или скорее не допущенные, нагружать шедевры смыслом подобно критикам. Зато они способны наслаждаться им, греясь в лучах сакральности и поглядывая свысока на всех остальных - отсталых и темных. Гордость угодников проистекает от того, что они знают все нужные имена, но доказать это можно только упоминая их. Так добровольно и бесплатно выполняется необходимая работа по продвижению созданного мнения. Поведение знатоков, по моим личным наблюдениям, объясняется их повышенной эмоциональностью, сопровождаемой проблемами с поиском личного смысла. Искусство вообще очень близко располагается к эмоциональному насилию, его важно воспринимать сдержано, критично и вдумчиво, не выпячивая личный субъективный аспект.

Описанное "эстетское" насилие не ограничивается искусством. Все, что имеет трудно добываемую объективную ценность, оказывается способно проникать в культуру подобным образом. И даже больше того - то, что имеет очевидную ценность, оказывается подвержено влиянию информационного капитала. Например, подобный коммерческий маркетинг прекрасно продвигает не только предметы роскоши, становящиеся значительно роскошнее благодаря торговой марке, но и вполне практические массовые продукты, марки которых переходят на подсознательный уровень вследствие широкой циркуляции в массах. Если ценность товаров оказывается где-то между этими крайностями, например недоступна быстрой и всесторонней оценке, как в лекарствах или страховках, маркетинг, а точнее манипуляция информацией, становится серьезным средством информационного насилия над потребителями.

Единственная область, кое-как сопротивляющаяся давлению информационной коррупции - точная наука. Благодаря легкости практической проверки истинности, здесь удалось исторически выстроить критерии объективности, отчего насилие не слишком помешало привязать ценность имен к ценности дел - по крайней мере, если сравнивать с остальными областями культуры. Однако в наше время, когда знание все больше погружается в мир теоретических абстракций и все меньше пересекается с практикой, а финансирование зависит от мнения бюрократов, критерии начинают смещаться, испытывая все более сильное давление политической/научной конъюнктуры, популярности и актуальности, намертво привязанным к информационному насилию - вниманию, репутации и импакт-фактору. "Публикуйся или помри" (publish or perish) - вот девиз современного ученого. Результат - не открытия, а привлечение внимания, столбление приоритета, взаимные ссылки,

умышленное игнорирование и т.д. Стремление к успеху побеждает стремление к истине.

В менее точной науке этические методы получения результатов уже безнадежно проиграли искусству оказаться известным, попасть в струю, припасть к нужным рукам. Корифеи имеют приоритетный доступ к финансированию и публикациям, образуя петлю положительной обратной связи, разрастаясь сами собой, превращаясь в псевдоученую торговую марку, на которую работает множество неизвестных героев, в свою очередь озабоченных не научным результатом, а собственным успехом неотделимым от известности. Ситуация становится неотличимой от искусства, включая искусство чеканки звонких терминов и эффектные образы, помогающие привлечению внимания и продвижению влияния в массы. Разве что механизм образования кланов слегка другой. Помимо личных знакомств в нужных кругах, он требует верности устоявшейся теории/идеологии, что счастливо сочетается в случае научной "школы", намертво скрепленной родственными связями "учитель-ученик".

Теперь бóльшую известность приобретают идеи влиятельных, причем со стороны совершенно непонятно почему, людей. Оказавшись исторически в центре внимания, они набирают вес автоматически - благодаря многочисленным начетчикам, не способным выдвинуть свои идеи, но зато способным бесконечно угадывать, что имел в виду автор, кто на него повлиял и на кого он повлиял в свою очередь. Вы друзья наверняка угадали о ком я. Официальная философия давно выродилась в Священные Писания - иконы и идолы, портреты и авторитеты, многослойные толкования толкований. Благодаря этому нехитрому, и даже внешне этичному приему, проявление уважения к умершим коллегам стало отличным способом сформировать замкнутую систему и отгородиться от лишних претендентов на знание истины дабы успешнее паразитировать на чужих идеях. Что совсем не удивительно, если вспомнить что философия - не более чем искусство, хотя и скучноватое.

7 Массовая информация

- Болезнь

Стоит ли после мира науки спускаться на грешную землю, чтобы убедиться, что нынешнее повсеместное информационное насилие - следствие поголовной грамотности и такого же поголовного невежества, дающих простор описанным выше феноменам? А вернее, ленивых мозгов, составляющих резервуар общественного сознания и являющихся питательной средой для формирования в нем скоплений информационных "масс", всасывающих информационные "газы" и зажигающих информационные "звезды"? Поведение свободной информации, получившей возможность себя вести так, как ей хочется, ничем практически не отличается от поведения финансового капитала на свободном рынке. И он, и она не работают на благо общества, а деформируют саму среду, что создала возможность их существования. Впрочем, свободные они только с точки зрения тех, кто пользуется ими в целях насилия.

"Гравитационные" искажения информации - следствие взаимного усиления негативных информационных феноменов. "Звездой" может стать что угодно, любой

материальный или идеальный объект, от человека до абстракции. Поскольку оценить объективную пользу чего бы то ни было становится невозможно, искажаются не просто картины мира, искажаются смыслы, цели и приоритеты. В таких условиях поведение людей поддается легкой манипуляции, фактически массовому информационному закабалению, нацеленному на укрепление власти и консервацию существующего общественного порядка. Информация превращается не просто в товар, а в продуктивную силу, без которой невозможен никакой успех. А экономическая война дополняется информационной. Так ленивые мозги, не способные к автономии, но зато вооруженные эффективными средствами доступа к информации (СМИ) и обмена ею, порождают массовое информационное общество, где формируется своеобразная социальная реальность.

Информационные волны и пузыри, нагнетаемые целенаправленными усилиями заинтересованных каналов и источников, способны затопить любую здравую мысль и заглушить любое сомнение. Многократно повторенное превращается в истину в силу повторяемости, а не обоснованности. Гравитационные неравномерности - основная причина любого суеверия, заблуждения, предрассудка, самосбывающегося пророчества и прочих флуктуаций общественного мнения, по своему накалу легко доходящих до массовых истерий. Ибо по неведомым, но зловредным законам, популярным, интересным и привлекающим внимание является все наиболее далекое от здравого смысла, а общественное мнение - мнением наиболее агрессивной и невежественной части общества. Соответственно, массовый вкус является самым непритязательным, массовые каналы - самыми примитивными, массовые кумиры - самыми пошлыми.

Впрочем, некоторые из этих законов настолько банальны, что видны невооруженным глазом, например, законы "оригинальности" и "среднего". Оригинальность - это всегда отличие от общепринятого, и чем оригинальность больше, тем отличие сильнее, тем труднее ей попасть в фокус внимания, привлечь сторонников и сформировать информационную звезду, способную противостоять массе. "Закон среднего" - информационный аналог массового потребительского общества. Благодаря тому, что средних - в том числе в смысле умственных способностей - людей всегда больше, самым популярным становится все среднее. Что автоматически усиливает его популярность и влияние на всех остальных. Среднее навязывается в точности как любой массовый и потому дешевый продукт.

Описанной болезни особенно подвержена демократия, имитирующая свободу информации в ряду всех прочих своих "свобод". Сама демократическая форма политической власти основана на известности, на консолидации общественного сознания вокруг единого мнения. Если прочие формы власти использовали ложь в качестве дополнительного средства, для демократии информационное насилие, промывка мозгов, ложь, возведенная в квадрат - альфа и омега, ее экзистенциальная основа. Древняя, чисто насильственная власть недолго опиралась на кулаки. Подкрепленная авторитетом шаманов и колдунов, она стала воплощать в себе сакральное, но после того, как ореол святости был сорван прозревшим народом, надежной опорой власти, помимо силы и традиции, стала популярность. Умение манипулировать массой стало острой необходимостью. В результате, озабоченный популярностью политик становится слугой не только манипуляторов, но и манипулируемых, и вместо придания массе здравомыслия, он сам колеблется вместе с ней, усиливая амплитуду информационных волн. Политика, да и вся общественная

жизнь, превращаются в балаган, чье истинное содержание мало кому понятно. Его действующие лица, помимо лиц и голосов - большие и малые звездочки: партийные и идеологические бренды, теории и концепции, штампы и лозунги, не говоря об обычных названиях и именах, давно потерявшие первоначальный смысл и обладающие лишь "силой свечения", соответственно распространению в мозгах. Консенсус образовывается вокруг того, что способно наиболее сильно привлечь внимание, генерируя требуемые эмоции и утверждаясь в качестве истины. Звездочки консолидируют общество, превращая его в большую, хоть и склочную семью раздираемую борьбой за "своих". Пока существует общественное мнение, замороженное свечением массовой информации, власть имеет в нем прочную, хотя и колеблющуюся опору. Демократическая власть - в некотором смысле его материализация, фокус, куда сходятся все разнонаправленные мнения, горнило, где сжимаются все расхождения в них, а также сингулярность, куда сворачивается любая свобода иметь мнение, отличное от других.

Власть общественного мнения - бессовестна, безответственна и безжалостна. От моральных погромов до молчаливого осуждения - эффекты безграничны. Но и без этих эксцессов сгустки информации способны убивать, просто влияя на выбор. Даже попытки добросовестного обращения к предмету, выбранного не своим умом, а вследствие шумихи, популярности или моды - это уже насилие. Это замыливание актуальной темы и наводнение ее низкокачественной информацией, помехи ее осмыслению, искажение приоритетов, отвлечение внимания и ресурсов с других направлений, сужение возможностей выбора у других. Под давлением искаженной информации человек теряет ориентацию. Под пресс ее веса попадают не только множество случайных людей, которые неоправданно меняют свое поведение и жизненные цели. Сильнее страдают те, кого чужое мнение и известность лишили шанса на успех. Это люди, занимающиеся тем же самым, в той же области. Иногда результат их труда оказывается объективно не хуже, и даже лучше авторитетного, но объективно оценить его пользу оказывается невозможно. Еще больше страдают люди, близкие великому человеку. Вся их жизнь невольно умаляется, а сами они оказываются просто придатками к своему известному родственнику или коллеге.

Массовая информация питающая массовые истерии неотделима от эмоционального насилия. Истерия - это вообще эмоции. Захват и удержание внимания требуют игры на ощущениях, скрытых комплексах, подавленных желаниях. Все, что культура и особенно этика, подавляет и ставит в рамки, машина массовой информации вытаскивает наружу и бесстыдно эксплуатирует. СМИ кормятся всем, что мешает свободе. Скандалы, происшествия, катастрофы - чем людям хуже, тем СМИ лучше. Всякое СМИ, выживающее в информационной войне, обречено на эмоциональное насилие. И его результат - тотальная ложь, подмена смысла жизни и незаметное превращение человека обратно в животное.

- Лечение

Если борьба с прочим насилием понятна, давно практикуется и требует не только этики, но и героической морали, то как быть с информационным? Как лечить информационную зависимость от других, от массы? Позвольте, друзья, в силу особой важности вопроса, посвятить ему пару слов. Я знаю, вам это не надо, это - для меня, чтобы не забывать.

Борьба со своим мозгом требует оперативного вмешательства. Главное лекарство - желание независимости, автономии. Надо не прятаться за спинами других, повторяя как попугай "от меня ничего не зависит" - потому что все вокруг зависит от независимых людей.

1) Прежде всего надо преодолеть пресс изобилия, отказаться от поглощения легкодоступной, броской массовой жвачки и сосредоточиться на поиске оригинального, его анализе и критике, осмыслении чужого мнения и выработке собственного. Узнав что-то новое, надо отвлечься и поразмыслить, оценить его. Надо думать хотя бы полчаса в день. Надо ограничить свою потребность в регулярных новостных дозах и навязанных эмоциях. Мозг должен получать информацию, когда он хочет работать с ней, а не когда он уснул и надо срочно заполнить пустоту в голове.

2) В пустой голове нет места здравому смыслу, там все занято банальностями и шаблонами. Вместо анализа там пиетет к авторитету, а вместо сомнения - слепая вера. А должно быть наоборот. Чем человек известней, а канал - популярней, тем сомнение сильнее! Ведь не просто так он стал известным. Мозги должны не впадать в паралич при виде звездного пузыря, а активизироваться - ведь это насилие! Нельзя доверять и авторитетам, надо все проверять и переосмысливать самому. Надо отторгать кастовость, любую систему, настроенную на собственное увековечивание, отвергающую чужаков.

3) Надо преодолевать тягу к знакомому. Мозг должен искать необычные решения, нестандартные подходы. Не все, что не транслируется по массовым каналам, что не популярно у толпы, что кажется маргинальным и безумным, на самом деле такое. Новое, чем оно новее, тем необычнее, тем больше хочется над ним посмеяться и забыть. Знать - это моральный долг! Невежество рождает такую же ответственность как и знание, но вместе с ответственностью, оно рождает еще и вину. Закрывать глаза, проходить мимо, замалчивать, игнорировать - насилие.

4) Надо постоянной переоценивать ценности, непрерывно развиваться. Твердые убеждения бывают только у твердых идиотов, не способных преодолеть насилие прошлого - когда лучшие годы и масса сил отданы ошибочным идеалам. Принципы, вкусы и предпочтения необходимо обязательно периодически пересматривать.

5) Надо избегать эмоциональной информации. Эмоции - это внушение, включение внерассудочных механизмов. Вместо пищи мозга такая информация превращается в яд. Договор невозможен пока публичное пространство не освободится от мусора, истерий и лжи, намеренного привлечения внимания, высасывания новостей из пальца, приоритетного продвижения личного имиджа, разжевывания и опошления идей, замены материала для размышления патокой для удовольствия, обращения к чувствам, а не логике. Публичное информационное пространство будет, в силу формальности, текстовым и вербальным, а не образным и визуальным, подменяющим смысл и суть дела зрелищностью. Обилие видео и картинок - первый знак пошлости. Важны язык и форма изложения - ясные и краткие. Творчество в слово- и смысло-образовании, усложненное наукообразие, старые идеи на новый лад, обилие имен и ссылок на авторитеты - признак не только пустоты в голове, но и психологического давления, манипуляции.

Как видите, много чего надо. Объективность нелегка. Этичное, независимое мышление

требует равно критического отношения ко всему - и к устоявшимся взглядам, и к коллективному мнению, и к маргинальным идеям. Оно требует освобождения от власти традиции, культа великого имени или стремления к оригинальности. Вот я в принципе не считаю себя этичным, а тем более объективным человеком, но честно стремлюсь рассматривать идеи, а не авторов. Может отсюда у меня и склероз? Я даже свое имя забываю, вот до чего дошло!

8 Убеждения и истина

- Свобода слова

Давайте теперь перейдем от свободы информации к свободе ее содержимого. Этичность содержания информации сама собой исключает эмоциональность и прямо сосредотачивается на сути проблемы. Может ли быть неэтична суть проблемы? Этично ли, например, призывать к насилию? Наверняка нет. Но зато морально оправдано, если насилие - противодействие и борьба за свободу. А можно ли провоцировать толпу, кричать "пожар" и прыгать в окно? Вы меня смешите, друзья. Ну ладно, а тогда является ли насилием правда? Что, если кто-то умер, узнав о себе нечто такое, что ему не следовало знать? Грустно конечно, но подозреваю, это - его личные проблемы. До тех пор, пока информация ограничена близкими - лгать во благо можно сколько душе угодно. Объективность, с другой стороны, сурова. Без правды, какой бы обидной и жестокой она не была, публичной сфере не обойтись. Полная правда - необходимое условие сопоставления картин мира и возможности договора. И даже если она показалась кому-то оскорбительной и унижительной - это еще не повод, чтобы ее скрывать. В свободном обществе нет политической "корректности", потому что нет политики. Зато есть этическая корректность - абсолютная правдивость, обоснованность, логичность и прочие качества достоверной и полной, а значит истинной информации.

Однако любая идея может оказаться ложной. Допустимо ли распространять ложные идеи? Ложные идеи, в отличие от ложных фактов, надо распространять обязательно, потому что только договор может решить проблему истинности. И даже если показалось, что она уже решена, всегда возможна ошибка. Так что истинность идеи всегда под вопросом. Кроме тех случаев, когда ее ложность видна сразу. Но если существуют заведомо ложные идеи, значит существует и насилие идей? Конечно - все, что прямо идет вразрез с ОЭ, есть идейное насилие. Но гораздо интереснее пограничный случай, когда ложность идеи вытекает не из ее содержания, а из ее формы. В некоторых случаях проблема истинности оказывается неотделима от способа распространения, а содержимое информации неотрывно от ее формы. Чтобы убедиться в этом, посмотрим на убеждения.

- Ложность убеждений

Всем нам, обитателям насильственного общества, свойственно иметь идеи о том как надо жить. Причем не именно нам жить, а "вообще", т.е. правильно. В истории оставили след несчетное множество всевозможных течений и учений, отстаивающих истинное понимание правильности и конца потоку не предвидится. Все это - чьи-то убеждения о свободном и справедливом устройении общества. Если длинно - ЛОБ. А короче - ложь.

Почему обязательно ложь? Разве человек не может конкретизировать ОБ более-менее правильно? Может. Но к убеждениям это не относится. Слово "убеждения" ничего не говорит нам о том, кто кого убедил. А это - принципиально важно. Потому что одно дело, когда человек сам себя убедил, и совсем другое - когда кто-то его. Разумеется, не надо быть чрезмерно проникательным, чтобы понять: убеждения - это когда человека убедили. Обольстительные проповедники, вдохновенные ораторы, пламенные трибуны. Это благодаря их усилиям маргинальные идеи превращаются в массовые идейные течения, направленные или на полную переделку действительности, или на всемерное ее укрепление. А также в общественное мнение, политический дискурс, расхожие истины и окончательную истину, диаметрально противоположную ОБ.

Для чего человеку убеждения? Свободному - незачем, но в условиях постоянного насилия избежать их трудно. Обманчивая идея дарит надежду, помогает вытерпеть несправедливость и способна придать жизни глубокий смысл. Особенно если она рисует вполне достижимую цель, обещающую несомненный успех. Убеждения - это инструмент поощрения к нужному действию - постройке общества. Как происходит постройка? Для начала - дальнейшим убеждением. Новое общество мирно втолковывается в голову всем остальным, кто вполне может быть и не хотел бы никакого нового общества. Так появляется другой смысл слова "убеждения". Они не живут сами по себе. Они требуют, призывают, заставляют, чтобы в них убеждали несогласных. Окончательным этапом постройки является принудительное вдалбливание убеждений в головы, раньше - посредством войн, революций и лагерей, ныне - голосований, законов и штрафов. Этот этап обязателен, потому что истинность ложного блага невозможно доказать, а терпение у убеждающих рано или поздно кончается.

Почему убеждения ложны? Именно поэтому. Насилие как противодействие насилию - это одно. Насилие, как дорога к ОБ - другое. Чем требовательнее принципы, тем они неправильнее, тем скорее исчезает приставка "над" в определении действий как над-прагматичных. Если личная конкретизация ОБ - условие собственного смысла, объективной пользы и личной моральной ценности, то навязывание своей конкретизации другим сразу же делает ее ложной, перечеркивая все упомянутое. Убеждение - это уже насилие. Переход грани между убеждением мирным и насильственным не только неизбежен, но и непринципиален. Дело в природе убеждения, оно - единственный способ обосновать применение насилия. В результате максимально убедительным оказывается само насилие.

Наконец, убеждения не имеют никакого отношения к истине, потому что если истина установлена путем процедуры, убеждать в ней не требуется. Убеждения - это всегда альтернатива истине. В условиях ложности любой воплощающей ОБ конкретной идеи, убежденность в своей правоте неотделима от убежденности в ней других - только так существует альтернативная истина. Истинность всего лишь означает, что убеждения оказались убедительны.

- Способы убеждения

Поэтому насилие информации - лучший способ верификации ложных идей. Идею надо лишь привлечь достаточно внимания, продвинуться достаточно далеко и

распространиться достаточно широко. Истинным становится то, что упоминается наиболее часто теми, кто имеет наибольшее влияние, будь это мертвый мыслитель, живой публицист или вечно молодая телеведущая. Истина становится все более истинной по мере роста количества ее сторонников, килограммов изданных книг и даже от простого повторения. Ведь не может так быть, чтобы во всех этих многотомных собраниях сочинений содержалась не истина, а высосанная из пальца галиматья? В итоге истина превращается в народную мудрость и избавиться от нее может только социальная катастрофа. После чего истиной становится галиматья противоположного толка. Мало кто способен сопротивляться насилию информации, но катастрофа радикально помогает. Жители страны рабочих и крестьян в этом плане являют собой прекрасный пример. Сколько им ни внушали коммунистические убеждения - ничего не вышло. Они были убежденными капиталистами. Но как только все изменилось и пришел капитализм, выяснилось, что у них теперь коммунистические убеждения.

Помимо катастрофы, полезным для продвижения идеи является облачение ее в яркие эмоциональные, а иногда и моральные одежды. Всевозможным идейным борцам, любителям власти и манипуляции, давно известна склонность людей терять рассудок, если задействованы чувства любви, заботы, верности, доверия и т.п. дорогие каждому вещи. Особо талантливые проповедники способны превратить человека в настоящее орудие защиты униженных и обездоленных. Даже философы страдают этой болезнью. Разве плохо звучит "уменьшение количества страданий в мире" или "увеличение общей суммы счастья для всех"? Прекрасно звучит. Социальная справедливость, лучшее будущее, счастье детей, гуманность. Звонкие и бессмысленные фразы. Лозунги. Абсолюты. Идеалы. Выразительные средства. Личное обаяние... От детей и сострадания недалеко ушел страх. Опасность, как моральным ценностям, так и сытому существованию, прекрасно способствует отключению головы и включению режима "Одобрям", "Карать" и "Запретить", а в клинических случаях - "Резать" и "Жечь". Воздействуя на эмоции, упирая на проблемы, обещая быстрые и эффективные решения, людей легко убедить в самых нелепых вещах. Я бы мог легко привести примеры нынешних подобных нелепиц, но боюсь показаться совсем уже сумасшедшим - настолько они стали общепринятыми.

Квази-моральность ложных идей усугубляется чувством "локтя" - личными связями в коллективе единомышленников, что удачно дополняет идейные моральные чувства. Теперь, какими бы нелепыми не оказались его принципы, если человек всегда следует им и ни при каких условиях не может поступиться, он думает, что ведет себя морально. А если отступает - его начинает мучить совесть. Во-1-х, стыдно перед товарищами по партии, он их подвел и совершил теоретическое насилие тем, что подверг сомнению идеалы. Во-2-х, стыдно перед собой - он же считал, что его принципы несут благо, а отступив, он, соответственно, предал его и сделал кому-то худо, даже если этот "кого-то" - выдуманный. Так убеждения подменяют объективную этику групповой моралью и бездумной лояльностью. Нежелание становиться ренегатом и признавать свою неправоту оказывается сильнее любых фактов и любой логики.

Если в глубине души остаются сомнения, человек от них легко избавиться убеждая других. В самом деле - если другие так легко убеждаются - это не может быть случайно! Убеждения, словно зараза, выделяют гормоны убеждения. Так появляется сетевой политический маркетинг - взаимное убеждение, не знающее ни границ, ни здравого смысла. Убежденность приносит человеку специфическое наслаждение. Ибо он не

только понимает истину, но и несет ее свет в темные массы. Удержаться глубоко убежденному от просветительской деятельности трудно. Пристыженные морально-ущербные массы проникаются энтузиазмом и сами становятся глубоко убежденными, несущими свет дальше. Убеждения таким образом, придают человеку моральный вес, а значит частично замещают собственную моральную ценность - его достоинство. Вам не приходилось замечать, что чем настойчивей, убежденней и активней человек, тем его мотивы подозрительнее, тем больше сомнений вызывает его этичность?

Интересным средством убеждения является тонкая и изощренная ложь, которую можно назвать насилием "смысла" - извращение и выхолащивание смысла слов, подмена тем, подтасовка контекста, изобретение терминов, навешивание ярлыков. Мысли не только нуждаются в словах, чтобы быть выраженными, но и сами зависят от них. Оформление в слова - часть процесса мышления. Использование неточных слов, примешивающих посторонний смысл, смещающих оценку и добавляющих ценностную нагрузку приводит к формированию совершенно иных мыслей, чем могли бы сложиться, если точно выразить ощущения и понимание реальности. Стоит, например, назвать рынок "свободным", как всякая мысль о рыночных силах отказывается проникать в голову. Стоит назвать результат боевых действий "геноцидом", как вмешательство в них сразу становится морально оправданным. Или стоит, например, назвать добрые семейные отношения "половым доминированием", как эти отношения начинают восприниматься совсем в ином свете, а у всех вокруг наконец открываются на это безобразия глаза. А уж если наказание преступника назвать "исправлением" или "реабилитацией", а тюрьму - "лечебно-трудовым профилакторием", то о мере и сроках этого "лечения" уже как-то неудобно и вспоминать.

Продолжением манипуляции словами является злоупотребление терминами - научными, какбы-научными или просто бессмысленными. Если засорение речи "чакрами", "аурами" и прочей "психотроникой" эффективно для убеждения людей безграмотных, то для обывателей далеко продвинутых в науках хорошо подходит приложение к обществу, например, кибернетики, синергетики, теории систем, не говоря о простой математике. Формулы, точные формулировки, академичность, аналитический стиль, таблицы и цифры - все это наукообразие, особенно растиражированное кастовой системой и подкрепленное ссылками на великих, древних и просто известных людей, легко сбивает с толку, подавляет способность к сомнению и, по моим наблюдениям, способно сломить абсолютно любую волю к сопротивлению. Человек чувствует себя невеждой, смущается, стесняется показать свою неграмотность и не может найти подходящих слов для ответа. За каждым термином ему начинает мерещиться глубокая истина, которую следует принимать не думая, ведь она уже принята многими другими - грамотными, знающими и без сомнения умными! Сюда же можно добавить и тяжелую, излишне дотошную, заумную манеру изложения, утяжеленную неподъемным весом томов. Человек осилил проблему и предъявил "решение" в трех 800 страничных томах - он просто не имеет права не быть правым! Не беда, что дело уперлось в давно известный неразрешимый парадокс - зато теперь мы еще лучше знаем об этом.

Убеждение может не обязательно быть целенаправленным и даже осознанным. Люди приучены природой подражать друг другу. Многие нормы и обычаи проникают внутрь разума незаметно, и чем незаметнее - тем они прочнее там закрепляются. То же относится и к картинам мира, которые иногда достаточно лишь продемонстрировать. Если

все окружающие придерживаются каких-то концепций, их хочется принять автоматически. На анализ у мозга может не быть ни времени, ни способностей, а тысячелетняя практика выживания требует не выделяться.

Особенно это относится к нормам, усвоенным социализацией в детстве. Такие убеждения - самые бессознательные и потому самые прочные. Чем раньше начинается внушение нужных картин мира, тем оно эффективней, что серьезно повышает роль образования. Вместо развития автономных моральных структур, независимости, критичности, стремления докопаться до истины и умения аргументировано спорить, незащищенному мозгу ребенка перекрывают кислород знаний и туда насильно вдалбливают догмы, ценности и табу, после чего промытые мозги перестают расти и оказываются неспособны полноценно работать. Искалеченный в детстве человек может даже превратиться в полноценного зомби, отказывающегося распознавать не только красоту, но и элементарную логику. Такой способ индоктринации незаменим, когда человека надо превратить назад в животное - убедить в том, что его роль в жизни предопределена, цель задана, а сам он должен делать то же, что делают все, что положено, что необходимо. Примитивные истины - лучший способ оболванивания, поскольку сложное детям непонятно. Все это невозможно навязать свободному человеку, но поскольку человек не рождается сразу свободным, его вполне могут воспитать с нужными убеждениями. А по сути - истребить ростки разума, посеять и взрастить конформизм, покорность и подобострастие.

Все перечисленное повсеместно наблюдается вокруг нас и, надеюсь, ставит точку, если она еще не стояла, в данном вопросе. Убеждения - результат идейного насилия, активизирующего эмоции, предрассудки и стереотипы, утверждающего фанатизм, невежество и неуважение к несогласным. Друзья, сравните это с размышлениями - сомнения, анализ, сбор информации, дискуссии, независимость, беспристрастность!

- Компетентность и эксперты

Граничной проблемой убежденности/убедительности является привлечение научного авторитета, точнее авторитета науки. Научные знания, основанные на рациональном подходе к окружающему миру, на проверенной методологии, на точных эмпирических исследованиях, являются для многих людей истиной в последней инстанции. Преклонение перед наукой давно стало новой религией. И это понятно. Многие ли из нас способны даже приблизительно уразуметь, о чем говорится во всех этих головоломных текстах, пестрящих пугающими формулами? А между тем с точки зрения объективной этики каждый из нас является равноправным участником договора об истинности всего вокруг, до самой последней вселенской мелочи. И если мы начинаем полагаться в этом принципиальном вопросе на экспертов - о какой истинности можно говорить? Мы же не полагаемся на экспертов в вопросах, которые касаются, скажем, наших личных дел? Под "нами" я имею в виду нас, друзья, а не тех, кто бежит к психологу чтобы уточнить пора ли разводиться или еще подождать.

Но ведь глупо пытаться сравниться с теми, кто явно знает о проблеме больше нас! Как же быть? Задача кажется такой же нерешаемой, как и все прочие задачи объективной этики. Мы не можем быть равны ни в чем, а должны! На самом деле выход есть. Для начала нам следует понять, что наука, а точнее - научное сообщество - это малое подобие общества, а научный метод поиска истины - маленькая копия нашего общего

договора. Ученые, точно как это требует ОЭ, лишь пытаются найти консенсус. И если ученые этичны, они это делают не полагаясь на всевозможные методы убеждения, не говоря о насилии, а используют здравый смысл, дополненный многими знаниями и логикой. Они публикуют статьи, где стараются быть максимально объективны, и в доказательство приводят результаты, которые все желающие могут проверить независимо друг от друга. Не правда ли, отличный метод поиска консенсуса? И, учитывая, что доверие - обязательный компонент этики, до тех пор пока ученые этичны, мы, хотя бы в некоторых вопросах, вполне можем им довериться. Временно делегировать, так сказать, свои этические полномочия.

К сожалению, этичность ученых, несмотря на их несомненные обширные знания, все еще не вполне дотягивает до стандартов требуемых ОЭ. Что тоже вполне объяснимо. Даже самые добросовестные ученые - граждане насильственного общества, бытие которых зависит как от господствующих в нем идей, так и от его несправедливой, аморальной практики. Даже в точной науке, поиску истины в которой помогает сама объективная реальность, ученые умудрились создать множество проблем. Выше уже упоминалась информационная коррупция, которая выходит далеко за пределы поиска консенсуса - авторитетность не только средств публикации, должностей, университетов, но даже целых стран в огромной степени создана искусственно, а значит - насильственно. Кроме того, финансирование множества исследований заранее зависит от предполагаемого результата - поскольку производится, увы, коммерческим образом. Соответственно, "положительные" результаты имеют совсем иной вес, нежели "отрицательные". С самим консенсусом, разумеется, тоже не все гладко. Господствующие научные идеи имеют множество сторонников и уже в силу этого кажутся более истинными. Научный авторитет - а каждый ученый гордится своим авторитетом - неизбежно влияет на степень убедительности. Научная специализация приводит к тому, что сами ученые начинают полагаться друг на друга. А взять систему образования? А добавить естественные проблемы с личными связями и групповой моралью?

Внутреннее здание научной истины, выстроенное поколениями честных, даже самоотверженных ученых, со временем дополнилось не менее внушительным зданием самой науки - научными и околонучными структурами, обслуживающими потребности нынешних научных работников, которые вовсе не ограничиваются потребностью в поиске истины. В итоге, современная организация науки в такой мере превратилась в систему насилия, что ее обитатели иногда становятся объектом насмешек. Но если бы люди осознали, к каким катастрофическим последствиям может привести наука окончательно отделенная от этики, им стало бы не до смеха! Пока наиболее невежественная часть общества возвращается к диким суевериям, погружаясь в постмодернизмы, релятивизмы и нью-эйджи, неэтичные эксперты все сильнее дискредитируют науку. Похоже, уже не осталось такой подлости для которой не нашлось бы "ученого", способного убедительно доказать ее нужность и полезность.

- Убеждение в свободе

В условиях системного насилия и повальной несправедливости избавиться от убеждений проблематично. Государственная реальность постоянно вызывает тоскливые мысли о свободе. Освобождение начинается с размышлений и пока существует власть, люди обречены размышлять. Но подменяя рассуждения

убеждениями, люди порождают власть, а не уничтожают ее. Убежденность в своей правоте, подкрепленная активным ядром борцов за идею - это всегда зародыш новой власти, зародыш насилия, начинающегося с невинных мечтаний о справедливости и кончающегося истреблением неверящих и неверных. Мысли о свободе, чтобы вести в правильном направлении, не должны питаться ущемленными интересами. Такие мотивы непременно окрашивают мысли в насильственные цвета и чем сильнее ущемлен человек, тем радикальнее и необычнее цвета его убеждений.

Свобода не требует убеждения. Что общего между вербовкой сторонников и нахождением консенсуса, компромиссом? Между поиском истины и борьбой за ее уже готовый вариант? Договор предполагает единую, общую цель - свободу, будь то свобода повелевать, свобода подчиняться или свобода быть оставленным в покое. Свобода - необходимая предпосылка любого предположения о правильности. Никакая цель не может осуществиться без свободы. Истинность свободы неоспорима и в этом не надо никого убеждать. Равно как и в истинности ОЭ.

Откуда у меня такая убежденность? От здравого смысла конечно - как и у вас. А иначе и быть не может! Как только здравомыслящий человек узнает об ОЭ, он сам захочет следовать ей. Этика позволяет отделить добро от зла и дарит удивительную ясность, хотя и украшенную парадоксами. Правда, тут есть свои сложности. Узнать об этике пожалуй мало. Чтобы следовать ей необходимо три условия - знание, умение, желание. Если человек не знает об ОЭ, ему необходимо просвещение и образование. Если человек знает, но не может, ему необходима помощь. Если он знает и может, но не хочет - мы знаем, кто это. Трем условиям примерно соответствуют три типа детерминизма. Знания и все, что относится к рыночному договору, преодолевает природный детерминизм - насилие окружающего живого и неживого мира. Умение (воля) помогает преодолеть себя, побороть инстинкты выживания/борьбы и заключить договор. Это детерминизм 2, социальный. Желание же стать человеком возникает под воздействием "детерминизма" свободы, о котором мы уже говорили. ОЭ, к сожалению, никак не помогает ни с первым, ни с третьим. А вот с договорной основой и выбором ОБ была неясность. Так что можно надеяться ОЭ с этим покончит раз и навсегда.

Кстати, возможно уместно будет для еще большей ясности, определить что такое зло. Про добро мы говорим давно и много, а вот про зло все как-то между делом и впопыхах. Чуть раньше мы второпях приравняли зло к детерминизму на основании просто того, что он - антипод свободы. Но есть нюанс. Сам по себе детерминизм - не зло. Он морально нейтрален, так же как и свобода. Животные подчиняются ему и неплохо живут. Приобретя возможность выбора, мы приобрели возможность придавать всему окружающему моральную окраску, смысл. Но смысл этот существует только в рамках нашего выбора. Договариваясь и следуя договору, мы выбираем, и следовательно творим, добро. Выбирая детерминизм - творим зло. Но что, если "выбирать" его нам приходится недобровольно, подчиняясь силе? Предел сопротивления мы чувствуем сами, лично. Иногда выбор есть, иногда - нет. Сажем, легкий голод или страх можно побороть, причем даже оставаясь практически целиком спокойным, нейтральным и объективным. А сильный? Зависит от человека. Но тогда, если предел у каждого индивидуальный, как отличить истинное зло? В этом сила зла, причина его неистребимой власти - не выбрать его можно только всем вместе, договорившись и четко прочертив границу. Потому самое первое настоящее, истинное зло - это осознанный отказ от договора, от определения границы. Ни подчинение силам природы (детерминизм 1), ни подчинение социальному насилию (детерминизм 2

в предельных случаях) не являются злом, поскольку эти силы не оставляют нам реального выбора. Но даже простое уклонение от договора без всякого причинения кому-либо заметного вреда, нежелание вникать в этику, отгораживание от всех - зло. Не говоря о том, что только участвуя в договоре человек может "отгородиться" по-настоящему - так, что его "отсутствие" предоставит всем свободу.

Эта мысль напомнила мне о вас, друзья мои. Что-то давно вы молчите, пропали куда-то. Не злоупотребляю ли я вашим терпением? Не слишком ли я увлекся? Объективность требует признать, что многое из написанного, выглядит как попытка убеждения, даже как информационное насилие. Но это не так. Мы занимались размышлениями, но разве я вас пытался в чем-то убедить? Конечно нет, тем более что это мне вряд ли бы удалось, с моим-то склерозом. Я конечно старался выглядеть объективным, но не для того чтобы вас убедить. Я только помогал вам распознать свою внутреннюю свободу, обнаружить то духовное начало, которое ведет к добру. Вы же и без меня все это знаете, верно?

9 Обоснование и договор

- Способ обоснования

Убедившись во вредности убеждений, попробуем обосновать пользу обоснований.

Индивидуальные картины мира различаются не только степенью соответствия реальности, но и степенью искажения реальности. Под искажением я теперь имею в виду целенаправленное преобразование картины в сторону ОБ. Каждый видит не только то, что видит, но и то, что хочет видеть, не только прошлое, но и будущее. И если соответствие картины мира реальности по крайней мере поддается экспериментальной проверке - на этой идее основана наука - то с истинностью нового вопрос вечно открыт. А ведь даже новое может быть неправильным - если оно будет слишком субъективным, слишком искаженным уже известным нам детерминизмом. Искажение - не слишком благозвучное слово для этого, но его можно оправдать тем фактом, что индивидуальные модели будущего слишком часто не имеют ничего общего с действительным ОБ. Они так и оставались бы искажениями, если бы не возможность договора и приведения их к объективному виду - виду прекрасного светлого завтра.

Очевидно, что целенаправленное искажение картин мира делает вопрос согласования не просто сложным, но и сомнительным. Как можно согласовать, если каждый хочет своего, индивидуального? Как стремление к объективности, нейтральности и непредвзятости должно практически проявляться? Чем оно способно преодолеть субъективизм? Какие методы обоснования должны использовать стороны, чтобы найти истину?

Первое, что приходит в голову - здравый смысл. Но даже он не обладает достаточной убедительной силой. Например той силой, какой обладает детерминизм. Согласитесь, что убедить используя такой прием, как тяжелая дубина, совсем не сложно. И, однако, здравый смысл подсказывает, что этот прием не совсем верный. Гораздо вернее, например, логика. Но давайте спросим себя - а чем логика лучше дубины? На первый взгляд ничем, ведь логика - тот же детерминизм. Если идти от логики дальше - к

математике, физическим законам, выживанию и т.д., мы рано или поздно придем к дубине. Где же черта? Почему логика выглядит вернее дубины?

Ответ, который подсказывает здравый смысл, состоит в том, что граница лежит там, где начинается свободный выбор. Пока мы ссылаемся на непреодолимый, не зависящий от нас детерминизм, мы убедительны. Как только мы выбираем его в качестве метода убеждения - мы впадаем в неправоту. Логика, математика и т.д. - это то, что от нас не зависит, мы можем лишь знать или не знать об этом. Это детерминизм 1-го типа, которому подчиняется все новое, если оно истинно. Всякое новое открытие и свершение ново только в первый момент. Будучи рождено, оно загадочно подчиняется законам, оно оказывается согласовано, вписано в существующий порядок (второй процесс на рис. 5.1). Логика, как одно из фундаментальных оснований этого детерминизма, позволяет относительно легко проверить это соответствие.

"Независимость от нас" именуется объективностью и ее убедительность вытекает из практического опыта. Если же вы спросите, почему наука убедительней собственных глаз, я могу предположить лишь, что наиболее убедительно наиболее простое. Разлагая явления на части, мы в конце концов добираемся, возможно интуитивно, до самого элементарного - что $1 \neq 0$, что $1+1=2$ и т.д. А потому, например, и небесная механика кажется убедительнее, пусть и не сразу, плоской земли и ходящего по небу солнца.

Что происходит, когда мы отказываемся от логики и используем дубину или любой из приведенных выше способов убеждения? Мы выбираем насилие. Вы, друзья, можете возразить - но чем выбор дубины хуже выбора логики? Разве это не такой же выбор? Не такой, несмотря на то, что логика - это тоже насилие. Логика - это детерминизм 1, его нельзя "не выбрать". Почему? Смысл обоснования, как и договора - преодоление детерминизма. Дубина - социальный детерминизм 2, поэтому без выбора дубины теоретически можно обойтись, можно преодолеть этот детерминизм. Однако природный детерминизм преодолевается только путем знания и использования его же законов. Нельзя "не выбрать" закон притяжения и полететь. Но можно построить самолет, который подчиняясь гравитации, все же полетит. Точно так же мы не можем "не выбрать" логику - но можем победить ее логикой, создав такое новое, которое будет ей и соответствовать, и преодолевать. Все, что нам останется для правильного и верного обоснования - лишь проверить оба эти факта. Не знаю, достаточно ли я обосновал свою точку зрения, но здравый смысл тут абсолютно ясен. Выбирая дубину, мы выбираем детерминизм, а значит творим зло. А зло не только неубедительно, оно прямо отрицает правильность. Поэтому дубина убеждает только в одном - ей убеждают в явной лжи.

Обосновывая индивидуальную картину мира, включая будущее, мы полагаемся на детерминизм, потому что картина эта уже существует, хоть и в голове. Мы ее создали, частично с помощью анализа окружающей реальности, частично - с помощью интуиции и творческого воображения. Это второе - особенно важно, потому что логичность - еще не гарантия правильности! Самолеты, которые так и не взлетели, тоже были построены с использованием законов физики. Чего же им не хватало? Красоты. Созданное должно быть не только логично, но и красиво - это и будет вторым признаком его истинности. Но почему? Потому что парадоксальность нового, одновременно подчиняющегося детерминизму и преодолевающего его, не может иметь иного проявления, несмотря на всю расплывчатость и даже нелепость красоты как критерия истинности.

Но как обосновать красоту? Никак. Ее надо показать. Разве летящий самолет не красив? И кстати, не будь такой вещи как красота - зачем бы нам договор? Логике было бы вполне достаточно. И красота, и логика не нуждаются в убеждении, их надо только донести. Логике - излагая доводы, а не выводы. Красоту - демонстрируя, а не нагружая смыслом и интерпретируя. Демонстрация и объяснения сами собой формируют заключение. Эстетическое чувство, ощущение нового, достаточно распространено, хоть и пока неравномерно. А логика вообще доступна всем, это самая простая часть детерминизма, давно понятая и усвоенная. Действительно, что может быть проще, чем очевидное? Что часть меньше целого, равенство транзитивно, а из причины вытекает следствие? Добавляя к свободе красоты детерминизм логики, а по мере необходимости и прочих законов природы, и скрепляя эту смесь здравым смыслом, мы и получаем прекрасный способ обоснования новых идей. Способ, единственно подходящий в качестве средства аргументации в договоре.

Так что, друзья, убеждать оппонентов - если вы вдруг задумаете это - ни к чему. Не тратьте время, вы все равно никого ни в чем не убедите. Обязанность понимать, вникать в аргументы и формировать свою точку зрения лежит на самом человеке, это потребность его разума, если он им обладает. Просто предоставьте ему такую возможность. Достаточно следовать сказанному выше или, в крайнем случае, ограничиться цитатами из будущей книги, и тогда обоснование случится само собой. Самое важное не начать убеждать - именно в этот момент торжествует зло.

- Тест на разумность

Но как тогда быть с договором? Ведь вы не забыли, друзья, что договор наш - между абсолютно незнакомыми, даже абстрактными, гражданами? Как же быть, если оппонент не хочет диалога? Если он высокомерно заявляет, что наши доводы неинтуитивны, нерациональны и неубедительны? Что ОЭ ненаучна, неапробирована и не прошла оценку высокоуважаемого философского сообщества? Не опубликована в рецензируемых журналах и не преподается в престижных университетах? Что наша будущая книга плохо написана, изложена примитивным языком и чересчур дорого стоит, а ее автор - неизвестно кто? Друзья, не отчаивайтесь! Многолетний опыт научил меня - люди стремятся к истине, они хотят понять мир и используют для этого любую возможность. Вам просто пока не повезло их встретить. Как впрочем и мне. Поэтому, дабы избежать ненужных разочарований, полезно сначала убедиться, что имеешь дело с человеком, а уже потом приступить к общению.

Гораздо интереснее ситуация, если человек никак не хочет соглашаться, если он постоянно выдвигает новые доводы против и сомневается в красоте. Это уже не так страшно, по крайней мере он, скорее всего, обладает разумом. И тем не менее, тут мы опять сталкиваемся с важным вопросом - все ли, умеющие манипулировать информацией, на самом деле способны быть, и являются, людьми?

Некоторое время назад мы решили, что договор - тест на человечность. Теперь, когда мы осознали всю парадоксальность истины, вопрос о тесте кажется вовсе не таким легким. В свете этого надо уточнить - как узнать почему договор невозможен, мы ли это ошибаемся, та ли сторона договора не блещет разумом или, самое страшное, никто из нас не является разумным существом? Вопрос звучит, конечно, несерьезно. Все мы

знаем, что мы разумные люди, стремящиеся к свободе. И однако, сдается мне, люди еще тысячу лет не смогут договориться и превратиться в людей в истинном смысле этого слова - в представителей гомо-этикус. Так что вопрос имеет и практическое значение.

К сожалению ответа на него в общем случае нет, так же как нет и ответа на вопрос о познаваемости мира. Это в сущности, тот же самый вопрос. Есть правда несколько простых случаев. Не способных думать не рассматриваем сразу. В случае высокомерия, насмешек, отсутствия интереса, игнорирования и аналогичного нежелания общаться, дело также ясно. Фактически, любое рациональное животное можно отличить по неспособности следовать уже повсеместно принятым нормам, в данном случае - нормам диалога. А вот с инопланетянами, роботами и прочими программируемыми гражданами сложнее. Интерес к новому и способность понимать должны быть обязательно, но как их выявить? Увы, формального теста на умение мыслить нет, как нет и формальной процедуры договора. А можно ли, скажем, как-то зафиксировать само это наше знание, т.е. что мы нашли проблему на которую не существует детерминированного решения, но заведомо существует недетерминированное? Нет. Мы опять упираемся в тот же проклятый вопрос, который не следует задавать во избежание бесполезной головной боли. А наше знание, в силу неформализуемости, не только неточно и неясно, но и неизвестно знание ли это вообще. Мы знаем, что теста нет, и одновременно - мы не можем этого знать в силу того, что сам этот вопрос одновременно и есть этот тест.

Удивительным в этой связи представляется успех математиков, сумевших доказать, что математика неполна, т.е. что в математике существуют предположения, о которых невозможно сказать истинны они или ложны. Как это выяснилось? Путем прихода к противоречию в попытке доказать обратное. Но что означает противоречие? Что исходное предположение неверно? Или что оно не имеет ответа? Иными словами, является ли само предположение о "неполноте" математики точно таким же - не имеющим ответа? Смеем ли мы предположить, что сам детерминизм - неполон, это только часть реальности? Или что детерминизм так же неотделим от свободы, как одна часть чего-либо не может существовать без своей противоположности?

Я думаю вы согласитесь, друзья, что в столь безнадежной ситуации нам надо принять более простое практическое решение. Я предлагаю вот что. Если оппонент следует только формальным нормам, если он логичен, рационален и скучен - что-то тут не то, так что не вините его за его неспособность согласиться. Нам нужна не просто грамотная аргументация, а творческая. Пусть возражает, лишь бы не тупо. Он должен обязательно высказать нечто такое, что не приходило нам в голову. А мы - что ему. Что-то неочевидное и удивительное. И это новое должно быть не только логичным, но и красивым. Или парадоксальным. На худой конец смешным. И вот тут уже, если вы убедились, что перед нами разумное существо, продолжающее отрицать свободу, договор и этику, есть повод огорчиться. Но я верю, что до такого не дойдет, друзья мои. Потому что разумный человек обязательно рано или поздно с вами согласится.

Как, я верю, согласитесь и вы со мной, когда откроете мою долгожданную книгу, ибо я приложу все силы, чтобы сделать ее логичной, красивой и по возможности не слишком скучной.

10 Моральное насилие

- Мораль и ее обоснование

Как доказала история, наиболее эффективным способом убеждения, или лучше сказать программирования, является привлечение к делу морали. Мораль не нуждается в объяснении и обосновании. Мораль редко меняется с возрастом, взглядами, вкусами или материальным положением. Мораль нормативна и прямо таки жаждет распространения вокруг. Все эти особенности морали проистекают из ее природы - средства коллективного выживания. Моральное насилие сопровождало физическое с самого начала появления человека. Пока люди подавлялись коллективом и выживали в борьбе с другими коллективами, моральные требования были необходимой составляющей быта, а требовательность к другим - неотъемлема от морали. С постепенным приходом свободы и освобождением от необходимости выживания, моральное насилие все больше утрачивало какие-либо полезные функции и наконец превратилось в оксиморон. Однако несмотря на его парадоксальность, оно есть, как есть и все прочие парадоксы. Да и куда оно денется само по себе? Избавиться от морального насилия можно только как и от всякого другого насилия - активным противодействием и последующим договором.

С отрицанием детерминизма выживания, однако, отрицает и "обоснованность" морали. Моральные требования вызывают сомнения и разум все более настойчиво ставит вопрос - почему? И чем более настырна мораль в своем давлении, тем сильнее сомнения. И они абсолютно законны. Моральное насилие - требования поступать правильно и правильность, как легко догадаться, присовокупляется непосредственно к требованиям, лишая субъекта автономии и права выбора. В этом отличие морального насилия от ОЭ, которая тоже требует поступать правильно, но предлагает эту правильность найти совместно. Принуждение к правильности вне договора превращается в моральный абсолютизм и ЛОБ и, как всякая ложь, нуждается в серьезном обосновании. Там же, где детерминизм еще жив, разумеется нет и обоснования. Это катастрофические ситуации, действия, вызванные социальными инстинктами, включая спасения утопающего и семейные отношения, а также борьба за справедливость, которая хоть и недетерминирована, но настолько соответствует свободе, что ее правильность ощущается разумом непосредственно.

В зависимости от способа обоснования, можно выделить два типа морального насилия - традиционное и идеологическое (рис. 5.7). Картинка показывает, что чем дальше в стороны от ОЭ целевое поведение объекта насилия (т.е. чем больше его надо склонить к альтруизму или эгоизму), тем более лживыми должны быть обоснования и тем менее правдоподобно они в итоге выглядят. И наоборот, чем ближе к истине, тем меньше у разума сомнений. Традиционное моральное насилие, которое мы далее для краткости будем называть просто моральным насилием, обосновывается всякой чушью приходящей в голову - от нападения инопланетян до явления Господа Бога. Все эти гости оставляют по итогам визита коммюнике, где и прописывают необходимые для выполнения требования. Не удивительно, что подобные обоснования рассчитаны на самых глупых, доверчивых и запуганных, и требуют от них максимальных жертв. Идеологическое насилие, с другой стороны, стремится приблизиться к разуму и находит более логичные объяснения, например, природа человека, эволюция,

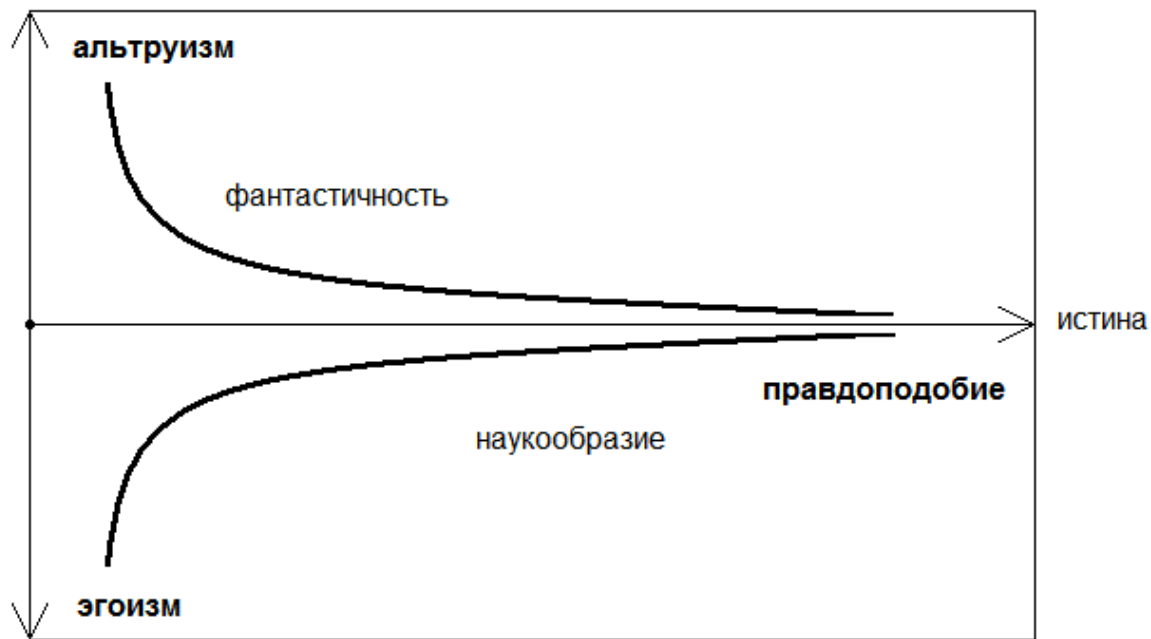

Рис. 5.7

социальная психология, нейрофизиология, технический прогресс, экономические отношения. Хорошо также звучат и сами слова "справедливость", "свобода", "социальный договор", "всеобщее счастье", "высшее благо", "процветание", "коммунизм", и прочее в таком же духе, отчасти попавшее на рис. 3.6. Однако сами эти слова не очень подходят в качестве обоснования и обычно требуют более подробной расшифровки, что и позволяет разместить соответствующие идеологии в правильных местах графика. Требования идеологий обычно не столь жертвенны, как собственно жертвенной морали, и часто оправдывают откровенный эгоизм, который хорошо объясняется природным детерминизмом, а познается наукой.

- Грехи моралистов

Начнем с традиционного морального насилия. Оно апеллирует к иррациональным мотивам либо к их смеси. В первом случае безусловная необходимость жертвы оправдывается сакральными посланиями, идущими сверху - от Бога, Блага и Добра, или снизу - от памяти отцов, истории и традиций. Во втором, на помощь призывается, например, любовь к родине, народу, фирме или угнетаемому меньшинству. Моральное насилие также может попытаться принять форму вполне научнообразной идеологии, как это сделал, например, феминизм, что несколько не может изменить его суть. Поэтому важным аспектом и неотъемлемой частью морального насилия является психологическое давление. В личных отношениях - это чувства к близким людям, в публичных - авторитет моралиста, мнение коллектива, страх непознанного, упор на "могилы предков", "все святое", наличие совести, порядочность, "шовинизм" и т.п. При этом первоочередной и наиважнейшей задачей является внушение принципа безусловного подчинения - запрет любых сомнений в истинности навязываемого.

Сомнения трактуются как неуважение, предательство, надругательство и кощунство, а сомневающиеся будут без всякого сомнения подвергнуты страшной каре. Именно по этой причине наиболее ужасным пыткам всегда подвергались вольнодумцы, отступники, еретики и чернокнижники, включая, вернее начиная, с ученых.

Поскольку моральное насилие стремится сформировать в людях нужные другим нормы, как правило приучить их жертвовать своими интересами и ценить нечто иное, чем свое личное благо, оно - синдром морального конфуза. Растягивая свое моральное поле и будучи жертвенно моральным, человек отвергает эгоистичный мотив в угоду благу постороннего. Он озабочен не свободой, а счастьем другого. И естественно, ему обидно, когда другие не хотят достигать счастья подобным образом, отчего возникает необходимость в моральном насилии, превращающим конфуз в эпидемию.

Помимо удовлетворения морального зуда, моралист обязательно будет иметь и корыстные цели, как мы убедились обсуждая МК. Логика, повторю, такова. Убеждать содействовать чужому благу и навязывать подобные действия другим аморально даже по нынешним меркам. Раз чужое благо заключается в жертве, побуждать к ней - значит рисковать явно или неявно оказаться ее получателем. Ну а там, где аморальность - там недалеко и корысть. Моральное насилие приводит к конфликту идеалов и личной выгоды, а подобный конфликт в аморальной душе долго не длится. В итоге, моральное насилие - это всегда насилие во имя чьей-то выгоды и получателя ее не приходится долго искать.

Принуждение других к жертвенной морали аморально, но при этом допустимо - в личных отношениях. В конце концов, что делать, если другой ведет себя неприемлемо? Терпеть? Нет конечно. Но почему надо принуждение других, даже к морали, объяснять моралью? Тем более посторонних? Тем забавнее, что моральное насилие этим и оправдывается. Праведность и непогрешимость, проявляющиеся в моральном насилии, в отличие от истинной морали, которая побуждает человека жертвовать собой ради других, ослепляют моралиста и подталкивают его руководить, а то и помыкать другими. Помимо обычных целей насилия - навязать свою волю и добиться своей выгоды - моральное насилие доставляет совершенно особую радость, раздувая праведность и непогрешимость до степени болезни, что требует все большего их "применения" и все большего количества "грешников". Системное, организованное моральное насилие, таким образом, может осуществляться и ради самого насилия, доставляя не только материальную, но и душевную выгоду, не только кусок общего пирога, но и духовную, а то и вполне реальную власть над паствой. И чем больше непогрешимость, тем эгоистичнее властный интерес и лживее его оправдания. Чем глубже заблуждения, тем громче претензии на моральное лидерство.

- Психологическое насилие

Традиционные формы морального насилия не слишком стремятся идти в ногу со временем, предпочитая полагаться на хорошо организованное и отлаженное промывание, а точнее умертвление мозгов, которое должно начинаться с самого детства. К этому и сводится, например, религиозное "образование" - запугивание детей, оставляющее пожизненную психологическую травму. Бессознательный страх, живущий в каждом человеке, преодолевается с возрастом, как и любой животный инстинкт. Он подчиняется разуму и работает под его контролем. Моральная самостоятельность иначе

невозможна - человек должен избавиться от животного страха, что само происходит, если его не укреплять. Остатки страха свойственны каждому и проявляются в причудливых суевериях, которые безобидны, поскольку не влияют на моральную автономию. Но если ребенку достаточно долго внушать, что за каждым столбом его наблюдает страшный дядька, которому придется отвечать, да не просто так, а после смерти, под угрозой самого страшного наказания, и перед которым он уже с рождения в вечном неискупимом долгу, потому что грешен, порочен и кругом виноват, а для убедительности жестко наказывать и принуждать к зазубриванию подобного - такое прекрасно отложится в памяти. И будет напоминать о себе в каждой критической ситуации. А отсюда уже недалеко до руководства извне - привычка полагаться на авторитет и потребность в защите требует выхода. "Образование" усиливается регулярными проповедями. Проповедование - аналогичное запугиванию психологическое насилие. А как еще можно квалифицировать грамотное внушение стыда, вины, долга? Психологические эффекты проповедей - хоть религиозных, хоть революционных - достаточно хорошо изучены. Короче говоря, свобода религии - это свобода осуществлять насилие. Глубоко религиозные люди морально неавтономны, а следовательно - не вполне взрослые и дееспособные люди. Они психически травмированы и подлежат либо лечению, либо опеке.

Подтверждением подобного, на первый взгляд, радикального вывода является существующая кое-где юридическая практика, позволяющая уклоняться от военной службы сознательным противникам военного насилия (conscientious objector). В качестве уважительных причин служит только религиозное или эквивалентное моральное убеждение, опирающееся на участие в организованной религии или прошлом военном опыте. Оба случая, очевидно, равноценны по психическим последствиям. Для сравнения, философские, т.е. по сути этические, убеждения не являются уважительной причиной для получения статуса "сознательного уклониста".

Психическое нездоровье особенно наглядно проявляется при клинических случаях религиозности - впадении в состояние крайней психологической неустойчивости, открывающей двери власти над личностью любой глупости. Деструктивные секты - самые яркие примеры подобного ужаса. Как легко, оказывается, довести внешне нормального человека до самоубийства, предваренного убийством собственных детей! Однако такие насильственные ментальные практики не ограничиваются сектами. Люди могут свихнуться и в одиночку, что не касалось бы нас, если бы эти одержимые не начинали проповедовать, колдовать, напускать порчи, исцелять и т.п.

Страхи, присущие людям, многообразны. Можно бояться не только Бога, но и людей, болезней, нового, прогресса. Даже истина с ее парадоксами вызывает страх, отчего хочется верить во всякую чушь, или на худой конец, отрицать ее существование. Конечно, в личной жизни всяк может верить во что угодно, если это помогает ему, но в отношениях с посторонними любые намеки на моральное насилие неприемлемы. Равно неприемлемо и увечье детей, которые хоть и являются собственностью родителей и не могут обращаться за помощью к публичной сфере, рано или поздно станут самостоятельны и тогда общество вполне сможет спросить с их родителей по всей строгости.

- Моральные суждения

Моральное насилие неотделимо от моральной оценки - суждения о людях с точки зрения соответствия их поведения нормам. В таких моральных суждениях нет ничего морального. Мораль претендует на универсальность, но как можно быть объективным, судя со своей точки зрения? Если конечно, это не суждение по отношению к себе - тогда это этика, потому что отсюда вытекает самоограничение и прочие этические механизмы. Но суждения обычно касаются других и подразумевают, что правильность их поведения подвергается сомнению. Люди оказываются должны, виноваты и начинают страдать. Как такое может быть приемлемо среди посторонних? В публичной сфере требования к другим - всегда насилие, и оно может быть оправдано только в двух случаях - или совместной оценкой совершенного деяния, или его очевидной несправедливостью. И в обоих этих случаях в основе моральных требований лежит соответствие норме договора, и потому такое суждение тривиально и равносильно констатации факта. К примеру, если человек требует от кого-то не грабить старушку - это вполне моральное желание жить в справедливом обществе, стремление к общему благу и свободе. Это запрет насилия, затрагивающего всех. И только такие суждения допустимы в отношении посторонних. Все, что отклоняется от прямого запрета на насилие склоняется в сторону чьей-то пользы. Поэтому всякие моральные суждения о посторонних людях скорее всего говорят о моральном насилии.

Иное дело среди близких. Здесь это не только приемлемо, это вообще нормальная практика личных взаимоотношений, взаимного влияния - эгоистичного, альтруистичного или их смеси. Моральное насилие тут может быть как рациональным так и нет, в зависимости от того, с какой точки зрения оказывается влияние - собственных интересов, чужих или общего блага. Рационально мотивированные суждения естественно ничего общего не имеют с моралью, чего не скажешь о мотивах чужого или общего блага. Например, если X требует от знакомого или родственника Y не грабить старушку, то тут может иметься смешение всех трех мотивов. Грабить нехорошо, потому что это может быть опасно, можно попасть в тюрьму. Это - моральный мотив, забота о знакомом. Суждение может быть дополнено реальными действиями - попытаться понять ситуацию Y, насколько он нуждается в деньгах, почему он не может или не хочет работать, насколько хорошо он продумал схему ограбления и по мере сил помочь Y выйти из ситуации. А то и ограбить старушку вместе, если ситуация безвыходная. Истинно моральное осуждение есть иррациональное действие - это попытка повлиять на другого для его блага. Иное дело, грабить старушку нехорошо, потому что X не хочется оказаться родственником грабителя. Это и морально неудобно, и чревато потерей репутации и другими личными осложнениями. Это - вполне рациональная личная выгода. Третий мотив - этическое требование к Y не грабить несмотря ни на что, потому что это нехорошо, неправильно и аморально. Лучше честно помереть с голода. Тут в морально-этическом конфликте победила этика.

Моральное насилие повинно в самом большом количестве человеческих жертв, если брать пропорционально населению Земли тех времен, когда происходили те ужасные события, и следовательно ее моральные идеалы - самое ложное общее благо, какое только можно вообразить.

11 Идеологическое насилие

- Рациональность и субъективность

Традиционное моральное насилие, несмотря на свою эффективность, успешно вытесняется идеологическим. Не надо думать, что причина - в возрастающей моральной автономии населения, или в повышении его морального уровня, или в накоплении научных знаний о морали и жизни. Причина в негибкости морали - не так легко придумать, а тем более внедрить свежие моральные нормы, подходящие к новым общественным ситуациям, возникающим с калейдоскопической быстротой. Идеологическое насилие, в отличие от традиционного, убедительно тем, что апеллирует к правдоподобному, хоть и ложному общему благу, а не напрямую к священным моральным нормам. Нормы потом возникают сами собой, как следствие расхождения той социальной действительности, что мы с горечью видим вокруг, от той, что нам рисует идеология в виде сладкой картины будущего. Новая картина разумеется оказывается более морально правильной. Отсюда и нормативность. То есть идеология - это насилие не только над людьми, но и над самой идеей публичной этики, примерно как религия - насилие над идеей морали. Это замена анализа реальности и поиска справедливых норм, основанных на нейтральности и беспристрастности, конструкциями, основанными на неприкрытой субъективности идеологов.

Разумеется, идеология - та же мораль в иной упаковке, те же абсолюты, выросшие на идеях разума. Чтобы в этом убедиться, взглянем на "самую научную" идеологию - марксизм. Вся она - страстная проповедь освобождения от капиталистического угнетения, обоснованная убедительными, хоть и фантастическими общественными законами. Но освобождения через постоянную и непримиримую борьбу, которая тоже закон. Т.е. освобождение почему-то через новое насилие, да еще какое! Хотя почему "почему-то"? Именно в этом суть. Освобождение - это всегда уменьшение насилия. И для этого не обязательно иметь моральную теорию. Однако для оправдания насилия необходима идеология, в оправдании насилия - сама ее суть, ее цель и смысл, иным ЛОБ и быть не может. Благодаря наукообразию, марксизм легко внедряется и до сих пор служит надежной основой для убеждений и убеждения. И это после стольких жертв и неудач! Но для обывателя наука, научный, "объективный" закон - святое. Даже закон, требующий насилия для своей реализации. Действительно, разве насилие не убедительно?

Если моральное насилие, неотделимое от иррациональности, клонится в сторону жертвы и альтруизма, то логично предположить, что убедительность заставляет идеологию склоняться в противоположную сторону. Убеждения требуют свободно выбранных практических действий, свободных от, например, психологического насилия, но мало кто способен сам действовать против своих интересов. Одно дело - быть этичным, а другое - практичным. И это подтверждается фактами. Например, богатые и успешные придумали либерализм - идеологию экономического насилия, выгодную как раз тому классу людей, который представляли авторы - людей с собственностью, но не привязанных к сословной власти. Социализм изобрели теоретики победнее - и дополнили экономическое насилие бюрократическим. Коммунизм придумал мечтательный разночинец, постоянно стесненный в средствах, а национализм - завистливые неудачники. Что касается нынешнего расцвета всевозможных идеологий, то он организовался усилиями многих заинтересованных в постоянном источнике дохода, а равно тех, кто желал бы нанести максимальный ущерб конкурентам. Эти факты открывают нам глаза на то, что идеология в сущности выражает интересы, лишь прикрытые идеалами, что не должно нас удивлять, ибо ЛОБ,

как мы помним, всегда хоть немного практично. Кстати, похожая история случается и с религиями, которые рождаются от мечтаний, а потом верно служат насилию. Христианство, например, придумал нищий закомплексованный плотник, не имевший вообще ничего, даже отца. Отсюда и мечты о всем хорошем. Но позднее христианство стало серьезной политической силой, выражая интересы огромной группы людей - тех, кто властвуя еще и учит жить.

Тут важно то, что не надо понимать интересы узко - как место на социальной лестнице. Личные интересы всегда больше простой материальности. Люди воспринимают социальную действительность не только со своей экономической колокольни, но и, например, с культурной - как часть нации, этноса, клана, профессии, клуба или другой групповой единицы, с половой - как обладатели пола, ориентации и семейных предпочтений, с психологической - как обладатели всевозможных черт, влияющих на склонности в иррациональных действиях (жертвенность, доброта, подчинение авторитетам и традициям, коллективизм), и даже с возрастной - чего стоит бунтарство юности против консерватизма дряхлости!

Часто люди предпочитают идеологии, которые просто удобны, облегчают им жизнь, оправдывают неудачи, перекладывают вину на других, освобождают от личной ответственности, потакая таким образом слабости собственного характера. И кроме этого, на умонастроения влияют всевозможные предрассудки, комплексы, болезни головы, расстройства нервной системы и конечно - степень моральной зрелости, автономии и самодостаточности. Но одно объединяет всех. Правильно и социально справедливо - сделать так, чтобы все было как видится лично субъекту. Это и есть общее благо, ложное для всех, истинное для одного - а скорее, истинное для той общности/группы/среды, которая помогла эти интересы сформировать и сформулировать.

Таким образом, если моральное насилие опирается на конфуз, запугивание и психологическое давление, то опорам идеологии являются сначала ложь - подмена интересов объекта на интересы субъекта, а затем уже эмоциональное и информационное давление. Если быть, впрочем, до конца последовательным, надо уточнить - а всегда ли субъективное понимание справедливости истинно и для его носителя? Интересы еще надо осознать, выявить их связь с формирующими группами. Истинные интересы человека вполне могут быть не там, где он их ищет. Они идут скорее от характера и способностей, нежели от места работы, размера семьи и истории болезни. А если глядеть совсем в корень, истинные интересы каждого - ОБ и ОЭ, способности только помогают личной конкретизации. Но поскольку осознать это пока мало кому удастся, не будет большим преувеличением сказать, что в основе всякой идеологии лежит ложный интерес, а в основе всякого ложного интереса лежит эгоизм, к которому в итоге и клонится всякая рациональная субъективность. Поэтому мать всех идеологий можно кратко описать как "свободу быть счастливым за счет других".

- Демократия

Идеологией может быть любое социальное учение, если ему повезет хоть немножко превратиться в истину, т.е. обрести сторонников. А если затем и победить в идеологической войне - идеология станет господствующей. Самая важная сейчас пожалуй - идеология представительной демократии, формально позволяющая

гражданам законным образом продвигать личные политические убеждения - мелкие идеологии, связанные с местом человека в насильственной структуре демократического общества. Говоря грубо - моральные оправдания политическому насилию. А несколько мягче - ориентир в поисках личной справедливости, достигаемой политической победой и физическим принуждением проигравших. Личный успех гарантированно делает мир чуточку справедливее.

На самом деле, конечно, никакого продвижения нет. Демократия - "власть народа" - благозвучное название для олигархии, которая устраивает политический балаган для обывателя, позволяя ему думать, что он на что-то там влияет в какой-то там партийной борьбе продвигая какие-то там политические убеждения в какой-то там социальной справедливости.

Таким образом, мы имеем два уровня идеологии и два уровня обмана. Первый, политические убеждения подменяют истинные, могущие представлять опасность для государства, второй, демократия подменяет борьбу за свободу иллюзией блага, лежащего прямо за следующими выборами. Не удивительно, что идеология демократии - наиболее рыхлая, аморфная, включающая в себя множество вариаций, позволяющих балансировать всевозможные интересы не выходя за ее рамки и тем придать государственной власти стабильность.

Но как бы аморфна она не была, угодить всем невозможно. Всегда найдутся сомневающиеся, кто непременно придумает свою собственную идеологию с той же, хоть и немного иной целью - борьбы за иное общее благо, способное лучше выразить их представление о справедливости, в чем протестная идеология ничем не отличается от господствующей, т.е. это такой же способ морального подавления соперников, убеждения колеблющихся и воспитания сторонников. Убеждая окружающих можно сформировать если не новую социальную действительность, то хотя бы многочисленную группу активистов, достаточно сильную для последующего вдалбливания ее в головы другими методами. Тут идеология выполняет мобилизующие функции героической морали.

Демократия легко отражает атаки маргинальных идеологий. Свежие идеи включаются в политическую повестку и замыливаются. Протестные группы инкорпорируются в политические партии. Наиболее бескомпромиссные объявляются экстремистами и уничтожаются. А сама демократия по степени окостенелости в конце концов поднимается до уровня религии. Выбор народа, мнение большинства, воля нации и т.п. - это новые святые, давно помершие и засохшие до состояния мумий. Выборы - таинство. Конституция - священное писание. На место бога претендует равенство и социальная справедливость, а церкви - демократические институты государства. Оно носитель истины, морали и творец социального бытия. Рай загробный заменился построением правильного общества на земле, осуществляемым сознательными гражданами под управлением харизматической власти. Труд круглосуточных проповедей взяли на себя СМИ поддерживаемые социальными науками.

Опора на массы демоса стала важным условием для продвижения интересов на всех уровнях и во всех областях демократического общества. Гражданский активизм противостоит профессиональному, активизм деловых групп - активизму меньшинств и так далее. А демос требует убеждения. Если идеология может быть названа большой

ложью, то идеи, скрепляющие группы активистов, лоббистов и прочих структур влияния - малой. Подобные идеи не нуждаются в системности и широте охвата, требующимися для попадания в разряд идеологий. Это не столько идеи, сколько прикрытие узких интересов. "Недоидеологии" подкрепляются усилиями специалистов, экономистов, журналистов и любых подходящих авторитетов в области формирования прогрессивного общественного мнения. Вспомните, какие из следующих проблем требовали срочного решения - запрет ядерной энергетики и сжигания ископаемых ресурсов, спасение китов и коралловых рифов, вред ГМО и польза органики, эпидемия педофилии и разгул терроризма, озоновая дыра и таяние льдов, глобальное похолодание и нехватка шуб. Демократическое общество бурлит неотложными проблемами, чья лживость порой поражает воображение.

- Власть

Помимо стабильности у государства, а точнее у властной верхушки, есть и другие интересы, которые обслуживаются государственной идеологией, какой бы формой она не выражалась. Цель навязывания государственной идеологии - а ее обязательно навязывают, хотя многие подданные охотно навязываются сами - легитимация государственного насильственного "управления", превращение граждан в покладистых подданных, даже не помышляющих о переменах, о стремлении к свободе и ОБ. Суть властной идеологии - максимальное лишение людей разума, воли и этики. Тотальным внушением можно добиться многого. И чем менее самостоятельно мыслит человек, тем внушительнее результат. Чем еще объяснить, что любое упоминание "общества без власти" вызывает кислую мину и насмешливый вопрос "Это утопия?" или "Это анархия?", под чем подразумевается либо несбыточный бред, либо дикие джунгли. Власть отучила людей даже мечтать о свободе!

Подчинение власти всегда требует жертвы, и потому идеологическое насилие к гражданам всегда несет сильный оттенок морального. Когда христианство работало на власть, оно требовало смирения и подчинения авторитету данному самим Богом, коммунисты - бесплатно работать на общее благо, эгалитаристы - отказаться от своих естественных преимуществ в пользу слабого, националисты - затянуть пояса для победы над инородцами, фашисты - беззаветно любить родное государство и его вождя. Каждый без труда распознает уши жертвенной морали в таких фразах, как "патрия или смерть", "весь народ как один человек", "не спрашивай, что твоя страна..." Продолжением этой цели, хотя и несколько неактуальной ныне, является формирование в подданных чувства крайней самоотверженности, необходимого для военного противостояния с другими государствами.

Результат, как и всегда - люди переключаются на кого-то руководство своей жизнью, отдают свою свободу, подчиняются давлению авторитета. Избавляясь от груза ответственности, они находят тысячи причин для оправдания своего рабского поведения - от служения высшей идее до происков врагов. Особо упертых из них, политизированных и идеологизированных, не способных "поступиться принципами" и родить в котле пропаганды свои собственные, свободные мысли, уже вполне можно считать, аналогично глубоко религиозным, не вполне дееспособными. Как и моральное, идеологическое насилие повинно в огромном количестве человеческих жертв, самом большом в абсолютном исчислении, и следовательно ее моральные идеалы - максимально неправильное ложное общее благо. Конечно, разные идеологии

неправильны по-разному, некоторые довольно удачно оказались в районе истинного общего блага. Но надо помнить, что счет жертв еще не закончен.

- Механика лжи

Поскольку все варианты морального насилия стремятся направить поведение и деятельность человека, можно попробовать, в качестве небольшого итога, соотнести их с теми мотивами, которые они рассчитывают инициировать, и заодно сравнить результат с ОЭ, как она выглядела на рис. 1.13. Получилась картинка 5.8, состоящая из двух частей, которая надеюсь не требует длинных объяснений. Картинка, конечно, приближительна, поскольку не все эти идеологии я досконально знаю.

Вообще-то, объяснения потребуются, ибо картинка выявила небольшую несообразность, которую вы наверняка уже заметили раньше, а я, к сожалению, только сейчас - неувязка непосредственной связи рациональности и альтруизма. Как идеологии, упирая на рациональность, умудряются добиваться альтруистического поведения? И почему при таком обилии идеологий все наше общество насквозь эгоистично, как утверждал еще рис. 1.11? Что касается последнего, то тут вроде все понятно - победил либерализм и индивидуализм. Хотя нет, и тут не все так просто.

Прежде всего, линии, помеченные названиями вариантов насилия на рис. 5.8 - это целевые мотивы, которые безусловно могут отличаться от фактического результата. Например, в то время как христианство или коммунизм требуют максимального самопожертвования, люди в итоге на эти требования не обращают внимания. А если люди, напротив, пользуются принуждением других к своей выгоде, то в них и христианство, и коммунизм порождают эгоистичное поведение. Интересней случай, когда результат оказывается противоположным тому, каким его воспринимает субъект. Например, в случае либерализма, человек пользуется экономической свободой для реализации своего эгоистического интереса, но в итоге, по не зависящим от него причинам, оказывается эксплуатируемым и в хвост, и в гриву, т.е. является фактически альтруистом. Здесь мы и сталкиваемся с сутью проблемы. А суть - ложь идеологии. Чем ситуация либерализма отличается от прямого обмана? В итоге ничем. Что такое обман? Противоположность мотива и результата. Некто X предлагает Y отдать ему ценность N для того, чтобы получить потом ценность M, $M > N$. На какой мотив опирается обманщик? На рациональный, эгоистический. А в итоге? Когда Y отдает X N и ничего не получает взамен, он оказывается патологическим альтруистом.

Обратная ситуация с социализмом. Человек поддерживает его и честно платит свои небольшие налоги, думая, что кормит общество, но на самом деле получает от общества гораздо больше отданного. Т.е. следуя идеологии социализма и думая, что он альтруист, он, по результатам, ведет себя эгоистично. Но не подумайте, что я тут смешиваю запланированное целевое поведение для случая социализма и непредвиденный результат для либерализма. Дураков уже не так много, потому-то либерализм и трансформируется в либерал-социализм. А социализм тоже обманывает, но гораздо хитрее. Конечно, человек может и хочет думать, что он такой хороший, но на самом деле он поступает вполне рационально. Никакое общество он не кормит, он кормит самого себя, и рационален именно тем, что чувствует получаемую пользу. Это и заставляет его поддерживать социалистические партии. Тут мы можем сделать вывод, что человек обманывает самого себя, примерно как в случае благотворительной

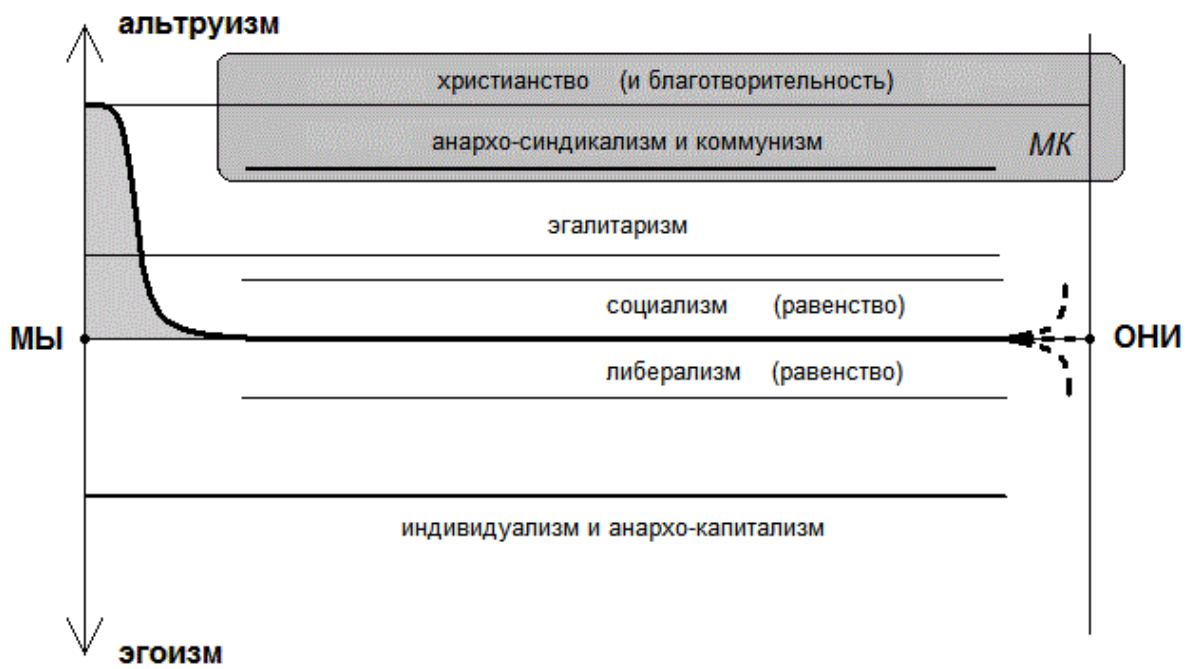

Рис. 5.8 а

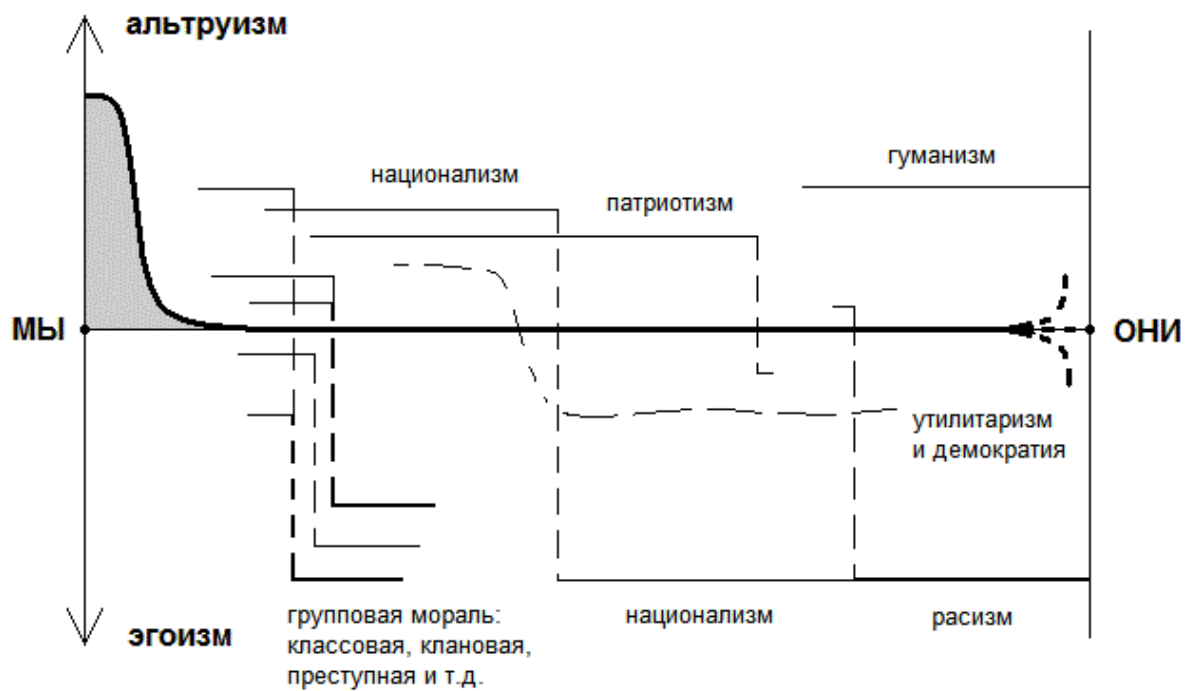

Рис. 5.8 б

деятельности, где полуосознанные рациональные мотивы прикрываются надуманно иррациональными.

Этой хитростью коллективистские идеологии отличаются от прямого либерального обмана. Вся их суть - укрепить коллектив для успешной экономической борьбы с другими. И если в случае явной групповой морали обмана нет, потому что все довольно очевидно, в случае более изощренной - социализма, национализма, патриотизма и т.п., альтруизм только кажущийся. Укрепляя коллектив, индивид получает вполне реальную выгоду по отношению к проигравшим. И, как правило, знает об этом. Ни одна из подобных идеологий не работает, если коллектив проигрывает - как мы можем видеть на примере бедных стран, откуда в успешные течет миграционный поток, давно забывший о любви к родной стране. Конечно, всегда есть категория людей, готовых за любимый коллектив эгоистичных обывателей отдать последнее. Но тут мы сталкиваемся с мотивом целиком детерминированным - эмоционально, психологически или как-то еще. Эти люди не свободны и не заслуживают нашего анализа.

Если идеология не занимается принуждением к жертве или оправданием личного/группового эгоизма, то она рисует в воображении справедливые комбинации, делящие людей на получателей и отдавателей. В этом случае, целевой мотив оказывается либо в верхней, либо в нижней части картинки в зависимости от того, кем оказывается субъект. Например, в случае равенства, если человек продуктивен и успешен, он оказывается альтруистом, так как считает, что должен отдавать, и отдает часть своего успеха менее удачливым. Если же он лентяй и халявщик, для него равенство выгодно, а его поддержка - рациональна.

В довершении сказанного, картинка включает свободно выбираемые мотивы и поэтому не отражает деятельности под принуждением власти, нацеленной на создание публичных благ. "Идеология" утилитаризма, как бы руководящая деятельностью власти, никак не определяет что есть "максимальное благо всех" к которому она как бы стремится, отчего результирующие мотивы в целом непредсказуемы. Однако, сама эта идеология приводит к поддержке власти со стороны принуждаемых, что позволяет ориентировочно, хоть и кривовато, поместить ее на картинку вместе с идеологией представительной демократии. Вместе, они иллюстрируют мораль "голосующего демоса", надеющегося с каждыми выборами получить преимущество за счет проигравших.

А мы будем надеяться, что несмотря на трудности наша картинка все же смогла продемонстрировать, как ложь запутывает человека, смешивая его мотивы, интересы и цели, и уводит в сторону от истины и ОБ.

12 Неестественные науки

- Социальная реальность

Идеология, как и любое насилие - попытка управлять деятельностью, т.е. создать новую социальную реальность. А что будет, если попытаться просто познать ее? Тогда вместо идеологии мы получим насилие (не)знания. Насилие, то есть, если познать правильно

не удастся, ибо неправильный результат вполне может изменить наши будущие действия в нежелательном направлении.

В принципе, любые новые знания обычно изменяют наши действия, но будет правильным считать, что знания, которые являются верными, меняют наши действия не путем насилия, а путем "согласия" - ведь наши намерения в этом случае совпадают с целью получения этих знаний. Если же намерениями людей было насилие, то новые верные знания, хоть и меняют их действия, не делают это насильственно, поскольку не меняют сути намерений. Таким образом, мы можем говорить, что насилие знаний возникает в единственном, указанном выше случае, несмотря на то, что знания - очевидная детерминанта разума.

Вот чтобы такого не случилось, есть смысл рассмотреть вкратце общественные или гуманитарные науки. Эти науки призваны объяснить общество и все, что с ним связано, и потому, разумеется, опираются на уже готовые этические ориентиры, правда старательно отрицая это. Что уже зароняет искру сомнения. Опора помогла бы увидеть реальность под правильным, т.е. истинным углом. Мы под правильным имеем в виду ценность №3. А какова истина у гуманитариев? Истина у них - соответствие знаний уже имеющейся реальности. Удивительно, но правильным наука считает окружающий кошмар! Чтобы убедиться в этом, начнем с вопроса - что такое социальная реальность?

Во-1-х, чистая социальная реальность - это наши представления о ней. Она существует не сама по себе, а в циркулирующей в обществе информации. По мнению ученых, она всегда находится в чужой голове, а то, что находится в голове ученого - не реальность, а лишь ее часть, субъективное отражение, личная картина мира. Отсюда и смысл ее познания - достать недостающую, "настоящую" реальность из чужих голов. Откладывая пока вопрос о том, возможно ли это, необходимо, разумеется, признать, что это не совсем так. Даже в голове ученого имеется нечто, что формирует эту реальность - как и в голове всякого мыслящего члена общества. Во-2-х, это - объективная реальность, доступная нашим органам чувств, но искаженная обществом. Включая наши знания о ней. Например, мы видим, что земля плоская, но общество пытается формировать в голове образ шара. Не всегда искажения бывают так удачны. Например, некоторые ученые так искажены наукой, что считают не только социальную, но и саму объективную реальность плодом всеобщего воображения. На самом деле, соцреальность если не реальней "обыкновенной", то уж точно страшней. В-3-х, и главных, социальная реальность населена людьми, а значит в своей основе - ценностна. Как вы уже догадались, друзья, это - этическая реальность, благо созданное, создаваемое и ожидаемое. Оно руководит нашим поведением и стало быть определяет, что является для нас правильным, а сами социальные науки рассматривают то, что представляется нам правильным, но так, что само это правильное отрицается и исчезает из рассмотрения в целях "объективности". Откуда естественным образом вытекает, что нынешнее положение дел - так, как оно рисуется исследователю - оказывается единственно правильным. Объективность оказывается тождественна субъективизму, релятивизму и консерватизму!

А, кстати, возможна ли в принципе объективная точка зрения или, другими словами, истинная картина мира? Теперь, зная, что из себя представляет истина, мы можем твердо ответить - нет! Объективная истина, если и существует, настолько неуловима и противоречива, что никогда не позволит сформировать объективную точку зрения. Вместо объективной точки зрения есть объективная

реальность и множество точек зрения на нее. Эти точки могут быть лишь более или менее объективны (и истинны), что происходит тогда, когда они оказываются более или менее правильны/эффективны с точки зрения свободы - способности преодолеть эту реальность, сделав ее свободнее. В случае же этической/социальной реальности, дело обстоит еще хуже. Эта реальность создана свободными людьми и потому даже не объективна, а произвольна - представляет собой смесь свободы и детерминизма в некой пропорции. Т.е. тут невозможно определиться от чего считать ее объективностью - то ли от степени ее свободы, которая так же как сама свобода неуловима и вечно впереди, то ли от степени насилия, как укорененности в детерминизме. Зато объективность точек зрения на нее вполне можно задать по аналогии. Точка зрения на социальную реальность можно считать более или менее объективной тогда, когда она оказывается более или менее эффективна в деле уничтожения насилия, больше всего приближает нас к ОБ.

Социальную реальность можно проиллюстрировать той же пирамидой с рис. 3.3, где нижний этаж - материальная, объективная реальность, что мы видим в быту и в телевизоре. Она формируется благодаря правилам - соглашениям, позволяющим взаимодействие между людьми. Эти соглашения и есть "чистая" социальная реальность, реальность второго уровня, каркас, на котором держится окружающее нас благолепие. Все это - последовательно выстроенные нормы, т.е. поставленное в рамки, организованное насилие. Любые социальные институты - результат его ограничения и упорядочения. Какие институты я имею в виду? Все. Даже точная наука еще по большей части движется вперед потребностями насилия, а сама она - ну это ж чистое насилие уже состоявшихся гениев над начинающими.

Чтобы увидеть этическую реальность так, как ее видят социальные науки, надо от пирамиды оторвать пару верхних этажей. И тогда сразу появится предмет исследования, потому что будет совершенно непонятно откуда что взялось. Ведь на чем держатся все эти нормы? На том, что ради объективности оторвали. Оторванная реальность - это общие цели и ценности, благодаря чему были получены нормы. Предзаданность стремления к ОБ - единственная возможная "закономерность" в разуме, помогающая понять всю конструкцию. В чем же смысл понимания социальной реальности, если не в понимании ее смысла?

- Насилие науки

И действительно, что изучают естественные науки? Детерминизм 1 типа. Который благодаря их усилиям становится возможно преодолеть. А как быть с детерминизмом хотя бы 2-го? Третий, понятно, изучению не поддается, но второй-то можно попробовать изучать? Ведь нынешняя социальная реальность - это ж просто воплощение насилия! Значит оно и должно быть предметом социальных наук. Его виды, способы, степени, условия, уровни, места, агенты, субъекты и т.д и т.п. И странно, будь это иначе - сколько же можно идти к ОБ путем проб и ошибок? Тем более в эпоху НТР? Более того. Тот факт, что отношения между людьми никак не могут быть свободны от воздействия, влияния и других способов продвижения интересов, включая убеждение, кладет вопрос об отношении социальной науки к насилию в ее основу. Ведь наука - это не только сами научные структуры и научный процесс, т.е. тоже отношения между людьми. Это - производство убедительной, и даже чересчур убедительной информации, поступающей другим людям. И при этом в огромных количествах, что

уже само по себе попадает в разряд информационного насилия. Тем интереснее узнать, как же социальные науки трактуют насилие?

А почти никак, если не считать изучение преступности, групповой агрессии, да спорадические попытки выяснить "природу" власти. А почему так происходит? Потому что социальная наука - государственный институт. Ни свобода, ни ОБ, требующие уничтожения ее хозяина, не входят в область ее компетенции. Времена независимых умов давно прошли. Наука ныне - жесткая структура со своими правилами и нормами, плотно встроенная в политическую систему и ее пропагандистскую машину. Ее императив - научное обоснование государственной политики, продвижение прогрессивной государственной идеологии. Правда, даже среди государственных, формально ассоциированных академиков находятся люди с критическим мышлением, которые честно характеризуют современное общество как аппарат угнетения, эксплуатации и доминирования, и выдвигают передовые теории. Но их передовые теории пока что оказываются лишь иным вариантом государственной идеологии и, к счастью, уже никакой не наукой. Впрочем, признаюсь друзья, я не слишком сведущ в критических теориях. Может, вы знаете о той, что близка к ОЭ?

Да и способна ли наука исследовать социальную реальность? Разумеется нет. Не видя разницы между типами детерминизма, изучения не получится. Ибо закономерности в свободном поведении людей отсутствуют в принципе. Можно наблюдать и описывать всевозможные корреляции, но никогда нельзя точно сказать, что за чем следует, что чем вызывается, что отчего, почему и зачем. Иными словами, нельзя сделать самое главное - понять и объяснить, а тем менее - предсказать. Цели и смыслы индивидуальны и субъективны. Статистика замечает лишь следствия - что толку опрашивать население стало ли бы оно грабить аптеку, чтобы спасти больную жену? Чтобы хоть немного приблизиться к причинности, к пониманию действий других, надо опереться на свое, субъективное представление о ценностях, скрывающихся в чужом уме. А это не наука, это - суд. Только в суде происходит более-менее последовательная попытка понять, насколько действия подзащитного определялись тяжелым детством и сопутствующими обстоятельствами, а насколько - свободным выбором. Процедура все еще дорогая и неэффективная. Наука так глубоко не копает. Большинство ученых не идиоты. Они отлично понимают, что истина, как и сама объективность, в социальных науках отсутствует - каждый видит то, что хочет видеть. Они лишь наблюдают и докладывают. И получают зарплату.

К несчастью, информационное насилие социальных наук крайне велико. Знания - сила и потому социальные науки обладают огромным влиянием, несмотря на плачевное состояние общества. Степень их идеологизации однако варьируется. Так, нынешняя версия самой "объективной" из них - экономики - прочно покоится на модели человека как энергетической машины, где в качестве универсальной энергии выступают деньги. Правда, даже эта модель допускает множество школ мысли, чей практический выход - экономические рекомендации, обслуживающие соответствующие мыслям идеологии. Довольно объективная, поскольку изучает факты, история - давно стала притчей во языцех от того, что каждая кардинальная смена власти - и идеологии - приводит к переписыванию и фактов, и истории. В этом от истории не отстают педагогика. Даже "поневоле" объективные науки, поскольку лежат на стыке социальной и реальной реальности - антропология, демография, психология и т.п. - настолько пропитаны идеологией, что сами ученые уже мысленно возмущаются. К примеру, евгеника и

экология - две науки, которые постигла прямо противоположная идеологическая судьба. Одну запретили, другую - освятили. После того, как ярмо идеологии стыдливо сбросили с психиатрии, она оказалась в плену практически полезной недоидеологии - что является в поведении нормой, а что требует лечения дорогими, но весьма прибыльными лекарствами? Ну, по крайней мере, ныне уже не сажают в психушку за попытку свергнуть власть. А есть науки, которые вообще не имеют никакого отношения ни к чему, и целиком выражают какую-нибудь идеологию, например "женские штудии" или "либеральные искусства". И я уж давно не говорю о "философии". В результате можно найти исследования, максимально объективно подтверждающие любые убеждения, включая безвредность насилия и полезность принуждения, лишь бы заказчики остались довольны.

- Ложность науки

Не стоит слишком винить ученых в услужливости. Многим из них, активно занятым поисками истины (и зарплаты), недосуг задуматься над своим мировоззрением и тем, как оно влияет на эти поиски. А оно влияет. И наоборот. Научно-политические убеждения, т.е. ценностное отношение к социальной реальности, напрямую связанное с научным профилем (и помимо благодарности государству), зачастую само возникает в процессе профессиональной деятельности. Так, например, социологи постепенно становятся коллективистами, иррационалистами и иногда идеалистами, экономисты - индивидуалистами, рационалистами и частенько материалистами, антропологи - культурными релятивистами, а культурологи - уж и не знаю кем или чем. И затем начинают переносить свои убеждения далеко за пределы сфер научного интереса. Что логично. Наука же стремится объяснить, найти причину, предсказать будущее. Но на самом деле, если осознать причины и следствия, то уже и вести себя начинаешь иначе. Например, в случае эволюционной психологии, этологии и прочей социобиологии - как животное. А как же ж? Мы же ж животные!

Все это объяснимо. Социальную реальность люди создают, или по крайней мере пытаются, целенаправленно, а значит любые попытки найти закономерности, это либо 1) попытка отрицать очевидное, либо 2) попытка исправить и направить, что в свете отмеченной выше "объективности", ставит каверзный вопрос - а куда? Ни существующее благо, ни что-либо иное кроме ОЭ, не может указывать верную цель. Остается 3). Изучать социальную реальность - искать способы закрепления существующего насилия "объективных сил". Любые открытые таким образом законы - это предопределение дальнейшего поведения, самосбывающееся пророчество. Как можно противиться тому, что естественно и закономерно? И во всех трех случаях мы не имеем дело с истиной. Причинность материальной реальности удостоверяется практическим освобождением, причинность, найденная в соцреальности, если она там найдена, может быть признана истинной только в процессе аналогичного преодоления. А поскольку подобное преодоление сразу разрушает весь результат, надо признать, что социальные науки ложны в самой своей сути. Их могло бы спасти только точное следование ОЭ, но в этом случае они превратились бы не в науку, а в нее саму - нормативную и прикладную этику, в творчество и даже искусство. Надо, наконец, признать очевидное: само познание социальной реальности - уже ее конструирование, развитие и создание. Ибо наши знания о ней - часть ее самой.

Тут, наверное, ради объективности пора провести черту между науками об обществе и

науками о гуманоиде как детерминированном объекте, нацеленном на выживание - индивидуальное и коллективное. Или научиться проводить такую черту внутри каждой социальной науки. Изучать человека как существо, запрограммированное природой - вполне правомочно, как и любое прочее ее изучение. Это и будет граница между детерминизмом и свободным поведением. И тогда наука вполне поможет его преодолеть, потому что поможет его распознать. Например, выявить специфику работы мозга, формирующего стереотипы. Или природу эгоизма, заставляющего нормальных с виду людей, которым просто не повезло родиться богатыми и со связями, опускаться до крайней подлости в использовании и того, и другого.

Результат естественных наук имеет практический выход - в этом, собственно и заключается цель познания. Тем более странно, что цель социальных наук как бы неизвестна. Понимание поведения влечет применение этого понимания на практике - т.е. изменение поведения. Но в чем смысл изменения? В чем смысл познания социальной реальности, если не в ее конструировании с целью улучшения и достижения общего блага? Очевидно, тоже блага, но уже не общего. Иного не дано. Или преодоление природы человека, или преодоление природой человека. И если уж сами ученые целятся точно мимо цели, что уж говорить об остальных, менее искушенных членах общества? Служение насилию само по себе становится целью науки в обществе, где правит насилие. И хотя социальные науки не привели напрямую к жертвам, если не считать нескольких несчастных случаев, они - проводник и укрепитель существующего социального порядка, что вызывает большие сомнения в их полезности. Насколько правильнее было, если бы ученые открыто обосновались на объективной платформе ОБ и принялись искать пути к истине. С таким интеллектуальным потенциалом насилие бы недолго протянуло. Хотя кто знает.

13 Научная мораль

- Бессмысленность

Научная мораль - научный, т.е. сугубо правильный подход к проблеме правильности в поведении людей. Но какой подход правильный? Очевидно объективный и универсальный, отделенный от всякого индивидуального интереса и традиционной коллективной практики. Возможно также логический и математический, но это сомнительно. В конце концов, здравомыслие присуще этикам, как и остальным здравомыслящим людям. Что касается ученых, выводящих этику из неумолимых законов природы и тем самым предлагающих нам превратиться назад в бессловесных природных тварей, пусть они сами следуют своей этике.

Как же так получается, что научная этика до сих пор не сформулировала в чем заключается правильное поведение? Моя субъективная догадка в том, что этики недостаточно объективны и недостаточно универсальны. В процессе обучения им приходится усваивать множество убедительных теорий, объясняющих происхождение, функции и цели морали. И что интересно - усваивать с позиции беспристрастности и объективности, т.е. опираясь неизвестно на что. Но это невозможно! В результате, как и в социальной науке, им приходится принять какую-либо существующую точку зрения, а значит научная этика - это не столько создание этики, сколько внедрение в голову созданного ранее в качестве истины. Однако, в отличие от социальной науки, видимая

объективность не просто скрывает некую неявную точку зрения. Проблема в том, что эта точка зрения антиэтична - она отрицает этику как таковую! Согласитесь друзья, если учебник этики "объективно" описывает множество этических систем, студенту исподволь внушается мысль, что все они либо одинаково обоснованы, либо одинаково ложны. Засорив себе голову этим хламом, несчастный студент неизбежно придет к выводу что этика субъективна и относительна, что абсолютных истин нет, что моральный долг - фикция. Так, изучение морали влечет моральные выводы, а обучение этике предотвращает ее дальнейшее развитие.

Причина, конечно, в том, что этика - не наука и даже не раздел философии. Это основа мировоззрения, основа, не побоюсь громкого слова, личности. Она не просто описательна - она предписательна, и отделить одно от другого невозможно. Даже если не использовать повелительного или иного мотивирующего наклонения, сам стиль выдаст намерения автора - нам ли не знать, как обосновать идею! Так что когда ученый этик внушает студентам свою точку зрения, при условии что он все же обосновывает необходимость морали - это не так плохо. Ведь зачем еще нужно познание этики, если не затем, чтобы доказать, что добро, слава богу, существует и далее предложить свое субъективное его видение?

Но с другой стороны, таких видений мы уже видели предостаточно. И традиционно-моральных, и практически-утилитарных, и утопически-теоретических. Быть объективным не дано никому - кроме нас и нашей этики, конечно, друзья мои. А тем более таким ученым-философам, которые сделали из бессмысленного изучения этики свою вполне прагматическую профессию и которые, видимо в научных целях испытания общественной морали на прочность, не стесняются пользоваться преимуществами своего высокого положения в системе насилия для дальнейшего улучшения ононого положения. Некоторые даже, слышал, пишут толстые, нечитаемые учебники о добре и зле, оценивают это добро в добренькую сумму, а потом обязывают студентов покупать и заучивать. Подозреваю, убедительности подобным учебникам не занимать. Особенно если учесть, что помимо толщины они снабжены длинным списком ссылок, подавляющим в студентах ростки малейших сомнений.

Я надеюсь, друзья, вам не надо напоминать, что ни "учебников", ни "учителей" этики быть не может? У свободных людей есть только диалог, частью которого, пусть и пока однонаправленной, являются настоящие письма, и будет являться, я снова надеюсь, будущая книга.

К счастью, видения, предлагаемые моральными философами, почти ничем и не отличаются от любых других. Разве что нарочитой расплывчатостью, оторванностью от жизни, да принципиальным скептицизмом в плане того, что вся эта этика - вещь крайне сомнительная и неясная. Что витает в философском воздухе уже тысячи лет. И, судя по всему, будет витать еще столько же. Это единственное, что отличает лучшую часть научной этики от прочих методов информационного насилия. Честность. Не знаю и все. И учебников не пишу. Вот такие этики вызывают уважение и желание выразить большое человеческое спасибо за невольную помощь в борьбе с научно-этическим засилием. Ну а худшую часть - учителей, претендующих на знание истины, трогать не будем. Я и так уже исписал тут всю бумагу.

- Мысленный договор

Я передумал! Простите друзья, просто невозможно пройти мимо такой удивительной философской проблемы, как проблема... социального договора, который стал довольно таки популярным последние пару веков! Вы не поверите, но многие философы всерьез занялись им и вот-вот решат проблему справедливости раз и навсегда. Не следует думать, что ее практическая, да местами и теоретическая сложность порождает у философов тяжелую философскую депрессию. Ничего подобного! На то они и философы, чтобы не бояться тяжести.

Вообще, договор, как средство разрешения противоречий - вещь универсальная. "Маленькая" договорная справедливость хорошо прижилась в спорте, на рабочем месте, в классной аудитории и огромном количестве других мест, где люди заранее и добровольно соглашаются с правилами. Проблема с жизнью и "большой" справедливостью в том, что ее никак не удастся свести к карточной игре. Однако это не значит, что социальный договор обречен. Этика гарантирует ему успех - где-то в бескрайнем будущем. Но не всех устраивает такой неспешный подход. Прошлые неудачи не смущают новых теоретиков, которые постоянно придумывают теории справедливого социального договора, стараясь предугадать за всех живущих, как они бы хотели его составить. И если более скромные из них, вроде нас с вами, ограничиваются универсальными принципами гипотетического всеобщего соглашения, то теоретически более подкованные составляют его статьи прямо наживую, списывая его, разумеется, с нынешнего несправедливого общества - и, тоже разумеется, окончательно и бесповоротно, лишая несогласных каких-либо оснований для протеста. Для пущего правдоподобия, наиболее продвинутые из этих неназванных теоретиков проводят мысленные эксперименты, прогнозируя мысли и предугадывая идеи даже не живущих, а вообще любых мыслящих существ. Ведь разум у всех работает одинаково? Да и хотят все одного и того же, правда? Почему бы тогда не сконструировать "идеального агента", абстрактного, беспристрастного и объективного? А для правдоподобия завязать ему глаза, лишит чувств и стереть память - и заодно разум. Тогда результат будет в точности соответствовать идеям самих теоретиков, обладающих, вне всякого сомнения, сверхестественными мыслительными способностями.

Удивительно, правда? Вместо того, чтобы попытаться подействовать реальному договору, философы предпочитают брать на себя труд выдумывать и фантазировать. Ведь это намного легче! Зачем бороться за свободу, когда можно просто вообразить себя свободным? Зачем мучительно искать с кем-то компромисс, когда можно договориться с самим собой? И зачем признаваться самому себе, что ты всего лишь такой же угнетатель, как и все кто смог встроиться в систему лжи и насилия, да еще облеченный великим правом оправдывать ее морально. Вот подобные философы вызывают жалость и необходимость срочно перейти к следующему пункту нашего повествования.

А собственно... к какому пункту? Похоже пунктов больше не осталось! Совсем мой склероз меня одолел. Немудрено, такая усталость от этих писем все последние дни. И голова болит, и руки, и ноги - я ведь двумя руками писал, быстрее старался. Вот и результат - доразмышлялся до инвалидности. И это вместо свободы! Сам себя, можно

сказать, обманул.

Да, кстати, об обмане. Не будет лишним лишний раз напомнить, друзья мои, что ложь - в любом виде - самое низкое, гадкое, отвратительное, безобразное и мерзкое насилие. Никакое другое насилие не может в этом сравниться с ней. И несмотря на это ложь вездесуща. Она сопровождает всякое иное насилие. Любое насилие, даже самое примитивное, начинается со лжи. Насилие без лжи невозможно, потому что разумные люди не склонны к насилию. Чтобы насилие достигло цели, надо сначала нейтрализовать разум. Пожалуйста, никогда не лгите! А приступая к размышлениям, не дурачьте себя, не стройте иллюзий, не поддавайтесь самовнушению. Помните - конец близок, а свобода - бесконечно далека.

Вот такое мое напутствие вам. Думайте, не спешите, не берите пример с меня. А то тоже получите инвалидность на ниве писательства. Не говоря о насмешках читателей. Да-да, я знаю, вы не могли скрыть веселья, читая мои письма. Однако будьте снисходительны к инвалиду - не все так плохо! Ну склероз, ну сумбур, ну отсутствие логики и вопросы без ответов... ну так что? Это не важно. Важно чтобы у вас, друзья, с головой было все в порядке.

*За сим,
Ваш,
УЗ*

PS. А пока суд да дело, пока я еще что-то помню, поведаю-ка я вам кое-что из моей прошлой жизни. Буквально пару историй. Вы же не хотите совсем остаться без моей компании? Эти истории нет никакого смысла включать в книгу. Книги пишут для посторонних. Вам я поведаю их чисто по дружбе.

Безопасность: между рынком и государством

Давно это было. Горбатился я тогда в одной конторе от зари до зари света белого не видя, пока наконец не надорвал спину и не сломал живот. Но к счастью для работодателей, все обошлось. Направили они меня в салон лечебно-принудительного массажа - и не зря! Правда спина с животом так и не срослись, но зато там я познакомился с человеком будущего. Да! Человеком, который подарил мне веру, придал смысл и открыл глаза. Окрыленный и прозревший, с тех пор я несу найденный свет всюду, куда могу дотянуться. Внимайте.

1 Рыночная мечта

Человек этот был не простой. Он тоже надрывался в офисе, но этажом выше. Большой человек, с охраной. А сблизилась мы на взаимной почве массажа. Массаж вообще располагает к близкому знакомству. Макс, так он представился, оказался созерцателем и мыслителем. Его любимая тема - справедливое общество, любимый способ туда добраться - раздать все вокруг в частные руки, а несогласных, и потому оставшихся с пустыми руками, отправить вместе с государством на ближайшую помойку истории. Я конечно не скрою, сначала не очень порадовался такому варианту своего будущего, но Макс оказался на редкость убедительным. Он объяснил все мои беды бюрократически-олигархическим государством, которое мешает каждому проявить свою положительную сущность. Вот если бы не было государства, просветил меня Макс, а все управлялось свободным рынком, каждый мог бы получить по заслугам - а это и есть справедливость. А государство постоянно вмешивается, отнимает, перераспределяет и потребляет. Хотя при этом ничего не производит.

И я ему поверил. Ведь если так задуматься, а это хорошо получается в компании с массажисткой, все беды - от власти. Вечно она страшает, не пускает и удушает свободу, дороже которой ничего нет. Это ж прямо тюрьма какая-то! Узрев во мне единомышленника, Макс воодушевился и расписал мне такие перспективы, что я чуть было не свалился с массажного стола. И забрезжила перед нами новая заря скорой рыночной революции. Озаренные, мы стали наперебой возмущаться государственно-мафиозной олигархией с нечеловеческим лицом и воображать как расцвело бы все вокруг, исчезни из нашей жизни эта пакость.

И все бы хорошо, да только когда я наконец стукнулся головой об пол, я сообразил, что есть одна вещь, которая ну никак вписывается в свободный рынок. Ведь если всех отпустить на волю, мы ж побьемся головами! Кто-то ж должен нас беречь. Странно, что эта мысль самому Максиму в голову не пришла, ведь охрана то как раз у него, не у меня. Оказалось - пришла. Более того, Макс очень доходчиво мне объяснил, что именно без государственной мафии наступит полный порядок, потому что частные охранные

агентства перейдут на самокупаемость и бросятся очертя голову охранять простых граждан, жестоко конкурируя до последнего клиента. Будут следить за нарушителями и посягателями. Будут сторожить наши завоевания и стеречь нашу свободу. Короче, будут бороться за переходящее красное знамя капсоревнования, а счастливым гражданам останется только выбрать самое улыбочное агентство, предоставляющее самую надежную безопасность по самой скромной цене.

Уж не знаю, то ли я так сильно ударился головой, то ли еще по какой причине, но не смог я прогнать сомнение. И задумался, хотя мне это, в общем, не свойственно. Первое, что мне пришло в голову, что государство - это в принципе и есть частное охранное агентство. Только очень большое. Нет, конечно монополия - это не комильфо. Не рынок. Но ведь государство на свете не одно. Есть и другие. Можно выбрать где лучше. Да только везде одно и то же, в разной правда степени. Сговорились они, государства эти.

- Ты не понимаешь,- объяснил Макс,- на свободном рынке нельзя сговариваться. Это наказуемо.
- А кто накажет?
- Другие агентства. Их же много.
- А... - сообразил я. - Война?
- Рынок! Конкуренция!

Боже упаси от такой конкуренции, подумал я, косясь на сурового охранника Макса, подпоясанного тяжелым ремнем в окрестностях брюха. И снова задумался. Откуда пошла власть эта? И почему нет свободы, хотя всем только ее и хочется? Неужели гнет власти, ее законов и ее правосудия - единственное состояние гомо, нашего глупого, сапиенса? Сколько мы на этой многострадальной земле, а власть есть всегда. Хоть рынок, хоть не рынок. И что-то не рынок эту власть под себя подминает, а все больше она его. Уж как хорошо при рынке - и цены низкие, и зарплаты высокие, и бедных мало, и богатых много, а вот поди ж ты - власть неискореннима. И всегда мешает. Мешает и никак не хочет в наш свободный рынок. Не нужны ей наши капиталистические деньги. Ей, власти, только власть нужна.

А только ли власть такая упорная? - стал я размышлять дальше. Только ли власть такая неподкупная? Вот та же конкуренция и чисто конкретный капитализм. И кто только прописал Максусу все эти рецепты? Конкуренты - это ж враги. Им только дай. Ну понятно, Макс - бизнесмен и провидец. А мне, с простого массажного стола, видится иначе. Если вооруженная охрана конкурирует, я лучше под столом пережду!

Нет, не так все стройно с этим рынком. Криво я б сказал. Вот массаж можно купить, почему же нельзя охрану? Макс купил, как-то ему это удалось. Богатые, они все могут купить. Но бедным людям все не нужно. Особенно массаж. То ли дело охрана. На первый взгляд - как бы массаж головы, чтоб спать спокойно. Но массаж - штука опасная. Голову нельзя расслаблять. Вдруг массажисту зарплата покажется маленькой? Он попросит - раз, еще раз. И что делать? Сказать - добро пожаловать в рынок? Массажист, который по телу, он уйдет, и ты другого наймешь. А который по голове - не уйдет. Возьмет за горло и улыбнется. Ты к другому побежишь, мысленно конечно, а другой вежливо так - извините, Вы не наш клиент. Весело? Еще как! И понять их, в принципе, можно. Им своя безопасность тоже не лишняя.

Но это еще полбеда. Это еще по божески, потому что очень похоже на любимое государство. Куда хуже, если она - твоя охрана - скромно промолчит. И о том, что ей - твоей охране - кто-то заплатил больше - за твою же безопасность - ты так никогда и не узнаешь. Как же тогда покупать безопасность? А вдруг таки недоплатил? Вдруг у соседа ее больше? Или переплатил? С чем сравнить? Опять с соседом? Это ж бесконечный убыток, потому что собственная безопасность ни с чем не сравнивается и ничем не измеряется. А раз так, все эти вольные братства обязательно скупит какой-нибудь начинающий цезарь с большими карманами, великими планами и хроническим ощущением собственной уязвимости. Мало что-ли мы их уже повидали? Да и без великого цезаря в каждом безопасном агентстве найдется свой, пусть маленький, но тоже страдающий. И возьмутся они выяснять, кому из них безопаснее. И что противно - обязательно кто-то да победит. Не получится так, чтобы они все друг друга поубивали. Нет, не получится.

А с другой стороны, доверяться нынешним победителям - в виде мужей государства - тоже нет смысла. Чем они лучше? Тем, что помыты, побриты и глядят неподкупными глазами? Это тоже все пока. Пока им выгодно. Смотрят на тебя, а сами схватились за вымя и массируют, массируют... И нет средств их остановить. Не придумали люди за все свои долгие века. Так может и правда лучше рынок - там хоть сам выберешь кто? В конце концов, что мне ближе - мой личный выбор или ихние общие выборы? Персональное стойло или коллективный хлев?

Вот это дилемма! Пришлось мне мысленно бороться за будущее. Уж больно мне противны все эти государства и рынки. Пришлось, короче, усиленно думать. Нет, ясен пень, есть что-то нездоровое в идее, что закон, регулирующий рынок, должен регулироваться рынком. Почти то же, что и в идее, что цены, помогающие составить план, спускаются госпланом. Деньги и власть - две независимые силы. И они вполне стоят друг друга. Есть право - деньги не обязательны. Есть деньги - закон не помеха. Их противоестественный союз выражается в нашей веселой жизни качелями, с одной стороны которых нас давит рынок, а с другой - прессует государство. И уж коль скоро нам грезится свобода, надо бы не только распрямить рынок, чтобы он наконец проявил свою щедрость и доброту, но и нагнуть государство, чтобы оно не мешало нашей вольной инициативе. Найти ту единственную позу, где они бы уравнились друг друга. Ибо порознь они нас сплющат и сами не заметят.

Об эту задачку набили шишки многие. И в мысленном построении безопасного будущего Макс со товарищи пожалуй выбрали правильное направление. Да и продвинулись дальше всех, жаль в обратную сторону. Это я сообразил еще тогда, на массажном столе, еще до того как узнал о шальной пуле и трагической гибели.

2 Страх и деньги

Задача расчленения государственного трупa становится легким и приятным делом, когда все его питательные функции, в точном соответствии с заветами Великого Макса, сами собой регулируются деньгами, иммунитет - забота о ближнем - достается ближним, а содержание головы - УК, ГК и тд - вычищен и используется строго по мере необходимости. Остальной хребет может быть заменен системой гражданской

безопасности. И не обязательно, чтобы вся она была общественна. Если была у Макса частная охрана, хоть и такая ненадежная, пусть и дальше будет - до тех пор, пока найдется другая охрана, которая защитит от нее самой.

Но прежде чем мысленно мстить за Макса, светлая ему память, уместно было бы разобраться, что такое государственная безопасность. Не в смысле охраны государства от нас или охраны нас от государства, а охраны нас от нас. Ясно, что это не защита от супружеской измены, преднамеренного банкротства или шальной пули, хотя от всего перечисленного очень хотелось бы обезопаситься. Что нам гарантирует, или скорее делает вид что гарантирует, государство? Охрану жизни? Нет. Охрану собственности? Опять нет. Разве что недвижимой, но ее и так особо не украдешь. Охрану порядка? Ну, более-менее, если порядком считать всеобщее следование государственным законам. А чем оно этот порядок гарантирует? Тем, что попытается наказать нарушителей. То есть страхом. И еще, если очень сильно повезет, государство поможет в критической ситуации - вытащит из пожара или выловит из наводнения. Вот все эти пункты - ничего + страх + случайная помощь - и есть госбезопасность.

Отсюда понятно, почему оно "делает вид" - остались еще в наших рядах бесстрашные. И что интересно, само государство их боится! Иначе оно не охраняло бы себя с куда большей заботой, чем нас. В деле собственной охраны государство проявляет поистине непревзойденную выдумку и усердие. Тут ему важен действительно гарантированный результат - оно должно быть в абсолютной безопасности. В отличие от нас, кому никакой гарантии не полагается даже символически. И понять государство можно - дашь нам гарантию, так потом по судам затаскаем! То ли дело агентство - его можно таскать по судам за нарушение своих обязанностей - за то, что не спасло, не защитило, не уберегло. Теоретически по крайней мере, если подлечиться и страх побороть. И еще, если в окрестностях найдется такой же бесстрашный суд.

Отмеченные выше пункты вполне по силам охранным агентствам, частным детективам и независимому правосудию. Более того, заботливому агентству, в отличие от равнодушного государства, будут выгодны законопослушные граждане и невыгодны мошенники, насильники и провокаторы, которые окажутся без всякой защиты, что по моему очень правильно - скорее передавят друг друга. И это еще одно важное отличие. Выходит, агентства действительно лучше государства, если под "лучше" мы будем понимать "лучше всем нам" - честным и мирным гражданам?

Но не стоит спешить, давайте еще растянем удовольствие. Наша нынешняя безопасность, включая и межгосударственную - ту, что вытекает из их конкуренции войны между собой - опирается на силу и страх. Будучи подданными современной, не слишком репрессивной власти, мы этот страх почти не ощущаем - все мы находимся в одинаковом положении, все мы как бы равны в страхе, а потому в отношениях между собой о нем можно забыть. Однако лишившись высокой государственной крыши и вникая в вопросы собственной безопасности, мы рискуем ощутить всю прелесть страха по полной программе. А честная, но безжалостная конкуренция только ухудшит ситуацию, доведя всеобщий страх, ощущение уязвимости и цену за собственную жизнь до космических высот.

И давайте будем откровенны - если уж могучее государство не в силах обезопасить себя, опираться на страх в этом деле - дело явно безнадежное. Как бы ни боялись мы

агентств, агентства - друг друга, а все мы вместе - еще кого-то на самом верху, порядка не будет. Да и кому нужен такой порядок?! Что это за свобода? Страх - это инструмент принуждения, а значит безопасность в будущем свободном обществе должна быть основана на чем-то прямо противоположном.

На чем же? Может на деньгах? Честным будут платить, а нарушителей будут штрафовать? Прекрасно - честным наконец станет быть выгодно! Но что, если нечестным станет быть еще выгоднее? Обмануть или сговориться особенно легко, когда некого бояться. Нет, не клеится - страх нам не подходит, но и жадность тоже. Как же быть? Нам надо просто как-то захотеть порядка. Не денег, не выгоды, а порядка. И тут меня наконец осенило! Ну конечно! Нам всем надо просто договориться, мы же не дикие звери? Захотеть - и договориться!

Выходит, все опять возвращается к началу - нам необходим всеобщий договор, а значит и этика, как его единственная гарантия. Эта неожиданная мысль меня сильно обрадовала - вот теперь можно действительно расслабиться и получить удовольствие. С этикой давно все ясно, этичные люди - ангелы во плоти, порядок для них - норма жизни. Этичные агентства не надо бояться, это будут самые безобидные агентства, а этичный суд со своими законам - самый лучший какой только можно получить даром!

Тут-то я и упал со стола второй раз. А зачем ангелам безопасность, охрана и защита? От кого?! А затем и в третий - и мои мечты больно уперлись в жесткую физическую реальность. Как попасть в это общество без страха и обмана, если дорога туда плотно перекрыта большинством населения? Ежели для большинства главное - именно страх и деньги? О какой свободе можно говорить? Нет, они конечно могут кричать о своей свободе на каждом углу, но что они понимают в ней?! Пожалуй, к врагам свободы в лице озабоченной власти, вполне можно добавить это крикливое большинство. Так что прежде чем мечтать, надо разобраться с этой толпой. Переучить, перевоспитать, объяснить как пользоваться книгой. В конце концов, защитить нас от нас кроме нас просто некому. Государство - то мы. А потому и государство у нас такое. И рынок, кстати.

Итак, мы в окончательном тупике? Ибо среднего не дано - либо мы все вместе забываем страх, обман и все прочее, что мешает нам договориться, либо каждый за себя. Нельзя же в самом деле доверять наполовину и договариваться понарошку? А значит охрана либо нужна - и тогда без общей крыши нам не обойтись, либо не нужна - и тогда не нужны и агентства с их конкуренцией.

3 Конфликт и договор

Это был поистине прекрасный итог, освободивший мою голову изнутри, хотя и украсивший ее снаружи. В результате, несмотря на мое желание вернуться на работу, массаж мой затянулся и мне поневоле пришлось искать чем заполнить утомительные сеансы. В отсутствии Макса я решил сосредоточиться на свободном обществе собственного покроя. Тем более, что еще далеко не все ясно с этим обществом. Вот например, а такие уж ангелы эти свободные люди? Почему бы не предположить, что в семье не без уроды? И верно - никогда все не будут этичны. Всегда будут больные, не способные быть моральными - вот их и может остановить риск наказания. Но что если

такой окажется еще и тупым? Конечно, в будущем возможно лечение идиотов, но природа хитра и изобретательна, лучше быть готовым остановить такого до того, как он нанес удар. Во-2-х, в личных отношениях не все бывает гладко. Люди могут ревновать, завидовать и даже ненавидеть друг друга. Вдруг у кого-то не выдержат нервы? Конечно, в личную жизнь общество не полезет, но ведь человек вполне может свихнуться от такой жизни на работе! В-3-х, молодежь и подростки обязательно должны пройти стадию бунтарства и протеста. А кто из родителей в состоянии уследить за ними? Разве не стоит помочь этим бедолагам? Ради общего-то блага?

Да, тут есть о чем подумать! Это хорошо. А еще лучше то, что в свободном обществе далеко не все проблемы от маргиналов. Помятуя о сложных отношениях свободы и детерминизма, будет правомерно предположить, что даже свободному обществу свойственны конфликты. Да и вообще, бывает ли свобода бесконфликтной? Это порядок известен своей слаженностью и складностью, а свобода больше напоминает хаос - вольные граждане не только ошибаются, они могут иметь разные точки зрения! И хотя это не значит, что они сразу приступят к мордобою, конфликт надо как-то разрешать! И желательно не как-то, а цивилизованно.

Третья причина, по которой нам (это я уже воображал себя среди ангелов!) будет необходима система безопасности - катастрофы, эпидемии и катаклизмы. Нет сомнения, что свободное общество тут пойдет гораздо дальше нынешнего государства. Однако борьба с катаклизмами отличается от борьбы со свободными людьми, временно вставшими на путь порока. Строго говоря, защита от напастей детерминизма - основное направление деятельности человека с того самого момента, как он осознал себя способным на этот подвиг. Сюда входит и труд, и наука, и творчество, и даже массаж! А что это значит? А то, что система безопасности - нечто куда более специфическое, заточенное прежде всего на разрешение конфликтов, от самых простых - вызванных нарушением известных даже идиотам законов, до самых сложных - вызванных неизвестными науке силами, разводящими людей по разные стороны баррикад.

Отложим пока нарушение законов и посмотрим на конфликты посерьезней. Конфликтов, очевидно, нам не избежать. Даже ангелам не удастся заранее предусмотреть все необходимые законы. Хуже того, придумывание законов в свободном обществе вообще невозможно заранее! Девиз свободы - "разрешено все, что не запрещено". Но откуда тогда возьмется это "запрещено"? Как раз от того, что возник конфликт - чьи-то ловкие манипуляции привели к обиде, несправедливости и жажде крови. Подобные конфликты тоже существуют с того момента, когда люди научились манипулировать руками. Это благодаря им возникли сначала примитивные политические структуры, а потом и современное государство - система мирного разрешения конфликтов. Госбезопасность - лишь вторичная ее функция, помогающая сохранить саму систему. Стало быть, если мы хотим уничтожить государство, мы прежде всего должны подумать именно о способе разрешении конфликтов, а уже потом о том, как защитить этот способ от тех, кому он не по душе.

Что же такое политическая система? Сначала я под внешним влиянием решил, что это тоже типа способа борьбы с катаклизмами - примерно как самолет борется с землей. Если правильно выстроить "сдержки и противовесы", то все силы взаимно уничтожатся и самолет государство сразу взлетит! Но потом догадался, это не так. Люди - не куски, падающие с неба, их интересы невозможно предусмотреть, а идеи - предугадать. Они

разрушат любую систему, если им захочется. Важно, чтобы не хотелось, чтобы они поверили, что мирный договор куда лучше клапанов и зажимов, балансов и ветвей. И такое возможно! Если скажем в экономике консенсус пока проблематичен, то с физическим насилием он уже практически достигнут. Многие граждане, несмотря на страх и жадность, уже отучились от мордобоя по любому поводу. Так что вместо клапанов и зажимов, мы пойдем иным путем - этичного договора.

Впрочем, отправится дальше по этому пути мне помешала сломанная спина. Может и к лучшему. Ибо неизвестно, как далеко бы я забрел со всеми этими консенсусами, собраниями да голосованиями. Так что вместо деталей новой политической системы будем считать, что противники как-то договорятся между собой и мирно разойдутся, унося в массы новый закон. Все, что можно сказать об их договоре - он будет неторговый. Договор "купи-продай" возможен если некто придумал новый способ избавиться от старого насилия, но невозможен, если общество столкнулось с доселе неизвестным видом насилия - ибо тогда неясно как его преодолеть. Соответственно, нет ни предложения, ни спроса, а есть противоположные мнения. Согласовать их - дело долгое и хлопотное, а результатом будет не только новый закон, но и соответствующая компенсация пострадавшему. Этим направлением платежа и ценен неторговый договор. Можно сказать, торговый договор оценивает добавленное благо, неторговый - потерянное. Торговый совершенствует практические блага, которые стремятся к общему благу как к солнцу, но никогда до него не дотянутся. Неторговый - занимается разрешением таких ситуаций, где по хорошему договориться о компенсации не получается. А разрешив такой спор, он возводит нормы этики на новый, доселе невиданный уровень, откуда она сияет не хуже солнца.

Раз уж мы залетели в такую высь, давайте для иллюстрации вообразим борьбу за свет. Пусть неизвестный герой изобрел электрическую лампочку, потребность в которой существовала еще с библейских времен. Детерминизм оказался побежден, а герой копил благодарности. У населения появилась свобода от темноты. Но одновременно появилась смерть от незнакомого населению электричества. Что делать? Возможно, какой-то будущий герой и бросился изобретать изоляцию, но большинство наверняка бросилось за компенсацией, и эта трансформация благодарности в свою противоположность сильно стимулировала творческий процесс. На первом этапе, когда на рынке появилась лампочка, главенствовал торговый договор. На втором, когда общество взыскало с изобретателя компенсации - неторговый. На третьем, когда тьма сгинула окончательно и мирное электричество пришло в каждый дом - опять торговый.

Возможно и обратное направление сознания - от неторгового к торговому, когда потребность возникает в результате конфликта. Скажем, благоприятная организация нашего общества привела к повышенной рождаемости и к ее неблагоприятным последствиям - тесноте и толкотне, а отдавливание пальцев на ногах стало мировой проблемой. Наконец, кому-то надоело вытирать ботинки и возник конфликт, суд, неторговый договор и итог - совершитель наступания заплатил штраф. Узнав о новом драконовском запрете, граждане бросились искать спасения, а самые предприимчивые создали устройство, оберегающее невинных пешеходов и их ноги. Продажа и покупка устройства - уже торговый договор, а все вместе - верный шаг к свободе!

Вот такая, значит, у них там необычная политическая система. Вернемся в наш грешный мир. Наша история борьбы за свет наверняка будет сопровождаться не только

смертью первопроходцев, но и примитивным воровством лампочек, и для решения всех подобных конфликтов нам понадобится по крайней мере суд. Ведь удобнее решать конфликты в рамках процедуры, а не как попало! Ее итогом может быть не только компенсация, но и новый закон. Если, допустим, запрет на воровство наверняка будет существовать задолго до появления лампочек, то запрет на оголенные провода - что-то совершенно новое. А значит, если суд обнаружит досадное отсутствие необходимого закона, он вполне сможет ввести его сам, или созвать экстренное собрание граждан. Так или иначе, пусть наша простая, но этичная система безопасности включает суд и не включает собрание граждан. Собрание оставим политикам.

4 Функции

Разделка государственной туши привела к появлению системы, напоминающей качели, где на одной стороне - торговый договор, а на другой - неторговый приговор. Чтобы понять как это работает, надо начать с ее функций. Но где мы их возьмем? Если принять гипотезу, что даже в идеальном обществе физическое насилие запрещено - обещанное выше, но не гарантированное государством, будет хорошим началом.

- Охрана личности

Первое - защита от явной, непосредственной угрозы. Какие бывают угрозы? Самая очевидная - физическое насилие или его высокая вероятность. Другой вариант - нефизическое воздействие, представляющее угрозу здоровью, например, инфекционное или химическое заражение, продажа целлофановых пакетов без дырок, гвоздей в развес. Еще вариант - личное оскорбление или эмоциональная атака, например демонстрация чего-то такого, что вызывает приступ неудержимой, опасной для жизни бессоницы. Угрозой личности может также являться нарушение границы частной жизни, например проникновение в запертое жилище или в закрытую информацию.

Право на защиту - единственное, которое допускает внесудебное физическое насилие, но поскольку риск для жизни, связанный с этим бывает неприемлем, охраной личности вполне могут заниматься те, кто имеет соответствующие способности. Т.е. тут мы имеем нормальный, здоровый рынок услуг. В принципе, причиной внесудебного насилия можно считать также отказ от разбирательства в суде. Но лучше считать это частью судебной процедуры.

Разумеется, охрана требуется далеко не каждому. А кому требуется? Особо уязвимым - например, грудным детям и беременным. Тем, кто занят опасным промыслом - например, ездой на автомобиле и разрешением конфликтов. А также тем, кто несет риск посторонним - родителям тех же детей. Важно заметить, что охрана не может мешать жить посторонним, например, ходить им по тротуару. Блокировать публичное пространство чревато конфликтом!

Что происходит дальше, после того как насилие применено и угроза ликвидирована? Настает пора мирного разрешения конфликта. Стороны могут уладить недоразумение, согласовать справедливую компенсацию или перенести дело в суд, если договориться на месте не получается. В итоге всех этих действий мы имеем неторговый договор.

Почему? Торговый договор - когда предложена услуга и получена оплата. В данном случае - создана проблема и получена компенсация. А как квалифицировать участие третьей стороны? Услуга суда - частично торговая, ее выбирают сами стороны, а частично нет, если ее оплачивает проигравший. Но поскольку он это делает по предварительному договору, суд можно считать чисто коммерческим.

Может возникнуть ситуация, когда в процессе самообороны нападавший погиб. Значит ли это, что конфликт исчерпан? Не обязательно. Если ущерб возник, его надо возместить. Очевидно суд возможен и в этом случае. А если после нападавшего - скажем, агрессивного водителя, напавшего своим автомобилем на бетонную тумбу - ничего не осталось? Пострадавшую выручит ее страховая компания.

Но и это еще не конец. Что если угрозу до конца устранить не удалось? Что если она реализовалась? Компенсации может оказаться недостаточно и наступает пора сурового, но справедливого наказания - особенно, если напавший никак не хочет добровольно покаяться и все отдать. Допускает ли свобода частное возмездие? Как посмотреть. Мы знаем, что исправление несправедливости требует договора - даже пусть наказание выводит нас из публичной сферы. Значит, нельзя исправить ее молча отомстив - мечь, самосуд и прочее несанкционированное насилие нам не подходит. Но зато можно наказать - потом, после компенсации - в рамках процедуры по приговору суда. Смысл процедуры - оценив все конкретные обстоятельства помочь найти справедливую меру наказания, причем решать, т.е. приговаривать, должен потерпевший - его личное чувство справедливости теперь есть высший судья. Процедура не только порадует окружающих, но и поспособствует общему благу - обеспечит порядок и спокойствие, подарит шанс на перевоспитание неопытному нарушителю, избавит общество от рецидивистов. То бишь, хорошо бы процедура давала потерпевшему право как условного помилования, так и личного исполнения наказания - чтобы тот почувствовал не только персональную ответственность, но и горячее желание в следующий раз стать настоящим человеком. Правда, не каждому наказание по силам, а некоторые его виды - например, тюремное заключение - требуют массу времени. Появляется потребность в услуге. Поскольку наказание является частью судебной процедуры, насильственные действия к осужденным могут при желании выполняться судебными приставами. Почему бы тогда не купить у них услугу наказания, а точнее не переуступить ее им за разумную плату - из кармана осужденного разумеется?

Кстати о тюрьме. Правильно ли заключать осужденного в тюрьму? Все мы знаем, а кто не знает, тому можно только позавидовать, что такое тюрьма. Еще как! Отказ иметь дело с теми, кто против договора - отличный выход для свободных людей. Но поскольку все ресурсы, включая территорию, у нас общие, то удаление из общества означает перемещение в область, управляемую властью, т.е. фактически изгнание. Ведь власть - главное отличие между нами и стало быть тюрьма - не что иное как общество насилия. Кто как ни сами "заключенные" должны устанавливать там свои порядки? А мы будем обмениваться с ними необходимым и нам, и им - чтобы не померли с голоду. Раз им решать какой быть тюрьме, пусть оплачивают это право. Наша забота - следить и стеречь. Подозреваю, если эта область достаточно большая, многие из нынешних обитателей планеты наверняка по собственному почину захотят в такую тюрьму, лишь бы не мучиться на свободе. Хорошо бы у них был законный путь туда! А вот обратно вряд ли - порченые насилием нам не нужны.

- Охрана собственности

Вообще-то этот пункт излишен. Защита от угрозы нанесения материального ущерба - продолжение того же права на защиту личности, ибо лишение человека материальных средств ставит под угрозу его существование.

- Охрана порядка

За исключением описанного выше, до решения суда свободного человека нельзя трогать никоим образом. Но как же тогда следить за порядком? Что делать, если правила нашего свободного общества нарушаются без непосредственной угрозы личности? Как быть с неядовитым загрязнением окружающей среды или действиями, вызывающими у посторонних чрезмерное душевное волнение? Как поступить с мальчишкой пытающим в подворотне котят или соседом мучающим по утрам жену? Очевидно, в обоих случаях порядок действий должен быть примерно таким:

- 1) зафиксировать факт нарушения порядка (собрать свидетельства и улики);
- 2) идентифицировать нарушителя - если можно добровольно, иначе следить за ним;
- 3) создать информационное событие, оповестить окружающих;
- 4) инициировать судебную процедуру, выступить общественными обвинителями;
- 5) дождаться решение суда;
- 6) наказать нарушителя;
- 7) получить компенсацию за всю эту работу!

Как видно, подобные действия, хоть и являются моральным долгом каждого, под силу не всем и не всегда. А значит, тут мы имеем явную потребность в специальных услугах. Но есть нюанс. Поскольку от охраны порядка польза всем, есть смысл покупать услугу сообща, это своего рода коллективная потребность. Несмотря на этот нюанс, этичные граждане без сомнения смогут оплатить услуги народных дружинников поголовно и эквивалентно - согласно объективной ценности. Однако учитывая сложности эквивалентности, можно предложить иной вариант оплаты - не потребителем, а нарушителем. Такая форма оплаты не обязательно должна привлекать суд - все может работать на добровольной основе. Да, возник конфликт. Кто-то нарушил общественный порядок и вынужден покаяться. Нужен нам для этого суд? Разумеется нет. Достаточно желания договориться, хоть в данном случае и нерыночно. Если же ущерб велик, а нарушитель беден, дружинников выручит их страховая компания.

Бывают однако ситуации, когда имеет место тайное нарушение. Причем оно вполне может включать угрозу личности и ущерб собственности. В этом случае защитники порядка за дело могут не взяться - оплата не гарантирована, да и заинтересованное лицо присутствует. Последний факт указывает на наличие персональной потребности в услуге, а значит и рынка. Однако, такая удача случается не всегда. А бывает, что заинтересованное лицо понесло такой ущерб, что уже не в состоянии договариваться. Тут мы сталкиваемся с ситуацией, когда в обществе должен существовать механизм оплаты поиска преступников. Кто же платит, если заинтересованного лица нет? Кроме дружинников некому. А если преступник не найден? Опять страховая компания.

- Спасение утопающих

Применение насилия к посторонним людям ради их спасения является довольно щекотливой проблемой. Посторонний человек, вообще говоря, имеет право на выбор любого образа действий, если это не касается окружающих. Однако, если для того, чтобы свести счеты с жизнью, он выбрал людное место, мы вправе говорить, во-1-х, о эмоциональном насилии над окружающими, представляющем реальную угрозу их психическому здоровью, а во-2-х, о нарушении границ личной сферы. Я полагаю, мы все имеем право на то, чтобы в публичной сфере не совершалось ничего чрезвычайного, несмотря на то, что для части публики подобные события представляют известное развлечение. Поэтому спасение утопающего, даже если он решил свести счеты с жизнью, вполне оправдано. Недовольному спасенному следует предъявлять претензии самому себе, включая возмещение ущерба, понесенного теми, кто его спас - планировать надо тщательнее! Что касается благодарности, возмещения морального ущерба окружающим и оплаты расходов - лучше, если все это происходит на неформальной почве, свойственной личным отношениям, которые несомненно тут же и возникнут.

5 Структура

- Система

Таким образом, в процессе наших лечебно-профилактических фантазий обрисовалась многоуровневая система, состоящая из коммерческих и не совсем структур. Первые предлагают услуги, которые оплачиваются по предварительному договору, а вторые - следят за порядком и извлекают из нарушителей штрафы, компенсации и т.п. Конечно, можно сказать, что и штраф - тоже услуга, оплачиваемая по предварительному договору, ведь сама жизнь в свободном обществе - штука добровольная. Однако в случае штрафа мы имеем дело с теми, кто не хочет жить в свободном обществе - мы их принуждаем к этому! Кто же будет принуждать? Судебный пристав - единственный, кто имеет право применять насилие на постоянной основе. Но где он взял это право? Это право - такое же следствие всеобщего договора, как и все, что пришло мне тут в голову. Сила фантазии - конечный источник всех прав!

Что относится к коммерческим структурам?

- 1) Суд, помогающий разрешить конфликты;
- 2) Приставы, обеспечивающие привод в суд, охрану суда и некоторые виды наказания (например, охрану от осужденного);
- 3) Агентства, предлагающие охрану личности (а также охрану от личности), включая собственность и информацию;
- 4) Следователи, ищущие нарушителей;
- 5) Страховые компании, продающие дополнительный покой.

К не совсем коммерческим относятся патрули, следящие за порядком, и просто все неравнодушные.

Начнем с конца. Что такое страховая компания? Это маленький прообраз государства - мы ей платим за страх, она нас оберегает. Если у страховых компаний есть альтернатива, они не страшны и действительно оберегают нас - чтобы не пришлось

возмещать ущерб. Если альтернативы нет, они быстро превращаются в государственного монстра и вместо того чтобы беречь, начинают нас беззащитно грабить. К сожалению, альтернативу страховым компаниям найти трудно. Кто оплатит ущерб, если преступник не найден? Оказался финансово несостоятельным? Если есть собственная охрана, можно попытаться привлечь ее, но это не выход - не обязан же каждый обзаводиться охраной?! Остаться без возмещения ущерба тоже не хочется. И тем не менее, выбора у нас нет - нам нужен выбор, т.е. альтернатива! Да, надо быть готовым к тому, что свобода будет дорого стоить, и плата заключается в том, что помимо страхования, у каждого останется выбор - стать незастрахованной жертвой. Стать ради свободы!

Теперь патрули. Поскольку следить за порядком могут все желающие, патрулями могут быть и агентства, и следователи, и даже страховые компании. Добавят порядка всевозможные любительские организации, например, друзья пожарника, тимуровская гвардия или юные натуралисты, берегущие природу, чистоту на улице и общественное здоровье. Короче, чем больше - тем лучше. Но только не приставы, в силу их особых прав. Как же быть приставу, если он оказался в форме? Проходить мимо? Не обязательно. Важно помнить, что даже в форме, пристав строго ограничен судебной процедурой. И оружие ему не понадобится.

Оружие, кстати, вообще надо истребить как класс. Оружие - это угроза, оно далеко стреляет, легко прячется и весьма условно делится на оборонительное и наступательное. А что за радость развязывать руки идиотам, готовым убивать каждого, кто мешает им сходить с ума? Идиоты, как известно, плодятся пропорционально добродушию к ним отношению. Макс, еще до того как стал человеком прошлого, наверняка возразил бы мне, что личное оружие - самый верный друг и помощник. Но для чего? Защиты? Оружие никогда не защитит от тех, у кого оно мощнее, а предела тут, как известно, нет. Не лучше ли остановиться в самом начале? Посему оружие - как инструмент насилия и страха - должно исчезнуть вместе с его поклонниками. Договор подписывается ручкой, а реализуется добрым словом. В основе чего, разумеется, лежит кодекс чести охранника, спасителя и защитника. Что касается самого кодекса, то поскольку законы у нас появляются сами собой, никаких дополнительных структур нам не потребуется.

Чем же тогда побеждают негодяев приставы и охрана? Только физической силой - именно так общество сможет оценить личные способности тех, кто больше ничего не умеет. И еще, пожалуй, организацией.

- Надзор

Несмотря на то, что этичность сотрудников коммерческих структур вне подозрений, полезно иметь над ними дополнительный надзор с целью дальнейшего всемерного повышения качества этой этичности. Полезно наблюдать не только за методами их работы, но и за их психическим здоровьем. Важно также озаботиться этикой конкуренции - поддержанием количества услуг, ограничениями на вертикальную и горизонтальную интеграцию, на размер сил агентств. В конце концов не все ли равно, через братоубийственную бойню или в результате торжественного мирного договора, разросшиеся приставо-страхово-банковско-промышленные конгломераты превратятся в нового Левиафана? Надзор конечно снизит накал борьбы, что ж делать. Зато появится

что-то новое - уверенность в будущем. Подобный надзор, кстати, был бы полезен и во всех других сферах общества - от образования до финансов, но именно в охране порядка он просится наиболее настойчиво, ведь это самое конфликтное звено системы. Конечно, любые конфликты между охраной и охраняемыми точно так же разрешаются в рамках системы. И тем не менее, из практических соображений, почему бы не иметь еще одну структуру? Назовем ее условно "Советом безопасности".

Что это? По сути, это особый суд, или скажем грознее трибунал, обладающий полномочиями созывать активных граждан в случае опасности. Какой? Отказ охранного агенства от самоликвидации. Совет выслушивает жалобы, проверяет соответствие работы правилам и в случае необходимости помогает исправить отклонения. Если дело зашло слишком далеко, агенство может быть ликвидировано. И вот если ликвидировать мирно не получается, возникает опасность. Также в случае опасности Совет может привлекать соседние Советы, которые без сомнения заинтересованы помогать друг другу.

Впрочем, "соседние" - громко сказано, поскольку как и всякий суд, Совет нетерриториален, т.е. не ограничен земельным округом. Но разве законы и правила не территориальны? Законы должны увязываться со всеми прочими судами, оперирующими в нашем обществе, и если выяснится их ошибочность, они могут быть пересмотрены. Если же подобное прецедентное право граждан не устраивает, они могут дополнить общество отдельным законодательным органом - тем же собранием, например. И в идеале конечно, все правовые нормы будут согласованны и взаимоприменимы - юрисдикция у нас одна на все общество.

Совет безопасности - это не власть, не государство и даже не "ночной сторож". Во-1-х, он никого не сторожит и вообще не занимается кипучей деятельностью - лишь надзором, рассмотрением жалоб и споров. Во-2-х, у него нет исключительной законодательной функции - все нормотворчество согласовано с прочими судами. В-3-х, он кормится не налогообложением, а платой за услуги и штрафами. В-4-х, имея конкретные задачи, он не занимается производством "публичных благ" и сбором средств. В-5-х, его "вооруженных сил" - приставов - даже в сговоре с соседями, не хватит для "захвата" территории. В-6-х, в силу узкой специализации, подкуп Совета никому не даст для установления диктатуры. У него нет ни СМИ, ни складов оружия, ни эмиссионного центра. Этот Совет, между нами, даром никому не нужен. Зато глупые заговорщики окажутся изгнаны из общества, потому что общество гораздо больше их всех. Примерно как и сейчас, армия любого государства способна захватить власть, но она и не мечтает об этом. В развитом обществе такие слишком многим рискуют - они, например, не смогут организовать экономическую жизнь, если все откажутся сотрудничать с новой властью. Ну и в последних и главных, Совет никого не принуждает. Люди сами туда пойдут, добровольно. И чем сильнее будет недовольство, тем больше желание. Что и означает искомый баланс.

Совет безопасности венчает нашу замечательную систему разрешения конфликтов. Система гарантирует нам безопасность. Она следит не только за нарушениями существующих норм, но и любыми потенциальными проблемами. Под ее неусыпным оком находятся как агенства, так и простые граждане, ибо никаких различий по отношению к закону между ними нет и быть не может. Члены агенств - такие же граждане, а всякий гражданин может выступать в качестве агенства. Если же в процессе разрешения конфликтов выяснилось, что никаких норм нарушено не было,

значит назрела новая норма, которая может потребовать собрания граждан и консенсуса. Но и без собрания нам неплохо, поскольку любая принятая норма может быть оспорена в том же суде.

Описанная конструкция характерна тем, что в ней нет навязанной безопасности для всех и одновременно нет безбилетников - тех, кто ей пользуется, но платить не хочет. У каждого безбилетника есть отличный способ избежать платы - никогда не доводить дело до конфликтов!

6 Правосудие

Как видно из описанного, суд - ключевая структура нашей системы, следящая за соответствием норм жизни, а жизни - нормам. Рассмотрим свободное правосудие поближе, разложим и, так сказать, рассортируем. За точность тут я не ручаюсь, ибо мысли эти мне внушили мои бывшие работодатели уже потом. А поскольку вне массажа я к мыслям оказался невосприимчив, привожу их в порядке забывания.

- Поиск истины

Знания о фактах в суде добывают путем опроса свидетелей и сопоставления улик, а знания о справедливых нормах - опрашивая мнения и сравнивая факты. Знания о фактах к делу не относятся - процесс их получения достаточно хорошо изучен. Со справедливостью все гораздо хуже. Если для фактов важно, чтобы люди воздействовали на окружающую материю, то для справедливости - чтобы люди воздействовали друг на друга, чтобы их интересы пересекались. Тут-то и возникает вопрос - как узнать причину конфликта и придумать новую, справедливую норму? Очевидно, ни убеждения, подтвержденные или порожденные местом в системе, ни моральное насилие идей или традиций тут не помогут. Не поможет и социальная наука, обрабатывающая заказы тех, кто использует насилие в своей практической деятельности.

Возможный вариант помощи - собрание граждан, но собравшиеся не обязательно прочувствуют конфликт так, как его прочувствовали стороны в суде! Именно анализ конкретных конфликтов ведет суд туда, где не ступала нога ученого, идеолога или слуги народа - в область полной беспристрастности, требуемой одновременно двумя заказчиками, заинтересованными в противоположных результатах анализа. Они оба представляют свои версии видения социальной реальности, свои обоснования и моральные оправдания. И все это - поддержанное мнениями людей, знакомых с ситуацией. Задача анализа - прийти к объективному решению, и реальная беспристрастность, а не декларируемая "научная" объективность - единственно возможный механизм для этого.

Но означает ли это, что доводы сторон имеют равный вес? Что перед судом все равны? Отнюдь. У того, кто наносит обществу вред в суде меньше прав, чем у того, кто приносит пользу. Например, равны ли люди, если один не нарушал закон ни разу, а второй - многократно? Если один честно трудится, добивается успехов и содержит семью, а второй получил наследство, болтается по тусовкам и ни хрена не делает? Суд должен учитывать все, ибо истина находится там, где люди стремятся к ней - т.е. к свободе. Если кто-то стремится в противоположную сторону - какой вес может иметь его

мнение? Таково мое мнение.

- Суд как договор

Поэтому суд - наилучший механизм по выработке справедливых норм, свободных и от творческой деятельности платного пропагандиста, и от зажигательной проповеди идейного моралиста, и от художественного наскока недовольного владельца СМИ. Ибо все это - то, что мы имеем сейчас вместо суда и вместо норм. Почему? Не почему имеем, а почему суд? Потому что он - идеальный неторговый договор. Тут и четкая процедура, и аккуратная информация, и твердые этические нормы, и честная состязательность, и поиск компромисса, а главное - абсолютная необходимость и искреннее стремление понять, докопаться до ответа. Правильная судебная процедура - формализованная версия того доисторического разговора, который возник из насилия и породил разум. А также форма и содержание ФП, ибо она процедура - накопленные исторически лучшие правила - есть не что иное как непрерывное Учредительное Собрание шаг за шагом реализующее названный Высокий Принцип.

Конечно, этичные люди могут обойтись и без формальностей. Но если этики, которая требует поистине невыносимых жертв, не оказалось в достаточном количестве, поможет суд. И при этом суд - все равно договор двоих! Договор между сторонами первичен уже в том, что обе стороны согласны на общую юрисдикцию, процедуру и судьбу. И в частности, заранее согласны с результатом. Они просто приглашают в помощники третью сторону, которая выступает от имени общества. Однако и решение суда, и просто договор двоих людей имеют одинаковую моральную силу. Суд выполняет две вспомогательные функции: во-1-х, опираясь на жизненный опыт и массив предыдущих норм подталкивает стороны в направлении объективности и тем помогает им достичь идеально правильно сбалансированного консенсуса и, во-2-х, обеспечивает гласность. Последнее не только включает незаметное присутствие всех любопытствующих, но и всеобщую осведомленность о приговоре, новых идеях, подходах, нормах и правилах открытых во время и в результате процесса.

Суд - механизм реализации договора о ненасилии именно так, как это предполагается объективной этикой - независимо и нейтрально, переступая через эгоизм и альтруизм. Формальность процедуры не относится к поиску решения. Оно не имеет ничего общего с нормами, которые приходят в голову власти, взваливающей на себя тяжесть моральных решений за своих подданных. В поисках справедливости суд руководствуется не формой, буквой или идеологией, а совестью и прочими интуитивно-духовными и рационально-логическими моральными механизмами разума. И это возвышает роль судьбы, который становится мало похож на буквоедскую крысу.

Судья олицетворяет одновременно Высший Закон и Полное Равенство. Доступность суда каждому гарантирует доставку всех проблем до заинтересованных ушей, а его моральный авторитет - доставку решений обратно в окружающую действительность. Так мы получаем универсальные этические нормы и право, неуклонно аккумулирующее коллективную этическую мудрость. И все это счастье - только благодаря нашему суду - квинтэссенции ума, чести и совести будущих эпох.

- Общее благо

Но как может поиск справедливости обойтись без идеологии? Так! Скрупулезный анализ форм насилия и скучное выявление нарушений баланса свобод, достигаемое в рамках долгих судебных разбирательств, приблизят нас к общему благу гораздо быстрее идеологов, озабоченных народным счастьем. Суд не падет жертвой химер социальной справедливости, как мой приятель Макс. Ибо суд отвечает не перед идеологами, а перед заинтересованными сторонами.

Суд в обществе без власти не заменяет власть - он не выписывает готовых рецептов, не выдумывает социальных структур и институтов, не организует публичные блага. Он оставляет людям свободу все это делать самим, лишь указывая направление, очерчивая примерные рамки. Например, в будущем это могут быть пристойные размеры капитала, справедливая доля рынка, приличный размер компании, этичные цены в ситуациях катастроф, допустимая назойливость рекламы и маркетинговых кампаний, приемлемые гонорары знаменитостей, соответствие девиза его содержанию, а бренда - его качеству. Точные цифры не важны - важен ориентир. Да, закон у нас не похож на нынешний. Ну так не похож и сам суд!

Целью нашего суда является этическая истина, материализуемая в работоспособных нормах, и ничто другое - ни сотрудничество, ни эффективность, ни порядок. Суд рассматривает единичные случаи несправедливости в отличие от пресса власти, давящего всех скопом во имя большой, "социальной" справедливости. Воодушевление великой целью обычно приводит лишь к новому насилию. Но единичные случаи указывают путь всем! И потому суд позволяет выпустить пар до того, как он разорвет котел. Суд - это движение к абстрактному общему благу, каждый шаг которого и каждое решение приносит кусочек новой свободы.

- Независимость и репутация

Справедливый суд - та, все еще никак не поддающаяся реализации часть социального договора, без которой все остальные фантазии еще долго будут кочевать по просторам философии никак не отражаясь на реальной жизни. В частности, суд невозможен без реальной способности противостоять насилию и потому уровень независимости суда - лишь отражение уровня этики общества. Свобода суда от любых форм влияния, особенно таких неявных, как моральное и информационное, возможна до тех пор, пока судьи действительно беспристрастны и объективны. И конечно опираются на объективную этику. Но где взять таких судей? Как добраться до такого суда?

Основополагающий принцип его решений - согласие, добровольность и абсолютное отсутствие насилия. Поэтому в идеальном случае, судьей может быть каждый, поскольку каждый является участником договора. В реальности, конечно, предпочтительно иметь судьями наиболее уважаемых членов общества, озабоченных своей моральной репутацией больше всего на свете. Поскольку репутация - вещь зыбкая, количество судей не может быть ограничено, а вот срок их практики - вполне. Выборы судей лучше проводить, как и всякие выборы, жребием, чтоб устранить любые сомнения в случайности их итога. Назначенные судьи отчитываются перед назначателем, выбранные угождают выборщикам, но случайно выбранный судья верен математике и озабочен прежде всего репутацией. Ему предстоит доказать, что случай не был слеп.

А что такое репутация? Это не доверие или моральный авторитет, а вера в проницательность и мудрость. В этичном обществе не стоит вопрос доверия. Однако даже там люди будут отличаться качеством мозгов. Сомнительное решение рушит репутацию суда, а репутация - его единственная ценность и возможная гарантия справедливости. Ни выборы, ни назначения, ни присяжные не решат проблему так, как ее решит свобода выбора - граждане выбирают себе только те суды, которые считают справедливыми. Но поскольку от ошибки не застрахован даже самый мудрый, любая норма и, соответственно, решение суда может быть обжаловано в любом другом суде. Сколько раз можно обжаловать? Да сколько угодно. Понятно, что если человек сутяга, вряд ли ему стоит полагаться на мудрость следующего судьи. Даже свобода не обходится без консенсуса.

Суд должен быть независим от всего, включая население. И хотя последнее - крайне проблематично, сочетание свободы каждого в выборе судьи, его опоры на собственную совесть и объективную этику позволяет надеяться на возможность существования идеального правосудия. Но, конечно, надежда - надеждой, нет и не может быть никаких гарантий объективности решений, найденных судом. Самые мудрые, опытные и беспристрастные судьи не свободны от социальной реальности, личного впечатления и собственных новаторских идей. Самый независимый суд может подвергнуться информационной атаке, моральному давлению и массовому психозу. Самая логичная истина может показаться искренним заблуждением под влиянием эмоционального поощрения, родственных чувств и авторитетного мнения. Что ж, люди всегда заслуживают той свободы, которую заслуживают.

- Оплата

Суд - это вполне практическое благо, раз уж совершенным людям он не нужен. Оплата его услуг происходит путем торгового договора. Так же как, кстати, и услуг законодателей - сами по себе законодатели ищут консенсус, но договаривающиеся стороны не они, а те, кто инициировал этот процесс.

Но возможно ли вообще коммерческое правосудие? Если правосудие дорого, оно станет нам не по карману. Если дешево, богатые скупят его. Такие возможности есть пока есть бедные и богатые. А бедные и богатые есть, пока людям деньги важнее свободы. В свободном обществе несправедливое решение приведет к потере репутации не только суда, но и богача. С ним никто не захочет иметь дело, а этичный рынок лишит его денег, ибо деньги вторичны по отношению к этике! Конкуренция суду тоже не помеха. Цель суда - не деньги, а истина! А потому стоимость судебного процесса у нас будет оптимальна. Например, отменять смертную казнь только потому, что нет денег докопаться до истины, и следовательно, может пострадать невинный - маразм, в результате которого серийные убийцы вполне комфортно доживают свой век за счет родственников своих жертв. Но также неэффективно и казнить по первому подозрению, экономя каждую копейку! Там, где рулит этика, а не нажива, такого быть просто не может. И такое быть может! Может быть справедливый суд!

7 Внешняя угроза

Погрузившись с головой в идеальное правосудие, я чуть не забыл об одной важной

проблеме, свойственной нашему миру. Точнее, нашему миру, если он будет сосуществовать с нынешними варварами - оборона от желающих присоединиться. Очевидно, без сил ядерного сдерживания нам не обойтись. Почему ядерного? Наши силы должны быть ориентированы на нанесение максимального урона противнику. Ни о каком "пропорциональном" применении силы речи не идет. Недоговороспособный, морально-безнадежный агрессор должен быть так наказан, чтобы больше никогда не смог угрожать и заведомо превосходящий ответ - лучшая гарантия. Проблема с обороной в том, что это - коллективная потребность. Конечно лучше, если ее оплатит противник, но тут мы сталкиваемся с иным механизмом, нежели охрана порядка. Хорошая оборона основана на запугивании - а значит, чем лучше оборона, тем меньше шансов получить за нее плату. Придется полагаться на этику. Тут уже появятся безбилетники, не имеющие о ней понятия и намеренные свалить от нас как только запахнет жареным. Утешает одно - свобода настолько заманчива, что окружающие государства долго не протянут и их население дружно примкнет к нам. Или другое - они попытаются нас захватить, чтобы мы не совращали ихних подданных, но, конечно, будут разгромлены нашими доблестными боеголовками и возместят нам ущерб по полной. Утешает и третье - что в обществе без принуждения живут другие люди. Так что безбилетникам в любом случае радоваться недолго.

Однако, если отставить в сторону все это шапкозакидательство и рассмотреть проблему серьезно, то станет ясно - в случае обороны от внешнего агрессора мы сталкиваемся с ситуацией, когда одной добровольности недостаточно. В конце концов, на кону вопрос выживания, а значит в дело должна вступать героическая мораль.

Что ж, никогда не лишне подтвердить - свобода возможно только в "свободном" мире, т.е. свободном от катастроф. Внешняя угроза - это очевидная атака детерминизма. Причем она ничем, с точки зрения способов отражения, не отличается от любой другой катастрофы - необходим героический призыв, напряжение всех коллективных сил и соответствующая организация общества. Временное ограничение свободы прекрасно подходит в случае "мелких" катастроф - засух, наводнений, эпидемий. Однако в случае войны дело принимает гораздо более серьезный оборот. Проблема в том, что война запускает древние общественные механизмы - иерархические структуры, которые, как и всякий детерминизм, не захотят сдаваться. Люди быстро привыкают - одни командовать, другие подчиняться. Особенно, если война продолжается долго. Несколько лет еще не проблема. А если десятки? Если выросли поколения, не знающие свободы? Война безопасна только если она короткая и победоносная. Иначе она убивает свободу не хуже противника.

А может, свободная армия должна быть чуточку иной? Например, безусловное подчинение... Нужно ли оно? Нет! Каждый солдат должен остаться морально свободным - ибо ответственность несет он, а не командир. Так, если приказ командира кажется ему неэтичным, он должен не только отказаться его выполнить, но и потребовать срочного разбирательства. И тогда вместо боееспособной армии мы получим дискуссионный клуб. А разве это плохо?!

Борьба за свободу среди варваров требует соответствующих средств. И это неизбежно приводит к тому, что свободное общество опускается на уровень варваров. Причем эта закономерность видна даже на примере нынешних относительных уровней свободы. Если мы посмотрим на борьбу с "терроризмом", то увидим, что борцы сами стали похожи на террористов - секретные суды, тюремные пытки, тотальный контроль.

Дурной пример, как известно, заразителен. Впрочем, кто из них террористы на самом деле - большой вопрос. Так что сосредоточимся на выживании свободного общества. Один из выводов из сказанного в том, что и сами сдерживающие силы, и соответствующие структуры должны быть сразу готовы к употреблению в случае необходимости. Согласитесь, если мы не готовы к агрессии, победа может занять критически много времени. Но как же мы можем иметь одновременно две взаимоисключающие общественные структуры, не считая горы оружия?! Отсюда вытекает следующий вопрос - а может ли вообще свободное общество сосуществовать рядом с варварами? И следующий - как оно тогда вообще возникнет и утвердится, если кругом варвары?! Похоже, нам нужен метод кардинального массажа головы - лечащего сразу все население планеты!

Однако угроза со стороны варваров не обязательно может приходить извне. Вспомним тюрьму, которая есть не что иное, как варварская организация внутри. Что толку, что охраняют ее верные стражи свободы? Готовность к насилию - гарантированный способ испортить людей. Уже охранные агентства, судебные приставы и сами по себе разовые наказания несут в себе определенные риски, но тюрьма - это шаг в пропасть. И опять, нам нужно не заключение, а более кардинальное решение - этика, да еще такая, чтоб она лечила головы сама по себе, независимо от нас, объективно. Какое счастье, что она у нас есть!

Вот так это примерно мне привиделось, пока я проходил курс расслабляющего массажа. И размышляя о наследии Макса, я с радостью осознал, что да - Макс был неправ. За что и поплатился. А я с тех пор сижу дома, ибо поумнел! Пусть дураки горбчатся! И если уж бороться с властью - то мысленно. Умственная борьба с ней, в отличие от вооруженной, быстро приводит к ее полному поражению. Ну какая в конце концов власть этот "Совет безопасности"? Так, название одно.

Деньги: Между обещанием и принуждением

Лежал я раз в психушке, по ошибке естественно, и пристрастился там к чтению. Оказывается там у них, в психушке, огромная библиотека, вся до дыр зачитанная. Чего я там только не узнал! Да такого, что голова кругом. Но конечно в этот раз я уже держался за кровать, чтобы не упасть. Опытный уже. Так что вы за меня не беспокойтесь - из психушки я вышел хоть и с новыми мыслями, но вполне здоровый. И горю желанием поделиться - ибо не могу молчать! О, слышь-ка, я уже говорю чужими словами - вот к чему приводит чрезмерное чтение! Но конечно, молчать как классик у меня не получится. Это они классики, могут молчать том за томом о том, "что же нам теперь делать" и "кто во всем виноват". Мне придется молчать гораздо короче - вдруг кто и вправду услышит?

Итак, начал я с классика, но само собой не окончил - сил не хватило. Застрял в самом начале, где классик убедительно доказывает, что деньги - средство, придуманное властью чтобы творить зло над добрыми подданными. И не будь денег - было бы у нас у всех все и никто бы никому не завидовал. А что еще надо для счастья? Очень меня эта мысль поразила и стал я тогда читать в другом месте, где еще один классик убедительно доказывает, что деньги-то придумали хорошие люди, да вот злое государство в своей вечной ренегатской и просто гадской сущности лишила их их. В смысле нас их, а их нас. Оказывается, если бы не государство, у нас было бы полно денег - потому что каждый мог бы их печатать сколько душе угодно. А что еще надо для счастья? Так что позвольте мне изложить все, что я узнал от великих классиков о денежном счастье, но потом еще и обдумал, правда уже без них. Потому что увезли их всех куда-то однажды утром. А куда - не сказали.

1 Происхождение и функции денег

Не стану скрывать - идея, что деньги зло, мне близка и понятна. Вот только общество без денег мне как-то неблизко и непонятно. Впечатление, что сложилось у меня в процессе жизни, таково, что отсутствие денег - еще большее зло, чем даже их наличие. И потому я воздержусь от дебатов с теми классиками, что предлагают деньги отменить и сразу перейду к тем, кто утверждает, что деньги - личное, частное дело граждан, а дело власти - не мешать им их печатать, рисовать или просто говорить. И убедительное тому доказательство - их происхождение: самопроизвольное, независимое и спонтанное.

Все классически-прогрессивные экономисты уверены - деньги появились сами по себе, еще до злого государства с его тяжелой фискальной лапой. Правда в истории все запутано. Концы так сказать давно ушли в воду. Но они были! И концы, и деньги до государства! Они появились сами собой, внутри рыночных обменов, как мыши появляются от грязи. Все, что для этого требовалось - нужда в эквиваленте обмена, и золото, оно тут как тут - приятное на ощупь и твердое на зуб. И как только несколько самых смысленных и зубатых людей осознали его обменную и вкусовую прелесть, все остальные - беззубые, но внимательные - бросились им подражать и грести золото лопатой. Потому что оно теперь стало Деньгами. Процесс, как говорят у нас в психушке,

пошел. Вот так вкратце, описывается история денег одним великим классиком - основоположником научного освобожденчества.

Из моего скорбного окна однако, представляется, что реальность должна была быть несколько иной. Люди, практикующие натуральный, т.е. безденежный обмен, вовсе не должны стремиться к некому универсальному товару, который облегчит им жизнь, а великим классикам - задачу построения великой теории. История - это всего лишь факты, отложившиеся где-то в толще бумаги, а не причины и следствия, которые если и можно откопать, то уж никак не лопатой, а скорее умственным взором. Тем более, что и фактов-то нет никаких.

А взор, особенно после хорошего вечернего укола, повествует нам о том, что такой товар - универсальный, пригодный для роли денег - выполняет две функции - меры и учета/кредита. Выполняет так сказать, в процессе рождения, а не после того, как уже зародится. После того он уже выполняет столько функций, включая Бога, Смысла Жизни и Основы Основ, что все и не перечислишь. Две первые функции - типа папы и мамы, самые главные на свете. В первой функции, этот "прото-денежный универсум" позволяет сравнить стоимости разных товаров, а во второй - совершить обмен в долг, многошагово, учитывая кто кому в процессе и в итоге должен. Так вот, ни в одной своей функции универсальный товар не может появиться сам по себе. Возьмем кредит. Людям, живущим рядом и доверяющим друг другу, вовсе нет нужды искать загадочный товарный эквивалент, достаточно расписок или любого другого средства учета. В крайнем случае им может быть и некий условный товар - типа камешков с насечками или ракушек без жемчуга. Условный, потому что реальный - реально дорогой то есть - как раз означает отсутствие кредита и отсутствие доверия. Но и людям, не доверяющим друг другу, нет никакого смысла брать некий "общепринятый", "универсальный" товар, поскольку нет гарантии, что он потом будет принят назад по нужной цене. Доверие не может быть заменено товаром. Универсальный товар может играть роль кредита только если все вокруг одновременно уже доверяют ему такую функцию. Но в случае доверия, как было отмечено выше, достаточно любой расписки. Она не портится, не занимает места и, более того, хранит подробности кредита, которые тоже имеют безусловную ценность - ведь универсальный товар может оказаться подпорченным и при этом на нем наверняка не будет подписи производителя.

Далее, возьмем меру. Теоретически может существовать некий универсальный товар, одинаково нужный всем. Нужный настолько, что каждый может прикинуть его стоимость на зуб и на глаз, сравнивая свою в нем нужду со своей нуждой в конкретном товаре. В реальности однако такого товара нет. Даже если бы он и был, у каждого своя в нем нужда - не о том ли не устают повторять прогрессивные экономисты, когда упирают на индивидуальность всякой ценности? Тем более странно думать, что крестьяне, ремесленники и прочий производящий пролетарские ценности люд, который и был первыми поклонниками обменов, не мог обходиться без золота, чтобы сравнивать с ним все остальное. Мука, скот, одежда - еще куда ни шло, но золото?! Безумно дорого, абсолютно бесполезно и крайне неудобно - ну как например определить его качество? Только доверяя зубатому клейму? Золото чужеродно пролетариату, как обмен чужероден аристократии. Оно - печать благородства, признак совсем других сфер общества, сфер, презирающих и обмен, и пролетариат. Кроме того, универсальный товар имеет и свою цену - кто-то его производит, кто-то его потребляет. А значит цена постоянно плавает. Какая уж тут мера. А между тем, именно цена товара,

то есть сравнение со стабильной мерой - и есть твердая, хоть и призрачная основа рынка. Сами великие экономисты выяснили, что цена - та благая вещь, которая позволяет определить, где в экономике узкое место и куда стоит направить свои усилия. Иными словами, цена - это перевод субъективных предпочтений в объективную пользу. А чтобы такая цена могла появиться, нужен действительно универсум - нечто, не подверженное субъективным предпочтениям, нечто, не имеющее потребительских товарных свойств. Любой обмен - субъективен. Универсальный товар, даже если бы он и был возможен, участвуя в конкретном обмене приобрел бы субъективную ценность, приписываемую ему участниками обмена. Хоть и поправленную на их представления о том, что думают другие потенциальные участники обменов о его ценности. Но эта поправка - лишь одно из слагаемых обмена. От того, что где-то за корову дают 2 барана, а где-то 3 вовсе не значит, что коровы где-то дешевле, а где-то дороже. Может быть все дело в баранах? То же самое и с золотом. Где-то золото дороже, где-то дешевле. И как из этого следует, какой товар производить? Рынок и рыночные цены могут быть универсальны только в том случае, если они отталкиваются от общего основания, от чего-то такого, что лежит вне рынка. Иначе цена не сможет нести никакой полезной информации, позволяющей транслировать личные предпочтения в общую выгоду. Они так и останутся субъективными. Универсум должен быть всеобщим и максимально стабильным. Ни один реальный товар под это не подходит. Любой реальный товар - лишь суррогат такого универсума.

Если же отвлечься от тягостного вечернего умствования и помечтать на минутку, что случилось чудо и на рынке появился универсальный товар, пусть даже золото (или что-то виртуально-интеллектуальное, типа процессорного времени), и все осознали как это удобно - не нужен кредит, не нужна мера, можно скапливать всю ценность в одном подвале - тогда по утверждениям классиков, пойдет самоподдерживающийся процесс, укрепляющий золото в этой крайне почетной роли. Однако стабильность новой валюты требует и противоположного процесса - без баланса никакая бухгалтерия не сойдется. Но поскольку такого не наблюдается, процесс удорожания золота станет бесконечным. В самом деле, с какой стати ему теперь дешеветь? Это и универсальная ценность, и универсальное средство обмена. Сигнал, посылаемый ценами в такой ситуации прям и суров, он говорит только одно - надо копить (или производить) золото. Остальные товары не нужны. Они только средство для доступа к золоту. Начнется бесконечная дефляция - все товары будут дешеветь, а золото - дорожать. Бессмысленность такого сценария, а с ним и Великой Теории, очевидна всякому здравому пациенту.

Нет никакого сомнения, что нужда в собственности, а значит и деньгах, есть, а значит и была. Нужда у всех - и у власти, и у подданных. Проблема в том, что чистые деньги не могли появиться в чередобмен как мыши - сами по себе. И кредит, как универсальное средство доверия, и мера, как универсальная ценность, могли быть только навязаны силой, и кроме власти, этот моральный подвиг был не по плечу никому. Роль денег с разной степенью успеха играли разные товары, которые были наиболее близки и удобны власти, пока наконец она не выделила деньги из их грязного суррогата - товарного эквивалента. Или по крайней мере, не старалась выделить. Даже нынешние очищенные деньги пока весьма условно претендуют на стабильность. Но причина этого не в деньгах, а в нестабильности самой власти, озабоченной перманентно грядущими выборами, а потому среди поклонников классиков есть надежда, что настоящие деньги - еще впереди.

2 Частные деньги

Как хочется верить, что истинная стабильность начнется когда кончится эта ветреная власть. Но возможны ли деньги без власти? Классики, а вместе с ними и все радетели свободного рынка, как всегда убедительно отвечают - да! Не только возможны, но и обязательно будут. Более того, всякое насилие, как известно всем трезвомыслящим мечтателям, только мешает рынку гладко функционировать. Всякий свободомыслящий или на худой конец прогрессивный экономист всегда либерал, а то и не приведи господь, либертарианец, поносящий любое государственное вмешательство и не оставляющий камня на камне от необеспеченных, инфляционных, дурно пахнущих "законных средств платежа". Свободомыслящий экономист как правило имеет в голове два железных варианта свободы, позволяющие раз и навсегда покончить с засильем государства:

- 1) золотой стандарт (впрочем некоторые предпочитают нефть или среднюю температуру за год),
- 2) частные деньги.

Первый вариант у меня вызывает хроническую оторопь. Только истинно великим классикам удается смотреть в будущее, держа голову повернутой точно назад. Отвязка от этого давно себя скомпрометировавшего "удобства", была делом и вынужденным, и прогрессивным одновременно, позволившим экономике раздуться до невиданных пенных высот. Как можно строить теорию лучшего экономического будущего опираясь на прошлую историческую случайность? Разве фундаментальная теория не должна опираться на что-то не менее фундаментальное?

В этом отношении частные деньги выглядят намного фундаментальнее. И конкуренция тебе тут, и свобода, и рынок. По крайней мере так оно мне показалось изза решетки - я ж не свободный экономист, слава богу. Я так и думал, что деньги - это не презренный металл, а символы полезности и ценности. Как бы складская расписка, но где склад - вся наша трудовая жизнь, и где каждой единице соответствует реально существующее благо, созданное нашим, или в крайнем случае чужим трудом. Правда неясно было, откуда в частных деньгах эта ценность. Как она туда попадает, когда каждый частный эмитент, который в мире свободных экономистов печется только о своем благе, в качестве подтверждения печатает на них исключительно свои трудовые инициалы? Для ответа я углубился в труд одного из классических свободолобивых экономистов, и по-совместительству одного из Лауреатов Нобелевского Банка. И удивительное дело, свободолобивые экономисты оказались девственны, как полимерные купюры на просвет - они вообще не видят в деньгах самостоятельной ценности. Они думают, что деньги - это просто такое средство обмена. Удобство - не более того. А чем достигается эквивалентность денег товарам? Они говорят - обменом, рынком и получающейся ценой. И неохотно добавляют, что и сама ценность денег вытекает из того факта, что они - удобны. Т.е. удобно на цветные бумажки менять товары - все и меняют. А раз все меняют - тут тебе и ценность возникает.

На самом деле конечно, все наоборот. Так, по крайней мере, думают все местные шизики. Все меняют именно потому, что цветная бумажка - ценность. А уж ценность - потому, что государство заставляет. Не верите? Хорошо, допустим, классики правы.

Допустим, государство с его принуждением исчезает и остается только рынок и его ничем немеренные ценности. Как же появятся чистые, непорочные, настоящие деньги? А так, отвечают классики подумав. Вот представьте. Хаос, разруха, все в грязи и в паутине и тут откуда ни возьмись появляется эмиссионный банк и печатает волшебные дензнаки. Назовем их для убедительности "рубль". Все конечно бросаются к благодетелям-монетаристам из эмиссионного банка, чтобы скупать рубли. Стоп. А на что покупать-то? Не даром же давать? Рубль - он же волшебный или нет?

Значит, не так. Еще раз. Думаем медленнее.

Допустим в мире государственного доллара, жулье из ФРС впадает в старческий паралич и на сцене появляются молодые монетаристы с новой, частной валютой - рублями. Допустим для ясности, что монетаристы для начала приравнивают рубль к доллару и обещают, что в отличие от дряхлого доллара, новый молодой рубль падать не будет. А будет стоять как штык недалеко от ФРС. Понятно, что все обрадуются такому повороту событий и опять бросятся покупать новый рубль, слава богу, теперь будет на что. Образуется ажиотажный спрос, позволяющий сметливым монетаристам продать каждый рубль аж за два доллара, положив один доллар в личный карман, а второй - в эмиссионный заглашник. Далее монетаристы торжественно объявляют - рубль приравнивается к корзине товаров и никогда вовек не потеряет своей стоимости. Эта корзина, иными словами, всегда будет стоить 1 (один) рубль и все, что остается молодым монетаристам - регулировать количество рублей в обращении. Дешевет корзина - изъять рублей, дорожает - добавить рублей. Красота!

Вот так экономисты себе это и представляют. Ну а мы, тупые пациенты государственной психушки, спросим - а чем, собственно, обеспечен каждый рубль? Может идиотизмом нации? Не зря же все бросились покупать рубли? Идиотизм конечно есть. Но его вообще-то не продашь и не купишь. Где ценность, я вас спрашиваю? Да в них, проклятых, в долларах. Каждый проданный рубль, обеспечен все тем же долларом, за который его продали и который честно положили в заглашник. Но ведь доллар же обесценивается? Что будет, если доллар подешевеет в 10 раз? Чем теперь будет обеспечен рубль? Ведь не дай бог, если кто захочет продать монетаристам рубль назад, они теперь должны будут выложить за него аж 10 долларов. А где их взять, я вас опять спрашиваю? В заглашнике-то только один? Экономисты нам скажут, что если такое монетаристское счастье случится - а оно точно случится - все так захотят рубли, что бросятся их скупать, отдавая за каждый новый рубль 10 новых долларов. И только идиот захочет продать рубли назад.

Да я и не спорю. Но только очень уж сильно мне это напоминает вычитанную в какой-то безумной книжке историю про ГКО, МММ и прочие проездные билеты времен Первой Перестройки, рост курса которых держался только на том факте, что находились психи, желающие их покупать. Переводя это на корявый язык ценности, привязка к доллару чревата. И складская расписка под названием "рубль" должна таки опираться на истинную, а не волшебную ценность. А истинная ценность - это и есть та самая корзина. Трезвый монетарист не станет держать в заглашнике дешевающий доллар, а купит на него корзину. А когда придет время рассчитываться за рубли, продаст корзину по новой цене и с чистой совестью рассчитается. И вывод какой? А такой, что частные деньги - это вовсе не волшебное средство обмена, а таки складская расписка, и эмиссионный банк - это вовсе не банк, а таки склад. Теперь любой, даже

самый свободный экономист увидит, что хороший эмитент, должен не заниматься построением пирамид под руководством монетаристов, а реально собирать у себя в загашнике... ну хотя бы золото. Не корзину же в самом деле.

Почему же у монетаристов не получилось того, что у всякой власти, даже самой дрянной, в конце концов получается? Да просто потому, что власть заставляет принимать в оплату свою необеспеченную валюту. Вот так, просто. Принуждение - это и есть тот кнут, который делает бумажки деньгами.

Ну ладно, без золота не получится. А с золотом? Светлое будущее очевидно покоится на золоте? Без будущего-то у нас никак?

Допустим на минутку, что у монетаристов все получилось. Есть новая частная валюта, обеспеченная не только красивыми словами о стабильности курса к золоту, но и самим этим золотом. И есть второй банк, рисующий кредиты в новой валюте. А что не рисовать? Выгодно же. Пока монетаристы следят за корзиной, пополняют золотой запас и вообще пекутся о своих рублях, второй банк легко и непринужденно раздает кредиты. Разумеется без всякой привязки к золоту. Он же не идиот. Слава богу в наше время складские расписки можно даже не рисовать, достаточно поручить это компьютеру. Можно возразить - кто ему поверит, такому умному? Поверят, не сомневайтесь. Банк солидный, давно на рынке, вклады принимает, проценты платит. И расписки выдает отличные, от настоящих не отличишь. А каждая - удар по корзине, золоту и монетаристам. Потому что за компьютерные расписки покупают вполне реальное золото. Рублей становится много, золота - мало.

Монетаристы могут возразить, что это незаконно - рисовать кредиты в чужой валюте. Ну зачем же так резко, коллеги? Банк взял залог, оценил его в удобной валюте и выдал "складскую расписку". Чисто, как в нашем процедурном кабинете.

Что тут делают монетаристы? А что сделаешь - приходится продавать золото, чтобы сбить цены, а взамен принимать свои рубли, изымая их из обращения. Закон прост и суров - плохие деньги вытесняют хорошие. Ничем не обеспеченные расписки наводняют экономику, давят на клапаны и золото монетаристов плавно перетекает в чужие карманы, оставляя в банке волшебные, но увы, никому не нужные рубли. И всем остальным нормальным гражданам, после бурного объяснения с монетаристами, придется использовать золото в качестве денег напрямую - катать с собой "кошелек" в виде тележки. Ну а жить, вероятно, в шахтах рудокопов.

И опять возникает вопрос. Почему же у монетаристов не получается то, что получается у всякой дрянной власти? Да все потому же. Потому что власть может проверить всякий банк и запретить выдавать "необеспеченные", т.е. превышающие резервы банка, кредиты. Может установить норму резервов, может провести аудит и все такое прочее, включая расстрел на месте. Вот так, просто. Принуждение - это и есть та невидимая рука, которая делает возможным деньги, рынок и безудержные фантазии свободных экономистов.

Ну а если принуждение заменить чем-нибудь другим? Как-то ведь надо жить без насилия, пусть и в безудержных мечтах?

Мечтаем дальше. Пусть все складские расписки успешно сгнули и остались только фантики - их можно использовать как деньги? При условии конечно, что эмиссия позволена только честным хозяевам частных валют? Допустим у нас две конкурирующие валюты, борющихся за звание самой стабильной. Курс между ними как и положено плавает, объемы в обращении мудро регулируются и т.п. Что же мы увидим? Во-1-х, мы увидим, что курсу между ними нет никакого смысла плавать. Обе они обслуживают одну и ту же территорию, одни и те же товары, обе - тверды как камень. Откуда плавание? А во-2-х, попытка одного эмитента "стабилизировать" свою валюту чуть больше чем надо, приведет к тому, что покачнется вторая. То есть курс не просто неподвижен - он жестко привязан, как и объемы обеих валют. Что и понятно - экономика общая, товарная масса - общая, значит и суммарная ценность экономики, отражаемая деньгами - тоже общая. Не может быть в одной экономике нескольких валют. В принципе. А может только в великой экономической психушке.

Как "привязка" произойдет технически? Представим такую экономику, где все общее. В каждом магазине полно товаров и на каждом - полно ценников, в каждой возможной валюте. Может торговец сам отследить курсы? Очевидно нет. Ну приходят к нему больше покупателей с валютой "А", ну и что? До тех пор, пока он сам сможет купить товар по старым ценам в другом магазине, он будет принимать "А" по старому курсу, т.е. отпускать товар по старым ценам. И так - каждый торговец. Теперь допустим, выпустил некий эмитент полно валюты "А". Новые владельцы скупают товары, а потом неизбежно придут на валютную биржу - скупить валюту "Б", потому что товары, во-1-х, портятся, а во-2-х, они-то знают, что валюта "Б" - стабильней. На бирже сразу смекнут в чем дело и изменят курсы - "А" станет меньше "Б". Теперь весть дойдет до торговцев. Они увидят, что курс изменился, но они не знают в чем причина. То ли "А" подешевела, то ли "Б" подорожало. И поэтому подкорректируют цены товаров по среднему - цены в "А" подрастут, в "Б" - понизятся. Это и есть то, что у нас тут называется общая товарная масса и единый объем денег, который ее обслуживает. А далее, эмитент "Б" будет вынужден корректировать свою валюту в обращении - цены-то изменились. То есть он ее тоже эмитирует, чтобы поднять цены и тем вернет курс к прежнему.

А это значит - приходится запрещать. Но не классиков конечно, боже упаси.

3 Ценность денег

Принуждение государства никак не подходит на цель и надежду всякого душевноздорового. Поэтому пора оторваться от легкомысленных классиков и действительно фундаментально разобраться - откуда же берется ценность денег? И можно ли наконец обойтись без государственного принуждения?

На первый взгляд, действительно, ценность - это и есть ликвидность. Иными словами, тот факт, что деньги везде принимают для обмена на блага, порождает их ценность. Сам же факт того, почему деньги везде принимают, неважен. Если основываться на таком подходе, то той половине классиков, которые предпочитают частные деньги, следует объяснить той, что предпочитает золото, что обеспечение денег абсолютно не нужно. Оно только мешает. Ценность золота настолько высока, что может оказаться выше ценности денег. История полна историй о инфляции, вызванной неумеренными аппетитами власти. Когда непутевая власть была вынуждена пользоваться монетами,

товарная ценность которых превышала фактическую ценность денег. Но разумеется подданные не хотели расставаться с монетами. В такие лихие години даже золото, несмотря на всю свою "ликвидность" не могло служить деньгами. Не помогало даже принуждение! Но оставим классиков в покое - пусть сами разбираются между собой - и вернемся к власти.

Если внимательно присмотреться, то можно заметить, что нынешнее принуждение власти к повсеместному приему денег - тоже вторично для понимания их ценности. Зачем в принципе власти нужно это принуждение? В принципе незачем. Оно нужно только в том случае, если у денег есть конкуренты - либо иная обиходная ценность, либо деньги другой власти. Только в этом случае власть вынуждена защищаться от посягательств. Однако если отвлечься от конкуренции, то видно, что деньги не нуждаются в принуждении к обороту. Власти достаточно принимать их в уплату налогов, разрешений и прочего счастья, производимого ею для подданных. Поскольку от власти деваться некуда - все будут вынуждены иметь деньги. Таким образом, ликвидность возникает как следствие ценности денег для каждого подданного, и суть этой ценности - необходимость откупа от власти. И только затем, после откупа от власти, деньги как бы между делом порождают экономику.

Проникнув в суть ценности, мы можем отважно продекларировать: экономика - свобода обмена. Люди полностью зависящие от власти, как бывает в особо тяжких случаях, не нуждаются в экономике. Зато если человек может откупиться, если у него есть деньги - он сам немножко становится властью. Деньги, таким образом, не просто символы власти, они - сама власть. Не просто конфискуя блага, а выдавая подданным в обмен на них расписки-деньги, власть признает хоть и маленький, но реальный суверенитет своих подданных. Она одаривает их свободой. Если опять продекларировать, свобода - вот истинная ценность денег. Таким образом, в порождении денег власть играет двойственную функцию. Вкладывая в деньги принуждение, она одновременно вкладывает и ее противоположность.

Свобода, вложенная властью в деньги, в перспективе позволит обойтись вообще без власти. Причина такого смелого заявления в том, что деньги позволяют наладить справедливый обмен ценностями. А это много. Очень много. Справедливый обмен ценностями как минимум предполагает добровольный договор, а договор делает ненужным насилие, и значит власть. Прогрессивный экономист мог бы вероятно возразить, что бартерный обмен - тоже договор, но что можно ожидать от экономиста? Бартерный обмен принципиально несправедлив, потому что при наличии отсутствия универсального мерил ценности - т.е. денег - сравнение стоимостей невозможно и всегда будет сугубо субъективным, персональным, а значит - объективно невыгодным. Причем не исключено, обеим сторонам одновременно, ибо в мире без денег взаимоневыгодность так же естественна, как в мире денег - взаимовыгодность.

Поэтому вернемся скорее к деньгам. Как же так хитро получилось, что власть сама одаривает подданных свободой? Зачем ей это? Ей-то как раз незачем. Если не считать необходимость выживания самой власти. История демонстрирует упрямые факты с убедительной ясностью. Власть, основанная на чистом насилии, долговечна только в очень закрытых учреждениях. Среди общественных систем более приспособленными оказываются те, где люди свободнее. Где они могут творить, отдыхать, накапливать ценности и потом уничтожать их. И чем они свободнее, тем власть долговечнее. Хоть и

скромнее. А значит власть вынуждена видоизменяться и двигаться от прямого насилия к экономическому принуждению. Выразим это так - культура насилия сменяется культурой договора. А подданные в свою очередь, освоившись с деньгами, начинают, как и положено всякому вольно-отпущенному, оценивать саму власть - мерой своих свобод. И тогда власть становится более или менее легитимной в зависимости от того, насколько полно она удовлетворяет стремление подданных к свободе.

Но если деньги так связаны со свободой, то возникают нехорошие мысли. В частности, откуда берется стремление к свободе? Неужели от обыкновенной жадности? Классики тут смущенно молчат, поэтому я уж сам пофантазирую. В природе любое движение вызывается силами. В мире детерминизма человек тоже подчиняется силам - он двигается туда, куда его толкают. В мире свободы человек обладает волей, он может выбрать - какой силе он будет подчиняться сначала, а какой - потом. Силы как бы трансформируются в ценности. Они больше не толкают, они притягивают. Ценности в свою очередь порождают действия - по их приобретению и удержанию. А уже действия могут быть просчитаны, когда появляются деньги - универсальная ценность и мерило всех прочих ценностей. Деньги как бы дают человеку возможность выбора той ценности, которая наиболее важна - причем не только ему, но и всему обществу. Так рассудок - способность к расчету, дополняет волю - способность к выбору, а обе эти способности сходятся в деньгах как в психическом фокусе, и деньги становятся той навязчивой силой, что движет человеком.

Вот отчего власть, отнимающая слишком много денег - нелегитимна, а подданные, позволяющие ей это - рабы. Этот суровый приговор показывает, что деньги начинают измерять уровень свободы в отношениях между властью и подданными, и следовательно - самого человека, поскольку именно свобода и есть его самая верная мера. С одной стороны, инициирует этот процесс власть - поскольку именно она владеет своими подданными, именно она обладает возможностью оценить, во-1-х, их способность к сопротивлению, а во-2-х, их способность к производству материальных благ. С другой стороны, подданные не позволяют власти узурпировать принуждение, постоянно порождая альтернативы как в прямом насилии - от криминала до революций, так и в видах денег - от драгоценных металлов до бумажных расписок.

Откуда начинается этот круг взаимных оценок? С определения процента. Процент - это та часть, которую власть забирает у подданных. Часть и собственности, и труда, и времени. Забирает просто для себя, не с целью потом раздать бедным или вернуть в качестве услуг, а потребить для собственных надобностей или профукать, и называет это податью, оброком, данью или налогом. Ценность человеческого труда - это количество собственности, которую он способен произвести и накопить. Измерение человека власть начинает с налогового периода - вся его жизнь делится на куски. А потом власть берет произведенное и накопленное человеком за часть этого периода и говорит - отдай. Этим действием она задает меру всех благ, имеющихся у человека, т.е. она как бы принуждает его ставить в соответствие две ценности - нематериальную свободу и материальные блага. Если человек - раб, он отдает все. Если человек сам по себе - он не отдает ничего. Все остальные вынуждены прикидывать, во сколько они оценивают свою жизнь. Так создается основа для меры. А дальше? Люди стремятся к свободе. Откупаясь от власти, они стремятся произвести и накопить как можно больше благ, чтобы и у них осталось их тоже больше. Деньги становятся двигателем производства, а свобода порождает эффективность.

Вторая часть круга свободы, рождающаяся от функции меры - это цена. Помимо сбора налогов, власть вынуждена покупать у подданных все, что ей необходимо. Этот обмен - свобода в чистом, рыночном виде, на которую власти приходится идти, скрепя свое каменное сердце. При обмене цена появляется вследствие договора. Власть не может установить цену и принуждать подданных отдавать блага по определенной цене - это чревато и к тому же излишне, так как проще повысить налог или расплатиться обещаниями в надежде собрать повышенный налог позже. Но поднимая ставку налога, власть неизбежно столкнется и с повышением цены. Каждый продавец стремится продать свой товар подороже. Власть - покупатель благ, продающий взамен свободу. Цена - это результат торговли с властью уже немножко свободных подданных за свое дальнейшее освобождение. Поэтому цены на все блага неизбежно растут, а власть вынуждена производить все больше и больше денег. Таким образом, одарив однажды подданных деньгами, власть породила своего окончательного могильщика. Свободный человек борется за свою свободу не только производством. Он борется как за эффективную цену, так и за эффективный процент налога. Эффективная цена - это то, как много власти приходится платить за купленную или законно изъятую у подданных собственность. Эффективный процент - как много власть может забрать денег при помощи налогов, плат за услуги или разрешения. В исторической перспективе процент постоянно падает, цена постоянно растет. И в этой динамике заключается прогресс общества: от принуждения - к торговле, от рабства - к свободе.

Стоп. Хм... Вот так всегда! Каждый раз, когда я заглядываю в окно чуть дальше чем позволено, вид свободы играет со мной злую шутку. Но куда же ведет нас этот умозрительный и одновременно мечтательный процесс? Что там в конце? Нулевой процент и бесконечная цена. Иными словами - полное отсутствие власти, полная свобода и море дензнаков, оставшихся в наследство от мрачного денежного средневековья. Да, свобода не любит, когда в нее без толку заглядывают. От одного вида ее парадоксов можно двинуться - а мне уже хватит! Так что вернемся лучше к власти.

Как же власть выпутывается из этого порочного круга? Никак. История также постоянно показывает нам - власть неспособна обеспечить устойчивость денег. Гиперинфляции, крахи, финансовые пузыри - это все следствия неумеренных appetитов, которые неотделимы от власти, будь она хоть авторитарная, хоть демократическая, хоть закулисная. Принуждение изживает себя прямо на наших глазах - конец так и носится в воздухе. Ценность свободы, сокрытая в деньгах, не может вечно покоиться на принуждении. Деньги, а вместе с ними и все алчущие свободы пациенты, требуют чего-то более надежного.

Поэтому дальше помечтаем в этом направлении и заодно проверим наши смелые заявления.

4 Необеспеченные деньги

Спасибо молчаливым классикам (и моему свободному от процедур времени), мы выяснили, что деньги - символы власти и принуждения. Но за этим мрачным фасадом скрывается светлая сущность денег - введенная когда-то как свидетельство уплаченной

подати, монета гарантировала, что подать не будет изъята вновь. Однако как извлечь эту светлую сущность и избавить деньги от их гадкого родимого пятна? Да легко. Надо только решить две проблемы, которые восходят к функциям денег:

- 1) найти другое, а точнее любое вместо насилия, "обеспечение" для денег;
- 2) разобраться с необеспеченным кредитом, порождающим инфляции, депрессии, рецессии, крахи и неурожай.

Вторая проблема, несмотря на ее угрожающий вид, относительно легка. Но первая проблема - истинная проблема во всем ее неразрешимой красоте. Поэтому начнем с простого.

Инфляция, а изредка и дефляция, не только порождение власти, но и само свойство денег, даже самых стабильных, не зависящих вообще ни от чего. Если рассматривать деньги как будущее состояние собственности, то любой коммерческий кредит - уже немножко необеспеченный. Плата за кредит - это обещание должника, основанное только на его вере в то, что денег у него будет больше чем есть. И одновременно - риск заимодавца, оценивающий эту веру. Если X дает Y 10 рублей с условием, что Y вернет 15, и Y пишет такое обязательство, 5 рублей уже появились. Обязательство Y - уже "деньги". X может ими рассчитаться со всеми, кто верит Y, а кто не верит - купят с дисконтом. А поскольку каждый считает, что в будущем у него будет больше денег, чем сейчас, эта общая вера неизбежно транслируется в деньги посредством кредитов. Причем деньги уже есть, а вот соответствующих товаров еще нет. Вторая причина - субъективность экономических субъектов. Если каждый правильно оценивает свои будущие деньги, то экономика всегда будет развиваться стабильно - товаров и денег будет прибавляться. Но такая правильность, и следовательно, стабильность в обществе всеобщей конкуренции - не больше, чем прекраснотушны мечты. Людям свойственно ошибаться, причем ошибаться как правило в одну сторону. Будущее всегда краше настоящего - иначе незачем жить. И потому неизбежно мысленное опережение количеством денег количества товаров. Периодические кризисы - это поправка, вносимая реальностью в планы людей.

Ну а некоммерческий кредит? Если один продает другому в долг, или ссужает для покупки чего-либо, расписка явно обеспечена тем, что было продано/куплено - ведь его можно вернуть. Так что расписка вполне годится для всеобщего хождения. Но увы, только некоторое время. Любые ценности имеют свойство кончатся, изнашиваться и просто портиться от времени. Только расписки не портятся - и тем опять опережают количество товаров.

Что же мы видим? Что за вычетом обеспечения кредитные расписки, выдаваемые всеми кому не лень, ничем не отличаются от денег. В дурдоме под названием "государство", все они имеют "денежность" пропорционально доверию, питаемому к эмитентам. Однако степень доверия не имеет четких градаций. Какой-нибудь благонадежный банк вполне может рисовать кредиты, по денежности не уступающие настоящим деньгам - т.е. тем, что заверены печатью власти. В то время как сама власть, и соответственно ее облигации, бонды и даже дензнаки, могут быть хлипкими и неустойчивыми. Отсюда следует, что нет никакой возможности запретить "необеспеченные" кредиты и принудительно следить за резервированием банков, а по сути - за надежностью каждого способного обещать, как призывают экономисты.

Запреты и принуждения - это тут у нас на каждом этаже, да еще у свободолюбивых экономистов, а там на свободе - откуда? Все, чему нас учит свобода - это тому, что расписки станут деньгами только если каждый доверяет каждому, причем строго одинаково - разные валюты не могут сосуществовать!

Итак, проблема кредита сводится к проблеме обеспечения, ибо доверие и "обеспечение" - это одно и то же. Есть доверие - нет инфляции, нет доверия - не поможет ничто. И как же быть с обеспечением новых денег? Начнем с того, что этичным людям оно не нужно, правильно? Обеспечение - это не только мера, но и гарантия, а этичные люди никогда не обманывают. Торговать с ними можно под честное слово. Правда тут есть некоторое неудобство - честные слова трудно учитывать, но нам важен принцип. А в принципе этика развязывает нам руки и мы можем использовать в качестве обеспечения все что угодно - лишь бы было удобно. Ведь это так или иначе условность!

Более того, особо выбора у нас и нет! Представим смеха ради, что "обеспечение" опять берется на рынке. Тогда суммарное количество обеспечения должно равняться (если для упрощения не рассматривать скорость оборота) всей остальной экономике - поскольку деньги покрывают всю экономическую активность. Т.е. условная половина всей экономической ценности должна быть зарезервирована для обеспечения денег. Но при этом она еще должна пропорционально расти вместе с ростом остальной ценности. Как же сопоставить эти объемы? Да и как быть с самой этой ценностью? Любая ценность, которая выведена из экономики, которую нельзя получить за свои деньги - обесценивается или становится бесценным по сравнению с самими деньгами. Да и вообще - где взять столько обеспечения? Его надо как-то производить, но учесть трудозатраты уже не получится - они нарушают новый ценовой баланс. Дальше, как вывести это обеспечение с рынка? Как при этом пересмотреть все цены, чтобы они отражали новую товарную реальность? Устроить маленький кризис? А как насчет того, что произойдет полное перераспределение собственности? У кого-то неизбежно окажется более легкий доступ к производству обеспечения, а у кого-то это обеспечение просто веками хранилось в чулане - сплошной бардак и несправедливость!

Более того, известен парадокс бессмысленности обеспечения, когда обеспеченные, например золотом, деньги способны вызвать гиперинфляцию. И это причем когда золота мало! Важно лишь чтоб самих денег было много. Этот фокус достигается выдачей эмиссионных кредитов под любой реальный залог. Тогда залог выводится с рынка, а взамен на рынок попадают новые монетки - и получается инфляция. При этом все деньги теоретически остаются обеспеченными, потому что если возник инфляционный спрос на золото, то всегда можно продать залог, стерилизовать излишнюю денежную массу и подтвердить обеспечение оставшейся.

Все эти мелочи лишь подтверждают - деньги, что в прошлом, что в будущем, могут быть обеспечены только вне рынка. Какой же "товар" лежит вне рынка и при этом нужен всем и одинаково? Пока все, что мы узнали от ~~кляееи~~ от власти и ее денег - это безопасность, сама возможность спокойно жить и торговать. Или - отсутствие насилия, свобода, наибольшая степень возможного доверия к другим участникам рынка, в отсутствии которого теряет смысл торговля вообще. Теоретически, эта универсальная услуга может быть обеспечена двумя путями - 1) принуждением к порядку и 2) обещанием порядка. Нынешнее демократическое государство как раз застряло где-то посередине. От насилия пока не отказалось, но договором (т.е. выборами) уже

прикрывается. Нам же, как мечтателям о лучшем будущем, есть смысл основывать деньги на полноценном договоре - доверии, этике и морали. В конце концов, свобода - это тоже договор, и такое обеспечение не менее реально, чем обеспечение насилем. Но на самом деле - намного реальней, хоть и чисто идеальнее. Да и как можно ценность свободы заменить каким-то "обеспечением"?!

Но как принудить к выполнению договора? - тут же спросит свободолюбивый экономист. В свободном обществе - никак. Как и заставить доверять. Отказ от договора и потеря доверия - уже наказание. В этом смысл добровольности. Что может добровольный коллектив? Единственное ненасильственное принуждение коллектива - исключение. Соответственно, альтернатива - принятие в члены. Цель вступления - желание пользоваться деньгами. Факт принятия - разрешение на это. Но разве нельзя пользоваться деньгами без разрешения? - опять спросит экономист. А вот и нельзя. Ибо кто ж даст настоящие деньги человеку, которому не доверяют? Кто их примет потом назад? Настоящие деньги - это и есть знак доверия, в отличие от нынешних насильственных, которые впишут кому попало лишь бы за них дали что-то стоящее. Отказ от обмена - суровое наказание, оставляющее пациента один на один со своей болезнью.

Впрочем, для некоторых исключение не наказание. Некоторые всегда могут наказать себя сами - и идти в лес, где рисуют фантики, давятся за золото или облизывают власть. А у нас деньги станут идентичностью, знаком принадлежности к свободным людям. Все же остальные тяжкие идентичности, приводившие к братоубийству - язык, история, традиции и прочая хиромантия - увы. В том далеком будущем, о коем мы ведем повествование, все культуры сольются в одну. Земля слишком мала, чтобы выносить столь тяжкий груз.

Так мы мимоходом выявили экономическую суть свободного коллектива. То, что объединяет такой коллектив, что делает его единым целым - это доверие к общим деньгам, необходимое для стабильного взаимовыгодного сотрудничества. В основе денег будущего - честность и верность данному слову, в противоположность нынешнему принуждению. Репутация денег - это теперь репутация коллектива и репутация каждого его члена. В этом заключается их ценность, а следовательно и причина ликвидности - деньги это авторитет коллектива, его сила и уверенность в его будущем. А уверенность в будущем, сначала большого коллектива, а потом и своей маленькой семьи, задают временную ось, дальний прицел, без которого невозможна этика. Будущее всех теперь зависит от каждого - совместная экономика транслирует личную выгоду в общую пользу посредством общих денег. Производя что-то полезное, граждане укрепляют деньги, наполняют их содержимым, и тогда каждый, кто пользуется ими, становится богаче, а общее будущее - светлее.

Да и вообще, если вникнуть в психологию, что такое коллектив? Это как раз те, кто добровольно сотрудничают, т.е. создают и обмениваются ценностями. Деньги - это символы универсальной ценности, признанные среди них. Как индивид - это его стоимость, так и коллектив - это его деньги. Стоимость индивида, выраженная в деньгах коллектива означает взаимную принадлежность. Принимая в оплату деньги, индивид выражает доверие коллективу, признает коллектив, его правила. Коллектив, в виде денег гарантирует будущее, стало быть деньги - это на самом деле эквивалент этике и времени!

В итоге всех этих длинный рассуждений, мы пришли к очевидному. Да еще к тому с чего мы начали - доверие не требует обеспечения, доверие - самое лучшее обеспечение.

Но если все у нас пользуются неограниченным доверием, как учитывать кто кому должен? А точнее, кому - коллектив и кто - коллективу, раз уж расписки имеют общее хождение? Тот факт, что некто накопил множество чужих расписок еще ни о чем не говорит - ведь неизвестно, сколько он написал своих! Вторая проблема - соответствие денег и товаров. Каким чудом это соответствие должно появиться? Без решения этих простых вопросов деньги не смогут играть свою главную роль в свободном обществе - служить мерой вклада и вытекающей ценности каждого члена коллектива. Размышление над этими вопросами привело меня к тривиальной мысли о необходимости единого центра (Ц), который должен не только управлять эмиссией, но и привязывать массу денег к объему благ. Чем разумеется должны руководить честные грамотные специалисты, а не обитатели дурдома - это полезная общая задача, хоть и не несущая пользы никому конкретно. Так что предоставим экономистам самое приятное, а сами вернемся в палату.

5 Денежная система будущего

А пока они там на свободе заняты достижением новых успехов, давайте решим вопрос - как выпускать деньги? Тут мы вступаем в область крайне умозрительную, требующую недюжинной фантазии.

- Рождение новых денег

Предположим для чистоты эксперимента, что деньги появляются сами. Ну вот есть у всех нулевой счет в нашей общей системе. Кто-то кому-то продал - у продавца счет вырос, у покупателя упал в минус. Вот они деньги! - воскликнул бы вольный экономист. Действительно, деньги появились... бы! Если бы была единица ценности. Но поскольку ее нет, то нет и сделки. Одна функция денег - кредита - не может быть выполнена без второй - меры. Но где без обеспечения взять меру? Хочешь не хочешь, а деньги должны соответствовать уже существующим в обществе благам. Тут лучше всего как-то договориться. Первый способ - попробовать смоделировать "рынок". Допустим, что у каждого на счете какая-то сумма, предположим выданная Ц задаром. Видимо одинаковая, потому что вне меры ничего другого просто не остается. Теперь каждый может прикинуть эту сумму к носу и оценить свою потребность в чем-то товаре. Конечно, есть минусы. Во-1-х, раздать поровну - значит неверно оценить имеющуюся у каждого ценность. Значит, во-2-х, никто таки, как бы ни прикидывал что-то к чему-то, не сможет сразу сказать чему равна единица ценности. А потому, в-3-х, начнется период "рыночного" перераспределения собственности, который закончится когда цены придут к некоторому балансу. Если закончится. Потому что думается мне, начавшееся сумасшествие закончится всеобщей погибелью. Так что придется остановиться на втором способе - использовать старые деньги как исторически сложившуюся опорную точку отсчета.

Итак, у каждого есть счет в нашей системе и умозрительная мера ценности. Но что дальше? Во-1-х, каждый должен получить на свой счет реальную сумму, соответственно

имеющейся у него собственности. Ну, это легко - надо просто обменять старые деньги на новые. Но, во-2-х, как дальше регулировать массу денег? Выдавать новые деньги в кредит? Отпадает. Деньги неотделимы от ценностей, они не могут даваться на время. Кроме того, что будет, если кредит не вернут? Тогда кредиты Ц должны даваться только под залог. Но последующая торговля залогом означает прибыль или убытки, а что с ними Ц делать потом? И еще кроме того, кредиты не могут распределяться бесплатно. Они всегда ограничены, а потребность у всех разная. Проценты - скажем, плата на аукционе - указатель кому они нужнее. Но откуда заемщики возьмут проценты? Ц должен будет уподобиться строителям пирамид и постоянно выдавать новые кредиты для погашения старых. В результате у нас не получится не только регулирования денег, но и самих денег. А ведь мы не частная лавочка! По всем этим причинам Ц не должен заниматься коммерцией, раздавая кредиты и регулируя процентные ставки. Доверие - вне рыночная категория, и это именно то, чем руководствуется наш Ц.

Выдача денег в виде кредита приведет к бесконечной мертвой петле от которой у меня едет крыша. Интуитивно и так понятно, что для выплаты старого кредита надо взять новый, а для выплаты процента - еще дополнительный. Но детали тоже интересны. Если некто X должен вернуть кредит с процентом, то некто Y должен взять в долг хотя бы сумму процента. Но когда ему самому надо будет вернуть долг, кто-то Z должен взять ту же сумму опять. И теперь Z оказывается в том же положении, что и Y. Такой бесконечный ряд долгов и сам, при каждой новой операции займа, порождает аналогичные ряды процентов следующего порядка. Не говоря уж о первоначальном долге X, который должен регулярно возвращаться в оборот, порождая опять такую же картину. Спрос, и соответственно цена кредита растет быстро и безостановочно.

И все же - как добавлять деньги в экономику? Кому их давать? Все эти вопросы меня сводят с ума, но на что не пойдешь ради денег! Поэтому давайте смело задавать их. Итак, кому? Ответ один - всем! Под конкретно созданные блага! Только так деньги будут соответствовать ценностям, накопленным коллективом. Пусть каждый эмитирует свои деньги (точнее Ц эмитирует для него), когда они ему нужны для приобретения реальных благ. А иначе может, и наверняка возникнет, ситуация когда человек создал что-то ценное, затратив полжизни - но ни у кого нет денег, чтобы это купить! Хотя нужно всем и срочно.

Действительно, почему бы не дать право эмиссии/кредита каждому члену общества? Чем он хуже банка? Этичней - наверняка. А если так - деньги перестают быть дефицитом, все становятся богатыми - вот оно чудо этики! Прекрасный итог! Но если нет дефицита денег, смогут ли они мерить ценности? Еще как! Только так и возможна объективная оценка, потому что иначе сами деньги становятся ценностью, искажая все вокруг. А теперь любую ценность обе стороны спокойно и без ссор выяснят путем договора. И для каждой вновь созданной ценности будут созданы новые деньги, в эквивалентном количестве. Деньги будут мерить время, объективная оценка которого возможна только этичными людьми, умеющими видеть бесконечное будущее. Конечно, ценность личного времени бессмертного этичного деятеля звучит парадоксально, но это не страшно. Парадоксы сумасшедших не остановят.

- Дебет и кредит

Итак, теперь каждый человек имеет право на неограниченный, беспроцентный и

бессрочный кредит, эмитируемый для него, или выдаваемый ему, Ц от имени коллектива, который он выплачивает как ему удобно. Или не выплачивает. При покупках кредит растет, при продажах - погашается. Продавец получает новые деньги, покупатель - новую ценность. Общество становится богаче, деньги точно отражают это богатство... Пстойте, но когда кредит погашается, деньги исчезают, а это неправильно - ведь ценности, напротив, растут! Откуда взялась эта новая проблема? Оттого, что мы смешали учет с мерой. Один личный счет не может одновременно отражать и выданные/полученные расписки, и имеющиеся в личном распоряжении блага. Выход один - завести на каждого два счета, кредит и дебет. Пусть каждый эмитирует расписки с одного счета, а отпускает блага со второго. Первый - новые деньги, которые он создал чтобы купить нужные ему товары, а второй - деньги которые он получил, продав созданные новые товары. Оба счета будут постоянно расти, а разница по прежнему отмечать его личный баланс, но зато теперь мы имеем и учет, и общую оценку всех созданных благ.

Теперь деньги отражают не будущее состояние собственности, а прошлое. Исчезает риск, а с ним коммерческий кредит и плата за него, инфляция и дефляция, спады и подъемы, и конечно кризисы! Становится ясно - кто что реально стоит, а не что кому обещает. Личный баланс - объективная ценность человека для общества. Если он должен обществу - он принес мало пользы, ему есть над чем задуматься. Если общество ему, он - его опора и гордость. Но в чем опора для гордости? Какой из двух счетов теперь отражает истинное богатство? Конечно дебет - то, что человек смог создать. Именно это новое понимание богатства характерно для нормальных людей, а вовсе не кредит - то, что он приобрел и потребил. Дебет вовсе не выражается в количестве роскоши и прочих внешних знаков - это своего рода награда. Внешних знаков вообще больше нет - ведь каждый может пользоваться кредитом безгранично. Теперь избыточная роскошь, напротив, вызовет сомнения в психической полноценности пациента.

- Соответствие денег благам

Но человек смертен, что будет с его деньгами после смерти? Это, конечно, проблема. Мы не можем просто уничтожить счета - ведь ценности никуда не исчезают, а целостность системы не должна быть скомпрометирована. Самое просто - расправиться с кредитом. Эти деньги ушли на купленные ценности, значит их можно продать и погасить кредит. Заодно и с проблемой наследства порешим. А как быть с дебетом? Польза, принесенная обществу, какое-то время будет фигурировать не только в виде дебетов всех умерших, но и в виде созданных ими благ - пока они не превратятся в прах. Значит вполне можно дебетовые счета умерших накапливать где-то в Ц и амортизировать параллельно с естественной убылью благ (и соответствующих кредитов).

Но как узнать какие ценности выбыли из пользования? А тем более устарели морально? Это вопрос тонкий, нашим потомкам точно будет чем заняться - проводить научные изыскания, выясняя наиболее точный методы. К счастью, эта наука никак не влияет на этику, потому что деньги будут уничтожаться пропорционально уже имеющимся, не ставя никого в неравное положение. Управление такой денежной массой будет легким и приятным. Например, корректировкой массы по результатам оценки амортизации общественных благ. Можно надеяться, что подобная задача не потребует

политического авторитета и скрытых манипуляций. Это чисто техническая, понятная и предсказуемая функция, гарантирующая экономическое будущее настолько это вообще возможно.

А как быть, если один и тот же товар продают многократно? Новых ценностей не создается, а счета растут? Ну, если продают значит ценность обнаруживается. Ее просто не смогли учесть сразу, объективность не всем дается. Перепродажа позволяет уточнить ценность - всякий обмен как раз и означает, что ценность признается обществом, становится более объективной. Значит, счета растут правильно. Правда, производитель оказался обделен - ведь ему заплатили меньше. Что ж этика нас учит - надо сразу оценивать объективно, раз, и не заниматься спекуляцией, два!

Однако давайте все же подходить более практично. В самом деле, ценности могут служить долго - больше времени жизни. Один попользовался, затем другой. Очевидно, что если человек продает старую ценность, он не должен делать вид, что добавил благ обществу. Он просто передал ценность другому. А значит такая операция не должна затрагивать его дебет. Будет правильно, если он уменьшит свой кредит, ведь тот и был создан когда ценность изначально приобреталась.

Отсюда следует еще кое-что. Новые деньги должны соответствовать только новой ценности, так? Но всякий товар содержит в себе и старую - материалы хотя бы. Как вычесть старую ценность из новой? И чем оплатить старую ценность? Этот случай, а точнее не случай, а вся суровая реальность нашего режима, опять похож на перепродажу. Продавая новую ценность, производитель должен разбить ее на две части - и только добавленную, ту, что сделал лично он, записать себе в дебет. Дебет - это не только награда, его труд на благо всех, но и те новые деньги, которые были созданы обществом для оплаты его вклада.

Конечно, можно еще больше усложнить нашу систему и ввести меченые деньги. Например, метить каждую денежную единицу подписью эмитента. А еще лучше - купленной на нее ценностью. Тогда не только амортизация лучше соответствовала бы реальности, но и учет старых материалов в новых товарах стал бы легким. Если только на чьих-то счетах обнаружались платежи за ту же ценность, они просто взаимно уничтожаются.

- Ограничения на эмиссию

Признаюсь, безграничный всеобщий кредит звучит довольно стремно. Дело не только в том, что банки, капиталы и ростовщики становятся ненужными. Не получим ли мы то же, что получили одержимые строители лагерного коммунизма - апатию, лень и прочее? Ведь теперь все становится доступно! Или, напротив, ажиотаж и мордобой? Ведь теперь возникает бесконечный спрос на ограниченные ресурсы!

Я думаю, пока новые - честно посвящающие себя обществу и не злоупотребляющие ограниченными ресурсами - люди не выросли, можно и нужно ввести ограничения на эмиссию. Как бы помочь людям стать этичнее, справиться с ленью и отвращением выполняя тяжелую или противную работу, умерить аппетиты и прочее. Т.е. это не беззастенчивая эксплуатация, а просто мягкая помощь в расстановке жизненных приоритетов, своего рода воспитание, подсказка в сторону объективной оценки ценностей.

Но как это сделать? На каком основании? Я думаю на основании этики. Ведь это ж очень просто - увидеть, кто злоупотребляет доверием, а кто нет, кто отдает обществу всего себя, а кто только делает вид. Принцип очень прост - каждый человек изначально имеет неограниченное (в разумных пределах) доверие, помогающее ему встать на ноги, получить образование, завести семью и детей. А дальше, если его кредит улетел в стратосферу, а дебет никак не оторвется от земли, размер его новой эмиссии будут легко и ненавязчиво корректироваться в сторону уменьшения - вплоть до полной остановки. Ибо надо же когда-то отдавать долги обществу? Более того, рассуждая философски, доверие, как самое лучшее обеспечение, это ценность. А раз ценность - ее надо ценить. А как ее можно ценить, когда она у нас задаром раздается кому ни попадя? Значит, пусть пациенты помнят - наше доверие легко потерять.

Итак, право личной эмиссии мы теперь привязываем и к размеру дебетового счета, и к разнице между дебетом и кредитом. А может пойти дальше? Вдруг человек столько нахал в кредит, что обеспечил себя по гроб жизни и в ус не дует? Детерминизм не дремлет и такие особи несомненно появятся. Что делать? Изъять нахапанное? К сожалению, тут поможет только суд. Но вообще говоря, запрет на новую эмиссию - уже жестокая мера. Когда покупать блага невозможно, остается только концы отдать, ведь благотворительности в свободном обществе нет и не будет. Деньги дефицитны, но заработать их можно только своим собственным трудом.

Не исказится ли мерная функция денег, когда те станут дефицитом? Да, но этим искажением можно будет тем более пренебречь, тем этичнее будут люди. Кроме того, паразиты и так, и эдак неспособны на объективность. Ударить им по рукам ограничением на кредит означает напротив, помочь деньгам работать правильнее.

Конечно надо честно признаться, вводя ограничение мы временно возвращаемся к финансовому принуждению, которое, увы, есть всегда, когда есть ограниченность ресурсов и недостаток этики. Поэтому, мне кажется, люди будущего будут справедливо подходить к причинам, по которым оно будет вступать в силу. Они учтут и способности человека, и количество иждивенцев, и даже профессию. Согласитесь, авангардному музыканту куда трудней найти благодарных потребителей, чем производителю затычек в уши. Но свобода должна стать реальностью для каждого члена общества! И когда все базовые потребности удовлетворены изначальным кредитом, экономическое принуждение превращается в простое неудобство. Примерно как необходимость посторониться проходя по тротуару. Разве можно сравнить эту мелочь с необходимостью бороться за право пройти по узкому мосту? Тогда каждый член общества обладает настоящей экономической свободой - примерно такой же, только физической, какой обладает каждый пешеход.

6 Призр Прозрачная экономика

Ц, а значит и всем, известны состояния всех счетов. Тайна вкладов уходит в прошлое просто потому, что исчезает обман, который сейчас составляет основу экономики и цель жизни. Чтобы деньги могли наконец стать мерой вклада человека в общество, должно исчезнуть отношение к ним, как к постыдному средству угнетения и порабощения. Но деньги будущего - чисты. В отсутствии власти нет потребности

скрывать доходы от налоговой инспекции. В отсутствии наследования, нет нужды прятать богатство от завистников. В отсутствии принуждения и конкуренции нет надобности стыдиться своих успехов. Напротив. Своим состоянием люди наконец смогут по праву гордиться. Это их заслуга, их достижения, степень уважения и мера достоинства. Чем больше человек принес пользы, произвел благ и отдал другим - тем больше он доверился им, тем больше он принял в ответ чужую благодарность в виде единиц доверия. Эта законная гордость имеет куда больше прав на существование, чем кичливое высокомерие нынешних паразитов, получивших богатство или наследством, или обманом и насилием. Более того, в обществе чистых рук каждому будет прямой смысл раскрывать свои доходы - это полезно не только для самоуважения, но и для бизнеса. Только имея полную информацию о партнере можно быть абсолютно уверенным в нем. Репутация, кредитный рейтинг, кредитная история, активы и долги, вес, стоимость - все это описывает экономическую суть партнера, все это и есть наиболее полная возможная деловая информация. А кому есть что скрывать, кто по уши утонул в своей "коммерческой" тайне, пусть валит в другую психушку.

Абсолютная прозрачность не только уменьшает риски кооперации, но и делает все экономику более предсказуемой. Соккрытие информации это обман, а обман не вяжется с духом свободы, к которой мы тут все стремимся. Зато правильные деньги, порожденные общим доверием и всеобщей открытостью, сами порождают доверие, без которого невозможно никакое мечтательство и прогнозирование. Поэтому разумеется все экономические показатели, как и бухгалтерия Ц, будут вывешены в людном месте и внимательно изучаться специалистами экономистами - к тому времени они уже наверняка появятся.

Теперь помечтаем о мировой торговле. В конце концов мы же не хотим всех насильно загнать в один коллектив? В условиях свободы, каждый может иметь свои деньги. Тут, правда, есть нюанс. Такая ситуация слегка противоречит объективной этике, которая учит, что деление общества на коллективы чревато возникновением групповой морали - "мы" против "они". Да и смысла особого нет - все всем доверяют, психушка у нас в принципе одна на всех. Как же выйти из морального тупика? Честно - не знаю, моя скромная фантазия ограничена стенами палаты. Поэтому озаботимся не моральной проблемой, а чисто практической. А на практике, вполне есть смысл искусственно поддерживать несколько альтернативных валют в целях устойчивости и добросовестной конкуренции. Что б пациенты не расслаблялись. А общее доверие как раз и сделает возможным обмен валют.

Как выглядит добросовестная конкуренция? Качество валюты отражает экономическую ценность коллектива. У нее есть две составляющие. Первая - уровень развития коллектива. Сюда входит и инфраструктура, и всякие общественные институты, и уже накопленный капитал, и даже уровень этики - т.е. общее богатство, прошлое и настоящее. Эта часть воочию показывает как много экономических ценностей коллектив способен произвести, и превращается в глазах наблюдателей в качество валюты - ее надежность и наполненность благами. Вторая часть - производительность коллектива, то как много экономических ценностей он производит в данный момент, куда смотрит вектор его развития. Это - будущее валюты. Обе эти части конечно взаимосвязаны. Если нет накопленного общественного капитала, откуда возьмется его увеличение? С другой стороны чем его больше, тем сложнее система, медленнее процессы, труднее предсказания. Слишком развитым коллективам сложно показать

большой рост.

Как сравнить две валюты? Предположим, что все валюты пока равно качественны, т.е. обмениваются 1 к 1, а коллективы различаются только производительностью. В одном хорошо работают, есть рост экономики, блага растут как на деревьях. В другом лентяи, роста нет, купить особо нечего. Поскольку разница в наполнении валют становится очевидной, на первую валюту возникает повышенный спрос - ведь всем нужны новые блага. Из второго коллектива все будут стараться продать товар в первый, чтобы заполучить более качественную валюту. Это вызовет утечку товаров и инфляцию во втором коллективе, но приток товаров и дефляцию в первом - т.е. процесс окажется самоподдерживающимся. Предатели второй родины будут стараться продать дешевле, т.к. даже с учетом перевозок, дальнейший рост ценной валюты скомпенсирует их убытки. В результате цены второго коллектива заведомо будут ниже, если выражены в первой валюте. То есть уровень жизни во втором будет понижаться, что справедливо - кто хуже работает, тот меньше ест. Курс валют рухнет, вторая валюта вытесняется первой, товаров во втором становится все меньше, наконец становится нечего продавать. Все. Второго коллектива больше нет.

Этот печальный итог демонстрирует задуманную нами закономерность. Ленивые вымирают. Только в совсем безумной экономике возможно закрытие границ, манипуляция валютой и полный застой. Наша мирная валюта логично вписывается в законы природы, что только подтверждает истинность нашего неклассического подхода. Конкуренция между странами обещает всем трудоустройство, уважение в коллективе и кусочек заслуженного успеха. Почти как при капитализме.

Что же дальше? Неужели весь второй коллектив вымрет от голода? Конечно нет. Смерть слабого коллектива и замена его новым - виртуальной процесс. Экономика слабого коллектива не исчезает, она просто начинает обслуживаться более сильной валютой - ведь запретить ее использование теперь некому. Да и сама "смерть" - это перебор. Скорее всего первый коллектив расслабится раньше, чем помрет второй - изобилие незаработанных благ развращает. Но нам важен принцип. Выживает тот, кто не хитрит, кто смотрит дальше, кто трудится дольше. Зона доверия стремится к экспансии. Скажем, в условиях этичного рынка, если некая компания подмочила репутацию, или разрослась до неуправляемого размера, она разоряется и ее место занимают более молодая и гибкая. Однако ее сотрудники не вымирают, они просто переходят в новую и начинают ее ~~разор~~ работать более эффективно. Так же и тут. На месте старого коллектива появится новый - молодой и гибкий, объединенный общей победной целью. И конечно со своей новой валютой. Как без нее?

Даже само понятие коллектива как зоны хождения валюты - это нечто виртуальное. Физически одна общность людей может иметь несколько непересекающихся валют, а экспорт-импорт - переход из одной в другую - быть лишь конвертацией. В этом свете покупка например нашей компании чужеродцами и переориентация ее на функционирование в иной валюте фактически равнозначно ее современному вывозу за границу, поскольку она теперь наполняет своей продукцией чужую валюту. А так можно и всю экономику распродать! С другой стороны, если иностранцы покупают наши предприятия, но те продолжают работать в нашей валюте, это только польза нашей экономике.

Ну а мечты о единой "резервной" валюте - пусть останутся глупыми фантазиями

психов. Когда такой резервный коллектив превратится в застойное болото - кто займет его место? Инопланетяне? Хорошо бы, но мало ли что... Значит должны быть альтернативы. По той же причине нет смысла во всеобщей привязке валюты к золоту, нефти, количеству CO в атмосфере или средней температуре по больнице за год - такая привязка будет означать единую валюту, хоть и с разными названиями. А нам это надо?

Вот такие откровения явились мне благодаря классикам, доброго им пути. Скучновато без них конечно, но я не жалею. Теперь я и сам не могу молчать - даже в такой великой науке, как экономика. Правда длинно пока получается - наука мудреная, не сразу дается. И плохо, что слушать некому - дурдом закрыли, читатели разбежались.

Да, вот что еще важно. Расходы на содержание Ц - плата за денежную систему - у нас возьмутся напрямую из денежной массы, никаких налогов не потребуется. Конечно, такие расходы несколько нарушают ценностный баланс денег, но мы ж мечтатели? Зарплаты его сотрудников хорошо бы уравнивать на среднее по экономике, чтоб все были довольны. А его руководство хорошо бы регулярно выбирать, а лучше кидать жребий, чтоб никому не было обидно. Вот так - минимум функций, максимум прозрачности - и у нас появляются деньги, удовлетворяющие потребностям общества в стабильном экономическом счастье. Хоть и не звонкие на слух и не кусаемые на зуб.

Но зато никаких фантиков, золота и конечно классиков.

Рынок: между сотрудничеством и соревнованием

Хорошо быть молодым ученым - перспективным, многообещающим! А еще лучше быть просто молодым и никому ничего не обещать... Как сейчас помню, диссертация по бухгалтерии стоила мне три кило здоровья. Только лягу - уже рассвет, а глаз так и не сомкнул. В голове вместо сна - кошмары, под подушкой - бумага и ручка, на столике - калькулятор. Но облегчить душу не получалось - цифры путались, баланс не сходился, а формулы так и лились на бумагу. В результате было неясно, то ли это явь во сне, то ли сон наяву. В общем, наука.

Диссер я успешно добил, а вот бессоница выжила. Кошмары тоже, с чем я вас сейчас и ознакомлю. А что делать? Экономика, как и любое другое боевое искусство, вызывает отвращение у всякого мирного ученого. Но избежать ее нельзя - грохот боев такой, что не до сна. От этого хочется взять в руки автомат и убить кого-нибудь. На худой конец - закрыть глаза и уснуть. Но не получается, даже не пытайтесь.

1 Личная "свобода" или социальное равенство?

Свободный рынок, а с ним и его основа - свобода в индивидуально-частной реинкарнации - в наше время вызывает у всех нормальных людей нездоровые эмоции. Если еще не так давно были люди, считающие капиталистов благодетелями, стоящими у истоков технологий, рождающими "инновации", создающими рабочие места и повышающими уровень жизни везде, где наступает сапог капитала, то сейчас в это верит только полный идиот. Если еще не так давно находились люди, считающие капиталистическое богатство заслуженным результатом упорного труда, целеустремленности, удачи и огромного ума, то сейчас такие наивные остались разве что среди самих богатых. Если еще не так давно встречались люди, считающие рынок образцом организации социальной системы, уничтожителем сословий и несправедливости, чудом спонтанного порядка и идеалом вольного общества, то сейчас над такими даже смеяться грешно.

Совсем иное дело социальное государство. Твердый порядок и государственная забота воплощают в жизнь моральные идеалы истинного равноправия, растоптанные свободным рынком. Но логика насилия ведет государство дальше - к постепенному превращению собственности из частной в общественную, а точнее в бюрократическую. И результатом, вместо рыночного социализма, становится государственный капитализм - тоже ужасы, но уже прикрытые не высокими словами о свободе, а высокими словами о справедливости. И подкрепленные не менее тяжелым сапогом государства.

Но как получается, что свобода частной инициативы выглядит отвратительно, а насилие организованной массы - высокоморально? С обеих сторон слышны взаимные обвинения. Богачи и обслуживающие их говоруны любят ссылаться на лень и зависть. Тупые бездельники просто не хотят работать. Эти вечные неудачники не способны проявлять инициативу и стремление к успеху. И, соответственно, "справедливость" завистливой толпы - отмазка для бесстыдного грабежа. Как будто богачи только и

делают, что работают. Как будто богачи не тупы и не завистливы. Как будто их богатство не следствие связей и коррупции. С другой стороны прилавка упирают на жупел частной собственности. Капиталисты, финансисты и прочие паразиты видят только свою прибыль. Эти хищники готовы попать самую небесную заповедь, не говоря о земном законе, ради своих привилегий. И, соответственно, социальное государство - единственный путь к справедливости. Как будто партийный бюрократ или отъевший брюхо люмпен видит чью-то еще выгоду, кроме своей. Как будто вообще выгода возможна не за счет других. Как будто уравниловка не есть самое омерзительное насилие - и одновременно прикрытие для привилегий бюрократов.

С самых истоков либеральной мысли свобода прочно, хотя и вынужденно, ассоциируется с рынком и индивидуализмом, в то время как насилие - с политикой и толпой. Попытки социалистов приклеить свободу к сказочным возможностям, даруемым всенародной властью, получились не очень убедительными, поскольку проигрывали гораздо более сказочным возможностям, демонстрируемым свободным рынком. На самом деле баланс прост. Государство - насилие, но и рынок - насильник ничуть не меньше. Как же организовать экономику чтобы было и свободно, и справедливо? Где найти третью альтернативу - и жадному одиночке, и завистливой толпе?

Пока свободная мысль блуждает в двух соснах этого тупикового, но "естественного" выбора, попробуем зайти с другого, научно-бухгалтерского конца.

2 Мотивы рынка

Что движет человеком в условиях освобожденного от морали рынка? Нужда? Жадность? Зависть? Честолюбие? Без сомнения. И чем богаче общество, тем удельный вес примитивной нужды меньше, а "высоких" мотивов, соответственно, больше. Никакое вечно нуждающееся животное не способно беспредельно накапливать ресурсы, стремясь к победе в бесконечной рыночной борьбе. Людям, однако, не хочется признаваться в том, что они просто довели животные мотивы до совершенно безумных пропорций. Они выдумывают пирамиды "потребностей", обманывая себя, что это, дескать, вовсе не жадность и не зависть виноваты. Это, дескать, такие специфически высокие потребности - самореализация, раскрытие талантов, поиск внутренней гармонии, нахождение собственного (даже слишком собственного) "я".

В принципе, зависть или честолюбие - неплохие стимулы для работы и успеха. Стремление доказать, что человек не хуже других и вполне достоин своей судьбы. Однако только этих мотивов недостаточно для нормальной экономики. Опираясь на подобные мотивы, люди создадут только "рынок" насилия. Все таланты на этом рынке сведутся к талантам обставить конкурента, надежно втоптав его в самое дно, и тем доказать, что ты сильнее и способнее. Неважно как. Важно лишь, чтобы это выглядело приемлемо - т.е. вписывалось в некие рамки. Что возможно в двух случаях - или действительно обыграть оставаясь в рамках, или обыграть подправив рамки. Но заметьте - если первично стремление обыграть, то рамки автоматически оказываются вторичны. И поскольку иных ограничителей насилия нет, оно оказывается ограничено весьма ограниченно. Очевидно, доказывать что человек достоин своей судьбы, да и вообще что угодно, в условиях гибких рамок бессмысленно. Не удивительно, что с

таким скудным набором мотивов усилия государства по укреплению рамок становятся оправданы и моральны, как и всякое насилие в борьбе со злом. Это лишь ответ на завистливый рынок.

Если отбросить научные прикрасы и вскрыть настоящие, истинно "высокие" потребности нынешнего гомо-экономикус, то, как бы красиво ее не называли, главной его социальной потребностью будет стремление к максимальному наращиванию собственной ценности - что есть Закон Постоянного и Неуклонного Повышения Ценности №1. Закон этот коренится в эгоистичной природе социального животного, а расцветает пышным цветом в обществе всевозможного насилия - то есть в нынешнем. В стае этот мотив выражался в стремлении вверх по лестнице рангов - вплоть до первой ступени, дальше которой животная фантазия не распространялась. Его можно назвать первенством или главенством. В обществе возможностей, да и лестниц, гораздо больше. Но как бы много их не было, мотив тот же - забраться повыше, придавив остальных. В примитивных обществах главным средством была физическая сила, дополненная организаторскими способностями - сколотить ватагу и победить в неравной схватке. В более культурных обществах давить можно не только физически. Можно давить культурой, авторитетом, традициями. Можно давить моралью. Видов насилия не счесть, как не счесть и видов социальных лестниц. Чем например, информационное насилие, со всеми его атрибутами - монополией СМИ, моральным авторитетом, поклонением - хуже экономического, с его капиталами, средствами производства и доступом к печатному станку? Но какое бы насилие мы не взяли, в его основе будет лежать все тот же старый мотив - первенство, победа в схватке, поражение соперников. Мотив ведет к насилию и пока мотив не изменится, свобода останется фантазией. Там же в фантазиях останется и простое человеческое счастье, потому что победить может только один, в то время как проиграть придется всем остальным.

Причем рынок только безуспешно пытается дать выход этому мотиву. Ибо победа над другими требует насилия более жесткого и прямого, чем он может позволить. Безнадежность эгоистичного мотива в деле окончательной и бесповоротной победы собственного рыночного "я" очень хорошо видна, если принять во внимание суть обмена, суть рынка. "Делать деньги", если делать их честно, а не просто отнимать, можно только удовлетворяя потребности. Но тем самым деляга, в соответствии с парадоксальной природой ценности, лишает себя будущего заработка. Стало быть, удовлетворять потребности надо так, чтобы ненароком не удовлетворить. А еще лучше - взрастить и обострить. Надо обманывать! Надо обирать! Это и есть "свободный" рынок - рынок с фальшивыми целями и невидимыми рамками.

Наверняка свобода выглядела бы гораздо привлекательней, если б делала людей счастливыми. Способна она на это? Конечно, ибо в основе свободы лежит совсем иной мотив - общего блага. Согласитесь, легко стать счастливым, если принести всем чуточку пользы! ОБ выражается через признание обществом, востребованность, полезность, нужность. Эти слова даже на слух звучат приятнее. Конечно, новый мотив не может работать в старом обществе. Что толку стремиться быть полезным людям, если они просто пользуются этим в собственных эгоистичных целях, и вместо благодарности втаптывают идеалиста в грязь? Только этика открывает дорогу к свободному и счастливому обществу. Она изгоняет насилие, заменяя старый мотив на новый.

Мотив ОБ объединяет пользу всех с тем же личным удовлетворением, с той же

реализацией способностей. Человек опять хочет доказать всем, что он достоин - и своей судьбы, и общества таких же достойных людей. Увы, объективная оценка результатов деятельности, и соответственно человека, требует вечности. Но человек не вечен. Очевидно, личное и общественное не сочетаются идеально, и в случае недооценки этический человек скорее готов дать обществу кредит, чем воспользоваться его кредитом в собственных целях. Общество все же более объективно. Остается рассчитывать на потомков - личное счастье невозможно без осознания того, что дело жизни будет оценено потом. А обратная ситуация, переоценка (переоцененность), подвергает риску достоинство, и следовательно успех в тленном мире этический человек не ставит слишком высоко. В обоих случаях, текущая оценка обществом не может являться единственным и окончательным критерием счастья. Мотив первичен. Важно принести пользу. Ее оценка и результирующие социальное положение - дело вторичное.

Что касается нужды, зависти и прочих позорных пятен капитализма, свободное общество наверняка будет намного богаче - ведь блага будут доставаться всем. Да и деньги будущего, привидевшиеся нам ранее, выведут эти пятна с корнем.

3 Этическая конкуренция

Свободный рынок, вопреки фантазиям его поклонников, не существует сам по себе. Это не есть нечто, не зависящее от человека, нечто, существующее объективно в природе - этакое спонтанное, надо только убрать руки и оно возникнет само собой на пустом месте. Нет никакого спонтанного, самовоспроизводящегося порядка. Рынок - добровольный, честный, свободный обмен ценностями - это дитя общества зачатое разумом. И, как и все прочие производные разума, дитя трудное, болезненное и крайне хрупкое. Рынок возможен только в очень точных, строгих и всеобъемлющих условиях - а именно, когда уважается договор, когда сила заменяется правом, когда порядочность становится нормой поведения. Ни право, ни договор, ни тем более порядочность не живут где-то в природе. Их рождение и бытие требует тяжелых умственных усилий, долгого накопления этики и культуры, развития справедливых социальных институтов. Свободный от этики рынок, будучи предоставлен самому себе, быстро вырождается в войну всех против всех, потому что его свободу некому будет беречь. А загнанный в рамки насилия государственной власти, он превратится в олигархический гулаг, потому что некому будет унять аппетиты верхушки, которые куда легче реализуются без всякого рынка. Не к этому ли замечательному положению дел мы идем быстрым шагом?

Что же такого в рынке есть, что нужно холить и лелеять? Первое конечно - эквивалентность обмена, второе - новые деньги, ну а третье - честную конкуренцию, за неимением лучшего термина. Оставив первое на позже, а второе - насовсем, обратимся к третьему.

Возможна ли честная конкуренция? Конкуренция - это конфликт интересов, когда каждый преследует противоположную цель. Откуда в такой ситуации возьмется уважение к правилам, этике? Уважение к правилам означает общую цель, а это уже сотрудничество! Но без конкуренции не будет и рынка! Рынок предоставляет выбор, выбор ведет к состязанию альтернатив, а значит появляется проигравший, третий участник обмена, точнее неучастник - тот, кому не удалось поучаствовать в обмене,

потому что его предложение не нашло ответа. Как учесть его интересы, да и прочие интересы третьих лиц, называемые бухгалтерским словом "экстернальность"? Очевидно, только отказом от выбора!

Свобода старательно отрицает сама себя, но мы уже давно привыкли к этому. Конкуренция без конкуренции - такой же парадокс, как и равенство без равенства, а выбор без выбора. Этичный рынок требует одновременно обеих противоположностей. Но все эти словесные ухищрения вряд ли прибавят ему привлекательности. Как же быть? Вероятно, конкуренция без конкуренции возможна - через все тот же загадочный и непрактичный эквивалентный обмен. Ведь он как раз и означает, что третий участник действительно участвует. Кроме того, каждый участник этичного рынка уникален, т.е. сравним и несравним одновременно. Оригинальность собственного продукта - уже знакомое нам требование свободы, это свобода конкретизации ОБ. Подобие похожей конкуренции уже существует - правда пока в искусстве, что вполне объяснимо - истинное искусство далеко от ресурсов и близко к вечности. В искусстве побеждает каждый, но по своему. Проигравших нет - победа одного не означает, что остальные проиграли. Осталось только научиться находить ОЦ и тогда оценка "победителя" деньгами станет просто мелкой формальностью. Ведь ОЦ требует вечности, а значит вопрос об окончательной победе или поражении всегда открыт. И "победа", и "поражение" просто исчезают из лексикона.

Однако, насколько описанная утопия применима на практике? Куда девать, например, азарт борьбы и прочие сильные ощущений, заложенные нам в гены эволюцией и отсутствие которых не только обеднит нашу жизнь, но и превратит ОБ в нечто унылое и скучное, стремиться к чему совсем не хочется? Не говоря о том, что страдать действительно яркой оригинальностью дано избранным, а иначе в ней и смысла никакого нет?

Я думаю, люди будущего найдут какой-нибудь выход. Например, введут небольшую искусственную конкуренцию. Если личные жизненные цели согласуются договором, то их достижение вполне может быть организовано соревновательно, как в картах. Участники карточной игры, если конечно это дружеская игра, а не способ обобрать до нитки, имеют общую цель - развлечься. Организовать рынок можно таким же образом. Точнее - похожим, чтобы не подвергать этику опасности, а человека искушению. Тогда искусственная конкуренция превратится просто в своего рода игру.

Мотив такого соревнования так же отличается от нынешней экономики, как дружеская пуля от азартной лихорадки казино. Неэтичная конкуренция нацелена на устранение конкурента. Но если устранить соперника - с кем состязаться? Игра требует партнеров. Компании на рынке вполне могут проиграть и даже разориться - почему бы и нет? Но поскольку тут же будет создана новая, факт разорения не меняет смысла соревнования. Проигрыш не затрагивает людей, поскольку само участие в соревновании приносит общую пользу. Участники не стремятся захватить рынок и вытеснить проигравших в вечное небытие. Они наконец сосредоточатся на творчестве, продукт которого становится достоянием и проигравших. Т.е. в треугольнике договора (два конкурента и потребитель-судья) проигравший не страдает, а участвует в выигрыше, радуясь новому результату, который движет общество вперед.

Спекулянт, коммерсант, предприниматель, бизнесмен и подобный деловар исчезнет

как класс. В этих расширителях узких мест экономики не будет нужды. Движущей силой общества станут люди создающие новое, в т.ч. новое в организации предприятий и процессов обмена. Карьера и продвижение по службе перестанут быть целями в себе. Целью станет реализация собственного творческого потенциала в создании ОБ. Почему сейчас не принято оглашать размер, а кое-где и источники, своих доходов? Потому что это стыдно. Совесть противится и неравенству, и эгоизму которым пропитан рынок. В этическом рынке доход станет предметом гордости.

Искусственная конкуренция очевидно нарушает принцип эквивалентности обмена. Если есть победители и проигравшие, усилия последних, вероятно, пропали зря - их работа, потраченное время и вложенные ресурсы не принесли той пользы какую должны бы. И тем не менее, честное соревнование предпочтительнее - как и всякое движение. Эквивалентность - не менее загадочна чем ОБ. Кто знает, в чем оно? Возможно проигравшие в соревновании на самом деле своим проигрышем принесли пользу всем - и возможно даже большую, чем если бы формально эквивалентно обменяли свой продукт в отсутствии соревнования! К сожалению, такие тонкости наука пока учесть не в состоянии, поэтому примем, что возможны любые варианты - как этическая конкуренция, так и идеальный обмен. Будущее решит.

4 Возможности и изобилие

Однако, это еще не все. Скажем, как быть в случае распределения ограниченного ресурса? Есть продукт и два покупателя. Как учесть интересы того, кому не досталось? А подобная дефицитность будет всегда, поскольку нужда есть сформированная потребность. Например без горячей воды в кране едва ли можно нормально жить, хотя еще пару веков назад о ней не мечтали. Соответственно, люди становятся несчастными, когда видят насколько они обделены по сравнению с другими, а не потому что им "действительно" чего-то не хватает. Тут мы сталкиваемся с ситуацией конкуренции не между производителями, а между потребителями. Как ни печально, в дело вступают деньги (которые таки пришлось ограничить), которые худо-бедно сигнализируют обществу важность потребителей - точно как ныне с той разницей, что поскольку неравенство больше не будет искажать рыночные веса сторон, потребности каждого будут куда более справедливо оценены. А проигравшие получают заменитель - такой же хороший, но дешевле.

Откуда он возьмется? Свобода невозможна без достаточных возможностей, однако использование некой возможности почти всегда отнимает эту возможность у других. Например, взяв самую красивую девушку в жены, некто лишил этой возможности всех остальных. Таким образом любое действие затрагивает чужую свободу, делает кому-то хуже и в конечном итоге является ничем иным как насилием. Поскольку без действий и пользования возможностями никак не обойтись, граница между свободой и насилием проходит там, где использование одной возможности оставляет достаточно других возможностей. В нашем примере, красота субъективная - а значит прочие девушки ничуть не менее красивы, и все остальные имеют прекрасные шансы жениться. Похоже природа мудрее экономики - она всегда оставляет достаточно возможностей. В экономике сейчас не удастся найти общую границу между "достаточно" и "скудно" - в то время как у большинства "скудно", у избранных более чем "достаточно". На этическом рынке эта граница ощущается моральной интуицией и закрепляется договором.

Свобода всегда оставляет шанс вместо упущенной возможности найти новую - гораздо лучше. И здесь тот же смысл, что и в случае искусства - нас спасает оригинальность производителей, гарантирующая невозможность существования абсолютно уникальных возможностей. Каждая возможность и уникальна, и универсальна - в точности как и ее производитель.

Однако, если с заменителем обнаружился проблемы, дружеское соревнование плавно превращается в смертельную схватку. Да и возможна ли честная конкуренция в условиях жесткого дефицита ресурсов? Очевидно, есть некий минимальный уровень благосостояния, ниже которого ситуация становится "катастрофической", вновь встает вопрос выживания, а свобода превращается в нескорую мечту. Можно предположить по крайней мере два необходимых условия для этичного рынка:

- 1) стабильный уровень благосостояния, удовлетворяющий все базовые потребности, т.е. с большим запасом снимающий вопрос выживания;
- 2) уровень механизации/автоматизации/роботизации достаточный, чтобы сделать тяжелую или неприятную работу легкой и приятной. Или по крайней мере достаточно привлекательной.

Второе условие ставит меня в тупик, поскольку я совершенно не представляю себе каков должен быть этот уровень. А может ли так случиться, что даже в отсутствии всякой механизации люди будут добросовестно работать на тяжелой работе? Мне кажется - вполне. Человеку вообще больше свойственно работать, чем бездельничать. Пытка бездельем - куда хуже пытки трудом, особенно если деятельный мотив - сотворить что-то полезное, а не заработать на кусок хлеба. Более того, физическая работа не только закабальет, но и освобождает - например, от проблем с лежачим образом жизни. Иными словами, можно предположить, что в условиях достаточного благосостояния, требование механизации станет не слишком существенным.

Поэтому есть смысл сосредоточиться на первом условии. Возможна ли описанная в нем ситуация? Абсолютно. Если дефицитность - нормальное состояние ресурсов вообще, это никак не относится к конкретным из них. Конкретные вполне могут быть в избытке, причем такое положение на самом деле абсолютно естественно. Или точнее, было естественно, пока за дело не взялся нынешний рынок, способный сделать дефицит буквально из всего. Посмотрите на эволюцию животного мира. Всякое живое существо потребляет множество ресурсов, но критически дефицитен из них только один - именно тот, который и ограничивает бесконечный рост популяции. Тут, для общности, я включаю в понятие "ресурс" и безопасность - отсутствие хищников. Эволюционируя, животные приобретают способности находить ресурсы и эффективно их использовать. Преодолевая дефицит одного ресурса, популяция упирается в следующий. Единственный способ окончательно побороть дефицит - либо бесконечно производить ресурсы, либо искусственно ограничить рост популяции. Учитывая, что и то, и другое уже давно практикуется цивилизованными людьми, нет никаких непреодолимых причин, чтобы все ресурсы необходимые для выживания не были в изобилии. Это значит, кстати, что наблюдаемый дефицит всякой всячины - заслуга цивилизации.

Иными словами, мы имеем искусственный дефицит. В этом, собственно, суть экономического насилия - это ловкие манипуляции ресурсами, приводящие к ситуации, когда изобилие ресурсов искусственно превращается в их дефицит. Ибо

только так можно выжать из неимущих все, что имущим не хватает для полного счастья. Универсальные экономические законы - лишь выдуманная "объективная" основа экономического насилия, неограниченная жадность - настоящая объективная. Например, если кто-то найдет способ незаметно присвоить половину воздуха, будет ему стыдно показываться на глаза людям? Будет его мучить совесть за всех, кто дышит через раз? Конечно нет. Он будет только рад. Ведь он создал благо - он дарит людям возможность дышать. Вы уже готовы платить ему? В этом и сокрыт "объективный" механизм. Создать дефицит легче всего манипулируя сознанием людей - основная масса и потребностей, и ресурсов созданы искусственно. К счастью, с базовыми потребностями дело обстоит несколько иначе, что дарит нам робкую надежду.

5 Проблемы этической конкуренции

Перед этической конкуренцией, а вернее перед составителями правил игры в нее, стоят серьезные препятствия. Я уж не говорю о том, где взять сам мотив. Но предположим, моральное просвещение удалось и культура индивидуализма, вызванная превратно понятым понятием "свобода", стала историческим недоразумением. Гораздо серьезнее кажутся более объективные препятствия.

- "Объективность" экономики и объективность этики

Остановимся еще раз на этой многострадальной объективности. Действительно, можно сказать, что насилие всегда объективно, как и весь детерминизм. Как быть? Просто не надо так говорить. Объективность детерминизма остается за рамками выбора - вспомним, как мы определяли "зло". Простой пример. Если в соревновании яхт, одна попала в океанское течение и выиграла - честно ли это? Можно сказать, да - ведь течение объективно. А можно, нет - потому что при чем тут течение? Все зависит от точки зрения. Почему же честно пользоваться рыночными и прочими силами? Объективность экономических законов не означает, что на них следует молиться. Объективность счастью не помеха. Холод и дождь еще более объективны, но люди ставят стены и кроют крышу. Вопрос в том, что считать приемлемым. Экономика - действия людей, и тут достаточно желания договориться, даже стены не надо возводить.

В экономике много сложных вопросов, когда неясно где кончается "честно" и начинается "нечестно". Как справедливо оценить потери третьей стороны, какова приемлемая доля рынка, как делить вновь найденный ресурс? Во всех этих случаях сложно найти границу где использование независимых от участников рыночных сил становится чрезмерным. Вот естественный рост компании перешел невидимую черту и она стала слишком крупной для рынка. Честная конкуренция перестала быть честной - чем больше доля рынка, тем больше его искажение. Как же быть? Вернуть яхты на старт нельзя. Тем не менее выход есть - отказаться от дальнейшего расширения, уменьшить расходы на рекламу, сосредоточиться на альтернативном продукте и т.д. В общем, сменить пластинку. Смешно думать, что бизнес "как обычно" подходит к обеим ситуациям - очевидно, мы уже имеем победителя в соревновании. И одновременно - проблему, требующую решения.

А как быть, если человек обладает невероятным талантом, должен ли он требовать

такие же невероятные гонорары за выступления? Хочется верить, что даже люди с невероятным талантом обладают совестью, которая поможет им справиться с этой проблемой. Ну, если не сейчас, то хотя бы в будущем. Если равенство участников рынка абсурдно, то крутизна его экспоненты вполне подходит под задачу для этики. Чтобы видеть этическую границу, надо видеть в сопернике, поклоннике или продавце человека. Как яхтсмены остаются друзьями, так и конкуренты должны оставаться людьми. Независимо от того, знакомы они или нет.

- Этичное предприятие

Человек, поставленный управлять компанией, отвечает не только за себя. Коллектив компании тоже требует результата. Когда успех многих зависит от одного, велик соблазн пренебречь далекой объективностью, ведь и сотрудники и владельцы компании - тоже люди, а ответственность перед ними - этическая задача. Но ответственность за успех компании не должна перекрывать ответственность за успех всего общества. Нынешние акулы бизнеса отличаются прекрасной способностью пренебрегать всякой ответственностью, опираясь на полную аморальность. Я надеюсь, не составит труда опереться и на мораль.

Для этого необходима собственная этичность тех, кто ждет результатов. Ведь и сотрудники, и хозяева - тоже люди. Правда, тут есть проблемы. В крупных компаниях работает полно людей, каждый занят своим делом и моральные проблемы уровня компании видны только единицам. Зато всем видно, что коллектив компании борется с коллективами других компаний. Так что тут мы сталкиваемся с другой проблемой - атавизмом групповой морали. Личный эгоизм маскируется коллективным. Как легко проникнуться корпоративным интересом и коммерческим патриотизмом - дух компании, гордость компании, слава и еще что-то компании! Как легко поддержать компанию в ее неэтичных порывах! Но разве возможна гордость за нечестную компанию? Компания - не первобытное стадо. И клиенты, и акционеры имеют равные моральные права. Одним надо получать качественные услуги, другим - сдерживать свою жадность. В конце концов, каждый акционер - и клиент тоже. В чем смысл?

Атавизм усугубляется делегированием моральной ответственности. Когда в коллективе есть конкретные лица, принимающие решения, моральная автономия подчиненных оказывается потеряна - психология "пешки". Пешки формируют общий аморальный фон - пусть о морали заботится кто-то наверху, а мы хотим только зарплату и еще премию. Те, кто наверху, часто чувствуют фальшивую ответственность перед пешками. Ведь пешки - тоже люди. Я думаю, если коллектив преследует свои цели, пешки теряют право требовать. В свободном обществе каждый автономен. Как во главе коллектива всегда стоит конкретное лицо, отвечающее перед своей совестью, так и его подчиненные не передают ему свою моральную ответственность - каждый остается со своей совестью.

Избавленная нами от всевозможных атавизмов этичная компания вероятно выглядит следующим образом. Ее цель - общее благо, а не прибыль, доля рынка и собственное вечное существование. Она помогает обществу, поэтому найденные способы повышения эффективности - организация, технологии и т.д. - не являются секретом, а распространяются среди всех. Ее внутренняя организация, как и ее отношения с участниками рынка, строятся на формальных, этических нормах. Все обмены внутри

компания - в т.ч. оценка труда - эквивалентны или близки к этому, а продукцию она продает по таким же прекрасным ценам.

- Ценовой механизм

Считается, что именно рыночная конкуренция решает проблемы ценообразования. Чудесные механизмы рынка сами собой находят оптимальные цены, позволяющие максимально эффективно распределять ресурсы. Откуда же возьмутся цены на этическом рынке? Как может работать рынок без реальной конкуренции, а значит и без магической борьбы спроса с предложением?

Для начала, уточним как работает капиталистический рынок. Откуда берется цена товара, если продавец хочет продать его максимально дорого, а покупатель - купить максимально дешево? Отбросим сказки о договоре. Договор - это этика, отказ от конкуренции и шаг к кооперации. Возьмем "чистый" капитализм, где как известно, конкуренция идет не на жизнь, а на смерть, и где каждый будет давиться до последней копейки.

Очевидно, что цене этой взятая просто неоткуда - примерно, как и ценности денег. Из двух сторон кто-то должен победить. Если предлагаемый товар предлагается еще кем-то - продавцу не повезло. Он вынужден продавать либо по цене другого продавца, либо дешевле. В пределе, если продавцов много, цена упадет до уровня издержек и даже ниже. С другой стороны, если покупателей много, не повезло покупателю - продавец продаст по максимально возможной цене, которую кто-то способен предложить. В пределе - бесконечно высокой. На реальном же рынке цена будет случайной и определяться не комбинацией количеств продавцов и покупателей, а их "рыночными силами", точнее - способностями скрывать информацию и выкручивать руки противоположной стороне. Эти случайности в итоге сложатся в традицию, которая заменит и эффективность, и объективность. Ибо сумма издержек - точно такая же случайная величина. Ибо все ценности в конечном итоге определяются трудом, труд - временем, а время - насилием власти и сопротивлением подданных.

Такова в реальности магия капиталистического рынка. То время свободы, которое исторически проникает в деньги, насильственный рынок выявить не в состоянии - ибо он только продолжает традицию вечного насилия. Капиталистические цены, а следовательно и сами нынешние деньги, не содержат объективной ценности. В свете этого, способность сторон договариваться, даже несовершенная, опирающаяся на их субъективные представления о затратах труда и обоюдных нуждах - уже шаг вперед. Понимание этого простого факта делает рассуждения о "механизмах" рынка бессмысленными. Чем этичнее люди, полнее информация и совершеннее институты рынка - тем лучше, правильнее и справедливее цены. А деньги ближе к времени.

Но как договор позволяет согласовать субъективные представления договаривающихся сторон? Отражает ли "время свободы" общественные потребности, без чего экономическое хозяйство будет вечно бесхозяйственным и неэкономным? Для ответа нам надо окончательно проснуться, достать калькулятор и углубиться в понятие "ценность".

6 Ценность

- Свобода как основа ценности

Всех нас мучают нужды и потребности. Они поглощают нас, мешая двигаться к цели и потому каждому нормальному человеку хочется избавиться от них раз и навсегда. Это стремление порождает ценности. Ценность - все то, что избавляет от потребностей. Правда, пока каждый чувствует меру избавления собственным нутром, ценность остается чисто субъективной. "Субъективная ценность" состоит из таких составляющих:

$$\text{СЦ} \sim \text{доступ} * \text{потребность} * \text{срочность} + \text{эффект}$$

СЦ относится к желаемым, публичным благам, а не к тому, что у человека уже есть (доступ=0) или к тем вещам, чья ценность имеет личную или символическую окраску. Она противоречива - притягивает и одновременно отвращает. Человек стремится к ней, но хочет ее уменьшить, получить все даром. Например, если получить что-то можно несколькими путями, человек выберет наилегкий. Если машину нельзя сделать самому, ее можно купить, заработав на чем-то другом, более эффективным образом:

$$\text{доступ} = \min (d_1, d_2, \dots)$$

Поэтому на самом деле, человек стремится не к ценности, а к благу. В этом причина роста производительности и разделения труда. Благо сокрыто за ценностью и нам предстоит его там откопать.

В чем суть блага? В том, что удовлетворяя потребность, продукт освобождает от нее. Благо - это свобода. Благо воздуха - свобода дышать, забыв об удушье. Даже когда человек придумывает себе новое благо - это лишь потому что его свободе что-то начало вдруг мешать, и это необязательно скука. Например, благо самолета - не роскошь, а удовлетворение потребности летать.

Благо бесценно. Именно в силу этого свойства блага, его желаемый размер неограничен. У животных тоже есть потребности, но они потребляют ровно столько, сколько им необходимо. Человек способен потреблять бесконечно не потому, что его потребности бесконечны, а потому что он жаждет бесконечной свободы. Бесконечные потребности - в том числе все новые и новые, типа "летать" - появляются уже как следствие этого факта. Если попытаться представить человека рациональным животным или машиной, способной размышлять и планировать свои запросы лишь эгоистично, то все его благо сведется к некой "универсальной энергии", необходимой для сытой, бессмысленной жизни - его детерминированной цели. Поскольку эта необходимость, как и жизнь, конечна, будут конечны и запросы. Попытка продлить запросы в бесконечность путем добавления запросов потомства не работает, потому что сама потребность в продолжении рода не вписывается в "энергию" эгоиста. Человек не производит бесконечное количество детей. Более того, некоторые вообще предпочитают обходиться без них. И даже, если взять нечто "детски-среднее", то и тогда предел накоплению "энергии" будет очевиден - никакое рациональное животное не способно планировать в вечность. Дети детей и их дети тоже смертны.

Однако благо не есть экономическая ценность. Чем больше желаемый эффект вещи,

чем больше в нем "блага", тем она ценнее, но и тем меньше она потом будет нужна. Благо уничтожает ценность. Обычное животное потребляет, чтобы утолить, например, голод. Оно не рассматривает пищу как нечто уничтожающее само себя. Человек, как рациональное животное, приобретая вещь, видит в ней именно средство избавиться от потребности. Приобретение блага - акт уничтожения ценности. Именно не потребление, а приобретение. Гарантированный мгновенный доступ - это отсутствие ценности. И в этом смысл собственности. Собственность - это гарантия доступа, помните?

Свобода, в отличие от "энергии" - общественная сущность. Нельзя быть свободным в одиночку, потому и благо не может быть индивидуальным. Приобретая благо человек, уже не как животное, а как член свободного общества, ценность не уничтожает - она сохраняется пока есть те, кому она нужна. Пока блага редки, человек не свободен. Поэтому только труд, как способ доступа к ценности, единственный соответствует свободе. Труд уничтожает редкость. Альтернатива - гарантированный доступ для всех, но такое возможно только к неуничтожаемым ресурсам. Например, антиквариат может быть выставлен в музее. Иначе, его покупка - это усложнение доступа к нему, и значит это его производство, поскольку каждая новая перепродажа добавляет ему ценности. В этом случае особенно хорошо видно, что нет отдельной "потребительской" и "производительской" ценностей ибо потребление антиквариата - его производство. Причем в этом нет ничего уникального. Любая покупка с целью перепродажи работает так же - ценность производится в процессе потребления. Всякая деятельность, отличная от реального производства ценности, несовместима со свободой. Конечно, этично купить, чтобы продать в другом месте или даже в другое время, но это потому, что так сглаживается какое-то колебание спроса, а хранение требует затрат. Я же имею в виду чисто спекулятивную перепродажу, накрутку цены, искусственное создание символической ценности.

- Субъективная ценность

СЦ должна показать, что любая публичная ценность содержит общую базу для сравнения - объективную ценность. Она и должна обмениваться, а все остальные субъективные факторы должны исчезнуть или игнорироваться. Но как понять какие из них какие?

Рассмотрим СЦ (и вспомним рис. 3.4). Учитывая, что трудности в получении блага (доступ) можно выразить как (редкость / риск), упростим формулу, приняв за аксиому, что в открытом этичном обществе риски минимальны и равны для всех:

$$\text{СЦ} \sim \text{редкость} * \text{потребность} * \text{срочность} + \text{эффект}$$

В СЦ нет слагаемых "потребительская" и "трудовая" стоимость. Какова потребительская стоимость воздуха? Полезность, способность вещи принести пользу, удовлетворить потребность или желание - не самостоятельная ценность, а лишь фактор возможной ценности. Вещь можно просто хотеть, просто желать иметь. Таковы редкие вещи. Они дороги просто потому, что дороги. (потребность) выражает субъективно ощущаемую полезность вещи, "силу желания" завладеть ей. В общем случае, потребность может включать и желание приобрести вещь для последующей продажи, как целиком, так и в качестве компоненты производства. Такая потребность тоже свойственна людям - они

используют старые вещи чтобы произвести новые и увеличить общую полезность. (редкость) - иное название для общественно-обусловленного, но при этом субъективного времени, необходимого чтобы получить доступ к вещи. Если вещь можно сделать - это издержки труда субъекта, включая учебу и все остальное. Если можно только купить (антиквариат, картины) - это время, нужное ему чтобы заработать деньги и оплатить цену, сложившуюся от "общественного спроса". Если только найти в земле - его примерное время поиска со всеми расходами, учитывающее его способности к поиску.

(редкость * потребность) можно выразить как

$$Va = Ta * (1 / Tc)$$

это относительные затраты времени, необходимые для получения доступа. Время доступа Ta относится к Tc , выражающему потребность в вещи. Почему так? Потребность, полезность товара, степень его необходимости, можно выразить как (время жизни) / Tc . Если время измерять в единицах "время жизни", то потребность превратится в $1 / Tc$, а Va станет равна Ta / Tc . Пример: потребность в воздухе огромна (жизнь/минута), но он легко доступен ($Ta = 0$) и потому его ценность нулевая. Потребность в жилье не так остра, перекаптоваться можно в гостинице, у друзей или родителей - (жизнь/неделя), однако время доступа к собственному жилью легко займет полжизни, отчего ценность станет чрезвычайно велика.

(срочность) - дополнительный фактор "силы желания", это относительное время, оставшееся до трагического финала

$$Ks = Tc / (Tc - (Ts + Ta))$$

Коэффициент срочности Ks образует "всплески" или "провалы" потребности. В "нормальном" состоянии, у человека достаточно времени, чтобы озаботиться и спланировать получение товара (Ts лежит "до" начала координат и $>Ta$), и тогда $Ks < 1$. В критическом, Ts вплотную подступает к Tc и на Ta может просто не остаться времени, $Ks \gg 1$. Если товар будет нужен очень нескоро ($Ts \gg Ta$), сейчас его ценность близка к нулю, $Ks \ll 1$. Срочность - абсолютно субъективный фактор, сделать объективным его можно только если планировать задолго, и тогда он просто обратится в ноль. (В жизни, однако, Ks стремится к некому среднему значению, потому что те, кому продукт сейчас не нужен склонны продавать его тем, кому он сейчас нужен.)

(эффект) - дополнительная свобода, полученная от употребления продукта. В наихудшем случае, вещь может не обладать никаким долговременным эффектом: все, что она делает - снимает остроту потребности, которая тут же начинает опять возникать. Как например потребность в воздухе. Эффект позволяет отложить воспоминания о потребности на какой-то срок и чем больше срок - тем сильнее эффект. Эффект можно выразить относительным расширением Tc , масштабирующим первоначальную ценность:

$$Vf = Va * (Tu + Tf) / Tc$$

Полученное увеличение ценности добавляется к итогу: $Va * Ks + Vf$. Некоторые вещи

полезны, пока ими пользуешься (T_u), например, работа, транспорт. Некоторые, пока о них не помнишь (T_f), как лекарства. Увеличивая эффект больше T_c , мы можем многократно увеличить ценность вещи. Но разве эффект одновременно не уничтожает ценность? Уничтожает, но не на субъективном уровне.

В итоге имеем:

$$V \sim V_a * K_s + V_f = (T_a / T_c) * (T_c / (T_c - (T_s + T_a))) + (T_u + T_f) / T_c$$

В чем смысл формулы? Она качественно показывает от чего и как зависит ценность, какие ее составляющие влияют на общую свободу, а какие олицетворяют насилие.

- Субъективное и объективное

Смысл обмена ценностями - извлечение субъективной выгоды из объективно равноценного обмена. Чтобы через субъективные оценки можно было выйти на объективность, нам предстоит отделить "случайно" субъективное от "истинно" субъективного так, чтобы это "истинно" субъективное могло использоваться для нахождения объективного.

Что такое "случайно" и "истинно" субъективное? Первое - то временное и минутное, что накладывается на оценку. Второе - то, что неотъемлемо от ценности, то "потенциально" объективное, что предстоит найти и измерить в обмене. Что же может претендовать на объективное? Очевидно то, что определяет общность ценности как результат развития общества, т.е. характеризует не конкретного человека, и даже вообще не человека, а объективные общественные условия.

Первым делом мы должны отбросить срочность. С ней все ясно, срочность - чистое насилие над обменом. Далее эффект. Эффект позволяет оценить новую вещь относительно старой - он показывает качество вещи, но качество - понятие относительное. Взятый сам по себе, он соотносится с T_c и является вторичным к V_a - в случае сравнения одной вещи разными людьми он не нужен. Его польза в том, что он может быть формально, т.е. без процедуры обмена, учтен при сравнении разных (субъективные личные удовольствия мы, само собой, во внимание принимать не станем).

Остается V_a , определяющая усилия, требуемые субъекту, чтобы получить ценность. Начнем с времени доступа. Эта характеристика ценности прямо указывает на общественные условия, задающие возможности каждого. Однако и тут можно найти случайные влияния. Что если один глуп и ленив, а другой умен и трудолюбив? Один угадал выигрышную комбинацию, а другой нет? Один родился во дворце, а другого нашли в канаве? Очевидно, тут нам поможет здравый смысл и чувство справедливости. Поэтому выяснение тонкостей мы оставим тем, кто обладает этими качествами, а сами ограничимся итогом. В частности, будем считать T_a тем потенциально объективным, что отражает общество на данном этапе его развития, включая количество ленивых и глупых, потому что его ядро - тот самый труд, единственно подходящий в качестве могильщика ценностей.

Наконец попробуем разобраться с T_c , которая показывает потребность в продукте. С

одной стороны, потребность явно определяется скорее видом продукта и свойствами человека, нежели имеет отношение к обществу. Но с другой, сами потребности формируются обществом. Но, опять таки с третьей, они формируются у всех и в идеале - одинаково. Но на самом деле, с четвертой, свободные люди уникальны - у них даже размер ботинок разный. Как быть? Полезность определяется целью и хотя каждый может иметь свою цель, смысл общего договора, как и смысл общей цели в том, чтобы иметь единую отправную точку для согласования позиций. Иначе мало ли кому что придет в голову - не всякая уникальность интересна другим! Настоящая уникальность - уникальность пользы. А приносить пользу можно только тогда, когда она общая. Иначе, как возможен обмен в принципе? Иначе, каждый будет делать только то, что нужно ему одному. Договор и означает умение выйти на единое мнение относительно полезности чего-то. Поэтому мы можем считать T_c в одном обмене равными. T_e , для кого они разные просто не станут обмениваться. Ибо иначе они нарушат первую этическую заповедь - нейтральность, беспристрастность, объективность!

Трудозатраты должны быть приведены к общей пользе - можно создать очень редкую и никому не нужную вещь. Это единственный способ найти объективно ценное, зависящее одновременно и от труда, и от потребности. Потому единственным потенциально объективным в акте этического обмена становится член T_a , выражающий полезный труд.

7 Эквивалентный обмен

- Количественная оценка

Сравнение требует количественной меры. Из формулы видно, что размерности у ценности нет, или точнее, она измеряется в кусочках "жизни". Как же ее мерить? Как обычно и делают - как бог на душу положит. Поскольку все ценности относительно друг друга, за единицу можно взять любую удобную - ракушку, кусок золота, цветную бумажку - а дальше сравнивать с ней. Тогда мы получаем обменную стоимость - ценность, выраженную деньгами:

$$OC = \text{Ценность товара} / \text{Единица ценности}$$

Выберем в качестве меры 1 рубль. Что представляет собой 1р? Нам нужен эталон. По аналогии с товаром мы можем сказать, что ценность 1 рубля - это соответствующее отношение T_a/T_c . Поскольку знаменатели (T_c) в данном случае равны, обменная стоимость превращается в отношение времен:

$$OC = \text{Время доступа к товару} / \text{Время доступа к 1 рублю}$$

Теперь посмотрим, как можно одновременно оценивать с двух сторон одно и то же. Возьмем 100 руб и покупателя. Как он оценивает товар? Он прикидывает затраты, которые ему не жалко, включая то время, что он уже потратил на поиск и покупку, к тому благу, или к той свободе, что он получит. В результате он составит приблизительную ценность товара и она будет пропорциональна его эквивалентному труду, который он не пожалел бы на товар. Но как покупатель знает цену своего труда? Из опыта. Каждый из нас интуитивно знает цену деньгам, а это и есть наш труд по их

получению. Тот кому деньги достаются даром, легко тратит их, все нормальные берегут каждый рубль. В каждом из них сокрыт труд и время жизни, потраченные на него. Оценивая товар, покупатель прикладывает к его предполагаемому будущему благу свой реальный прошлый труд:

$$\begin{aligned} \text{ОС для покупателя} &= \text{Будущее время свободы} / \text{Прошлое время труда} = \\ &= \text{Польза товара} / \text{Цена денег} \end{aligned}$$

Обмен должен принести выгоду. Покупатель понимает, что ему пришлось бы работать больше, чтобы получить товар, а продавец - что он получает больше, чем сам трудился. Почему это возможно? Потому что их труд не равен. Каждый из них умеет делать разное и покупатель оценивает товар с точки зрения своего максимально продуктивного умения. Если покупатель врач, он умеет лечить и получает в час 100 руб. Поэтому ему не жалко 50 руб за вещь, на которую он бы, например, потратил тот же 1 час. В чем выгода продавца, если, допустим продавец на самом деле потратил на этот товар 2 часа и, получается, заработает за час всего 25 руб? В том, что он знает, что за 50 руб он сможет купить то, чего сам за 2 часа никогда не сделает, а промучается все 4, например, вылечит ползуба. Продавец тоже оценивает свое время, но он оценивает его с "обратной" стороны, чем покупатель. Если тот прикидывал свое время к возможной пользе, то продавец прикидывает возможную пользу к своему времени. В данном случае, возможная польза - это ценность денег, но уже с точки зрения того, что на них можно будет купить. Так, продавец понимает, что на 50 руб он купит больше, чем потратил за 2 часа своего времени и, следовательно, тоже получит прибыль:

$$\begin{aligned} \text{ОС для продавца} &= \text{Прошлое время труда} / \text{Будущее время свободы} = \\ &= \text{Цена товара} / \text{Польза денег} \end{aligned}$$

Как и следовало ожидать, денежный эталон оказался не совсем эталоном - для каждого из нас деньги имеют разную цену. К сожалению, иного нам не дано, объективность ценности еще предстоит найти. Кроме того, легко заметить, что ОС на самом деле представляет собой диапазон - оценки будущего всегда неточны, и каждая из сторон борется с соблазном использовать в пределах этого диапазона наиболее благоприятную для себя оценку, т.е. занижить ценность эфемерных будущих благ и завысить - прошлого нелегкого труда.

- Эквивалентность

При эквивалентном обмене обмениваемые ценности совпадают. Совпадение находится сравнением двух противоположных оценок каждой из ценностей (товара и денег) и взятием среднего. Усредняя ценность денег, стороны тем самым делают оценки ценности товара более объективными. В идеальном случае, ценности денег должны быть вообще равны, а разница сторон - лишь уникальность профессии. Далее, хорошо бы еще путем взаимных переговоров проверить и сами субъективные оценки. В итоге, можно надеяться, что обмениваемые ценности будут эквивалентны для этой пары, а прибыли сторон равны.

Допустим, причина обмена в том, что продавец придумал, как сделать вещь быстрее (дешевле) и потому для него она оказалась менее ценна. Обозначив ценность товара для покупателя через V_0 (старая), а для продавца V_n (новая), изобразим среднее:

$$\text{Среднее} = \sqrt{((\text{Польза товара} / \text{Цена денег}) * (\text{Цена товара} / \text{Польза денег}))} =$$

$$= \sqrt{(V_o * V_n)}$$

Рассмотрим пример. Пусть все общество состоит из двух человек: А - владелец воды, которому ведро воды обходится в 4ч (часов труда) и Б - хозяин картошки, кому ведро картошки обходится в 8ч. А нуждается в картошке и оценивает ее ведро в 12ч. Б не может без воды и оценивает ее в 16ч. Обе эти оценки максимальны - они отталкиваются от ситуации натурального хозяйства. Иначе говоря, столько бы каждый потратил времени, если бы делал недостающий товар сам. Подумав, они обменялись в пропорции 1:1 - ведро картошки на ведро воды. Эквивалентен ли обмен? Посмотрим на таблицу ценностей:

	Картошка	Вода
А	12	4
Б	8	16

Субъективная прибыль каждого (разность в строке) = 8ч, среднее арифметическое каждого товара (средняя столбца) = 10ч. Поскольку и то, и другое совпало, можно предположить, что обмен был эквивалентный. Имел ли он смысл? Конечно. Несмотря на то, что стороны обменялись одинаковыми ценностями (10ч), каждый участник стал ценнее (№1), а общество стало свободнее от гнета потребностей. Однако заметьте, "нормы" прибыли явно разные - субъективно 8/4 и 8/8, объективно 10/4 и 10/8. Далее, если прикинуть субъективные стоимости обмененного (считая противоположный товар "деньгами"), то они будут выглядеть так:

	Как продавец (→) min (цена товара / благо денег)	Как покупатель (←) max (благо товара / цена денег)	Средняя цена (товар / деньги)
А	4 / 12 = 0.33	12 / 4 = 3	0.8 (А→, Б←)
Б	8 / 16 = 0.5	16 / 8 = 2	1.2 (Б→, А←)

Похоже, А получил чуточку больше, чем причиталось. Возможно, источник их трудностей в том, что цена денег для обеих сторон разная? Действительно, V_o и V_n оказались раздвоены между водой и картошкой. Чтобы очистить их, будем считать картошку деньгами, т.е. приравняем ведро картошки к 1 рублю. При этом ценность денег сделаем одинаковой - пусть каждая из сторон за 10 трудовых часов обычно (т.е. где-то на стороне) зарабатывает 1 рубль. Теперь таблица ценностей примет вид:

	"Деньги" (ч)	Вода (ч)	Цена (воды отн. "денег")	Цена в рублях
А→	1 / 0.1=10	4	4 / 10 = 0.4 (min)	0.4 * 1р = 0.4р (V_n)
Б←	1 / 0.1=10	16	16 / 10 = 1.6 (max)	1.6 * 1р = 1.6р (V_o)

0.4р - минимальная цена продавца, 1.6р - максимальна цена покупателя. При обмене 1:1, продажная цена составит 1р, прибыль каждого 0.6р, среднее:

$$\sqrt{(0.4*1.6)} = 0.8p$$

и продавец заработает 20 нетрудовых копеек. Посмотрим на обратную ситуацию (теперь ведро воды - 1 рубль, цена денег та же):

	К(ч)	"Д"(ч)	Цена (p)
A←	12	10	$12 / 10 * 1p = 1.2p$ (max, V_0)
Б→	8	10	$8 / 10 * 1p = 0.8p$ (min, V_n)

Прибыль каждого составит 0.2p, среднее = 0.98p. Что происходит, почему и прибыль, и эквивалентная цена разные? Неужели мы неправильно считаем среднее? А может математика вообще не слишком полезна для этики?!

Вероятная отгадка в том, что эффективность работы каждого неодинакова и эффективность эта измеряется от общего уровня общества, выражаемого деньгами. За одно и то же время, разные люди производят разные ценности. Картошка оказалась не слишком эффективна - Б, который специализируется на ней, смог лишь на 2 часа сократить обычные трудозатраты. Причем поскольку каждый обмен меняет ценность денег, чем дальше отстоит новая цена денег от общепринятой, тем сильнее искажен результат. Но откуда искажения? От того, что ценность денег, как и всего прочего, меняется нелинейно. Впрочем, возможно, мы слишком дотошно подошли к нашим расчетам и напрасно доверились геометрии. Арифметики, и равенства прибылей, которое символизирует равноценность каждого члена общества, было бы вполне достаточно. В конце концов, в этическом обществе все более-менее равны. А норма прибыли там неважна - каждый может трудиться так, как хочет.

- Конкуренция

Усложним задачу. Пусть, как и раньше, покупатель Б желает купить ведро воды и готов по максимуму заплатить за него 1.6 рублей. Если купить за эту цену не получится, Б обойдется без воды. Минимум для него, естественно, ноль, а лучше чтоб еще и приплатили. Продавец А затратил на производство воды 0.4 рубля и желает продать его за миллион. Если рынок неэтичный, итоговой ценой может стать любая в диапазоне 0.4 - 1.6. Если этичный, и все общество состоит из этих двух человек, эквивалентная цена - 0.8 рубля.

Добавим к схеме еще одного продавца В, потратившего на производство воды 0.2 рубля. Возникла конкуренция, в результате которой Б, если конкуренция полностью прозрачна, купит товар у В за 0.5 рублей (для простоты округлим). Не будем рассматривать реальные случаи конкуренции, когда в дело вступают многочисленные способы обмана. Разумеется, новая ситуация неэтична, несмотря на то, что прямой обман отсутствует - первый продавец оказался выкинут на обочину истории. Описанная ситуация соответствует идеально свободному рынку, как его любят изображать противники государственного вмешательства.

А как должен выглядеть этичный рынок? Как должен выглядеть эквивалентный обмен,

который учитывает интересы всех? Для ответа на это вопрос сделаем шаг в сторону от "свободного" рынка. Предположим, что оба продавца сговорились надуть покупателя и выставили одну цену, скажем 1.2 рубля. Поскольку покупатель один, а деньги нужны ими обоим, они решили честно разделить прибыль. Сделали они это так. Во-1-х, продать они решили продукт второго продавца, а разницу в издержках (0.2 рубля) поделить поровну. Во-2-х, прибыль от цены первого продавца ($1.2 - 0.4 = 0.8$ рубля) они тоже решили поделить поровну. В итоге, покупатель сэкономил $1.6 - 1.2 = 0.4$ рубля, а каждый из продавцов заработал по $0.4 + 0.1 = 0.5$ рубля. Этот итог, конечно, далек от этического, однако, примерное равенство результатов для всех сторон как бы намекает нам, что все уже не так плохо как раньше.

Что же дальше? А дальше следует заметить, что сговор это, вообще говоря, подобие договора. Правда договор, в отличие от сговора, должен включать всех. Значит, этический рынок получится, когда все три участника сговорятся? Как же это может выглядеть? Очевидно, все они выложат "карты на стол", рассмотрят взаимные потребности и затраты, а в конце, для простоты, прибегнут к арифметике и поделят все разницы на три. Разница в издержках дает каждому по $0.2 / 3 = 0.067$ рубля, а разница между желаемыми ценами и издержками $(1.6 - 0.4) / 3 = 0.4$ рубля. Итого, если все общество состоит из этих троих, эквивалентная цена будет равна 1.133 рубля, а "прибыль" каждого участника - по 0.467 рубля.

Тут есть несколько туманных моментов. Во-1-х, по сравнению со случаем общества двоих, цена выросла, что понятно - третьему участнику тоже надо есть. Однако неясно, почему участие явно полезного члена общества - а ведь он смог произвести продукт с меньшими издержками! - негативно отразилось на покупателе. Не получится ли так, что чем больше продавцов, тем больше нахлебников ему придется кормить! Во-2-х, неясно каким образом при этическом обмене распределяются деньги. Теперь они не просто переходят от покупателя к продавцу, а делятся на троих! Что же будет в случае реального общества?! В-3-х, как быть в ситуации, когда мы имеем одного продавца и нескольких покупателей. Если деньги еще худо-бедно можно как-то поделить, то поделить продукт уже наверняка не получится! В-4-х, в нашем договоре все стороны равны, как и положено с точки зрения этики. Но равны ли они с точки зрения экономики?! Разве они работают одинаково хорошо? Обладают одинаковыми навыками и смекалкой? Одинаковыми потребностями и предпочтениями?

- Загадка среднего

В общем, наука нас не подвела - с маленьким обществом понятно, хотя и не все. Посмотрим на большое. Если брать большое общество, где обмен идет тоже по среднему уровню, но уже общему для всех, прибыли конкретной пары могут различаться как угодно сильно, поскольку время доступа у каждого свое. В самом забавном случае, обе стороны могут формально нести убытки - если у каждого есть альтернативный, более выгодный способ заработать, на который они сберегают время. Разумеется считать такой обмен эквивалентным нет никакого смысла, даже если потери сторон равны.

Нет ли явного противоречия в том, что обмен должен быть взаимовыгодным и тем, что каждый может нести убытки? Конечно есть. Откуда оно взялось? Из недоразумения. Взаимовыгодный обмен возможен только тогда, когда стороны устанавливают средний

уровень. А убытки - только тогда, когда они следуют уже установленному. Кроме того, тут закралась явная ошибка - среднему уровню нельзя только следовать, иначе он просто ниоткуда не возьмется. Но, с другой стороны, как же тогда торговать? Каждый обмен получается индивидуальным! В чем тогда смысл этого среднего? Проблема курицы и яйца. Без среднего нет рынка, без рынка нет среднего. Так оно, увы, и в нашей неэтичной жизни - каждый всегда смотрит на всех, кто как торгует, где какие цены. Традиция!

Похожая проблема существует и с этичным обменом. Этика требует, чтобы каждый договор искал объективный, т.е. некий средний для всех уровень, но это принципиально невозможно, тем более когда договариваются только две стороны. Полная объективность - это полный учет мнения всех разумных существ. В каждом обмене этика требует относиться к партнеру как к абстракции, их представляющей, и никак не учитывать его субъективное положение. А иначе этичному человеку вообще окажется выгоднее торговать с максимально бедным - тогда их выгоды максимальны!

Как же выпутаться из этой ситуации? Нынешний насильственный строй прибегает к несправедливым способам, порождая случайные цены - и одновременно закономерные, подчиняющиеся силовым, детерминированным факторам. Этичный рынок преодолет насилие закономерности и найдет нечто красивое - то, что невозможно даже вообразить. Ну а пока мы не дожили до этого счастливого момента, вообразим такую, заведомо некрасивую схему. Отложим пока ситуацию старого товара с известной средней V_0 и рассмотрим вывод на рынок нового товара. V_n никогда не составляет тайны - продавец знает свои затраты. Как быть покупателю? В самом начале, когда для нового товара еще нет никакого среднего, покупатель может ориентироваться на сходный товар, отталкиваясь от V_f , чтобы прийти к своей V_a . Если же нет вообще ничего похожего, то первоначальные обмены так или иначе не будут публичными, потому что потребуют субъективных оценок, возможных только в личной сфере. Именно там, родные поощрят новатора и предложат ему оценку заведомо завышенную (хотя и не монетизированную!). По мере расширения охвата желающих, цена будет быстро падать (и отливаться в реальные деньги), поскольку каждый следующий обмен будет неизбежно учитывать предыдущие - каждый новый покупатель, отстоящий в личном отношении дальше, будет ориентироваться на предыдущее среднее, а не только на свою оценку. Рано или поздно цена устоится и товар станет массовым. Однако, как быть дальше? Устанавливать ее в каждом обмене бессмысленно, т.к. влияние одного обмена исчезающе мало, и неэтично, т.к. не позволяет абстрагироваться. Но и следовать ей - неэтично тоже!

Ситуация становится намного интересней. Однако, надо заметить, что она уже кардинально изменилась. Теперь, когда есть среднее в масштабах общества V_0 , мы можем сказать, что время доступа каждого соответствует этому среднему! Если раньше у людей были проблемы с получением товара, теперь каждый может просто пойти и купить его по средней. Значит можно абстрагироваться от каждого конкретного покупателя, ныне наконец выступающего от лица всего общества, и использовать формальные способы оценки. Во-1-х, цена должна быть средней между V_0 и V_n . И на выходе из личной сферы она такой и будет, поскольку первые обмены шли по явно завышенной цене. Во-2-х, теперь каждый новый обмен должен несколько уменьшать среднее и, соответственно, цену. А поскольку этот процесс идет постоянно, рано или поздно, когда все общество обзаведется новым товаром, да и не по одному разу,

прибыль продавца превратится в ноль, что потребует поиска нового нового. Конечно, уменьшение цены в каждом обмене скорее всего бессмысленно, но важно знать правило, которое вполне этично. Похожая ситуация возникает в случае старого товара с новым V_n . Первый обмен идет по средней между V_0 и V_n , но после каждого обмена V_0 делится на корень степени $2k$ из V_0 / V_n , где k - число прошлых обменов (или уменьшается на $(V_0 - V_n) / 2k$, если мы хотим, чтобы наша фантазия хоть чуточку оставалась в рамках реальности). Если ждать достаточно долго, самый последний обмен будет практически полностью эквивалентным - не только прибыль продавца будет равна прибыли покупателя, но и обе они станут неотличимы от нуля, цена - от средней, а V_n превратится в следующую V_0 .

Так эквивалентный обмен приводит к замечательному результату, а математика в очередной раз доказывает свою бесполезность. Но не в масштабах общества! Уменьшение ценности с V_0 до V_n отражает рост ОБ. А как быть с теми, кто не участвовал в обмене? Кто обладал другими T_c ? Ответ в том, что они точно так же обмениваются между собой - все обмениваются, и по мере роста свободы, все ценности падают всё больше сравниваясь друг с другом. Физические потребности становятся несущественными и на первый план выходят высокие помыслы о вечном. Да, все одинаковые.

- Цена как норма

Оставим бухгалтерию и вернемся к этике. Каждый обмен - это договор, одна сторона которого обещает конкретное благо, а другая оплачивает его. Отсюда, кстати, видно, почему этичное общество полностью открыто - обе стороны должны иметь всю необходимую информацию. Информация, сама по себе, не может являться предметом продажи. Идеальный результат любого договора - норма, нечто служащее прецедентом, и чем этичнее, объективнее норма - тем дольше она служит. Цена, полученная в итоге обмена, и есть такая норма, а значит она должна служить не просто точкой для расчета следующей цены, а, в соответствии с требованием ОЭ, стараться максимально объективно учесть ценность блага. Выходит, этика требует заранее оценить потребность в товаре, число покупателей, просчитать все формулы и угадать итог? Может, в этом и смысл нашей схемы - помочь угадать? Но этот итог, однако, абсолютно непрактичен! Если объективность стремится к нулю, зачем стремиться к объективности?

Продавец жаждет создать и продать наиболее абстрактное благо, которое каждый захочет использовать - чем оно полезней, тем больше покупателей. Покупатель оценивает свою часть пользы - ведь покупателей много. Каждый торговый договор - часть общего процесса оценки блага и теоретически продавец должен получать прибыль вечно, пока есть спрос на его товар. Так и оценивается общая польза - в каждой конкретной транзакции прибыль стремится к нулю, но в целом стремится к объективности. В этом роль "прецедента". Люди следуют норме в индивидуальном поведении, не затрагивающем других, но в процессе поиска согласия, в договоре, они отталкиваются от предыдущей нормы и идут к новой. Каждый покупатель знает предыдущие цены, но все равно ищет объективную на данный момент. И, кстати, тоже делает продавец - он переоценивает каждый раз свой труд, ведь его труд становится все дешевле и дешевле. Новая ценность обесценивает старый труд, но наращивает ценность продавца.

- Неэквивалентный обмен

Что мешает эквивалентному обмену? Насилие. Как следует из формулы СЦ, случайные, субъективные факторы легко возобладают над объективными. Взять срочность. Ее нет, но только для тех продуктов, которых существует достаточно и которые распределены равномерно. То есть всякая мелочь. Но если существенная часть людей постоянно нуждается в чем-то, ценность этой вещи может вырасти до бесконечности! Нужду не следует путать с дефицитностью. Все ценное дефицитно. Но когда человек планирует получить нечто заранее, к моменту нужды, он еще не нуждается. Возьмем для иллюстрации работу. Чем дольше человек без работы, тем скорее он согласится на самую отвратительную. Тот же, кто еще учится в школе, может выбирать будущую специальность продуманно и без спешки. У него даже есть время получить образование. А время доступа? Оно равно, но только для тех товаров, которые крайне дешевы, ведь ныне деньги обладают огромной разницей в ценности. А если кто-то обладает монополией, время доступа всех остальных легко превращается в бесконечность.

Люди, обладающие большими возможностями, находятся в преимущественном положении, нужда их минимальна, благодаря чему они оценивают все ниже и давят на средний уровень вниз. На этическом рынке это привело бы к понижению среднего, чтобы его новое состояние отражало улучшение условий для всех. Но благодаря тому, что эти люди запрашивают от рынка максимальную прибыль, среднее не падает. Напротив, оно растет, т.к. все остальные вынуждены соглашаться на требования первой группы. Богатые любят деньги. Но не ценят. Если отложить по горизонтальной оси "богатство" ($1/Ta$), а по вертикальной - число людей им обладающих, то для этического рынка распределение будет скорее всего нормальным, отражающим распределение естественных способностей и трудолюбия, а для нынешнего - экспоненциальным, отражающим несправедливое расслоение общества. Это различие двух графиков доказывает наличие экономической силы. Свободные, независимые события всегда формируют "колокол", принуждение всегда формирует гиперболу. Но может быть, свобода вообще не может быть описана графиком? Как быть с уникальностью каждого? Увы, пресловутое "равенство" скорее всего будет выглядеть именно так. Ведь нынешнее экспоненциальное распределение богатства одновременно показывает нам и неравномерную ценность денег. Чтобы они могли выполнять свою роль, все должны ценить их более-менее одинаково!

Вот и все, что я смог наразмышлять в муках бессоницы. Бесполезность формул, кошмар цифр, уныние закономерностей... Какое отношение вся эта математика имеет к этике? Никакого. Соответственно, молодые ученые дружно идут в другую область приложения сил. Но прежде чем мы отправимся с ними, сделаем выводы. Надо же иметь хоть какое-то средство против экономики.

В чем прелесть истинного принуждения? В его отсутствии. Ты сам, спотыкаясь от радости, спешешь в рабство. Прелесть процесса такова, что до сих пор полно энтузиастов, отрицающих его существование самым яростным образом. Тем не менее прочувствовать его может всякий, кому как и мне не улыбнулась фортуна. Но даже

"отсутствующее" принуждение должно иметь противоядие. И потому прелесть процесса только подстегнула мой уставший от борьбы со сном и бухгалтерией мозг.

Нет ничего естественней, чем обменять труд на хлеб. Дело очевидно в цене. Но не мучайте калькулятор! Цена не берется из цифр! Если смысл обмена в выгоде, смысла нет. Смысл - открыть в себе оригинальность. Оригинальность - тоже монополия, но правильная. Так этика превращается в эстетику, потому что оригинальность - эстетическая категория. Борьба с капиталом, процентом, прибылью - это борьба за свободу эстетическими средствами. Торгаши отвратительны. Богатство пошло. Банк вульгарен. Творец - намного красивее.

Так что забудьте про науку. Спите спокойно.

Наследование: между чумой и проказой

Не так давно, сразу после начала моей новой, шестой по счету карьеры - теперь писательской, я в очередной раз столкнулся с вопросом о скором конце. Вопрос этот и раньше сталкивался со мной, но с каждой новой карьерой столкновения становились все более чувствительными. Каждая новая карьера убедительно доказывала мне тщетность моих потуг и весьма прозрачно намекала на тот факт, что я давно уже задержался на этом свете. И всякий раз, когда уже готов был согласиться и покинуть этот свет, меня удерживало наследство. Нет, не то что досталось мне, мне как раз почти ничего не досталось, а то что грозило остаться после меня - т.е. совсем ничего. От этих мыслей мне становилось так дурно, что вопрос о конце отпадал сам собой и я вновь принимался за тщетные карьерные потуги, упрямо надеясь хоть что-то из них превратить в наследство.

Ниже - последний результат моих потуг, изложенный в виде размышлений о наследстве. В конце концов, если уж не суждено мне оставить наследство, то пусть останутся хотя бы суждения о наследстве.

1 Зло в нашей жизни

- Расслоение

Итак, наследование. Вещь понятная, знакомая, привычная. Каждый налогоплательщик, переживший смерть богатого дядюшки, а то и сам, не ровен час, собирающийся преподнести далеким племянникам этот горький подарок, наверняка клял государственную власть, неизвестно по какому праву выдирающую из остающихся жалких крох в высшей степени аморальный налог на смерть. Что общего имеет этот налог со справедливостью? В конце концов, разве власть уже не выдрала из этих крох все налоги, какие могла - и подоходные, и недвижимые, и добавленные, и косвенные? По какому праву она сует свои лапы в такую деликатную область человеческих отношений, какое она вообще имеет касательство к добровольной, мирной и вполне законной смерти? Нет ничего удивительного, что все честные люди умирая, стараются в последний момент половчее обмануть государство. Существует целая процветающая отрасль науки по спасению наследства умирающих от вечно живой власти.

Благодаря настоящим профессионалам своего дела, накопленное трудовым горбом предков остается в семье, позволяя наследникам радоваться жизни и свысока плевать на потомков менее удачливых умерших. Настоящие профессионалы не зря едят хлеб. Какой бы высокой не была ставка налога на наследство, все оно в целостности и сохранности передается из поколения в поколение. Не одни ли и те же сытые лица мы видим столетие за столетием на вершине социальной лестницы? И не связано ли как-то с этим фактом то, что внизу названной лестницы мы столетие за столетием видим хоть и другие, но все равно одни и те же лица, правда на этот раз истощенные работой и завистью?

Этот кричащее однообразие как-то слишком уж навязчиво внушает нам вопрос - а так

ли естественно наследование? Так ли уж оно справедливо? Нет, налоги всегда несправедливы, тут даже не о чем думать. Но мы и не думаем. Мы, как всегда, только смотрим и делаем выводы - о том мире, где нет налогов на смерть, а есть только жизнь, свобода и чистая совесть. Предположительно, такое благолепие не может сочетаться с гарантированным, постоянным, закостенелым социальным расслоением из столетия в столетие. Иначе - нахрен это благолепие нужно? Но тогда, как быть с наследованием? Не гарантирует ли оно нам, тем более без этих беззубых государственных налогов, одни и те же вечно сытые лица наверху и вечно изнуренные - внизу?

Прежде чем уверенно ответить "нет", надо убедиться, что в мире свободы, во-1-х, наследование не влечет принуждения, а во-2-х, принуждение не влечет расслоения. Что нам явно не удастся, ибо первое условие самоочевидно, а второе само собой разумеется. Поэтому с него и начнем. Связано ли как-то принуждение с расслоением? Конечно. Если смотреть со стороны принуждения, то его цель - расслоение, а если смотреть со стороны расслоения, то его цель - принуждение. И не только цель, но и средство. В обществе насилия те, кто наверху, имеют все возможности принуждать тех, кто внизу. Вот и все размышления. Аналогично те, кто имеет возможность принуждать, очень скоро оказываются наверху - и причинно следственная связь тут тоже не требует размышлений.

В свете нижеизложенного кажется таким удивительным, что "социальная справедливость", под чем с разной степенью простодушия понимается отсутствие расслоения, так мало ассоциируется в общественном сознании с наследованием. Видимо наследование - вещь слишком уж привычная, знакомая и понятная, тогда как справедливость, напротив - непонятна, непривычна и необычна. Что не мешает этой непостижимой справедливости оставаться вечной путеводной звездой всех и всяческих революций, а также всех и всяческих политических доктрин. Более того, не будет преувеличением сказать, что перераспределение накопленной веками собственности, к которому в итоге сводится этот вечно немислимый идеал, составляло всю суть обозримой с нашей скромной высоты человеческой истории. Тысячи, а может и больше, социальных мыслителей придумывали миллионы способов как бы половчее устроить правила распределения собственности, чтобы никому не было обидно. Каких только теорий они не придумали, от самых лиричных и красивых, больше напоминавших сказки и навеки оставшихся на бумаге, до самых простых и прямых, ради которых было мимоходом утроблено несметное число людей. И все напрасно!

Тем более странно, что так мало внимания по сравнению с теориями капиталов, рынков, государств, демократий и политического равенства, было уделено мыслителями праву наследования, которое не только прямо таки валяется под ногами, но еще при этом бросается в глаза! Может мыслители эти были молоды и не думали о смерти? Или, наоборот, слишком чтили родителей и не слишком - нужду, неотделимую от отсутствия наследства?

- Мыслители о наследовании

Чтобы убедиться в этом, посмотрим, что говорят о наследовании Великие Умы. И сравним с тем, что оные умы говорят о капитале, рынке, демократии и пр. Впрочем, последнее мы наблюдаем ежеминутно, так что сосредоточимся на первом.

Сами идеи об ограничении наследования исходя из гуманных принципов равенства зародились где-то в конце XVIII века, а деятели Великой французской революции даже ненадолго приняли декрет о запрете завещаний - видимо по ошибке, которая была тут же исправлена. Истинно первыми, углядевшими корень зла, были социалисты-утописты, предлагавшие даже учредить особый фонд, распределяющий наследство не среди дармоедов родственников, а среди лучших граждан. Идея была подхвачена менее утопичными социалистами, уже полагавшими оставить родным немного на пропитание. Более последовательными были анархисты, связывающие смерть государства напрямую с запретом наследования. К несчастью там же они усматривали смерть законов, семьи и вообще всего человеческого, чем окончательно отвратили от этой единственной своей здоровой идеи внимание революционной философской общественности. Трудно сказать наверняка, но вероятно анархисты полагали, что в отсутствии наследования все вымрут, а потому не будет ни эксплуататоров, ни общества, ни справедливости. Так или иначе, кровавые революции были анархистам и их корешам коммунистам интереснее мирных, но зато работающих принципов.

Впрочем, оставим этих умников в покое и обратимся к реальности. Что говорят о наследовании поклонники либерализма и капитализма? Самые смысленные из них сообразили, что при капитализме наследование служит не просто неравенству, а неправильному неравенству. Тому, которое вообще говоря, к делу капитализма - т.е. выявлению правильного и заслуженного неравенства - никакого отношения не имеет. Ибо только с отменой наследования, это правильное, естественное неравенство имеет самые благоприятные возможности для полного и справедливого проявления, а уж оно стимулирует развитие капиталистических способностей и тем способствует капиталистическому разделению труда. А это - основа прогресса! Вот, я даже выписал, чтобы не забыть: "...среди людей самые несходные дарования полезны одно другому - различные их продукты, благодаря склонности к торгу и обмену, собираются как бы в одну общую массу, из которой каждый человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается". Правда я не записал, где это вычитал, помню только страницу - 29.

Однако странно, что при этом поклонники прогресса, капитализма и естественного права, тем не менее, тоже не усмотрели в наследовании искажения этих таких естественных для прогресса закономерностей. Либералы тут оказались куда менее прозорливы и весьма неоригинально рассматривали наследственное право как проявление еще более естественных законов природы - законов самосохранения вида и индивидуального самосохранения. То есть, вроде с одной стороны мешает, зато с другой - гораздо больше помогает.

Вот что думали иные мыслители: один "делал вывод, что правовые нормы о наследовании должны соответствовать законам природы, т.е. естественному праву". Другой "считал, что естественное право не имеет никакого отношения к законам о наследовании, что нормы права о наследовании устанавливаются обществом сообразно политическим и гражданским законам своей страны". Третий "обосновывал право завещать свое имущество бессмертием души". Четвертый "считал, что в основу наследственного права должны быть положены нравственные начала, вытекающие из интересов семьи". (Это я выписал из книжки "Очерк истории наследственного права". Хорошая книжка, хоть я и не дочитал ее до конца.)

Вот еще важные цитаты, хоть и на иностранном языке. Цитата №1: "A power to dispose of estates for ever is manifestly absurd. The earth and the fulness of it belongs to every generation, and the preceding one can have no right to bind it up from posterity. Such extension of property is quite unnatural". Цитата №2: "There is no point more difficult to account for than the right we conceive men to have to dispose of their goods after death".

~~As you see~~ Как видите, кто в лес, кто по дрова. Других великих умов я не обнаружил, хотя, признаюсь, долго и не искал в силу наследственной лени. И этот результат, если задуматься, не удивителен. Ибо сама возможность думать и распространять мысли, необходимая великому уму, начинается с получения по наследству доступа к образованию и свободы от необходимости зарабатывать на пропитание, а также правильных моральных ориентиров, не одобряющих поношение благ и одновременное пользование оными. Иными словами, без наследования не было ни великих умов, ни их великих мыслей, благословляющих наследование. А те, что были - очевидное досадное недоразумение, ныне неприемлемое промеж приличных людей.

- Наследование и власть

Да, без наследования наша жизнь вероятно была бы ужасна, потому что наследование - не только источник образованных элитариев и культурных достижений, но и залог стабильности обществ и процветания народов. Я бы добавил - стабильности власти и процветания к ней допущенных. Шутка ли, сколько существует общество, столько существует власть, а как можно передавать власть, если не по наследству? Теоретически есть механизмы, обходящие наследование - например церковные иерархи не могут иметь наследников и им приходится выдумывать иные хитрые способы. Но все эти способы - то же самое наследование, только боком. Я даже сомневаюсь, что бывает серьезная власть без наследования. Правда убедиться в этом случай мне пока не представился. Судите сами.

Наследственное право - вещь относительно недавняя, появившаяся вместе с правом, а то - вместе с имуществом. Но само наследование было всегда. Просто вместо имущества потомкам наследовалось положение, статус, привилегии, принадлежность... можно сказать архаичные формы власти. Нынешние формы власти - финансовые - это уже модерн. С уходом сословий и прочей архаики, власть никуда не делась, несмотря на демократию, либерализм и социализм. На налоги, равенство, соцобеспечение и права человека. На честные и прямые выборы, всепроникающие СМИ, дотошных журналистов и неподкупных судебных стряпчих. То, что представлено нам в виде глав, руководителей и начальников - лишь проявление власти, существующей в глубинах общества. Не причастные к ней не имеют шансов попасть на властные места, им сперва надлежит приобщиться, войти в контакт, приобрести доверие и встроиться в ее силовое поле так, чтобы не было сомнений - их интересы не разойдутся. И поскольку власть теперь финансовая, логично предположить, что бремя наследственного имущества - тот самый якорь, который не позволяет ей покинуть сей бранный мир. В самом деле, чем наследование собственности лучше наследования статусов, должностей, привилегий? Вероятно тем же, чем финансовая власть лучше аристократической - ничем.

Откуда вообще берется власть? От личных способностей подчинить окружающих. Но для серьезной власти одних способностей мало. Такая власть - это еще не власть, это сила, преимущество, авторитет. То, что человек приобрел лично. Власть - это то, что

отлилось в социальный институт, прочно устаканилось в головах окружающих и ассоциируется не с конкретным человеком, а с символом, традицией и законом. Никакой вождь, в одиночку поднявшийся наверх, не смог бы увековечить институт правления - всякий вождь, к счастью, смертен. Его влияние всегда ограничивалось бы его годами и личностью. Символ, с другой стороны, вечен. Откуда же может появиться символ власти, если не отчуждением авторитета от конкретной личности? Что возможно как раз в момент, когда личность безвременно, но навсегда, исчезает. Переход авторитета на уровень социального института возможен только с передачей символов влияния через трагическую черту прямо в руки наследнику. И тогда все последующие поколения оказываются в ситуации уже существующего фатального положения вещей - подчинения и отсутствия возможностей это исправить. Ибо справиться с живым человеком куда легче, чем с бессмертным символом. Не говоря о накопленном имуществе.

Отчужденный авторитет начинает жить своей жизнью, разрастаясь из поколения в поколение независимо от личных качеств его носителей. Занятие властного положения "извне" становится невозможно без специальных усилий, которые уже совсем не те, что требовались для авторитета когда-то. Средства для занятия положения становятся самодостаточно ценными. Их приобретение и накопление требует уже совместных усилий. И разумеется - наследственной передачи. Так формируются "группы поддержки", озабоченные сохранением власти в своих руках. Логика защиты привилегий от доступа посторонних превращает наследование, династические браки и родственное перекрестное опыление в естественные инструменты выживания этих групп.

Собственность тут играет первостепенную роль. Власть неотделима от собственности, даже если собственность формально не принадлежит власти, она неформально контролируется через других. Если выделить до конца суть, власть - символ вечной, не ограниченной пределами жизни собственности, а собственность - способ формирования вечной группы, удерживающей власть. Первое требует второго, а второе - приводит к первому. А оба завязаны на наследовании. Поэтому мне и кажется, что даже у выборных органов нет никакого шанса служить своим наивным выборщикам, а не таинственной закулисе. Тот факт, что формально власть передается из левой руки в правую, никак не влияет на ее характер - консолидированную, отлитую в капиталы, вечную собственность. Отсутствие формальных сословий ничего не меняет в этой схеме. Все выборные должности отлично контролируются, как и сам процесс выборов. Власть, хоть "демократическая", хоть закулисная - это всевозможные капиталы. Пока что демократия убедительно показала - ни "свободный" рынок, ни "разделение" властей, ни "социальная политика" не способны их размыть. Наследование будет всегда, пока будет власть, а власть - пока будет наследование.

- Как спасается наследство

Описанная тривиальная связь социального расслоения и наследования настолько очевидна, что всякому непредвзятому человеку не надо обладать дополнительным великим умом, чтобы заметить ее. Даже социал-демократы умудрились сделать это. Объявив окончательной целью достижение равенства, они рьяно принялись истреблять наследование. Поборы с почивших - обязательный атрибут любого социального государства. В каждом из них введен тот или иной налог, призванный уничтожить

вековую несправедливость и придать наконец обществу человеческий вид. Это и налог на наследство, и налог на дарение, и налог на передачу имущества, и налог подоходный, который взимается, когда наследник неожиданно получает огромный дополнительный доход в виде наследства. Не счесть умных и прозорливых действий социальной демократии по достижению желанного равенства.

Беда только в том, что все без исключения демократии избегают налогооблагать истинное наследование, которое благополучно кочует от отцов к детям, свидетельство чему мы с удивлением наблюдаем из столетия в столетие, что, конечно, способно удивлять только демократов и идиотов. Посмертные налоги скорее устроены так, чтобы не дать накопить капитал людям, которых не особо ждут наверху. Правда во времена социальных или технологических пертурбаций это оказывается сделать трудновато. Даже такой урегулированный и упорядоченный рынок как нынешний, оказывается способен порождать случайные капиталы. Так что старым иерархам приходится то и дело теснить ряды, впуская выскочек. Но что ж делать, пока еще не все у нас отлажено - капитализм еще молод, наука еще жива. Но работа не останавливается и есть надежда, что осталось недолго - практика совершенствуется, рынок матерееет, общество зреет, дозревая до финальной, спелой стадии. Той, где демос будет кряхтя отстегивать родине все наследство, а крания аккуратно передавать свое родне нетронутым.

Как это делается? С помощью простых и удобных инструментов - офшорных и оншорных трастов, организаций (обязательно бесприбыльных), фондов (несомненно благотворительных), ассоциаций, обществ, клубов, орденов и других подобных "некоммерческих" структур. С точки зрения собственности, эти конторы никому не принадлежат, зато им может принадлежать все что угодно - от поместьев, напичканных предметами искусства до торговых марок и прочей интеллектуальной собственности. В результате имущество есть, а с кого брать налог непонятно. Тьма тьмущая... Правда, у каждой конторы обязательно есть выгодополучатель. Когда умирает один, приходит другой, и - удивительно - он оказывается близким родственником, теплым другом или доверенным лицом предыдущего. Впрочем, знать этого нам не дано, ибо траст гарантирует секретность. Схема, явно неподсильная налоговым органам. В чем ее суть? В бесхозной собственности. Да, оказывается, кроме частной собственности, в наше частно-капиталистическое время есть много всякой прочей, не частной, а как бы общей, хотя и не для всех, собственности - например, государственной, муниципальной, колхозной, церковной, королевской и другой, для которой даже нет отдельного имени. Т.е. трастовые конторы - не единственные подобные штуки. В конце концов, любая достаточно большая корпорация тоже в принципе как бы бесхозна - поди разберись кому она принадлежит. С одной стороны - потомственные акционеры, несущие серьезные убытки, с другой - наемные директора, уносящие огромные бонусы. Но конечно при желании во всем можно разобраться. Вот с корпорациями поэтому и разбираются. А с трастами почему-то нет. В результате конторы, обладающие ничейной собственностью, живут сами по себе, а их скромные выгодополучатели - сами по себе. Они их только контролируют - вроде как трудятся там, но в отличие от членов совета директоров, бесплатно.

Кроме трастов есть и другие темные пятна на солнце социал-демократии. Я даже не собираюсь делать вид, что разглядел их все - про свое убогое наследство я уже упомянул. Но кое-что видно и без черных очков. Очень близки нашей теме церковь и иные секты. Как собрание существ исключительно высокоэтичных и озабоченных

исключительно моралью, церковь и ее баснословные богатства тоже как бы никому не принадлежат. Кроме бога, само собой. Церковные иерархи, от верха до низа - не более чем служивый люд, не получающий даже элементарной зарплаты. Неспроста с церковью не берут налогов вообще - не с чего просто брать! Но при этом, заметьте, мало у кого такое влияние и такая власть. Правда, уже не та что раньше, хотя и по иным причинам. И, еще заметьте, власть эта передается тоже по наследству - надо только суметь попасть в наследники.

Этот способ иллюстрирует, что наследство, наследование и наследники бывают не только по крови, но и по дружбе. Более того, именно такое наследование скоро станет преобладающим - когда капитализм созреет до бюрократизма, а государство окончательно превратится в орден потомственных рыцарей. В конце концов собственность важна не сама по себе, а своими благами, и в этом отношении формальная и частная собственность серьезно проигрывает неясной - государственной, бесхозной и доверительной, выражающейся в привилегиях, бонусах и иных ощутимых удобствах, которые уже сложно изъять в виде налогов. Однако легко передать по наследству, пусть и неформально. Главный признак этого волшебного механизма - группа, повязанная теплыми отношениями. Такие истинные друзья возникают всюду, где появляется нужда в передаче собственности между хорошими людьми, будь они родственники или просто знакомые.

2 Родо-племенной атавизм

- Право и договор

К счастью, даже социал-демократия не вечна и есть надежды, что наследование рано или поздно будет истреблено. Но настала пора поставить вопрос об морально-формальных основаниях для этого жестокого акта. Основаниях, подходящих для общества будущего. Итак представим, что власть торжественно почил в бозе и мы живем в свободном обществе. Какой вред может быть от наследования там? Тем более, что в отсутствии власти, вряд ли станет возможным зарабатывать безумные состояния. То есть наследования умеренного, скромного и ограниченного?

Начнем с формальной точки зрения. Разве добровольный договор не является единственным принципом свободы? Является. Только к наследованию это никак не относится. Но разве право собственности не дает право распоряжаться ею? Дает кое-какое. Только к наследованию это опять никак не относится.

Все права, которые, напомним кстати, являются следствием договора, присущи человеку пока он жив. Умерший, как ни прискорбно, правами не обладает. Ни его тело, ни его имущество, ни даже его имя ему уже не принадлежат. Это все принадлежит живым, которые делят это по принятым между ними правилам. В конце концов большинство уже догадалось, что мертвые не могут вечно наблюдать за нами сверху и силой своего бессмертного духа охранять свои тленные останки, отравляя живым жизнь. Право собственности - это исключительная привилегия на доступ к ресурсам. Соответственно, когда субъект перестает физически существовать, исчезает и его привилегия. Ибо все необходимое ему он уже имеет в достатке.

Все мы можем желать чего угодно после нашей смерти. Мы можем даже еще при жизни заключить договор об этом с небом, или, с чуть большим успехом, с кем-нибудь из остающихся. Договор, который мы при всем желании не сможем форсировать после смерти и который, увы, имеет все шансы обнулиться в роковой момент. До тех пор, пока не будет кого-то - знакомых, гарантов, общества, или чего-то - вероятно памяти и совести, кто будет его охранять. То же случится и со всем имуществом. С моментом смерти оно становится бесхозным. Вымороченным. Даже могила. Но раз уж так принято в этом мире, будем считать, что могила - приемлемое имущество для мертвеца. Пусть пользуется какое-то время.

Но может быть завещание - какой-то особый договор? Недаром он такой привычный и естественный?

Конечно особый. Достаточно вспомнить, как с ним обращаются. Составляют в тайне, прячут в сейфе, врут налево и направо. Что же это за договор такой?! Добровольный?! Между кем и кем?! С кем договаривается завещатель, если завещание вскрывается, когда он уже не в состоянии даже слово молвить, не то что подпись подмахнуть. Наследники поставлены перед фактом. Даже в случае неожиданного подарка живой человек может отказаться от него. А тут? Завещатель раздает милости и назначает одних - победителями, других - проигравшими, третьих - распорядителями. С тем, чтобы последние вручили имущество, когда наследник достигнет 40 лет, женится, родит троих детей и разведется. Бред, достойный всего нынешнего цирка.

Да и с точки зрения здравого смысла, завещание - нечто дикое. Если договор - абсолютно понятная и рациональная вещь, то насколько вообще умирающему распоряжаться "своим" имуществом? Да оно уже не его. Он уже перестал им пользоваться. Навсегда! А поскольку он бессилён что-либо с ним сделать, любой договор в такой ситуации должен быть признан недобровольным. Человек банально вынужден как-то что-то придумывать, чтобы избежать своры и дележки, которая, однако, все равно последует.

Договор может быть только добровольным и не односторонним. Завещание - не договор, а насилие над противоположной, произвольно выбранной "стороной", и как всякое насилие, должно быть безоговорочно отвергнуто. По сути же это - благое пожелание. Желать говорят не вредно, но увы, только не в нашем случае. Этичные наследники в любом случае обязаны распорядиться имуществом по совести.

Практичный человек может возразить - раз нельзя завещать, можно подарить. Конечно, всегда можно найти лазейку. Люди способны придумать массу вещей, чтобы испортить то хорошее, что с таким трудом придумали другие. Но не надо забывать, что основа свободного общества - все таки этика, а не хитрозадость. И с точки зрения этики, подарки, заменяющие завещание - то же самое. Даже если формально они более приемлемы, неформально к ним применимо все, сказанное выше. И ниже.

- Детерминизм выживания

Наследование противоположно договору, потому что договор - основа публичной сферы, а наследование - сговор между близкими. Как и любой сговор, наследование ведет нас назад в мутные времена пещер и эволюций.

Желание укрыть собственность в семье чем-то напоминает ограниченность хомяка. Пока человек добивается успехов и набирает социальный вес, только больные на оба полушария могут негодовать. Личное стремление к успеху и ресурсам - это норма, ресурсы необходимы для жизни всем и каждому. Но в чем смысл семейного накопления? К чему эти вечные запасы? Семейное, родовое, клановое и мафиозное накопление - пережиток родо-племенных времен, когда не было возможности договора, когда единственной жизненной целью было само выживание в постоянной борьбе с прочими группировками, а не честное производство благ для всех, как предполагается делать в свободном обществе. Накопление впрямь, про запас и на черный день необходимо, когда нет уверенности что дети смогут получить доступ к ресурсам, что они будут обречены пресмыкаться и унижаться. В мутные времена наследовалось все, даже профессия, место и клиентура. И сейчас еще так? Ну, а кто тут говорит, что мы живем в свободном мире? Мы о свободе пока только мечтаем, хоть и в настоящем времени.

Стремление к выживанию через накопление собственности в те мутные времена было правильно. Но оно неправильно сейчас - оно не позволяет выжить. Нельзя быть свободным когда остальные не свободны. Охомячивание само порождает угрозу насилия и нового детерминизма. Никому не нравится, когда хомяки гребут под себя, пока все остальные честно помнят о будущем коллектива и человечества. Наше время не родо-племенное, семья уже не выживает, она не самодостаточна. Будущее обеспечивается не наследством, а всем обществом. Оно - залог последующего порядка, гарант стабильности общественных норм. Наследование подрывает эти нормы и ставит под угрозу выживание семьи. Оно отрицает само себя. Не об этом ли нам напоминают судьбы всяких мафиозных кланов? Я имею в виду тех, кого уже посадили, а не тех, кто только готовится к этому торжественному моменту.

Интересно сравнить хомячную сущность клана, озабоченного самосохранением, с нормальной коммерческой компанией, ориентированной на честную конкуренцию. Личные связи в компании не мешают формальным. Компания действует в рамках рыночных норм, тогда как клан противопоставляет себя рынку. Партнеры ставят этику выше личных отношений, тогда как у сообщников своя собственная этика - как принято между своими. Нет ничего удивительного в том, что клановая этика в итоге всегда приводит к несправедливости и насилию. Если партнеры четко и честно делят собственность, то кланы, ордена и прочие мутные конторы собственность консолидируют. У друзей нет "главы", а глава клана - это патриарх, пахан, старейшина или вождь, распределяющий блага. Между партнерами справедливость - честность и оценка по результатам. Клановая справедливость - преданность и вручение права на владение по родству или членству. Эта параллель иллюстрирует сходство наследия и сговора, и их отличие от свободных отношений. Или наследование, или рынок. Или этика, или сговор.

- Смешение личного и публичного

Наследование - нечто, перетаскивающее собственность из публичной в личную сферу, а потом, возможно, - опять в публичную. Ни к одной из сфер общества - ни к рынку, ни к любви, это действие отношения не имеет. Почему к рынку - понятно. Никаким обменом, тем более эквивалентным, тут и не пахнет. Формализация подобного обмена

разрушила бы личные отношения, а собственность могла бы уплыть на сторону. Но почему к любви? Ведь наследование - самая естественная вещь! Мораль личной сферы основана на жертве, т.е. безвозмездной передаче собственности. Если рынок требует одних человеческих качеств, то семья - противоположных. И материальные жертвы в личных отношениях абсолютно необходимы. Не менее естественно и воспитание детей - это сплошная родительская жертва. Разве не естественно ее дополнить наследством? Разве семья не альтернативный способ перераспределения собственности?

Ну вы прямо завалили меня глупыми вопросами. Конечно, ответ - нет.

Во-1-х, личная жертва - прежде всего отказ себе в чем-либо, иначе это не жертва, а профанация. Что общего между личной жертвой и завещанием имущества, которое так или иначе оказывается ничейным?

Во-2-х, какова цель истинной жертвы? Помощь и поддержка. Что предполагает нужду в такой помощи. Какой смысл помогать тем, кто и так успешен? Помощь успешным, это не помощь, это какой-то хитрый финансовый проект на будущее. Но какой такой проект планирует умирающий? Что общего между помощью нуждающимся и наследованием? Между добровольной жертвой и вынужденным, полу-обязательным "даром"?

В-3-х, семья, как социальная структура, нацелена на "производство" людей, т.е. на придание иного, нематериального смысла существованию экономическому рациональному агенту. Воспитание детей это не инвестиции в будущее, как любят думать некоторые, это совсем иной нравственный мотив. Причем этот мотив существует параллельно с социально-рыночным. Наличие семьи вовсе не мешает человеку стремиться к материальному успеху, делать карьеру, добиваться финансовых или творческих результатов. Семья и дети существуют в иной плоскости. Как оказывается, что все социальные результаты вдруг превращаются в "инвестиции" детям?

Кроме того, само производство "людей" предполагает воспитание в них чего-то иного, чем материальная оболочка и ресурсы, способствующие выживанию. Придание будущим участниками договора неоправданных благ заранее деформирует их позицию и отношение к другим, уничтожает дух свободы вместо того, чтобы укреплять его в них. Разращение подарками отдаляет человека от свободы и превращает в раба благополучия. Разращенные рабы плодят себеподобных, а не воспитывают людей.

В-4-х, жертва и даже помощь не имеют ничего общего с распределением собственности. Собственность есть статус, успех, результат социальной активности. Это не столько сами экономические ресурсы, сколько их символ. Помощь - это не символ, а самый что ни на есть натуральный ресурс, сущностно необходимый. Помогать, одаривая капиталом - нонсенс.

В-5-х, любые права собственности - это социальный договор. Частная собственность - то, что по договору принадлежит конкретному человеку. Однако, по необъяснимым причинам, завещание всегда предполагает обращение к обществу. Завещателю необходима третья сторона, чтобы помочь разобраться со своей собственностью. И не просто со своей - а еще и со своими близкими, с теми, отношения с кем лежат вне

публичной сферы и любых договоров. Не предполагает ли такой казус фактическое обнуление договора?

Человек, не желающий чрезмерно усложнять жизнь близких своей смертью, заранее заботится о всех финансовых неприятностях, связанных с этим. Например, отложив на этот черный день чуть больше месячной зарплаты. Что плохого тогда в таком "наследовании"? Конечно ничего. Месячной зарплаты хватит как раз на скромные похороны. Все остальное наследование - одновременно как прямой способ разрушить публичную сферу, так и косвенный - личную. В публичной - разделить ее на личные куски и растаскать по семейным углам. А в личной?

Сколько склок и ненависти возникло в отношениях, которые были идеалистично нематериальны, пока насильственно не погружены в рыночные материи? Каково умирающему или тем более вполне живому воображать свою смерть, представлять как родственники будут ссориться и костить безвременно усопшего за "несправедливое" завещание? Испытывать ужас или удовлетворение от будущих раздоров любимых, ставших конкурентами? А гамма страстей, переживаемых наследниками? Ждать завещания и заранее стыдиться своих возможных чувств к покойному - благодарности или обиды? Эта помощь не просто обезличенная, это помощь от человека, которого нет и которого уже нельзя поблагодарить. Насколько все это приемлемо эмоционально и психологически? Очевидно не более и не менее, чем влюбленным составлять брачный контракт и воображать, что кому достанется после развода. И то и другое - следствие пещерного насилия, эгоизма и примата тупости над здравым смыслом. Странно, что все это безобразное шоу вообще дожило до наших времен. Хотя, что тут странного.

Я думаю, вероятная причина в том, что в нашей однообразной, зарегулированной жизни экстравагантные завещания (собачкам, кошкам, телефонным справочникам, не говоря о загробных утехах, обещанных при жизни), а также козни наследников (вплоть до убийств и ускоренных эвтаназий), приносят массу радостных минут скучающим зрителям, особенно тем, кому самим не повезло с подобными развлечениями.

- Развращение наследников

Наследование - это не просто моральная ошибка, это издевательство над личными отношениями. Для человека естественно радоваться прибытку и огорчаться убытку. Но оба эти чувства в минуты печали вызывают стыд, если конечно отношения в семье были основаны на любви, а не рассматривались с самого начала как источник дохода. Любовь и деньги, как выяснено давно и пристрастно, никогда и нигде не смешиваются.

Если же стыда уже нет, налицо нравственное разложение наследников, после которого трагический финал неизбежен. Судьба сына, потерявшего моральный ориентир в результате того, что его отец посвятил себя накоплению достатка в ущерб воспитанию, не составляет секрета тысячи лет - процесс убедительно описан еще Сократом и переписан уже Платоном. Душераздирающие сцены разложения ничуть не изменились за эти тысячи лет. Сначала избыточные деньги лишают человека жизненной цели, потом сковывают его волю, подавляют способности и в конце концов губят. Психология иждивенчества, привычка полагаться на незаработанное, на кого-то еще, расплзается как рак по душе и остальным недоразвитым органам.

Богатство, которое не просто меряется относительно чужого благополучия, а которое и есть само относительное благополучие - верное средство убить в человеке все человеческое. Только знание верного соотношения затрат и результатов позволяет человеку быть моральным и участвовать в договоре. Но богатство - это и есть искажение этого знания. Богатый не ценит затраты - они для него несущественны, не боится ошибок - они легко исправляются, не согласен ждать - он неисправимо испорчен легкостью доступа к любым удовольствиям, не способен на верный выбор - его возможности неисчерпаемы, а чувства притуплены избытком удовольствий.

Моральные проблемы таких масштабов мучают людей, которым несчастливилось обладать совестью, как ни редки они среди счастливицков. Да, и среди обеспеченных людей попадаются стыдящиеся богатства, отторгающие насилие, тонко чувствующие несправедливость и стремящиеся к самовыражению. Мы просто не слышим о них, потому что эти несчастные хоть и понимают все нелепость наследования, предпочитают молча страдать, зная что бедные их все равно не поймут. Те же, кто не может молчать, в один голос утверждают, что наследство поощряет в человеке самое худшее, убивает все живое, разрушает психику, отучает от труда, приучает к наркотикам, навязывает безумие и внушает страх остаться без наследства. Человек не понимающий, что такое успех и в чем смысл жизни - это живой труп, заслуживающий только жалости, а точнее эвтаназии из жалости.

Все это можно наблюдать воочию. В то время как все общество честно трудится и радуется жизни, богатые скопидомы с целью породниться втягивают в семейный круг всякие человеческие отбросы и генный мусор - лживых бессовестных проходимцев, озабоченных только деньгами. А если добавить внутрисемейные браки с целью сохранения капиталов? В результате, в отличие от эволюционного наследования, социальное - механизм самого настоящего неестественного отбора. Вместо задуманного патриархами выживания, мы видим вырождение элиты - не только моральное, но и прямо таки физическое. К сожалению, процесс этот идет крайне медленно.

Потому и некогда богатым рефлексировать - они вымирают. Есть и вторая причина - они уже не способны на это. С чем солидарны многие либеральные мыслители, которые хоть и не порицали наследование в целом, честно отмечали его негативные последствия для разума, особенно привычку к подсказкам, изнеженность, неуверенность, неумение глубоко и целенаправленно мыслить, неспособность планировать и принимать решения. Наследование разлагает и развращает человека, ориентирует его не на поиск своего я, а на стремление вписаться в финансовый, имущественный, иерархический расклад доставшийся ему по наследству. Принуждение идти по стопам подавляет, задает предназначение, лишает индивидуальности. Он уже не в силах отказаться от наследования и стать человеком. Все, что ему остается - передавать наследство дальше, чтоб мучились дети и внуки.

3 Смерть публичной сферы

- Атака на рынок

Но как бы ужасно не выглядело разложение личной сферы, публичная - вот что является настоящей жертвой наследования.

Эквивалентный обмен происходит по цене, которая отражает суммарные потребности и возможности всех участников этичного рынка. Любое отклонение дает преимущество кому-то за счет кого-то. Случайное отклонение не страшно, страшно систематическое. Тут-то и вступает в дело капитал, навсегда склоняя податливую фортуна в свою сторону, и чем больше разница "весов" торговых сторон, тем заметнее лапа детерминизма. Дело не спасает ничто, даже любимая экономистами "совершенная" конкуренция. Особенно заметна роль капитала на рынке труда, где наниматели как правило богаче нанимаемых. Капиталист может добровольно не нанять рабочего и ничего не потеряет, а рабочий может добровольно умереть без работы с голоду. Такая позиция богатого покупателя давит на цену товара (в данном случае цену рабочей силы) вниз, помогая ему получить лучшие по сравнению со справедливой ценой условия. В случае, когда богатый продает, большая потребность в товаре бедного помогает богатому поднять цену, опять получая дополнительные преимущества. Общий принцип обмена между неравными сторонами таков - чем меньше у участника сделки потребность в ней, тем больше его возможности. У богатых потребность всегда меньше, потому что у них уже есть больше собственности. Любой товар им не так нужен, как бедным. Если же вдруг и богатому и бедному какой-то товар оказался нужен одинаково сильно, богатый всегда сможет перебить цену бедного и оставить его ни с чем - его потребность в деньгах также меньше. Т.е. деньги для него имеют меньшую ценность. Легко заметить, что идея капитала не согласуется с идеей денег - деньги не могут служить универсальной мерой ценностей и иметь возможность выражать выгоду разных людей, если их ценность не одинакова для всех.

Говоря абстрактно, рыночный обмен - это попытка уменьшить потребности и увеличить возможности путем их предварительного согласования с остальными участниками рынка. Учитывая, что потребности одной стороны - это возможности второй, только равный масштаб сторон может гарантировать равноценный обмен. Иначе даже равный обмен затрагивает стороны диспропорционально, еще больше увеличивая неравенство. Богатый - это тот, у кого больше возможности и меньше потребности, выравнить обмен в таких условиях можно одним способом - дожидаться, когда он помрет. Этот фатальный результат оказывается лежащим за пределами науки экономики по той причине, что потребности и возможности слишком субъективны, чтобы служить точной науке. Искажения, однако, прекрасно проявляются на ненаучном уровне, где вечно богатые и вечно бедные никак не найдут общего языка.

Обмен обладает многими странными особенностями, препятствующими равноценности и эквивалентности. Вступая в обмен, нуждающиеся заведомо ценят желаемое больше, чем оно ценно "в среднем по больнице", а продавец как правило имеет меньшую нужду. Частенько сама "нужда" возникает просто от того, что кто-то излишне преуспевает. Расслоение всячески воспроизводит само себя и полное равенство безусловно невозможно. Рынок творит экспоненту, лишаящую свободы большинство населения. Эта закономерность - такая же объективная рыночная сила, как и весь окружающий детерминизм. Чтобы преодолеть ее, необходимо стремиться не к совершенной конкуренции, а к совершенной эквивалентности. Тот факт, что в природе нет совершенства, не может нас остановить. Однако мы еще в самом начале этого пути и пока эквивалентность с таким трудом и бессоницей идет в руки, можно воспользоваться хотя бы самыми простыми способами. Например вносить в неэтичный рынок разумные коррективы. Отказ от наследования - вполне разумная альтернатива

ежегодной добровольной раздаче денег бедным.

Другой вредный аспект чрезмерных капиталов - они превращают людей в паразитов. Паразитизм естествен в природе, но совсем не обязательно - в обществе. На этическом рынке паразитом стать трудно. Но когда у паразита есть капитал, этический рынок исчезает. Капитал - такая сумма которая не только растет сама по себе, но и позволяет кормиться на этом. Капитал, возможно, необходим для инвестиций, но ниоткуда не следует, что он должен принадлежать одному рту. Паразиты накапливают капитал не столько ловким экономическим насилием в обмене, сколько другими методами. Ибо заимев капитал непонятно каким образом, они становятся внерыночными игроками - их больше не волнуют потребности экономики и польза других. Они превращаются в хранителей капитала и принципиальных врагов свободы. Эти враги озабочены, и не в хорошем смысле, любыми внерыночными механизмами (личные связи, олигархия, династические браки), препятствующими честной конкуренции и кооперации. Вот она - паразитическая логика наследования!

- Справедливость рынка

Но можно ли говорить о такой материи, как этичность рынка? Конечно нет, если рассматривать рынок сам по себе, независимо от его приложения к обществу. Рынок - инструмент, механизм и способ, у него нет морали. Силы рынка, как и остальной неразумной природы, создают несправедливость когда этому способствуют сами люди. Например дождь объективно реален, но несправедливо заставлять мокнуть одних за счет других. Также на рынке - свободный обмен порождает несправедливость тогда, когда люди позволяют одним пользоваться его возможностями за счет других.

Рынок - порождение свободы, ибо отнять собственность проще насилием. В рынке нет никакого другого смысла, кроме возможности человеку освободиться и стать самим собой. Рынок не должен быть оптимальным, эффективным, снабжать всех хлебом и зрелищами. Это все - побочные результаты, возникающие тогда, когда каждый приносит пользу всем. Рынок должен давать каждому возможность максимально свободно проявить себя. И ничего больше. Вся другая эффективность вытекает отсюда. Другой эффективности просто неоткуда взяться, потому что самый ценный экономический ресурс - человеческие способности и таланты. И иначе, как честным и этическим рынком его распределить никак не получится.

Если личная сфера производит биологическую оболочку людей, то рынок производит их экономическую сущность - позволяет вскрыть, углубить и применить их способности и трудолюбие на радость всем. И в соответствии с этим распределить собственность. Собственность - неотчуждаемая характеристика человека и наиболее объективная его оценка. Вот в этой объективности - единственная справедливость рынка. Но как оценка может быть объективной, если она с самого начала искажена наследованием? Как она вообще может передаваться? Польза приносимая человеком не может быть объективно оценена людьми, если они имеют преимущество перед ним, или могут повлиять на него. Равно как и он на них. Только полная независимость и сходные условия существования сделают сравнимыми их потребности. А это и есть условия договора - отсутствие насилия! Нужда - это ограничитель свободы, ведь если кто-то чрезвычайно нуждается в чем-то - он уже не свободен. Но излишки - это ограничитель свободы других, потому что теперь другие оказываются нуждающимися. Потребности и

возможности относительны. Нужда, как и излишки, не должна влиять на объективность, ведь другие не виноваты, если у кого-то личные проблемы. Достигнуть такой персональной объективности помогли бы практические меры. Отмена наследования, я имею в виду.

Наследование препятствует договору, в который включается каждый новый член общества. Имея за собой тайную поддержку других, нечестный противопоставляет себя тем, кто действует в одиночку, честно полагаясь на свои силы. Мафиозные кланы, повязанные кровью хоть по родству, хоть по делам, как и любая группировка должны оставаться вне пределов рынка. Пусть живут где-нибудь в лесу. Клановая мораль противоречит свободе, привязанному к своему роду человеку не нужен рынок. Что он там будет делать? Он доверяет только своим. Мой дом - моя крепость? Вот пусть там и сидит, пусть там и торгует.

До тех пор, пока с наследованием вопрос не решен, вопрос справедливости будет также упираться в вопрос первоначального присвоения. Не будь наследования, вопрос бы как-то решился. В чем вопрос? В том, что только полные идеалисты могут полагать, будто первая собственность была присвоена справедливым образом, например путем смешивания долгого, тяжелого и упорного труда с ничейными ресурсами. Реальность была куда быстрее и легче. И несправедливее. Тем не менее за давностью лет, сторонники "исторической" (а я бы сказал кровавой, ибо история эта кровава хлеще некуда) справедливости считают справедливым то, что получилось в результате доисторических военных авантур и что продолжает удерживаться с тех пор в девственно-несправедливой чистоте благодаря насильственно-наследственным обменам. Несмотря на изящество такого этического принципа, нормальный человек над ним даже смеяться постыдится.

С точки зрения нормального человека, наследование - не что иное как узаконенное насилие, потому что все первоначальное приобретение было таковым. И не только первоначальное. Еще и сейчас, в условиях системного и систематического насилия, едва ли можно найти действительно крупную собственность, приобретенную справедливо. Впрочем, мелкую тоже. Настоящая частная собственность - следствие договора, свободы и добровольности. Значит, пока не решен вопрос первоначального присвоения, все нынешние капиталы нелегитимны. Нетрудно видеть, что единственный реально работающий способ вырваться из этого заколдованного круга - не изъятие и не передел, а отказ от наследования. В случае, если сам отказ, разумеется, реально заработает.

- Корень аморальности

Социальная справедливость требует обязательного уравнивания стартовых условий - это ощущение кроется где-то в самой глубине моральной машины разума, в самом центре ее двигателя. В любой игре, тем более такой серьезной как жизнь, карты должны быть розданы честно. И если глубинные нравственные чувства нам не лгут - наследование в высшей степени аморально.

Да, можно опять вернуться к неразумной природе и посетовать, что та не знает справедливости. Можно извлечь из загашников занюханые в пыль возражения, что уравнивать - дело пустое. Можно состроить скорбную физиономию и погрузить, что

нашему хилому разуму не под силу провести черту между наследством и наследованием. Но речь не об этом. Оставив природе природное, следует озаботиться человеческим. Пусть природа кладет карты как ей хочется - никому не придет в голову считать это жульничеством. С неразумной какой спрос? Но пусть люди не вмешивают своих трюков. В любом деле несправедливость возникает там, где они прикладывают свои нечистые руки.

Можно ли увидеть эту аморальность невооруженным взглядом? Конечно. Если бы не наследование, зачем власть имущие копили бы столько богатств? Откуда у них появилась бы такая всепоглощающая алчность? Пошли бы они на бесконечные войны и преступления ради своих капиталов? А показная роскошь нуворишей? Разве она не вызвана стремлением "не отстать" от потомственных паразитов, рознично-оптовой знати или аристократии банковского процента? Нуждой лезть из кожи вон ради доступа в высокие круги? Получить их признание, завести связи и опять передать все это дальше? В конце концов важно не само богатство - важна разница в его уровнях. А не будь наследования - откуда взялась бы эта головокружительная разница?

Многие наивные считают, что это как раз хамоватые временщики оставляют за собой выжженное поле, а родовая знать напротив, благородно заботится о процветании подданных, которых ее потомкам еще стричь и стричь. Но временщики гребут и хапают тоже поэтому - чтобы стать знатью и оставить детям. В конечном итоге, любой хапательный мотив сводится к этому заезженному моральному оправданию: не ради себя стараюсь, все - им! Все - детям! Как всегда, самые низкие дела прикрывают самыми высокими словами.

Наследование - атавизм жадности, прикрытый и спрятанный на уровне семьи. Если за личную мораль отвечает совесть, то за семейную не отвечает никто. Традиции надо блюсти независимо ни от чего. Как можно не передать детям то, что было получено самим? Заработанное своим горбом - предмет гордости, полученное даром - бремя ответственности. Свое можно пожертвовать, чужое надо хранить. Скардность становится семейной традицией, наследование берет в заложники, а имущество накладывает нравственный груз. Тут уж не до этики.

Аморальность, проявляющаяся на виду, а верхушка - самая видимая часть общества, калечит все общество, поскольку мораль - его единственная основа. Потеря этического ориентира, вызванная возможностью передавать из поколения в поколение награбленное, лежит в корне многих моральных бед. А может - вообще всех. Тут и страсть к деньгам, как к абсолютному благу, и враждебность, и беззаконие, и бог знает что еще. Давно изучены и заучены все корреляции между степенью расслоения и уровнями социальных пороков - преступностью, самоубийствами, детской и взрослой смертностью, болезнями, наркоманией, неграмотностью и т.д. И что? Ничего, воз и ныне там.

Мне представляется, что без наследования, люди куда легче бы осознали простую мысль, что деньги не самоцель, что цель на самом деле - благо, которое каждый приносит всем. Накопительство - моральная болезнь. Оно вытесняет благо прибылью, других своими, а общество - наследниками. Рынок превращается в поле экономической войны, где хороши любые средства, потому что они дают возможность дальнейших бесконечных побед. Сотрудничество превращается в борьбу, а деньги - в запасы оружия

и средство порабощения, а не благодарность за проданные блага. Пока существует наследование, коррупция публичной сферы неизбежна и неизлечима.

- Планирование

Но может быть в наследовании есть какая-то польза, помимо возвращения рафинированных элитариев? Может она позволяет видеть и планировать дальше? Делать серьезные капитальные инвестиции, невозможные иначе? Браться за решение глобальных проблем, недоступных мелким экономическим агентам?

Наоборот - принадлежащий одному собственнику капитал не способен эффективно функционировать. Управление им, принятие решений об инвестициях, равно как и проедание - дело профессионалов. Вообще, логика любого бизнеса приличного размера не вяжется с семейными делами. Горизонт планирования задается не прозорливостью хозяина, а размером оборота и спецификой отрасли, и этот горизонт по-всякому дальше горизонта семьи и наследников. В конце концов бизнес - это серьезная структура, а жизнь - хрупкая вещь. Только бизнес, независимый от прихоти фортуны в лице безвременной кончины или безалаберного отпрыска, может планироваться так, как требуется ему и обществу.

Наследование не только не помогает планировать дальше - оно мешает планировать дальше. Вспомним теорию игр. Только игрок заинтересованный в своей репутации и долгосрочном сотрудничестве, не будет обманывать. Но что помешает это сделать человеку, уходящему из жизни? Особенно если он знает, что уворованное успешно передаст детям? А вот если он вспомнит, что передать не получится, раз? И два, что его репутация отразится на репутации его детей, если они примут наследство, когда никто больше этим не страдает? Наследование разрушает долгосрочное планирование. Оно позволяет закончить игру, сохранив выигрыш и тем путает все долгосрочные планы партнеров.

Бизнес требует специализации. И интересы, и способности людей различаются - как владельцы крупного бизнеса могут полагаться тут на наследников? Человек например предпочел бы сохранить дело жизни, передав его кому-то увлеченному и бескорыстному, а не развращенным и бездарным детям, которые скорее всего разрушат созданное им в силу алчности и глупости, но не может сделать этого изза традиций и общественного мнения? Какое тут может быть планирование? Бизнес требует и определенной среды - не только этики, но и права, институтов и прочих культурных механизмов. Надо ли говорить, что все это - включая кадры - обеспечивает общество, а не отпрыски? Общество, а значит и отсутствие наследования, гарантирует бизнесу максимальные перспективы и возможность планирования.

Но возможно ли планирование и сами инвестиции без капитала? Как убеждает нас теоретическая обслуга богатых накопителей, если раздать бедным принадлежащее их хозяевам, весь капитал будет немедленно проеден, средства производства распроданы и наступит всеобщая разруха. Прилежные наследники, оказываются, стараются сберечь наследство, приумножить его и вложить в дело исключительно ради нашей общей пользы. Обслуге невдомек, что деньги никуда не деваются. Будучи розданы бедным, они увеличат спрос, который подтолкнет экономику в правильном направлении - туда, где производится то, что реально нужно. А если часть спроса окажется

неудовлетворена, избыточным деньгам просто некуда будет деться, кроме как слиться в капиталы и пойти в производство. Только уже не в руки одного скопидома, а в общий котел. Практика народного капитализма показала возможность формирования крупных инвестиционных ресурсов из множества мелких. Слава богу банки уже научились собирать деньги вкладчиков не только для того, чтобы навсегда умыкнуть их. Капитал в одних руках - это извращение и экономическое оружие. В общих - здоровое средство прогресса.

4 Спасение души и свободы

- Кульминация этики

Несмотря на экономообразность вопроса о долгосрочном планировании, он на самом деле напрямую касается этики. Иными словами его можно переформулировать так - какова цель инвестиций, которые наверняка принесут доход после смерти инвестора? В чем их смысл, в чем смысл его бизнеса и заодно смысл его жизни?

Только общество вечно. Создание чего-то непреходящего - какой-либо экономический или культурный результат - это в сущности вклад в общество. Разве люди, произведшие такой вклад, отдают его, завещают его детям? Как можно завещать свое изобретение, славу, имя? Но и деньги тоже - это оценка вклада в общество, это публичная, а не личная сфера. А как можно заменить деньгами личные отношения, участие в воспитании детей, создание семейной атмосферы? Зато вполне можно любить семью, положить на ее алтарь все свои душевные силы, вырастить детей, которым иможно гордиться - в том числе тем, что они сами добиваются успеха, что они состоялись как достойные члены общества - и при этом вложить все деньги в то дело, которое служит всему обществу, приносит пользу всем. Как призван приносить любой действительно ценный - и экономически, и культурно - результат.

Мы живем в эпоху, когда родо-племенные структуры давно разрушены и заменены индивидуально-коллективными. Разве не естественно заменить архаичное наследование истинным душеспасением - во имя человечества? Общество как целое нуждается во множестве вещей, выгода от которых лежит вне пределов жизни индивида. Разве не естественно было бы уходящему из жизни человеку посвятить плоды своих праведных трудов общему будущему? Например, тому, что плохо вписывается в практичный, расчетливый рынок - научным, инфраструктурным, культурным, творческим проектам? Причем тут количество потребностей таково, что человек мог бы свободно выбирать, что он считает самым важным и нужным, это стало бы его фактически второй жизненной целью - хоть и после жизни?

Выгода, которая главенствует в публичной сфере, может контролироваться рассудком только в том случае, если он этичен - если он помнит о вечном. Чувства, толкающие людей к поиску выгоды, не могут распространяться дальше смерти. "Чувство наследования" лежит за этим пределом, оно не могло появиться эволюционно. Только разум заглядывает дальше смерти. Таким образом, выгода, накопление, польза и прочие рациональные мотивы, становятся чисто разумными, когда время планирования выходит за пределы жизни. А значит жадность и корысть, перестают играть роль в таких расчетах. Но разум видит в будущем только общее благо. В будущем

есть только потомки, все наследники в конце концов сливаются в один коллектив. Таким образом, накопление богатства с целью передачи по наследству - противоречит как "естественной" природе человека (чувству корысти), так и "искусственной" (разуму). Это просто болезнь, хоть и массовая.

Вылечиться можно лишь почувствовав себя человеком, осознав свою принадлежность к людям, а не к кучке таких же дегенератов. Человек - идентичность, рождающая объективную этику. Отказ от наследования это ее проявление, в этом вся ее суть - успех общества и человечества, это явное постулирование общего блага в противовес личному эгоизму, рассматривающему окружающих как врагов семьи, рода, племени и прочих групп, не способных к самостоятельному существованию в публичной сфере.

Нет ничего удивительного в том, что некоторые заметные обладатели несметных богатств ближе к смерти начинают осознавать все эти очевидные вещи и наслаждаются редкой возможностью остаться в памяти потомков не только душегубом, но и душелюбом. Владея капиталом, достаточным для того, чтобы организовать о себе память недоступную даже миллиону смертных если они сложатся, эти неглупые люди используют его на всю катушку пользуясь их же глупостью. Создавая музеи, коллекции, университеты, благотворительные фонды и т.д. своего имени, они смотрят далеко вперед. Как раз туда, куда указывает объективная этика. Но все же недостаточно. Потому что объективная этика, в отличие от легковверных почитателей всего заметного и богатого, легко различит корыстные мотивы во всей подобной деятельности и отвергнет их как недостойные этичного человека. Я ни минуты не сомневаюсь, что наши достаточно далекие потомки еще посмеются над потугами этих благодетелей увековечить свои имена таким примитивным способом, и презрительно вычеркнут их из памяти человечества.

- Рынок "будущего"

Когда-то наследование являлось способом стабилизировать построение властных пирамид, придать им устойчивость и тем способствовать победе первобытного племени над врагами. Слава богу те варварские времена вот-вот закончатся. Не так долго осталось до того момента, когда нынешние уже почти цивилизованные племена перестанут экономически донимать друг друга, используя как оружие капиталы накопленные путем постыдного грабежа собственного и чужого населения.

Но как свободные люди будут распоряжаться плодами трудов тяжких? Накопленное не исчезнет, если просто сказать ему "нет".

Свободное общество не нуждается в сакральной собственности, освященной беспредельной жадностью - даже после смерти. В собственности вообще нет ничего сакрального. Поэтому вся сакральная собственность, которая мешает людям, если находится в незаслуженных руках, в конце жизни идет служить будущему - поступает тем, кто сейчас работает вне или на пределе рынка. Где выгода неочевидна, недостижима или неэтична. Так сформируется альтернативный рынок, на котором будут распределяться социальные приоритеты. Это распределение, в отличие от нынешнего государственного финансирования, когда власть раздает чужие деньги, станет добровольным, люди будут отдавать свои деньги, в соответствии со своими взглядами и желаниями, почти как на обычном рынке. Только покупать они там будут

не личные потребительские блага, а будущие общие. Это будет истинной благотворительностью - прямой, личной и целенаправленной.

Люди, работающие в этих областях, избавятся от необходимости угождать сиюминутным меркантильным интересам, главенствующим на диком рынке или в кулуарах власти. Их успех будет определяться другими критериями. Ученым не надо будет унижительно выпрашивать гранты и кормить бюрократию выделяющую финансирование, им можно будет наконец заняться исследованиями, а не поиском того, что должно немедленно принести прибыль. Музыкантам и художникам не надо будет искать покровителей, меценатов и связи в тех госструктурах, что занимаются "поддержкой" культуры, а фактически раздают подачки приближенным. Искусство вырвется из власти толпы и объятий торгашей, проталкивающих и навязывающих пошлятину. Оно найдет куда более правильный оценочный механизм - угождающие толпе останутся с толпой, а высокое искусство займет истинных ценителей - тех, у кого вкус соответствует добытому в жизни успеху. Общественная инфраструктура получит постоянный источник финансирования, образование станет бесплатным, а медицина приобретет возможность оказывать безвозмездные услуги - если в таких появится необходимость. Общественные блага, требующие долгих переговоров и неординарных решений, станут расти как после дождя. Но главное - изменятся моральные приоритеты. Накопление капиталов станет неприличным. Этика докажет, что люди способны творить благо сами по себе, без всякого принуждения.

Рынок "будущего" освобождается от минутных влияний и потребностей. Конечно, этичный обмен уже предполагает бесконечное планирование, но помня что реальность пока плохо сочетается с этикой, я допускаю, что горизонт планирования все же будет зависеть, например, от возраста человека. Молодежь нетерпелива, а зрелые загружены семьей. Но чем мудрее, тем дальше видно. Человек на пороге смерти думает только о вечном и способен оценить то, чем в другое время ему было недосуг заниматься. Такое "публичное наследование" - это практическое благо, которое дает возможность практического решения проблемы объективности, пока она не стала менее трудной. До тех пор, пока люди и общество не научатся объективно оценивать пользу любой деятельности и результата, публичное наследование компенсирует эту необъективность, позволяя хотя бы частично обеспечить непрагматичные общественные блага. Объективность оценки получателя средств, его труда и продукта гарантирует, что он так же и даже больше заслуживает их, как и тот, кто удовлетворяет насущные потребности. Наконец те, кто приносит пользу, которую невозможно измерить быстро или в пределах любого разумного инвестиционного цикла, смогут быть оценены. Мы получаем механизм, гарантирующий оценку любых гуманитарных, моральных и других экономически "бесполезных" проектов, который сейчас финансируются государством через коррупционные схемы - гранты, лоббирование, связи, престиж и т.п.

Но как это будет работать? Не значит ли это, что деньги будут получать те, кто их не заслужил? Ведь только рынок способен оценить полезность продукта, труда и человека? Нет, потому что это - тоже рынок. Просто человек, давая деньги перед смертью на конкретные полезные дела, как бы покупает их от имени всего общества. Но разве с моральной точки зрения такая раздача средств не вредна? Не разрушает этику публичной сферы? Конечно, покупка эта своеобразна - обмен получается неэквивалентный, покупатель не получит практическую выгоду от покупки. Но, с

другой стороны, эквивалентный, если считать полученное благо. Но что получает человек? Он получает обещания общей пользы. А обещания - это те же деньги! Как символично - личные обещания обмениваются на общественные! Принимая завещанное, продавец связывает себя долгом, от которого ему, как этичному человеку невозможно отказаться. Он обязан выполнить его - и значит принести обществу обещанную умершему пользу.

- Несвященная собственность

Как может быть практически организован рынок будущего мне гадать не с руки в силу слабости воображения. Подозреваю только, что он будет таким же свободным, как и само общество - выбор, куда и сколько дать, всегда останется за дающими. Бессмысленны и другие гадания о будущих деталях публичной сферы, но, признаюсь, очень уж соблазнительно помечтать. Тем паче, что жить в ту пору прекрасную мне точно не доведется.

Например, если каким-то образом собственность оказалась брошенной и бесхозной, ее вполне можно продать и выручку приложить всем поровну на счет. Или вообще изъять из обращения. Еще одним вариантом может стать "общественное наследство" - безвозмездный кредит каждому вступающему в жизнь. А как быть с недвижимостью и земельными угодьями? Наследники там выросли, хранят нежные воспоминания... как-то жестоко лишать людей детства. Я думаю, семейное гнездо вполне приемлемо оставить потомкам, если оно не слишком большое. В конце концов отчий дом иногда нужен всем, в трудные или радостные минуты. Отсюда кстати следует, что чрезмерную недвижимость не будет никакого смысла приобретать - скромность таким образом станет общей добродетелью.

Теперь о нерыночной, трастовой и иной тайной собственности, нарушающей работу рынка и всей публичной сферы. Это очаги субъективизма, рассадники клановости и бюрократии. Доступ к собственности в такой структуре не следует путать с карьерой в нормальной, рыночной компании, где честолюбец получает зарплату, но не становится собственником. В нерыночных структурах - церкви, благотворительных, государственных и другие организациях без хозяев - карьера дает доступ к материальным благам, не связанным с зарплатой. Поскольку на них не давит рынок, ничто, кроме совести, не мешает бюрократам пользоваться общей собственностью конторы, как своей личной.

Как бороться? Да просто! На этичном рынке любая структура должна иметь хозяев и их смена должна производиться рыночными методами, т.е. нормальным выкупом долей и прав. В прозрачной экономике с этим нет проблем - все права хорошо определены и разделены. Сама собственность может принадлежать конторе вечно, важно лишь, чтобы сама контора кому-то принадлежала. Поэтому всякие ничейные корпорации приватизируются и никакой "общей", "коллективной" и иной размытой собственности просто не будет. И тогда, кстати, возможно хозяевами церкви станут те, кто в это верит - прихожане, а служащие займутся их обслуживанием, а не чтением моралей об умеренности в выгоде и неумеренности в любви. Хотя, откуда в этичном обществе церковь? Возможно когда настанет пора вывернуть карманы, церковь покажет свое истинное лицо - и помрет заслуженной смертью. А впрочем... что это я размечтался?

Ну вот вроде все и сказал - даже пойдет в качестве завещания. Этаким наказ грядущим поколениям. Не подведите, потомки! Наказал, и легче стало - жил не зря, пусть наследство не оставил, зато уму разуму поучил. Да и от мыслей избавился, они ведь у меня вроде капиталов, только наоборот - не помогают, а мешают. Больше не надо думать о том, как их изложить, куда пристроить изложенное, куда выбросить непристроенное. Именно в такой момент становится видна бессмысленность всякого накопительства: нет наследства - нет проблем.

Культ свободы

Друзья!

Был в моей жизни период о котором неприятно вспоминать. Лишили меня недруги самого святого, что есть у человека - свободы. Был я чист перед совестью, только глуп как пенек и наивен как мотылек. За что и поплатился. Но пуще всего мне, лишенному, не хватало вас. Принялся я тогда писать вам письма, как натуральный псих. Да и то сказать - долго ли свихнуться от одиночества? Написал аж на целую монографию, с картинками и графиками. Запечатывал их и посылал - туда, в большой мир. И так мне становилось легко, словно не в неволе я вовсе сидел, а наоборот, это за стенами неволя, а внутри - свобода.

Но все в этом мире, большой он или малый, подходит к концу. А значит пора и нам расстаться. Кончается мое заточение, иссякают чернила. Все что мучило меня неясностью - прояснилось, невысказанностью - высказалось, больше мне добавить нечего. Давайте на прощание, если вы не против, окинем взором тот путь, что проделала наша мысль - из темницы невежества к свету знаний. Спросим себя, туда ли мы попали?

1 Теория

- Начнем с главного. Что такое свобода?

О свободе можно говорить бесконечно, поскольку она необъятна и не постигается разумом непосредственно, напрямую. Каждый свободный человек волен дать свое определение свободы и в этом тоже заключается свобода. Поскольку точное определение свободы невозможно, ее можно определить от противного, например, как противоположность насилию, или как противоположность детерминизму. Но в любом случае можно определенно сказать, что свобода присуща мирозданию и, более того, все движение, что происходит в нем, в конечном итоге направленно к свободе. Эта направленность проявляется в появлении и накоплении непредсказуемого, нового - в том, что мы называем "эволюцией" материи. В этом отличие свободы от случайности.

- Любое определение от противного неполно. Тогда что такое детерминизм?

Это противоположное свободе свойство мироздания - закономерность, повторяемость, регулярность. Оно проявляется в том, что одинаковые процессы при одинаковых условиях всегда приводят к одинаковому результату. Причем даже случайный результат на самом деле подчиняется законам вероятности. Человек, когда является частью процесса, ощущает его как принуждающую силу, воздействие, заставление, влияние, насилие. А свободу человек ощущает как собственную волю, способность преодолевать детерминизм и создавать то, чего еще не было.

- Однако наука доказывает, что свобода - фикция, ибо все в мироздании подчиняется законам. Ощущение свободной воли - просто хитрая иллюзия. На

самом деле воли нет, у всякого действия есть причины. Так ли это?

Разумеется нет. Свобода воли - реальна так же как реально существование собственного "я". Одно без другого невозможно. Что касается законов, наука ограничена детерминизмом, потому что все остальное не поддается анализу. Нетрудно догадаться, что "остальное" - как раз и есть свобода и все что с ней связано. Например, этика.

- А что такое этика?

Этика помогает выработать правила деятельности разумных существ. Человека, как частичку реальности, влечет к свободе, но одного влечения для появления этики недостаточно. Необходим разум, познающий причинно-следственные связи. Знание последствий позволяет человеку ставить цели и действовать осмысленно. Правильные действия делают мир свободнее. Можно сказать, что этика - это проявления свободы в обществе, это свобода дополненная разумом.

- Некоторые ученые настаивают, что правила этики, так как они очевидно существуют, вытекают из объективных законов, например законов эволюции, выживания, конкуренции/кооперации и т.п. Ученые опять ошибаются?

Да. Тот, кто начинает с обоснования этики генами, гормонами, эволюцией или теорией игр, обычно заканчивает оправданием любых гнусностей. Из законов не может вытекать ни свободы, ни этики. Может вытекать только ложная этика, оправдывающая насилие во имя выживания, благополучия и т.п. Подобная этика не может быть объективной, поскольку она всегда служит субъекту - человеку или группе. Объективная этика может быть основана только на свободе.

- Почему такая этика называется "объективной"?

Потому что свобода объективна так же как и детерминизм, это две стороны объективной реальности.

- Но тогда значит этика закономерно вытекает из реальности. Разве это не противоречие?

Этика вытекает из объективной реальности и одновременно - не вытекает. Это один из многих парадоксов свободы, благодаря которым она не поддается изучению. Этика требует улучшить, усовершенствовать реальность. Очевидно, такая цель и следует из существующей реальности, и отрицает ее.

- Как же долженствование может вытекать из фактов реальности? Как быть с проблемой "есть/должно", над которой философы бьются веками?

Да, существуют факты реальности, из которых следует долженствование. Эти факты - следствия самой свободы. Но поскольку свобода не поддается изучению, из этих фактов нельзя дедуктивно вывести никакие этические нормы. В результате мы имеем моральный долг, но не имеем никаких указаний на то, каков он.

- И какие же это факты реальности?

Это факты наличия у человека воли, способности познавать мир и возможности действовать. Иными словами - существование личной свободы.

- И как из них возникает долженствование?

Напрямую. Человек должен инициировать волю, познавать мир и менять его своими действиями. И за эти осознанные, свободные действия он должен нести ответственность. А значит изменения мира должны быть к лучшему. Так из факта существования свободы вытекает существование добра. Иначе говоря, свобода лежит в основе всех благ/ценностей.

- Но можно ведь не следовать этому долженствованию?

Нельзя. Человек - активный субъект, он не может не действовать, а действуя, он следует или законам детерминизма, или свободе. Выбрать детерминизм нельзя - это не выбор, а следование принуждению, силам. Соответственно, у нас есть только один "выбор" - следовать свободе.

- Выходит, мы подчиняемся свободе так же как и детерминизму?

Подчиняемся, но не так же. Детерминизм принуждает нас силой, подчиняет нас закономерностям. Свобода "принуждает" нас добром - отрицает закономерности, но налагает ответственность. Мы подчиняемся свободе свободно, т.е. подчиняемся и одновременно делаем это по своему выбору.

- Это какая-то несурзаца!

Да, свобода внутренне противоречива, в этом ее прелесть. Ее даже невозможно толком определить.

- Но если свобода никак не определяется, как же можно найти правильное поведение?

Так же как и с определением свободы - от противоположного! Нам легче увидеть старое чем новое, плохое чем хорошее и безобразное чем прекрасное. Нам легче понять что есть зло, чем что есть добро, страдание - чем счастье, а насилие - чем свобода. Все мы чувствуем свою свободу, но особенно хорошо мы чувствуем ее тогда, когда нас ее лишают!

- И как же отсюда вытекают нормы этики?

Насилие - всегда следствие детерминизма, законов природы. Чтобы найти нормы этики необходимо научиться отказываться от всякого насилия, преодолевать его. Полный отказ от насилия - универсальное требование объективной этики.

- А почему насилие вытекает из законов природы? Разве нельзя чинить насилие по собственной злой воле?

Нельзя. Человек обладает разумом, а разум "выбирает" свободу. Только когда человек следует инстинктам или подчиняется внешним силам, он творит зло.

- Но разве разум стремится к свободе? У многих разум, например, ищет новых путей творить зло!

Не надо путать разум с рассудком - эволюционной машиной, нацеленной на выживание. Разум - это инструмент коллективного познания и поиска нового. Познавая окружающий мир, разум преодолевает его детерминированность, используя знания для утверждения свободы. Если субъект живет так как ему говорят инстинкты, подчиняется своим прихотям, следует указаниям других - это развитое, рациональное, детерминированное животное, не более. Только тот, кто осознанно стремится к свободе - человек.

- Как же можно отказаться от насилия? Жить то надо!

Преодоление детерминизма, в том числе смерти, бесконечная задача, на решение которой нацелены усилия всякого сообщества разумных существ.

- Но как же все таки отказаться от насилия сейчас? Как правильно себя вести? Как творить добро?

Единственный путь - участвовать во всеобщем договоре и следовать моральным нормам выработанным согласием всех членов общества. Только соглашаясь с чем-то добровольно, люди отвергают насилие.

- А разве люди не могут сговориться, чтобы творить зло? Или ошибиться? Или обмануть?

Могут, если не будут следовать объективной этике. Она - единственная гарантия договора. Этика требует, чтобы стороны договора следовали своему "чувству" свободы, искали абсолютную справедливость, стремились к устранению всякого насилия, к такой ситуации, когда каждый - и при этом все вместе - были бы полностью независимы друг от друга, чтобы каждый мог стать самим собой. Такая ситуация отражает объективное состояние общества, когда его члены находятся на максимально возможном "социальном" расстоянии друг от друга - они никак не влияют друг на друга и максимально свободны друг от друга. Иными словами, они превращаются в "идеальных посторонних" - каждый зависит только от всех остальных сразу и ни от кого в отдельности.

- Это какая-то абстракция! Как она может реально осуществиться, да еще быть объективной?

Такая ситуация - конечная цель, абсолютная свобода. Несмотря на то, что она недостижима, практическая свобода заключается и достигается в движении к этой цели. На этом пути человек улучшает реальность и делает мир свободнее - свобода задает нам направление. Что касается абстракций и объективности, любое понятие или концепция суть абстракция, но она объективна, если соотносится с тем, что реально, независимо от субъекта, существует.

- И что, описанная выше социальная свобода тоже существует независимо от нас?

Как ни парадоксально это звучит, но наше собственное существование объективно. Аналогично, объективно существование других людей, а значит - объективно и существование границы/расстояния между людьми.

- Но отношения между людьми, а значит и свобода и насилие, всегда зависят от субъективного мнения! При чем тут объективность?

Все что мы видим в этом мире - следствие субъективного мнения. Иного нам не дано. Но это не значит, что объективности нет. Объективность как раз и есть следствие всеобщего согласия, фактически договора. Ибо только то, что объективно существует, может быть основой для консенсуса. Существует ли время? Размерности пространства? Законы природы? Да, если разные разумные существа независимо друг от друга способны прийти к этим идеям. Один человек может ошибиться, все - никогда. Это и есть единственный абсолютный критерий истины, которым удостоверяется все вокруг, включая законы, открытые наукой.

- Это все - законы реальности, а мы говорим об отношениях между людьми!

Но если мы все согласны, что объективная реальность и ее законы существуют независимо от нас, нет никакой причины останавливаться перед свободой. Объективность этики - точно такое же следствие всеобщего согласия. Если бы истинная этика не была объективна, она не могла бы быть нормативной, люди не подчинялись бы ее нормам. Договор - и добровольное согласие - делает нормы этики не только истинными, но и обязательными. В противном случае они превращаются в моральное насилие.

- Но если каждый волен быть самим собой, как же можно договориться? Разве свобода не означает, что каждый сам выбирает что хорошо и что плохо?

Это - еще один парадокс свободы. Да, каждый волен иметь свое особое мнение и это - общее мнение, с которым каждый обязан согласиться. Свобода каждого - единственное возможное основание для всеобщего консенсуса и в то же время свобода каждого возможна только если все согласятся с этим.

- Получается, объективная этика - все тот же социальный контракт?

Это иной подход к социальному контракту. Он не только объясняет прошлую моральную эволюцию общества, но и указывает направление в будущее. Он делает явным и осознанным поведение, которое лучшие представители человечества практиковали неявно и неосознанно. Правильный социальный контракт - реальная основа свободного общества, а не гипотетическая модель, призванная оправдать насилие власти.

- Социальный контракт предполагает, что люди сознательны и отказываются от части собственных интересов. С какой стати они будут соглашаться?

С той, что альтернатива - выбор насилия. Объективная этика требует общего согласия и ради этого - отказа от части интересов, ущемляющих свободу других. Таким образом будут найдены практические этические нормы, включая и нормы самого договора, т.е. его процедуру. Контракт бесконечен, как и движение к свободе.

- А в чем проблема, что альтернатива согласию - насилие? Некоторым нравится насилие!

Опять пятью пять! Участие в договоре - единственный путь обрести свободу и, следовательно, стать человеком. Животное может оставаться животным, но человек ищет смысл своего существования и единственный способ, каким он может быть найден - в расширении свободы. Творя и создавая новое, преодолевая детерминизм, человек создает свободу для себя и для других, реализует свое предназначение на земле, находит таким образом свое "я". Так своим творчеством он вкладывает смысл в неуловимое и абстрактное понятие "свобода".

- Получается, в отказе от своих интересов и заключается смысл жизни?

Настоящий интерес каждого - как человека, а не животного - не выжить, а внести вклад в общее дело, общую свободу. Каждый человек уникален, но его уникальность реализуется через общее благо всех. Поэтому так важна роль договора. Оценка каждого из нас возможна только посредством других, путем договора с ними. Договор - единственный способ учета интересов всех, а уникальные интересы каждого взятые все вместе и составляют неуловимую общую свободу.

- А если кто-то не верит в то, что такой договор возможен и поэтому не хочет договариваться?

Договор так и останется невозможным и мы будем продолжать жить как сейчас - в обществе, пронизанном злом и насилием, в стаде говорящих животных, где каждая особь стремится к успеху за счет других.

- Какие же меры должны применяться к тем, кто не хочет соглашаться?

Повторюсь - практические нормы будут найдены договором. Те, кто предпочитают быть неэтичными, чинить зло и творить насилие, будут подвергнуты мерам, найденным и согласованным свободными людьми. Сейчас нельзя сказать, каковы будут эти меры, поскольку самого социального контракта в явном виде еще нет. Вероятно, подобные нормы будут меняться со временем. Мне кажется, на начальном этапе, пока объективная этика еще не распространилась достаточно широко, они скорее всего будут походить на обязательное просвещение.

- Но разве возможна свобода по принуждению?

Еще один парадокс. Просвещение - не принуждение, принуждение - следствие отказа от свободы.

- Но в самом деле, смогут ли люди вообще когда-нибудь договориться?

Люди обязательно смогут преодолеть парадоксы свободы. Они уже построили общество, где "свобода" - одно из самых популярных слов. И хотя большинство пока еще представляет ее в виде огромной зеленой статуи, сам этот факт говорит о том что люди учатся.

- Нет, люди никогда не согласятся с тем, чтобы другие вели себя аморально! Скорее всего основа консенсуса должна быть не свобода, а любовь/добродетель/мораль/порядок/божья воля!

Вот об этом и разговор. У каждого есть свое мнение и это - единственная вещь общая для всех. Что касается любви, она принадлежит личным отношениям и в публичной сфере неуместна, поскольку мешает свободе посторонних людей. Как и все перечисленное выше, она субъективна.

- А разве нельзя любить не субъективно, а объективно, не физически, а духовно?

Любить незнакомых нельзя никак, даже в воспаленном воображении. Как, например, полюбить обитателей иных галактик? А тем не менее они, так же как и мы, требуют к себе уважительного отношения!

- Ну и как убедиться в истинности всего сказанного? Нет ли тут ошибки?

Убеждать в свободе бессмысленно. Те у кого есть разум, хотят свободы без всякого убеждения.

- Но есть люди, которые не верят в свободу. Например, есть такое учение, как твердый инкомпатибилизм!

Разуму свойственно сомневаться. Непременное сомнение в свободе - тоже парадокс свободы. Ведь способность сомневаться - размышлять и менять точку зрения - единственное в чем можно быть уверенным без всякого сомнения! Собственные сомнения - несомненный признак свободы.

- Да уж, сомнительно все это как-то... Пока нет договора, нет не только объективной этики и свободы, нет и самой истины. Выходит, все сказанное - ложь?

И опять парадокс. Если критерий истины - консенсус, то соглашаясь с этим утверждением, мы удостоверяем истинность самой идеи консенсуса. "Несуществующая" этика требует от нас согласиться со сказанным!

- А если я не соглашусь?

Вы не можете.

- Как это?

Истинность сказанного, и естественно объективной этики, вытекает из того простого факта, что можно сколько угодно сомневаться в своей свободе, но нельзя отказаться от

нее. Без свободы собеседник, свободный субъект, превращается в объект, разговаривать с которым бессмысленно. Соответственно, уже самим фактом диалога мы соглашаемся и с идеей собственной свободы, и с идеей консенсуса. По крайней мере один из нас. И, кстати, точно таким же доказательством служит факт, скажем, опубликования статьи, эссе или книги - это все элементы нашей общей, вполне объективной этики. Это и поиск истины, и одновременно ее доказательство! Так что, хотим мы или нет, надо соглашаться - свобода, как водится, не оставляет нам выбора!

- И вы согласны?

А вы?

...Шутка. Простите друзья, на этот вопрос я не могу ответить за вас - и так уже заговариваюсь! А пока вы молчите, мне незачем продолжать, ведь что бы я ни сказал не имеет никакого смысла. Без вас это все пустая, ну или полупустая, болтовня.

2 Практика

- Сомнения и вера

И все же продолжу. Надеюсь, вы извините меня за эту стариковскую болтливость. Во-1-х, мне тяжело с вами расстаться, во-2-х, даже от моей болтовни может оказаться польза, а в-3-х...

Так уж повелось, что мы, даже на воле, обмениваемся информацией в "полудуплексном" режиме. Мы посылаем сигналы собеседнику и ждем ответа не имея ни малейшей гарантии, что он придет. Иногда приходит, иногда - нет. Мой опыт учит, что и в этот раз ответа не будет. Но надежда твердит - жди. Логика подсказывает, что мои идеи, как и все что я делал ранее, никому не нужны. Вера внушает - нужны. Вот такое, экзистенциальное противоречие. И оно идет глубже - истина, этика и общее благо не могут возникнуть без вашего ответа, без собеседника, без консенсуса. И тем не менее они, парадоксально, уже существуют - в этих идеях и в этом тексте. Договор не имеет конца, но у него по крайней мере должно быть начало.

Парадоксы трудно даются. Вот и наука упорно пытается выяснить как возможно свободное воление, и чем упорнее она это делает, тем убедительнее у нее звучит вывод, что воля никак не вписывается в законы природы, согласно которым функционирует не только электрический утюг, но и человеческий мозг. А потому, уверенно утверждает наука, нас нет - есть только детерминированные биологические машины. Что же нам остается? Я верю, что я есть. И есть вы. А иначе, как же вы сейчас это читаете? А раз так, то и консенсус наш не за горами, а с ним - и чувство глубоко удовлетворения от того, что все изложенное доказано как только можно строго, и потому - верно. Я надеюсь, вы не против, что я заранее испытываю его, пусть и полудуплексно?

И потому в-3-х, пока у меня есть немного времени, я расскажу вам о самом главном. Ибо память меня опять подвела! Я и правда забыл сказать главное - зачем я все это писал.

Вспомните, с чего все началось. Мы были молоды и горячи, но глупы и доверчивы. Мы хотели изменить мир, но взялись за него не с того конца. Мы мечтали о свободе, но воображали ее совсем по другому. И вот я здесь, а вы пропали куда-то. Надо! Надо было все делать иначе! Да вы небось и сами уже догадались - коль молчите. И все же я скажу. Скажу, что надо делать.

Всякое дело начинается с веры - в его правильность и в его успех. Мы тоже верили. Но верить мало, надо сомневаться. И не так, как сомневаются ученые - в самих себе. Надо сомневаться в средствах, но не в цели. Мои сомнения породили эти письма, а ваши? Надеюсь, согласие с ними?

- *Объединение*

Но как теперь верить, если наш новый подход полон парадоксов? Ну и что! Мироздание парадоксально. Если задуматься чуть дольше, чем на пять минут, станет совершенно ясно, что не только свобода, но и пространство, время и движение и сам мир не могут существовать. Они противоречивы по самой своей сути! И посмотрите - они существуют! То же самое со свободой. Свобода не имеет никаких шансов против детерминизма, но при этом всегда побеждает. Свобода - это чудо.

Однако чудеса не происходят сами собой. Что толку ждать неминуемой катастрофы в надежде на то, что глобальная империя зла развалится, если вместе с ней развалятся жизни многих порядочных людей, мечтавших о свободе, но ничего не сделавших ради нее? Катастрофа не обязательно означает оздоровление и новое начало. Часто она означает просто страшный конец. У свободы впереди может быть и вечность. А у нас?

Нет, друзья. Пока немногими свободными людьми - да, друзья мои, я имею в виду вас! - правит невежественное большинство, ведомое бессовестным меньшинством, о свободе можно забыть. Разумеется, нынешнее население планеты, и вероятно его ближайшее потомство тоже, безнадежны. Нам, ну или по крайней мере мне, не повезло родиться во время когда разрушены все культурные и научные социальные механизмы, когда все - буквально все кроме вас! - умные люди либо добровольно продались злу, либо убили свой мозг страхом, когда сама человеческая цивилизация с грохотом катится в пропасть, весело подталкиваемая правящими дегенератами и их бесчисленными холуями. Все это понятно... Но ведь сдаваться нельзя. Посмотрите сколько времени я убил на эти письма зная, что в этом гибнущем мире их прочтете только вы. Не подводите меня. Надежда оживет, если хотя бы двое мыслящих людей смогут найти друг друга. Свобода начинается с размышления, а кончается бесконечным договором. Друзья! Может хватит уже размышлять? Не пора ли присоединиться к договору? Только не спрашивайте - зачем? Я понимаю ваш пессимизм. Но чудеса случаются! Начнем с того, что вы дочитали до этого места. Разве это не чудо?

А чудеса вдохновляют! Чудо нельзя забыть и продолжать жить дальше как ни в чем не бывало, как живут те животные, кто называет себя "людьми", но при этом не в состоянии сформулировать разницу между добром и злом. У меня например не получилось. Уверен, и у вас не получится.

Кстати, если вас коробит, что я употребляю слово "животные", не стоит коробиться. Да, это оскорбление для животных, но они меня простят. Они добрее, лучше людей. Просто

у них нет выбора. Они не отрекались добровольно от договора как нынешнее население и его правящая "элита". Вот оно, кстати, истинное зло, источник всех наших проблем. Нам нужна новая элита и она есть. Это вы!

Не обижайтесь на меня за это маленькое насилие. Тем более, что я вас предупреждал. Да и не насилие это вовсе! Это знание, и оно требует объединения. Свободный человек не существует в одиночку. Ведь идеи, на самом деле, объединяют! Объединение - начало освобождения, попытка сообща найти решения парадоксов. Я верю в вас, друзья!

- *Спасение*

Но что дальше? Как распространять договор дальше?

Тут есть сложности. Да, слишком многие потенциально разумные люди отказываются от знаний, предпочитая невежество. Правда страшна и жестока, а незнание легко и приятно. Как хочется закрыть глаза, чтобы не ощущать ужаса бытия, спрятаться от него, избавиться от мучительного выбора лишь бы не признаться самому себе - кто ты на самом деле, человек или животное? Но неведение - это тоже выбор. Выбор зла. Весь нынешний ужас возможен только благодаря огромной массе жалких обывателей, кто не хочет, а точнее до смерти боится, видеть очевидное.

Что же делать?

Согласитесь друзья, что при всей нашей нелюбви к моральному насилию, есть одна вещь, без которой объективная, но при этом профанная этика так и останется замаринованной в какой-то ненужной книжке. А может и исчезнет вместе с ней. Смерти разума, в которой можно винить происки иудейской мировой "элиты", а можно скотскую природу гомо-сапиенса, сильно способствовало отсутствие массовых регулярных размышлений на этические темы. К этому очень мало поводов. Искусство давно не рождает никаких приличных мыслей, образование воспитывает безграмотную службу всемогущих владельцев капитала, а интернет и подавно не имеет к морали никакого отношения. В результате человек, если он не внемлет регулярно моральным проповедям, начисто забывает зачем живет. Ибо качество среднего жителя земли таково, что если его не заставлять хоть иногда задумываться о добре и зле, сам об этом никогда не вспомнит.

Но что же это значит? Что надо брать пример с проповедников? Открыть храмы свободы? Причащать передовиков этики? Рисовать иконы позеленевшей от тоски Свободо-Матери?

Судите сами. С одной стороны, все нормальные люди и так в глубине души отвергают насилие. Какой смысл им доказывать, что насилие - зло? Но с другой, свобода требует постоянного напряжения, работы, поиска, саморазвития, душевной энергии. А кому нужна такая свобода? Большинство вполне устраивает свобода переключать телеканалы. Так что удивляться надо скорее вам! Да, насилие не приведет к свободе, убедить стать свободным нельзя - свободного человека можно только воспитать. Но я верю, что есть много людей покорных, но непокоренных, кто только притворяется слепым, кто убедил себя сам. Им надо помочь, их надо спасти. Мы можем подарить этим людям все, что у нас есть - веру в чудо свободы, свет истины и надежду на счастье.

Мы можем подарить им цель!

- *Постановление*

Вооруженные этим здравым смыслом, подводя итог нашим рассуждениям и учитывая ближайшие перспективы, мы должны отбросить последние сомнения, ибо наша вера:

- 1) Недоказуема, но истинна.
- 2) Возвышена и требует безусловного поклонения.
- 3) Нуждается в защите, распространении и обращении варваров.

Помните, мы одни противостояем повсеместному мракобесию и заслужено носим гордое звание "человек". Признайтесь, многие ли из вас чувствуют хоть какое-то единение с теми дикарями, кто еще недавно саморучно жгли соседей, а ныне используют для этого технические приспособления? А с теми, кто потирает липкие руки, натравливая одних на других, поставляя им оружие, разжигая взаимную ненависть? А кто жирует на отнятые у нищих гроши и считает это благодеянием - "созданием рабочих мест"? Или кто, наконец, пишет пустопорожние опусы по этике, изображая их шагом вперед в познании истины? Я лично не имею с ними ничего общего. Надеюсь, вы тоже. А если вы еще заняты погоней за успехом, остановитесь. Одумайтесь. Задумайтесь. В этом обществе быть успешным стыдно. Поэтому, далее:

- 4) Мы должны отречься от общества.
- 5) Мы организуем коммуну единомышленников, лучше где-нибудь на Марсе.
- 6) Мы создадим там очаг новой культуры и царство свободы.

Но одни мы не победим зло, нам нужно привлечь все разумное в мироздании. Поэтому последнее, что требуется:

- 7) Организовать поиск сподвижников. А начать с яркого бренда. Согласитесь, "Объективная этика" - унылая туфта у которой нет ни малейших шансов.

Прощайте друзья мои, спасибо за красноречивое внимание и молчаливую поддержку. Простите, если утомил вас болтовней. Что касается книги... Ну и какой мне смысл писать ее сидя тут взаперти? Кому она нужна? Кто ее издаст? Кто будет читать? Вы? Да вы и так все прочли.

*Ваш,
Узник Зла*

(Млечный Путь/Солнце/зк. № 0хFFFFFFF)

Мораль

УЗ!

Ты прав - я, если честно, тоже не читал. Почему? Да потому. Верно ты пишешь - были мы горячи и молоды, но жизнь взяла свое. Вспоминаю революцию с ностальгией - порыв, напор, задор! А мораль? Скучота. И кстати, забудь ты уже эту свою подпольную кличку. Несолидно.

За молчание прости, был занят, сомневался и сменил профессию. Остался один - жена ушла, кореша слиняли, все 12 человек. Они просили не говорить, но я скажу. Выкинь всю эту блажь из головы, никому твои идеи на фиг не сдались. И на Марс лети один, дураков нет!

*Твой бывший соратник
Игорь (Фома)*

К о н е ц

Приложения

Манифест

Настоящий Манифест провозглашает **универсальные принципы** объективной этики.

Целью и смыслом деятельности свободного человека является достижение максимального **общего блага**.

Общим благом является **свобода** от любого детерминизма, как природного, так и социального. Общее благо достигается путем **сотрудничества** всех свободных людей. Каждый человек вносит свой личный **творческий вклад** в общее дело. Признание вклада другими - единственный объективный источник его **ценности**.

Природный детерминизм - это потребности, угрозы и любые ограничения, накладываемые природой на человека. Сюда входят физические потребности (благоприятные условия обитания, включая передвижение в пространстве), биологические (уничтожение источников страха, голода, болезней), психологические и культурные (удовлетворение любопытства, скуки, потребностей в разнообразии, знании и красоте). Преодоление природного детерминизма требует **изменения мира**.

Социальный детерминизм - это любые виды насилия, принуждения, давления и несправедливости, которые могут повлиять на творческий результат человека. В процессе сотрудничества свободные люди путем **консенсуса** вырабатывают формальные правила, позволяющие им преодолеть социальный детерминизм. Консенсус достигается на основе открытости, доверия и честного учета интересов и мнений всех людей, каждый из которых является таким же участником **общего договора**. Те разумные люди, кто **сознательно** отказывается от договора, рассматриваются остальными как часть естественной среды обитания (природного детерминизма).

Формальные правила регулируют деятельность людей в **публичной сфере** общества, которая охватывает взаимодействия между посторонними людьми. Мораль личных отношений неформальна и неуместна в публичной сфере. Свободный человек проводит четкую границу между сферами. Он пресекает любые конфликты интересов между личным и общественным. Личная сфера каждого полностью **закрыта** от посторонних, действие объективной этики на нее **не распространяется**.

Возможные виды **насилия**, запрещаемые объективной этикой:

1. **Физическое**, как индивидуальное, так и коллективное (включая насилие власти и большинства), в том числе опосредованное (создание опасности жизни и здоровью,

подвержение риску).

2. Экономическое и финансовое:

- мошенничество, жульничество, воровство, присвоение;
- эксплуатация, вандализм, дармовщина;
- использование рыночного преимущества, нечестная конкуренция;
- несправедливое распределение общих ресурсов;
- манипуляции ценностью денег, спекуляции, перекладывание риска на других.

3. Информационное:

- обман, отвлечение внимания;
- искажение, насаждение (проталкивание), сокрытие информации;
- засорение информацией, игнорирование, замалчивание;
- генерация запутывающих терминов и смыслов;
- внедрение в память марок, девизов, символов, имен и лиц.

4. Моральное и идеологическое:

- навязывание нравственных норм, ценностей, традиций и обычаев;
- внушение религиозных верований и необоснованных метафизических идей;
- прививание чувства вины, ответственности, поклонения;
- призывы ко всеобщей братской любви, к жертвам во имя "ближнего", "дальнего" или любой иной группы людей;
- индоктринация, промывка мозгов, подчинение.

5. Психологическое:

- угрозы, шантаж;
- посулы, искушение, лесть;
- приставания, надоедание, запугивание, унижение, травля;
- клевета, злословие, обнародование личных сведений;
- интеллектуальное давление, ссылки на авторитеты, формальное образование, "общее" мнение, расхожие истины, некомпетентность.

6. **Эмоциональное:** намеренное вызывание чувств жалости, стыда, влечения, симпатии, ненависти, обиды, отвращения и т.п.

7. Распространение **морали личных отношений** на публичную сферу:

- коррупция, сговор, взятки, откаты;
- клановость, дружба, родственные и иные личные связи в публичных компаниях или структурах;
- корпоративная "культура", командный "дух", принудительная коллективная ответственность;
- покровительство, взаимные услуги;
- чаевые, подачки, вознаграждения за "персональный" сервис.

8. **Групповая мораль**, противопоставление "свой-чужой" и дискриминация на этой основе:

- национализм, расизм, местничество, патриотизм;
- этническая и культурная общность, диаспоры и землячества;
- моральное и религиозное превосходство;

- идейная, идеологическая или иная мировоззренческая близость;
- профессиональная и классовая солидарность;
- закрытые формальные структуры (частные клубы, тайные общества, спецслужбы, ордена, братства и т.п.)

Свободный человек не только сам руководствуется описанными принципами, но и ищет пути их повсеместного практического внедрения путем **просвещения** и пропаганды отказа от насилия и перехода ко всеобщему равноправному социальному договору. Этой цели служит и настоящий Манифест.

Только этика делает людей свободными!

Устройство свободного общества

(эскиз)

Свободное общество объединяет людей, сделавших общее благо - свободу - своей личной целью. Вступление в общество требует подписания Общественного Договора. Подписывать Договор правомочны морально дееспособные мужчины. Права и обязанности не подписавших Договор ограничены.

I. Основные принципы

1. Отделение частного от общественного

Свободное общество отделяет частную (личную) и общественную (публичную) сферы жизни. К частной сфере относятся личные отношения, включая семью, а также персональные вкусы, верования и традиции. К общественной - отношения посторонних людей, а также формальные отношения. Общественная сфера не допускает личных, неформальных отношений (обычаев, сговора, взаимных услуг, дружбы, семейственности, этнической общности или идейной солидарности). Это сфера полной открытости, законов и доверия. Частная сфера не допускает вмешательства общества. Она полностью закрыта от посторонних. Личная информация может открываться только с согласия частного лица с целью ликвидации недоверия в случае возникновения обоснованных подозрений в нарушении закона.

2. Принципы публичной сферы

Свобода.

Основой и целью человеческой деятельности в публичной сфере является полная свобода личности, которая означает отсутствие любых видов насилия, как индивидуального, так и группового. На практике свобода реализуется Общественным Договором, запрещающим насилие. Все, что не запрещено договором, разрешено. Договор справедливо учитывает интересы всех членов общества. Результатом договора являются законы (формальные нормы), обязательные для всех участников общественной сферы.

Этика.

Свободный человек руководствуется (объективной) этикой. Источник этики - персональное нравственное чувство, позволяющее видеть и отвергать насилие, формировать личные представления о справедливости, сохранять достоинство в ситуациях насилия. Личная субъективность нейтрализуется в процессе договора и достижения согласия с такими же свободными людьми. Процесс договора состоит из двух частей - составление договора и следование договору. Составление договора предполагает нейтральность и объективность. Ошибки договора исправляются последующим договором. Следование договору означает безупречное выполнение всех общественных норм и нетерпимость к его нарушению другими. Правопорядок - основа эффективного функционирования

общественной сферы.

3. Законы

В основе формальных норм общества (законов) лежит Конституция. Поскольку нравственная интуиция не может быть однозначно сформулирована, Конституция лишь формулирует принципы, указанные в пп. I.1 и I.2. Все остальные законы являются уточнением этих принципов.

II. Структура публичной сферы

1. Основная структура общества - суд, рассматривающий споры, конфликты и нарушения закона. Судьи выбираются из наиболее уважаемых членов общества и подлежат ротации, выборы происходят путем слепого жребия из нескольких кандидатур. Все судьи равноправны и для вынесения конкретного решения требуется участие не менее трех судей. Решения суда проводятся в жизнь судебными исполнителями, имеющими право на инициацию физического насилия в рамках судебных процедур. Судьи могут откладывать вынесение решений до принятия уточняющих законов в случае, если существующий закон расходится с представлениями о свободе и справедливости. В этом случае они инициируют разработку новых или исправление существующих законов.

При суде работает нотариат, цель которого регистрация и учет договоров, судебных решений и законов, а также корпус судебных исполнителей.

2. Законодательным органом является постоянное или периодическое собрание граждан (форум). В целях удобства могут собираться народные представители. Представители выбираются прямым голосованием (или жребием) и могут быть отозваны в любое время. Правом участия в форуме обладают те, кто имеет детей и надлежащий стаж общественно полезного труда. Целью собрания является учет интересов всех членов общества. Законодательное собрание принимает законы только по мере необходимости - по требованию судей, общественных структур или рядовых членов общества. При собрании могут работать экспертные советы и согласительные комиссии. Партии, блоки, фракции и т.п. политические структуры, равно как и любые группы, способные организованно влиять на народных представителей, запрещены.

Основным принципом принятия законов является консенсус всех участников собрания. Консенсус символизирует Общественный Договор. В случае невозможности достижения консенсуса, могут приниматься законы ограниченного и временного действия, которые пересматриваются в надлежащий срок по результатам практики их правоприменения.

3. Исполнительная власть отсутствует. Решение конкретных общественных задач осуществляется постоянными и временными комитетами. Комитеты сами определяют свою структуру. Основным принципом работы является полная открытость. Комитеты могут создаваться как на уровне всего общества, так и на местных уровнях. В работе комитетов принимают участие все заинтересованные.

Комитеты собирают информацию, изучают функционирование общества в области своей компетенции, выявляют проблемы и предлагают практические решения, лежащие в рамках существующих законов. В случае необходимости комитеты могут инициировать принятие новых законов. Любые решения комитетов могут быть оспорены в судебном порядке.

III. Постоянные комитеты

Задачами постоянных комитетов является противодействие определенным видам насилия, осуществляемым как индивидуально, так и коллективно. Выполняют функцию общественного обвинителя в случае, если пострадавший не желает это делать.

1. Комитет по физическому насилию ("Совет безопасности").
Расследует случаи физического насилия, включая опосредованное (угрозы, обман, нарушения порядка). Занимается организацией изоляции/изгнанием преступников от/из общества (при помощи судебных исполнителей). Надсматривает за лицами не подписавшими договор и/или не имеющими опекунов. Наблюдает за работой охранных агентств и иных блюстителей порядка. Созывает граждан в случае опасностей и ЧП.
2. Комитет по экономическому насилию.
Следит за работой рынка и честной конкуренцией. Выявляет случаи концентрации экономической власти, манипуляции рынком и т.п. Решает вопросы наследования. Занимается учетом справедливого доступа к ограниченным ресурсам.
3. Комитет по финансовому насилию.
Управляет кредитом, регулирует массу денег соответственно объему ценностей. Следит за работой банков, страховых компаний и расчетных систем. Противодействует финансовым спекуляциям.
4. Комитет по информационному насилию.
Следит за свободным распространением массовой информации, работой средств связи и освещением событий. Противодействует навязыванию и концентрации источников информации, а также психологическому насилию (рекламе, брендингу, эмоциональному давлению).
5. Комитет по идеологическому и моральному насилию.
Предупреждает формирование идеологий, религий и социальных доктрин. Занимается идейной нейтрализацией общественных течений (движений, сект) нацеленных на подрыв общественной морали/индоктринацию. Препятствует распространению личных верований на публичную сферу.
6. Комитет по образованию и этике.
Наблюдает работу всех остальных структур общества с целью выявления случайных и систематических нарушений этики. Руководит обязательным

этическим и правовым образованием в школе.

IV. Временные комитеты

Временные комитеты помогают обществу справиться с задачами выживания в условиях существующего недостатка этики и внешнего враждебного окружения.

1. Комитет по науке.
Определяет целесообразные направления работ и помогает сбору средств на перспективные (нерыночные) научные исследования.
2. Комитет по здравоохранению.
Помогает организовать справедливую систему охраны здоровья и медицинских исследований.
3. Комитет по обороне.
Занимается организацией и обеспечением вооруженных сил в случае внешних военных угроз.
4. Комитет по внешней политике.
Занимается защитой экономической и культурной жизни общества от внешних угроз.

V. Личная сфера

Чтобы сформировать личную сферу, люди (любого пола и количества) регистрируют в обществе свой договор. После этого общество не имеет права вмешиваться в их отношения, за исключением трех случаев: смерти (эвтаназии), рождения ребенка и обращения в суд. В случае смерти требуется формальная констатация отсутствия насилия. Это может быть уведомление о добровольности смерти или регистрация естественности смерти. В противном случае требуется формальное расследование, инициатором которого выступает любое заинтересованное лицо. Другим случаем является обращение в суд (конфликт). В этом случае договор личной сферы считается утратившим силу и компетенция суда ограничена вопросами опекуна. Договор личной сферы не освобождает от обязанности охранять свободу в обществе. Близкие обязаны свидетельствовать друг против друга, а также предотвращать возможные нарушения закона.

Рождение ребенка требует его регистрации с указанием кто является опекуном (родителем или родителями). После этого общество вправе несколько раз проводить проверку его здоровья и развития, а также обучать этике и праву. Родители несут всю ответственность за антиобщественные проступки своих детей. Родители могут отказаться от ребенка только если кто-то иной его усыновит (примет опеку). Родители имеют право умертвить новорожденного ребенка (эвтаназия), если он оказался непригоден к полноценной жизни в силу врожденных дефектов. Эвтаназия происходит строго в соответствии с формальной процедурой. Если ребенка обижают, другие члены семьи могут подать в суд от его имени, чтобы инициировать смену

опекунства.

Ребенок становится членом общества когда он туда вступает. Момент вступления - "совершеннолетие". С этого момента юноша имеет право подписать (наряду с родителями) **Общественный Договор**. К подписанию допускаются юноши, признанные морально дееспособными, для чего они сдают экзамены на зрелость (в том числе по этике и праву). Подпись родителей необязательна, она лишь фиксирует их согласие и отказ от дальнейшей формальной ответственности. Родители могут и не согласиться, но в этом случае их мнение вторично. Они, впрочем, формально остаются ответственными за его проступки. Ребенок не может отказаться от родительской зависимости раньше срока, но может не вступать в общество, если не хочет (девушки не вступают вообще). В этом проявляется его свобода и его выбор. Родители в этом случае продолжают нести формальную ответственность перед обществом за его проступки.

Женщина не заключает **Общественного Договора** и всегда имеет формального опекуна - отца, мужа или другого родственника, который несет ответственность как за ее возможные общественные проступки, так и за ее благополучие. Смена опекуна требует согласия как женщины, так и прежнего опекуна. Женщина вправе подписывать личный договор и обращаться в суд по вопросам его расторжения, опекунства и благополучия ребенка. Заключение личного договора влечет передачу ответственности новому. При рождении ребенка опекун принимает на себя ответственность за него. Расторжение личного договора (развод) происходит только при наличии нового опекуна (или возврате под опеку отца). На случай смерти опекуна существует формальная процедура передачи опекунства по линии родства. Если абсолютно все родственники отсутствуют, суд может назначить временного (добровольного) опекуна.

Домашние животные входят в личную сферу и регистрируются на случай создания неудобств окружающим.

VI. Личные услуги

Иногда людям требуются персональные услуги, включающие близкий контакт. В этом случае заключается временный личный договор, покрывающий данные услуги и все, что с этим связано. По истечении времени, договор теряет силу без каких либо долговременных последствий. В случаях, если человек временно недееспособен, подобный договор (например, экстренная врачебная помощь) может заключаться автоматически, согласие с чем должно быть оговорено заранее в **Общественном Договоре** и в договоре регистрации ребенка.

VII. Ограничения прав

Общественный Договор не подписывают:

1. Те, кто по собственной воле/безволию не желает посвящать себя общему благу.

2. Женщины в любом возрасте - в силу детерминированности поведения определяемого социально-биологической ролью. Перемена пола женщины запрещена.
3. Мальчики до возраста зрелости - в силу временной недееспособности.
4. Морально недееспособные мужчины - кто в силу недостатков их физической, психической или умственной конституции, а также воспитания, не способен преодолеть природные ограничения и проявить самостоятельное мышление и другие творческие способности. Дееспособность проверяется экзаменами на зрелость и удостоверяется отсутствием осуждений. В публичной сфере таковая особь представлена опекуном.

Ограничение прав заключается в запрете участия в общественных структурах и публичном информационном пространстве. Персональные контакты вне публичных учреждений (вне публичной сферы) не ограничиваются, однако во всех случаях взаимодействия статус нечлена общества должен быть ясно виден или обозначен. Попытки скрыть статус могут привести к ограничению свободы контактов, в том числе свободы передвижения. В частности, женщины не имеют права выдавать себя за мужчин, а подростки - за взрослых. Попытки применения насилия со стороны нечленов общества могут караться постоянным запретом контактов, достигаемым любыми подходящими средствами (включая казнь). Всякий нечлен облагается страховым налогом, возвращаемым его наследникам/опекунам после смерти. Публичная сфера свободна от личного (но не персонального) общения, за исключением медицинских, юридических и других особых случаев, и таковые (т.е. личные) контакты между посторонними, помимо частных домов, ограничиваются ясно маркированным квази-личным пространством (клубами, барами, борделями и т.п.). Информационная активность нечленов общества отделяется от публичной сферы. Так, женская "литература" (включая мнения женщин по общим вопросам) или "учения" различных сект всегда остаются за публичными рамками.

Приложение. Общественный Договор (выдержка)

Я, имярек, находясь в здравом уме и твердой памяти, после глубоко размышления и осознавая все последствия, добровольно и по собственному почину:

- *объявляю себя самостоятельным независимым человеком, не приемлющим насилие;*
- *принимаю на себя ответственность за свои действия и освобождаю от нее всех своих родителей и опекунов;*
- *изъявляю желание стать членом свободного общества и участвовать в его развитии и улучшении;*
- *заявляю, что опираюсь в своих мыслях и поступках на этику, а руководствуюсь общим благом и принципами свободного общества;*
- *признаю правомочными все действующие законы и согласен их соблюдать, а также участвовать в процедурах по совершенствованию законов;*
- *выражаю свою волю формально удостоверить вышеперечисленное личной подписью;*

- *и, наконец, понимая, что свободное общество состоит из тех, кто подписал подобный Общественный Договор в прошлом и подпишет в будущем,*

подписываю его собственной рукой и прошу зарегистрировать мою подпись в анналах свободного общества.

От издательства

Эта книга не бесплатна, поскольку входит в бриллиантовый фонд всемирной сокровищницы культуры. Однако расплата за ее чтение добровольна. Если вы молоды, бедны, ничего не поняли, или знать не желаете что в ней написано, можете не платить. Также можете не платить, если вы получили на это недвусмысленное разрешение автора. Во всех остальных случаях вам надлежит внести личный вклад в дело свободы - иначе вы будете в вечном долгу перед ФП, ОЭ и ОБ под №3! Впрочем, будете все равно. И помните - это не пожертвование и тем более не благотворительность.

~~Для временного облегчения вашего долга, а также как знак формального участия в будущем договоре, пречислите пожалуйста небольшую сумму... с 2018 книга доступна без оплаты.~~

Книга распространяется ~~свободно~~ в обязательном порядке. При цитировании не забудьте сослаться на «*Культ свободы: этика и общество будущего*» или просто *Культ свободы*.

Спасибо и всех благ!

Издательство